

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

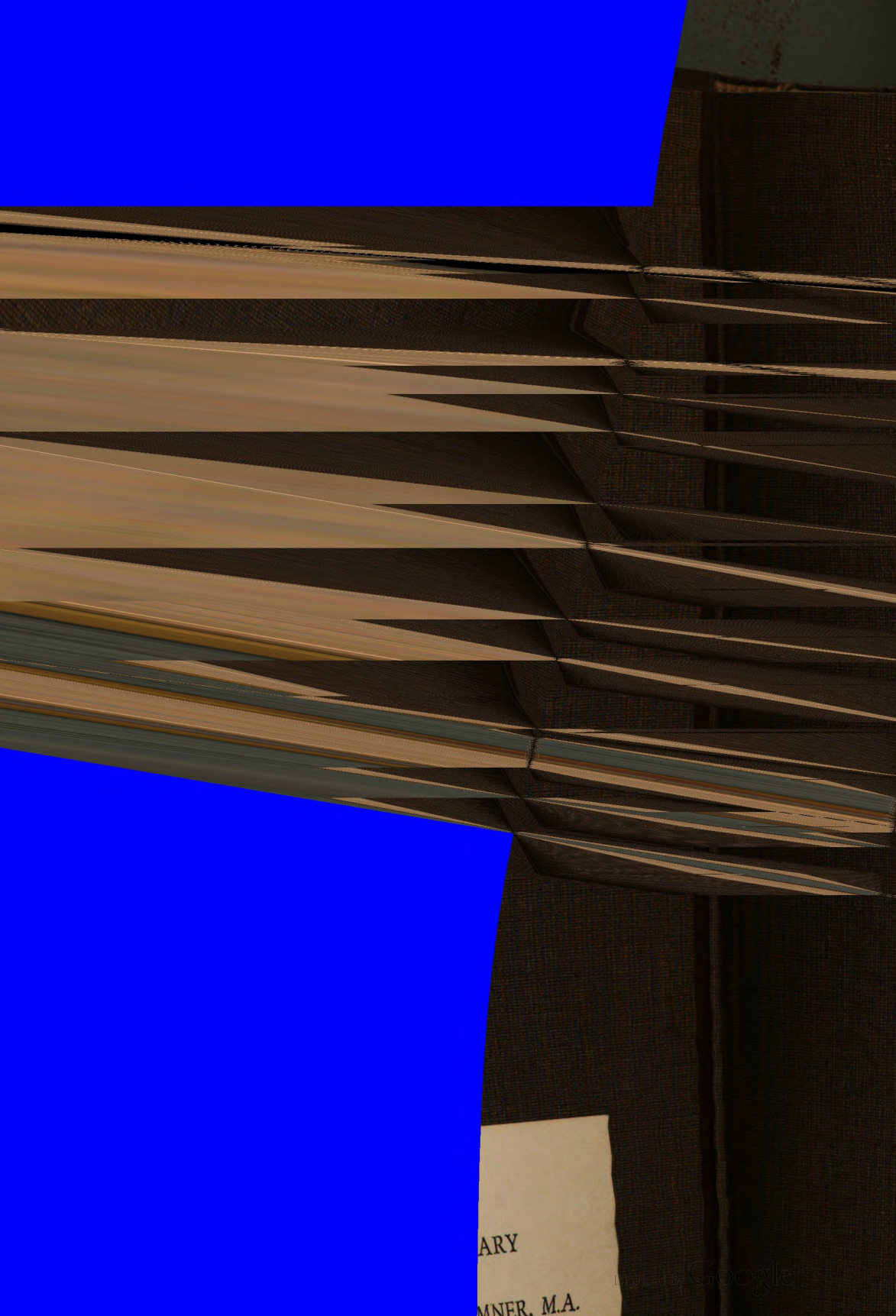
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BÈQUEATHED TO
THE BODLEIAN LIBRARY
BY
BENEDICT HUMPHREY SUMNER, M.A.
WARDEN OF ALL SOULS COLLEGE

ГРИНБЕРГЪ
МАСТЕРСКАЯ
МАГАЗИНЪ
МОСКВА

ARY

MNER, M.A.

244155

d. 216
/ 2

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ВѢКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

(ИЗДАТЕЛЕМЪ „РУССКАГО АРХИВА“).

КНИГА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

Графъ Растопчинъ и князь Цициановъ.

Записки графа Растопчина.

Исторія увольненія крестьянъ отъ крепостной зависимости (Сообщено Н. А. Милютинимъ).

Записка А. С. Пушкина, представ-

ленная Императору Николаю Павловичу (о народномъ воспитаніи).

Старая Записная Битка.

Записки Н. И. Ушакова (Дунай и Севастополь).

МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К. У ПРЧЕСТВЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1872.

24416

ВЪ РЕДАКЦІИ РУССКАГО АРХИВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПЕРВЫЯ ВОСЕМЬ ТОМОВЪ

СБОРНИКА

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Томъ I. Рескрипты и письма Императрицы Екатерины II на имя гр. А. Г. Орлова.—Бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой.—О мемуарахъ герцога Карла Фридриха, отца Императора Петра III. Барона М. А. Корфа.—Письма Императрицы Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ.—Письма Императрицы Екатерины II къ г-же Жофренъ.—Письмо Императрицы Екатерины II къ преосвященному Псковскому.—Письмо Вольтера къ Императрицѣ Екатеринѣ II. Письмо маркиза де Лафайета къ барону Гримму. Письмо фельдмаршала графа Суворова къ статсъ-секретарю Турчанинову.—Донесеніе Императрицѣ Екатеринѣ II сенаторовъ Державина, Храповицкаго и Новосильцова о бюджетѣ 1794 года.—Письма графа Аракчеева.—Учебныя книги и тетради Великаго Князя Александра Павловича.—Дневная записка путешествія Императрицы Екатерины II въ Могилевъ.—Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи Іезуитскаго новіціата. Князя М. А. Оболенскаго.

Томъ II. Дипломатическія сношенія между Россією и Швецією въ первые годы царствованія Императора Александра I. Статья К. К. Злобина.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Собственноручная записка гр. Поццо ди Борго о немъ самомъ, 1-го Іюля нов. ст. 1804 года.—Депеши графа Литты, посланника Малтійскаго ордена въ С.-Петербургѣ.—Извлеченіе изъ бумагъ графа Г. Г. Орлова.—Записка барона Т. Димсделя о пребываніи его въ Россіи.—Собственноручное письмо Императора Петра II.—Историческая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей (барона Фридриха Мельхіора Гримма) преданности Императрицѣ Екатеринѣ II, до кончины Ея Величества.—Законодательная Коммиссія при Императорѣ Петрѣ II, 1728 года. Статья Д. В. Подънова.—Записки Императрицы Екатерины II графу Ивану Чернышеву.

Томъ III. Записка Троицкаго о министерствахъ.—Записки графа Іоанна Каподистрія о его служебной дѣятельности.—Отвѣтное письмо графа Іоанна Каподистрія Петро-Бею, вождю Спартанцевъ.—Инструкція, данная Императрицею Екатериною II-ю, генералъ-маіору фонъ Ребиндеру.—Шесть писемъ Императора Александра I-го къ князю Зинаидѣ Александровнѣ Волконской.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи.

Томъ IV. Историческія свидѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Часть I.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ВѢКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

(ИЗДАТЕЛЕМЪ „РУССКАГО АРХИВА“).

Книга Вторая.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречистенскихъ в., л. Шиловой.

1872.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

	<i>Стр.</i>
I. Письма графа Ѳ. В. Растопчина къ князю П. Д. Циціанову (1803—1806) Съ подлинниковъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя	1
II. Изъ записокъ графа Ѳ. В. Растопчина	114
1) Двѣнадцатый годъ	115
2) Путевыя записки 1815 года	121
3) Послѣднія страницы графа Растопчина	141
III. Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ (Проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, кн. Меншикова, гр. Перовскаго, С. П. Шипова, кн. Друцкаго-Соколинскаго и др., дѣйствія комитетовъ 1826, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 годовъ). Сообщено Н. А. Милютинимъ	145
IV. Записка о народномъ образованіи, представленная А. С. Пушкинымъ Императору Николаю Павловичу въ 1826 году, съ послѣсловіемъ издателя	209
V. Старая Записная Книжка, начатая въ 1813 году, неизвѣстнаго сочинителя.	209
VI. Записки очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ. Сочиненіе Н. И. Ушакова	01
Часть 1-я.	01
Часть 2-я.	0146
VII. Алфавитный указатель.	

ГРАФЪ РАСТОПЧИНЪ

и

КНЯЗЪ ЦИЦАНОВЪ.

(Черты исторіи, политики, правовъ и быта за первые годы XIX вѣка).

ПИСЬМА ГРАФА В. В. РОСТОПЧИНА КЪ КНЯЗЮ П. Д. ЦИЦИАНОВУ.

Истинный герой Закавказья, на отдаленныхъ предѣлахъ Россіи заставлявшій уважать Русское имя не по одному виѣшнему превосходству, но и по внутреннимъ, нравственнымъ качествамъ, князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ родился въ Москвѣ 8 Сент. 1754 г., слѣд. на девять лѣтъ былъ старше гр. Ростопчина, коего письма къ нему здѣсь печатаются (съ подлинниковъ, сообщенныхъ графомъ А. Ѳ. Ростопчинымъ). Отецъ его, князь Дмитрій Павловичъ, служившій въ Межевой Канцеляріи и въ Юстицъ-Коллегіи и извѣстный въ прошломъ вѣгѣ своею книгою «О мезовомъ искусствѣ для наставленія молодыхъ землебровъ», былъ родомъ Грузинъ, а мать, княгиня Елизавета Михайловна, происходила изъ роду Кахетинскихъ князей Давыдовыхъ; но, подобно князю Багратіону, князь Циціановъ, не взирая на восточное происхожденіе свое, былъ преданный-шимъ сыномъ Россіи.

Онъ не получилъ школьнаго образованія, какъ и многіе славные дѣятели XVIII вѣка, будучи однако по своему времени высоко-просвѣщеннымъ человекомъ. Еще когда ему было 13 лѣтъ отъ роду, напечатанъ книжный трудъ его (имѣющійся въ Чертковской библіотекѣ): «Полевой инженеръ или офицеръ, по случаю нужды строящей полевое укрѣпленіе. Съ Французскаго языка переведенъ съ надлежащими изъясненіемъ и дополненіемъ отъ князя Егора и Павла Циціановыхъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку, отъ бомбандиръ-капрановъ. Въ Москвѣ 1767 года», мал. 8-ка, 72 стр. съ рисунками и эниграфомъ изъ Ломоносова:

Крѣпнѣть Отечества любовь
Символъ Россійскихъ духъ и руку:
Желаетъ всякъ продать всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.

По словамъ біографа своего, князь Циціановъ самъ писалъ стихи, и слогу его писемъ нравился многимъ. Вѣроятно въ Преображенскомъ полку и узналъ онъ начавшаго тамъ службу свою графа Ростопчина, подобно ему пылкого, своеобразнаго, страстно любознательнаго и горячо любившаго родину. Плутархъ была любимая книга князя Циціанова.

Подробности о службѣ его можно найти въ небольшомъ, изданномъ въ Москвѣ въ 1823 году, его жизнеописаніи (неизвѣстнаго сочинителя). Кн. Циціановъ служилъ въ Сивастопольскомъ гренадерскомъ полку, во вторую Турецкую войну у Румянцева и Потемкина и особенно отличился въ Польшѣ, находясь подъ начальствомъ князя Репнина, а позднѣе, когда Екатерина отправляла молодого графа Валеріана Зубова на войну Персидскую, руководителемъ ему данъ былъ князь Циціановъ.

Тогда на Терекъ съдомъ
Впервыя грянулъ битвы громъ
И грохотъ Русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дѣрзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ ¹⁾.

При Павлѣ онъ не служилъ и дѣятельно занимался сельскимъ хозяйствомъ въ пожалованной Екатериной Минской деревнѣ. Его назначеніе главноначальствующимъ въ Грузіи, на Кавказской линіи и Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ послѣдовало рескриптомъ 8 Сентября 1802 года. О характерѣ его кратковременнаго управленія тѣмъ краемъ достаточно сказать, что фельдмаршалъ князь Воронцовъ (начавшій при немъ боевую службу свою) считалъ себя его продолжателемъ и исполнителемъ его предначертаній: кромѣ дѣйствій военныхъ, гимназія въ Тифлисѣ, проложеніе дорогъ, поощреніе промысловъ и земледѣлія, уваженіе мѣстныхъ обычаевъ, и при всѣмъ томъ постоянное нравственное преобладаніе Русскаго имени. Идея Отечества не покидала людей тогдашняго заката.

Кончина князя Циціанова извѣстна: 8 Февр. 1806 г. онъ измѣнически застрѣленъ подъ Бакинскою крѣпостью, въ которой подѣхалъ для принятія крѣпостныхъ ключей. Голова его послана въ подарокъ Персидскому шаху.

Таковъ былъ другъ графа Ростопчина.

¹⁾ Пушкинъ, эпиллогъ Кавказскаго Пѣвческаго.

Печатающія здѣсь письма принадлежатъ къ тому времени въ жизни графа Ростопчина, когда, послѣ высшихъ почестей и горячей дѣятельности при Павлѣ, онъ ждалъ въ Москвѣ и деревняхъ своихъ частнымъ чело-вѣкомъ, не числясь даже по имени на службѣ. Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ, по которымъ такой чело-вѣкъ, какъ графъ Ростопчинъ, не былъ тогда приобщенъ къ дѣламъ государственнаго управления. Замѣтимъ только, что живнъ въ отставкѣ и удаленіе отъ дѣлъ хотя и придавали рѣзкости его сужденіямъ и отзывамъ, но въ тоже время сообщали про-сторъ его наблюдательности. Письма графа Ростопчина къ князю Циціанову, какъ увидятъ читатели, важны не только для жизнеописанія ихъ обонхъ, но для исторіи быта и для общей исторіи первыхъ лѣтъ Алексан-дровской эпохи.

П. Б.

I.

Отъ 9 Марта 1803 года. с. Вороново.

Письмо твое изъ Тифлиса, любезный другъ, получилъ. Другаго бѣ я поздравилъ съ зрѣлищемъ прелестной приро-ды, но тебя утѣшать должно: хорошо смотрѣть на чудеса Создателя, когда Онъ намъ даетъ на тотъ разъ спокойный духъ, а Коваленскаго дѣла и Кноринговы ²⁾ подвиги долго у тебя въ памяти останутся. Не мудрено, что волненіе было въ умакъ, когда души были въ негодованіи. Первое мое пророчество сбылось, что ния твое, а вѣтомъ ловкость, при-ведутъ все разстроенное въ порядокъ.—У меня все бы бы-ло здорово, но двѣ вещи одѣлали большое неудовольствіе: отъ дурныхъ дорогъ хлѣбъ продажный и вино оцздали, и я отъ сего могу поместн убытокъ; да еще лучшій вонти жеребецъ изъ Арабскихъ умеръ, и я, по несчастію, узналъ земерь на опытѣ, что коноваль, чѣмъ ученѣе, тѣмъ скорѣе уморитъ лошадь. Они могутъ быть хорошіе лекаря, а док-тера—никогда. Три самыя славыныя лечили лошадь, два отъ начала саца, а одинъ отъ нечистоты въ желудкѣ; а но

²⁾ Кнорингъ былъ предвѣстникомъ князя Циціанова въ Закавказьѣ, а Коваленскій заведывалъ при Кнорингѣ гражданскою частью. П. Б.

смерти нашли, что она умерла водяною болѣзнію. Хотя у меня и остались еще три жеребца Арабскіе, изъ коихъ два чрезвычайныя, но дабы не пропустить, какъ охотникъ, рѣдкаго случая, прошу тебя вмѣсто кобылъ Имеретинскихъ достать жеребца рослаго; до шерсти дѣла нѣтъ, а лучше когда бъ не гнѣдой.

Въ Петербургѣ, кажется, ничего новаго нѣтъ, кромѣ указа о позволеніи помѣщикамъ отпускать крестьянъ, не довольно семьями, но и цѣлыми селеніями, на волю и продавать имъ землю. Таковыя крестьяне будутъ составлять особенный родъ людей въ Имперіи, подъ именемъ поселенъ, и будутъ пользоваться всѣми правами казенныхъ крестьянъ и покупать землю. Но, мнѣ кажется, изъ сего ничего не выйдетъ, потому что какое селеніе въ состояніи дать за себя самую посредственную цѣну и заплатить вдругъ деньги? А безъ того опасно вѣрить людямъ, не имѣющимъ другаго залогу, кромѣ самихъ себя. Если же выпускать на волю частно, то тремя дворами, отдѣля имъ землю, испортишь все селеніе и дачу. Прозектъ сей подалъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ; видно, захотѣлъ опять въ службу съ старшинствомъ!

Будбергъ боленъ и съ большимъ однако же доступомъ, а Толстой отыскиваетъ, кто стрѣлялъ по каретѣ маленькаго Арбенева. Сказываютъ, что нашъ Торсуковъ весьма невеселъ, и всякая лента безъ желтой каемки придаетъ ему желчи. Въ Сенатѣ явная война по случаю голоса Северина Потоцкаго, который опровергъ постановленіе пяти министровъ о службѣ дворянъ, кои посему не прежде какъ чрезъ 12 лѣтъ могутъ получить при отставкѣ оберъ-офицерскій чинъ. Державинъ, Гурьевъ, Шенелевъ и нѣсколько другихъ приняли сторону министерскую; а прочіе въ оппозиціи, какъ то: Трощинскій, Васильевъ и—о чудо!—старикъ Строгоновъ. Они входятъ отъ Сената съ докладомъ къ Государю, дабы положеніе сіе отмѣнено было, а притомъ и съ жалобой на Державина, оскорбившаго Сенатъ изыкомъ своимъ.—Голо-

винъ въ Парижѣ. Всѣ его здоровы, но онъ очень огорченъ смертію Настасьи Николаевны Нелединской ³⁾).

Прощай. Жена тебѣ кланяется; дѣти часто говорятъ о тебѣ и о горахъ: это идетъ вмѣстѣ. Обвиняю тебя отъ всего сердца и души.

II.

Отъ 25 Марта (1803) с. Вороново.

Хотя я три почты не имѣлъ отъ тебя извѣстiа и знаю, что ты очень занятъ, разстроганъ, взбѣшенъ и проч., но, привыкнувъ, покуда живъ, беспокоиться о своихъ друзьяхъ, не спокоенъ на твой счетъ. Не имѣвъ между множества пороковъ, конми богатая природа меня одарила, лукавства, скажу напрямикъ, что если еще почты двѣ не получу нисемъ, то принужденъ буду желать, чтобъ ты былъ боленъ, потому что здоровому я не прощаю мѣсяцъ молчать и не найти 25 секундъ написать пять словъ о себѣ. Еслибъ я не такъ тебя хорошо зналъ, то бѣ приписалъ и дали, и дѣламъ, и времени часть молчанiя; но сему быть нельзя, и какая тебѣ польза ссорить меня съ родомъ человѣческимъ! Поздравляю съ красивымъ воскресеньемъ и красною лентою, а черезъ благодать ⁴⁾ изволили перескочить, какъ Французы говорятъ, à pieds joints. А она совсѣмъ было расширилась предъ вашимъ сiятельствомъ. Ко мнѣ пишутъ, что Государь весьма часто говоритъ съ удовольствiемъ о тебѣ и находитъ особливую прiятность въ твоихъ донесенiяхъ. Дай Богъ, чтобъ сiа похвала не вооружила тѣхъ, конхъ не хвалятъ; а у насъ изъ того и бьютъ, и дерутся.

³⁾ Сестры своей (которая была мачихою поэта Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго) П. Б.

⁴⁾ Т. е. черезъ Аннинскую ленту.—За взятiе крѣпости Ганжи, князь Цицiановъ получилъ орденъ Александровскiй и чинъ полнаго генерала. П. Б.

Посылаю къ тебѣ списокъ съ письма ³⁾ Государева къ гр. Серг. Петр. Румянцову. Откуда взяли, что крестьянинъ, въ состояніи бывшій заплатить за себя деньги и купить участокъ земли, будетъ прилежать къ землепашеству? Развѣ тамъ никто не знаетъ, что всѣ богатые мужики для того лишь выходятъ стараются изъ первобытнаго ихъ состоянія, чтобъ поступать въ купцы? Во всѣхъ казенныхъ деревняхъ большая часть работниковъ ходятъ по батракамъ въ господскихъ помѣстьяхъ. И какая деревня можетъ за себя заплатить должную цѣну? А порознь кто станетъ продавать удѣлы изъ дачи! Я вычиталъ и нашелъ, что дворъ, гдѣ пять душъ мужскихъ и два работника, крайней мѣрѣ долженъ заплатить 2000 р. господину, дабы имѣть въ собственности довольное число всякой земли и угодьевъ. Я думаю, что изъ сего польза лишь выйдетъ однимъ капитанамъ-исправникамъ; да если гдѣ-нибудь отъ глупыхъ толковъ взволнуются крестьянѣ, то хорошо будетъ солдатамъ стоять у оставшихъ отъ побойща крестьянъ, — вить, вѣтъ и.... Вотъ еще доказательство, какъ сильно надъ умами, тѣлами и душами дѣйствуетъ дворцовый гальванизмъ. Румянцову вѣрно захотѣлось или въ 4-й разъ въ службу или двухъ аршинъ голубой ленты. Но увы, отправленъ табакеркою! Ты представить себѣ легко можешь, что за волненіе все сіе произвело въ Москвѣ: и ефимоны перестали читать, чтобъ бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т. е. Сергѣя Петровича.

Сосѣдъ мой Остерманъ отставленъ, и я угроженъ его преселеніемъ на все гѣто въ мое сосѣдство. Корсаковъ, жертвуя службѣ здоровьемъ, разъѣзжаетъ по инспекціи и готовитъ пѣхоту въ Москвѣ въ лучшемъ показатъ порядкѣ, чѣмъ она была подъ Цюрихомъ. Сей разбитый воинъ, вмѣстѣ съ предосторожнымъ Апраксинимъ, говоря безпрестанно во всѣхъ окнахъ о войнѣ, могутъ преподавать молодымъ

³⁾ Письмо отъ 25 Февраля 1803 г. съ благодарностью за отпускъ крестьянъ въ воляныя хлѣбопашцы. Оно напечатано въ Р. Арх. 1869, стр. 1960. П. Б.

офицерамъ хорошіе уроки и, говоря безпрестанно о ретирадахъ, привести ихъ въ омерзене.—Кочубей съ Державинимъ въ явной ссорѣ. Я къ первому принужденъ былъ писать письмо объ одномъ мерзкомъ Французѣ, который, бывъ женатъ на дворянкѣ, имѣлъ сына, повдовѣлъ, а шурья его не хотятъ признавать племянника за законнаго. Письмо мое къ министру внутренности началъ такъ: M-g le comte! Si j'ai tort d'écrire au comte Kotschoubey, du moins ai-je une bonne raison de m'adresser au ministre de l'interieur?.. *) На сіе сентиментальный и съ хохольскою гордостію отвѣтъ: Pourquoi et comment cette manière d'écrire, et puis l'amitié, la liaison, l'honneur etc. 7). Я съ этимъ Полтавцемъ знакомъ 22 года, былъ друженъ, доказалъ на дѣлѣ при покойникѣ 8) и до коронаціи увѣренъ все былъ, что онъ не такъ, какъ почти всѣ въ мірѣ; но въ мѣсяцъ времени, что я прожилъ въ Москвѣ, онъ одинъ разъ у меня изволилъ быть, меня не хотѣлъ видѣть у себя, и еслибъ я съ нимъ не встрѣтился у гр. Воронцова, то бѣ такъ и развѣхались. Желаю ему счастливо оставаться.

Мы сидимъ и ночуемъ въ нижнемъ уже этажѣ, гдѣ отдѣланы двѣ комнаты. Онѣ очень хороши; но, бывъ велики, кажутся очень нарядными, хотя и ничего богатаго нѣтъ.—Сергѣй всякой день о тебѣ говорить. А вотъ нескромность о Наташѣ: жена спрашивала у ней, за кого она хочетъ замужъ и, предлагая челоуѣкъ двухъ, получила отказъ. Но, назвавъ тебя, Наташа покраснѣлась и, потупя голову, выговорила—да. C'est le combat entre l'amour et la modestie 9).

Прощай-же. Посылаю тебѣ ленту, а звѣздъ пришлю послѣ, приказавъ привезти изъ Москвы.—Зима наша держится и, глубокими своими снѣгами испортивъ дороги, много задер-

*) Графъ! Если мнѣ не слѣдуетъ писать къ графу Кочубею, то по крайней мѣрѣ я въ полномъ правѣ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ.

7) Почему и зачѣмъ вы такъ пишете; а потомъ дружба, связь, честь и пр.

8) При императорѣ Павлѣ, когда графъ Кочубей съ гр. Ростопчинимъ были членами Иностранн. Коллегіи. П. Б.

9) Это борьба между любовью и застенчивостью.

жала обозовъ.—Жена тебѣ кланяется и очень рада, что ты первую пріятность получилъ среди непріятностей. А впрочемъ мы на счетъ ленты и вообще лентъ одного мнѣнія: лентень орденъ, но—сколько кавалеровъ!!

III.

Отъ 22 Апрѣля (1803) с. Вороново.

Два твоихъ письма, любезный другъ, одно отъ 8 Марта, а другое отъ 17 я получилъ. Благодарю тебя за лошадь и жалю очень, что ты могъ подумать минуту о моемъ отказѣ. Вѣрно, если будутъ у меня отъ ней двѣ, то не откажешь взять и опять подарить какого-нибудь горячаго охотника. Не довольно бѣлый *Душманъ*, но и славы своей достойный *Кадъ*, тотъ самый, коего съ фирманомъ Блистательной Порты провели съ конвоемъ отъ Мекки до Смирны, палъ; а остались два сѣрые, пяти лѣтъ и трехъ лѣтъ, оба славныхъ породъ и прекрасныхъ статей. Прошу описать, какой породы и шерсти жеребецъ; да если нельзя будетъ его отправить лѣтомъ, такъ чтобъ до Сентября довести сюда, то пожалуйста дай ему перезимовать въ Георгіевскѣ для того, что первая зима не-сносна для этого рода лошадей, и должно непременно, чтобы они по травѣ нѣсколько походили, очистили тѣло и приу-готовились сносить на зиму конюшенный нечистый воздухъ. Мнѣ очень жаль, что, въ отсутствіе мое на четыре дня въ Москву, тотъ курьеръ, котораго твой братецъ отправилъ къ тебѣ, завзжалъ сюда; хотя я твой, а ты мои письма получаемъ исправно, но извѣстія свѣжѣ бы дошли. Успокойся, пожалуй, на счетъ цѣны Путешествія въ Швейцарію. Если слову не вѣришь, то я къ тебѣ изъ Москвы доставлю счетъ книгопродавца, а радуйся тому, что изданіе въ in 4° нашлось. Если ты предусиѣшь въ приведеніи Имеретіи въ подданство, тогда ты недовольно на нынѣшнее время, но и впредь сдѣлаешь сущую и важную пользу какъ Россіи, такъ и Грузіи. У меня мысль сія въ запасъ иногда оставалась, но признаюсь, что я почиталъ ее всегда химерой, зная совершенно ходы и мысли всѣхъ почти управляющихъ въ от-

даленныхъ краяхъ, отъ дубины Петра Великаго. Тогда что должны дѣлать ханы Дербентской, Бакинской и пр.? Сія дорога можетъ быть вѣрнѣе той, что князь Потемкинъ въ Тавріи проложилъ въ Царьградъ, подписавъ на воротахъ: *Путь съ Сѣбію*.—Москва про Шведскія дѣла ничего точно не знаетъ; но такъ какъ приуготовленія долго продолжались и ничего рѣшительнаго нѣтъ, то я и думаю, что все окончится на краткихъ объясненіяхъ съ канцлеромъ; развѣ разрывъ у Англии съ Франціею, коего весьма ожидать можно, сдѣлаетъ переворотъ въ теперешнемъ вещей положеніи. Пріездъ же Государевъ въ Москву отложенъ, и войска никакого на смотръ не будетъ. Царица Грузинская въ Москвѣ въ большой модѣ; ее нашли очень умною и любезною, и она, по всѣмъ объ ней рассказамъ, должна имѣть много ловкости въ умѣ. О глупостяхъ Московскихъ ничего не пишу, потому что онѣ недостойны вниманія; но жаль, что умы взяли весьма дурную, какъ говоритъ кн. Куракинъ, покатошь, и весьма желательно, чтобъ дурное было только на словахъ, а не на дѣлѣ. Всѣ извѣстія изъ Петербурга раздуваютъ еще больше страхъ и неудовольствіе, и а не надивлюсь, какъ Государю, который даетъ право себѣ вольно говорить, никто не представитъ вещей въ настоящемъ видѣ. И какія могутъ быть послѣдствія отъ того, что ему приписываютъ! Крестьянъ однакоже на волю никто не отпускаетъ, потому что они не въ состояніи платить за себя деньги, а богатые хотятъ въ купцы. Гр. Румянцевъ хотѣлъ примириться съ Дворомъ и поссорился со всѣми Русскими дворянами.

Мы всѣ здоровы, только наше спокойствіе разстроитъ пріездъ въ Москву Анны Степановны ¹⁰⁾. Она вѣдетъ въ чужіе края и заѣдетъ въ старую столицу для служенія панафиды по Григорію Никитичу ¹¹⁾ и приѣма нѣсколькихъ индигестій на, званныхъ обѣдахъ. Весна здѣсь открылась очень хорошо;

¹⁰⁾ Протасовой; она была тетка, воспитательница и благодѣтельница супруги графа Ростопчина. П. Е.

¹¹⁾ Орловъ, двоюродномъ братѣ графовъ Орловыхъ и родномъ дядѣ Анны Степановны Протасовой. П. Е.

теперь 18 градусовъ тепла. У меня въ полѣ, на дворѣ и въ домѣ дѣла множество и, какъ человекъ живетъ въ суетахъ, то и я отдаю сей долгъ природѣ. Прощай, трудись и находи награду въ успѣхѣхъ и, много, въ шести человекѣхъ, а на прочихъ не надѣйся. Въ Москвѣ однакоже не завидуютъ твоей лентѣ,—повѣрь! Правда ли, что Кноррингъ, ѣздя лѣтомъ по Тифлису, заставлялъ себя обмахивать двумя вадими, по сторонамъ его кареты ѣзжавшими? Это хоть бы и Павлу Сергѣевичу ¹¹⁾. Забылъ сказать, что Лифляндцы послали письмо, опровергая просьбу какого-то повѣсы Сиверса, который самъ собою, отъ лица будто всего дворянства, просилъ позволенія отпустить крестьянъ на волю. Нѣмцы однакоже проворны: выпросили деньги подъ закладъ ихъ имѣній, и теперь могутъ кричать. Богъ съ тобой!

IV.

21 Мая (1803) с. Вороново.

Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо твое отъ 27 Апрѣля, опишу тебѣ, въ какомъ я положеніи былъ, получа его. Ожиданіе пріѣзда Анны Степановны въ Москву, переѣздъ туда, безпокойство и скука свалили меня на третій день пріѣзда; потомъ занемогла и жена, и я, живучи съ нею въ разныхъ домахъ (потому-что она остановилась у Анны Степановны, гдѣ и безъ меня тѣсно было), навѣщая ее, простудился еще больше и отъ сего, потерявъ совсѣмъ голосъ, чувствовалъ большую боль въ горлѣ, которая до дня пріѣзда сюда и продолжалась. За Крафтомъ я посылать не хотѣлъ, а Московскимъ лечить себя не дамъ; хорошимъ никто не вѣритъ, а славные слишкомъ богаты. Потомъ казначей Казенной Палаты слѣдующіе мнѣ за вино 3900 рублей, везя, потерялъ и, какъ онъ, по словамъ всѣхъ его знающихъ, хорошій человекъ и бѣдный, то ты легко догадаться можешь,

¹¹⁾ Графу Павлу Сергѣевичу Потемкину, который дѣйствовалъ самовластно на Кавказѣ въ царствованіе Екатерины II-й. П. Б.

что я тутъ сдѣлалъ. Наканунѣ отъѣзда моего изъ Москвы, жена, прїѣхавъ ко мнѣ сидѣть, отпустила домой карету. За нею были два лакея; одинъ пошелъ въшкожъ, а другой, поднимаясь на гору у Пречистенскихъ воротъ и не на мостовой, упалъ, закричалъ: стой! всталъ, разстегнулся, но не могъ идти. Другой лакей посадилъ его въ карету, привезъ домой, пустилъ тотчасъ ему провъ, и онъ чрезъ нѣсколько минутъ потомъ умеръ. Хорошій человекъ поведеніемъ, прекрасный собою, 24 лѣтъ. Смерть со всякимъ ежеминутно случиться можетъ, но столь чрезвычайная и неожиданная разстронла меня еще больше. Садясь на другой день въ карету, отъѣзжая сюда, получилъ твое письмо.

О приключеніи Лазарева ничего не скажу¹³⁾. Злодѣйство царицы привлекаетъ все вниманіе на нее; но ты долженъ взять мѣры для собственной своей предосторожности: они еще охотнѣе употребляютъ адъ, чѣмъ желѣзо, и хотя благородно-мыслящему чедовѣку и трудно рѣшиться оказывать подозрѣніе, но надобно однако-же себя увѣрить и въ томъ, что мы рѣдко живемъ съ честными людьми, а всегда почти съ дурными. И такъ, береги себя; не жертвуй донъ-дешотству тѣмъ, что другіе цѣнятъ лучше тебя самого.—Бумаги Коваленскаго взбѣсили меня до слезъ, а жена говоритъ, что служба тебя имѣть недостойна. Ты легко поймешь всю эту исторію, когда узнаешь, что гр. Вал. Зубовъ въ большомъ ходу и что Державинъ совершенно ему преданъ; а какъ Коваленскій—тварь перваго, то и не удивляйся, что онъ въ Петербургъ сильно поддержанъ. Ты увидишь, что изъ этого дѣла выйдетъ самая слабая переписка, и останется все попрежнему, по примѣру Калужской исторіи, коей конца до сихъ поръ нѣтъ. Допухинъ, бывшій губернаторъ, живетъ очень весело въ Петербургъ; сообщники его Уголовною Палатою осуждены по всей строгости законовъ, и

¹³⁾ Генералъ Лазаревъ, коему князь Циціановъ поручалъ вывезти изъ Тифлиса Грузинскую царицу Марію, вдову царя Георгія, былъ ею удержанъ 19 Апрѣля 1803. Царицу подъ стражею отвезли на мить въ Воронежъ. И. Б.

мнѣ кажется, что весьма пріятное и безопасное мѣсто быть атаманомъ разбойниковъ. Не могу однако - же, чтобъ не дивиться вмѣстѣ съ тобой странности судьбы, которая рѣдкія и самыя короткія пріятныя минуты твоей жизни отравливаетъ всегда горестью! Я уже теперь не буду тебѣ говорить ни о пожертвованіяхъ службѣ и Отечеству. Коваленскаго исторія меня взбѣсила, и я про нее ничего говорить съ разсудкомъ не могу.

Война, можетъ быть, теперь у Французовъ съ Англичанами началась, и господа министры узнаютъ всю цѣну Аглицкой политики: мы будемъ дороже платить товары, но полуденная часть Европы станетъ жертвою Бонапартовыхъ требованій—не пускать Агличанъ въ порты. Тѣ будутъ забирать все на водѣ, а Французы займутъ Италію, Голландію и Португалію, король Прусской—навѣрно Ганноверское курфюрство и Ансіатическіе города. Египетъ Агличане оставили для того, что тамъ моровая язва, и бей опять въ войнѣ съ Турками. Слѣдственно они при удобномъ случаѣ заберутся опять на Ниль и останутся тамъ долъ, чѣмъ этотъ разъ. Наши пріуготовленія военныя противъ Швеціи кончились, и вмѣсто генераловъ посланы межевщики.

Въ Москвѣ всѣ спились оттого, что гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ и кн. Ал. Борисовичъ Куракинъ, желая—одинъ за сына, а другой—за себя, дочь богатыря Орлова, въ угодность ему пьютъ мертвую чашу.—Римскій - Корсаковъ въ ссорѣ съ Салтыковымъ за нѣкоторыя мимо его посланнія къ Государю донесенія.—Фермеры мои уже въ Петербургѣ, и я жду ихъ сюда. У насъ все дожди, а въ Воронежѣ такъ сухо, что я боюсь быть безъ пшеницы. Двухъ твоихъ кобылъ велю привести сюда для случки съ Арабскимъ жеребцомъ. Жена и дѣти здоровы, а я, возвратясь, четыре дни былъ очень боленъ и до сихъ поръ не выхожу изъ дома.

Хоть трудно мнѣ къ тебѣ о семъ писать, но лучше хочу тебя предупредить, что Варвара Михайловна Зиновьева очень больна. Анна Степановна при отъѣздѣ своемъ не могла ее видѣть, а Василій Николаевичъ Игровъ сказывалъ ей, что

надежды къ выздоровленію никакой нѣтъ. Трудно будетъ Василію Николаевичу ¹⁴⁾ оставаться на свѣтѣ одному.

Тотъ славный аббатъ Millot, о коемъ я къ тебѣ писалъ и коего мы столь нетерпѣливо ждали для Серези, обнаружилъ себя по счастью въ отвѣтѣ на сдѣланныя ему предложенія; написавъ все умно, вышно и благоговѣнно, кончилъ требованіемъ *pour qu'il lui soit permis, en formant un jeune coeur à la vertu, de l'élever dans la religion Catholique Romaine* ¹⁵⁾. Каково тебѣ это покажется? Не достойны ли мы этого мнѣнія глупымъ нашимъ упорствомъ основывать хорошее воспитаніе на выговорѣ Галльскаго языка?!—Я отвѣчалъ, que j'étais enchanté d'avoir trouvé dans le zèle de m-r l'abbé pour sa religion le vrai motif de la tâche qu'il voulait s'imposer, mais que je voulais pour mon fils, qui n'est pas un sauvage, un instituteur et pas un missionnaire; que tout homme élevé dans une religion quelconque doit y vivre et mourir, et que je souhaitais à m-r l'abbé toute sorte de succès partout ailleurs que chez moi ¹⁶⁾.—Вотъ тебѣ газеты.—Головинъ странной человекъ: онъ, съ тѣхъ поръ какъ поѣхалъ, писалъ одно лишь письмо къ сестрѣ своей, которая правитъ его дѣлами, и они Богъ знаетъ какъ идутъ!

V.

Отъ 3 Юля (1803) с. Вороново.

Вотъ ужъ три почты, любезный другъ, что я не получалъ отъ тебя писемъ и немного беспокоюсь на твой счетъ, зная, сколь ты къ сердцу принимаешь много вещей, оттого что

¹⁴⁾ Зиновьеву, другу князя Цицианова. Н. Е.

¹⁵⁾ Чтобы ему было дозволено, образу молодое сердце въ добродѣтели, воспитать его въ Римско-католической вѣрѣ.

¹⁶⁾ Съ восхищеніемъ увидалъ я въ усердіи г-на аббата къ его вѣрѣ истинную цѣль задачъ, которую онъ себя предположилъ; но смилъ кой не дикарь, и я желаю для него воспитателя, а не миссіонера; всякій человекъ долженъ жить и умереть въ той вѣрѣ, въ которой онъ воспитанъ, и я желаю г. аббату всякаго рода успѣху повсюду, но не у меня.

миллионы людей на тебя не походятъ. Если придетъ горячка, то одолжить многихъ бездѣльниковъ. Смерть несчастнаго Лазарева никакого дѣйствія не произвела въ Петербургъ: очень въ то время заняты все были юбилеемъ¹⁷⁾, а въ Москвѣ востатомъ, который спускалъ одинъ Итальянецъ. Мудрено жить на свѣтѣ: не въ хорошую и свободную минуту умрешь, такъ великой поступить съ жалостью, какъ съ нищимъ въ большой морозъ, — оттолкнетъ, сказавъ: *до шюю. ла мля!*. Кромѣ жены, мы все нездоровы: я съ самаго несчастнаго моего путешествія въ Москву до сихъ-поръ нашлаю и дурно сплю. Сережа и Сафалета въ простудѣ, а Наташъ есть лучше. Май мѣсяцъ былъ совершенный потопъ и такъ, что ни за что приняться не возможно было; вообще отъ большихъ лѣсовъ въ здѣшней окрестности дождь слишкомъ-много бываетъ, и отъ сего въ уборкѣ травы и хлѣбовъ можетъ выходить вредъ и затрудненіе. Я множество надѣлалъ испытаній и буду ждать ихъ успѣха, пытаешъ узнать силу новаго удобренія земли кислотою купоросною (acide de Nitг.); въ Голландіи два уже года, какъ во всѣхъ огородахъ не кладутъ навозу. А теперь очень занятъ я устройствомъ Русской простой сохи. Фермеръ мой Англійской со всѣмъ причетомъ и инструментомъ на сихъ дняхъ долженъ пріѣхать; но, я уже очень богатъ всѣми орудіями для хлѣбопашества и нашелъ опытомъ, что соха наша имѣетъ больше выгодъ, чѣмъ думаютъ для паханыхъ и мягкихъ вообще земель; неудобство ея то, что она дѣлаетъ уже плуга борозду и лежитъ на рукахъ у пахаря, отъ воли коего не совсѣмъ зависить пущать ее глубже въ землю и пахать ровно; а я дѣлаю сошники шире обыкновенныхъ, и къ расохѣ (къ коей они утверждаются сзади) придѣлываю колесо, кое, подымаясь и опускаясь по волѣ, соразмѣрно и пахать будетъ, глубже или мельче. Если удастся, то выгода та, что двѣ такіа сохи вснашутъ въ день десятину точно такъ, какъ и два плуга; но надобно два работника и двѣ лошади

¹⁷⁾ Столѣтній юбилей Петербурга. П. Б.

лошади вмѣсто четырехъ мужиковъ, изъ коней два идутъ за плугами, а два ведутъ лошадей, коней надобно по двѣ въ плугъ, да еще и ослиныхъ. Плугъ же весьма полезенъ для нераспаханныхъ земель, кои онъ можетъ подымать съ весны и до морозовъ, а соха едва до половины Мая; плугъ имѣетъ слишкомъ много тренія отъ широкой поверхности отрѣзовъ и сошниковъ, тяжелъ для лошадей и валитъ на одну лишь сторону.

Газеты иностранныя пишутъ, что должна быть война у Турковъ съ Персіанами; но я сему не вѣрю, судя по Пасванъ-Оглу, коего Порты до сихъ поръ боится и ласкаетъ. Ты увидишь, какія безразсудныя требованія дѣлала Англія; за то и война. Головинъ ко мнѣ пишетъ изъ Парижа, что Французы весьма недовольны и хотѣли бъ очень жить въ миру, чему я и вѣрю: тутъ нельзя и отместить за вѣроломство и обиду, а должно смотрѣть съ берегу, какъ ихъ на моряхъ грабить будутъ. Недолго и Бонапарте наживетъ! Министертво Великобританское не болѣе дорожитъ жизнію людей, чѣмъ хвостами лошадиными. Вольтеръ хорошо сказалъ:

Et cette nation si fière, sans frein et sans loix, Coupe la queue aux chevaux et la tête aux rois. ¹⁸⁾

Вотъ наконецъ и гр. Аракчеевъ опять главою всей артиллеріи. Дай Богъ ему пожить и чтобъ онъ не привелъ въ ненависть и зтого Государя, какъ покойника.—Ник. Алекс. Татищевъ идетъ въ отставку.—Когда думали воевать съ Шведскимъ Густавомъ, то посылали осматривать Финляндію, для соображенія и составленія плана войны, кн. Багратіона и перегнутого Нѣмца Винценгерода.—Ты вѣрно знаешь, что генераль-адъютантъ к. Долгорукой и полковникъ Бороздинъ, поссорясь за Зубову, дрались, и у кн. Долгорукаго нога такъ прострѣлена, что сомнѣваются въ излеченіи.—Государь изволилъ отлучиться на три недѣли въ Финляндію; съ нимъ Новосильцовъ, кн. Волконскій и Ливень.—Къ тебѣ

¹⁸⁾ И сей столь гордый народъ, не зная узды и законовъ, отрубаетъ хвосты у лошадей, а головы у королей.

въ Константиноградъ повѣхали множество больныкъ и здоровыхъ, между прочимъ и шаркатель Львовъ, да еще Уваровъ, генераль-лейтенантъ, котораго я называю яскимъ: онъ ѣдетъ на линію смотрѣть кавалерію; съ нимъ и старшій шематонъ Чичеринъ.—Ив. Петр. Салтыковъ такъ иструсился, что Уварову показывалъ весь Московскій горнизонъ, хотя тотъ никакого не имѣлъ по сему приказанія.

Прощай, мой другъ, Богъ съ тобой; честь въ душѣ, умъ въ головѣ, духъ въ сердцѣ,—а прочее найдешь у насъ въ домѣ.

PS. Мнѣ рассказывали очень смѣшное про Державина, что онъ бранить просителей за дурной слогъ ихъ прошеній и иногда, вмѣсто отвѣта по дѣлу, доказываетъ имъ ошибки противъ грамматики.—Кочубей, объѣмая Малороссійскимъ своимъ умомъ и всю Россію, для сочиненія таблицъ послалъ запросные пункты ко всѣмъ губернаторамъ, гдѣ между прочимъ они должны ему дать знать, какъ въ каждомъ городѣ за весь прошедшій вѣкъ купцы и народъ пили, ѣли, одѣвались, жили и пр. Ты вѣрно слыхалъ, какъ на родительскую бабы, напившись и наѣвшись, голосають надъ могилами и говорятъ, называя покойника: на кого ты мою голову покинулъ?! Можно бы при юбилеѣ пропѣть тоже и Петру Великому. Пора вынуть его дубину изъ кунсткамеры.

VI.

Отъ 24 Іюля (1803) с. Вороново.

Съ 13 Мая я ни строки отъ тебя не имѣлъ и не знаю, чему сіе приписать: что ты боленъ, разсерженъ или измученъ дѣлами? Я совсѣмъ тѣмъ съ ногъ сбился, но добровольно, весь день почти на волѣ. Англичане мои пріѣхали, и мы спѣшимъ поскорѣе поправлять нехорошую и совсѣмъ испорченную землю; теперь возятъ болотную горную землю, известку и навозъ на поля, и земли будущей весною будетъ 180 десятинъ засѣяно, а хотятъ ферму завести на 300 и болѣе десятинъ, для чего и дѣйствуютъ машины надъ срубленнымъ лѣсомъ и обращаютъ мѣсто въ богатое поле.

Доколѣ у насъ не прибавится втрое жителей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, доколѣ заведенія Англійскаго обработыванія земель не будутъ нужны; но здѣсь они и выгодны и доходны чрезвычайно сѣянiемъ травъ и овощами. Я смотрѣлъ заведеніе графа Румянцева въ подмосковной и видѣлъ наилучшій горохъ, Дрилемъ посѣянный на 70 десятинахъ, а прошлаго года онъ снялъ по 18 четв. съ дес. и продавалъ по 11 руб. четв. Я очень доволенъ фермеромъ, также и машинистомъ; а что меня больше всего веселитъ, это ихъ восхищеніе отъ ловкости нашихъ мужиковъ, и одинъ изъ сихъ, называемый Пронька, на мой вопросъ: могутъ ли они столько сработать? отвѣчалъ мнѣ: «Имъ противъ насъ не вынести: у нихъ кишка-то поуже». Ко мнѣ уже привезены всѣ орудія хлѣбопашества, и многія изъ нихъ на здѣшнюю землю не годятся, между-прочимъ, двойной плугъ отъ жесткости грунта и тягости плуга въ разсужденіи большаго тренія и длины; но машинисты свои, и мы приготавливаемъ новые и удобнѣйшіе инструменты. Та кобыла, которая одна была изъ двухъ жереба отъ умершаго Кадія, ожеребила въ отца жеребенка и за сіе получила другое названіе и стала вмѣсто *Блохи—Утѣха*. Отправленные отъ Лихачева кобылы, числомъ 10, приведены ко мнѣ въ Воронежскій заводъ; одна изъ нихъ пала.—Въ Москвѣ былъ Уваровъ, поѣхалъ осматривать на Кавказъ кавалерію, и хотъ ему о пѣхотѣ ничего не приказано, но старшій фельдмаршалъ Ванька показывалъ ему весь Московскій гарнизонъ. Теперь на Прѣснѣ лагерь всей Московской инспекціи, 28 батальоновъ, кони ворочаетъ Корсаковъ и заставляетъ всѣхъ просить у Бога продолженія мира.—Мнѣ кажется, что это тотъ Демидовъ, съ которымъ ты знакомъ, о коемъ такъ хорошо написано въ газетахъ. Подаяніе его самое отечественное, но до сихъ поръ министръ народнаго просвѣщенія ¹⁹⁾ играетъ лишь при свѣчахъ въ бостонъ и выпрашиваетъ хохламъ чи-

¹⁹⁾ Графъ Завадовскій; здѣсь говорится о П. Г. Демидовѣ и его Ярославскомъ Лицеѣ. П. Б.

ны, производя ихъ въ ученые. Я на будущей недѣль поѣду въ Ливенскія деревни, гдѣ мнѣ непременно быть должно по многимъ причинамъ, и отсутствіе мое отсюда продлится недѣли три. Жена и дѣти здоровы; Серѣжа успѣваетъ чрезвычайно въ географіи и исторіи, но его учать безъ принужденія, дабы изъ науки не сдѣлать пугалища. Прощай. Я видѣлъ Тамару, онъ ѣдетъ на житье въ Петербургъ. Колычевъ Ст. Алекс. назначенъ посломъ въ Швецію, г. Бутурлинъ министромъ въ Римъ; Комаровскій, ген.-адъютантъ, за привозъ съ границы палатина Венгерскаго, будетъ графъ Римской имперіи. Жаль, что не отъ папы дипломъ....

Отыскавъ старый *Mé de l'Abeille du Nord*, посылаю къ тебѣ писанное о твоей экспедиціи.—Поздравь отъ меня новаго коллежскаго совѣтника. Я весьма боюсь, чтобъ онъ съ чинами не потерялъ страсти къ земледѣлію.

VII.

Отъ 7 Іюля (1803) с. Вороново.

Наконецъ письмо твое отъ 13 прошедшаго мѣсяца вывело меня изъ сомнѣнія и обрадовало. Узнавъ, что ты здоровъ, не знаю, поздравлять ли тебя или нѣтъ, потому что извѣстія, дошедшія ко мнѣ, выпущены изъ устъ князя Дм. Евсеича²⁰⁾. Онъ сказываетъ всѣмъ, что будто къ тебѣ проѣхалъ курьеръ съ брилліантовою звѣздою. Блестящее сіе при свѣчахъ отличіе не такъ меня бы порадовало, какъ справедливость, отдаваемая уму, чести и душѣ. Виновать: заговорилъ, что думаю; отпусти грѣхъ, хоть и не въ послѣдній разъ тако согрѣшилъ.

...Уваровъ, посланный или отосланный на линію для осмотра полковъ кавалерійскихъ, разглашалъ въ Москвѣ, будто онъ имѣетъ препорученіе слѣдовать убійство Лазарева, и что ты такъ будто легко при семъ случаѣ поступилъ,

²⁰⁾ Князь Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ, извѣстный остроумецъ и выдумщикъ забавныхъ разсказовъ. П. Б.

что и имя Царицы другое поставил! Но собака лаетъ въ-теръ носить,—а у насъ погода не тихая. — Жаль и мнѣ Лидерса, тѣмъ болѣе, что онъ отличился подѣ твоимъ начальствомъ, а дурные лекаря ничто иное, какъ привелигированные убійцы, вѣрнопопдаанные смерти.—О смерти Варвары Михайловны я давно зналъ и къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ писалъ. Потеря для Вас. Ник. безвозвратная! Болѣе всѣхъ сожалѣнія достойны дочери: онъ безъ матери сущія сироты на свѣтѣ.

Я здоровъ со всѣми моими и послѣ завтра принужденъ оставить ихъ дней на 16 и ѣхать въ Ливны для учрежденія нѣкоторыхъ экономическихъ заведеній: мельницы-пеклеванки, расчищеніи мерзкаго лѣса и пр. Оттуда я къ тебѣ напишу письмо.—Кобылы всѣ приведены ко мнѣ на Битюцкой заводъ, кромѣ одной бѣлой Трама, которая и съ жеребенкомъ пала на дорогѣ, и сія потеря очень умѣренная, въ разсужденіи дальности и степей. Я весь измучился; часто встаю въ пятомъ часу и роюсь въ полѣ. Колонисты мои всѣ совершенны въ своемъ родѣ, а механикъ прогнѣвалъ всю компанію, которую я называю машинною. Чесменской, Мальцовъ и др. завели фабрику для дѣланія машинъ и продаютъ акціи по 1000 р. Государь взялъ оныхъ пять; по учрежденію имъ надобно ихъ 60, а машиниста еще нѣтъ, и они думали брать по цѣнѣ Полторацкаго, а мой несравненно лучшія прежнихъ молотильни дѣлаютъ по 320 р., кои Маркычъ ²¹⁾ продавалъ по 800; плуги по 25 тѣ, за кои онъ бралъ по 75, и т. д. Но всего лучше машина дергать пни: пять человекъ начисто выдергиваютъ ея отъ 40 и до 50, а она стоитъ 30 р. Это называютъ, что я подорвалъ компанію, а дѣло въ томъ, что мой машинистъ беретъ по 12 процентовъ на 100.—Ко мнѣ, кромѣ всякаго рода оральныхъ орудій, привезено 36 родовъ разныхъ сѣмянъ, изъ коихъ многія здѣсь до сихъ поръ неизвѣстны, напр. озимой ячмень, Американской овесъ, Сирійская и Мексиканская пшеница; этой

²¹⁾ Дмитрій Марковичъ Полторацкій, отецъ извѣстнаго библіофила.

одной слишкомъ 10 родовъ. На тотъ годъ надѣюсь, что могу охотникамъ до хлѣбопашества кой-что показать, но тебѣ ничего! Желаю, чтобы ты оставался въ Грузіи, не по участію, кое могу принимать въ судьбѣ сего края, но по челоуѣчеству, зная, сколько хороши Кноринги и Коваленскіе.—Палатинъ Венгерскій проѣхалъ чрезъ Москву, и какъ ему братъ его, императоръ Римскій, далъ три графскіе диплома для раздачи кому онъ за благо разсудитъ, то въ Москвѣ всѣ, съ коими онъ поговорилъ, и воображали, что они встанутъ сѣятельнѣйшими. Два онъ уже употребилъ, произведя графами: Комаровскаго, генераль-адъютанта, провожавшаго его отъ Бреста, и другаго—Зотова, знакомаго ему по Вѣнѣ. А какъ теперь его до границы провожаетъ своякъ мой Васильчиковъ, то и вѣроятно, что онъ перерѣжетъ печать и попадетъ вторично въ руки къ Козодавлеву въ гербовникъ, яко дворянинъ Россійскій и графъ Нѣмецкій.—Валуевъ замучился, угащивая гостя, который своею неловкостью, застѣнчивостью и холодностью не уонтентовалъ Московскую старую публику, а она за нимъ гонялась, уклонялась и обнажалась. На гуляньи, на Трехъ Горахъ, въ свитѣ за нимъ верхомъ была дочь графа Орлова. Маневръ Корсаковъ далъ премерзкій: изъ 28 батальоновъ пѣхоты только могли 9 гренадерскихъ вывести, да и тѣ фрунтомъ ходить не умѣютъ. Поставили ихъ въ двѣ линіи, одна противъ другой; стрѣляли, зачавъ съ противныхъ фланговъ; потомъ одна осталась неподвижно на мѣстѣ, а другая плутонами отступными стрѣляла. Вотъ и все. Я сказалъ, что это приватная жизнь Корсакова—вытягиваться, дѣлать шумъ и выходить прочь. А лучше то, что его адъютантъ сбилъ съ лошади, наскочавъ! И тутъ бѣдный генераль былъ разбитъ.

Гр. Вал. Зубовъ въ большой милости у Государя; за Платономъ посылали курьера, но онъ не поѣхалъ. Живетъ въ Ругенталѣ, воспитываетъ Николаева сына и съ нимъ и мать его, дочь безсмертнаго Суворова... Князю Петру Долгорукову намѣрены пилить ногу и сомнѣваются въ жизни.

Я все боюсь, если Воронцовское министерство продлится, что насъ затащатъ въ войну противъ Французовъ, а Семень Романычъ за Агличанъ добрый стряпчій.

Сергѣй очень усцѣваетъ, и если онъ выростетъ и ты будешь въ службѣ, то отдамъ къ тебѣ въ секретари. Прощай; я и жена тебя дружески обнимаемъ, а впрочемъ Богъ съ тобой!

Р. С. Извини, что министры географіи не знаютъ: можетъ быть ихъ карты невѣрны, а спросить стыдно. Это натурально

VIII.

15 Августа (1803) Вороново.

Я къ тебѣ, пріѣхавъ сюда, писалъ письмо, а теперь пользуюсь заѣздомъ подателя, который тебѣ извѣстенъ подъ именемъ Петруши.—Письмо твоё отъ 20 Іюля я получилъ и меньше гораздо опасаюсь всѣхъ болѣзней, чѣмъ сердечнаго твоего расположенія. Ты знаешь, любезный другъ, что развратность нравовъ дошла у насъ до того, что нѣтъ ничего святаго. Отъ сего и выходитъ, что честный человекъ, любящій свою должность, слѣдственно Государя и Отечество, исполняя на него возложенное согласно съ чувствами и съ образомъ своихъ мыслей, кромѣ противорѣчія, подѣисковъ, гоненій и прискорбія ничего не найдетъ; и кой бы всѣмъ симъ презрѣлъ, но совсѣмъ тѣмъ сдѣлается бесполезнымъ для службы и убійцею себѣ, потому что сихъ вещей равнодушно сносить не можно. Причины, для коихъ тебя многіе изъ министровъ и изъ случайныхъ не любятъ, я ихъ безъ письма твоего могъ бы угадать. Одно тебя удержать можетъ, это—благоденствіе Отечества твоихъ предковъ. Но узнавъ отъ тебя, въ какомъ ты положеніи, не смѣю или, лучше сказать, страшусь совѣтывать, дабы не подать себѣ причины упрекать себя въ томъ, что совѣтовалъ еще оставаться въ службѣ.—Горько, что стеченіе многихъ обстоятельствъ довело Государя до того, что онъ не властенъ ни

въ своемъ хорошемъ, ни въ дурномъ расположеніи къ людямъ. Онъ окруженъ людьми, кои меньше всего объ немъ думаютъ. Такъ сему и быть!

Гр. Воронцовъ ²¹⁾ пишетъ къ сестрѣ, что зимою пріѣдетъ точно въ Москву; но это старинныя уловки, и вѣрно какъ нынче никого не принуждаютъ идти въ отставку, то и его смерть постигнетъ въ службѣ Е. И. В.

Мы всё здоровы, и завтра въ селѣ праздникъ, чему я не очень радъ, по неизбѣжному пьянству народа. Жена, которая тебя сердечно любитъ, очень беспокоится о твоёмъ здоровьи; дѣти растутъ и *милютъ* (вотъ новое отцовское выраженіе!). Зять твой былъ у меня; онъ здоровъ, но сердитъ за опредѣленіе къ царскимъ потомкамъ, коихъ ты на поселеніе отправилъ. Дай Богъ, чтобъ твои намѣренія свершились и ты бы утѣшалъ себя во фракѣ мундирною своею службою.

Прощай.—Крафтъ, который Москвы терпѣть не можетъ, принужденъ былъ туда на день съѣздить по зову твоего зятя къ *Валуеву*, который выдалъ себя за больнаго остановленіемъ мочи... Зять твой говорилъ мнѣ, что, въ Имеретіи есть родъ большихъ славныхъ лошадей, называемыхъ *лапша-одиски*. Нельзя ли и эдакихъ достать? Да отпиши пожалуйста что-нибудь о жеребцѣ, коего ты мнѣ подарилъ. Какой онъ породы, шерсти и когда ты хочешь его отправить, дабы я по сему распредѣлилъ здѣсь своихъ жеребцовъ къ веснѣ.—Газеты при семъ посылаю. Въ Красномъ Селѣ готовятся большіе маневры къ осени, а Московскіе неудачны были, и даже и половины полковъ вмѣстѣ свести не могли. Я къ тебѣ прежде сего писалъ о штабсъ-капитанѣ Бринкинѣ, который въ одномъ изъ полковъ въ Грузіи. Онъ—братъ жены Василія Ивановича Протасова, дяди Катерины Петровны. Его хвалятъ; если онъ таковъ, то пожалуйста употреби его и открой дорогу отличить себя отъ другихъ.—Прощай. Весь твой.

²¹⁾ Государственный канцлеръ, гр. Александръ Романовичъ. П. Б.

IX.

3 Сентября 1803 с. Вороново.

Послѣднее мое письмо было къ тебѣ отправлено съ фельд-егеремъ Петромъ Федоровичемъ Харахоринимъ, коего я Петрушею называть уже болѣе не смѣю. Съ тѣхъ поръ въ нашемъ домѣ ничего чрезвычайнаго не произошло. Погода во весь Августъ была чрезвычайная, *но теперь мы платимъ долгу природѣ*: дождь, слѣдственно грязь, сырость и пр. Заведеніе мое хлѣбопашества очень идетъ въ моду, и учениковъ довольно къ веснѣ будетъ; 44 десятины разными образами засѣяны пшеницею, рожью и озимымъ ячменемъ, но много время потребно, дабы осилить предразсудки; а самолюбіе и преодолѣть невозможно, потому что первые покоряются иногда опытамъ, примѣрамъ и доказательствамъ, а самолюбіе, презирая все, увѣряетъ себя часть отъ часу въ преимуществѣ своемъ. При томъ никто не хочетъ, не смотря на невѣжество, изъ мастеровъ сдѣлаться ученикомъ; хорошо еще то, что прибыль заставляетъ отдаляться отъ правилъ сію часть людей, коихъ я называю окаменѣлыми. Въ Воронежѣ у меня еровыя вовсе пропали, а въ Ливнахъ дурны; на Битюгѣ вновь мною заведенныя яровыя пшеницы отменно сего года родились, а рожь въ 12¹/₂ разъ, не смотря на засуху. Въ Петербургѣ все, слава Богу, благополучно. Увѣряютъ, что Державина совсѣмъ было хотѣли отправить въ чистую, но дамы настояли усиленно, чтобъ его мѣсто заступилъ Куракинъ Полтавскій²³⁾. Титъ остался генер.-прокуроромъ. Маленькій буфа Голицынъ²⁴⁾ играетъ большую роль въ Сенатѣ и возвратилъ одну бумагу просителю по той причинѣ, что въ ней много погрѣшностей

²³⁾ Т. е. князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, Малороссійскій генералъ-губернаторъ, жившій въ Полтавѣ. И. Б.

²⁴⁾ Князь Александръ Николаевичъ, впоследствии министръ просвѣщенія. И. Б.

противъ грамматики.—Я получилъ предлинное письмо отъ князь Петра Багратіона, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ, что Ливенъ съ товарищами, давая чувствовать, что ты можешь быть пойдешь въ отставку, назначаетъ на твое мѣсто кн. Волконскаго-занку, который былъ сговоренъ на дочери кн. Куракина. А въ письмѣ графа Воронцова вотъ что онъ пишетъ: *Votre ami le prince Tzitzianow fait des merveilles en Georgie; aussi est-on bien content de lui icy. Depuis que les affaires de la Georgie lui ont été confiées, elles ont pris une toute autre face* ²⁵⁾).

Въ Москвѣ новаго ничего. Гр. Салтыковъ часто получаетъ выговоры, но Мятлевъ ²⁶⁾ до смерти его не пустить въ отставку; а преемникъ его будетъ кн. Лопухинъ, который, на нѣкоторыхъ договорахъ, отъѣзжая въ чужіе края, согласился принять сіе мѣсто, когда оно опорожнится. По смерти, Алек. Влад. Шереметевъ ²⁷⁾ оставилъ 260 т. долгу, нажитаго на рысакахъ, хомутахъ и дуракахъ.

Прощай; жду отъ тебя письма съ нетерпѣніемъ. Забылъ было сказать ложь кн. Д. Е. Циціанова. Горичъ нашелъ въ каменной горѣ у Моздока бутылку съ водою, и стекло такъ тонко, что гнется, сжимается и опять расправляется, и онъ заключилъ, что эта бутылка должна быть изъ тѣхъ, кои употребляли Помпеевы солдаты, хотя Римляне и никогда въ семь краю не были. А доказательство Циціанова было то, что подобныя сей бутылкѣ сосуды есть въ завалинахъ Геркулана и Помпеи, на что я ему замѣтилъ, что изобрѣтено стекло не старѣ 400 лѣтъ. Еще у него же изъ полувиго-ни фракъ, который, онъ увѣряетъ, вытканъ изъ рыбьихъ усовъ.—Жена и дѣти тебѣ кланяются. Катерина Петровна

²⁵⁾ Другъ вашъ кн. Циціановъ совершаетъ чудеса въ Грузіи, и здѣсь очень имъ довольны. Дѣла Грузинскія, съ тѣхъ поръ какъ ему поручены, приняли совсѣмъ другой видъ.

²⁶⁾ Зять гр. Салтыкова, тогдашняго Московскаго главнокомандующаго.
И. Б.

²⁷⁾ Александръ Владиміровичъ Шереметевъ скончался 28 Іюня 1803.
И. Б.

очень хорошо дѣлаетъ столярную работу. Мнѣ много хлопотъ, потому-что все устроить должно; но *patientia omnia vincit* ²⁹⁾. Письмо кончилъ какъ Завадовскій, а тебя обниму какъ твой сердечный другъ.

X.

17 Сентября 1803. Вороново.

Последнее твое письмо столь меня огорчило, что я до сихъ поръ не перестаю думать о твоёмъ жалкомъ положеніи. Жена, вошедъ ко мнѣ въ горницу въ то самое время, какъ я читалъ письмо, увидя во мнѣ перемену, хотѣла знать причину, и я, давъ ей читать, сожалѣлъ весьма объ ономъ, потому что она такъ была поражена, что три дня терпѣла большую въ головѣ боль съ лихорадкой. Моя и ея надежда на Бога: Онъ спасалъ тебя отъ бѣдъ, отъ происковъ и отъ злодѣевъ; для чего же не изведетъ тебя и изъ теперешняго положенія! Я удаляю отъ себя мысль несчастную, а думаю лишь объ томъ, что здѣсь весною тебя увижу и увижу навсегда свободнымъ отъ службы, которая за одно часовое удовольствіе стѣдила тебѣ долговременныхъ неудовольствій и опасностей. Признаюсь, меня тревожитъ одно, что ты, по образу твоему мыслей, найдешь непристойнымъ проситься въ отставку, когда земля тебѣ вѣрнная въ столь плачевномъ состояніи. Меньше боюсь болѣзни, чѣмъ слѣдствій огорченій: ты всѣмъ своимъ болѣзнямъ найдешь навѣрное начало въ душѣ.

Когда ты пріѣдешь назадъ благополучно, то я спрошу: имѣешь ли истинное понятіе о четырехъ-лѣтнемъ моемъ положеніи, когда, кромѣ зависти и безчестія со стороны со-товарищей, боролся и съ ненавистью каждаго къ лицу покойнаго Государя?

Жена спѣшитъ очень отдѣлкою комнатъ въ первомъ этажѣ, кои назначаетъ тебѣ; а я, дабы ее нѣсколько разсѣять, остав-

²⁹⁾ Терпѣніе все побеждаетъ.

ляю въ увѣреніи, что ты можешь быть здѣсь къ Декабрю — О неудовольствіи, нанесенномъ тебѣ даннымъ повелѣніемъ Уварову смотрѣть полки твоей инспекціи, ничего не говорю. Ты видѣлъ образчикъ по указу Васильева, а Дивенъ въ тѣ же двери ходитъ. — Уваровъ, бывъ въ Москвѣ, сказывалъ, что онъ для того въ Грузію не поѣхалъ, что тамъ чума, а онъ умереть не хочетъ. Этотъ бѣглець съ висѣлицы желалъ очень меня видѣть, но какъ-то Богъ меня избавляетъ отъ сихъ встрѣчъ.

Князь Дм. Евс. Циціановъ, коего я часто вижу, истинно тебѣ благодаренъ за сына, не потому, что говорить *милъ*: сіе можно бы почестъ за ложь или лесть, но я слышу, что любимый его разговоръ о тебѣ.

Мы здоровы. Осень хорошая, и ты вѣрно бы мнѣ не упрекнулъ тѣмъ, что я занимаюсь хлѣбопашествомъ. Начало отъѣзное, и я, кромѣ собственной своей выгоды, надѣюсь соучаствовать и въ общей, какъ то многіе желаютъ воспользоваться моимъ заведеніемъ, и учениковъ множество къ веснѣ приготовлено. Машинистъ преискусный, а объ старикѣ Патерсонѣ ничего не говорю, потому что онъ извѣстенъ и въ Англии и къ большому разсудку и опытности присоединяетъ страсть къ своему ремеслу и честныя правила: ты будешь завидовать мнѣ, что я его досталъ, а ему, что въ 61 годъ сохранилъ такъ свое здоровье.

Вотъ тебѣ письмо отъ Сергуши; онъ чрезвычайно развертывается. Наташа иногда насъ устрашаетъ своимъ маленькимъ умомъ, а Сафалета сквозь жиръ выпускаетъ умъ и очень смѣшна. — Прощай; помни въ Грузіи, что въ Москвѣ и въ Вороновѣ друзья живутъ и родня, и что твой пріѣздъ будетъ для всѣхъ истинный праздникъ.

Новости. 1) Графъ Остерманъ меньшей, живущій лишь 79 лѣтъ, очень боленъ поносомъ, и братъ его большой въ насморкѣ поѣхалъ его навѣщать. 2) Gagnerin²⁾ летитъ сегодня въ Москвѣ, безъ товарища, отказавъ вести даромъ кн.

²⁾ Тогдашній воздухоплаватель.

Праск. Юрьевну Гагарину, которая хотѣла подняться для нѣкоторыхъ физическихъ испытаній. 3) Князь Юсубовъ взялъ на 12 лѣтъ Купавинскую фабрику съ тѣмъ, чтобы ставить во дворецъ матеріи по вольной цѣнѣ, а фабрикою и заведеніемъ, кое стоило нѣсколько сотъ тысячъ, пользоваться даромъ. 4) Салтыкову Ив. Петр. былъ выговоръ за то, что онъ нѣжно говорилъ об. камергеру о томъ, что была безъ вѣдома полиціи въ Марьинъ день сдѣлана иллюминація передъ Институтомъ.

XI.

30 Сентября (1803) с. Вороново.

Не получа на послѣдней почтѣ отъ тебя письма, опять въ большомъ безпокойствѣ и признаюсь тебѣ, что желалъ бы знать тебя пріѣхавшимъ въ Черкасскъ, въ Тулу и далѣе. Москва толкуетъ назначеніе кн. Волконскаго командиромъ войскъ въ Грузіи, яко незначущее и видитъ въ немъ намѣстника Лазарева; но сей, мнѣ кажется, былъ шефомъ полку, и на мѣсто его былъ другой назначенъ. А по моему мнѣнію, онъ готовится тебя смѣнить. Всѣ говорятъ о твоей осенней кампаніи, и незнающіе положенія вещей воображаютъ, что возобновляется Персидская кампанія. Глупые думаютъ, что сіе дѣлаетъ гр. Вал. Зубовъ для предводительства надъ войсками; но онъ, я думаю, до того краю и не охотникъ, да и держится истиннаго правила, что отъ государей и отъ любовницъ отлучаться не должно.—Маневры Гатчинскіе доставили соучаствующимъ великія милости, превосходящія тѣ, кои при подобныхъ случаяхъ бывали въ прошедшее царствованіе. Андрей Кологривовъ въ Александрѣ, и твоему Волконскому дана большая Анна. Впрочемъ все обстоитъ благополучно, и всѣ на лице. Погода у насъ хорошая, и мы спѣшимъ пользоваться послѣднимъ временемъ, дабы нагуляться, да и къ веснѣ пріуготовить землю. Между посѣтителями моей особы и пашни былъ Полторацкій, который, по естественной перемѣнѣ ко всему, потерялъ вкусъ

къ хлѣбопашеству и говоритъ, что, кромѣ плуговъ, все прочее пустое и игрушка. Онъ влюбился въ Барбарскаго моего жеребца Драгута, который, два года назадъ, приведенъ изъ Царяграда отъ Юсуфъ-Аги. Прошлаго года онъ былъ въ дурномъ состояніи, но Полторацкій давалъ мнѣ за него двухъ жеребцовъ, цѣною тысячи въ три; одакожъ я отказалъ, сказавъ настоящую причину, за что до слезъ огорчилъ своего Англичанина-коновала, который думалъ, что обмануть лошадю есть право людское. Исленьевъ много себя надѣлалъ труда чрезъ постороннихъ людей, помогаясь, чтобъ я написалъ къ нему письмо съ зовомъ пріѣхать ко мнѣ. Я до него не охотникъ, бывъ два раза свидѣтелемъ, что онъ клялся въ испорченной лошади и уговаривалъ на аукціонѣ охотниковъ хулить одну лошадь, которую ему купить хотѣлось. Поѣхавъ одинъ разъ на поле, навѣхалъ его у машинъ, коими дергаютъ пни, и хотъ онъ отговаривался сюртукомъ, но я, по старинному гостепріимству, зазвалъ его на чай и на лошадей. Слѣдственно, если онъ считаетъ сіе за визитъ, то ему должна его отплатить моя машина.

Завтра мы ѣдемъ на скучный праздничный обѣдъ къ сосѣду Остерману. Онъ изъ упрямаства все еще живъ. Старики всѣ недовольны равенствомъ въ обществѣ, и для отмщенія обиды канцлеръ Остерманъ носитъ у себя въ деревнѣ кортикъ.

Жена тебѣ кланяется и дѣлитъ со мною безпокойство на счетъ твоего въ Тифлисѣ пребыванія. Сергуша показала дѣтскую твердость, поймавъ бѣлку и не упустила ея, не смотря, что она очень больно укусила его мѣстахъ въ трехъ. Наташа не очень здорова, простуда вчера горло. Сафалета вся какъ роза, и начала учиться читать порусски у общаго ихъ мастера-матери.

Прощай. Я послалъ къ зятю твоему въ Москву 1200 р. для пересылки тебѣ или употребленія сходственно съ твоею волею. Прощай еще разъ.

XII.

18 Ноября (1803) с. Вороново.

Второе твое письмо, коего ждалъ, получилъ, и хоть немного утѣшенъ тѣмъ, что ты не въ постели, но спокоенъ совершенно быть не могу до тѣхъ поръ, какъ обниму тебя въ Вороновѣ или въ Москвѣ. Родные твои всѣ тамъ здоровы. Новостей нѣтъ, кромѣ того, что всѣ заняты угадками, что выйдетъ изъ новаго положенія о винныхъ откупахъ. Хотятъ вездѣ сдѣлать казенные заводы и продавать дорого вино, чтобъ уменьшить число пьяницъ.—Всѣ бранятъ Державина, и вотъ между прочимъ еще стихи, на него сдѣланные ²⁰⁾. Въ Москвѣ открыли дома для игры, и Киселевъ генераль въ одну ночь проигралъ 20 т.! Ты можешь вообразить, что изъ него вышло; а я жду, что онъ съ ума сойдетъ или параличемъ кончитъ гражданскую свою карьеру. Я собираюсь праздновать Катерининъ день и дамъ старшимъ въ домахъ крестьянамъ и бабамъ обѣдъ и по серебряному рублю. Противъ моего заведенія вооружились крѣпко Полторацкій, Румянцова фермеръ и всѣ члены машинной компаніи, которая рушилась оттого, что они подали планъ заведенія Кочубею, взяли съ Государя 6000 р., но ничего не могли сдѣлать оттого, что до сихъ поръ не имѣютъ машиниста. Русскіе дворяне безстыдно подговариваютъ моихъ Шотландцевъ; но они никакъ не подаются, зная, что у насъ много обѣщаютъ, а мало даютъ.—Я теперь вожу черную землю на песчаныхъ мѣстахъ, и этотъ Патерсонъ удивительно какъ много собралъ и надѣлалъ навозу. Весною будетъ всякаго хлѣба близъ 200 десятинъ, да къ осени большая часть луговъ очищена, а на все сіе положено 33 работника, въ томъ числѣ и надзиратель.—Ты вѣрно никогда не слыхивалъ, чтобъ крупа въ Петербургѣ была по 20 р., а пшено по 24!—Я былъ въ Москвѣ на прошлой недѣлѣ. Небольсинъ очень боленъ спазмами, и жена

²⁰⁾ Ихъ не оказалось.

совершенно измучилась³¹⁾. Они изъ числа тѣхъ, кои принимаютъ великое въ тебѣ участіе. Я повѣду на выборы, дабы смѣнить капитанъ-исправника Подольскаго, который пойманнаго моими людьми разбойника отпустилъ, взявъ съ него лошадь, что разбойникъ, бывъ вторично пойманъ въ Боровскѣ, показалъ, а капитанъ-исправникъ наше сообщеніе отъ того Земскаго Суда утаилъ.

Прощай, Богъ съ тобой. Бей, побѣждай и утекай въ тихое жилище!

XIII.

Второе Декабря (1803) с. Вороново.

Опять ты замолкъ; хорошо, что на прошедшей недѣли кн. Д. Е. Циціановъ получилъ отъ сына письмо, гдѣ онъ пишетъ, что ты хоть не совсѣмъ здоровъ, но и не боленъ. Я нечаянно четыре цѣлые дни былъ въ весьма непріятномъ и затруднительномъ положеніи. Небольсинъ, съ коимъ я очень знакомъ и который мнѣ большія оказываетъ услуги, занемогъ спазмами, кои, разслабя его старое и обветшалое тѣло, довели до опасности, коя еще больше усилилась отъ рвоты гемороидальной крови. Жена прислала ко мнѣ курьера, чтобъ я какъ можно скорѣе пріѣхалъ, что мужъ умираетъ и желаетъ меня видѣть. Я прискакалъ ночью и, пробывъ четыре дня у нихъ въ домѣ, былъ свидѣтелемъ самыхъ трогательныхъ явленій. Жена сходила отъ отчаянія съ ума; онъ оказывалъ твердость духа необычайную; люди въ отчаяніи. Фрезъ, Московскій деспотъ, разсердился, увидя тутъ Крафта, коего больной хотѣлъ видѣть и о пріѣздѣ коего бывъ Фрезъ предъувѣдомленъ, сказалъ Небольсиной: *qu'il ne remettra plus les pieds dans sa maison*³²⁾, и на ея замѣчаніе, что мужъ отъ сего умретъ, изволилъ сказать: *il n'a qu'à mourir, et alors je*

³¹⁾ Памятная своими странностями и правдивостью Авдотья Селиверстова Небольсина; она изображена въ *Войнѣ и Мирѣ*, подъ именемъ Марьи Дмитріевны.

П. Б.

³²⁾ Что онъ больше въ ея домъ ни ногой.

viendrai ²³⁾). Ей сдѣлались конвульсіи, а мать-публика нашла; что Фрезъ обиженъ и что все сіе происшествіе выдуманное. Бѣдная земля, сирый народъ! Иногда жаль и стыдно, что Русскій! А ей Богу дубину Петра Великаго рано въ кунсткамеру отнесли; лучше бы, надѣлавъ съ нея множество другихъ, поставить во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ вмѣсто зеркаль.

Мы всѣ здоровы. У насъ три дня былъ своякъ Васильчиковъ съ женою. Они вѣдутъ въ Острогжскъ, гдѣ тотъ гусарскій полкъ, въ коемъ Васильчиковъ шефъ. Новосильцевъ пріѣзжалъ на два дни. Я всегда въ большихъ хлопотахъ отъ управленія имѣніемъ, отъ пріискиванія гувернера для Сережи и отъ долговъ. — Ты, я думаю, теперь знаешь, что графъ Воронцовъ канцлеръ уволенъ *до излеченія*. Какъ они пріѣзжали къ мѣстамъ! И все хотятъ, хоть мизинцемъ, но придерживаться ко Двору, когда могила ужъ готова и только что не опущены. — Всѣ думаютъ, и я тутъ же, что наследникъ его будетъ графъ Марковъ. Говорятъ о войнѣ съ Французами, но какъ я не понимаю съ кѣмъ, гдѣ и за чтѣ съ ними воевать, то и жду объясненій чрезъ манифестъ, если война будетъ.

Дядюшка мой Карамзинъ, сдѣланный историографомъ съ 2000 р. пенсіона, забывъ свою жену и отчаяніе, сговоренъ на дочери князя Андрея Ивановича Вяземскаго. Онъ влюбляется головою. И счастье, и несчастіе его истекаютъ изъ глазъ. Василій Ник. Зиновьевъ женился; и про него рассказываютъ множество вещей во увѣреніе того, что онъ влюбленъ какъ мальчикъ. Мы погребли Ник. Иван. Маслова и гр. Алекс. Матв. Мамонова, который хотѣлъ долго еще жить, но смерть сдѣлала по своему. — Вотъ все, чтѣ имѣю тебѣ сказать. Живи, побѣждай и пріѣзжай.

XIV.

Отъ 3 Генвара (1804) с. Вороново.

Три уже недѣли какъ я получилъ твои вдругъ два письма и весьма нетерпѣливо еще жду, дабы узнать о твоёмъ

²³⁾ Ему осталось только умереть, и тогда я буду.

здоровья и о побѣдахъ. Я довольно здоровъ, но у Катерины Петровны сдѣлалась какая-то сыпь; болѣзнь ничего незначущая, но она себя не бережетъ и, пріучась много быть на воздухѣ, не перемѣняетъ рода жизни. На Сафалетъ легкая летучая оспа, и Наташа немного разнемогается. — Я принужденъ былъ прогнать ученаго дурака Ballio, коимъ меня наградила аббатъ Nicolle. Эта скотина вздумалъ при мнѣ сказать грубость женѣ, — и на другой день онъ уже былъ въ Москвѣ. Теперь въ ожиданіи славнаго m-g d'Alonville, который былъ помощникомъ при воспитаніи Дофина, я взялъ самаго скромнаго и благочиннаго Нѣмца, который нѣкогда при мнѣ былъ въ Иностранной Коллегіи. Онъ хорошо учился, и время потеряно не будетъ, особливо въ Нѣмецкомъ языкѣ.

Ко мнѣ изъ Москвы пишутъ, что кн. Волконскій тамъ и ѣдетъ въ Грузію не совсѣмъ какъ-то довольнымъ. Онъ желалъ меня видѣть и благодарить за какія-то старинныя одолженія; но мы, я думаю, съ нимъ не увидимся, потому что и въ Гершелевѣ телескопъ за 50 верстъ по поверхности земнаго шара чловѣка не увидишь.—Новаго ничего нѣтъ. Гр. Воронцовъ ѣдетъ, но не отправляется, а мнѣ довольно пришли вѣрныя извѣстія, что гр. Марковъ имѣлъ намѣреніе запутать наши съ Франціею сношенія, дабы имѣть предлогъ требовать своего возвращенія, имѣя въ виду мѣсто министра внѣшнихъ дѣлъ. Право бы не дурно келейно пожурить этихъ трехъ пановъ: Маркова, Андр. Кир. Разумовскаго и гр. Сем. Ром. Воронцова. Можно глупости дѣлать до 30 лѣтъ, а за 50—непростительно смотрѣть чужими глазами и чувствовать не Русскимъ сердцемъ! — Куракинъ отправился въ Петербургъ; онъ ѣдетъ на поселеніе во Франкфуртъ на Мейнѣ и хочетъ проживать по 50 т. въ годъ. Онъ сказывалъ, что онъ для того не ѣдетъ въ Дрезденъ, что Дворъ скученъ, въ Берлинъ, что долженъ тамъ носить Чернаго Орла, а не Андрея, въ Вѣну — что его тамъ за миръ Аміенскій не любятъ. Вотъ какія несчастія себѣ чловѣкъ сочинилъ!

XV.

Отъ 20 Генваря (1804) с. Вороново.

Письмо твое изъ подъ стѣнъ Ганжи я получилъ и отъ всей души желаю, чтобъ оно было послѣднее изъ того мѣста. Хотя, бывъ въ отставкѣ, все равно тереть бокъ Станиславскою или Андреевскою звѣздою, но мнѣ чрезвычайно хочется, чтобъ тебѣ дали втораго Георгія: иного, кажется, и дать нельзя. Меня увѣрили, что твоему Гулякову послѣна Аннинская большая лента, да еще другому, коего, не могли назвать, Георгіевскій крестъ.—Дай Богъ, чтобъ Ганжа тебѣ досталась безъ штурму. Ты на счетъ челоувѣчества однихъ со мной мысли: сколько гибнетъ въ сихъ случаяхъ невинныхъ, кои находятъ смерть единственно за то, что ихъ застаютъ въ живыхъ! Но, зная звѣрскій нравъ тѣхъ народовъ и мысли ихъ на счетъ права войны, мало имѣю надежды, чтобъ безъ приступу обошлось и, думая о семъ, думаю потомъ, что ты съ своими большими глазами и съ большимъ сердцемъ пойдешь самъ гдѣ нибудь впередъ. Но все сіе лишь больно, а помочь нельзя: письмо прійдетъ поздно, да и совѣтъ не въ мѣсту.

Какъ мало людей знаютъ подробности состава нашей арміи! Вѣрно въ газетахъ будетъ пышно описано дѣйствіе осадной карманной твоей артиллеріи. Напишутъ: *Le p-se Tzi-zianow, profitant d'une brèche spacieuse que le feu des batteries supérieurement dirigé avait fait, entra par cinq endroits différens* ²⁴⁾. Но ты тамъ бейся головою о стѣну Ганжинскую, не спи ночи, молись Богу, все сіе ни секунды сна Аракчеева не потревожить, а онъ же съ товарищи говорить будетъ: *Странной челоувѣкъ этотъ князь Циціановъ! Ничьмъ не доволенъ, и ничьмъ угодить не можно.* Кнорингъ съ Нѣмцами и

²⁴⁾ Т.е. князь Циціановъ, пользуясь большимъ проломомъ, который образовался отъ превосходно направленного огня съ батареи, вошелъ въ пяти различныхъ мѣстахъ.—За взятіе приступомъ Ганжи онъ получилъ чинъ полнаго генерала и Александровскую ленту.

Л. Б.

Русскіе чрезвычайно завистливые порочать твое управленіе Грузією. *Какъ завести чуму? Зачѣмъ идти на войну? Какъ на всплх жаловаться?*—Но къ твоему счастью, время стоитъ вѣтреное и слова разноситъ.

Въ Петербургѣ, по случаю сговора великой княжны Марьи Павловны, много дано награжденій принадлежащимъ къ церемоніи и ко Двору, и нашъ Ардаліонъ ⁵⁵⁾ въ Александрѣ; онъ меня самъ о семъ извѣстилъ весьма скромно.—Въ Петербургѣ открыта новая секта, называющаяся Христовою. Членовъ оной человекъ со сто забрано; они изъ купцовъ и пристолюдимовъ; скопятся, и при служеніи ихъ литургіи вмѣсто вина употребляютъ кровь младенцевъ. Но какъ ничто не можетъ быть изыскиваемо безъ выгодъ чиновниковъ, то и присылаются ложные оговоры въ Москву на многихъ. Ихъ спрашиваютъ, не причастны ли къ сей сектѣ и осматриваютъ Одинъ изъ богатыхъ и глупыхъ раскольниковъ, недавно бывъ призванъ къ полицеймейстеру, когда дѣло дошло до осмотра . . . сказалъ съ гордымъ видомъ: «Не довольно два, я и три представлю. У насъ въ семьѣ меньше не бываетъ».

У Орлова домъ полонъ претендентовъ на дочь: къ прежнимъ подъѣхали два Голицына, сынъ кн. Сергѣя Фѣдоровича и славный кн. Борисъ-Вестрисъ ⁵⁶⁾.... Графиня Минихова пріѣхала наконецъ изъ Петербурга и въ обращеніи сдѣлалась 15-ти лѣтней дѣвочкой, которая всего стыдится. А ей 34 года! Вотъ еще доказательство, что ничего постоянного на свѣтѣ нѣтъ.—Я теперь занимаюсь приуготовленіями строить весной ферму и завести хорошую породу коровъ. Патерсонъ мой часъ-отъ-часу болѣ мнѣ нравится. Мы готовимъ въ прибавокъ къ 8 плугамъ еще 10, и запашемъ славно. Я очень радъ, что самолюбіе съ нѣкоторою платою дѣйствуетъ надъ здѣшними крестьянами; а все сіе зависитъ отъ пестрой рубашки и сапогъ. Надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ

⁵⁵⁾ Допухинъ?

И. Б.

⁵⁶⁾ Князь Борисъ Владиміровичъ?

И. Б.

много будетъ, что тебѣ показать, и за многое похвалишь. До того прощай. Ты у меня предъ глазами, и твой портретъ надъ моимъ писальнымъ столомъ виситъ противъ глазъ, съ боку женина портрета.

Стихи на Державина прекрасны: въ нихъ его портретъ. Картина паденія, и ничего счастливѣе нѣтъ послѣдняго стиха, который столь ясно изображаетъ выдачу пенсіона и шумъ, который привлечетъ вниманіе на министра-поэта.

Tête de lion,
Coeur de bouclon ²⁷⁾

Про него можно сказать, что онъ

Утромъ ругаетъ и кричитъ,
Вечеру же гнется и молчитъ.

XVI.

Отъ 4 Февраля (1804) с. Вороново.

Слава Богу, слава и тебѣ не за то, что ты безъ артиллеріи взялъ Азіатскій Гибралтаръ, не за то, что къ чести побѣдителей Очакова и Измаила присоединилъ взятіе Ганжи, но за то, что просьба твоя и гласъ души благородной и сердца чувствительнаго обнялъ духъ солдатъ и, вмѣсто звѣрства, вселилъ въ нихъ челоуѣколюбіе. Я увѣренъ, что на мѣствѣ сраженія ты съ радостію помышлялъ о днѣ своей отставки и что въ глубинѣ твоего сердца были слова, сказанныя языкомъ великаго Фридриха послѣ Лейтенской побѣды: *Mon Dieu, quand finirez Vous mon tourment?* ²⁸⁾. Теперь остается знать, какъ принято будетъ твое прошеніе и что изъ онаго воспослѣдуетъ, — милостивая отставка или намѣреніе большими наградами оставить въ службѣ.— Письмо твое походить на тебя, и я видѣлъ изъ чиселъ, что оно писано прежде штурма, — тѣмъ лучше. Оставляя службу, ты довершишь начатое и сдашь

²⁷⁾ Голова льва, сердце барана.

²⁸⁾ Боже, когда окончишь Ты мое мученіе?

намѣстнику своему сохраненіе крѣпости, а не прїобрѣтеніе ея оружіемъ. Мнѣ полюбился очень слогъ реляціи; неро тоже, которое писало реляцію о Гроднѣ и кою Безбородко столь достойно хвалилъ, говоря, что она примѣрно и безпримѣрно написана. Нова и мысль, что милосердіе Государя проложило слѣдъ и въ сердца разъяренныхъ солдатъ. Если бы ты былъ, когда я читалъ твое письмо и реляцію, то бы увидѣлъ, знаю ли я тебя и умѣю ли понимать. Слезы упали бы на твое лицо, либо на руку; но я надѣюсь, что мы въ жизни будемъ еще имѣть много случаевъ утѣшать и заставлять плакать другъ друга. Реляцію при письмѣ отослалъ къ князь Дм. Егоровичу и выписалъ слова изъ твоего, чтобъ никому не показывать, что и будетъ исполнено свято. Кн. Дм. Евс., пишутъ ко мнѣ, уже въ первый день полученія извѣстія, число гарнизона по своей власти довелъ до 16000 человекъ, а теперь вѣрно ноль еще прибавленъ. Онъ ждалъ съ первымъ извѣстіемъ сына, но ты весьма благоразумно сдѣлалъ, что отправилъ фельдъегеря. Меньше разсказовъ, меньше глупостей, да и нѣтъ зависти. Гдѣ же былъ твой Гуляковъ? Что дѣлалъ молодой Воронцовъ, напиши мнѣ пожалуйста. Я все не могу отвыкнуть любить отца его, хотя онъ съ прїѣзда его въ его отечество и наше, точно какъ на масляницѣ, въ моемъ умѣ скатился съ горы.— Жена тебя поздравляетъ и очень обрадовалась, узнавъ, что ты послалъ прошеніе. Но я того мнѣнія, что тебя не отпустятъ, и намъ тебя нынѣшнимъ годомъ здѣсь не видать. Сергуша сестрамъ далъ праздникъ; у нихъ есть маленькая настольная иллюминація, и твое имя освѣщено было плошками изъ Грецкихъ орѣховыхъ скорлупъ, налитыхъ воскомъ; я отпѣлъ молебенъ; теперь остается тебѣ быть здоровымъ. Мы все здоровы; безъ непредвидѣннаго какого-либо случая, я надѣюсь до Марта изъ моего Воронова не тронуться. Я всегда возвращаюсь изъ Москвы въ огорченіи отъ видѣннаго и слышаннаго: развратъ достигъ до тѣхъ людей, кои почитались степенными. И дамы, какъ-то: Волкова Маргерита, Головина, сестра кн. Голицына, Архарова Катерина... къ ряду всякій почти день танцуютъ вмѣстѣ съ дочерьми ихъ; а старики спились

съ кругу. Всѣ приказываютъ, и никто никого не слушаетъ. Гр. Воронцовъ отпущенъ, но не ѣдетъ; мѣсто его займетъ натурально Адамъ и будетъ по моему слову, что все дѣло ляжетъ на подмастерьяхъ. Гр. Салтыкова не могутъ выгнать, а кн. Лопухину и въ Москвѣ хочется первоначальствовать. Посылаю къ тебѣ три мерзости, кои, ходя по Петербургу, дошли наконецъ и въ Москву. Я право не понимаю, что изъ сего выйдетъ! И какъ изъ этихъ сѣдыхъ, и также и изъ стриженныхъ головъ никто не найдетъ, кто бы подумалъ о Государѣ и сказалъ ясно и коротко, къ чему это всѣхъ насъ приведетъ. Мнѣ новыя хлопоты. Посѣщая въ бытность мою въ Москвѣ несчастную Небольсину, имѣлъ я тутъ нѣрѣдко случай видѣться, говорить и спорить съ княгинею Дашковою; что жъ изъ сего вышло? Она отъ меня безъ памяти, пишетъ, и я долженъ отвѣчать, читать у ней всѣ важныя ея переписки, а она кстати и некстати кричить, что она въ своей жизни нашла лишь трехъ человекъ, кои дѣлаютъ честь людямъ: Фридерика Великаго, Дидерота и меня. Однако ты не думай, чтобъ я возгордился. Ея похвала и ядъ и лекарство; и похвала часъ, примется доказывать, что сынъ ея, недоросль умомъ и душой, Павелъ Михайловичъ, есть божество, коего свѣтъ недостонинъ.—Прости, другъ, побѣдитель Ганжи. Когда учредишь все, успокоишь войска, призришь плѣнныхъ, напитаешься честію, свариишь похвалы и наплюешь на зависть, тогда подумай, что я охотникъ, хотя и въ отставку, до

Animal guerrier, qu'enfanta le Trident.

Нѣтъ ли Персидскихъ кобылъ, или Араба, Барбара, Турки, но *basse-taille*, а не *organo*, сирѣчь жеребца. Мнѣ все больно, что Агличане съ нашихъ братьевъ дворянъ берутъ по 200 р. и больше за кобылу, а я и даромъ бы слушать сталъ, для спасиба.

XVII.

Отъ 18 Февраля (1804) с. Вороново.

Письмо твое изъ Тифлиса я получилъ и приложенное дѣловое ранье Кочубея обратно возвращаю. Право, на него

нельзя сердиться, что онъ не знаетъ, что въ Сенатѣ дѣлается: ему время нѣтъ, и мѣсто его выше силъ человѣческихъ. А что онъ жалуется на слабость губернаторовъ, то сіе не мудро и будетъ весьма естественно, доколь они станутъ опредѣлять людей никому неизвѣстныхъ, изъ коихъ большая часть идутъ въ губернаторы, дабы не умереть въ Герольдин голодною смертію, а тамъ, наѣвшись, начинаютъ дѣлать запасъ припасовъ. — Въ Москвѣ говорятъ, что тебѣ посланъ 2-й Георгій; но я не могъ точно о семъ узнать, не бывъ въ Москвѣ близъ двухъ мѣсяцевъ, и хоть мнѣ есть дѣло тамъ, но множество встрѣчалось препятствій. Жена была нездорова, потомъ я, тамъ Наташа, а теперь мы всѣ въ большемъ безпокойствѣ, по случаю тяжкой болѣзни Крафта. Царь простудился и, не оправясь, зачалъ выходить, и теперь лежитъ въ плезіи и, несмотря на вторичное пусканіе крови, лекарства и потъ, часъ-отъ-часу становится слабѣе и хуже. Ты знаешь человѣка, его искусство, привязанность къ намъ и легко представишь себѣ, каково мое и женнино положеніе. Всякій человѣкъ претерпѣвать долженъ свои несчастія въ семъ свѣтѣ; но потеря сія будетъ весьма для меня трудна. Можно иногда, имѣя причины, утѣшить себя въ потерѣ человѣка, коего считалъ долго другомъ и въ коемъ ошибся; но лишиться почтеннаго, нужнаго и умнаго человѣка, который часъ отъ часу становился дороже и сыскалъ мѣсто въ душѣ—это тяжело. Но во всемъ воля Божія; а мы, забывая часто, что мы прахъ, мнимъ быть безсмертными. Прощай. Богъ съ тобою.

Поздравляю тебя съ новыми успѣхами. Мнѣ лестно то, что другъ мой на дѣлѣ исполняетъ то, что я почиталъ своимъ мечтаніемъ и невозможнымъ. Я положилъ начало на бумагѣ, а ты утвердилъ на землѣ: одно ничего не значить, а другое важно и славно³⁹⁾. А конецъ обѣимъ одинъ: отставку и покой, если Богу угодно. Гр. Воронцовъ уже въ Москвѣ и нездоровъ.

³⁹⁾ Говорится вѣроятно о присоединеніи Грузіи и объ устройствѣ Закавказья при Павлѣ.
Д. Б.

XVIII.

Отъ 9-го Марта (1804) с. Вороново.

Последнее письмо твое насъ очень тронуло; но я и самъ теперь утѣшать не въ состоянїи, а дорого бы далъ, чтобъ ты былъ здѣсь и отеръ слезы, которыя льются изъ глазъ пятый день, какъ я лишился почтеннаго своего Крафта. Онъ въ девятый день послѣ самой мучительной болѣзни и муки нестерпимой, имѣя инфламмацію въ кишкахъ, окончалъ жизнь свою, посвященную единственно на пользу человѣчества. Мы съ женою оплакиваемъ его, какъ друга и самонужнѣйшаго челоуѣка для жизни нашей. Хотя я тотчасъ и писалъ уже въ Петербургъ и, можетъ-быть, скоро оттуда и будетъ какой-нибудь докторъ, но можетъ ли тотъ походить искусствомъ, душою и привязанностью на почтеннаго Крафта? Сіе происшествіе столь сильно меня встревожило, тѣмъ болѣе, что жена ему обязана была здоровьемъ, а Сережа жизнью; что я, помышляя единственно о ихъ здоровьѣ, принялъ намѣреніе продать пышное свое Вороново, избавиться отъ 300,000 р. долгу, сохранить свои доходы и, приведя въ порядокъ дѣла, ѣхать будущю весною на нѣсколько лѣтъ на житье въ такое мѣсто, гдѣ, въ тепломъ климатѣ, я найду всѣ снособы къ спокойствію и къ воспитанію дѣтей. Я посылаю письмо къ гр. Кочубею, полагая, что Государь лучше и удобнѣе приобрѣтенія сдѣлать не можетъ для заведеній, кои уже есть и могутъ остаться. Жена не очень здорова, а я, въ страхъ на счетъ ея и дѣтей, пораженъ кончиною сего достойнаго челоуѣка, который на рукахъ у меня умеръ. Утѣшая несчастную его вдову и семерыхъ дѣтей, самъ не могу еще придти въ себя и очень нездоровъ. Прощай и вѣрь, что дружба твоя и жизнь суть двѣ важныя вещи въ моемъ положеніи, теперешнемъ и будущемъ.

Адресъ: Его сіятельству милостивому государю моему князь Павлу Дмитриевичу Циціанову. Въ Георгіевской крѣпости.

XIX.

Отъ 30-го Марта (1804) с. Вороново.

Давно, любезный другъ, не имѣлъ отъ тебя писемъ и тѣмъ болѣе беспокоюсь, что въ Москвѣ дѣлаютъ всякія глупыя разглашенія на счетъ побитыхъ полковъ въ Грузіи, молодаго Воронцова, ограбленнаго Горцами, раненаго и потомъ умершаго въ пропасти среди горъ. Я Москвѣ небольше вѣрю, какъ Кампенгаузену или князь Д. Е. Циціанову. Но нельзя не беспокоиться, зная, что есть возможность быть всему на семь свѣтъ. Я къ тебѣ писалъ на другой день послѣ случившагося у насъ несчастія. Я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ смерти почтеннаго этого Крафта. Жена его и дѣти здѣсь. Они жалки ихъ сиротствомъ, изрядныя лицомъ, но ни одинъ не будетъ имѣть отцовою головы. Жена же его участвовала очень въ непріятномъ его положеніи, скучая жизнью деревенскою и привыкнувъ глазѣть въ Петербургъ, куда она при первой возможности и возвращается. Хоть мнѣ ни искусства, ни дружбы Крафта не найдить, но и до Сентября безъ доктора жить съ семьею въ деревнѣ невозможно. И я, нашедъ въ Москвѣ одного Энделиуса, который былъ главнымъ докторомъ при полкахъ гвардіи, уговорилъ его быть здѣсь до отъѣзда нашего въ Москву. Я уже къ тебѣ писалъ, что наше намѣреніе есть вхатъ въ чужіе края въ Маѣ 805 года. Причины мои: здоровье жены, Сергуши и мое, спокойствіе и желаніе заплатить долгъ, коего 306000 р. Если я останусь здѣсь, то обширное Вороново съ развалинами своими унесетъ у меня большую часть моего дохода, не принося мнѣ ничего; а выхвавъ изъ него съ домомъ и выведя вонъ конскій заводъ, я навѣрно получу отъ 25 до 30 т. доходу ежегодно. Я теперь жду отвѣта отъ Кочубея, къ коему писалъ, неугодно ли Государю купить Вороново за 350 т., хотя оно, съ покупкою у Зиновьева деревни и издержекъ, стоитъ мнѣ 372 т.

Тогда бы я былъ квитъ съ долгомъ, и еще имѣлъ бы нѣсколько и своего капитала. А эта мысль меня всегда очень тревожитъ, когда подумаешь, что жена можетъ остаться и съ долгомъ и съ безпокойствомъ, не имѣвъ никакого понятія ни о управленіи имѣніемъ, ни о плутовствахъ людскихъ, коимъ она неохотно и вѣритъ. Но продамъ ли я, или нѣтъ Вороново, а все въ Сентябрѣ переѣду въ Москву, и тамъ, приведя своихъ дѣла въ порядокъ, дождусь Маія и поѣду. Я еще не рѣшился на мѣсто нашего пребыванія; а думаю больше, что годъ пробуду въ Франкфортѣ на Мейнѣ, гдѣ, по близости всѣхъ водъ и теплицъ, могу заняться леченіемъ, а тамъ, если обстоятельства позволятъ, то поѣду на нѣсколько лѣтъ въ Швейцарію, и съ благословенною своею семьею, съ книгами и самъ съ собою, могу надѣяться быть счастливымъ. Въ судьбѣ моей есть нѣчто странное. Я имѣлъ даръ Божій найти трехъ друзей; но ни съ однимъ навѣрно не могу дѣлить время: ты въ службѣ, гдѣ полезнѣе Отечеству и человечеству; Головинъ въ Парижѣ надолго, и всегда занятъ будетъ женою и дѣвнью; Новосильцевъ ⁴⁰⁾ убитъ своимъ состояніемъ и бѣгаетъ противъ своего желанія людей. Слѣдовательно—здѣсь ли я или въ другомъ мѣстѣ, друзья мои будутъ единственно въ душѣ моей, а я въ ихъ.

Мнѣ Воронцовъ прислалъ выписку изъ Кочубея письма, гдѣ сей надѣется, что ты отмѣнишь свое намѣреніе оставить службу по настоятельнымъ просьбамъ Государя. Воронцовъ очень слабъ, и мнѣ не нравится въ немъ сонъ его, что Французы называютъ *assourissement*; однакоже онъ взялъ секретарей, правителя канцеляріи въ Андреевское и пр., дабы опаздывать совѣтами товарищу своему Адаму. Въ Москву Беклешовъ, и хотя указа еще о семъ нѣтъ, но князь Лопухинъ писалъ къ своимъ задушевымъ письма. Гражданскихъ губернаторовъ мѣняютъ точно какъ станціонныхъ емо-

⁴⁰⁾ Дмитрій Александровичъ, покинутый въ это время женою. Сынъ его погибъ въ 1825 на дуэли, сдѣлавшей много шума, о коей см. въ первой книгѣ сего изданія, стр. 333—337.

трителей на почтахъ, и самыхъ дурныхъ оставляютъ съ половиннымъ жалованьемъ.

Ты изъ газетъ увидишь, въ какомъ критическомъ положеніи Англіи. Если бы король умеръ, то бы и замѣшательства не было. Но онъ опять съ ума сошелъ, и должно будетъ постановить или регента, или совѣтъ для управленія. Сія эпоха можетъ быть передомомъ счастья Аглинской политики, которая грабитъ и кричать не велитъ. Вѣрно бы Питтъ не заключилъ въ Амьенѣ мира а, заключа, не началъ бы опять такъ скоро опять войны. Замѣть, какъ трудно погибнуть отъ руки злодѣевъ, когда нѣтъ особенной ненависти къ человѣку. Бонапарту всѣ завидуютъ, но онъ никому несчастья не сдѣлалъ. И всѣ тѣ, кои собираются за деньги его убить, помышляютъ слишкомъ много о своей безопасности, дабы воспользоваться награжденіемъ за убійство. Жаль, что Моро тутъ замѣшался. Недоволенъ былъ ролью премудраго перваго генерала, а захотѣлъ въ первые консулы. Судя по многимъ изъ тѣхъ, кои пріѣхали изъ Англіи убивать Корсиканца, Витвортъ, коего звали *homme loyal*, вѣрно руководствовалъ симъ невиннымъ замысломъ. Я ничего гнуснѣе правилъ Аглицкаго министерства не знаю, а между глупыми привычками въ людяхъ говорятъ: *honnête comme un Anglois*. Прощай, Богъ съ тобою. Жена тебѣ кланяется. Дѣти, кромѣ Наташи, здоровы; а она немного простудилась. Я и самъ въ сильномъ рюматизмѣ и съ недѣлю не могъ писать. Весна открылась, но снѣгъ еще не сошелъ, отъ того что дождей нѣтъ, а ясное небо, и ночью бываетъ холодно. Прощай, мой другъ!

XX.

Отъ 15-го Апрѣля (1804) с. Вороново.

Последнее письмо твое отъ 10-го Марта, выведи меня изъ стараго безпокойства, родило новыя на счетъ твоего здоровья. Я двамъ твоимъ не вижу конца, и хотъ всѣ твои великія предпріятія увѣчаны и будутъ полнымъ успѣхомъ,

но подданство и занятіе Имеретій и Колхидъ, точно какъ пріуготовленія на Семилѣтнюю войну. Вводитъ порядокъ, управлять, удерживать зло и не имѣя людей—вотъ подвиги Геркулесовы; но тотъ очистилъ скотные дворы у царя Огиса, а нашъ навозъ идетъ на удобреніе чиновниковъ, отечество обдирающихъ.

Я очень радъ, что ты доволенъ и употребляешь молодаго Воронцова. Дай Богъ, чтобъ онъ дѣйствительно нѣкогда такъ былъ хорошъ, какъ мнѣ родитель его нѣкогда въ чужихъ земляхъ показался.

Письмо твое къ Государю столько же умно и благородно, какъ и сильны причины просить непремѣнно увольненія отъ службы; но я думаю, что тебя не отпустятъ, и въ семь меня утверждаетъ послѣднее Кочубеево письмо, гдѣ онъ о тебѣ говоритъ, какъ должно. Тутъ же онъ пишетъ, что здоровье и разстроенныя дѣла принуждаютъ его весною съѣздить въ свои деревни, а посему и прочее разумѣвай. Когда человѣкъ у мѣста (у насъ и вездѣ) просится до в..., то навѣрно выкуриваютъ; а правду сказать, хотъ онъ и недоволенъ Россію знаетъ, чтобъ быть внутреннимъ министромъ, но сердце и душу имѣетъ благородную, слѣдственно полезенъ и Государю и государству.

На письмо твое къ Завадовскому замѣчу, что шаржирь-маршъ столько же бесполезенъ для войны, какъ шарлатанство въ ученіи солдатъ, команды: «прикладывайся, отставь» при Екатеринѣ, развертываніе колонъ на *point de vue* и каски при Александрѣ. Жаль, что и въ арміи все дѣлается для глазъ, а не для истинной пользы; и на что изъ человѣка, который 30 лѣтъ почитался самымъ лучшимъ твореніемъ Божиимъ, дѣлать напралу машину, которая вмѣсто пружинъ командою дѣйствуетъ лишь руками, ногами и зубами. Этотъ шаржирь-маршъ не помѣшалъ ни Суворову бить Французовъ, ни тебѣ Азіатцевъ.

Я еще получилъ отъ дяди Катерины Петровны письмо о Брикинѣ, который въ отпуску домовомъ, чтобъ тебя предупредить насчетъ его болѣзни, которая мѣшаетъ, или помѣшаетъ

ему явиться на срокъ. Видно, опъ принялся переводить на Французскій языкъ сочиненія нашего Николова, который тѣмъ лишь похожъ на Гомера, что зги Божіей не видитъ ⁴¹⁾).

Я продалъ 400 душъ въ Костромѣ за 55 т. р. и симъ расплачусь съ долгами, за кои плачу по 10 на 100. Погода здѣсь мерзкая, дожди; снѣгъ почти весь сошелъ, но выдти никуда нельзя. Я близъ мѣсяца былъ боленъ; сперва сильный сдѣлался въ правой рукѣ рюматизмъ: я ставилъ Шпанскую муху; а потомъ такъ геморой растрогали, что я принужденъ былъ рѣзать шишку, и такъ сердить, любя чистоту, безирестанно пачкаться и вонять мазми. Жена говоритъ, что къ сему должно привыкать и что это значитъ разстройка маннины; но все сіе не утѣшаетъ, и я одного боюсь, чтобы не окончить подагрой, которая всѣхъ для меня болѣзней должна быть несноснѣе: лучше ходить на деревянныхъ ногахъ, чѣмъ имѣть свои вмѣсто часовыхъ гирь.

Описаніе о жеребцахъ принималъ съ радостію страстнаго охотника и воображаю, что Карабахская порода должна быть та Персидская, которая ближе къ Арабской. Я уже имѣю отъ одного изъ моихъ жеребцовъ дѣтей, кои удивительны и статями и силою, и надѣюсь, если все такъ пойдетъ, какъ располагаетъ живой человекъ, то по возвращеніи изъ чужихъ краевъ найду лошадей у себя, за коихъ и дѣтей моихъ благодарить охотники станутъ; а что ты пишешь о Ханжисханѣ, что коротокъ, то по моему это доброе въ заводскомъ жеребцѣ. Одна изъ кобылъ отъ тебя присланныхъ здѣсь вывзжается, и такъ хороша въздою и статями, что ей всѣ цѣны не ставить.

Я нашелъ довольно хорошаго штабъ-лекаря, который до Сентября у насъ въ домъ пробудетъ. Жена тебѣ очень кланяется. Дѣти здоровы и милы. Сергуша много выросъ. Мнѣ въ Маіѣ должно будетъ объѣхать мои владѣнія и устроить много кой-чего. Хлѣбопашество здѣсь идетъ славно, и озимый хлѣбъ много обѣщаетъ. Кажется, что на пробу посвященный

⁴¹⁾ Стихотворецъ Николовъ былъ слѣпецъ.

озимый ячмень нѣсколько пропалъ; но должно еще подождать для вѣрнаго заключенія.—Москва все еще безъ начальника, то-есть Салтыковъ не уѣхалъ, и Беклешовъ не пріѣхалъ. Публика веселится и такъ крѣпко, что и на первой недѣлѣ поста никому не пришло въ голову спросить у себя, за чѣмъ измучились. Карусели завелись, и дамы дали на балъ у Архарова князю Щербатову шарфъ съ надписью: «справедливость и мы». Лучше бы написать: «ложь и чванство». Сіе доказываетъ, что нравы исправляются и пока рыцари пьютъ меркурій, дамы готовятъ для нихъ Шпанскія мухи. *Vive la nation!* Прощай, мой Байрдъ, овоздавший рожденіемъ.

Валуевъ, терпѣніемъ преодолевъ гоненіе у Двора, одержалъ на враги побѣду, и ѣдетъ съ шалфейнымъ вѣнкомъ во градъ Москву; входу не будетъ, потому что грязно и опасно, что уронять какъ помесуть.

XXI.

Отъ 3-ю Мая (1804) с. Вороново.

Опять три почты отъ тебя писемъ нѣтъ, слѣдственно двѣ недѣли началось опять безпокойство на твой счетъ. Иногда, не смотря на дальнія выгоды отъ присоединенія Грузинъ, я сержусь на себя за то, что, постигнувъ дѣло сіе, какъ надлежало, совершилъ. Но всего придумать нельзя, и если я теперь безпокоюсь о тебѣ, что ты среди безпокойствъ и неудовольствій, всегда подъ пулею и стрѣлою, то нельзя предвидѣть было и того, что ты бы могъ и въ другомъ мѣстѣ и безъ непріятелей быть всегда въ опасности отъ каверзовъ и мерзостей сыновъ человеческихъ. Хочется и для тебя и для себя, чтобъ ты, оконча столь же славно, какъ началъ, возвратился на покой. Но и въ семъ сомнѣваюсь: во всему, не пройдетъ года безъ войны чрезвычайной. Можно смотрѣть хладнокровно на нѣкоторыя происшествія; но есть такія, что равнодушіе влечетъ за собою бѣдства и позоръ. Я получаю извѣстіе сейчасъ, что въ Петербургъ пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о принятіи Бонапартомъ титула императора Галловъ и короля Италійскаго.

Жену онъ свою отрѣшилъ, уничтожа бракъ, и женится на вдовствующей королеви Этрурской съ тѣмъ, что, въ случаѣ его бездѣтїа, сынъ отъ перваго ея брака будетъ наследникъ Бонапартовъ. Примѣтъ, что симъ возвращаетъ онъ Французамъ форму перваго ихъ правленїа, приуча ихъ къ своему самовластїю, присоединяетъ къ странной Французской силѣ и королевство Этрурское и возводитъ на себѣ отрасль Бурбонскую на Французскїй престолъ: ибо королева Этрурская дочь короля Гишпанскаго. Миѣ то смѣшно, что люди не признаются никогда въ ихъ сумашествїи! И стоило ли жизни близъ двухъ милліоновъ людей, потрясенїа всѣхъ властей и произведенїа непонятныхъ варварствъ и безбожїа то, чтобы сдѣлать изъ пѣхотнаго капитана императора и короли!

Послѣднее письмо твое меня тронуло, но ты согласишься со мною, что причины мои отъѣхать въ чужїе края весьма сильны. Жена очень растроена здоровьемъ и поддерживаетъ себя порядочно и спокойною жизнїю. Сергуша слабъ, и Наташа тоже съ прошедшей зимы; надежды и помощника нашего Крафта нѣтъ. И миѣ должно предупредить все, что въ волѣ человѣка быть можетъ. Если ты будешь въ отставкѣ, то и тебѣ воды и бани худа не сдѣлають; а планъ нашей ѣзды совершенно пригодиться можетъ и тебѣ, исключая времени. Сколько мы съ тобою были вмѣстѣ въ теченїи послѣднихъ семи лѣтъ! Ты жилъ въ деревнѣ, а на каторгѣ въ Петербургѣ, потомъ я тебя смѣнилъ, а ты меня. Счастливы я и тѣмъ, что имѣю друга въ тебѣ, на коемъ остановится утѣшительная мысль, если бы я прежде тебя достигъ до часа смертнаго, и другъ мужа остался бы другъ жены почтенной и защитникъ сиротъ. Но когда бы обстоятельства твои позволили соединиться намъ и въ чужихъ краяхъ, то бы Россїя была съ нами и виѣ Отечества. Вас. Ник.⁴²⁾ въ Москвѣ; жену его вездѣ хвалятъ, но надъ нимъ смѣются, потому что онъ вмѣстѣ представляетъ и молодаго любовника и стараго наставника; вотъ случай, въ коемъ и дружба можетъ быть бесполезна: опасно

⁴²⁾ Зинovieвъ.

доказывать челоѡѡку, что онъ безъ нужды дѣлаетъ себя смѣшнымъ; мудроно лечить, мудроно и молчать.

Я продалъ Костромскія свои деревни 400 душъ за 55 т.р. и симъ расплачусь съ мелкими долгами и не буду имѣть дѣла съ мерзавцами и Воспитательнымъ Домомъ, гдѣ были заложены мои брилліанты. Воронова я не продаю. Многіе желали его купить, но ни одинъ не рѣшился, кромѣ бестіи М., который хотѣлъ меня одолжить домомъ, картинами, мраморомъ и пр., но я и ассигнаціи отъ него боялся бы принять, полагая ее навѣрно фальшивою.—Жена тебѣ кланяется, дѣти часто говорятъ и Софалетъ спрашиваетъ, когда ты кончишь баталію за подушки? Сергуша дѣлаетъ большіе успѣхи, хотя и немного на ученіе время употребляетъ, и въ немъ открывается охота и способность къ Геометріи. Катерина Петр., уменьша Россійскую карту, сдѣлала прекрасную, коя заставляетъ дивиться и ея терпѣнію и искусству. Мы завтра вдемъ съ нею на три дня въ Москву, гдѣ ея теткы, и она отдаетъ долгъ натурѣ. У насъ была восемь разъ несчастная Небольсина съ братомъ Николаемъ ⁴³⁾, который весьма тобою восхищается. Онъ, бывъ въ Неаполѣ и узнавъ о смерти зятя, тотчасъ пріѣхалъ. Онъ уменъ, я думаю, честенъ, но воображеніе пылко и молодо, и мѣшаетъ видѣть вещи въ настоящемъ видѣ. Прощай. Спасибо заранѣ за жеребцовъ; я увѣренъ, что хороши. Въ Персіи много есть лошадей Арабской породы, и я только одинъ родъ ихъ не люблю, которыя плоско-ребры и съ бараньими головами. Бѣлый твой Трамъ такъ добръ-есть, что невѣроятно, и лошадь рѣдкая и удивленія достойная.

Головинъ въ Парижѣ, и Русскихъ тамъ челоѡѡкъ съ тридцать. Марковъ въ Петербургѣ въ большой модѣ. Римскій-Корсаковъ хочетъ идти въ отставку, если Беклешовъ будетъ инспекторомъ въ Москвѣ, какъ былъ Салтыковъ. Эминъ губернаторъ въ Финляндіи, а его билъ недавно парикмахеръ Beauregard. Видно на битыхъ мода.

⁴³⁾ Николай Селиверстовичъ Муромцевъ.

XXII.

Отъ 26-го Мая (1804) Вороново.

Безпокойство мое часъ отъ часу прибавляется, тѣмъ болѣе, что курьера отъ тебя нѣтъ. И Богъ знаетъ, когда ты кончишь свои походы и занятія. Коля ни славна для твоей исторіи та минута, въ кою ты родилъ великій планъ, нынѣ въ дѣйствиѣ приводимый, столько же она и безпокойна и мучительна для меня и для тѣхъ, кои по моему тебя любятъ, зная сердце и душу. Я боюсь, что еще до 10 числа будущаго мѣсяца пробуду, не получа отъ тебя письма. Миѣ пора и непремѣнно ѣхать должно въ Воронежскія, а оттуда въ другія деревни, и я полагаю употребить на сіе обозрѣніе мѣсяцъ; слѣдственно я лишнюю недѣлю пробуду въ безпокойствѣ, доколь съ жеманными письмами получу и твое. Я теперь очень хлопочу, чтобы къ Сентябрю сыскать домъ въ Москвѣ. Жена на 6 недѣль поѣдетъ зимою въ Петербургъ, а я долженъ заняться приведеніемъ всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, отъѣзжая въ Маѣ на нѣсколько лѣтъ въ чужіе края, какъ для здоровья, такъ и для уилаты долговъ. Мы ѣдемъ не мотать и не веселиться; слѣдственно, избравъ пріятный городъ въ Швейцаріи, или Франкфуртъ на Мейнѣ, займемся воспитаніемъ милыхъ дѣтей, и будемъ счастливы одинъ другимъ. Я весьма опасаясь, чтобы здѣсь отъ философій не прорвало плотину епокойствія общаго и могущества сей земли. Копальщикова больше, чѣмъ въ Бѣлоруссіи, и вездѣ прорыты рвы, а чинить некому. Самые лучшіе мастера качаютъ головами, а подмастерья ладятъ на новый манеръ.

Гр. Салтыковъ престалъ считаться начальникомъ въ Москвѣ. Она ему откланялась, а теперь покланяется Беклешову. Онъ, въ первый день пріѣзда, утромъ успѣлъ быть въ Сенатѣ, на парадѣ, въ крестномъ ходѣ и являлся на главныхъ улицахъ. Ноги его плохи, а уши глухи; смотрѣтъ же за него будетъ славный Аверинъ, который привезенъ въ качествѣ правителя канцеляріи.

Мы здоровы и пользуемся самымъ прекраснымъ временемъ, кое продолжается болѣ мѣсяца. Хлѣбопашество мое въ совершенствѣ и съ нѣкоторымъ кокетствомъ въ отдѣлкѣ полей. Осимній хлѣбъ отмінный, а яроваго всякаго близъ 140 десятинъ посеяно будетъ. Ты бы вѣрно меня не упрекнулъ теперь, что я пренебрегаю сею почтенною частію хозяйства. Я весьма доволенъ своими Шотландцами, и каждый изъ нихъ рвется лучше сдѣлать по своей части.

Отъ сѣраго моего Арабскаго жеребца ожеребилось 7 жеребятъ, и точно одинъ другаго лучше: всѣ въ отца и силы необыкновенной.

Ты увидишь изъ газетъ, что проявился новый императоръ. И смерть несчастная дюка d'Enghien ничто иное какъ тѣ удары, коими отбиваютъ память;—и отъ сего самаго ты и увидишь въ запискѣ Клюцфеля, на сеймѣ поданной отъ имени нашего Государя, что нужно сдѣлать представленія Бонапарту, дабы удержать общую безопасность. Теперь я боюсь еще кровопролитной войны. Питтъ опять входитъ въ министерство, а съ его умомъ, съ денежными пособіями и жаждою истребить Францію, онъ затащитъ и сухія державы, чтобъ изъ нихъ сдѣлать мокрыхъ куръ. Между тѣмъ Англія покорила весь Индостанъ подъ свое иго.

Я дни чрезъ три ѣду въ деревню къ княгинѣ Данковой, съ Авдотьею Селиверстовною Небольсиною и съ братомъ ея Ник. Селиверстовичемъ. Прощай. Жена тебѣ кланяется. Дети любить, а я, пока живъ, неизмѣнный другъ твой.

XXIII.

Отъ 12-го Іюня (1804) с. Вороново.

Письмо твое самымъ пріятнымъ образомъ окончало всѣ безпокойства на твой счетъ, и славный конецъ предпріятій доказалъ, что Государь счастливо попалъ мыслию на тебя, и что завистники твои должны искать новыхъ способовъ для удаленія тебя отъ службы, кою они столь умѣютъ содѣлывать мерзкою для тѣхъ, кои ей жертвуютъ всѣмъ на свѣтѣ. Я

присягу твою считаю весьма дѣйствительною, заключая, что для множества людей лафетъ пушечный есть самый лучший наложъ, а пушечное ядро лучшее краснорѣзіе, и ты съ успѣхомъ его употребилъ противъ Соломона Имеретскаго. Теперь остается, покора сей край, устроить его частное благоденствіе, и такимъ образомъ, чтобъ оное обратилось къ общему благу Россіи. Но весьма бѣ я жалѣлъ, если бы сіе трудное, или лучше сказать невозможное, дѣло препоручено было тебѣ. На сіе ни ума, ни силъ человѣческихъ не достанетъ и, оконча дѣло военное въ царствованіе Александра Перваго, на гражданское потребенъ вѣкъ Петра Великаго. Должна тебѣ быть благодарна Россія, фамилія твоя и друзья твои, и драгоценна та минута, въ кою прозорливая Екатерина, слѣдуя собственному своему движенію, откинула гнусное представленіе славнаго шельмы С. Но вѣрь, что сія гнусная тварь не первую теперь играетъ ролю въ мерзостяхъ и уступаетъ мѣсто не одному, а многимъ.

Письмо твое я получилъ въ одну изъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, когда былъ здоровъ тѣломъ и спокоенъ духомъ, и былъ среди богатаго поля; и тутъ, читая все тобою писанное, вкусилъ удовольствіе, ничѣмъ неотравленное. Я благодарилъ всеми чувствами Бога и кончилъ тѣмъ, что возвратился въ свой благословенный домъ, смоча лице слезами пріятными, сообщить извѣстіе о тебѣ женѣ, коей почтеніе и любовь ты вѣрно цѣнить умѣешь. Благоразумно написано письмо твое о награжденіяхъ и весьма кстати. Иные могутъ сказать: за чѣмъ просить, когда не даютъ? Но должно различать подаваніе съ заплакою долгу, и лучше честному человѣку напомнить Государю, что онъ не уважилъ достоинство, чѣмъ дать подумать, что достойный снесетъ обиду. Любопытенъ знать, чѣмъ кончится сей судъ, и довольно ли сильно будетъ вліяніе Нѣмецкое, чтобы тебя лишь ордена, коимъ тебя не мнѣніе и не подвиги, а статутъ удостоиваетъ. Бумаги твои, оставя съ нихъ списокъ, отослалъ къ зятю и надѣюсь видѣть ихъ въ Москвѣ самъ. Я чрезъ недѣлю ѣду въ дальнія деревни, и много стѣитъ мнѣ разлучиться на мѣсяцъ съ милую

семьею, но не хочется и занустить устроенныхъ уже заведеній. У меня теперь Софалета кашляетъ, и здоровье Катерины Петровны не весьма хорошо съ тѣхъ перъ, какъ Крафтова смерть лишила насъ его искусства, а болѣе еще довѣренности.

Происшествія во Франціи, титулъ императорскій по указу Бонапартѣ, смерть герцога Ангіена и предубѣжденія Воронцовыхъ, все сіе заведетъ насъ скоро въ войну, изъ коей намъ, кромѣ вреда, быть ничего не можетъ. Сем. Ром. заключаетъ, или уже и заключилъ, союзъ съ Англіею въ то время, когда бы желать должно, чтобъ она и Франція совершенно увѣрены были въ совершенномъ неутралитетѣ нашего Двора, яко единственномъ способѣ къ окончанію войны, между ими существующей. Французскій посланникъ выѣхалъ изъ Петербурга по той причинѣ, что нашего министра въ Парижѣ нѣтъ, а оставилъ *chargé d'affaires*. Марковъ въ модѣ и ненавидитъ какъ старое, такъ и нынѣшнее правленіе Французское: старое за то, что Vergennes называлъ его въ официальныхъ бумагахъ *sieur de Markof*, а свѣжій нынѣшній императоръ, истоша всѣ способы для смягченія его гордости, кончилъ тѣмъ, что на аудіенціяхъ всегда принужденнымъ бывалъ браниться.

Если всѣ сіи происшествія произведутъ войну, то мы принуждены будемъ отложить будущю весною поѣздку нашу въ чужіе края, по той причинѣ, что война должна быть всемістная, и смѣшно будетъ, располагаясь ѣхать лѣвиться, изуродовать себя безпокойствомъ и страхомъ.

Я за твоими прекрасными жеребцами для того не посылаю людей въ Георгіевскъ, что не зналъ, тамъ ли они быть могутъ, или въ Тифлисъ? А какъ скоро ты мнѣ дашь знать, что они приведены, то я за ними отправлю. О заводѣ своемъ, на время моего отсутствія, я нимало не безпокоюсь, имѣя весьма честнаго и рачительнаго смотрителя.

Новостей, по счастью, никакихъ нѣтъ. Министры бранятся, и Кочубеевъ товарищи его весьма недовольны. Чичаговъ вшутувался; Воронцовъ безъ памяти отъ Адама и за прав-

ду увѣряеть, что сей сокровенный отъ человечества его помощникъ при прощаніи плакалъ. Вотъ какъ люди съ лѣтами слабѣють, а эта Адамова вода—доказательство, что онъ позволяетъ себѣ съ успѣхомъ употреблять противъ старой лисицы малые способы для того, что онъ находитъ въ немъ старую бабу. Колицевъ ѣдетъ въ Англію, и я радъ, что Головину не предлагали сего мѣста: онъ слишкомъ лѣнивъ; да если сего и хотѣли, то это по мнѣнію, что онъ любитъ Англичанъ и будетъ слушаться доктора Рожерсона, попа Смирнова и комп. — Прощай. Жена тебѣ очень кланяется и все говоритъ: *tout cela est superbe, mais je voudrais beaucoup le savoir rendu à lui-même*⁴¹⁾. О семъ вѣдаетъ лишь Богъ, а намъ остается желать, чтобъ услышалъ молитву нашу.

У меня 56 дес. ржи такой, что здѣсь подобной и не видывали; яроваго Аглицкаго сѣянія близь 130, а плуговъ лишь 11. Поля мои—заглядѣнье, и все, что хорошо, хочется показать тебѣ.

XXIV.

Отъ 9 Юля (1804) Космодемьянское.

Оставивъ всѣхъ монахъ въ Вороновѣ, 21 числа прошедшаго мѣсяца отправился я въ объѣздъ, пробылъ восемь дней на Битюгѣ, здѣсь три, и 12 отъѣзжаю прямо чрезъ Ефремовъ въ домъ спокойствія, гдѣ жена, дѣти, слѣдственно всѣ способы къ блаженству. Я довольно усталъ, не такъ отъ почтовой ѣзды, какъ отъ объѣздовъ полей, кои въ Воронежскихъ деревняхъ весьма на большомъ разстояніи. Наканунъ моего изъ Воронова отъѣзда, каналия-лекаръ, коего я взялъ къ себѣ, поссорясь за больнаго съ однимъ изъ Англичанъ, кои у меня при экономіи, требовалъ непременно, чтобъ я или высѣкъ Англичанина, или велѣлъ ему при всемъ домѣ идти на колѣняхъ просить у него прощенія. Какъ онъ самъ подалъ причину къ сему происшествію, а притомъ показалъ себя скоти-

⁴¹⁾ Все это превосходно; но мнѣ бы очень хотѣлось знать, что онъ уже у себя.

ною, то я, давъ ему потребное число лошадей, велѣлъ отвезть въ Москву; но представь—каково мнѣ быть въ отсутствіи и знать, что ни женѣ, ни дѣтямъ помочь въ случаѣ нужды некому! Все сіе часъ отъ часу усугубляетъ еще болѣе горестъ нашу о потерѣ достойнаго Крафта, но дѣлать нечего. Жена пишетъ, что она здорова и дѣти также.

Все происходящее теперь въ Европѣ: титулъ Бонапартовъ, вступленіе вторично въ правленіе дѣлъ Пята, а больше всего сила Аглицкой партіи у насъ, все сіе заставляеть меня думать, что безъ войны въ Европѣ не обойдется, и какъ я не намѣренъ ѣхать ни въ Берлинъ, ни въ Дрезденъ, то и рѣшились мы ждать до весны въ Вороновѣ разрѣшенія всѣхъ сихъ происшествій. Я писалъ къ кому лишь можно, чтобъ ко мнѣ прислали искуснаго доктора. Другое горе то, что тотъ Французъ, о коемъ, я думаю, что къ тебѣ писалъ и который ѣхалъ для ученія Сергуши, не ѣдетъ до сихъ поръ, хотя по письмамъ его и долженъ былъ отправиться въ Маіѣ; можетъ быть и не могъ выѣхать по случаю сихъ заговоровъ противу Бонапарте, а можетъ быть переменна правленія во Франціи открыла ему дорогу и въ своей землѣ. Но если онъ не будетъ, то мы очень жалѣть будемъ, ибо со стороны учености и нравственности онъ извѣстенъ, бывъ *un des instituteurs du Dauphin* ⁴⁵⁾, а туда дурнаго человѣка не выберутъ. Другое совѣтъ *gouverneur*: примѣръ Ник. Салт., Алекс. Протасовъ и Карлъ Сакенъ ⁴⁶⁾.

Ты вѣрно знаешь о смерти гр. Зубова, Валеріана Александровича. Я имѣлъ двѣ причины быть ею тронутъ: во первыхъ, что ты его любилъ, во вторыхъ, я полагалъ, что въ случаѣ нужды онъ имѣлъ духъ говорить дерзкую правду и за нее стоять грудью. Братъ его, князь, прискакалъ на третій день послѣ смерти. Онъ умеръ отъ простуды въ боку, изъ коей вышелъ внутренній нарывъ; а сперва, и къ его несчастію, долго лечилъ его дурной какой-то лекаръ Французъ. Онъ умеръ у

⁴⁵⁾ Однимъ изъ наставниковъ дофина.

⁴⁶⁾ Состоявшіе при воспитаніи императора Александра Павловича.

Нарышкина на дачѣ, гдѣ жилъ, и погребенъ въ Сергіевской пустыни на Петергофской дорогѣ. - Вотъ и подпора рушилась Зубовскаго рода.

По дорогѣ и здѣсь другаго разговора нѣтъ, какъ о водахъ Липецкихъ, и сколько я могъ замѣтить, то они помогли или легкимъ болѣзнямъ, или тѣмъ, кои имѣли нужду въ движеніи и въ спокойной жизни. Тамъ всеъ строится, и забавы на подобіе Спа. Ими руководствуетъ старый Медоксъ, графъ Чернышевъ. Я очень радъ, что не нашелъ въ себѣ ни малѣйшаго желанія ѣхать въ Липицы ⁴⁷⁾, хотя и проѣзжалъ отъ нихъ въ 70 верстахъ. Еще я изъ Воронежа ѣздилъ къ свояку Васильчикову въ Острогожскъ, гдѣ онъ съ полкомъ. Городъ изрядный, но полкъ въ непріятномъ положеніи по судамъ и доносамъ. Тутъ былъ шефомъ одинъ разбойникъ Барыковъ, другъ пьянаго инспектора Андрея Кологривова, и онъ принуждалъ эскадронныхъ командировъ подписывать вѣдомости фальшивыя, совѣмъ тѣмъ его выправляютъ въ Петербургъ, а чтобъ обвинить, то должны почти эскадронные командиры всеъ пострадать, и для сего своякъ мой ѣдетъ нарочно въ Петербургъ, чтобъ объяснить дѣло лично самому Государю. Изъ своячины, на подобіе сестеръ, вышла третья добродѣтельная жена, и хоть ее смѣнить и нельзя не довольно съ моимъ сокровищемъ, но даже и съ Голицыною, со стороны ума, но склонности тѣже: счастлива тамъ, гдѣ мужъ, и всемъ занята. Корсаковъ въ открытой ссорѣ съ Беклешовымъ и, какъ ни бѣгалъ отъ повелѣній, но кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ въ Москву, и проѣздомъ страшаетъ Россію своею отставкою.

Здѣсь въ 10 верстахъ, за три дни до моего пріѣзда, случилось страшное приключеніе. Желательно, чтобъ оно, устраша, исправило развращенную нравственность нашихъ помѣщиковъ. Одинъ гвардіи отставной офицеръ Горюшкинъ, не живя съ своей женой, отнял у крестьянина своего жену и два года мучилъ мужа всячески, по просьбѣ жены его. Наконецъ мужикъ, спрятавшись въ саду за бесѣдкой, вечеромъ, въ то

⁴⁷⁾ По ошибкѣ вмѣсто Липецкѣ.

время, когда баринъ его и жена его пришли скверниться въ бесѣдку, выскочилъ, барину отрѣзалъ... и неколѣзь горло до смерти, а женѣ своей, коя не могла уйти, ни упросить его, чтобъ онъ пощадилъ ребенка, коего ей скоро родить должно было, отрѣзалъ обѣ груди и потомъ голову. Барина бросилъ въ прудъ, а жену, завязавъ юбку на плеча, посадилъ подлѣ берегу. Онъ тотчасъ признался и очень весель, приговаривая лишь то: собакамъ собачья смерть! Я много по сему случаю думалъ и вспомнилъ слово Мольера: *où la vertu va-t-elle se picher*⁴⁶⁾, но все лучше, что съ этимъ духомъ родился этотъ мужикъ, а не князь Л.: то-то бы было истребленіе рода человѣческаго за княгиню. Явно Богъ спасъ и покойника... и я заключаю, что Л. ни на мужика, ни на отца Виргиніи не походить.

Хлѣбъ вездѣ отмынные, кромѣ гречиши, коя опять пропадетъ; на Битюгѣ по степямъ густая въ аршинъ трава. Я здѣсь смотрю и наполненъ тысячу воспоминаніями: я здѣсь жилъ до 16 лѣтъ мѣсяцевъ по 9 въ годъ; первый годъ моей женитьбы наединѣ съ женою и узналъ все ея добродѣтели; здѣсь родился Сергуша, и я позналъ неизвѣстное чувство—стать отцомъ. Много здѣсь со мною было и непріятнаго, но все окончилось: жена здорова и таже, Сергуша живъ и милъ. Прощай, мой другъ. Можетъ быть, въ Вороновѣ найду отъ тебя письмо; дай Богъ, чтобъ съ пріятнымъ извѣстіемъ о твоемъ здоровьѣ.

XXV.

20-го Іюля с. Космодемьянское,
360 верстъ отъ Воронова.

Я здѣсь уже другой день и, пробывъ еще шесть, поспѣшу къ своимъ. Путешествіе мое до сихъ мѣстъ было самое вожделѣнное: хорошая погода, скорая ѣзда и пріятныя находки. Ѣзда моя раздѣлилась на 5 частей: оставя милыхъ моихъ въ

⁴⁶⁾ Куда спряталась добродѣтель?

6 часовъ вечера, пріѣхалъ рано на другой день въ Калугу, гдѣ обѣдалъ у достойнаго тамошняго губернатора Анд. Лавр. Львова. Онъ занятъ единственно дѣлами, устройствомъ разстроенной по примѣру прочихъ губерній, и химерою искорененія всемірно зла, т. е. воздуха въ атмосферѣ. Дай Богъ ему успѣть!—Потомъ, продолжая свой путь еще 50 верстъ, пробылъ въ Козельской деревнѣ, одной изъ тѣхъ, на кою ты совершалъ купчую. Тутъ ничего чрезвычайнаго не было, кромѣ устрашающей тучи; но все сіе кончилось просто дождемъ, и темнота не во время смѣнилась дневнымъ свѣтомъ, слѣдственно и трагедіи сдѣлать не изъ чего. Въ этой деревнѣ, гдѣ не знали, что дѣлать съ лѣсомъ, пыльная рама, стоящая мнѣ единственно 320 р., пилить до 14,000 тесницъ и даетъ до 3000 р. ежегодно доходу, не касаясь вовсе до крестьянъ. Отѣхавъ еще 50 верстъ, ночевалъ у вдовы, жены однаго Протасова ^{*)}, дяди Катерины Петровны, и тутъ наѣхалъ въ городъ пиръ у городничаго, состоящій изъ 60 особъ или людей. Потомъ два дни пробылъ у того самого Василя Ивановича Протасова, коего ты видалъ у насъ въ Москвѣ во время коронаціи; онъ въ большомъ уваженіи по Тульской и Орловской губерніи, и отъ сего самаго никогда не можетъ располагать временемъ, а дѣлать его съ сосѣдами, изъ коихъ мало есть такихъ, коимъ бы и изъ Маеусанловой жизни можно отдѣлать секунду. У него и вмѣсто тѣней Китайскихъ видѣлъ множество Русскихъ дворянъ. Собаки, бостопъ и старыя площадныя вѣсти суть единственное занятіе сего благороднаго сословія. Хорошъ господинъ Аполлонскій, который 800 душъ прожилъ на изобрѣтеніе *Regretium mobile*; на вопросъ, къ чему оный онъ употребить намѣренъ (если бы изобрѣлъ), отвѣчаетъ: Богъ знаетъ, да вѣдь живучи въ деревнѣ, надобно чѣмъ нибудь заняться. Не противень и городничій Хитровъ, который, говоря мнѣ: ваше превосходительство, извинялся, что онъ взялъ эту дурную привычку, обращаясь часто съ губернаторомъ; милъ и

^{*)} У Екатерины Леонасьевны, урожд. Букиной, вдовы Андрея Ивановича Протасова, которая жила тогда въ Балезѣ. И. Б.

разбойникъ игрокъ Дмитрій Викторичъ Ханьковъ, носящій, когда въ гостяхъ, старый платокъ умершаго въ Тулѣ губернаторомъ Гедесова и полученный имъ отъ жены его Татьяны, урожденной Талызиной, въ знакъ его преданности къ покойнику; замѣчательнъ и отставной бригадиръ Князевъ, умоляющій сосѣдей позволить ему отъ себя и своими людьми сажать до нихъ прешпекты. Но представь себѣ, что всѣ эти вышеописанные люди живутъ въ деревнѣ, бѣгаютъ одинъ къ другому отъ скуки, и никакъ хлѣбопашествомъ не занимаются, говоря, что чего Богъ не дастъ, того не возьмешь, а между тѣмъ стараются обыгрывать другъ друга въ карты. Я забылъ было 3000-тидушъ помѣщика Ивана Иван. Лутовинова, скряги, коего жизнь есть 6-й актъ комедіи Скупаго Мольерова. Онъ для того не живетъ совсѣмъ въ отдѣланномъ своемъ новомъ домѣ, что столяръ его, отданный на выучку, не поспѣлъ, слѣдственно и рамъ въ окна сдѣлать некому. Въ Ливенской деревнѣ, гдѣ говорили, что хлѣбъ не родится (въ той самой, на кою ты также совершалъ крѣпость) я нашелъ рѣдкой доброты весь урожай, и поле мое, даже и крестьянское, отмѣнилось отъ сосѣднихъ; а однодворцы, тутъ живущіе, яровой и озимый сѣютъ попеременно, не давая землѣ отдыхать ни на минуту, и говорятъ: плохо родить, рожь сама пята приходитъ. Вотъ за симъ-то бы посмотрѣть министру внутреннхъ дѣлъ, а не прельщать обонхъ половъ пресмыкающихся грасами и наружностію. Они, право, всѣ министры наружныхъ бездѣльевъ.

У этого Вас. Иван. Протасова жены есть братъ, штабсъ-капитанъ въ одномъ изъ полковъ, кои у тебя подъ командою въ Грузіи. Его зовутъ Дмитрій Теодоровичъ Бринкинъ; онъ, вступая при нынѣшнемъ Государѣ въ службу изъ отставки, охотою поѣхалъ въ Грузію; говорятъ, что малый ученый и добраго кондувита. Если сіе точно такъ, то замѣть его и одолжи Вас. Ив. Протасова, который меня такъ и просилъ; а если онъ челоуѣкъ расхожіи, то оставь его штабсъ-капитанить и ждаль повышенія и отличія отъ времени. Я здѣсь на своей родинѣ: всякое мѣсто приводитъ на память какое либо маленькое про-

исшествіе, пріятное по молодости лѣтъ; а мѣсто сіе, заключаая въ себѣ остатки батюшки и матушки моихъ, должно нѣкогда и меня ссудить мѣстомъ для сокрытія гнилаго тѣла. Теперь повинюсь въ моей глупости, слабости, или какъ хочешь назови. Пріѣхавъ рано, я захотѣлъ лечь заснуть и три раза сряду видѣлъ одинъ сонъ, состоящій въ томъ, что батюшка ко мнѣ сюда пишетъ, будто Катерину Петровну въ Вороновѣ убили во время ея гулянья. Смѣйся. Но всему есть возможность, особливо когда знаешь неблагодарность и пьянство нашихъ людей. Я очень пораженъ симъ сномъ, тѣмъ паче, что они всегда для меня бывають незначущіе; а этотъ заключаетъ все, чѣмъ я счастливъ и награжденъ отъ Бога на семь свѣтъ. Прощай, посмѣйся, но и пожалѣй.

Примѣть, что я посылаю и отсюда къ тебѣ газеты, взявъ ихъ изъ Воронова для отправленія.

Въ сію минуту я получаю твое письмо отъ 27 Іюня. Жалѣть еще болѣе о тебѣ не могу, потому что давно со стороны трудовъ знаю тебя замученнымъ; но радъ, что ты здоровъ. Черезъ недѣлю надѣюсь быть посреди моего семейства. Прощай.

XXVI.

Отъ 27-го Іюля (1804) Вороново.

Десять уже дней, какъ я возвратился сюда и нашелъ всю свою семью въ добромъ здоровьѣ. У Серези опять попрежнему золотуха открылась на ногѣ, и хотя истеченіе матеріи и весьма полезно, но я бы дорого далъ, чтобъ Краецъ былъ живъ и продолжалъ надъ сыномъ спасительныя для него свои лекарства. Я все безъ лекаря и рѣшился писать къ славному доктору Рихтеру въ Берлинъ, чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ искуснаго человѣка, коихъ въ Нѣмецкой землѣ весьма много безъ употребленія и безъ мѣсть. Тотъ Французъ, о коемъ я къ тебѣ писалъ, наконецъ пріѣхалъ, и мы просимъ Бога, чтобъ онъ навсегда таковымъ остался, каковъ есть теперь. Онъ весьма ученъ, воспитанъ дядею, который былъ первымъ учителемъ

Дофина, и былъ по части Геометріи и Географіи употребленъ при воспитаніи его и самъ. Дочь его—премилый ребенокъ, 9 лѣтъ, совершенно воспитана хорошо и всегда была при немъ. Ему 41 годъ, и метода ученія очень хороша. Сергуша очень силенъ уже въ Исторіи и Географіи, а особливо въ Россійской, имѣя учителемъ мать, которая жизнь свою посвятила совершенно дѣтямъ и моему благополучію. Отъѣздъ нашъ въ чужіе края мы отложили на годъ или на два, для того что мнѣ надобно привести въ порядокъ домашніи дѣла, а еще больше того все думается, что ты вырвешься изъ края, гдѣ приобрѣлъ много славы, а еще больше болѣзни и безпокойствъ. Головинъ возвращается весною въ Россію и располагается жить лѣтомъ въ подмосковной, не зная, что домъ его въ двухъ мѣстахъ треснулъ, а одна колонада почти совсѣмъ упала.

Я справлялся по Тульской дорогѣ и узналъ, что къ тебѣ проѣхали два зеленыхъ курьера.

Въ Москвѣ я еще не былъ, но слышалъ, что Беклешовъ гонитъ Полицію и майоровъ часто бранить, какъ говорится....

Кажется, что войны у насъ не будетъ, судя по тому, что казачьи полки распустили велѣно. Дворы признаютъ новаго Галльскаго императора; по нотѣ, отъ нашего Двора поданной сейму Имперскому, трактовать не будутъ, а курфирстъ Баденскій объявилъ, что сіе дѣло окончено между Россією, и Францією.

Черезъ d'Alonville, который по связямъ своимъ въ Парижѣ зналъ всѣ происшествія, узналъ я, что изъ числа тѣхъ жандармовъ, коихъ въ два часа пополудни привезли изъ Парижа въ Vincennes разстрѣливать дюка д'Ангена, два отказались, и послѣ его тотчасъ безъ суда были разстрѣлены тутъ-же. Вотъ какъ Наполеонъ хочетъ, чтобъ ему повиновались. Дурное средство долго царствовать; отъ ужаса скоро рождается отчаяніе,—правило, коему государи не любятъ вѣрить.

Засуха здѣсь, кажется, кончилась, и послѣ сѣнокоса я боюсь, чтобъ дожди не помѣшали уборкѣ хлѣба. Яровыя очень низки, но въ нихъ мѣстахъ у меня ячмени очень хороши. Теперь скажу тебѣ чудо, коему ты порадуешься: изъ числа 46

дес., посѣянныхъ прошлою осенью рожью, одну десятину насыпали мелкимъ щебнемъ, коего у меня отъ строенія слишкомъ много; ее сжали; на ней 25%, копень, изъ копны выходитъ 6 четвериковъ, а высѣяна была одна четверть, потому что сѣяно рядами куковой машиной, слѣдственно рожь на этой десятинѣ родилась въ 19 разъ; а я тебя могу увѣрить, что нѣсколько десятинъ есть еще лучше, но не ужаты. Горохи чрезвычайныя, и я думаю, что здѣшній грунтъ отменно все родить будетъ, исключая пшеницы и овса. Еще скажу чудо, чтобъ тебѣ дать понятіе о травѣ, которая нынѣшній годъ родилась на Битюцкихъ степяхъ: я велѣлъ отобрать въ двухъ мѣстахъ по десятинѣ, свѣсилъ сѣно, когда оно высохло: на худшей вышло 193 пуда, а на лучшей 254½; но правда, что они подобной травы и не помнятъ.

Жаль, мой другъ, что ты слишкомъ занятъ и не имѣешь времени ко мнѣ чаще писать; очень, очень часто я за тебя крѣпко беспокоюсь, а когда и покоеишь, то и тогда не знаю, когда съ тобой увижусь и надолго ли? Но воля Божія, коей все имѣющее разсудокъ покоряться должно.

Мыждемъ своячину Васильчикову, которая, проводя до сихъ мѣстъ вдушаго мужа въ Петербургъ, останется до возвращенія его у насъ.

Жеребята мои, числомъ шесть, отъ Ристана чрезвычайныя; но такъ какъ у меня на Битюгѣ кобылъ много, а жеребцовъ только 4, то я бы и хотѣлъ, чтобъ ты двухъ, мнѣ назначенныхъ, жеребцовъ прислалъ, если можно, въ Георгіевскъ, куда я бы отправилъ за ними людей привести ихъ сюда хотъ къ веснѣ, а кобылъ для случки съ Битюга приведутъ сюда. Прощай. Богъ съ тобой. Онъ, благословя твою душу, спасетъ и тѣло, и возвратитъ друзьямъ, кои нетерпѣливо тебя ожидаютъ.

XXVII.

Отъ 10-го Августа (1804) с. Вороново.

До сихъ поръ нѣтъ отъ тебя ни строчки, и сіе бы меня меньше тревожило, если бы ты такъ лѣнивъ былъ, какъ Голо-

винъ. Поздравляю тебя съ большимъ Владиміромъ. Мнѣ кажется, что ты право имѣешь Георгіевскій крестъ просить и въ Думъ, и тѣмъ пріятнѣе будетъ его получить. Довольно мудрено то, что пожалованіе тебя Владиміромъ ходитъ вмѣстѣ съ росписью милостей, испущенныхъ во время бракосочетанія, кою при семъ посылаю; и карту, сдѣланную Сергушей. Онъ любитъ очень Географію, и учитель его въ состояніи его выучить. Мы чрезвычайно имъ довольны. Дай Богъ, чтобъ онъ таковымъ остался до конца воспитанія. Жена и дѣти здоровы; у насъ гостила недѣлю своячина Васильчикова, коей мужъ по полковымъ дѣламъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Прошу тебя теперь по письму одного изъ моихъ знакомыхъ. Въ Саратовскомъ мушкетерскомъ полку есть поручикъ и прапорщикъ Кастыревы; они по приказанію отца нынче осенью идутъ въ отставку, и отецъ боится перѣзда ихъ чрезъ горы, то сдѣлай для старика одолженіе: обезпечь ихъ, когда они, получа отставку, поѣдутъ, и отправь при случаѣ върномъ. Прощай. Когда мы увидимся? А никто сего для себя и для тебя больше не желаетъ какъ я. У меня есть здѣсь чудо: на десятинѣ, на коей положенъ былъ щепень и высѣяно было Дрилемъ $6\frac{1}{2}$, четвериковъ ржи, нажато 25 копенъ, и изъ каждой выходитъ 8 четвериковъ и 7 гарнцевъ — Сочти, во сколько разъ родилась, и потомъ похвали молодца!

XXVIII.

Отъ 21-го Сентября с. Вороново.

Близъ мѣсяца, другъ мой, не получалъ отъ тебя писемъ, хотя и были отъ тебя посланные въ Петербургъ. Но полагая тебя слишкомъ занятымъ великими и усипѣнными твоими дѣлами, безпокоюсь въ душѣ, желая скорого окончанія. Кажется, что скоро должна быть у насъ война и другая. Разрывъ съ Франціею сдѣланъ: нашъ послѣдній оставшійся въ Парижѣ Убри оттуда выѣхалъ, и мы теперь съ Бонапартомъ въ войнѣ и въ невозможности сойтись вмѣстѣ. Между тѣмъ царствующія главы сдѣлали сами себя произвожденіе: одинъ прямо

изъ бригадировъ въ императоры, другой изъ избранныхъ въ наслѣдственные. Прусской король тоже хочетъ въ первый классъ. Посмотри, какія подадутъ просьбы все эти курфирсты и поганые принцы Нѣмецкой породы; видно, что въ Европѣ по случаю восшествія на престолъ Бонапарте, будетъ генеральное произвожденіе. Но признаюсь, что я не совсемъ спокоенъ, зная безпокойную голову господина Наполеона: онъ въ бѣшенствѣ столь много можетъ вреднаго для насъ вздумать; мы можемъ всегда спасти Англію, а она насъ никогда. Франція можетъ заставить Австрію и Пруссію дѣлать что ей угодно. Раздѣлъ Туреціи вещь самая легкая; но если мы тутъ не будемъ участвовать, то сей раздѣлъ будетъ для насъ пагубенъ, и весь вредъ Россіи быть могущій останется на душѣ г. С. Р. Воронцова: вотъ доказательство, какъ человекъ, съ умомъ, довольно съ благородною, свѣтлою душою и любовію къ своему Отечеству; ослѣпленъ лестію и привычкою. Какая намъ нужда мѣшаться въ войну, отъ коей до сихъ поръ двумъ воюющимъ державамъ другаго вреда не произошло, какъ вооруженіе плоскодонныхъ судовъ у одной и переписка въ охотники въ другой? Зачѣмъ набиваться на драку, когда мы убѣгаемъ отъ войны; вступаться за Нѣмцевъ, когда ихъ глава молчитъ и удитъ рыбу, и прогнѣваться за смерть Французскаго фехтмейстера, когда согласились на Аміенскій миръ, на коемъ половина Италіи покорена Французамъ, и Сардинскій король облеченъ въ кетомку. Но все царства имѣли свои періоды; видно, время нашей славы прошло, и насталъ курсъ униженія. Рекрутскій наборъ опубликованъ съ 500 по одному; а я все стараго мнѣнія, что Францію Россіи, Пруссіи и Австріи можно въ два года обратить въ первобытное ея положеніе, а Англію никогда, ведя войну въ Европѣ. И для сего бы надобно раздѣлить Турецію по старинному моему плану, взявъ Молдавію и Ромелію съ Цареградомъ, прочее Австріи и Пруссіи съ промѣнами между сими двумя, Грецію и острова образовать республикою, Египетъ Франціи, а тамъ 50 т. подъ твоею командою отправить чрезъ Персію въ Индію, разорить до конца все Аглицкія заведенія... откуда прямо я

возвращаюсь въ Вороново. Мы всѣ кромѣ меня здоровы, а у меня часто что-то болитъ плечо и рука отъ стариннаго Гатчинскаго рюматизма. Жена здорова, всѣмъ занимается, образуетъ дѣтей по своему подобію и пользуется блаженствомъ чистыхъ и добродѣтельныхъ душъ. Дѣти растутъ и кажется общаются много; не знаю, сдержатъ ли слово. Сергуша успѣваетъ во многомъ. Учитель его часъ отъ часу становится для насъ дороже рѣдкими своими знаніями и поведеніемъ. Дочери, одна начинаетъ умничать и учить сестру, а та-самая веселая, здоровая дѣвка. Богъ открылъ ей Ариметику, и она въ пять лѣтъ шутя удивительно какъ успѣла: не довольно Арабскія, но и Римскія цифры въ минуту, безъ остановки, считаетъ и складываетъ. Я досталъ наконецъ доктора, коего мнѣ очень изъ Берлина выхваляютъ, и онъ въ будущемъ мѣсяцѣ долженъ быть здѣсь.

Хлѣбопашество мое идетъ, какъ нельзя лучше. Машинистъ ставитъ молотильную машину, совсѣмъ новаго построенія, и мельницу, коя достойна быть показана хозяевамъ. Я очень радъ, что испытанія надъ удобриваніемъ здѣшняго качества земли черною болотною землею совершенно всѣ награждены совершеннымъ успѣхомъ. Горохъ на 3 десятинахъ, на коихъ высѣяно Дрилемъ 15 четвериковъ, не смотря на поздній посѣвъ и самое сухое лѣто, далъ 28 четвертей; картофель, коего снято съ унавоженной просто земли по 75 четвертей съ десятины, на той, гдѣ была черная болотная земля, родилъ 108 четвертей. Вотъ мои успѣхи. Многіе смѣются, другіе находятъ въ моихъ сельскихъ занятіяхъ дальніе виды, иные алчность къ деньгамъ. Но я все продолжаю, живучи уже на свѣтъ давно, для пяти или шести человекъ. Прощай. Забылъ было сказать, что первый приводъ моихъ лошадей съ Бтюцкаго завода чрезвычайный, и я очень радъ, что послѣдовалъ своей мысли, несмотря на доказательства Орлова и проч., и теперь вижу, что вѣрить не всему надобно. У меня отъ Аглицкихъ породныхъ жеребцовъ и Горскихъ кобылъ такія вышли лошади, что любоваться должно. Прощай, мой другъ. Богъ съ тобой, и все будетъ хорошо.

Р. С. Мнѣ пришлѣтъ изъ Москвы, что къ тебѣ посланъ Георгіевскій крестъ. Поздравляю, если правда, жалѣю, что четыре мѣсяца не посланъ былъ.

XXIX.

Отъ 25 Октября с. Вороного.

Вчерашній день былъ для меня весьма памятенъ получе-
ніемъ извѣстія изъ Москвы изъ дома князь Дмитрія Егоры-
ча, что ты живъ и возвратился въ Тифлисъ по взятіи Ериван-
ской крѣпости, и я теперь, бывъ покойнѣе, стану ждать твое-
го письма. Представь себѣ мое положеніе: шесть недѣль я
ничего больше не слыхалъ, какъ слѣдующее: о к. Циціиновѣ
извѣстія нѣтъ, сообщенія всѣ перерваны, полкъ казачій въ
горахъ перерѣзанъ, онъ разбитъ шахомъ самимъ, Имеретія
взбунтовала; полки, въ Грузію идущіе, не могутъ пройти и
стоятъ въ Кизлярѣ; — вотъ что убивало твоего искренняго
друга и заставляло нѣсколько разъ проклинать ту минуту,
въ кою я вздумалъ приступить къ трактованію о Грузіи. —
Москву ты знаешь. Всѣ В.... и вся ихъ родня до 5-го колѣна
завопили о своемъ уродѣ - занкѣ, и сей мерзавецъ писалъ
къ отцу своему, соединяющему глупость Русскую съ ино-
земскою, что о тебѣ нѣтъ никакого извѣстія. Кнорингъ въ пере-
пискѣ съ осломъ Г. и бестією К. — Жертвуя мерзкой зависти,
дѣлался Русскимъ и сожалѣлъ о гибели христіанскаго
воинства. Наконецъ слава Богу, о тебѣ пекущемся! Зави-
стливые прикусятъ языкъ, трусы станутъ хвалить, Нѣмцы
курить, а друзья твои радоваться сердцемъ и душою. Даже и
лошади тебѣ благодарны будутъ, что ихъ мучать не такъ
станутъ, развозя сплетни и печальныя извѣстія. Я прежде
любилъ, а теперь душевно почитаю князь Дмитрія Егорыча
за его къ тебѣ преданность: онъ на человѣка въ это время
не походилъ; также долженъ отдать справедливость и живому
к. Д. Ерсеичу: онъ тебя истинно любитъ. Вотъ моя реля-
ція объ отличившихся въ Москвѣ. Беклешовъ тоже за тебя

стоитъ горю, и хотъ я его и не люблю, но сіе не должно мѣшать истинѣ.

Я здоровъ съ женою и съ дѣтьми; она была больна три дня головою, и послѣ мнѣ призналась, что сіе было отъ безпокойства на твой счетъ. Я уже къ тебѣ писалъ, что мы наконецъ имѣемъ гувернера совершенно такого, какъ хотѣлось, и Сергуша дѣлаетъ успѣхи въ его рукахъ. — Я тебѣ новаго ничего сказать не могу, какъ то, что мы почти въ войнѣ съ Бонапартомъ, но Римскій императоръ и Прусскій король о войнѣ и слышать не хотятъ. Ты увидишь много справедливыхъ происшествій въ газетахъ. Посылаю тебѣ четыре портрета Емельяновы⁵⁰⁾; я нашелъ, что его подвигъ столь важенъ, что достоинъ быть спасенъ отъ времени. Прошу одинъ портретъ дать гр. Воронцову и кн. Козловскому, коего я какъ душу люблю, не зная совѣмъ въ глаза.

У меня есть до тебя просьба; ты мнѣ съ большимъ сожалѣніемъ писалъ о лошади твоей любимой, кою испортилъ; пожалуйста, если она для употребленія тебѣ не годится, а можетъ быть доведена весною, то подари мнѣ ее на инвалидное содержаніе; я недоволюно умѣю быть благодарнымъ людямъ, но даже и скотамъ, а она бы въ хорошей конюшнѣ, въ покоѣ и холѣ, скончала у меня жизнь, изъ коей часть была тебѣ полезна. Прощай, совѣтовать ничего не могу, ибо ты вышелъ изъ числа тѣхъ, коихъ служба должна считаться годами; ты ею теперь связанъ съ Россією и Государемъ, который — Крестъ добрыми намѣреніями, но нищій исполнителями. Богъ съ тобой.

XXX.

Отъ 4 Ноября. с. Вороново.

Вчерашній день я былъ въ первомъ движеніи испуганъ, а потомъ нѣсколько успокоенъ на счетъ твоей жизни появленіемъ у меня въ домъ фельдъегеря Петруши, и тѣмъ больше, что онъ сказывалъ о другомъ твоёмъ письмѣ, кое еще при немъ прибыло въ Георгіевскъ. — Почему ты вообража-

⁵⁰⁾ Пугачова?

ешь, что я полагалъ возможнымъ пріятствіе чужь въ ея распространеніи? Я знаю, что когда страхъ дѣйствуетъ, то человекъ не внемлетъ никакому гласу и откидываетъ все способы, преподаваемые къ его спасенію, вѣря оное самому себѣ. Несчастіе, что сія бѣда случилась при началѣ образованія того края, и что ты и самъ, занимаясь единственно благомъ общимъ, ничего о себѣ не думаешь. Сіе я заключаю изъ словъ Петруши, что всякій нѣтъ къ тебѣ доступъ, и ты въ точномъ смыслѣ исполняешь долгъ присяги — *не щадить живота своего*. Но сколь рѣдкихъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ подобный образъ мыслей, столь и мерзко видѣтъ неуваженіе къ оному. Въ какомъ ты жалкомъ положеніи! Окруженъ больными и умирающими! Главный начальникъ и секретарь, — все вмѣстѣ! Общество твое составляютъ протопопъ и натуралистъ! Желаю, чтобы сей послѣдній могъ нѣсколько тебя занять и употребилъ свое знаніе къ разсѣянію печальныхъ мыслей. Я имѣлъ, бывъ опасно боленъ въ Ганноверѣ въ 87 году, доктора, который далъ мнѣ чувствовать, что онъ любопытенъ былъ анатомить мое тѣло, полагая отъзнаго свойства нервы у сѣверныхъ народовъ. — Распращивая цѣлый день о тебѣ у Петруши, заключаю, что ты нуждаешься самонужными вещами, а иногда, можетъ быть, у тебя нѣтъ и сахару. — Въ Москву пріѣхалъ стат. совѣтникъ Литвиновъ изъ Петербурга, коего Кочубей отправилъ къ тебѣ для нисѣма. Я его знаю лѣтъ съ 18 л.; онъ малый хотя и не умный, но прилежный и скромности рѣдкой, несчастный до сего времени и состояніемъ и женитьбою на дочери Настасьи Никол. Нелединской и кн. Репнина, которая сперва его не любила, а потомъ слюбилась съ бумажнымъ Куракинымъ, кн. Алексѣемъ, и умерла. Сей Литвиновъ сказывалъ множество слышанныхъ имъ вещей отъ Кочубея: что ты будто просился уже въ отставку, но что Государь тебя удержалъ; хвалилъ тебя, что никто лучше препорученнаго не сдѣлаетъ, и что ждуть успѣховъ отъ твоихъ предпріятій.

Я очень понимаю, слѣдственно и хвалю, твое намѣреніе въ выборѣ времени для отправленія челобитной. При семъ дамъ

тебѣ понятіе о кн. Волконскомъ, назначенномъ командиромъ войскъ тебѣ пренорученныхъ: онъ отличился въ 89 году на флотиліи принца Нассау противъ Шведовъ и командовалъ канонерскою лодкою; былъ изъ числа 4 гвардейскихъ офицеровъ, кои спасли всю флотилію отъ неизбѣжной гибели и одержали потомъ нобѣду надъ непріателемъ; потомъ онъ, добираясь до Мальты, коей слишкомъ рано назначенъ былъ комендантомъ, странствовалъ по Италіи. Онъ — человекъ весьма умомъ ограниченный, самолюбивый и глупогордый скученъ и тяжелъ такъ, что всякая чугунная гиря предъ нимъ пухъ, при томъ довольно интриговать и затѣйливъ.

Я тебѣ сообщу, если не знаешь, о тебѣ мнѣніе достаточныхъ людей въ Грузіи и на линіи. Они все жалуютъ о Кнорингѣ, а еще болѣе о Ковалинскомъ, говоря: *только придти съ подаркомъ, такъ и дѣло всегда бывало сдѣлано*. У тебя много, мнѣ кажется, волонтеровъ, и между прочими сынъ моего стараго идола Семена Романовича; но видя, какъ онъ себя велъ въ Петербургѣ и узнавъ много внутреннихъ объ немъ анекдотовъ, я его обратилъ нынѣ изъ боговъ въ идолопоклонники. Мнѣ прежде прискорбно бы было знать, что сынъ, проѣзжая чрезъ Москву, не заглянулъ въ мою пустыню; но свѣтъ есть свѣтъ, а люди—люди.

Канцлеръ настоятъ и почти циркулярно сообщаетъ всѣмъ знакомымъ о своемъ намѣреніи идти въ отставку. Извѣстія же Петербургскія объявляютъ войну съ Французами, и это будетъ жертвоприношеніе преданности Сем. Ром. къ Аглицкому народу. Что намъ пользы изъ сей войны? Если Бонапарте не уважилъ занятіемъ Гановра ручательство нашего императора за Германскую конституцію, то скорѣе за сіе вступиться должно главѣ Нѣмецкой, — Римскому императору; а Агличане не отдають Мальты. Вызвавъ Государя нашего порукою въ исполненіи сего обязательства, Прусскій Дворъ вѣрно или не тронется, или обманетъ. Цесарцевъ въ одну кампанію Французы обезоружать, зайдя со всѣхъ сторонъ, а мы будемъ драться. За что? Такъ! Наборъ уже обнаругованъ, и въ указѣ сказано: «по случаю

смутныхъ обстоятельствъ въ Европѣ и для достоинства Россійской Имперіи». Но видно, что хотѣли въ указѣ показать уваженіе къ дворянству, потому что сказано — «взять съ 500 душъ по два человѣка». За Гудовичемъ посланъ курьеръ. Если ему ввѣрятъ армию, то онъ вѣрно самъ пріѣдетъ извѣстить о первой проигранной баталіи, по примѣру генераловъ, на Варшавской бойнѣ бывшихъ.

Въ Москву назначаютъ кн. Куракина, Алексѣя, а онътеперь занять усмиреніемъ въ Малой Россіи крестьянъ гр. Л. Кир. Разумовскаго. Иванъ же Петровичъ Салтыковъ не думаетъ идти въ отставку и старается, напиваясь съ графомъ Орловымъ, уснуть въ женидбѣ сына на его дочери.

Державинъ сочинилъ прекрасныя философическія стихи, уподобляя жизнь дежурству, и видно, что прямо изъ генераль-прокурорскаго дома взглялъ опять на Парнасъ. Опасно, чтобъ тамъ не прибилъ Аполлона и не обругалъ Музу.

Я не очень здоровъ: простудился отъ лишней дѣятельности въ скверную погоду. У насъ съ недѣлю грязь по колено. Жена очень обрадована, что ты хоть не совсѣмъ нездоровъ. Дѣти растутъ и насъ утѣшаютъ. Софалета начинаетъ читать. Дай Богъ, чтобъ они выросли подъ глазами матери и слѣдовали ея примѣру. Она теперь занята работою подсвѣчника изъ словеновой кости для тебя, и работа прекрасная.

Поклонись отъ меня своему правителю канцеляріи. Я въ немъ принимаю большое участіе, такъ какъ въ твоемъ помощникѣ, равномѣрно и въ собратѣ своемъ по части земледѣлія. Мой Патерсонъ обрадовался дождю и принялся опять перенахивать землю къ веснѣ. Я нашелъ здѣсь прекрасный известковый камень, и на тотъ годъ на строеніе покупать его не буду, да и на поля довольно нажгу. Но сіе удобриваніе требуетъ на моей землѣ осторожности по той причинѣ, что грунтъ больше песчаный, слѣдственно и горячій; а это исправитъ землю, и чему я уже и плодъ вижу на посѣянномъ хлѣбѣ— это черная, болотная земля, которая самага лучшаго свойства здѣсь есть, и содержитъ много масляныхъ въ себѣ частей.

Расположеніе твое о присылкѣ жеребца я совершенно нахожу благоразумнымъ, и прошу, если въ твоей экспедиціи попадетъ породный жеребецъ Арабской или Барбарской породы, или большаго роду Персидскихъ, то достань, не жалѣя денегъ. Я вижу плоды переимѣшванія сей породы съ Горскими и Донскими кобылами, и надѣюсь, если еще гдѣ 10. не умру, то завести родъ отличныхъ лошадей. Изъ 9 приведенныхъ отъ тебя кобылъ, 8—съ жеребятами, и всѣ случены у меня на заводѣ; изъ приведенныхъ сюда двухъ одна жереба, а другую выѣзжаютъ, и я мало видывалъ столь прекрасной лошади; она называется *Трама*. Я было назвалъ ее *Тури*, по вышлі изъ ней *куры* по обыкновенію нашихъ людей, которые изъ Маріи Терезіи сдѣлали Марью Терентьевну, изъ Фелькерзама Федьку Пузана, а изъ Перуна.....

Прощай, мой другъ; Богъ съ тобою. Окончай свои дѣла и пріѣзжай обрадовать родню и друзей, изъ коихъ у тебя по смерти два вѣрные: въ Петербургѣ Зиновьевъ, здѣсь я.

У меня здѣсь есть сосѣдъ Астафьевъ, который у меня и живетъ. Я тебя имъ потѣшу, а чтобъ дать понятіе о его разсудкѣ, то вотъ его два мнѣнія:

Какъ жеребцу меня не убить! Какой мой чинъ?! Да и я же въ отставкѣ.

Я думалъ, что дамъ оттого уважають, что у насъ была Императрица, а послѣ ея кончины все тоже, и жены мужу бить не можно!

XXXI.

Отъ 9 Ноября. с. Вороново.

Въ бытность мою въ Москвѣ получилъ твое письмо и, бывъ обрадованъ твоимъ сперва возвращеніемъ, весьма на тебя въ душѣ досадовалъ, что ты, набивъ себѣ голову мечтою, сокрушаешься и мучишь себя совсемъ напрасну. Мудрено ли взять Еривань, когда бы у тебя былъ провіантъ и еще больше войска; но кто же сему виновать? Легко сіе и на словахъ и на бумагѣ объяснить. Взятіемъ сего города кончилось бы

первоначальное исполненіе обширнаго плана; но можно ли имѣть право человѣку положить навѣрно, что онъ все въ срокъ, имъ назначенный, окончитъ? Ужели ты не имѣешь уваженія ко взятію Ганжи и къ тому, что противъ 40 т. дрался нѣсколько разъ безъ конницы и всегда былъ побѣдителемъ? Ты предводитель войска, но не войско. И когда всѣ отреклись на приступъ, долженъ ли ты былъ лѣзть одинъ съ почтеннымъ Портнягинымъ на стѣны? Я знаю, что всѣ сіи мои замѣчанія придутъ еще рано, но пожалуйста оставь это письмо и прочти тогда, когда Еривань будетъ взята. Бестія мѣшавшая откинута, и ты спокоенъ. Графъ Румянцевъ отшелъ отъ *Силистріи*, бывъ отбитъ. Суворовъ не смѣлъ и подумать брать *Мантую*, и она сдалась слѣдствіемъ побѣдъ. Ужели бы Еривань по уходѣ Баба-хана продолжала сопротивляться? Ты въ примѣръ въ огорченіи приводишь к. Голицина. Но это все равно, еслибы ты сравнялся силою со слономъ. Тотъ былъ глупая, придворная штатсъ-дама; да замѣть то, что всѣ генералы и офицеры просились идти на приступъ въ Хотинъ, а у тебя подъ Ериванью никто не хотѣлъ идти. Я радъ, что ты нашелъ примѣръ совсѣмъ противный, и что легко можно доказать тебѣ, что сердце и душа безъ вѣдома ума рылись въ головѣ и отыскали образецъ. Но ты давно не такъ выкроенъ, и твое мѣсто въ Исторіи отведено. Теперь вмѣсто покоя тебѣ еще больше хлопотъ будетъ, исправляя всѣ глупости Волконскаго и Глазенапа, который однакоже съ своимъ войскомъ щедро награжденъ. Москва тебя считала пропадшимъ, не вникая ни разсудку, ни Географіи и, узнавъ возвращеніе и причины, ополчилась на дурака-зайку и уже, отдавъ его подъ судъ, исключая изъ службы, дотога занялась его судьбою, что старикъ отецъ слегъ больнымъ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя письма еще, чтобъ узнать, покоенъ ли ты. Мы всѣ здоровы и за единообразною жизнію новаго ничего по счастью нѣтъ. Жена тебѣ кланяется и, радуясь, что ты имѣлъ столько успѣховъ, жалѣетъ лишь о томъ, что по послѣднему случаю ты принужденъ будешь еще доканчивать оставаться въ томъ краю. Въ семъ происшествіи посудитъ Богъ Нѣмецкій соборъ, и еслибы Го-

сударя боялись, или искренно любили, то бы тебѣ огорченія не было; но не каждому есть особое опредѣленіе Божіе. Прощай, обвиняю тебя и дорого бы далъ, чтобъ быть съ тобою, любя дѣлить печаль съ друзьями и быть весь ихъ! Богъ съ тобой.

XXXII.

Отъ 30 Ноября. с. Вороново.

Вчерашній день Небольсина прислала ко мнѣ съ нарочнымъ письмо твое отъ к. Мих. Дмитриевича, ей доставленное; радъ очень, что изъ содержанія онаго вижу тебя покойнѣе. Чтò сдѣлано, тому такъ и быть; ты не первый, который отъ зависти и пронырства былъ остановленъ въ успѣхахъ. Не знаю, кого ты называешь другимъ помощникомъ; если похожъ на Волк., то душа въ отсутствіи покойна быть не можетъ: съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія о возвращеніи твоёмъ въ Тифлисъ и успѣха въ освобожденіи казачьяго полка. Можно ли это одно войско посылать противу конныхъ разбойниковъ! А вспомни, что этотъ Волк. считается въ Петербургѣ большимъ тактикомъ, и совѣты его имѣли вѣсь наравнѣ съ пятаками. Лучшее его дѣло есть обманъ Цесарскаго генерала, который его отправилъ противу Генуи, будто на штурмъ, и у дурака убили человекъ пятьдесятъ; а генералъ Цесарскій ему сказалъ, что это была лишь диверсія. Ты видишь, что онъ весьма къ нимъ склоненъ.

Теперь въ Петербургѣ, готовясь мнимо на войну съ Французами, ввели новый родъ ученья для пѣхоты. Сдѣлали изъ ней стрѣлковъ, и всѣ, даже и трехъ-аршинные гренадеры лейбъ-гвардіи, ползаютъ на брюхъ, заряжаютъ ружье и стрѣляютъ съ пунка.

Я самъ одного съ тобою мнѣнія, что теперь трудно тебѣ вырваться; да и я, несмотря на желаніе мое, яко истиннаго друга, видѣть тебя внѣ Грузіи, желаю, чтобъ ты остался, устронилъ, взялъ Ериванъ и доказалъ, что ты и предложить планъ и исполнить оный равно можешь; и для сего хочу, чтобъ войске къ тебѣ пришло, и чтобъ Волк. не было. Онъ уже дока-

жалъ, что оставлять его не можно, а съ собою брать еще хуже: онъ ни на что не годится, какъ дѣлать сплетни, и я давно замѣтилъ, что слова заикъ привлекаютъ вниманіе отъ того, что ихъ считаютъ обдуманнѣми.

Очень я понимаю безпокойство Государя на твой счетъ. Онъ вѣрно знаетъ тебѣ цѣну и любитъ очень; но жалъ, что воля его подчинена, и онъ, не примѣчая иногда самъ, по чужой дудкѣ пляшетъ. Ты представить себѣ не можешь, что министры многіе дѣлаютъ. Лопухинъ раздаетъ милости, какъ милостыню, только не нищимъ,—далъ сенатору Сушкову 3000 столовыхъ денегъ, а дурака Страхова, отставя тайнымъ совѣтникомъ, наградилъ 3000 пенсіона. Въ сочинители Россійскихъ Законовъ опредѣлили какого-то Голландской службы капитана съ жалованьемъ 1500 р. Кочубей въ напечатанномъ проэктѣ, для отвращенія бѣдъ отъ неурожая, полагаетъ въ Смоленской губерніи жатву совсѣмъ оконченною съ 1-му числу Іюля. У купцовъ, кои въ чинахъ и имѣютъ деревни, отняли право наследства для дѣтей, исключя тѣхъ, кои имѣютъ уже или имѣтъ будутъ дипломы на дворянское достоинство. Представъ, какъ пергаментъ этотъ доходенъ будетъ. Васильевъ отправилъ зятя своего, Долгорукова, каламбуриста, въ Вѣну для счетовъ, и онъ насчиталъ 4 милліона поставщикамъ Цесарскимъ за продовольствіе Корсакова арміи, по выходѣ изъ Швейцаріи до нашихъ границъ. А что тебя удивить, это то, что я видѣлъ отъ Васильева запросъ въ Орловскую Казенную Палату объ оброчныхъ статьяхъ, естли оныя; а онъ министръ финансовъ!

Очистить надобно статью мусору, на коемъ рожь въ 32 раза родилась. Его возили въ ту же пору какъ и навозъ и въ такомъ же количествѣ, а къ тому году посѣяно по мусору 5 десятинъ еще. Когда внутренній порядокъ установится въ Грузіи, то легко будетъ примѣромъ и принужденіемъ ввести хлѣбопашество. О Свѣчинѣ скажу только то, что онъ умѣренными расходами собралъ довольно денегъ, чтобъ купить 2000 душъ, не потерявъ славы, что онъ пречестнѣйшій человекъ.

Теперь обращусь къ описанію семьи: мы были въ большемъ безпокойствѣ, и оно еще и теперь не совсѣмъ кончилось: восемь дней назадъ Наташа занемогла, у ней двои сутки былъ пресильный жаръ и кончился корью, которая пришла на Сергушу и Софалету, но весьма слабо и съ маленькимъ жаромъ; у Серюжи, я думаю, отъ того сыпь была мала, что у него въ это время открылся лишай на ногѣ, изъ коего идетъ матерія, а Софалета, по здоровому сложенію, не имѣетъ и мокротъ въ глѣзѣ. Ты легко себя представишь положеніе жены, и я не могъ ее упросить цѣлыедвои сутки отлучиться и отдохнуть часть времени. Наташа еще больше насъ въ сокрушеніе приводила, стараясь, когда ей давали пить лекарство, или оправляя, цѣловать руки, говоря: мнѣ лучше, подите спать. Теперь нужна предосторожность, время очень жестокое, но домъ нашъ теплый, и вѣтру нигдѣ нѣтъ. Бѣда еще и та, что докторъ, принятый ко мнѣ въ Берлинѣ и лекаръ—Головинимъ въ Дрезденѣ, оба въ дорогѣ, но не пріѣхали. Лекаря я нанялъ для Воронежскихъ деревень, гдѣ гнилая вода и испаренія отъ заливовъ Битюга губятъ много людей ежеосенно.—Сергуша удивительные дѣлаетъ успѣхи въ Географіи и Исторіи. Уроки его смѣшаны съ гуляньемъ и игрою. Россію по милости матери онъ такъ знаетъ, какъ должно Русскому; имѣетъ склонность рисовать, силенъ въ Ариѳметикѣ и говоритъ равно свободно порусски, поанглицки, пофранцузски и понѣмецки; любитъ слишкомъ много читать, въ чемъ ему препятствуемъ; сложенія до сихъ поръ слабаго и отъ сего имѣетъ нѣкоторую скромность; лицомъ, кромѣ цвѣта глазъ, точная мать; упрямъ, какъ я, если захотятъ къ чему принудить, но внимаетъ разсужденіямъ и слѣдуетъ доброму сердцу. Наташа очень хороша лицомъ, на коемъ много видно ума, часто разсуждаетъ свѣше ея лѣтъ, пишетъ хорошо и любитъ заниматься, слѣдуя вкусамъ матери. Софалета, при деревенскомъ здоровьѣ, въ должности домашняго забавника; понятіе имѣетъ удивительное и любитъ сочинять сказки, въ коихъ никто ничего не понимаетъ; затѣйлива, и одинъ разъ, списывая съ книги и надѣлавъ ошибокъ въ словахъ, вздумала испра-

влять печатное; чернила расплылись, и намѣреніе обнаружилось. Когда мать ей говорила одинъ разъ, что' нельзя совсѣмъ читать что она пишетъ, то она отвѣчала: *да на что это читать, у тебя такъ много клям.*—Жена иногда имѣетъ головныя боли. Занятія ея тѣже: дѣти, книги, гулянье, и для здоровья полчаса ѣзды въ манежъ послѣ обѣда. Она столь спокойна въ деревнѣ, что перемѣна въ жизни ей весьма будетъ тягостна, но весною съ дочерьми она ѣдетъ на мѣсяцъ для свиданія съ теткою въ Петербургъ, а я съ сыномъ остаюсь здѣсь. Мы не можемъ довольно нахвалиться г-мъ d'Alouville, который при ученіи у Сережи. Кромѣ чрезвычайныхъ познаній онъ совсѣмъ другаго разбора, чѣмъ всѣ Французь-учители.—Головинъ весною возвращается изъ Дрездена въ Петербургъ. Тарсуковъ груститъ отъ того, что живѣ. Новосильцевъ часто бываетъ у насъ, а всѣхъ больше Муромцевъ и Тончи. За жеребцами пошлю къ Апрелью въ Моздокъ, и какъ они къ Юнію могутъ быть на Битюгъ, то, случа съ нѣсколькими кобылами, въ Августѣ велю привести сюда, чтобъ отъ здѣшнихъ кобылъ достать породу.

XXXIII.

Отъ 16 Декабря. с. Вороново.

Вчерашній день обрадовалъ насъ полученіемъ вдругъ отъ тебя двухъ писемъ. Дѣло Гулякова служить счастливымъ предзнаменованіемъ для твоихъ предпріятій, и я увѣренъ, что онъ въ скоромъ времени загуляетъ съ Владимірскою звѣздой. Дай Богъ, чтобъ и ты самъ скоро все окончилъ, и доказалъ, что ты предлагаешь возможное для тѣхъ, кои занимаются единственно должностію и честію. Кн. В. до сихъ поръ еще не бывалъ въ Москвѣ; онъ изъ числа тѣхъ, кои всегда чего нибудь ищутъ въ большой безднѣ, то есть у Двора; а притомъ онъ и торгуется при отправленіи, предлагая то два аршина красной ленты, то пукъ ассигнацій и проч. Сей свѣтлѣйшій и Бороздинъ Неаполитанскій весьма въ модѣ отъ множества пустыхъ словъ и проектовъ по военной части. Пріѣзжіе изъ Петербурга увѣра-

ить, что ты тамъ у Государя въ большомъ уваженіи; но къ кому можно припомнить слово Louvais, къ коему одинъ изъ просителей принесъ записку Лудвика XIV о немедленной выдачѣ слѣдуемыхъ ему денегъ, и получилъ въ отвѣтъ отъ министра: *C'est la plus mauvaise recommandation, que vous puissiez avoir.*

Я радъ, что молодой Воронцовъ у тебя и для него, и для тебя; а объ воспитаніи его я давно дивился, и онъ въ 20 лѣтъ многія вещи судить лучше батюшки. — Недурно, еслибы Смитъ попался на нѣсколько времени къ Горцамъ; онъ изъ числа тѣхъ людей, кои таскаютъ по свѣту безпокойный умъ и пустое сердце. Онъ лгунъ и въ Москвѣ рассказывалъ на счетъ своего пребыванія во Франціи тьму нелѣпостей; а между тѣмъ удѣлялъ часть своего времени на продовольствіе сухой Мятлева жены. Я все сіе время былъ въ большомъ безпокойствѣ по случаю болѣзни и кончины Вас. Алекс. Небольсина: онъ имѣлъ ко мнѣ довѣренность, препоручалъ жену, и для сего я два раза, единственно въ угожденіе ему, ѣздилъ въ Москву. Онъ умеръ 6 числа сего мѣсяца, и я тебѣ описать не могу состоянія плачевнаго почтенной его жены, которая въ 41 годъ остается совершенно одна на свѣтѣ. Онъ умеръ въ столь твердомъ умѣ, что смерть его казалась невѣроятною: не помышляя о себѣ, потому что онъ совершенно былъ увѣренъ въ могущество Бога, занимался единственно судьбою жены и состояніемъ домашнихъ, коихъ слезы и невѣроятное отчаяніе больше служили похвалою покойника, чѣмъ всѣ надгробныя надписи.

Мы всѣ здоровы. Зима безснѣжная, но жестокая, и съ мѣсяцъ термометръ не подымается выше 15 градусовъ. Не могу удержаться, чтобы не сообщить тебѣ глупость Тверскаго губернатора кн. У. На него возшла къ Государю просьба отъ бѣдной барыни, что к.-исправникъ пріѣзжалъ къ ней, рылъ въ домъ у крестьянина ея, разорилъ дворъ и пр. Сенать потребовалъ отъ губернатора объясненія и получилъ въ отвѣтъ, что онъ, узнавъ, что у сего крестьянина есть знатный кладъ и увѣряясь по словамъ к.-исправника о дѣйствіи разрывъ-травы, отравилъ его для сисканія клада, имѣя въ виду единственно

казенную прибыль. Семать написалъ къ губернатору, что онъ сдѣлалъ неприличное и вѣрно бывъ не въ здоровомъ разсудкѣ. Однакоже У. остался правителемъ губерніи.

Дѣти милы и учатся также хорошо, какъ и походятъ на мать. Она сдѣлала тебѣ прекрасные два подсвѣчника; но я боюсь послать, чтобъ не пропали. Прощай. Додѣлай начатое и пріѣзжай забыть все прошедшее въ домѣ, гдѣ тебя ждутъ любовь и дружба нашихъ праотцевъ, а не нынѣшнихъ.

XXXIV.

Отъ 21 Декабря. с. Вороново.

Вотъ скоро мѣсяцъ, что я безпрестанно въ безпокойствѣ. Сперва дѣти были больны, и не рѣшено до сихъ поръ чѣмъ—корью, или красною горячкою [Fièvre Scarlatine], потомъ отъ бессонницы, трудовъ и огорченія жена была нездорова, наконецъ вотъ 16 дней, что я самъ болѣю. Не смотря на осторожность мою въ пищѣ, желудокъ разстроился, геморой дѣйствуетъ, рюматизмъ гуляетъ по тѣлу, какъ по саду. Но что меня немного безпокоитъ, это боль въ груди, которая до сихъ поръ была сильна и самая Русская. Докторъ и лекаръ, кои ко мнѣ вѣдутъ — одинъ изъ Берлина, другой изъ Дрездена, до сихъ поръ не пріѣхали, и я дѣлю время между своихъ и книгъ; сижу и хожу по горницѣ. Зима очень жестока, и съ начала Октября термометръ выше пяти градусовъ холода не поднимался. На прошедшей недѣлѣ своякъ Васильчиковъ, проѣздомъ въ Петербургъ, былъ у насъ съ женою. Она три мѣсяца, какъ брюхата, и ты представить себѣ можешь ея счастье! Она совсѣмъ перемѣнилась: здоровая, и прежній въ лицѣ имѣетъ цвѣтъ. Родить она въ Маѣ и останется въ Петербургѣ, куда и моя Катерина Петровна въ началѣ Маѣ на мѣсяцъ поѣдетъ, взявъ двухъ дочерей на свиданіе съ путешествующею и мореплавающею теткою, которая, возвратясь изъ за границы, опять вступила во всѣ права, сирѣчь прерогативы своего мѣста: получила портреты отъ обѣихъ Императрицъ и, нося теперь три, сдѣлалась подвижною

галереєю портретовъ царской фамилиі. Я почти купилъ вещь въ Москвѣ: дачу графа Брюса, въ Сокольникахъ, не въ городѣ. Кромѣ прекраснаго дома и всѣхъ потребныхъ строеній, сада, трехъ прудовъ, — земли огородной 83 десятины⁵¹⁾. Ты себя легко представишь, что это въ рукахъ моихъ Шотландцевъ принести можетъ съ помощію способовъ изъ здѣшняго мѣста. При томъ я заведу кирпичный заводъ, и выпишу изъ Англіи Больтонову паровую машину, и замелю поставовъ на 6 крупчатку, чѣмъ себя сдѣлаю хорошей доходъ, а городу пользу. Я думаю, что эту дачу куплю за 30 т., имѣя въ виду, если паче чаянія лѣтъ 15 еще проживу, основать тамъ свое пребываніе, потому что, какъ ни дѣлай, а все останешься одинъ съ женою. Катерина Петровна занята очень дочерями, и удивительно, что она, не имѣя почти опредѣленнаго времени на уроки, изъ нихъ сдѣлала! Наташа такъ хорошо читаетъ, что ее пріятно слушать и успѣваетъ много въ Географіи. Софалета такую имѣетъ память и понятіе, что служить иногда суфлеромъ. Сергуша полюбилъ очень почтеннаго нашего d'Alonville, и время не теряетъ никакъ. Онъ все еще слабъ, растеть и требуетъ бережи; такъ не очень много занять, а между игръ и движенія. У d'Alonville — дочь 10 лѣтъ, прекрасной ребенокъ. Жена учитъ и ее; а дочери такъ скоро начали говорить по-французски, что это удивительно, и вотъ тебѣ доказательство: покуда жена вечеромъ ѣздитъ въ манежъ, дѣти у меня въ горницѣ. Наташа, услышавъ, что m-lle d'Alonville говорила чтой-то про покойную свою мать, называя ее *ma chère mère*, сказала ей: «ah m-lle, appelez la plutôt maman. On sait ce que c'est. Car on peut croire que vous parlez de la mer rouge ou de la mer méditerranée. Софалета другой разъ, услыша, что m-lle d'Alonville, хвала почеркъ жены, сказали: quand je serai grande, j'écrirai aussi bien, — очень осердилась, и съ

⁵¹⁾ Нынѣ дача Митькова. Сюда пріѣхалъ гр. Ростопчинъ изъ Лубянскаго своего дома, утромъ 2 Сентября 1812 года, тотчасъ послѣ казни Верещагина, и отсюда въ то же утро отправился къ Яузскому мосту провожать Кутузова на его проходъ черезъ Москву. И. Б.

• большимъ жаромъ, покрасивъ, закричала: *c'est joli! vous êtes une petite fille, et vous voulez écrire comme maman, qui est une dame savante!* Надобно тебѣ сказать, что дочери обь вымльчивы, — по мнѣ. Наташа остерегается, а маленькая, не смотря на частыя проповѣди, часто вспыхиваетъ. Одинъ разъ она распустила чулокъ и, огорчась, въ отчаяніи сказала мнѣ: теперь жить не можно, я должна умереть и хочу умереть. Наташа замѣтила, что это очень дурно, мерзко и большой грѣхъ, а Софалета сквозь слезы отвѣчала: Богъ меня простить, я несчастная. — Сергуша хорошо переводитъ на Русскій и съ Русскаго. — Гр. Воронцовъ, канцлеръ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ не поѣдетъ. Фистула его неизлечима и опасная; вѣроятно, что онъ поджидаетъ брата, дабы сдать ему мѣсто и Чарторижскаго. Скажу тебѣ, что этотъ Полякъ стоитъ за тебя горой и грудью лѣзетъ на всю сволочь, которая противъ твоихъ дѣлъ вооружена завистью. Жаль, право, что нашъ Адамъ въ Польшѣ родился, а не въ Козельскѣ, или въ Угличѣ. Дарованій множество, а особливо для теперешняго мѣста, но Россію ему любить нельзя.

Министры все бранятся, и Лопухинъ миритъ. Чичаговъ отдалается, и въ Адмиралтейскую Коллегію для правленія дѣлами посаженъ Лабзинъ, который былъ нѣкогда у меня; человекъ понятій и дѣятельности рѣдкой, но съ Чичаговымъ они не уживутся: первый готовъ всѣхъ Русскихъ окургузить поаглицки; а Лабзинъ — самый Русскій вѣрноподаданный. — Московскій Сенатъ нашелъ Лопухина, что былъ въ Калугѣ губернаторомъ, правымъ; и я не знаю, что теперь его защитникъ сдѣлаетъ съ тѣмъ указомъ, при коемъ сей шельма-губернаторъ отосланъ былъ къ суду.

Двѣ недѣли назадъ, ночью, прискакалъ изъ Петербурга, въ качествѣ Петра Великаго деньщика, адъютантъ Государевъ Албедиль, взявъ команду полицейскую и запечаталъ магазейнъ Француза Aubert-Schalmé. Потомъ при осмотрѣ нашлось на 200 т. запрещенныхъ вещей; но какъ Мятлевъ живъ и готовъ помогать страждущей невинности, то онъ и подалъ вмѣстѣ съ Александромъ Яковлевичемъ Корсаковымъ объ-

явленіе, что лучшія самыя и дорогія вещи ихъ, выписаны до запрещенія и отданы на продажу Aubert. Вотъ и дѣло съ концемъ.

Увидишь, какъ Шведскій король карлится, представляя предка своего Карла XII. — У насъ ничего нѣтъ, и думаю, что войны и быть не можетъ, развѣ бить сперва Прусскаго короля. — Каменскій писалъ письмо, напоминая, что онъ живъ и служить можетъ, но остался безъ отвѣту. — Бонапарте коронованъ.

Ты вѣрно, такъ какъ и я, потревожился желтою горячкою; уповательно, если она не пресѣчется зимою, то распространится далѣе. И вотъ еще новой подарокъ Европѣ. Тутъ будетъ видно мщеніе Всевышняго за всѣ звѣрства покорителей Америки, откуда сія болѣзнь зашла. ●

У меня изъ Воронежа привезены молодыя лошади. Гнѣдой жеребецъ на твердыхъ ногахъ и прекрасной фигуры, показалъ всѣ способности быть служивою лошадию, выѣзжается для тебя, и къ лѣту будетъ готовъ. Я его велѣлъ полегчить, чтобы смиреннѣй и долговременнѣй былъ для ѣзды, и я бы хотѣлъ, чтобы ты осматривалъ на немъ войска и мѣста, окончивъ военныя дѣйствія. Прощай, другъ и другъ мой. Богъ съ тобою тамъ, а здѣсь будь съ нами.

Посылаю стихи на смерть Грушецкаго въ доказательство, что поэзія самовластна.

XXXV.

Отъ 12-го Января. Вороново.

Письмо твое, другъ мой, съ приложеніями получилъ, и на другой же день отослалъ къ кн. Дмитрію Егоровичу съ запросомъ, — здоровы-ли они, на что онъ отвѣчалъ, что ни одного больнаго и приключенія у нихъ въ семьѣ нѣтъ, и что они часто къ тебѣ пишутъ. Какъ это очищеніе горъ на тебя похоже! Ты положилъ въ свою умоточивую и, съ позволенія сказать, безвласую главу, чтобы самому исправлять вездѣ глупости сотоварищей. Радъ очень, что все это счастливо и

спѣшно кончилось; но не могу понять, какъ твое здоровье выносить. Боюсь, чтобъ, при первомъ успокоеніи души, тѣло не выдержало какой-либо сильной болѣзни. Ты увѣренъ, что, какъ истинный Русскій, я восхищаюсь мыслию, что ты будешь близокъ къ престолу, и радъ, что Государь въ тебѣ покажетъ, что онъ призываетъ достоинство и любитъ истины языкъ. Но, какъ истинный твой другъ, не скрою, что предвижу въ новомъ ожидающемъ тебя положеніи тѣму несносныхъ огорченій. Ты составъ придворной машины вѣрно разумѣешь, но не былъ самъ въ ней пружиною; и я боюсь, что, не успѣвъ сдѣлать Отечеству пользы, наживешь непримиримыхъ злодѣевъ и дѣлами, и языкомъ. Кажется, вижу тебя съ пальцомъ вверхъ, показывающаго на мой языкъ, приговаривая: *хорошъ, бачка, и это*. Но вѣрь мѣей опытности, что наука презирать людей тяжела для чувствительнаго человѣка. Я надѣюсь однакожъ, что тебя зовутъ не на мѣсто Визмитинова, и ты не пойдешь въ пергаментовые министры при Ливенѣ. Стало, что мы обѣднали людьми, когда Ришелье посылаютъ въ такое мѣсто, гдѣ ты одинъ годился быть. Много зналъ Французовъ всѣхъ лѣтъ, породъ, разборовъ, но право ни одинъ на дѣло не годится; потому, что они вездѣ Французы и все дѣлаютъ пофранцузски, то есть безъ разсудка. Слѣдственно, если все сдѣлается по послѣднему твоему письму, то мы черезъ годъ, можетъ, и увидимся. Дай Богъ! Я не очень доволенъ, что Чичаговъ и Румянцевъ въ Совѣтъ; первый отъявленный Якобинецъ на Аглицкую статью, а второй съ рѣдкимъ умомъ придворный философъ. Мѣсто въ Совѣтъ Чарторижскаго доказываетъ, что если Воронцовъ хоть умретъ, хоть пойдетъ въ отставку, но министромъ внѣшнихъ дѣлъ не будетъ. Трудно положеніе и Чарторижскаго, имѣя Бонапартину сумасбродную дѣятельность сокращать и мраморныхъ Римскаго императора и Прусскаго короля подвигать; а притомъ въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ, въ Берлинѣ наши послы другой воли, не имѣютъ, какъ тамошнихъ министровъ.

Сейчасъ получаю изъ Москвы письмо, гдѣ мнѣ пишутъ, что Зубовъ Николай отставленъ. На мѣсто его кн. Дмитрій Волконскій. На мѣсто сего въ ген. интенданты Долгорукой, зять

Васильева. Свѣчинъ въ директоры въ артиллерійской корпусъ; а на мѣсто его цесарской графъ Комаровскій. При семъ посылаю и производства, и ленты новаго года.

Справедливы слова Новосильцова, что покой для живаго человека не существуетъ. Нашлось, что нашъ почтенный d'Alonville такой же Французъ, какъ и всѣ прочіе. Графиня Минихова поѣхала въ Петербургъ съ своячиною Васильчиковою, и эта пишетъ къ Катеринѣ Петровнѣ, что дурища Минихова въ пути открыла ей, что она и d'Alonville другъ въ друга влюблены, что она ждать будетъ отъ него письма и потомъ выйдетъ за него замужъ. Вышло, по показанію Француза, что Минихша сама ему о своей страсти объявила, общала мѣсто въ Петербургъ чрезъ свояка своего Хруцова, наговорила о большомъ наслѣдствѣ и проч.; а у ней 800 р. доходу, и послѣ отца, который прездоровый Нѣмецъ, десять тысячъ рублей, да материнскихъ 60 душъ. D'Alonville увѣряетъ, что онъ всѣ сіи причины ей представлялъ и еще повторилъ письмомъ, что ему на ней жениться, и по бѣдности и чтобъ не сдѣлать несчастія своей дочери, нельзя; но видно, что самолюбіе говоритъ, судя за жертву страсти, кою онъ произвелъ въ тридцатипятилѣтней дѣвкѣ, съ шестью зубами; глупой, капризной, больной. Вотъ какъ иногда большой умъ можетъ извинять глупость!—Дѣти здоровы, и мы ждемъ всякій день доктора, который уже въ Петербургъ.

Въ Москвѣ были смѣшныя два происшествія: 1) У Циціанова, кн. Дм. Евс., гдѣ обѣдалъ Беклешовъ, побранились кн. Кир. Багратіонъ и Каверинъ. Пошли въ другую комнату, откуда вышелъ Каверинъ, трясясь отъ сердца, объявилъ, что онъ долженъ идти на смертный пистолетный поединокъ съ Багратіономъ за то, что сей его называлъ... поднялъ руку бить, но удержалъ. Теперь помирены. Багратіонъ говоритъ, что онъ не говорилъ; а Каверинъ говоритъ, что онъ былъ самъ пьянъ, и ему послышалось,—слѣдовательно и поднятіе руки почудилось. 2) Беклешовъ глупо вздумалъ унимать разорительныя игры: взялъ честное слово съ банкометовъ, что играть они не будутъ; потомъ, узнавъ, что продолжаютъ, послалъ полиціймейстера къ одному Бахметеву напомнить о его данномъ

словъ. Но этотъ велѣлъ Беклешову сказать: слова я не могъ дать, потому что Беклешовъ моею рожѣ не знаетъ, а я его; а коли ему завидно, что ко мнѣ ѣздить, то я не велю зажигать у себя въ домъ свѣчей.

Прощай, почтенный другъ.

Въ числѣ кобылъ, приведенныхъ для случки съ Арабскими жеребцами сюда съ Битюга, еще два твоихъ Трама, на конихъ охотники-знатоки дивятся, а я спасибо-ста, вамъ сіятельство!

XXXVI.

Отъ 1-го Февраля (1805) с. Вороново.

Нѣтъ тебѣ нужды сказать, какое дѣйствіе произвело послѣднее твое письмо изъ Цхинвала; но боюсь, что до сихъ поръ мы съ женою еще не опомнимся, и я послалъ человека ждать Воронежской почты, чтобъ тотчасъ имѣть твое письмо, если оно есть; а когда нѣтъ и тебѣ было легче, то дурно сдѣлалъ, что двухъ словъ не написалъ. Можетъ-быть, есть други живѣе меня; но у тебя право нѣтъ другаго Растопчина, который и сердцемъ и душою весь твой и одноголишь желаетъ, чтобъ знать тебя счастливымъ, или спокойнымъ, или покрайней-мѣрѣ здоровымъ. Довольно и того страданія, что, наживя друга, рѣшиться должно по обстоятельствамъ не жить почти никогда съ нимъ вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ ты въ концѣ лѣта возвратился изъ такого края, гдѣ много слишкомъ надѣлалъ и слишкомъ отдаленъ, чтобы не возбудить зависти и злости противъ себя. Но мнѣ кажется, что ты напрасно въ послѣднюю экспедицію захотѣлъ самъ идти; хорошо окончилъ, но было умеръ отъ трудовъ, а все для того, чтобы доказать всѣмъ извѣстную вещь, что В. трусъ и скоть. Рихелье въ Петербургъ, и видно, что твое призваніе въ Петербургъ стало извѣстно и въ Москвѣ; а безъ того съдой полотерь В. не сталъ бы такъ сильно одобрять князь Михаила Дмитриевича, коему присланъ бриллиантовой ордень Аннинской 2-го класса, а самому В. бриллиантовой Александровской.

Война у насъ какъ-то замокла, а только лишь учать, даже и гренадеръ гвардейскихъ, егерской экзерциціи, то есть, что задняя шеренга, для фланкированія и разсыпныхъ атакъ, ползаетъ на брюхъ, заряжаетъ лёжа, и пр.

По газетамъ увидишь, что Бонапарте зачинаетъ дѣлать предложенія Англіи о мирѣ; и я не удивлюсь, что успѣетъ; въ раздѣлахъ мѣшать некому, а земель въ 4 частяхъ много. Государей большая часть стала подвластною, а народы—безгласными, и законъ одинъ дѣйствуетъ,—власть сильнѣйшаго.

У насъ въ домѣ сдѣлалась престрашная революція. Тотъ d'Alonville, о коемъ я къ тебѣ такъ много писалъ, истинно умный, честный и съ правилами человекъ, изъ подтишка и такъ, что никто сего не примѣтилъ, влюбился въли, лучше сказать, рѣшился жениться на гр. Миниховой. Эта старая, сухая, преглупая и съ 800 руб. дохода дѣвка съ ума (если можно) почти сошла и повхала въ Петербургъ, не сказавъ никому о своемъ намѣреніи слова, а мы узнали отъ свояченины Васильчиковой, съ коею Минихова поѣхала и открыла свою тайну въ дорогѣ. Она уже предупредила и Нелидову, и императрицу-мать; но, не имѣя успѣха доставить жениху важнаго мѣста, предалась отчаянію. Что всего мудренѣй, что Французъ, имѣя одиннадцати лѣтъ милую дочь отъ первой жены и бывъ умный человекъ, съ большими знаніями наукъ и людей, влюбленъ самъ въ эту дуру, говоря, что онъ боится въ старости быть одинъ, что умъ для жены не нуженъ. Ты легко представишь, каково намъ было оставаться опять въ затрудненіи имѣть достойнаго человека и терять нужное время въ воспитаніи сына. Наконецъ, чтобъ это все кончить, я рѣшился имѣть счастливую чету въ домѣ, и теперь ужъ будетъ дѣло Минихши испросить позволеніе у отца, который къ тому еще разъ самъ женился, и забыть, что она жертвуетъ счастьемъ и природою родствомъ съ гр. Минихомъ фельдмаршаломъ и блаженной памяти съ Императрицею-Екатериною I-ю по Чоглоковымъ ⁵²).

Головинъ все въ Дрезденѣ до лѣта. Новосильцовъ боленъ отъ приезда своей супруги въ Москву и вчера долженъ былъ видѣть

⁵²) Мать гр. Екатерины Антоновны была Ввра Никол. Чоглокова. П. Б.

5 лѣтняго своего сына по четырех-лѣтнемъ отсутствіи. Онъ несчастливъ безъ возврата, и произношеніе имени жены волнуетъ въ немъ кровь. Панинъ въ Москвѣ, покупаетъ домъ, ни съ кѣмъ не видится и всякій вечеръ поитируетъ противъ Жуліани въ банкъ съ женою.

У насъ теперъ докторъ и лекаръ. Первый хотя молодой, но очень ученый и хорошо началъ свое дѣло; второй былъ во время войны полковнымъ лекаремъ у Цесарцевъ, но знаній имѣеть немного, и я намѣренъ его употребить въ Воронежскихъ деревняхъ, гдѣ много всякую осень людей мретъ отъ сильныхъ лихорадокъ и горячекъ. У дочерей и Серѣжи учить поанглійски очень добрая Агличанка, и еще мы приняли большую музыкантшу м-ше Minelli для ученья дѣтей на клави-кордахъ. Жена, занимаясь безпрестанно всѣмъ тѣмъ, что можетъ способствовать къ воспитанію дѣтей, сдѣлала удивленія достойное Сокращеніе Россійской исторіи до 1801 года, и коль скоро оное переписано будетъ, то я къ тебѣ перешлю. Она все страдаетъ головою, не смотря на порядочную жизнь и большое движеніе. Сережа принимаетъ чистительныя травы для вылеченія остатковъ золотухи. Дочери послѣ кори очень здоровы. Наташа очень много замысловата, а Софалета удивительно какъ скоро учится. Серѣжа имѣеть большую склонность къ рисованью, и къ веснѣ Головинъ изъ Дрездена пришлетъ живописца.—Я былъ въ Москвѣ и, занемогши, три дни не вѣзжалъ. Пріѣхалъ сюда и теперъ здоровъ. Прощай, Богъ съ тобою. Если о себѣ не хочешь думать, то вспомни о роднѣ и о друзьяхъ.

XXXVII.

Отъ 14-го Февраля (1805). с. Вороново.

Съ того дня, какъ я получилъ отъ тебя извѣстіе, что ты въ Дцннханѣ боленъ, ни одной строки болѣе не имѣлъ, и никто въ Москвѣ отъ тебя и о тебѣ не получалъ извѣстія. Не знаю, что думать; одно остается весьма слабое утѣшеніе, что ты такъ занятъ дѣлами, что не успѣлъ слова ко мнѣ написать. Богъ знаетъ, когда и чѣмъ кончится все это безпокойствіе. Ты вѣр-

но знаешь, что дюкъ Ришелье отказался отъ начальства въ Грузіи, отговариваясь незнаціемъ того края, обычаевъ и войны. Это я знаю отъ канцлера Воронцова, который нѣлъ цѣлый часъ твои похвалы и по секрету наединѣ сказалъ, что ты вызываешься въ Петербургъ для употребленія въ войну, которая, по его словамъ, должна быть необходима; по крайней мѣрѣ онъ этого хочетъ. Признателемъ очень за попеченіе о племянникѣ, коего ожидаетъ на дняхъ. Миѣ бы очень желалось его видѣть единственно, чтобъ наговориться о тебѣ; но сему не бывать, потому что въ этой семьѣ все по размѣру и по разсудку дѣлается, доколѣ нужда не дождеть; а такъ какъ я въ числѣ непогребенныхъ покойниковъ, то и останусь безъ извѣстія.

Москва лишилась своего спасителя. Еропкинъ, въ 83 года, безъ болѣзни и въ хорошемъ расположеніи, разбитъ былъ параличемъ, отъ чего чрезъ три дни пересталъ жить. — Въ сію минуту у меня въ домѣ не очень здорова Наташа; больна жаромъ, но теперь лучше; а Серѣжа жалуется головою; да и я самъ не совсѣмъ здоровъ. Я тебѣ писалъ о глупой исторіи d'Alonville съ гр. Миниховою. Они какъ-то нашли въ себѣ, что другъ въ друга влюблены и затѣяли свадьбу. Она поѣхала въ Петербургъ выпрашивать жениху мѣсть и чиновъ; но какъ все сіе кончилось учтивостями со стороны благодѣтелей скорбящихъ, то и вышло, что любовь осталась безъ надежды. Дурница эта больна съ горя, и я, пожертвовавъ Серѣжѣ нѣкоторыми причинами быть сердиту за эту исторію, согласился и предложилъ влюбленной четѣ сочтаться и жить здѣсь. Но выходитъ новое затрудненіе со стороны гордаго Антона Миниха, отца невѣсты: онъ, для усыновленія прижитыхъ ребятъ, женился на матери ихъ, Чухонкѣ или Лиляндкѣ, и не даетъ позволенія дочери сдѣлаться Французскою гражданкою. Ихъ дѣло — кончить, а мое — обвѣнчать. — Жена тебѣ кланяется. Она здорова, но обезпкоена болѣзнію дѣтей. Прощай. Больше писать нечего, тѣмъ болѣе, что хочется тебя бранить, — за что ты меня мучаешь безъ милости, когда бь однимъ словомъ успокоить могъ?

XXXVIII.

Отъ 20 Марта (1805). с. Вороного.

Ты, поставя себя на единую лишь минуту на мое мѣсто, можешь легко представить, каково мнѣ было съ новаго года не имѣть отъ тебя писемъ! Наконецъ вчера получилъ два вдругъ, отъ 30 Января и 5 Февраля. Ты мнѣ столь подробно написалъ о своемъ положеніи и дополнилъ еще двумя приложенными письмами, что я и не имѣю нужды видѣться съ В., а на посѣщеніе его не очень считаю: они всѣ всю жизнь играютъ въ шахматы и все размѣриваютъ, не зная, что можно быть мастеромъ и въ *qui perd gagne*. Въ его лѣта скрытность въ нравѣ не можетъ быть приобрѣтенная воспитаніемъ, а просто врожденная. Замѣть, что въ ихъ родѣ ни одного нѣтъ на распашку, и батюшка его, удалясь на 20 лѣтъ отъ Отечества, игралъ Римскихъ и Греческихъ вонновъ за моремъ, а потомъ, возвратясь на Русь, въ царскихъ чертогахъ поползъ, по примѣру предковъ, на четвереушкахъ. — По письму Черторжскаго я не вижу, чтобы ты могъ выѣхать изъ Грузіи скоро, потому что надобно тебѣ сыскать преемника. Ришелье отказался, а Марковъ²¹⁾, видно не захотѣлъ, ибо онъ изъ Петербурга проѣхалъ чрезъ Москву въ Польскія свои деревни. Теперь стариковъ генераловъ собираютъ въ Петербургъ; видно, чтобы болѣе дать вѣроятія войнѣ. Письмо Адама показываетъ умнаго малаго; а что онъ тебя любитъ и твой рыцарь, то я сіе отъ многихъ и по многому знаю. Слѣдственно на счетъ его сомнѣнія быть не можетъ; но край, гдѣ ты, не привлекаетъ важнаго теперь вниманія по той причинѣ, что затѣваютъ страшную войну; и я боюсь одного, чтобы дальнѣйшіе виды и затрудненія — кого послать, — не заставили рѣшиться оставить тебя для окончанія начатаго и еще новаго: по словамъ Адама *dans six mois nous saurons à quoi*

²¹⁾ Графъ Иванъ Ивановичъ.

nous en tenir au sujet de la Porte ⁵⁴⁾). Можно подумать, что весь-
ма скрытно избираютъ удобное время посягнуть на раздѣлъ
издыхающей Порты; но не можетъ быть, чтобъ Вѣнскій Дворъ
столько ослабился на счетъ хитрости и предприимчивости
Бонапарта. Теперь послали въ Берлинъ генераль-адъютанта
Винценграда за самымъ рѣшительнымъ отвѣтомъ, и какъ
уповательно, что тамъ на Французовъ не посягнуть, то и
должно ожидать разрыву, и Россія опять сдѣлается орудіемъ
грабительной Аглицкой политики, подвергая себя войнѣ без-
полезной, не хотя признавать во Франціи императора, кое-
го признала первымъ консуломъ и не сказавъ ни слова
Австрійскому Дому, который, не взирая на коронныя и на-
ми зарученныя постановленія Имперіи Германской, присво-
илъ корону избирательную въ наследственную. Я боюсь,
чтобы изъ сихъ покушеній нашихъ не вышло общей вой-
ны въ Европѣ.

Остави Агличахъ грабить на морѣ, Бонапарте бросится
забирать въ Италиі, Прусскій король въ Нѣмецкой землѣ
вокругъ себя, а Кобенцель примется за Валахию и Молда-
вию. Не лучше бы оиъ тремъ державамъ раздѣлить между
собою весь владѣнія Оттоманскія безъ войны, отдавъ Фран-
ціи Египеть? Но видно сказано на судѣ Божиѣмъ, что Бо-
напарте будетъ бичъ государей, а у этого желтаго мужич-
ка много должно еще быть затѣй, и онъ, короновавшисъ въ
Миланѣ королемъ Ломбардскимъ, не замедлитъ помазаться ми-
ромъ и въ Римѣ.

Приготовленій къ войнѣ, кромѣ циркулярныхъ ордеровъ
по полкамъ, никакихъ нѣтъ, и первая кампанія будетъ над-
зирательная, или самая слабая. Уповательно, что съ Пруса-
ками будутъ и Французскія войска, и первый отъ сего по-
страждетъ сѣверный Шведскій и маленькій Лудвигъ XIV.
Ты знаешь, какъ Пруссаки любятъ забирать, а Померанія въ
чрезполосномъ владѣніи. Въ разговорѣ моемъ съ Воронцовымъ
старикомъ онъ мнѣ сказалъ, что войнѣ быть, а подробностей

⁵⁴⁾ Черезъ полгода имъ узнаемъ, какъ быть съ Персеемъ.

для того я у него не спрашивалъ, что у насъ почти договоръ о политикѣ не говорить, ибо мнѣніе разное: онъ любить, изъ дружбы къ брату, Англію, а я увѣренъ, что Россія можетъ и должна имѣть собственные виды и поведеніе, или мѣшая другимъ расширять свои владѣнія или, не взирая на другихъ, приобрѣтая и себѣ все, что кетати. Примѣръ одной Франціи достаточенъ; когда эта земля, населенная сумасшедшими, покорила себѣ и силою и мнѣніемъ больше половины Европы, то что можетъ предпринять Россія? Въ разговорахъ откровенныхъ (сколько они могутъ быть таковыми со стороны г. Воронцова), я дивился все знаніямъ этого дѣловаго старика, ясности мыслей и точности выраженій: кажется все, что онъ въ допросѣ и готовится говорить безъ привязки. Жаль, что прежде и теперь жилы у него не были больше напряжены, и ничто такъ не доказываетъ слабую черту его духа, какъ самопроизвольное опредѣленіе себя въ совѣтники при случайныхъ людяхъ. Онъ есть то, что называютъ *homme d'état*. Здоровье его дурно, и онъ ждалъ возвращенія племянника, чтобы отправиться въ деревню, откуда, увѣряетъ всѣхъ, что ѣдетъ осенью въ Петербургъ. Но тамъ, я думаю, дѣло его съ концомъ, и подмастерья мало-по-малу заступать мастерскія мѣста.

Допухину, говорятъ, дурно; и онъ пишетъ, и всѣ его задушевные увѣряютъ, что онъ идетъ прочь, и Новосильцовъ заступитъ его мѣсто.

Теперь опять принимаюсь за тебя. Намѣреніе твое остаться частнымъ человекомъ въ Грузіи для введенія въ правленіе дѣлъ преемника на тебя походить, тѣмъ больше, что никто бы сего не сдѣлалъ. А вѣхать тебѣ въ Петербургъ непременно надобно; въ отставку идти успѣешь и тогда, когда увидишь, что призванъ для нустаго названія, или лишень довѣренности. Скромность совсѣмъ не у мѣста съ твоей стороны. Пройди всѣхъ, употребленныхъ въ дѣлахъ, и найдешь, исключая двухъ или трехъ, что они или неопытные молодые люди, или старья бестія, конхъ ни гнѣвъ государевъ, на презрѣніе людское, ни навасть Отечества изъ

службы не выгонятъ по той причинѣ, что отъ ней на- живно.

Странная мысль Ивана Потоцкаго вѣхать въ Грузію. Я его съ 87 года знаю; у него самая сумасбродная, романтическая голова; онъ и пишетъ, и поетъ, и танцуетъ, и въ Египетъ бросается, придворный, профессоръ, Ловласть, вѣрноподданный и Якобинецъ, — онъ все одишъ и какъ случится. Но теперь онъ нашелъ хорошій случай путешествовать, отправляясь въ Китай съ посломъ гр. Юрьемъ Алек. Головкинымъ. Денегъ много, видно, хотять употребить, чтобы дать въ Пекинѣ понятіе о нашемъ великолѣпіи: кромѣ чиновниковъ, близь 1500 чел. будетъ военныхъ; купили Шереметева роговую музыку, везуть *ямораму*, представляющую переходъ Суворова въ Швейцарію; подарковъ множество. Дай Богъ, чтобы китайка была потонѣ: хорошо носить изъ ней штаны.

Жена, я и двое дѣтей здоровы, но Наташа нынѣшнюю зиму часто бываетъ больна: иногда маленькіе жары, иногда боль въ горлѣ, не смотря на всѣ предосторожности. Но у насъ очень искусный докторъ, коего я выписалъ изъ Берлина, и всякій день онъ заставляетъ вѣрить его уснѣхамъ. Сергуша растеть, но не толстѣеть. Софалета — точная тетка ея, кн. Голицына. Онѣ учатся музыкѣ, и у насъ живетъ м-ше Minelli, музыкантша большая. Весною будетъ изъ Дрездена живописецъ.

Катерина Петровна, не довольствуясь тѣмъ, что посвятила все свое время на воспитаніе дѣтей, нашла часть изъ онаго и сочинила Краткую Россійскую Исторію и древнихъ Географію, съ объясненіями, кои такъ хорошо написаны и столь ясны и вѣрны, что можно заставлять дѣтей учить назусть.— У насъ была кн. Голицына провздомъ въ свои Гжатскія деревни, куда она на житье поѣхала, нашедъ, что климатъ Кіевскій мало разницы съ Московскимъ имѣеть. Анна Степановна, дабы не заставить жену мою вѣхать съ нею видѣться въ Петербургъ весною (какъ она намѣревалась), пріѣдетъ сама въ Маѣ въ Москву и сюда. Г. Головинъ въ Іюнѣ возвращается въ Россію и осень пробудеть здѣсь, а зимою поѣдетъ

въ свои деревни Волгекія. Новосильцовъ замученъ пребываніемъ своей жены въ Москвѣ и видитъ иногда сына у себя въ домъ, а матери никогда. Орловы все въ Москвѣ, а Панинъ отставленъ; не велѣно ъздить въ Петербургъ, и онъ поитируетъ по вечерамъ противъ тестя и ъздитъ въ свои деревни, чтобы убивать время, пока оно его еще не убило. Я вижу иногда агуна Цицинова у Небольсиной. Онъ въ числѣ придворныхъ у Беклешова, и въ послѣдній разъ увѣрилъ меня, будто фельдъегерь повезъ къ тебѣ Андреевскій орденъ.

Ты ошибаешься, полагая, что свадьбою мы избавимся дуры Миниховой; напротивъ, не выпросивъ ничего для жениха, она было умерла отъ отчаянія, а мы, чтобы сохранный d'Alonville у насъ въ домъ, потому что достоинство его необыкновенное и онъ точной такой человекъ, какой для Сергуши надобенъ, предложили держать его и съ женою; а теперь дура Минихова, испрося у отца позволеніе, должна на сихъ дняхъ пріѣхать сюда.

Письмо Копытковского чрезвычайно любозытно, и я его назадъ къ тебѣ возвращаю; онъ долженъ быть или совершенно честный человекъ, или большой плутъ.

За жеребцами вѣрный очень человекъ будетъ въ Георгіевскѣ въ концѣ Апрѣля и явится къ коменданту. Если бы случилось какое помѣшательство въ приводѣ ихъ изъ Телиса, то, пожалуйста, не забудь отписать въ Георгіевскъ, чтобы людей моихъ отпустили оттуда назадъ. Ты на счетъ денегъ точно, какъ старики, кои при смерти заботятся, что не успѣли сдѣлать духовной. Развѣ не успѣешь отдать, когда увидимся, или достать лошадей? А каковы кобылы Трамова завода, то, право, я, будучи охотникъ и знатокъ, лучше не знаю! Одна изъ нихъ ожеребилась здѣсь, бывъ случена съ Арабскимъ жеребцомъ, и жеребенокъ отличный.

Жена, видѣвъ, что ты едва ли и осенью возвратишься, посылаетъ своей работы два подсвѣчника, кои я отдамъ князь Дмитрію Егоровичу для пересылки. Она тебѣ желаетъ всего того, что и я. И мнѣ также хочется тебя видѣть здѣсь, какъ и

въ Петербургѣ близко Государя; а я такъ привыкъ быть окруженъ дѣтьми и съ женою, что съ огорченіемъ отлучаюсь по необходимости. Прощай, другъ мой и всѣхъ честныхъ людей.

Позволь вымыть тебѣ голову за кофій по ночамъ. Ничего для тебя хуже съ гемороємъ быть не можетъ. И лучше быть съ тяжелою головою день, чѣмъ больному недѣлю.

XXXIX.

Отъ 5-го Апрѣля. Вороново.

Я очень радъ, любезный другъ, что ты здоровъ, по последнему твоему письму. Но жаль, что и ты самъ, и никто не знаетъ, когда ты можешь вырваться изъ пагубнаго этого мѣста. Мы до того дошли, что если бы и хотѣли тебя скоро освободить, то вѣрно въ полгода не найдутъ кого послать, исключая двухъ или трехъ человекъ, кои сами не захотятъ ѣхать въ Грузію. Тѣхъ на угадъ употреблять можно, кои стоятъ въ разныхъ чинахъ въ военномъ спискѣ.

Воронцовъ молодеетъ въ Москвѣ, одержимъ лихорадкой и еще не въ состояніи и къ дядѣ ѣхать въ деревню, коего не засталъ. У насъ все бы было здорово, еслибъ жена не жаловалась иногда на грудь, и я писалъ, скрывъ отъ ней, къ Аннѣ Степановнѣ, чтобъ она весною избавила ее отъ ѣзды въ Петербургъ. Не знаю, какъ эта просьба принята и уважена будетъ въ деспотическомъ расположеніи тетки. Нельзя вести порядочнѣй жизни и быть спокойнѣй духомъ, какъ Катерина Петровна; но она слабаго сложенія и, пріуча себя къ вольному воздуху, слишкомъ мало себя бережетъ, доказывая, что больна не бываетъ. Надѣюсь на хорошую погоду; а если по несчастію лѣтомъ боли грудныя не пройдутъ, то, броса все, поѣду искать теплаго и здороваго климата.

Я признаюсь тебѣ, что чистосердечіе Адама меня удивляетъ. Надобно, чтобъ или онъ къ тебѣ отъвѣнную имѣлъ довѣренность, или находился въ трудномъ положеніи. Ему должно было сначала знать, что его пребываніе и просто у Двора сопряжено будетъ со всякаго рода затрудненіями, кольми паче

въ дѣлахъ такихъ, гдѣ самыя честныя люди подвержены не довольно хуленію, не и подозрѣніямъ, единственно по естеству дѣлъ, кои покрыты тайною, а часто и неизвѣстностію. Онъ справедливо чувствуетъ, что ему, бывъ иностраннымъ для Россіи, еще труднѣе природнаго держаться въ такое время, гдѣ довѣренность и любовь самаго Царя не весьма сильная опора. Всѣ заражены мыслию, что онъ скрытный врагъ Россіи и первый пророкъ вольности, кою страшатъ дворянство. Но, какъ-бы то ни было, зная всѣхъ вельможъ, я скажу тебѣ, что смѣня Чарторижскаго, на мѣсто его ни единого человека нѣтъ. К.—осель, Марковъ—зажигатель, П.—злодѣй, Разумовскій—Цесарецъ, а Семіонъ—Питова рука; Румянцевы, Николай—враль, а Сергѣй вѣчно закуса удила носится. Прочіе-же изъ тѣхъ, кои употреблены по иностранной части, половина плутовъ, а другая—годная быть тѣмъ, гдѣ есть. Если Нѣмецкая партія крѣпко противъ его пойдетъ, то онъ будетъ навѣрно у водъ. И мнѣ жаль будетъ несчастнаго вліянія, кое его удаленіе должно имѣть надъ умами, наполненными мнѣніемъ, что Полякъ есть самая довѣренная особа у Государя. А тогда увидятъ, что и сіе невѣрно. Къ несчастію нашего Отечества, первыя мѣста заняты людьми, кои ни о чести Императора, ни о благоденствіи Россіи нимало не пекутся, а не смотря на обиды и презрѣніе, остаются при мѣстахъ для того, что ихъ въ томъ собственная польза. Кочубей—честный человекъ, но взялся не за свое дѣло и принялъ онаго слишкомъ на себя много.

Изъ Москвы, вдругъ, въ самую скверную погоду и въ распутъе, поскакалъ въ Петербургъ Н.; вѣрно вдовствующая хочетъ его посадить куда-нибудь повмѣше. Ты знаешь душу и сердце этого злодѣя, нравственность отвратительную и чрезвычайный его умъ—обманывать полуумныхъ. Я часто, какъ на Иорданѣ, ною: спаси, Господи, люди твои!

О войнѣ что-то опять утихло, и мнѣ кажется, что дѣло обойдется на пересылкахъ. Между тѣмъ Бонапарте—король и въ Италіи, а онъ чрезполоснаго владѣнія не жалуется. Король Шведскій воркуетъ и топчется. Нехорошо дѣла и въ Англіи

идутъ; особливо когда эскадра изъ Рошфорта съ 10 т. войска доберется до Цейлона, то много дѣла надѣлаетъ.

Графиня Минихова и женихъ d'Alonville въ Москвѣ три уже недѣли. Этотъ мудрецъ, надъ коимъ глупость такую беретъ поверхность, идетъ въ Россійское подданство видно для какихъ-нибудь большихъ видовъ; а намъ все хлопоты искать еще другаго учителя, и часъ-отъ-часу находить непредвидѣнныя новыя непріятности.

За жеребцами конюшій отправленъ и въ концѣ мѣсяца будетъ въ Георгіевской крѣпости. Что припуску дорогой не будетъ, въ томъ я увѣренъ. Желательно, чтобы довели здорово. Прощай, мой другъ. Если тебѣ тяжело въ Тифлисъ, то и мнѣ иногда грустно очень бываетъ здѣсь; но мы еще живы, и судьба наша не въ нашей волѣ. Прощай.

- XL.

Отъ 3 Мая. с. Вороново.

Вотъ опять близъ мѣсяца, что отъ тебя писемъ нѣтъ, а по газетамъ знаю, что у тебя было землетрясеніе,—избави, Боже, отъ Лиссабонскаго. Мы всѣ теперь здоровы, и вчера, соблюдя весь порядокъ, сыграли свадьбу глупой Минихиной. Престранный человекъ этотъ d'Alonville: повхалъ на три дни въ Москву и прожилъ шесть недѣль! Онъ весь составленъ изъ расчетовъ, изъ гордости и изъ скромности; но знаній много, нравственности и истиннаго закона безъ святошества. Не знаю, Сергуша, когда меня не будетъ на свѣтъ, будетъ-ли знать цѣну всѣхъ моихъ пожертвованій для его воспитанія и что терпѣть должно отъ этихъ иноземцевъ.

Дура Антоновна рада и въ удивленіи, что послѣ 36-лѣтнихъ поисковъ нашла . . . — Волконскій Тифлисскій въ Москвѣ, и по всему, что до меня объ немъ доходитъ, очень скромный и ни съ кѣмъ про тебя не говоритъ; а его родня распустила два слуха, будто онъ ѣдетъ просить военнаго суда, а другое,—что ты съ нимъ помирился и отдалъ ему справедливость. Между тѣмъ онъ въ Москвѣ до сихъ поръ.—Ворон-

цовъ выздоровѣлъ и повезенъ въ Андреевское къ дядѣ.— Слухи объ войнѣ утихли и, кажется, нынѣшній годъ ничего не будетъ; по газетамъ увидишь, что Бонапарте начинаетъ много вреда дѣлать Англіи, и если онъ нѣсколько тысячъ войска доставитъ Голкару въ Индію, то власть Великобританская въ Азіи не скоро возстановится; а въ Лондонѣ всѣ благоразумные люди желаютъ смѣны Питта, и друга его Дундаса (Lord Melville) прогнали.

Жена ожила, и дѣти конаются въ саду, а я дѣлаю себѣ камзолъ съ рукавами изъ китайки для полевой работы, и дѣла тѣма. У меня теперь Новосильцовъ, и я дни на три съѣзжу въ Москву по дѣламъ. Прощай, будь здоровъ и бери Ериванъ, чтобъ не имѣть причины оставаться въ томъ краю, гдѣ тѣшутъ твоѣ тѣло и терзаютъ душу. Богъ съ тобою.

XLI.

30 Мая (1805) Вороново.

Мы, любезный другъ, всѣ здоровы и пользуемся безпримѣрно прекраснымъ временемъ, которое устанавливается. Я опять въ строеніи и жарюсь на поляхъ и въ лѣсахъ, веду жизнь здоровую и въ одинъ часъ бываю Цыганомъ, старостою и лѣшимъ. Когда, Богъ дастъ, пріѣдешь, то много найдешь новаго, можетъ быть и хорошаго, въ Вороновѣ. Жена была въ большомъ безпокойствѣ на счетъ сестры Вѣры Петровны⁵⁵⁾, которая, возвратясь изъ Петербурга въ Острогжскъ, занемогла теченіемъ крови горломъ и лихорадкою; теперь пишетъ, что есть лучше и собирается ѣхать въ Липецкъ, но ты самъ знаешь что за доктора и тамъ, и въ полку! Я очень боюсь, чтобы дурнаго не вышло. Нашъ новый докторъ искусенъ, чему многія есть доказательства, ученъ, предобрый малый, но такъ новъ въ общежитіи, что часто смѣшонъ, и при томъ чувствителенъ до крайности. Дѣти здоровы. Сергуша выросъ и сталъ потолще. Наташа также здорова, а Софалета равна съ ней ро-

⁵⁵⁾ Васильчиковой.

стоиъ. Ученіе идетъ порядочно, а образъ нашей жизни отнюдь не перемѣнится. Графиня Минихова стала *madame d'Alonville*, и, къ крайнему ея удивленію и удовольствію, за 36-ми лѣтнее терпѣніе . . . законно. Занятіе сіе ей такъ полюбилось, что она и не очень ей знакомымъ объявляетъ, что у мужа груди какъ у женщины. Признайся, что эта мумія прелекательной ребенокъ.

Въ Москвѣ Беклешовъ сдѣлалъ, отъ надкостя дѣйствовать на ладъ филантропамъ, большой промахъ: по просьбѣ дѣвки одного Страхова, что она жестоко бариномъ наказана, отказалъ ему отъ имѣнія, приставилъ опекуновъ и, положась на осмотръ полицейскаго офицера, отписалъ Государю между прочимъ, что въ комнатѣ, гдѣ дѣвка была наказываема, видны пятна кровавыя на стѣнѣ и домъ запечатанъ. Государь препроводилъ все дѣло къ предводителю кн. Дашкову, который, исполняя данное повелѣніе, поѣхалъ съ депутатами отъ дворянства въ домъ къ Страхову; подъ присягою людей допрашивалъ, кои все показали, что баринъ хорошъ, что дѣвка три раза за распутство была уже наказана въ полиціи и что въ послѣдній разъ онъ еще приказалъ ее наказать дворецкому. Но что всего смѣшнѣе, это то, что пятна кровавыя вышли цѣлыми стѣнами, подъ красный мраморъ расписанныя. Не знаю, чѣмъ кончится.

Говорятъ, что Государь ѣдетъ въ Одессу, и три министра уволены на два мѣсяца: Кочубей, Васильевъ и Завадовскій.—Прощай. Жду лошадей твоихъ нетерпѣливо. Богъ съ тобой.

P.S. Ко мнѣ пишутъ изъ Москвы, что къ тебѣ съ фельдъгеремъ посланъ кн. Гагаринъ, кавалергардскій офицеръ, въ наказаніе за дуэль. Но я думаю, что молодаго офицера посылать въ такое мѣсто, гдѣ кн. Циціановъ командуетъ и въ Грузію—это награда. Я бился объ стѣну лбомъ въ 24 года, что не могъ выпроситься подъ Очаковъ. Развѣ война почитается наказаніемъ? Если это сынъ кн. Сер. Сер. Гагарина, то, пожалуйста, заступи мѣсто отца: онъ сирота и маленькій общалъ много.

Какое Бонапарте! Вот плоды его таинства: одинъ флотъ разорветъ Антильи, другой съ 10 т. пошелъ въ Индію. Кажется, что теперь перевѣсъ будетъ на его сторонѣ. А онъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить съ собаками, ловить рыбу, или спать, коронуется вездѣ, гдѣ ни понало, и отдыхаетъ на престолахъ. У насъ, кажется, на нынѣшній годъ ничего не будетъ: Апраксинъ— въ Смоленскѣ, Каръ въ Калугѣ, а Корсаковъ поѣхалъ въ Ефремовъ.

Замѣть, что о хлѣбопашествѣ ни слова не сказалъ: великое дѣло слово вашего сіятельства.—Егоркинъ, отецъ, говоря двѣ недѣли назадъ о знатности и могуществѣ покойнаго царевича, махнулъ тако: «Теперь еще въ Всесвятскомъ видѣнъ престолъ въ саду, на коемъ онъ, бывало, сидитъ, я — за нимъ, а тутъ рубятъ головы!»

XLII.

Отъ 26 Іюля. с. Вороново.

Никому вѣрно столь пріятно не было извѣстіе о твоихъ завоеваніяхъ, какъ мнѣ. Нѣтъ вѣрно челоуѣка больше друга своихъ друзей и злодѣя ихъ злодѣевъ. Къ чести и славѣ твоей завоеваніе и всего Индостана ничего не прибавитъ; но успѣхъ всякій заткнетъ ротъ лающей канальи и всякому с Въ Москвѣ уже пропустили было слухъ всѣ знаменитые сродственники Волконскаго заики, что онъ подалъ бумагу, которая отослана въ Военный Комитетъ для разсмотрѣнія, что съ тебя велѣно спросить объясненія и прочій вздоръ, достойный бездѣльной и перевирающей публики. Теперь Егорка какъ Егорій на бѣломъ конѣ, все опровержитъ и заставитъ силою языка снимать шапки предъ великимъ начальникомъ. Виновать, что за комплименты принялся.

Въ Петербургъ вызванъ Эссенъ, тотъ, который былъ въ Голландіи; но еще ничего не рѣшено, какъ онъ поѣдетъ въ Грузію и въ какомъ званіи. Новосильцевъ поѣхалъ въ Берлинъ и къ Бонапарте. Дурное выбрали время для посредничества, и кромѣ потери времени ничего не выйдетъ, развѣ Но-

восильцевъ, въ душѣ Англичанинъ, выкинетъ что-нибудь для раздраженія Государя. Между тѣмъ во всѣ полки посланы повелѣнія, чтобъ они были въ готовности выступить; но это — изношенная дипломатическая затѣя. Бонапарте чрезъ посланіе Новосильцова еще больше увѣрится, что Государь не хочетъ входить въ войну и скажетъ: Россія покоряетъ въ Азіи, посылаетъ, противъ постановленій, войска въ Ионическіе острова; Англія завладѣла половиною Азіи, не отдаетъ Мальты и нарушаетъ свои собственные трактаты; для чего же Франція не удовлетворяетъ желанію народовъ быть присоединенными къ Франціи?—Министровъ много распущено по домамъ. Васильевъ на два мѣсяца, и теперь въ подмосковной. Завадовскій тоже уѣхалъ. Трошинскій ѣдетъ въ отпускъ на 3 мѣсяца.

Мы всѣ здоровы. Жена ѣздила въ Москву для посвященія больной тетки и Небольсиной, въ ея подмосковной, и по пятидневномъ отсутствіи мы возвратились въ свою пустыню. Лѣто и здѣсь жаркое слишкомъ и вредное, а въ Воронежѣ сѣна нѣтъ, и яровья пропадаютъ отъ засухи; озимыя также запечены солнцемъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ кончится. Жеребцовъ твоихъ здоровыхъ привели на Битюгъ, гдѣ, давъ имъ отдохнуть нѣсколько дней, для того что отъ сухой дороги подбились, поведутъ сюда, я и надѣюсь въ половинѣ будущаго мѣсяца ихъ здѣсь угостить. Съ ними ведутъ къ князь Ивану Дмитриевичу четырехъ мереновъ, и я, давъ имъ отдохнуть здѣсь, увѣдомлю и не иначе отдамъ какъ, чтобы самъ пріѣхалъ и взялъ. Пожалуста освѣдомься, нѣтъ ли въ Арменіи хорошей породы овецъ для шерсти или для роста. Мнѣ кажется, что можно бы было и сюда нѣсколько доставить. Жаль, что Карабахскихъ лошадей перевели; я увѣренъ, что отъ кобылъ этой породы и отъ Арабскихъ жеребцовъ удивительныхъ бы можно достать лошадей.

Головинъ долженъ скоро быть въ Петербургъ.—Жена тебя очень кланяется. Дѣти любятъ; но я боюсь, что, не смотря на всѣ пожертвованія для Серези, этотъ d'Alonville не уживется. Какъ можно было примѣтить что-нибудь между нимъ и дуурою Минихшей? Они совсѣмъ почти не говаривали. Ты же знаешь, какъ она скверна, стара и глупа; онъ человѣкъ скрытный и

надменный. Я думалъ сдѣлать имъ одолженіе, оставивъ жить въ домѣ, безъ чего послѣ брака имъ бы и головы преклонить негдѣ было; но она еще стала несноснѣе, а онъ боится, чтобъ ему не сдѣлали невѣжества. И по несчастію онъ пошелъ въ подданство, и вчера присланъ указъ въ Сенатъ, чтобъ его причислить къ Россійскому дворянству, но не называть графомъ, что и справедливо, ибо онъ не эмигрантъ, а пріѣхалъ и явился подъ названіемъ citoyen Armand Alonville. Теперь пойдутъ бѣды, и онъ ѣдетъ объясняться съ Беклешовымъ.

Прощай, мой другъ; ты вѣрно меньше меня желаешь возвратиться въ Москву. Но на войну въ Европѣ не считай, а до осени бей Татаръ, Турокъ и Персіянъ, какъ мухъ маіоры въ Пруссіи бьютъ хлопущками. Князь Гагаринъ, о коемъ я къ тебѣ писалъ, сынъ кн. Павла. Онъ себя поставилъ на ногу повѣсы и дѣлалъ грубости; но это и съ лѣтами и съ мѣсяцами въ Грузіи пройдетъ, а въ эти лѣта лучше быть смѣлымъ забіякою, чѣмъ генераломъ подъ Эриванью и прочь отъ штурма. Одинъ изъ сихъ, Тучковъ, ѣдетъ въ чужіе края; видно, говорить про себя.

Прощай еще разъ.

XLIII.

Отъ 11 Октября (1805). с. Вороново.

Журналъ твоихъ чудныхъ дѣяній я тотъ-же день къ кн. Дм. Егоровичу отправилъ, и послѣ того еще писалъ къ нему, препроводя процентныя деньги за мой долгъ. Не знаю отчего, но мнѣ кажется, что ты пошелъ подъ Эривань, и что она будетъ твоя. Весьма сему буду радъ, полагая взятіе сей важной крѣпости замкомъ твоихъ побѣдъ.—Мы всѣ здоровы; жена по самому первому пути собирается ѣхать въ Петербургъ на мѣсяцъ, и я поѣду ее провожать до деревни своячины Голицыной, которая отъ Гжати 20 верстъ. Сергуша остается со мною, и я опять въ большихъ хлопотахъ и желчахъ. Этотъ d'Alonville, прибавляя часъ отъ часу къ прежнимъ новымъ мерзостямъ, теперь до того себя довелъ, что совсѣмъ не занимается учень-

емъ сына, спитъ до 11 часовъ и большую часть дня дѣлитъ между жены и Всеобщей Исторіи, которую на просторѣ предпочинялъ писать; притомъ Сережа привыкаетъ слишкомъ къ дочери Далонвила, и это большая помѣха въ ученіи. Голова идетъ кругомъ; Богъ знаетъ, гдѣ сыскать человѣка. Какое несчастіе, что Петръ Первый насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить нечестивымъ этимъ Французскимъ языкомъ!

У насъ странная погода близъ двухъ недѣль: напалъ снѣгъ вершковъ съ шесть; морозы до 6 гр., и зима настоящая; боюсь, какъ сойдетъ, то бѣда, по той причинѣ, что холодъ испортитъ совсѣмъ озими, кои поздно посѣяны и нехорошо укоренились въ землѣ.—Я жду Головина; онъ намѣренъ прожить зиму въ Москвѣ и въ своихъ нижнихъ деревняхъ.—Ты вѣрно знаешь, что Государь въ отсутствіи на шесть недѣль. Войну затѣяли, —дай Богъ хорошей конецъ! На командировъ, правду сказать, надѣяться трудно. Кутузовъ, коего Нѣмецкіе принцы загоняютъ; Буксгевденъ дуракъ безсчетный, а Бенигсонъ и Михельсонъ на все готовы, а своего дѣла не знаютъ. Цесарцы захотѣли отвѣдать еще Французскихъ генераловъ и увѣрены, что успѣхъ вѣрный отъ того, что Тугута нѣтъ въ дѣлахъ,—будто Кобенцель лучше! Но Государю нашему, имѣвъ уже оспу и корь, должно имѣть и союзъ съ Англією и Цесарією.

Жалка своячина Васильчикова: она должна родить въ Январѣ или Декабрѣ; мужъ съ полкомъ въ походѣ, а она въ Петербургѣ. Но пишутъ, что переносить хорошо безпокойство и не даетъ воли воображенію.

Жеребцы твои въ самомъ блистательномъ состояніи: такъ чисты, какъ зеркало. Новосильцевъ безъ памяти отъ Ганжи и упрасиваетъ, чтобы весною дать ему лучшихъ всѣхъ мнихъ кобылъ. Попытку надъ нѣсколькими сдѣлаю, и если можно быть увѣрену, что дѣти двумя вершками выше будутъ отца, то бы порода пошла безцѣнная. Хотя стати и не такъ милы видны у Джеванъ-хана, но я ближе считаю его къ Арабскимъ и люблю его кости. Прошу мнѣ, если ты думаешь, что весною будешь еще въ Грузіи, отписать, куда и когда прислать отсюда двухъ верховыхъ лошадей, конихъ для тебя подъ моимъ

надзоромъ выѣздили нарочно. Оба мерина: одинъ гнѣдой, съ рубленымъ хвостомъ, отъ жеребца Аглицкаго, отъ матери Горской, ростомъ 2 ар. 3 вер.; другой бурый, приведенъ съ Дону въ брюхѣ у матери, весьма складный, силенъ, виденъ и молодецъ, росту такого-же, какъ и гнѣдой. Оба ничего не боятся и самые вѣрные кони. Гнѣдой—самый парадный, геройскій; бурый—походный, служивый. Ты въ состояніи еще выкинуть среди хлопотъ шутку и починиться; но я, право отдамъ лошадей Калмыкамъ на съѣденіе. Подумай: у меня такъ много развелось лошадей, что скоро дѣвать некуда будетъ.

На той почтѣ пришлю тебѣ Сокращенную Россійскую Исторію, которую сдѣлала жена для дѣтей. Любопытенъ знатъ твое мнѣніе.—У меня теперь частію на рукахъ г. Артуръ Юнгъ, сынъ славнаго о хозяйствѣ писателя. Его господинъ филантропъ Новосильцевъ выписалъ для сочиненія описанія сперва Московской губерніи, а потомъ всей Россіи, хотя видимая цѣль есть просто познаніе заведеній, слоя земли, обрабатыванія произведеній и пр. Но я узналъ изъ его разговоровъ, что ему внушено заняться и проектами для постановленія благоденствія крестьянъ, и ты можешь себѣ представить, какъ Питтъ настроилъ этаго Юнга. Россія имъ всѣмъ давно тяжела. Образъ ея правленія составляетъ всю силу; перемѣни пружину, и въ ту же минуту изъ Эликотовыхъ часовъ выйдетъ несчастная кушкa. Этотъ маратель поселился въ Москвѣ на два года. Жилъ у меня 10 дней и душилъ запросами, между коими одинъ замѣчательнъ: какъ дѣлится время между господина и крестьянина, то есть, какъ сей послѣдній работаетъ, подневно, недѣльно или мѣсячно!—Съ нимъ помощникъ, переводчикъ Кайсаровъ, философъ съ тертою головою, коего Строгановъ, Кочубеевъ подмастерье, мнѣ рекомендовалъ на Французскомъ языкѣ, и письмо подписалъ такъ: P. Stroganoff ⁶⁶⁾. Кричи: Vive la Nation! На фонарь не поднимуть, а на ворота.

Прощай. Теперь 7 часовъ утра, и на Реомюровомъ термометрѣ 11 гр. холоду. Хотя тебѣ и теплѣе, но хлопотъ больше и скуки. Богъ съ тобой.

⁶⁶⁾ Т. е. безъ прибавленія титула графа.

XLIV.

Отъ 27 Ноября (1805). с. Вороново.

Последнее твое письмо отъ 17 Октября я получилъ и меньше гораздо боюсь твоей болѣзни и слабости, чѣмъ дурныхъ докторовъ, у коихъ вѣрно ты въ рукахъ; а еще присоединяется разсужденіе, что для выздоровленія должно быть покойну, а ты — въ гееннѣ. Но одинъ Богъ тебя спасетъ и утѣшитъ; ты, вѣрно, на Него одного надѣнешься, и Онъ одинъ тебя наградитъ будущею жизнію, похожею дѣлами на прошедшую.

Мы понемножку были почти всѣ нездоровы, и простуда Наташина помѣшала намъ выѣхать три дни тому назадъ; но какъ она здорова, то отъѣздъ и положенъ завтра. Дочери ѣдутъ съ женою, а Сергуша и я ѣдемъ ихъ провожать до княгини Голицыной деревни подъ Гжатью, откуда я — сюда съ сыномъ назадъ, а Катерина Петровна — въ Петербургъ, гдѣ пробудетъ мѣсяць. Мнѣ отсутствіе ея еще бы было больше несносно, если бы не пріѣхалъ Головинъ въ Москву на два мѣсяца. Онъ какъ-то помолодѣлъ, и очень много говорено о тебѣ. Онъ сказывалъ, что всѣ честные и Русскіе люди съ большимъ уваженіемъ говорятъ про тебя, а шельма иная завидуетъ, другая брешетъ. Ты въ Грузіи, среди всѣхъ неудовольствій, имѣешь по крайней мѣрѣ ту выгоду, что — главный начальникъ, и комитетовъ и совѣтовъ нѣтъ. Артиллерію Аракчеевъ такъ отдѣлалъ, что въ большой арміи она уже теперь неподвижна, не трогается, а часть сожжена въ Пулавѣ. Онъ пушки все переливалъ и для легкости сдѣлалъ ихъ короче, забывъ, что онѣ такъ далеко брать не могутъ. — Изъ газетъ иностранныхъ, а особливо изъ листа Петербургскихъ, увидишь, въ какомъ положеніи третья коалиція. Замѣть въ реляціи Кутузова, что о командѣ въ газетахъ не упомянуто, и когда подъ Вѣною Цесарская армія не останавливаетъ Французскую армію, которая идетъ сыскивать созникиоу, то можно заключить, что

Римскій императоръ сдѣлалъ уже какое нибудь мирное постановленіе, по обыкновенію ихъ *separatное*. Я очень безпокоюсь на счетъ Кутузова арміи, что ему не дадутъ соединиться съ дуракомъ Буксгевденомъ. Вотъ плоды легковѣрія! Можно ли было подумать, чтобы человекъ, какъ Бонапарте, допустилъ 500,000 Русскаго и Цесарскаго войска соединиться и предписывать ему законы?! Трудно будетъ нашимъ возвращаться, потому что въ Польскихъ губерніяхъ все съѣдено, ничего вновь не заготовлено, и что Свѣчинъ закупилъ, то все сгнило. Въ Петербургѣ очень обрадовались, что Прусской король объявилъ, что онъ со 150 т. присоединяется. Но вышло, что это для кордону, и чтобы выдать ноту, кою и ты въ Пчелѣ⁵⁷⁾ увидишь. А не меньше кн. Петръ Долгорукій, привезшій о семъ письмо, получилъ орд. Александра Невскаго. Я очень любопытенъ видѣть въ Москвѣ гр. Воронцова: что-то онъ будетъ говорить о ихъ машинѣ! Я увѣренъ, что теперь Черторижскій еще усилится болѣе прежняго. Онъ говорилъ свое мнѣніе на счетъ Австріи и Англіи, но гдѣ ему бороться съ двумя Воронцовыми, Марковымъ и Разумовскимъ! Что ты пишешь о высадкѣ Турокъ въ М...⁵⁸⁾, то я полагаю сіе невозможнымъ, потому что Турки ни на что и нигдѣ не годятся. Что съ нашими они не сладятъ, это доказали на флотѣ въ 99-мъ году, ушедъ, взбунтовавъ, изъ Палермы въ Царь-Градъ; а притомъ всякое вооруженіе внутри Франціи произведетъ единственно единомысленный отпоръ. Теперь, если Бонапарте останется живъ, то Европа приметъ новый еще разъ видъ, и новое будетъ межеваніе.

Ящикъ таинственный, я полагаю, есть тотъ, который я отдалъ князю Дмитрію Егоровичу для отправленія къ тебѣ, — съ двумя подсвѣчниками, работы Катерины Петровны. — Вотъ, мой другъ сердечный, все, что могу на этотъ разъ тебѣ сказать. Прощай.

У Сергуши теперь Шрейдеръ, который былъ предъ Далонвилемъ. Онъ Лифляндецъ, весьма хорошо ученый, нравствен-

⁵⁷⁾ Въ подлинникъ трудно разобрать. П. Б.

⁵⁸⁾ Французская газета *Abeille du Nord*?

ный и нѣсколько мнѣ благодарный, бывъ въ Иностранной Коллегіи. А Французъ и съ женою Миннихшею поѣхалъ въ Петербургъ, и такъ, что не сказалъ и «прощай».

Вотъ въ добавокъ всё, что получилъ о войнѣ. Что за люди наши, когда ими начальствуетъ Русскій и молодецъ! Но дѣла идутъ дурно. Позавидуй судьбѣ Нельсона: какъ онъ доказалъ, что успѣхъ при дерзости производитъ славу! — Мы сей часъ ѣдемъ. Прощай, другъ мой. Богъ съ тобою.

XLV.

Отъ 15 Декабря (1805). Москва.

Передъ отъѣздомъ моимъ сюда письмо твое съ приложенною копіею я получилъ. Прочитавъ ее нѣсколько разъ съ приложеніемъ и собравъ мысли, скажу тебѣ, какъ другъ, мое мнѣніе. Неудовольствія твои, происходящія отъ безпорядку въ службѣ, слишкомъ велики, чтобы ты ей могъ жертвовать прибрѣтенною славою и благоденствіемъ; но, сказавшись больнымъ, отказаться отъ команды совсѣмъ на тебя не походить, и я увѣренъ, что тебѣ эта мысль пришла въ то время, когда кровь кипѣла, что я лучше другаго знаю. А когда узнаешь несчастное теперешнее положеніе вещей, то навѣрно возьмешь немного терпѣнія, ибо великой душѣ сродно жертвовать всѣмъ любви къ Отечеству; а оно никогда такъ много нужды въ тебѣ не имѣло, какъ въ сію минуту. Ты согласишься въ семь, когда узнаешь несчастный конецъ третьей коалиціи. Государь, имѣя 6 т. человекъ въ арміяхъ Кутузова и Буксгевдена, рѣшился дать генеральную баталію. Цесарцы, въ числѣ 40 т., стояли на флангахъ. Планъ сообщенъ былъ извѣною Бонапарте, который, за два дни до назначеннаго со стороны нашей, атаковалъ на разсвѣтъ. При началѣ самомъ половина Цесарцовъ положила ружья, а другая присоединилась къ непріятелю, и нѣкоторые стрѣляли по нашимъ. Гвардія была атакована спереди и сзади. Государь неустрашимъ былъ во все время въ превеликой опасности, и если не былъ взятъ въ плѣнъ, то симъ обязанъ храбрости войскъ.

Ночь пресѣла кровопролитный сей бой, а на другой день Бонапарте сообщилъ, что миръ заключенъ съ Цесарцами. И такъ, вѣрный союзникъ преданъ былъ на жертву съ своею арміею. За сѣмъ послѣдовалъ съ нашей стороны прилагаемый при семъ манифестъ. Государь 8 числа возвратился въ Петербургъ въ большой грусти. Послѣдствія сей баталіи предають, за исключеніемъ Россіи и Англій, всю Европу въ полную власть Бонапарта. Скоро узнають, какъ онъ владѣльцовъ будетъ награждать и наказывать! — Неизвѣстно, кто убить; завтра ждуть съ почтою реляціи; но извѣстно, что гвардіи много погубило. Богъ знаетъ, какъ король, что съ Толстымъ въ Ганноверъ, возвратится; ибо вѣроятно, что теперь Бонапарте пошлетъ туда превосходныя силы, тѣмъ болѣе, что 15 т. Англичанъ высажены и вѣрно не возвратятся въ ихъ отечество. Вотъ, мой сердечный другъ, какъ честный и добрый нашъ Государь обманутъ былъ донесеніями своихъ пословъ и окружающихъ его! Какъ ни храбры наши войска, но они не имѣли нужды въ новыхъ доказательствахъ для Европы. И еще труднѣе будетъ зимою вести ихъ въ наши границы чрезъ опустошенныя земли. Мое мнѣніе было бы — расположить ихъ въ Молдавіи и Валахіи, да въ нашей Польшѣ, по той причинѣ, что Бонапарте по первыхъ успѣхахъ противъ Цесарцовъ выписалъ Косцюшку и всѣхъ Поляковъ къ арміи. Г. Воронцовъ-канцлеръ, творецъ сего вооруженія, весьма кстати умеръ въ деревнѣ 1-го числа.

Подумай и, ради Бога, останься до времени: пора открыть глаза и употреблять людей Русскихъ душой и сердцемъ; а ты изъ первыхъ.

Жена съ дочерями безпокойно отъ дурной погоды доѣхали въ Петербургъ, и жду втораго отъ ней письмо. У ней кашель и болятъ глаза. Сергуша въ Вороновѣ съ учителями. Головинъ здѣсь до новаго года, и всякой день о тебѣ мы говоримъ. Люби его: онъ тебя знаетъ. Твои здоровы. Я совсѣмъ разстроены всѣми сими несчастными происшествіями и какъ послѣ горячки похудѣлъ. Городъ весь въ уныніи. Прощай,

мой другъ. Если мало порядку въ письмѣ, то поставь себя на мое мѣсто и не дивись. Прощай.

XLVI.

Отъ 10 Января (1806). с. Вороново.

Получа твое письмо двѣ недѣли тому назадъ, имѣлъ еще е тебѣ извѣстіе, въ послѣднюю мою повѣзку въ Москву, чрезъ князь Дмитрія Егоровича, и видѣлъ съ удовольствіемъ, что ты пошелъ братъ Баку. Я отъ того радуюсь твоему походу, что, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, нахожу, что это единственный способъ напоминать въ Петербургѣ, что ты находишься въ Грузіи при теперешнихъ смущеніяхъ. Послѣ неудачи въ предпріятіяхъ и при занятіи о новыхъ вооруженіяхъ, не мудрено, что мало даютъ вниманія тому краю, гдѣ ты, тѣмъ болѣе, что совершенно надѣются на твою голову. Реляціи о послѣднихъ происшествіяхъ еще нѣтъ, и все, что знаютъ, совсѣмъ не вѣрное и основанное на разсказахъ вывѣжкихъ, или на выдумкахъ болтуновъ. Говорятъ, что Государь опять въ скоромъ времени изволитъ ѣхать, но не знаютъ куда. Часть нашихъ войскъ должна быть въ Молдавіи, куда солдаты шли, грабя все по дорогѣ; да и мудрено было офицерамъ сохранить повиновеніе въ подчиненныхъ, когда генералы не знали сами, что у нихъ въ командѣ. Увѣряютъ, что Кутузовъ идетъ въ отставку. Другая часть — въ нашихъ границахъ и въ Силезіи. Ждутъ, что наша просьба и Питтовы деньги заставятъ короля Берлинскаго оставить свою мирную систему; но я сомнѣваюсь, чтобъ въ семъ успѣли. Третія коалиція противъ Франціи была еще для Европы пагубнѣе двухъ первыхъ; да и Бонапарте, если увидитъ рѣшимость Пруссіи, то поступитъ съ нею, какъ съ Австріею и, не дождавшись помощниковъ, нападетъ со всѣми силами. Теперь же онъ еще лучше прежняго можетъ награждать своихъ союзниковъ поневолю. Баварскій получитъ Тироль, Виртембергскій и Баденскій — Швабію Цесарскую, и все имѣніе такъ называемаго въ покойной Германіи *ordre equestre*.

Не мудрено ему и ГанOVERь отдать Пруссіи; а я боюсь двухъ вещей, — если не рѣшится у насъ до удобнаго времени поставить себя въ прежнее положеніе съ Франціею, какъ сего добивается Бонапарте, что сей жолчный мужичекъ надѣлаетъ бѣдъ въ Польшѣ. Всѣ его предпріятія явно къ сему клонятся; а чтобы лучше насъ озаботить, то Массена съ арміею идетъ на соединеніе къ Пасваноглу и при первомъ обнародованіи войны съ Портою, вѣрно всѣ Греки взбунтуются, по ненависти къ Туркамъ и по вѣтренности природной. Какъ и кѣмъ, но у Поляковъ поселено въ головахъ, что Польша должна наки быть соединена, и нашъ Императоръ коронованъ королемъ Польскимъ. Но какъ сего быть не можетъ, то и обратить ихъ легко можно къ достиженію цѣли покровительствомъ деспота всей Германіи. Я не могу себя представить, какія пагубныя слѣдствія для государствъ производить глупость государей, и этотъ Францискъ въ десять лѣтъ умѣлъ погубить Монархію, которая два вѣка служила центромъ политикъ цѣлой Европы. — Въ Петербургѣ очень было обрадовались, что Черторижскій не скоро возвращался; но онъ пріѣхалъ, и я увѣренъ, зная, что онъ былъ противъ сей войны, что вліяніе его въ дѣлахъ будетъ сильнѣе еще прежняго. Во время сраженія онъ былъ верхомъ неотлучно подлѣ Государя; а для новыхъ негоціацій графъ Строгоновъ отправленъ имѣть дѣло съ Питтомъ. Нѣтъ нужды писать тебѣ объ уныніи, такъ сказать, всей Россіи. Неудача, измѣна Нѣмцовъ, неизвѣстность о прошедшемъ, сомнѣніе о будущемъ, а еще больше рекруты, дурной годъ и пагубная зима, все преисполнило и дворянство и народъ явною печалью. Все молчитъ, одни лишь министры бранятся въ Совѣтѣ и пьютъ по домамъ.

Я видѣлъ всѣхъ твоихъ въ Москвѣ. Сестрица здорова, но большая княжна немного похудѣла отъ лихорадки. У ней очень умная мадамъ, и княжна ее хвалитъ; князь Иванъ Дмитричъ похудѣлъ и сталъ опять моимъ красавцемъ. Князь Михаилъ Дмитричъ все дѣлалъ у старика Валуева, и онъ мнѣ, говоря объ немъ, очень тонко далъ знать, что почелъ бы за

счастіе имѣть его зятемъ, жалудь на связь съ *Вврою*. Если хочешь его женить на одной изъ *Фрейлинъ*, то лучше брату желать смерти.

Жена должна завтра, или послѣ завтра, пріѣхать въ Москву изъ Петербурга прямо, куда я вѣду ее встрѣчать. Тяжело мнѣ было жить безъ ней шесть недѣль. Хорошо еще, что Головинъ былъ со мною; онъ повѣхалъ на низъ въ свои деревни и въ Февралѣ пріѣдетъ назадъ; поѣдетъ въ Петербургъ, а лѣтомъ съ женою и дѣтьми поѣдетъ на Волгу. Теперь скажу тебѣ, что жена беременна два мѣсяца. Дай Богъ, чтобы счастливо родила, а мнѣ много будетъ безпокойства. О портретѣ ей тотчасъ скажу, и безъ труда, я думаю, успѣю въ твоемъ препорученіи. Сергуша очень растетъ и толстѣетъ. Учится хорошо и кажется, что будетъ не дуракъ; но дай Богъ, чтобы сердце и душа были добрыя и Русскіе. Прощай, мой вѣрный другъ, станемъ еще жить въ неизвѣстности, когда увидимся на семь свѣтъ. Прощай.

XLVII.

Отъ 17 Января (1806). с. Вороново.

Завтра будетъ недѣля, любезный другъ, что я опять вмѣстѣ съ женою и съ дѣтьми. Она пріѣхала изъ Петербурга очень скоро и благополучно. Отдохнувъ полтора дни въ Москвѣ, пріѣхали мы всѣ сюда, и, какъ обыкновенно при возвращеніяхъ бываетъ, и слѣдовъ не осталось, что хозяйки дома не было шесть недѣль. Дочери выросли и вели себя въ Петербургѣ очень хорошо. Привез ли мнѣ гостинцы — жилеты и карандаши. Я, кажется, тебѣ уже далъ знать, что жена съ Ноябрья половины беременна. Она очень хотѣла сего для поправленія здоровья, но до сихъ поръ очень страдаетъ головою и желудкомъ. Дай Богъ, чтобы все это поскорѣй прошло, и хотя беременность и естественное положеніе женщинъ, но я не понимаю, какъ бремя можетъ послужить къ облегченію бѣдъ и поправленію здоровья!

Въ Петербургѣ все въ прежней неизвѣстности. Реляцій не выдаютъ, хотя и общали; убитыхъ приказами не исключаютъ, а про баталію не говорятъ. Къ Беклешову точно писано, чтобы рассказы унимать и одного болтуна, адъютанта Желтухина, отправили въ Петербургъ. — Кутузовъ просился много разъ въ отставку, но не пускаютъ. Переписки большія, но мудрено сладить. Вся Европа, какъ Хантошкина скрипка, на разладѣ. Теперь должно ждать дурныхъ извѣстій изъ Италіи, куда Англичане успѣли всѣ наши войска изъ Ионическихъ острововъ перевести, присоединя нѣсколько тысячъ своихъ, и господинъ Наполеонъ послалъ Массену противъ сей арміи союзной. Пруссія на вѣрно остается нейтральною. Баварскій и Виртембергскій курфюрсты производятся въ короли. Государь о семь самъ за столомъ у себя рассказывалъ. Чарторижскій получилъ табакерку съ портретомъ Императрицы-Матери, которая, вручая ему, сказала: *это я даю вамъ не какъ министру, а какъ другу моею сына*. Я радъ, что этимъ упадутъ всѣ жадные происки узнавать — прогонять ли его, или нѣтъ. Хотя я и не имѣю причины его любить за себя, но люблю за умъ и за дружбу къ тебѣ. — Не хорошо, что въ Петербургѣ такую молодежи дали волю, что она пьетъ явно здоровье Бонапартово. — Не смотря на опредѣленіе Московской уголовной публички, Аракчеевъ пріѣхалъ и принять очень ласково. Про Винценграда говоритъ Государь, что онъ — добрый малый, но вѣтренъ. А когда этотъ ск.. былъ посланъ отъ Кутузова договариваться въ ложномъ перемиріи съ Муратомъ, то онъ проэктъ написалъ *entre S. A. I. M—г le Prince Murate etc. et S. M. I. L'Empereur de toutes les Russies*, который и самаго Наполеона не признаетъ за Государя. Но не меньше этотъ Винценградъ все по-становленіе съ Вѣнскимъ двлалъ Дворомъ и имѣлъ полномочіе рѣшить и Пруссакаго короля на войну.

Хочется поскорѣй получить отъ тебя извѣстіе о взятіи Баки. Забывъ случившееся съ Французами, подумаешь, что у насъ все по старому и вездѣ успѣхъ. — Теперь я до весны спокойно, кажется, долженъ жить здѣсь, а тамъ опять пой-

доть вѣда. Боюсь, чтобы нынѣшній годъ не былъ нагубенъ. Снѣга вездѣ по нѣскольку разъ сходили, и вода по зеленымъ замерзла. Если земля хоть немного отходила, то озимыя совсѣмъ должны пропасть. А и прошедшій годъ тяжелъ былъ. Крестьяне безъ крупъ и пшена.

Лошади твои раздобрѣли, и Ганжа отдѣлалъ двухъ Агличанокъ. Увѣренъ почти, что славная отъ него пойдетъ порода. Деванъ-ханъ скоро пойдетъ также въ случку. Боюсь, что сдѣлается неугомоненъ съ кобылами, а для верховой вѣды у меня нѣтъ другой подобной. Ты ничего не пишешь на мой запросъ, куда и когда прислать двухъ приготовленныхъ для тебя лошадей верховыхъ; вѣрно думаешь отмолчаться, или пріискиваешь путную по твоему причину извиненія. Но если ты не захочешь этихъ рѣдкихъ для службы лошадей, то я не побужусь, что велю пустить ихъ на большую дорогу. — Сергуша имѣлъ маленькій насморкъ, который прошелъ. Жена, желая, чтобы ты имѣлъ похожій ея портретъ, станетъ сидѣть. Не знаю, удастся ли живописцу, а онъ схоже пишетъ. Ты счастливъ во многомъ по дружбѣ, то и должно ждать, что портретъ будетъ похожъ. — Прощай. Скажу тебѣ за диковинку, что я начинаю простывать головою и какъ-то холоднее смотрю на многое. Прочитай газеты, въ нихъ кой-что есть. Онѣ становятся рѣдки потому, что останавливаются, — хотятъ, чтобы и не читали въ Россіи то, что вся Европа знаетъ. Богъ съ тобою на всегда.

XLVIII.

Отъ 24 Января (1806) Вороново.

Хоть не съ Бакою, но пріятное извѣстіе въ твоёмъ письмѣ отъ 27 Декабря получилъ. Если все сіе заключится успѣхомъ взятія города, то кажется, можно будетъ смѣло проститься. Теперь, еслибы ты, по несчастію, остался бы тамъ, то не долженъ ожидать, чтобы лучше пошла дѣла отъ того, что по твоимъ представленіямъ все исполняться будетъ. Аракчеевъ перенортилъ всю артиллерію, коя, кромѣ того, что и не дѣйстви-

ла, но взята вся въ плѣнъ при Остраницѣ. Теперь опять въ большой довѣренности.— Не знаю, кого-то пошлютъ тебѣ на смѣну. Хорошо будетъ, если опять Кноринга. Онъ въ Москвѣ многихъ прикормилъ, и при томъ— дядя всеильнаго Ливена. Этотъ благородный Лифляндецъ, оставя Государя во время баталіи, очутился за семь верстъ. Въ дополненіе награжденныхъ, изъ тѣхъ, кои были въ дѣлѣ, 4 фельдегера. Господи помилуй! Какъ я ни люблю свое Отечество и какъ ни разрываюсь, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бѣсило; ибо вижу, что, кромѣ Бога, никто помочь не можетъ. Все рушится, все падаетъ и задавить лишь Россію. Флота нѣтъ. Въ мирное время, годъ назадъ, 4-хъ миллионныхъ доходовъ не достало; въ арміи генераловъ и офицеровъ нѣтъ, и въ солдатахъ духу много нерусскаго. Соли въ трехъ губерніяхъ нѣтъ, губернаторовъ мужики бьютъ, все крадутъ. До того дошло, что прокуроровъ опредѣляютъ Нѣмцевъ, кои Русскаго языка не знаютъ, а Государь печется объ общемъ благѣ, и мухъ, вѣрно, зла не сдѣлалъ!

Мнѣ больно будетъ, если мои письма къ тебѣ не доходятъ. Если ты ихъ всѣ получишь, то увидишь, что я не рѣдко пишу и лѣвостію меня попрекнуть грѣшно. Жена принимается за портретъ, и очень хочетъ, чтобъ былъ похожъ; а тотъ, что подъ покрываломъ, она и не признаетъ за свой, да и въ самомъ дѣлѣ: картина стоить же хороша, какъ портретъ никуда не годится.

Я къ тебѣ писалъ, что жена изъ Петербурга благополучно возвратилась, но отъ беременности страдаетъ головою. Она очень, очень рада, что опять дома. Дѣти здоровы, кромѣ Софалеты, у которой болитъ голова. Прощай, обнимаю тебя и жду просьбы; это будетъ знакъ взятья Баки и твоего покоя. Прощай.

Всѣ эти письма напечатаны съ подлинниковъ, на которыхъ означены только числа и мѣсяцы, но не выставлено годовъ; поэтому въ хронологическомъ распредѣленіи писемъ не соблюдено строгой точности. Письма эти, переведенныя на Французскій языкъ, вошли въ составъ книги, издан-

ной графомъ А. Ѡ. Растопчинимъ въ Брюсселѣ въ 1864 г. подъ заглавіемъ: *Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastapchine, rassemblés par son fils. Tiré à douze exemplaires.*“ Тутъ есть еще одно письмо къ кн. Циціанову, котораго Русскій подлинникъ не находится въ доставленномъ намъ рукописномъ собраніи этихъ писемъ и которое поэтому намъ приходится переводить обратно на Русскій языкъ съ Французскаго перевода. Вотъ оно.

XLIX.

Вороново. 18 Июля (1806).

Прежде всего поздравляю тебя, сердечный другъ, съ новою милостью, которую ты получилъ. Что тебѣ дали аренду, я очень доволенъ, если не за тебя, то за всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, на вспоможеніе которымъ ты станешь употреблять значительную часть ея. На мой взглядъ это—новая цѣпь, накидываемая тебѣ на шею, чтобы ты оставался въ службѣ. Если у насъ будетъ война съ Пруссіею, я помирюсь съ тѣмъ, что ты не будешь въ Вороновѣ, лишь бы ты вошелъ побѣдителемъ въ Магдебургъ или въ Берлинъ. Самъ же попрошу тебя объ одномъ: прикажи дать каждому Прусскому почтальону по пятидесяти палочныхъ ударовъ; а что касается до станціонныхъ смотрителей, надо распорядиться, чтобы Русскіе курьеры проскакали съ ними черезъ всю Россію, дали бы имъ хорошую встряску и выучили ихъ, какъ надо ѣздить.

Теперь скажу тебѣ, что *Ганжа* и *Джеванханъ* пять дней какъ въ Вороновѣ. Если стану много благодарить тебя, ты осердишься; поэтому удовольствуюсь замѣчаніемъ, что для того, чтобы ихъ выбрать, недостаточно было быть любителемъ, но еще моимъ другомъ. *Алазанъ* больше похожа на прекрасную породистую Англійскую лошадь; голова у нея и стать великолѣпны; ноги, бабки, грудь и плеча удивительны; только крестецъ немного коротокъ, и задній шагъ не довольно легокъ. Гнѣдой—превосходный заводскій жеребецъ; въ немъ много Арабской крови, хотя форма головы напоминаетъ скорѣе лошадей Персидскихъ. Жена въ восхищеніи отъ Алазани и хо-

четь зимою ъздить на ней въ манежѣ; конечно тогда не пустятъ туда кобылъ. Они останутся здѣсь, и заживутъ какъ нельзя лучше. Конюхъ, который ихъ привелъ, сказалъ жень, что Ганжа любитъ сахаръ, и она ей носить каждое утро сахару; а Джеванхану даютъ чернаго хлѣба. Хотя ихъ помѣстили противъ моихъ великолѣпныхъ Арабскихъ коней, но я смотрю на нихъ всегда съ удовольствіемъ. Нынѣшній годъ страшенъ всеобщемою засухою; почти всѣ хлѣба вездѣ пропали, и на сѣно очень поднялась цѣна. Здѣшніе мои великолѣпные горохи и ячмени,—прости, забылъ одинадцатую заповѣть: *не говори о сельскомъ хозяйствѣ*. Жена изнемогаетъ отъ жару, и дѣти также; я же здоровъ, какъ быкъ или какъ мулъ, и каждый вечеръ, вмѣсто ужина, выпиваю стаканъ пива съ сахаромъ. Конференціи о положеніи дѣлъ въ Европѣ начались; не знаю, выдетъ ли, что нибудь дѣльное. Государь тратитъ много времени на разъѣзды и слишкомъ мало на занятіе дѣлами.

На дняхъ, къ великому моему удивленію, получаю очень вѣжливое письмо отъ князя Черторижскаго, которой по приказанію Государя освѣдомляется у меня о нѣкоей г-жѣ Боппе, бывшей въ Россіи во время кончины покойнаго императора Павла. Вотъ мой отвѣтъ; прошу его разорвать. Кажется, меня нельзя будетъ обвинять въ лести. Содержаніе бумаги, о которой идетъ рѣчь и которая была сожжена, таково, что если бы ее показали покойнику, сынъ не нашелъ бы мѣста въ Европѣ, и я рѣшился ее показать не отцу, а сыну, дабы понудить его къ обсужденію его поступковъ. Изъ этого ничего не вышло по известной несправимости; онъ принялся плакать, я также плакалъ; и въ концѣ концовъ я одураченъ, въ чемъ признаюсь.

Васильевъ въ своей деревнѣ подъ Москвою; Завадовскій прогуливается и останавливается преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рассчитываетъ найти латинистовъ. Трошинскій отъѣхалъ, чтобы на три мѣсяца быть Стерномъ; но въ Москвѣ онъ опасно заболѣлъ. Если онъ умретъ, то сдѣлаетъ большое удовольствіе Валуеву, доставивъ случай устроить похороны министра удѣловъ. Николай Салтыковъ въ Москвѣ, помогаетъ сыновьямъ дѣлиться. У Ивана Петровича Салтыкова легкій

апоплексическій ударъ, нога и рука отнялись; но родъ человѣческій имѣеть привычку обольщаться, и онъ думаетъ, что только простудился. Беклешовъ отъ вѣды сходитъ съ ума. Для умноженія городскихъ доходовъ, онъ представилъ прозкъ отодвинуть заставы на три версты и всю эту новую землю включить въ составъ Москвы.

Прости. Запасайся терпѣніемъ на все время, покуда останешься въ древнемъ своемъ отечествѣ, и за тѣмъ пріѣзжай сюда отдыхать, и посмотри, какъ тебя здѣсь любятъ.

*
*
*

Читая эти письма, надо имѣть въ виду богатство ихъ содержанія по отношенію къ чертамъ быта и времени и къ удивительному характеру писавшаго. Что же касается до отзывовъ графа Растопчина, то нѣтъ, кажется, и нужды обращать вниманіе на крайнее ихъ пристрастіе: иногда самъ онъ противорѣчатъ себѣ, отзываясь различно объ одномъ и томъ же лицѣ, смотря по тому, въ какую минуту подвернулось оно подъ желчное перо его. Таковы напр. его приговоры о Державинѣ, о графѣ Кочубеѣ, о графѣ С. Р. Воронцовѣ, которыхъ онъ цѣнилъ конечно, а съ послѣднимъ изъ нихъ, раньше и позже, велъ дружественную переписку. Графъ Растопчинъ, при необыкновенныхъ достоинствахъ своихъ, былъ человѣкъ минутнаго, быстрого впечатлѣнія, при томъ болѣзненный и въ раздраженіи всегда неправый, никого не щадившій. Пламенное воображеніе увлекало его. Но князь Циціановъ внушалъ ему, какъ видно, безграничную преданность. Это былъ такой человѣкъ, о которомъ и покойникъ А. П. Ермоловъ отзывался съ величайшимъ уваженіемъ. Не знаемъ, цѣлѣ ли въ селѣ Вороновѣ памятникъ, поставленный графомъ Растопчинымъ его другу.—Мы не опускали въ письмахъ графа Растопчина ничего, ни мелочныхъ подробностей, ни рѣзкихъ замѣчаній о лицахъ и событіяхъ, полагая, что первыя живописуютъ тогдашнюю обстановку, а вѣдость послѣднихъ уничтожена всепримиряющею, семидесятилѣтнею давностью.

П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА О. В. РАСТОПЧИНА.

Графъ Растопчинъ велъ свои записки. Сохранились ли они вполнѣ, намъ неизвѣстно, и до насъ дошли только небольшія выдержки изъ нихъ. Его рассказъ о кончинѣ Екатерины и о воцареніи Павла (напечатанный два раза въ Читеніяхъ Общ. Ист. и Др. при Московск. унив. 1860, кн. 3 и 1864, кн. 2) по живости изложенія и по отсутствію разглагольствія, принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ нашей новѣйшей лѣтописной словесности. По этому рассказу можно заключать, какъ важно было бы имѣть въ печати записки графа Растопчина за время царствованія Павла Петровича, при которомъ онъ столько времени былъ главнымъ дѣятелемъ, которому былъ въ истинномъ смыслѣ вѣрнопогоданнымъ и великодушнымъ стремленія котораго онъ направлялъ на благо общее. Трудно предположить, чтобы графъ Растопчинъ, при его привычкѣ къ письменной работѣ, не положилъ на бумагу воспоминаній объ этихъ замѣчательнѣйшихъ годахъ своей жизни. По словамъ сына его, онъ, въ 1823 году, проживая лѣтомъ въ Ливенской деревнѣ своей, селѣ Козьмодемьянскомъ, написалъ подробный рассказъ о 1812 годѣ; но эти тетради, вѣстѣ съ другими его бумагами, были взяты въ Петербургъ, вслѣдъ за кончиною графа Растопчина (въ Москвѣ, 18 Января 1826). То что теперь печатается составляетъ лишь мелочные отрывки и было, при жизни его, списано его дочерью, Натальею Фёдоровною Нарышкиною. Подлинники писаны пофранцузски; уцѣлѣвшія въ списокѣ выдержки сообщены намъ его сыномъ, графомъ А. О. Растопчинымъ. *П. Б.*

I. 1812 ГОДЪ.

Въ минуту, когда губернской предводителемъ ¹⁾ кончилъ свою рѣчь, нѣсколько голосовъ воскликнуло: «Нѣтъ! не по четыре со ста, а по сту съ тысячи, вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца». Большинство собранія съ громкими криками повторило эти слова. Государь благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Теперь надо изяснить поводы этой необыкновенной щедрости. Предложеніе губернскаго предводителя было справедливо и благоразумно; но два голоса, первые захотѣвшіе дать больше чѣмъ было предложено главою дворянства, принадлежали двумъ весьма различнымъ лицамъ. Одинъ былъ человекъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила: у него не было никакой собственности въ Московской губерніи. Другой, человекъ съ здоровыми легкими, былъ подлѣ, глупъ и дурно принятъ при Дворѣ. Онъ предлагалъ мнѣ свой голосъ за честь быть приглашену къ Императорскому обѣду. И вотъ какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаются и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія! Какъ часто человекъ превознесенъ до облаковъ газетами и біографами за дѣйствіе или слово, хотя быть можетъ онъ тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ или въ словѣ, имъ произнесенномъ.

Въ другой залѣ, гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Въ началѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ; потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ, «что непріятель приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ», произошелъ взрывъ негодованія: били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки; слезы бѣшенства текли по лицамъ, напоминавшимъ

¹⁾ Генералъ майоръ Василій Дмитріевичъ Арсеньевъ.

древнихъ героевъ. Я видѣлъ человѣка, который скрежеталъ зубами. Въ шумѣ нельзя было слышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту Русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго. Тутъ опять выступили наружу истинно-русскія свойства. Эти люди сохранили и одежду, и характеръ народа; ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ. Подобно предкамъ, у нихъ не было другихъ правилъ, другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые выражаются въ слѣдующихъ четырехъ поговоркахъ, служащихъ для нихъ основою всѣхъ и добрыхъ, и дурныхъ поступковъ:

Великъ Русскій Богъ.
Служить Царю вѣрой и правдою.
Двумъ смертямъ не бывать.
Чему быть, того не миновать.

Московскій городской голова, имѣя 100 т. р. капитала, первый подписалъ 50,000 рублей. Онъ перекрестился, сказавъ: «Мнѣ Богъ далъ, я отдаю Отечеству.»

Я возвратился въ Кремль, чтобъ доложить Государю эту добрую вѣсть (32,000 ратниковъ и пожертвованіе въ 2,400,000 р.). Я засталъ его въ кабинетѣ съ Балашевымъ и Аракчеевымъ. Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ счастливъ тѣмъ, что возымѣлъ мысль пріѣхать въ Москву и меня назначить генераль-губернаторомъ. Потомъ, когда я откланивался, онъ съ чувствомъ обнялъ меня. Когда я вышелъ, Аракчеевъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я получилъ величайшій знакъ милости государевой; «ибо, прибавилъ онъ, я служу ему съ самаго его воцаренія, и онъ ни разу меня не обнялъ.» А Балашевъ сказалъ мнѣ: «будьте увѣрены, что графъ никогда не забудетъ и никогда не проститъ вамъ этого объятія». Въ ту минуту я смѣялся, но впоследствии я имѣлъ вѣрные доказательства, что министръ полиціи былъ правъ, и что онъ лучше меня зналъ графа Аракчеева.

*
*
*

Я засталъ князя Кутузова (въ Филяхъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы) сидящаго и грѣющагося у огня; его окружали генералы; адъютанты являлись за приказаніями. Иныхъ онъ отсылалъ къ Барклаю, другихъ къ Беннигсену, иногда къ Толю (квартирмейстеру), своему любимцу, человѣку, достойному своего покровителя. Кутузовъ принялъ меня въ великую учтивостью и отвелъ въ сторону. Мы остались вдвоемъ въ продолженіи полу-часа. Тутъ съ этимъ человѣкомъ былъ у меня любопытный разговоръ, ясно показывающій всю низость, всю неспособность, всю трусость предводителя нашихъ армій, которому довѣрили спасеніе Отечества и который ничѣмъ незаслуженно получилъ титулъ Спасителя Россіи. Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшился здѣсь же дать сраженіе Наполеону. Я замѣтилъ, что мѣстность сзади позиціи, имъ занимаемой, идетъ довольно крутымъ склономъ до самаго города; если наши войска хотя немного подадутся назадъ, они, какъ ни пошло, вмѣстѣ съ непріателемъ, войдутъ въ Московскія улицы; что собрать оттуда нашу армію будетъ невозможно и что онъ рискуетъ погубить ее всю. Онъ продолжалъ меня увѣрять, что его не принудятъ перемѣнить позицію, но что если случится, что ему необходимо будетъ отступить, онъ отойдетъ къ Твери. На мое замѣчаніе: «тутъ будетъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ,» у него вырвалось: «но надо помнить о Сѣверѣ и прикрывать его». Онъ имѣлъ въ виду резиденцію Императора и не обращалъ вниманія на двѣ вещи: первое, если корпусъ Витгенштейна будетъ уничтоженъ, маршалъ Сенъ-Сиръ будетъ въ Петербургѣ гораздо прежде него; второе, занявъ Москву, Наполеонъ не подумаетъ отважиться на шестинедѣльный Сентябрьскій походъ съ цѣлью въ концѣ Октября овладѣть Петербургомъ. Кромѣ того, направляясь по Тверской дорогѣ, Кутузовъ отдѣлялся отъ всѣхъ своихъ запасныхъ силъ; непріатель овладѣваетъ всю страну до Чернаго моря. Я спросилъ Кутузова, не думаетъ ли онъ направиться по Калужской дорогѣ, по которой шли запасы изъ внутреннихъ губерній. Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво. Онъ сказалъ, что послѣ Бородинскаго сраженія корпусъ ко-

роля Неаполитанскаго принялъ это направленіе, и что онъ желалъ бы избѣгнуть встрѣчи съ нимъ. Потомъ онъ началъ пустословить о сраженіи, которое онъ дастъ; просилъ меня пріѣхать послѣ завтра съ архіепископомъ и двумя чудотворными иконами Божіей Матери. Онъ говорилъ, что желалъ бы пронести ихъ по всѣмъ войскамъ, чтобъ духовенство прочло молитвы и окропило бы святою водою всѣхъ воиновъ; просилъ прислать ему нѣсколько бутылокъ вина; увѣрялъ меня, что завтра ничего не будетъ, «ибо (прибавилъ онъ) я знаю методу Наполеона: сегодня вечеромъ онъ остановится, цѣлый день дастъ отдохнуть войскамъ, послѣ завтра развѣдаетъ мѣстность, и на слѣдующій день сдѣлаетъ нападеніе»²⁾...

Мы возвратились съ нимъ къ огню, гдѣ собрались и спорили генералы. Дохторовъ, которому приходилось начальствовать лѣвымъ флангомъ, пришелъ доложить, что не было возможности провезти артиллерію по причинѣ крутыхъ береговъ рѣки и крутой горы. Я разговаривалъ съ Барклаемъ, который сказалъ мнѣ: «Вы видите что хотятъ дѣлать! Если сдѣлаютъ глупость и будутъ сражаться на этомъ мѣстѣ, единственное, чего я желаю—это, чтобъ меня убили». Бенигсенъ, котораго я не видалъ съ кончины императора Павла, подошелъ ко мнѣ. Я превозмогъ ужасъ, который внушалъ мнѣ этотъ глава враговъ моего благодѣтеля, и узналъ отъ него, что онъ не вѣритъ сраженію, которое возвѣщалъ Кутузовъ; что они сами еще не знали, сколько находится войска въ строю, что отступление необходимо и что за нимъ послѣдуетъ занятіе Москвы непріателемъ. Солдаты были мрачны, офицеры унылы. Смятеніе было страшное; каждый давалъ свои совѣты; вездѣ спорили...

..

Въ 11 часовъ мнѣ доложили о пріѣздѣ герцога Виртембергскаго и принца Августа Ольденбургскаго. Одинъ былъ гене-

²⁾ Очевидно, что Кутузовъ не довѣрялъ истиннымъ своимъ намѣреніямъ графу Растищину, который, хотя некогда и служилъ въ военной службѣ, но вовсе не былъ человѣкомъ военнымъ.—Насъ конечно не могутъ уже теперь оскорблять отзывы Растищина о Кутузовѣ. П. Б.

ралъ-аншефъ, другой — генералъ-лейтенантъ; оба состояли при арміи. Они пріѣхали звать меня, чтобы я вмѣстѣ съ ними отправился къ Кутузову и убѣждалъ его не оставлять Москвы и дать сраженіе. Объясненіе мое было короткое. Я спросилъ, на военномъ совѣтѣ настаивали ли они на необходимости драться. Они отвѣчали мнѣ, что не были даже приглашены на совѣтъ. Тогда я замѣтилъ Ихъ Высочествамъ, что, будучи, одинъ дядею, другой двоюроднымъ братомъ Государя, они гораздо болѣе меня имѣютъ право заставить Кутузова перемѣнить намѣреніе; что, кромѣ того, у меня до утра столько дѣла, что я не могу пожертвовать 5-ю часами на повѣзду, которая, какъ я предвижу, будетъ бесполезна. Ихъ Высочества сказали мнѣ, что они были у фельдмаршала, но что Кутузовъ спалъ, и ихъ не допустили. Послѣ сильныхъ жалобъ и осужденій главнокомандующаго, они оставили меня, проникнутые горестію и озадаченные оставленіемъ Москвы.

Мой орденарецъ возвратился и сказалъ мнѣ, что Милорадовичъ съ нашимъ аррьергардомъ проѣхалъ по Арбату, и что за нимъ долженъ слѣдовать непріятельскій авангардъ. Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ Рязанской заставѣ. Подлѣ Яузскаго моста я встрѣтилъ князя Кутузова съ его приближенными. Я поклонился и не хотѣлъ вступать съ нимъ въ разговоръ; но онъ, привѣтствуя меня (что могло показаться насмѣшкою), сказалъ: «Могу васъ увѣрить, что я не удалюсь отъ Москвы, не давъ сраженія». Я ничего не отвѣчалъ: отвѣчать на вздоръ было бы глупо.

Прежде, чѣмъ я доѣхалъ до Яузскаго моста, я былъ остановленъ нѣсколькими офицерами, которые шли пѣшкомъ и были ранены. Они попросили меня дать имъ денегъ. Я отдалъ все, что со мною было, но желалъ бы дать гораздо болѣе. Они благодарили меня со слезами на глазахъ. У меня текли слезы: мнѣ было горько видѣть израненныхъ офицеровъ, принужденныхъ просить милостыню, чтобы не умереть съ голоду.

Пріѣхавъ къ заставѣ, я съ трудомъ могъ пробраться: столько столнилось каретъ и войскъ, спѣшившихъ выйти изъ горо-

да. Въ ту минуту, когда я выѣзжалъ за заставу, раздались три пушечные выстрѣла, разгонявшіе толпу. Выстрѣлы эти были знакомъ, что непріятель занялъ столицу, и возвѣстили мнѣ, что я уже больше не градоначальникъ. Я оборотилъ лошадь и благоговѣнно поклонился этому первому городу Русской Имперіи. Въ ней я родился, былъ ея охранителемъ; долгъ мой былъ исполненъ, совѣсть моя была чиста; но горестъ сжимала меня, и я принужденъ былъ завидовать Русскимъ, убитымъ подъ Бородинымъ: они не были по крайней мѣрѣ свидѣтелями торжества Наполеона.

Въ недавно появившейся на Французскомъ языкѣ біографіи графа Ра-
стопчина, написанной его внукомъ графомъ Сегюромъ, рассказано, что въ эту минуту возлѣ несчастнаго Московскаго главнокомандующаго находился старшій сынъ его, графъ Сергѣй Федоровичъ; отецъ приказалъ ему снять шапку и поклониться Москвѣ, прибавивъ, что она въ тотъ же день загорится. Растопчинъ былъ увѣренъ въ такомъ исходѣ событій, не потому только, что пожарныя трубы и всѣ огнегасительныя орудія (какъ и другое казенное имущество) были вывезены по его приказанію, но и потому, что ему вполне извѣстно было настроеніе умовъ: коли нельзя спасти, такъ лучше сжечь, чѣмъ предоставить непріятелю. Эта мысль естественно приходила въ голову не успѣвшимъ выѣхать Москвичамъ, какъ скоро послѣдняя надежда пропала. Такъ извѣстный въ то время книгопродавецъ И. В. Поповъ доложилъ графу Растопчину, что въ печи принадлежавшаго ему дома положено имъ пороху. Покойный графъ В. А. Перовскій рассказывалъ, что за обѣдомъ въ Флихъ онъ сидѣлъ рядомъ съ Московскимъ квартальнымъ, который, на вопросъ, что говорятъ въ Москвѣ, вмѣсто отвѣта вынулъ изъ кармана кусокъ пакли со смолою. Въ извѣстной своей «Правдѣ о пожарѣ Москвы» графъ Ра-
стопчинъ вовсе не думаетъ оправдываться въ сожженіи Москвы, какъ провозгласили иностранцы (а со словъ ихъ и Русскіе, не прочитавшіе этой книжки): онъ говоритъ только, что не слѣдуетъ ему одному приписывать честь героическаго подвига, принадлежащаго всему Московскому населенію.

И. Б.

II. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

1815.

И такъ мнѣ надо было ѣхать, доктора послали меня на воды: это послѣднее средство Гиппократовъ и послѣдняя надежда больныхъ.—Я не былъ опасно боленъ, но цѣлый годъ и семь мѣсяцевъ не былъ здоровъ. Я ни съ кѣмъ не прощался. Грустно прощаться съ людьми, которыхъ любишь; всегда хочется прибавить: до свиданія въ другомъ мѣрѣ. Умереть всегда возможно, и потому естественно всякій разъ дѣлать такія пожеланія. Мнѣ тяжело было увѣжать; кто знаетъ мою жену, тотъ легко это пойметъ. На счетъ дѣтей я былъ спокоенъ: они оставались съ матерью, которая была ихъ руководителемъ, ихъ хранителемъ, ихъ образцомъ и ихъ заступникомъ передъ Престоломъ Всевышняго. Печально сошелъ я съ лѣстницы и простился съ домою. Я не люблю проводовъ. Они похожи на какую-то процессію. Садясь въ карету, я вспомнилъ слова, сказанныя мнѣ княземъ А. К. въ послѣдній разъ, что я его видѣлъ: «Я надѣюсь, что другой климатъ, разнообразіе впечатлѣній и дорожныя развлеченія возвратятъ вамъ здоровье, которое столько же необходимо для частной жизни, какъ и для жизни общественной».

* *

Сколько миліоновъ зарыто на Петергофской дорогѣ, и все для того, чтобъ доставить возможность днемъ прогуливаться по болотамъ, а ночью заражаться лихорадкою! Вплоть до Стрѣльны дорога какъ бы одинъ пригородъ. Большая часть домовъ уже не принадлежатъ знатнымъ родамъ и служатъ мѣстомъ отдохновенія купцевъ, которые лучше дворянъ ведутъ свои дѣла. Покуда у дворянина осталось что нибудь непроданное, онъ думаетъ, что у него достаточно денегъ на расходы. Дорогу въ Стрѣльну я знаю 30 лѣтъ, и сколько

на ней воспоминаній! Я не узнаю самъ себя. Здѣсь вѣжаль я танцовать, вздыхать, блистать умомъ, дѣлать глупости. Теперь дорога эта имѣетъ для меня развѣ ту цѣну, что, вѣдучи по ней, я убѣждаюсь, что у меня есть память.

* * *

Я лучше люблю Стрѣльну, чѣмъ Петергофъ. Видъ моря прикрытъ лѣсистою горою, садъ прекрасенъ и расположенъ по плану Ленотра (Le Nôtre). Версальскій садъ часто служилъ образцомъ для другихъ садовъ, также какъ и съ этикетомъ Двора Людовика XIV сообразовались этикетки другихъ Дворовъ. Стрѣльна приняла военный характеръ послѣ возобновленій, сдѣланныхъ Великимъ Княземъ Константиномъ. Я слышалъ звукъ трубы; это самый непріятный звукъ для моего слуха. Онъ напоминаетъ и паденіе стѣнъ Іерихонскихъ, и послѣдній судъ, на который, съ сотворенія міра, очень немногіе могутъ явиться безъ страха.

* * *

На второй станціи я встрѣтилъ генерала О., который требовалъ 12 лошадей. Ямщики и форейторы разбѣжались. Мы побесѣдовали немного. О. пошелъ спать; я отправился въ конюшню, взялъ шестерку лошадей; ямщики возвратились, и я поѣхалъ. Понятно, что я заплатилъ. О, еслибъ сямъ презрѣннымъ металломъ или его представителемъ, ассигнаціями, подкупили однихъ ямщиковъ!

* * *

Со мною былъ камердинеръ, бѣлый, глупый какъ скоть, но добрый малый. Другой мой слуга былъ Негръ, глупъ такъ, какъ мой камердинеръ. Онъ сходилъ съ ума и воображалъ, что вылезъ; все чтó видѣлъ во снѣ, онъ считалъ за существоенное. Одна изъ самыхъ лучшихъ его исторій была о пауку, котораго одинъ колдунъ, во Франціи, вселилъ въ него, и паукъ жилъ въ немъ привольно и даже ткалъ въ немъ паутину. Еслибы колдунъ имѣлъ состраданіе къ пауку, онъ всадилъ бы въ моего негра нѣсколько тысячъ мухъ.

* * *

Камердинеръ мой, увидя море близъ Нарвы, сказалъ: «Вотъ, ваше сіятельство, говорятъ, что много морей, а все это тоже что въ Петербургъ, на концѣ Англійской набережной». Когда я спросилъ его, почему онъ можетъ узнать это море, онъ отвѣчалъ мнѣ съ увѣренностью: потому что не вижу другаго берега.

* *

Ямбургъ среди болотъ. Это замокъ лягушечій. Удивительно, какъ императрица Елизавета, которая такъ любила лягушечье кваканіе и населяла лягушками пруды своихъ резиденцій, не избрала Ямбурга для своего лѣтняго мѣстопробыванія.

* *

Господи! Сколько камней и скалъ въ окрестностяхъ Нарвы. Если бъ суждено было Девкаліону снова явиться и произвести новую породу людей, его слѣдовало бы послать въ Нарву: здѣсь ему стоило бы только нагнуться. Если сіе сбудется, то надлежитъ желать, чтобъ новая порода была лучше нашей. Камни какъ бы ждуть; они придаютъ всему краю видъ кладбища. Особенно большія скалы ждуть надписей; вырзавъ на нихъ надписи, можно смутить всѣхъ антикваріевъ. Мнѣ было очень досадно, что были украдены древніе бюсты, найденные въ окрестностяхъ Тосны и посланные княгиней Дашковой въ Москву. Какая находка для ученыхъ, любителей іероглифовъ! Сколько можно дѣлать предположеній, системъ, диспутовъ! Эти украденные бюсты могли бы измѣнить всю географію, всю исторію древнихъ. Тащить могъ бы прослыть невѣждою.

* *

Выѣзжая изъ Нарвы, ѣдешь близъ моря въ продолженіи получаса. Этаго слишкомъ достаточно, чтобъ утомить взоръ. Безграничность эта тяготитъ мой умъ, поглощаетъ всѣ мои мысли. Достаточно одного моря, чтобъ взывать къ невѣрующему: «Господь создатель моря! Нечестивецъ, познай Творца и пади предъ нимъ».

* *

Какая подлая страна Эстляндія по дорогѣ къ Ригѣ: болота, озера съ заплесневою водою, жалкій лѣсъ, сосновый и еловый, изрѣдка береза; поля покрытыя камнями, которые мѣшаютъ растительности. И сколько пролитой крови, чтобъ отвоевать ее у Швеціи! Петръ I-й любилъ соленую воду и морскіе берега. Онъ хотѣлъ распространить свои владѣнія на сушѣ, чтобъ поцарствовать немного на морѣ. Не будетъ его обвинять. Ему легко простить, когда подумаешь, сколько отъ сотворенія міра погубило людей отъ войнъ: всѣ Европейскія большія дороги съ обѣихъ сторонъ можно бы уставить убитыми воинами.

* * *

Надобно проститься съ красивыми Русскими лицами, съ бородачами, которые художникамъ могли бы служить образцами для изображеній Юпитеровъ, Геркулосовъ, Греческихъ философовъ, Римскихъ консуловъ и всѣхъ этихъ господъ древности, несправедливо прозванныхъ полу-богами за то, что они были или разбойники или шарлатаны.

* * *

У Русскихъ и у Нѣмцевъ три рода: мужескій, женскій и средній. Въ Эстляндіи преобладаетъ средній родъ. Здѣсь невозможно отличить мужчины отъ женщины: тоже безобразіе, тоже уродство, тоже выраженіе глупости. Край вѣроятно мало населенъ; ибо я увѣренъ, что заключалось по ошибкѣ много браковъ между лицами одного пола. Это страна, въ которой всего менѣ очарованій, и наружность здѣсь не плѣнительна.

* * *

Какъ хороши окрестности Дерпта! Виды начинаютъ быть разнообразны. По сторонамъ дорогъ прекрасныя поля, прекрасная обработка. Вдали фермы, усадьбы. Лѣса вычищены. Среди полей оставлено нѣсколько деревьевъ, чтобъ доставить тѣнь работникамъ. Всѣ житницы и сараи строятся прочно и красиво. Стѣны изъ глины, и прежде чѣмъ она высохнетъ, въ нее влѣпаютъ куски гранита, сѣраго и красноватаго цвѣта, прибавляя черныхъ кремней; издали все вмѣстѣ похоже на мозаику. Лифляндцы называютъ эту часть губерніи Швей-

царіей,—хотя здѣсь нѣтъ такихъ горъ какъ Альпы, ни такого озера какъ Женевское. Чего я не могу простить помѣщикамъ и фермерамъ—это скверную породу скота. На это нѣтъ извиненій. Лифляндія населена уже вѣкъ. Достаточно 25 лѣтъ, чтобъ улучшить самую худшую породу скота, лошадей, коровъ и овецъ.

Дерптъ маленькій красивый городъ; чрезвычайно живописныя окрестности очень украшаютъ его. Ему чрезвычайно выгоденъ Университетъ, ибо отъ 300 студентовъ ежегодно обращается до пятисотъ тысячъ рублей. Бываютъ столкновения между Русскими и Нѣмцами; недавно двое поплатились жизнью. Профессоры всѣ Нѣмцы, за исключеніемъ одного. Это Французъ Парротъ, знаменитый своими революціонными мнѣніями. Библіотека, въ 30000 томовъ, занимаетъ часть огромнаго готическаго зданія, которое въ XIII в. было церковью. Для обсерваторіи хорошо выбрано мѣсто. Есть клиника, но въ нее принимаютъ мало больныхъ. Я видѣлъ двухъ весьма интересныхъ: молодую дѣвушку, которой отняли обѣ ноги, и столяра, которому отрѣзали одну. Онъ былъ въ очень веселомъ духѣ и говорилъ, что первая его работа будетъ отличная деревянная нога, которая переживетъ его.—Дерптъ славится въ Лифляндіи хорошимъ вкусомъ и тономъ и подобно Парижу снабжаетъ край модами. Богатые помѣщики проводятъ здѣсь зиму, имѣя въ городѣ собственные дома; но Нѣмецкіе предрассудки относительно знатности рода мѣшаютъ общительности: одни боятся унижить себя, другіе потерпѣтъ униженіе.

Взбираясь на гору, я слышалъ въ одно время пѣніе жаворонка и соловья. Я люблю жаворонковъ; ихъ пѣснь переноситъ насъ въ деревню, въ поле, въ чистую атмосферу, не зараженную дыханіемъ порочныхъ людей и испареніемъ, исходящимъ изъ развратныхъ тѣлъ. Соловья я никогда не любилъ. Мнѣ кажется, что я слышу Московскую барыню, которая стонетъ, плачетъ и проситъ, чтобъ возвратили ей ея вещи,

пропадшія во время разгрома Москвы въ 1812 г. Филомела миеологіи воспѣвала свои страданія, свою тоску и любовь. Филомелы Москвы стонуть, чтобъ излить свою желчь и свою хандру.

На второй станціи я увидѣлъ дубъ, старый, одинокій, посреди кустарниковъ. Я замѣтилъ, что онъ былъ безъ потомства, и мнѣ стало грустно. Я питаю слабость ко львамъ, орламъ, дубамъ, ибо имъ приписываются въ ихъ природѣ нѣкотораго рода царственныя свойства. Дубъ, за исключеніемъ развѣ только того обстоятельства, что требуетъ много питательныхъ соковъ и потому истощаетъ сосѣдей, былъ бы изъ лучшихъ владыкъ въ мірѣ. Онъ господствуетъ надъ своими подданными, прикрываетъ ихъ своею тѣнью, защищаетъ отъ вѣтровъ и на одного себя притягиваетъ удары молніи.

Я читалъ въ одномъ плохомъ романѣ *L'aventurier Français* (Французъ, искатель приключеній) что герой упалъ въ пропасть и тамъ, среди неизвѣстнаго народа, нашелъ одного своего соотечественника. Удивленный этою встрѣчею, онъ спросилъ своего земляка, какъ попалъ онъ сюда, и получилъ въ отвѣтъ: «Я Французъ, а мы вездѣ». Посему я нисколько не удивился, когда на одной станціи нашелъ станціоннымъ смотрителемъ Рено, бывшаго прежде камердинеромъ кн. Гагарина. Онъ женился на Лифляндкѣ, имѣетъ маленькую бібліотеку, но читать не умѣетъ. Полагаю, что онъ жалѣетъ, что не былъ прежде поваромъ, ибо кушанья у него плохи.

Вольмаръ хорошенькій городокъ, окруженный прекрасными полями и загородными домами. Домъ Левенштерна очень красивъ. Здѣсь женщины носятъ мужскія шляпы, надѣвая ихъ сверхъ маленькаго чепчика.

Мнѣ нечего сказать объ Ригѣ, гдѣ прекрасная рѣка, о Митавѣ, гдѣ почти нѣтъ воды; о пескахъ Лифляндіи, объ Курляндіи. Чѣмъ дальше ѣдешь, все больше находишь Германію

въ Россіи. Воздухъ чистъ, иногда вода чиста, домà никогда, ибо пропитаны табачнымъ запахомъ.

При въздѣ въ Пруссію, нѣтъ ничего замѣчательнаго. На Русской границѣ офицеръ спросилъ мою фамилію и узнавъ сказалъ: «хорошо, повѣжайте!» У Прусской заставы тотъ же вопросъ отъ старика; и, получивъ тотъ же отвѣтъ, онъ сталъ просить меня о моемъ благорасположеніи. Ему хотѣлось денегъ; я пожелалъ ему добраго здоровья.

Окрестности Мемеля густо населены, и страна вокругъ хорошо обработана. Близъ города я увидѣлъ народъ, собравшійся погулять и большую повозку, на которой два музыканта играли на скрипкѣ. Балъ вѣроятно долженъ былъ начаться. Мнѣ не хотѣлось его открывать, и я проѣхалъ мимо.

Мемель, небольшой городъ, ведетъ значительную торговлю по Нѣману; корабли пристають въ виду города, выгружаются и нагружаются. Войска нѣтъ: всѣ ушли противъ бѣглеца съ острова Эльбы. Всѣ часовые изъ милиціи, называемой ландверъ; у нихъ сѣрыя шинели и на головѣ фуражка съ крестомъ, какъ у нашихъ ратниковъ 1812 года. Комендантъ—подполковникъ; я видѣлъ, какъ онъ прогуливался по улицѣ въ военномъ сюртукѣ, черныхъ панталонахъ и башмакахъ. Во времена Фридриха Великаго онъ потерялъ бы свое мѣсто; во времена Фридриха - Вильгельма 1-го его посадили бы въ крѣпость.

Нѣманъ конечно съ версту шириною; я переѣзжалъ его на большомъ паромѣ, на который была поставлена моя карета, и насъ высадили на песокъ. По этой бесплодной равнинѣ, гдѣ и травы не растутъ, нужно ѣхать 13 съ половиною Нѣмецкихъ миль, т. е. 95 верстѣ. Я замѣтилъ, что поверхность этого несчаднаго моря похожа на наши снѣга. Вѣтеръ гонитъ песокъ, сносить его въ кучи, и оттого борозды и неровности, какъ зимою въ нашихъ степяхъ. Со мною не случилось ни-

чего необыкновеннаго, развѣ то, что на одной станціи, чтобъ подняться на гору, смотритель запрягъ весь свой табунъ; въ числѣ восьми лошадей, которыхъ онъ заставилъ меня взять, были двѣ кобылы съ жеребятами. Чтобъ облегчить для лошадей дорогу, ѣдутъ такъ, что одно колесо идетъ въ водѣ, когда волненіе не слишкомъ сильно. Отъ скуки я воображалъ, что одно колесо въ Европѣ, другое въ Африкѣ.

За двѣ станціи отъ Кенигсберга страна становится обработанною. Она густо населена, богата, красива. Вездѣ видны фермы, фабрики, прекрасныя поля, липовыя рощи. Въ Кенигсбергѣ все есть что нужно для большаго и цвѣтущаго города; въ немъ 60,000 жителей, портъ, рѣка, по которой корабли доходятъ до магазиновъ. Большая часть магазиновъ въ пригородахъ. Дома высокіе, старинной архитектуры. Часто передъ домами растутъ прекрасныя липы и доставляютъ во время жаровъ благодѣтельную прохладу. Въ одномъ изъ пригородовъ есть прекрасное мѣсто для гуляній, но гуляющихъ видно немного; кажется, что жители не любятъ прогулокъ и свѣжаго воздуха, ибо воздухъ въ городѣ зараженъ узкими улицами, грязными и сырыми мостовыми; мостовыя самыя отвратительныя. Женщины одѣваются нарядно и изысканно, даже въ нисшихъ классахъ. Особенно дѣтей водятъ весьма опрятно, и много очень красивыхъ дѣтей. Такъ какъ оспа прививается здѣсь уже десять лѣтъ, то рябыхъ лицъ не видно. Мужчины въ одеждѣ подражаютъ военные Русскимъ, остальные Англичанамъ. Я замѣтилъ большую перемену въ одеждѣ крестьянъ: трехъ-угольныхъ шляпъ уже больше не видно. Экипажи—по большей части хорошенькія кареты и линейки. Въ нихъ есть мѣста для восьми человекъ, и въ нихъ ѣздятъ за городъ.

Увѣряютъ что пребываніе Французовъ развратило нравы; это естественное того послѣдствіе. Французъ начинаетъ тѣмъ, что всякую женщину увѣряетъ, что она прелестна, что онъ влюбленъ въ нее; а всѣ Нѣмки весьма готовы быть Шар-

лотами Вертеръ, Каролинами Лихтѣильдъ и проч.—Я познакомился здѣсь съ директоромъ почти г. Мадвейсомъ. Это человекъ образованный; раздавая и читая газеты, онъ сталъ понимать политику: Жена его, 60 лѣтняя женщина въ свѣтломъ парикѣ, проповѣдуетъ страшную ненависть къ Французамъ и желаетъ, чтобъ ихъ всѣхъ зажарили. Въ Кенигсбергѣ всѣ щеголяютъ патріотизмомъ, говорятъ только понѣмецки, дѣти носятъ деревянные сабли. Я осматривалъ обсерваторію, гдѣ не такъ много инструментовъ, но откуда прелестный видъ на окрестность; я позавидовалъ квартирѣ директора. Онъ согласился съ моимъ замѣчаніемъ, что недовольно обращено вниманія на уясненіе морякамъ астрономіи, ихъ единственной путеводительцы. Въ ботаническомъ саду прекрасное собраніе растеній, особенно кустовъ изъ Новой Голландіи. Я узналъ отъ профессора ботаники, что у всѣхъ Новоюландскихъ растеній листья острые и согнутые къ верху.

Нѣмцы чрезвычайно наивны своими вопросами. Жена одного генерала спрашивала меня, отчего Государь дурно живетъ съ Государынею? Одинъ господинъ желалъ знать, Франъ - масоны ли особы царскаго дома; другой, почему Бонапарту дали уйти подъ Березиною. Вообще они очень любятъ Императора, но дурно расположены къ Великому Князю Константину; и это потому, что онъ не щадилъ почтовыхъ извозчиковъ и загналъ много лошадей.

Жизнь въ Кенигсбергѣ очень дорога: платятъ пошлину за все, что ввозятъ въ городъ. Фунтъ мяса стоитъ 70 копѣекъ, курица отъ 2-хъ до 3-хъ руб., гусь отъ шести до семи. Очень много вступаетъ охотниковъ въ армію; повышенія и награды, розданныя за прошедшую войну, прельщаютъ юношей надѣть мундиръ. Даже Жиды становятся подъ ружье; смѣшно видѣть, что и у нихъ крестъ на фуражкѣ (shako). Непотребныя женщины, записанныя въ полиціи, обязаны ежемѣсячно платить по одному тал., на содержаніе госпиталя для зараженныхъ извѣстною болѣзнію. Такимъ образомъ эти несчастныя

созданія напередъ унлачиваютъ, и за себя, и за другихъ. Управленіе вообще весьма просто. Есть только одна палата, и для финансовъ, и для юстиціи. Последняя война и новые наборы до того умалили число жителей, что недостаетъ рукъ для сельскихъ работъ.

У Нѣмцевъ очень много добродушія въ сердцахъ и грубости въ звукахъ языка. Это какъ бы дурно положенная на ноты арія, которую слѣдовало бы переложить на другой тонъ. Одно что непріятно, это ихъ страсть выпрашивать денегъ за все и нищенствовать. Подайте на улицѣ что нибудь бѣдному, — къ вамъ сейчасъ начнутъ приставать люди, которые и не думали просить милостыни, но которые увлечены примѣромъ. Впрочемъ это выгодный и трогающій промыселъ.

Меня сейчасъ искугали. Я сидѣлъ и писалъ и не замѣтилъ, какъ взошла женщина колоссальнаго роста, съ огненными волосами; она подошла ко мнѣ, поцѣловала меня въ плечо и выпросила два гроша. Это была служанка при кухнѣ.

Жена князя Г.... оставалась цѣлый мѣсяцъ въ Кенигсбергѣ, жила почти за городомъ, покупала все что ей приносили и все ждала, что къ ней пріѣдутъ съ визитами. Она думала, что имѣетъ право требовать визитовъ, какъ родственница Императора и угрожала Пруссакамъ войною съ Россією, какъ справедливымъ наказаніемъ за недостаточное уваженіе къ ея великой особѣ.

Докторъ Фишеръ сказывалъ мнѣ, что невозможно вообразить бѣдственное состояніе, въ которомъ была Французская армія при отступленіи. Саксонскій генералъ Тильманъ оставался въ шинелѣ, ибо не имѣлъ панталонъ. Морозъ оставилъ на всѣхъ свои слѣды. У двоюроднаго брата маршала Даву, генерала Бонпри, были отморожены обѣ руки и обѣ ноги; ему пришлось ихъ отнять, и его отправили въ Эльбингъ, нанявъ карету за 50 тал.; вѣроятно онъ умеръ дорогою. Солдаты и

офицеры, которые еще могли идти, несли на себѣ вещи, снятыя съ товарищей, замерзшихъ на дорогѣ. Онъ видѣлъ, что продавали священные сосуды. Экипажи Наполеона были ограблены, и часть походной посуды, съ вензелемъ N., была куплена однимъ изъ здѣшнихъ богатыхъ негоціантовъ, который хранитъ ихъ какъ предметы любопытныя. Больные умирали почти все отъ истощенія силъ. Генералы и офицеры были взбѣшены противъ Бонапарта; но солдаты мечтали только объ отмщеніи и увѣряли, что зима была сверхъ-естественно холодна. Такъ какъ они не хотѣли признать, что зима въ Россіи въ порядкѣ вещей, то могли почитать ее небеснымъ наказаніемъ.

*
*

Женщины, нѣсколько зажиточныя, носятъ въ одной рукѣ корзинку или мѣшокъ съ работою, въ другой зонтикъ. Меня всего болѣе поражаетъ неторопливость движеній: видно, что каждый вполне измѣрилъ и время, и разстояніе. Городскіе часы отлично вѣрны: трое бьютъ въ одно время, но четвертые шли впередъ, и на вопросъ мой, отчего это, содержатель гостиницы отвѣчалъ: «Это часы еще новыя». Онъ предполагаетъ въ часахъ быстроту молодости, и по его системѣ столѣтніе часы будутъ въ полночь показывать полдень.

*
*

Пруссаки съ виду перемѣнились, и къ сожалѣнію я нашелъ, что они стали похожи на Французовъ; я говорю о военныхъ. По несчастію это подраженіе доказываетъ, до какой степени Бонапартъ овладѣлъ всеми умами. Все арміи, которыя онъ разбивалъ, принимали болѣе или менѣе Французскій военный костюмъ, и случалось даже, что непріятелей принимали за своихъ. Что же касается до насъ, то если у насъ когда либо будетъ война съ Пруссаками, то не знаю, какъ будутъ отличать непріятеля отъ нашихъ, коль скоро мундиры останутся тѣже.

Разница цвѣта не много значитъ: и темносиній, и темнозеленый черезъ короткое время становятся черными.

*
*

Вотъ въ чемъ главное зло Французской революціи. Въкъ Людовика XIV способствовалъ ея расширенію, распространивъ языкъ, который сдѣлался вездѣ языкомъ хорошаго общества. Побѣдоносные походы Французскихъ войскъ по Италиіи и Германіи ввели въ этихъ странахъ ихъ образъ жизни и вмѣстѣ ихъ развращеніе, слѣдствіе Французской любезности и Французскихъ денегъ, которыя они расточали повсюду. Классъ купцовъ и мѣщанъ офранцузился, и теперь, когда уже цѣлыя пять лѣтъ вся Европа подъ ружьемъ, начинается развращаться классъ самый стойкій въ своихъ обычаяхъ, самый крѣпкій въ нравахъ; я разумію здѣсь крестьянъ. Послуживъ вмѣстѣ съ Французами или противъ нихъ, они стали подражать ихъ обычаямъ, получили вкусъ къ грабежу, презрѣніе къ своему прежнему занятію. Французскій языкъ—нравственная чума рода человѣческаго, и какъ бы нарочно его стараются всюду вводить. Если вся Европа сдѣлается Франціею, она станетъ пустынею черезъ какія нибудь 50 лѣтъ. Послѣдній изъ ея обитателей будетъ принужденъ бѣжать въ какую нибудь другую часть свѣта, и тамъ хорошо сдѣлають, если его запрутъ въ домъ сумашедшихъ.

* *

Какая почтовая ѣзда! Никогда Нѣмецъ, почтовый извозчикъ, будь онъ молодъ до безумія, пьянъ или влюбленъ, не проѣдетъ въ часъ, по хорошей дорогѣ, болѣе одной мили. Запрягаютъ теперь немного скорѣе, чѣмъ прежде ¹⁾; но за то ввелся другой убійственный обычай: если по несчастію ѣдешь послѣ обѣда въ воскресенье, почтовый извозчикъ отыщеть всюду, гдѣ пирушка съ музыкою и гдѣ пляшутъ. Мой почтарь, къ довершенію бѣды, былъ Вестрисъ той мѣстности, и мнѣ пришлось ждать, покуда онъ не провальсировалъ со всѣми дѣвками селенія. Вальсирующій не можетъ прекратить, когда есть хотя одна желающая повальсировать.

* *

¹⁾ Графъ Растопчинъ вспоминаетъ свое прежнее путешествіе по Пруссіи, въ 1786 году.

Еще Французъ! Этотъ просилъ милостыни, увѣряя, что онъ доходилъ только до Пилау и что предпочелъ остаться въ Германіи и нанялся конюхомъ, отказавшись отъ надежды быть маршаломъ, герцогомъ и проч. Плутъ этотъ изъ Бордо. У него есть отецъ, мать, сестры, но нѣтъ отечества. Онъ достойный членъ великой націи.

* *

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Балтійское море покрывало некогда всю страну отъ Мемеля до Берлина: вся поверхность плоская, песчаная. Грустно видѣть эту бесплодную почву, и какая борьба жителей съ природою! Не смотря на удобренія, поля приносятъ плохіе урожаи: колосья тощія! Есть много озеръ, которыя были бы красивы, еслибъ сосна и ель не бросались всюду въ глаза. Это родъ кипариса, дерево смерти. Когда я проѣзжалъ близко сихъ озеръ, мнѣ подумалось, что я долженъ переправиться черезъ Мемельское озеро и предстать на судъ загробный.

* *

Начиная отъ Маріенвердера, на протяженіи 12 Нѣмецкихъ миль, вѣдешь католическою страной. При вѣздѣ въ деревни и на перепутьяхъ вездѣ стоятъ на высокихъ деревянныхъ столбахъ статуи святыхъ, освѣщенные крестами. Я замѣтилъ, что жители гораздо учтивѣ своихъ сосѣдей. Что это? Вліяніе ли религіи, которую они исповѣдуютъ или слѣдствіе бѣдности, ихъ удручающей? Они говорятъ и понѣмецки и попольски; иные только попольски, на своемъ родномъ языкѣ.

* *

На одной станціи я оставался въ продолженіи часа, и все это время писарь, второе лице станціи, передъ зеркальцемъ подвязывалъ свой галстукъ и убиралъ свой хохоль: это было воскресенье, и господинъ этотъ готовился идти къ обѣднѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что предметомъ его молитвъ былъ его галстукъ, на который онъ молилъ небо обратить взоры всѣхъ присутствующихъ.

* *

Я видѣлъ одного станціоннаго смотрителя, который 47 лѣтъ исполняетъ эту должность. Фридрихъ Великій назначилъ его начальникомъ лошадей и извозчиковъ, которые возятъ несчастныхъ путешественниковъ.

Его супруга хотѣла меня насильно угостить. Я отказался отъ ея вишень, масла и кофею. Ну, сказала она, мой благовѣрный покушаетъ это. Такимъ образомъ, самъ того не желая, я угостилъ станціоннаго смотрителя. Когда я заплатилъ, его половина такъ была восхищена моимъ великодушіемъ, что сорвала розу и подарила мнѣ.

* *

У зажиточныхъ начальниковъ станцій, комнаты украшены портретами генераловъ. Вездѣ можно видѣть Блюхера, Клейста, Йорка, Гнейзенау; изъ нашихъ Кутузова, Платова и Чернышева. Послѣдній на гравюрѣ пожалованъ въ графы, и его портретъ довольно сходенъ. На плечахъ у него мѣхъ, не похожій на кожу Немейскаго льва, и самъ онъ не напоминаетъ Геркулеса; но художникъ придалъ его лицу что-то романтическое, выраженіе ума и даже немного гениальности. Это видно изъ подписи. Платова можно узнать. Чтоже касается до Кутузова, на всѣхъ портретахъ онъ всегда похожъ на плута, никогда на спасителя.

* *

Прекрасное и отлично содержанное шоссе начинается въ 6 миляхъ отъ Берлина; камень для щебенки дробится, но не пережигается, какъ у насъ, и это должно быть прочнѣе. Аллея, ведущая къ городу изъ липъ, тополей и ивъ, красоты необыкновенной. На заставѣ уже не осматриваютъ; чиновникъ, для проформы, подошелъ спросить, нѣтъ ли со мною товаровъ, за которые платится пошлина. Я остановился въ гостиницѣ *Rossia, Hôtel de Russie*, какъ 29 лѣтъ тому назадъ. Въ продолженіи этого времени, довольно значительнаго правда, сколько вещей пришлось увидѣть и мнѣ, и Берлину! Проходятъ событія и люди. Зданія остаются, но безпощадное время ихъ разрушаетъ.

Бонапартъ разбитъ; его армія бѣгутъ; но я вижу, что народъ все еще съ виду не доволенъ.

Это не такъ скоро, сказалъ мнѣ Пруссакъ; нужно время, чтобъ перейти къ радости ¹⁾.

* *

Король весьма любимъ за его любовь къ правосудію, за его здравый смыслъ, за его честные нравы. Никто больше его не любитъ семейной жизни. Онъ такъ привязанъ ко всѣмъ членамъ своей семьи, что когда умерла въ Парижѣ его побочная сестра, графиня Де Ла Маршъ, женщина дурнаго поведенія, бывшая три раза за мужемъ и оставившая двухъ дочерей, король взялъ ихъ и воспиталъ на свой счетъ. У него нѣтъ ни къ чему особеннаго пристрастія, развѣ къ военному. Есть люди, которыхъ онъ не любитъ, но которые, за ихъ способность и заслуги, получили отъ него должности.

* *

Область, присоединенная отъ Саксоніи къ Пруссіи, богата лѣсами и солью; и то и другое даетъ въ годъ до 600,000 тал. доходу. Граница была въ 6 миляхъ отъ Берлина; теперь въ 6 миляхъ отъ Дрездена. Въ окрестностяхъ Дрездена почти незамѣтно слѣдовъ войны. Есть нѣсколько сгорѣвшихъ домовъ, нѣсколько домовъ поврежденныхъ ядрами; но крестьяне уже исправили свои заборы, насадили свои сады и возвратились къ земледѣлію.

Земля въ долинахъ, окружающихъ Дрезденъ, приноситъ чрезвычайно много; почва удобрена навозомъ, и плодородіе усилено. Двѣ арки моста исправлены. Тутъ поставленъ прекрасный крестъ, и на пьедесталѣ надпись: «Мостъ взорванъ Галлами въ 1813 году, исправленъ по повелѣнію Императора Александра I-го».

¹⁾ Въ подлинникѣ это стиханіе:

Naparte est battu, son armée en fuite,
Et je vois le peuple, qui n'a pas l'air content.
Monsieur, dit un Prussien, cela ne va pas si vite:
Pour passer à la joie, il faut du temps.

Одна изъ лучшихъ въ Европѣ, не только по выбору картинъ, но и потому, какъ онѣ сохраняются. Въ Парижскомъ музеѣ много было испорчено, ибо покрывали слишкомъ много лакомъ. Въ Петербургѣ портили картины, вытирая для чистки. Въ Дрезденѣ время отъ времени слегка покрываютъ масломъ, чтобъ предохранить краски отъ дѣйствія воздуха. Больше всего поразила меня Мадонна Рафаэля, и изъ картинъ Фламандской школы «Судъ Париса», Рубенса. Всѣ фигуры конечно не идеальной красоты, ибо всѣ Фламандской породы; но оконечность работы, колоритъ тѣла, яркость красокъ выше всякой похвалы. Два пейзажа Рюисдаля: одинъ изображающій издыхающаго на охотѣ оленя, другой «Время все разрушающее»; видны могилы, зданія дерева—все въ разрушеніи; небо сѣрое, и въ небѣ радуга. Картинъ Клодъ-Лорена и Пуссена мало, но много первоклассныхъ произведеній другихъ мастеровъ. Въ галлерей много работаетъ живописцевъ, и стариковъ, и молодыхъ; иные для того, чтобъ выучиться, другіе снимаютъ копіи на продажу.

Предмѣстія Дрездена очень красивы, но въ городѣ непріятно отъ слишкомъ высокихъ домовъ и узкихъ улицъ. Кто живетъ въ нижнемъ этажѣ, тому, чтобъ увидать солнце, погрѣться на солнцѣ, надо идти за городъ или на площадь. Я удивился, что у хлѣбниковъ на окнахъ выставленъ въ корзинахъ хлѣбъ; проходящіе берутъ, что угодно, и кладутъ деньги въ корзину. Воровства не бываетъ.

Отъ Дрездена до Теплица всего семь Нѣмецкихъ миль, но ѣдутъ отъ 12 до 15 часовъ. Дорога весьма гориста; съ вершины каждой горы открывается видъ похожій одинъ на другой, ибо формы горъ не разнообразны, и всѣ онѣ поросли лѣсомъ отъ подошвы до самаго верху. На возвратномъ пути изъ Теплица въ Дрезденъ, къ четверкѣ лошадей подпрягаютъ четверню воловъ для того, чтобъ подняться на гору Неллендорфъ. Съ этой-то горы генералъ Вандамъ, полагая, что его преслѣдуютъ два корпуса, спустился съ 35,000 войска въ до-

лину, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ при Кульмѣ. Еслибъ Прусскій генералъ Клейстъ довольствовался занятіемъ высотъ Неллендорфа, весь корпусъ Вандама былъ бы уничтоженъ; но половинѣ удалось пробиться сквозь Прусскія войска. Бонапартъ хотѣлъ занять Теплицъ, чтобъ загородить союзникамъ входъ въ Богемію; но Блюхеръ чрезвычайною поспѣшностью разстроилъ его планы: курьеръ, посланный къ Вандаму съ приказаніемъ остановиться, былъ взятъ въ плѣнъ. При генералъ Вандамъ былъ дипломъ, возводящій его въ маршала и помѣченный Теплицемъ.

* * *

Вспомогательные воны — хитрость станціонныхъ смотрителей, и они дѣлаютъ деньги съ крестьянами. Забавно, что Кульмскій начальникъ станціи, чтобъ предупредить всякія возраженія со стороны путешественниковъ, важно рассказываетъ вамъ, что самъ Австрійскій Императоръ ѣздитъ на волахъ и платитъ за нихъ.

* * *

Какая чудовищная и отвратительная привычка постоянно курить! Сначала это поражаетъ, а потомъ дѣлается противно. Есть люди, которые никогда не расстаются съ трубкою; только смерть можетъ расторгнуть ихъ союзъ. Трубка дѣлается частью лица, продолженіемъ нижней губы. Привычка эта управляетъ разговоры, гостинныя и сады, зачумляетъ платья и атмосферу. Курильщики подобны маленькимъ ходящимъ вулканамъ; ихъ уста—постоянно дымящіеся кратеры. Въ гористыхъ странахъ они еще не такъ поражаютъ; но въ странѣ плоской они не на мѣстѣ, какъ китъ на колокольнѣ, дубъ посреди волнъ, Катонъ въ Парижѣ, т-ше Сталь среди кретиновъ, князь Куракинъ въ полномъ мундирѣ на крестьянскомъ праздникѣ. Но если привычка сильнѣе почтенія къ ближнему и должнаго уваженія къ прекрасному полу, если курильщики упорно превращаютъ комнаты въ камеръ-обскуры, затуманиваютъ свѣтъ солнца и заставляютъ жить въ облакахъ дыма, они должны были бы подумать, эти люди-Саламандры, изрыгающія дымъ и пламя, эти электрическія машины, заро-

дыши пожаровъ, что въ ту минуту, когда смерть погаситъ ихъ жизнь и трубку, душа ихъ явится на страшный судъ, не свѣтлая и не чистая, но грязная, вонючая, не какъ часть божества, но какъ часть прокопченанаго мяса.

Надгробіе.

Здѣсь лежатъ трубка и тѣло,
 Неразлучныя даже и по смерти.
 По неизмѣнному рѣшенію
 Душа принадлежитъ дѣволу
 И напередъ была праведно осуждена
 Сдѣлаться дымовою трубою ¹⁾

Покуда живешь въ Теплицѣ, дѣлаешься болѣе или менѣе амфибіей или рыбой. Берутъ ванны, пьютъ воду, обливаются водою, садятся въ грязь. Родъ человѣческой полощется въ чанахъ; дальше видны лошади, которыя купаются въ рѣкѣ, еще дальше свиньи: всѣ ищутъ въ водѣ изцѣленія отъ своихъ болѣзней.

Человѣкъ калечитъ лошадь; это благородное, послушное, полезное и несчастное животное изнемогаетъ на службѣ человѣку. Для человѣка также заставляютъ и свинью сидѣть въ горячей водѣ, чтобъ она еще пожирнѣла, и мясо ея сдѣлалось бы пріятнѣе для вкуса человѣка. А между тѣмъ это двуногое созданіе, умирающее, еле дышащее, съ явственною печатью смерти на челѣ, величается царемъ земли. О! если въ одинъ прекрасный день, лошади, свиньи и другія животныя возмутятся по примѣру Французовъ и провозгласятъ пресловутыя права равенства и свободы,— какъ будетъ

¹⁾ Въ подлинникѣ стихами:

*Ci-gissent ensemble une pipe et un corps,
 Inséparables même après la mort.
 Par un arrêt irrévocable,
 L'âme devint le bien du diable
 Et fut d'abord justement condamnée
 A devenir un tuyau de cheminée.*

жить человѣку? Лошадь перестанетъ тянуть соху, свинья доставлять ветчину. А покуда и владыка, и свинья купаются; человѣкъ насмѣхается надъ лошадыю и свиньею; лошадь и свинья презираютъ человѣка. Все возмѣщается въ семь мѣрѣ: утѣшаешься въ несчастіи, забывая о немъ или думая, что пришелъ конецъ бѣдствіямъ. Всему есть конецъ, и человѣку и лошади, и свиньѣ. Когда конецъ наступитъ, смерть скажетъ: не существуй, и все кончено; но это не помѣшаетъ однако купаться въ одно время, въ Теплицѣ, человѣку, лошади и свиньѣ, ибо породы сіи прекратятся вмѣстѣ со всѣмъ міромъ. Я купаюсь тоже, ибо здоровье мое разрушено, и я тоже желаю разжирѣть.

* *

Красивенкій городъ, гдѣ во время лѣтняго сезона водъ всѣ дома отдаются въ наймы. Больныхъ и посѣтителей прѣзжаетъ столько, что многіе должны жить въ сосѣднихъ деревняхъ. Замокъ принца Клари, владѣльца Теплица, обширенъ; но въ немъ живетъ только его семейство. По вечерамъ у нихъ собирается общество; къ обѣду заранѣе приглашаются одинъ или двое; ежедневно вся семья играетъ въ *jeu de raime*. Когда иностранецъ прѣзжаетъ въ Теплицъ, звуки трубъ и кимваловъ съ высоты городской башни возвѣщаютъ городу о его прибытіи; вечеромъ ему даютъ серенаду. Но должно платить и за духовую, и за другую музыку; ибо въ семь мѣрѣ даромъ ничего не дѣлается. Хорошо, если можно отдѣлаться деньгами; еще лучше, если есть деньги.

* *

Общества почти не существуетъ по двумъ причинамъ: 1) Ванны днемъ берутъ много часовъ; купаться начинаютъ съ 4 утра и до 2 вечера, и затруднительно найти свободную ванну. 2) Очень мало симпатіи между Австрійцами, Пруссаками и Саксонцами, а изъ нихъ состоитъ большинство посѣтителей водъ. Пруссаки презираютъ Австрійцевъ и Саксонцевъ и обращаются съ ними съ высоты своего величія. Австрійцы, съ ихъ внутрь вогнанною славой и съ вѣншею гордостью, завидуютъ Пруссакамъ. Саксонцы ненавидятъ Прус-

саковъ за настоящее, боятся ихъ въ будущемъ, а въ прошедшемъ не прощаютъ имъ паденія Бонапарта, котораго любятъ и о которомъ жалуютъ.

..

Нигдѣ такъ дурно не ѣдятъ: сколько ни заказывай кушаній, плати вдвое, умоляй, старайся разжалобить, ничто не спасетъ тебя отъ шафрана и чесноку. Это два любимѣйшія снадобья жителей, два запаха имъ наиболѣе пріятные. Когда содержателямъ гостинницы и поварамъ станешь говорить противъ сихъ отвратительныхъ приправъ, которыя портятъ самую лучшую говядину и заражаютъ воздухъ, они вамъ отвѣчаютъ: «Но впрочемъ это такъ здорово!» Утверждаютъ, что для каждаго яда существуетъ противудіе. Миѣ слѣдуетъ открыть андидотъ противъ шафрана и чесноку, ибо они рѣшительно меня отравляютъ.

..

Антрепренеръ найметъ дюжины двѣ мужчинъ и женщинъ, которые называются актерами и актрисами, только потому, что пробовали на какой нибудь сценѣ жестикулировать, говорить и кричать. Изъ нихъ составляется группа, и она безъ милосердія разыгрываетъ всѣ наилучшія піесы Нѣмецкаго репертуара, начиная съ Оттона Вительбахскаго до Дѣвы Дуная. Актеры почти ежедневно должны играть новую піесу, не могутъ выучить ролей и повторяютъ за суфлеромъ. Также разыгрываютъ и распѣваютъ оперы; но чего я не могу имъ простить, это, что они въ живыхъ картинахъ представляли: Страсти Господни, Тайную Вечерю, Судъ Пилата и Лобное Мѣсто.

ПОСЛѢДНІЯ СТРАНИЦЫ ПИСАННЫЯ ГРАФОМЪ РАСТОПЧИНЫМЪ.

28 Ноября (1825)

М. П. прѣхалъ ко мнѣ въ два часа по полудни и сказалъ, что онъ отъ генералъ-губернатора, который ночью получилъ извѣстіе о кончинѣ императора Александра, но безъ всякихъ подробностей. Потомъ прѣхалъ Булгаковъ, который подтвердилъ извѣстіе и добавилъ, что на почтѣ уже пять дней знали, что Императоръ опасно боленъ, но хранили въ тайнѣ по системѣ все скрывать. Полицмейстеръ Обрѣзковъ былъ въ Итальянской оперѣ и у Турньера, и не велѣлъ давать представленій, но не объяснилъ причины. Другіе увѣряли меня, что князь Г. потерялъ голову: ходилъ по комнатамъ и не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Его положеніе не пріятно. Въ Москвѣ много войскъ и недовольное народонаселеніе, не связанное присягою.

Императоръ Александръ скончался въ Таганрогъ, городъ, въ который въ прошлое столѣтіе ссылали преступниковъ. Бальзимиrowаніемъ тѣла его конечно занимался его хирургъ Вилье.

Вечеромъ прѣхала Гальяни ¹⁾, съ соболѣзнованьями. Только потому, что она иностранка, ей два раза давали 50,000 р. на путешествія и дана пожизненная пенсія въ 4000 р. Императоръ Александръ любилъ, чтобъ въ чужихъ краяхъ его восхваляли.

29 Ноября.

Извѣстіе о кончинѣ Государа распространилось по городу; но еще сомнѣвались; спрашивали, не Императрица ли скончалась: ибо знали, что она больна и отправилась въ Таганрогъ для поправленія здоровья. Купцы знали, что князь Юсуповъ купилъ большое количество траурныхъ матерій и га-

¹⁾ Урожденная Свѣчина.

луновъ и въ тотъ же вечеръ отправилъ все въ Таганрогъ. Старшины Благороднаго Собранія разослали по домамъ печатную афишку, въ которой извѣщалось, что собраній не будетъ. Ко мнѣ прѣхалъ генералъ графъ Толстой; онъ зналъ положительно изъ писемъ генерала Дибича и князя Волконскаго, что Императоръ прибылъ въ Таганрогъ 5-го на возвратномъ пути изъ Крыма; что онъ былъ весьма доволенъ краемъ и порядкомъ, который въ немъ нашелъ; что 6-го занемогъ гнилою горячкою; положеніе его ухудшалось до 19-го; 19-ое онъ скончался въ 10 часовъ утра. Императрица не оставляла его ни на минуту. Ген. адъютантъ Чернышевъ посланъ курьеромъ въ Варшаву передать Великому Князю Константину эту горестную вѣсть.

Прѣехали другіе; множество слуховъ; но всѣ извѣстія чистыя выдумки. Увѣряли, что еще на 4-й день болѣзни, по повелѣнію Императора, былъ посланъ курьеръ къ Великому Князю Константину; что Виле виноватъ въ смерти Государя, ибо далъ слишкомъ сильное слабительное; что Государь заразился при посѣщеніи госпиталя и проч. Народъ равнодушенъ и нѣсколько доволенъ, ибо ожидаютъ милости при коронаціи. Видно нѣсколько горести на показъ; но вообще всѣ любопытствуютъ узнать подробности совершившагося событія; больше спрашиваютъ, чѣмъ отвѣчаютъ.

30 Ноября.

Въ два часа ночи мнѣ принесли официальное письмо отъ князя Голицына, съ приглашеніемъ прибыть въ соборъ къ одиннадцати часамъ, для принесенія присяги Императору Константину. Я не могъ ѣхать, ибо уже двѣ недѣли какъ боленъ ¹⁾. Вотъ подробности того что происходило.

¹⁾ Графъ Раstopчинъ присягнулъ Императору Константину у себя на дому. Второй присяги Императору Николаю онъ уже не могъ принести, и скончался 18 Генв. 1826. Известна его фраза о 14 Декабря: „Обыкновенно сапожники производятъ революціи, чтобы стать большими господами, а у насъ большіе господа захотѣли сдѣлаться сапожниками“ Л. Б.

Князь Голицынъ получилъ отъ Санктъ-Петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича курьера съ извѣщеніемъ, по приказанію Великаго Князя Николая, что Императоръ Александръ скончался въ Таганрогъ 19 числа Ноября въ десять часовъ утра; что извѣстіе о семъ привезено въ Петербургъ 27-го, что Государственный Совѣтъ, Сенатъ и гвардія уже присягнули. Архіепископъ Московскій возражалъ, что онъ не получалъ указа Св. Синода, но уступилъ требованію князя Голицына. Утромъ вся Кремлевская площадь была наполнена народомъ. Сенаторы и значительныя особы отправились въ Сенатъ, гдѣ было сдѣлано нѣсколько замѣчаній однимъ изъ сенаторовъ о формѣ сообщенія, присланнаго изъ Петербурга. По возвращеніи въ соборъ, архіепископъ началъ служеніе. Прокуроръ Сената, князь Гагаринъ, прочелъ форму присяги, и всѣ присутствовавшіе повторяли. За тѣмъ каждый подписалъ печатный присяжный листъ. Полки, собранные въ казармахъ, также присягнули.

Кто-то сказывалъ мнѣ, что одинъ изъ служащихъ при почтамтѣ чиновниковъ, сопровождавшій покойнаго Императора въ его путешествіи по Крыму, возвратился изъ Таганрога и разказывалъ, что Государь почувствовалъ себя нехорошо на послѣдней станціи и, полагая, что испарина будетъ ему полезна, спросилъ стаканъ пуншу, котораго никогда не пилъ; что, возвратясь въ Таганрогъ 5-ое, на другой же день хотѣлъ выдти, но что Вилье, найдя въ немъ жаръ, запретилъ выходить изъ комнаты. Лонгинова (жена секретаря Императрицы Елизаветы Алексѣевны) получила отъ мужа письмо, который пишетъ, что въ первые три дня болѣзни Государь не хотѣлъ принимать никакого лѣкарства; неповѣдывался, приобщился и потомъ отдался въ руки медиковъ (ихъ было трое: Вилье, Штофрегенъ и Тарасовъ, ученикъ Вилье); что болѣзнь все усиливалась, кровь бросилась въ голову, и отъ сего происходилъ бредъ. Было приставлено 30 пиявокъ, но они не произвели никакаго измѣненія въ ходѣ болѣзни; что за три дня до смерти была постоянная летаргія; что когда онъ скончался, Императрица, не оставлявшая его въ продолженіи 13 дней

и 13 ночей, закрыла ему глаза и, удалясь въ свою комнату, приказала своему доктору Штофрегену не приходить къ ней; что по представленію князя Волконскаго она должна была переѣхать въ другое помѣщеніе, ибо толпа безпрестанно окружала домъ, и нужно было приступить къ бальзамированію. Состояніе здоровья ея весьма ненадежно; у нея опухоль въ ногахъ — слѣдствіе чрезмѣрной усталости, ею перенесенной.

Въ обществѣ нашемъ почти что не существуетъ приличія и такта; посему во время присяги происходило многое, чему не слѣдовало быть. Нѣкоторые военныя лица были недовольны выраженіемъ графа Милорадовича, «что Москва должна принести присягу по примѣру Петербурга». Во всемъ видна неурядица. Присягнули Императору Константину, а въ церквахъ продолжаютъ молиться объ Императорѣ Александрѣ, ибо Синодъ не прислалъ указа архіепископу. Извѣщая о кончинѣ Государя, употребляли выраженіе «обожаемый». Когда 27-е было получено въ Петербургъ извѣстіе, что Государю лучше, служили благодарственный молебень. Императрица Марія была въ Казанскомъ соборѣ и во время служенія молебна пришло извѣстіе о смерти. Ей сдѣлалось дурно; видя ее въ этомъ положеніи, Великій Князь Николай Павловичъ также лишился чувствъ.

Народъ равнодушень. Дворянство, раздражаемое, разоренное и презираемое, довольно. Военные надвуются, что ихъ мѣнье будутъ мучить. Передаютъ слухъ, будто Аракчеевъ, который спалъ всегда съ заряженными пистолетами на ночномъ столѣикѣ, выстрѣлилъ въ своего камердинера (который взошелъ къ нему ночью и котораго онъ счелъ за убійцу) и оставилъ его на мѣствѣ.

Достовѣрно извѣстно, что Государь простудился при посѣщеніи Георгіевскаго монастыря, находящагося на горѣ, гдѣ воздухъ слишкомъ свѣжъ.

ЗАПИСКА О РАЗНЫХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯХЪ ПО ПРЕДМЕТУ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

Предположенія объ освобожденіи крѣпостныхъ людей начали возникать въ царствованіе Императора Александра Павловича. Какъ въ его царствованіе, такъ и въ началѣ царствованія въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича было представлено много проектовъ по сему предмету, изъ коихъ особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе.

Проектъ графа Стенбока 1809 года (на Французскомъ языкѣ).

Для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, съ соблюденіемъ съ тѣмъ вмѣстѣ и выгодъ самихъ помѣщиковъ, графъ Стенбокъ предлагалъ раздѣлить хлѣбопашенныя земли на фермы и раздать ихъ по контрактамъ крестьянамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вознагражденіе за оныя помѣщику производилось не денежнымъ оброкомъ и не барщиною, но единственно произведеніями земли.

Отъ сего, по мнѣнію графа Стенбока, произошли бы слѣдующія выгоды:

а) Для крестьянъ: что они не будутъ вынуждены оставлять мѣсто жительства для пріобрѣтенія денежнаго оброка; будутъ работать для собственныхъ своихъ выгодъ, обращая остатки отъ уплаты въ свою собственность и тѣмъ со временемъ получать средство пріобрѣсти въ свое владѣніе отданные имъ отъ помѣщика участки.

б) Для помѣщиковъ: бѣльшая увѣренность въ полученіи доходовъ, которые будутъ возрастать съ возвышеніемъ цѣнъ

на сельскія произведенія, отчего и самая цѣнность имѣній возвысится.

в) Для государства: увеличеніе заграничнаго отпуска отъ увеличенія количества произведеній; уничтоженіе денежнаго оброка, столь вреднаго въ томъ отношеніи, что онъ отнимаетъ руки отъ земледѣлства, не принося пользы ни для внутренней, ни для внѣшней торговли.

Проектъ г-на Берга 1809 года (на Французскомъ языкѣ).

Онъ предлагалъ достигнуть постепеннаго освобожденія крестьянъ чрезъ выкупъ, вносимый отдѣльно каждымъ крестьяниномъ, съ тѣмъ, что цѣна выкупа не должна быть постоянная, опредѣленная единожды, но устанавливаемая особыми комитетами, по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ; и при томъ, чтобы сумма, слѣдующая за выкупъ, не была выдаваема владѣльцу, но вносима въ казну, а правительство выплачивало бы ему одни законные проценты. Чтобы доставить и бѣднымъ крестьянамъ равную возможность получить свободу, Бергъ предлагалъ назначить для вспоможенія имъ въ семь случаевъ особый капиталъ, изъ котораго и выдавать слѣдующую въ платежъ помѣщику сумму за 3%. Капиталъ сей могъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобы правительство выплачивало 7% на вносимыя за освобожденіе изъ крѣпостнаго состоянія суммы; изъ сихъ 7% 6 были бы платимы помѣщику, а одинъ процентъ отдѣлялся бы на составленіе предположеннаго вспомогательнаго капитала. Крестьянинъ, получающій таковое вспоможеніе, подъ отвѣтственностію цѣлаго общества, долженъ вносить 3% съ выданной ему суммы и одинъ процентъ на погашеніе долга, который такимъ образомъ былъ бы выплаченъ въ 33 года.

Проектъ графа Аракчеева.

Въ 1818 году Государю Императору Александру Павловичу благоугодно было повелѣть графу Аракчееву начер-

татъ проектъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, съ тѣмъ, чтобы проектъ сей не заключалъ въ себѣ никакихъ мѣръ, стѣснительныхъ для помѣщиковъ и, особенно, чтобы мѣры еи не представляли ничего насильственнаго въ исполненіи со стороны правительства; напротивъ, чтобы онѣ сопряжены были съ выгодами помѣщиковъ и возбудили бы въ нихъ самихъ желаніе содѣйствовать правительству въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія людей въ Россіи, сообразномъ духу времени и успѣхамъ образованности и необходимомъ для будущаго спокойствія самихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей.

По мнѣнію графа Аракчеева, мѣры къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія людей въ Россіи единственно могли заключаться въ приобрѣтеніи покупкою помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ казну, по добровольному на то помѣщиковъ согласію, и на нѣкоторыхъ особенныхъ правилахъ. На семъ основаніи графъ Аракчеевъ полагалъ:

Учредить постоянную Коммиссію для покупки въ казну имѣній и крѣпостныхъ людей у помѣщиковъ.

Коммиссіи сей вѣнѣнъ въ обязанность производить покупку сію двоякимъ образомъ:

а) Или по добровольно-условленнымъ цѣнамъ съ помѣщиками, если бы пожелали они продать имѣнія свои въ полномъ ихъ составѣ, безъ отдѣленія излишнихъ земель и разныхъ угодій въ свою пользу;

б) или на особыхъ правилахъ, постановленныхъ для приобрѣтенія крестьянъ съ нѣкоторымъ только количествомъ земли и угодій, къ продаваемымъ имѣніямъ принадлежащихъ.

Правила сіи предполагаемы были на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Всякій помѣщикъ имѣлъ право требовать отъ Коммиссіи покупки у него крестьянъ съ уступкою для нихъ по 2 десятины на каждую ревизскую душу, оставляя излишнее за тѣмъ количество земли и угодій въ свою пользу.

2) Цѣнность такого продаваемаго имѣнія долженствовала опредѣляться смотря по мѣстному его положенію, качеству

почвы и соответственно съ тѣми цѣнами, какія въ каждой губерніи на имѣнія существуютъ.

3) Опѣнка должна была производиться подъ надзоромъ предводителя того чѣзда, въ которомъ имѣніе находится, изъ трехъ сосѣднихъ дворянъ-помѣщиковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ своею добросовѣстностію, и двухъ довѣренныхъ лицъ, отряжаемыхъ Коммиссіею.

4) Цѣнность оброчныхъ имѣній опредѣлять по количеству получаемого съ крестьянъ бездомочнаго obroka, долженствовавшего представлять капиталъ, приносящій 5 процентовъ; такъ напр. оброчное имѣніе, дающее 1000 руб. дохода, должно было цѣниться въ 20 т. руб. и такъ далѣе.

5) Еслибы и въ оброчномъ имѣніи существовали какія угодія, какъ то: лѣса или рыбныя ловли, имѣющія особую цѣнность, то помѣщику предоставлялось на волю исключить ихъ изъ продажи, или также продать ихъ Коммиссіи на особыхъ условіяхъ, все равно какъ бы и частному лицу.

Капиталъ, назначаемый для пріобрѣтенія въ казну крѣпостныхъ людей, долженъ былъ состоять изъ 5 м. рублей (ассигн.), ежегодно отпускаемыхъ въ распоряженіе Коммиссіи. Капиталъ сей могъ отдѣляемъ быть изъ откупныхъ суммъ, увеличивавшихся съ каждымъ четырехлѣтіемъ; а въ случаѣ непредвидимыхъ затрудненій со стороны Министерства Финансовъ, предполагалось выпускать ежегодно по 10,000 билетовъ Государственнаго Казначейства, цѣностію въ 500 руб. каждый. Билеты сіи, со времени выдачи ихъ Коммиссіею продавцу имѣнія, должныствовали приносить ему по 5% и, между тѣмъ, могли ходить въ оборотахъ какъ наличныя деньги, и кромѣ того принимаемы быть въ залоги по откупамъ и подрядамъ наравнѣ съ билетами Сохранной Казны, Опекунскихъ Совѣтовъ, Государственнаго Заемнаго Банка и пр.

Графъ Аракчеевъ полагалъ, что изъ продажи, такимъ образомъ, населенныхъ своихъ имѣній, помѣщики могутъ извлечь двоякую пользу: во 1-хъ, освободиться отъ долговъ, которыми бѣольшая часть ихъ обременена и, за оставленіемъ

болѣ нежели половины земель и угодій въ своемъ владѣніи, не перестать быть помѣщиками; и во 2-хъ, вмѣсто обременительныхъ долговъ, препятствующихъ развитію всякаго хозяйства, имѣть наличный капиталъ и сверхъ того свободныя земли, которыя могутъ воздѣлывать тѣми же крестьянами, въ казну поступившими, за извѣстную плату, или отдавать имъ въ наемъ, потому что, по недостаточному количеству имѣющей остаться у нихъ земли, они необходимо нуждаются будутъ или въ работахъ, или въ наймѣ земли; и въ послѣднемъ случаѣ конечно предпочтутъ нанимать земли, ближайшія къ ихъ поселеніямъ и уже имъ извѣстныя качествомъ своей почвы, къ которой они примѣнились.

Вмѣстѣ съ обнаруженіемъ сего Положенія долженъ былъ послѣдовать манифестъ въ томъ смыслѣ, что Государь Императоръ, входя въ положеніе дворянства, понесшаго въ Отечественную войну огромныя издержки и, какъ Его Величеству извѣстно, принужденнаго въ настоящее время, для добросовѣстнаго выполненія своихъ обязанностей, прибѣгать къ усиленнымъ займамъ, залогамъ и даже продажѣ имѣній своихъ, отчего цѣнность недвижимыхъ дворянскихъ имѣній вообще понижается ко вреду государства, — за благо призналъ предоставить средства тѣмъ, кои могли бы находиться въ жестокой необходимости продавать имѣнія свои за несоответственную достоинству ихъ цѣну, или входить въ раззорительныя обязательства съ капиталистами-ростовщиками, выдти изъ затруднительнаго положенія и сохранить по крайней мѣрѣ часть достоянія своего въ наслѣдіе своему потомству.

Предположенія сіи, сколько извѣстно, удостоены были высочайшаго одобренія Государя и конечно воспріяли бы со временемъ свое дѣйствіе, еслибъ не воспрепятствовали тому политическія обстоятельства и возникшія тогда смуты въ нѣкоторыхъ государствахъ Южной Европы, и особенно еслибъ несчастная исторія Семеновскаго полка не произвела наконецъ конечнаго измѣненія въ мысляхъ и намѣреніяхъ Государя Императора.

Неизвѣстнаго (на Французскомъ языкѣ, безъ означенія года).

Авторъ проекта предлагалъ идти къ постепенному освобожденію слѣдующими мѣрами. Объявить сначала закономъ, что помѣщикъ есть собственникъ земли, а не крестьянъ, на оной поселенныхъ, и при томъ постановить, что впредь населенныя имѣнія могутъ быть продаваемы только въ цѣломъ составѣ, безъ раздробленія какимъ бы то ни было способомъ. За тѣмъ издать манифестъ, въ коемъ объявить, что Государь Императоръ, желая вознаградить патриотическія чувства, оказанныя дворянствомъ въ Отечественную войну, устанавливаетъ *ленныя помѣстья* (*fiefs*), присвоивъ владѣльцамъ оныхъ титулы бароновъ, графовъ и маркизовъ или маркграфовъ, смотря по, получаемому ими съ имѣнія доходу. Именно: имѣнія, приносящія менѣе 4 т. руб. доходу, составятъ обыкновенное дворянское помѣстье; дающія отъ 4 т. до 12 т. руб. будутъ названы баронствами; приносящія отъ 12 т. до 20 т. руб. возводятся въ графства, а отъ 20 т. до 35 т.—въ маркизства или маркграфства.

Помѣщики таковыхъ ленныхъ имѣній обязаны отдѣлить своимъ крестьянамъ часть земли, достаточную для ихъ продовольствія, за которую сіи послѣдніе обязываются равную часть обрабатывать въ пользу владѣльца, или платить денежный оброкъ по обоюдному согласію. Ленныя помѣстья не могутъ быть ни отчуждаемы, ни раздробляемы по наслѣдству, если они не состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ ленныхъ владѣній, и поступаютъ къ старшему въ родѣ, который выплачиваетъ прочимъ сонаслѣдникамъ за слѣдующія имъ части деньгами. Для облегченія таковыхъ сдѣлокъ долженъ быть учрежденъ владѣльческій Банкъ, на особо предложенныхъ авторомъ правилахъ.

Проектъ А. Ѳ. Малиновскаго 1818 года (найденный въ бумагахъ графа Аракчеева).

Малиновскій въ своей запискѣ, изложилъ историческое происхожденіе крѣпостнаго состоянія въ Россіи, исчисляя

сперва тѣ опасенія, которыя можетъ возбудить внезапное дарованіе свободы, и потомъ предлагалъ, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ сельскимъ сословіемъ въ Отечественную войну 1812 года, объявить свободными всѣхъ обоого пола дѣтей, рожденныхъ послѣ того года и не вошедшихъ въ 7-ю ревизію, и впредь рождаемыхъ дѣтей отъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей.

Новые граждане, продолжалъ онъ, возрастуть въ понятіяхъ о своей свободѣ, приучатся ею пользоваться безъ нарушенія общежительныхъ отношеній, и такимъ образомъ свобода нечувствительно укоренится въ Россіи. А помѣщики, удержавъ за собою написанныхъ по 7-й ревизіи крестьянъ и оставшись при прежнихъ правахъ своихъ, будутъ примѣняться къ принятымъ для сего государственнымъ мѣрамъ, и придумаютъ заранѣе способы для удержанія свободного потомства крестьянъ на земляхъ своихъ. Такое средство, по словамъ Малиновскаго, объемля сначала только малый кругъ освобождаемыхъ и сохраняя современному дворянству достоинствіе его, не могло представлять опасностей ни общественныхъ, ни частныхъ, какія бы могли произойти отъ непредуготовленнаго увольненія.

Проектъ адмирала Мордвинова 1818 года.

Адмиралъ Мордвиновъ, принимая за основаніе, что дарованіе свободы тогда токмо не сопровождается никакими ощутительными неудобствами, ни вредными послѣдствіями, когда располагаемо бываетъ съ нѣкоторою постепенностію; когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и одновременно, безъ возрѣвнія на степень просвѣщенія и спѣлости всего, что въ гражданскомъ состояніи относится къ человѣку, но когда благо сіе представляется въ видѣ награды трудолюбію и приобретаемому умомъ достатку, — признавалъ, что безопасное споспѣшествованіе, какое отъ верховной власти можетъ съ пользою оказано быть народу въ достиженіи независимаго состоянія, заключается въ установленіи

закономъ мѣры выкупа для освобожденія отъ крѣпостной зависимости.

Такая, по мнѣнiю Мордвинова, мѣра должна быть распредѣлена по возрасту получающихъ свободу: она должна отъ двухъ до 40 лѣтъ возвышаться, отъ 40 до 60-ти понижаться. Ниже двухъ и свыше 60 лѣтъ платы не полагается ¹⁾. За прочія лѣта цѣна должна быть ближе къ высокой, нежели къ низкой, когда приѣмлетса она въ видѣ способа, могущаго возбудить трудолюбіе, коего плодъ есть богатство и благосостояніе народное.

Посредствомъ сей мѣры число свободныхъ людей въ Россіи постепенно возрастать будетъ; дѣятельность народная, поощряемая вождѣнною наградою независимости, распространится; трудолюбивые и предприимчивые отличатся отъ нерадивыхъ и неспособныхъ; число первыхъ умножится, число послѣднихъ уменьшится, и тѣмъ доблесть народа Россійскаго яще ознаменуется. Тихое, мирное прехожденіе изъ зависимаго состоянiя въ свободное никакому другому сословію не навлечетъ непріятности и потерь. Не ослабляя никакой части, все цѣлое общаго благоденствiя скорѣе достигнетъ. Совершится желаемое безъ насильственнаго расторженія связей, долгимъ временемъ укорененныхъ; безъ потрясенiя правъ наслѣдственныхъ, давностию какъ бы освященныхъ, и таковыхъ же, куплею стяжанныхъ и отъ закона укрѣпленныхъ. Крестьяне получаютъ свободу; помѣщики останутся владѣтелями полными земель своихъ, и съ денежнымъ еще капиталомъ, столь нужнымъ для возвышенiя доходовъ отъ своихъ достоянiй.

Записка неизвѣстнаго о постепенномъ улучшенiи состоянiя крестьянъ.

Предлагавшіяся для достиженiя сей цѣли мѣры, по мнѣнiю автора, должны были быть изданы постепенно въ продолженiи значительнаго времени, и состоятъ въ слѣдующемъ:

¹⁾ Отъ 2-хъ до 40 лѣтъ Мордвиновъ предлагалъ платить 100 р.; потомъ плата съ лѣтами постепенно возвышается до 200 р. за людей отъ 30 до 40 лѣтъ, а отъ 40 до 60 уменьшается до 50 руб.

1) Дать теперь же некоторыя права крестьянамъ, особливо право движимой собственности, а также и право вступать добровольно въ солдаты съ выдачею помѣщику зачетной квитанціи.

2) Вслѣдъ затѣмъ опредѣлить разные способы къ добровольнымъ условіямъ между помѣщиками и крестьянами о приобрѣтеніи послѣдними свободы или право-опредѣленныхъ повинностей.

3) Черезъ значительное время приступить къ мѣрамъ порядительнымъ, кои, завися отъ однихъ добровольныхъ соглашеній, могли бы дать окончательное сему дѣлу направленіе.

Способы добровольныхъ условій главнѣйше могли быть слѣдующіе:

а) Выкупъ семействъ безъ земли, съ опредѣленіемъ максимума цѣны и съ облегченіемъ перехода въ города.

б) Исправленіе изданныхъ узаконеній о вольныхъ хлѣбопашцахъ съ дозволеніемъ отпускать крестьянъ на волю и съ землями, по духовнымъ и пр.

в) Выкупъ цѣлыхъ селеній съ землею въ свободные хлѣбопашцы, съ платежемъ помѣщику вѣчнаго непремѣннаго оброка, по расчету на хлѣбъ, вмѣсто заплаты капитала.

г) Выкупъ отдѣльныхъ семей, съ особо обмежеванною землею за условленный капиталъ или съ платою вѣчнаго оброка.

д) Условія крестьянъ съ помѣщиками о будущихъ ихъ повинностяхъ съ платою договоренной суммы за уменьшеніе ихъ и при томъ съ расправою крестьянскихъ судовъ.

Сумму выкупа слѣдовало опредѣлить за каждую мужскаго пола душу, свыше 18-ти до 40 лѣтъ въ 2000 руб., отъ 40 до 60 лѣтъ—въ 1000 руб., отъ 15 до 18 и свыше лѣтъ—600 руб., а ниже 15-ти—въ 300 руб. ассигн., не требуя ничего за женщинъ, къ семейству принадлежащихъ.

Для облегченія уволеннымъ перехода въ городскія сословія постановить: а) чтобъ они не имѣли надобности въ

согласіи на то городскаго общества; б) чтобъ до будущей ревизіи платили одинъ *помѣщичій* окладъ съ трехлѣтнею льготою отъ рекрутства, и в) съ записывающихся въ купцы въ продолженіе трехъ лѣтъ брать за свидѣтельства одну половину опредѣленнаго оклада, и подвергать ихъ общественнымъ складкамъ только въ половину же; записку же въ казенные крестьяне по недостатку земель вовсе запретить, позволивъ переселеніе въ Сибирь.

Условія между помѣщиками и крестьянами о мѣрѣ повинностей на вѣчныя времена, съ заплакою суммы за сдѣланное облегченіе или изъ милости помѣщиковъ, должны быть совершенно добровольны и утверждены правительствомъ. Для избѣжанія сложности и запутанности нужно, чтобъ оныя дѣланы были на основаніи изданнаго правительствомъ образца условій, который долженъ содержать:

а) Означеніе границъ угодій, коими должны воспользоваться крестьяне.

б) Опредѣленіе повинностей работою, деньгами или продуктами, кои остаются на крестьянахъ безъ всякаго возвышенія и новаго требованія.

в) Сумму, котор. крестьяне должны платить единовременно.

г) Обязательство помѣщика не брать крестьянъ въ дворовые.

д) Опредѣленіе порядка отправленія государственныхъ повинностей и рекрутства.

е) Порядокъ рѣшенія споровъ съ помѣщикомъ.

ж) Мѣры къ защитѣ крестьянъ со стороны помѣщика.

з) Означеніе ожидаемыхъ отъ него пособій и льготъ въ разныхъ случаяхъ.

и) Постановленія, чтобъ внутренняя расправа и полиція въ селеніяхъ были предоставлены крестьянскимъ судамъ, подобно какъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, и проч.

Сими добровольными сдѣлками въ теченіи 30 лѣтъ можетъ послѣдовать значительная перемѣна въ положеніи крестьянъ, особливо послѣднимъ способомъ добровольныхъ условій.

Какія за симъ должно принимать мѣры, будетъ завѣсѣть отъ времени; должно имѣть въ виду слѣдующія главнѣйшія постановленія:

а) Ближайшее опредѣленіе положенія тѣхъ крестьянъ, съ коими не будутъ сдѣланы добровольныя сдѣлки, а потомъ и дарованіе имъ личной свободы, съ наймомъ земли или полученіемъ оной въ ограниченную собственность.

б) Опредѣленіе выкупа условленныхъ повинностей вообще по извѣстной сложности, какъ цѣлыми обществами, такъ и семействами, съ полученіемъ земель въ собственность.

в) Повсемѣстное учрежденіе крестьянскихъ судовъ безъ личнаго участія помѣщика въ судѣ и расправѣ надъ крестьянами.

г) Распредѣленіе земель въ твердые участки по семействамъ и ближайшее законодательство о крестьянской собственности, и пр. и пр.

Проектъ дворянства Динабургскаго уѣзда.

По донесенію бывшаго Бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Виртембергскаго о намѣреніи дворянства Динабургскаго уѣзда даровать право личной свободы своимъ крестьянамъ, послѣдовалъ 3 Февраля 1819 года Высочайшій рескриптъ на имя Его Королевскаго Высочества о учрежденіи изъ дворянъ комиссіи для составленія Положенія подобно тѣмъ, какія были изданы для губерній Эстляндской, Курляндской и Лифляндской, съ тѣмъ, чтобы потомъ внести оное на Высочайшее утвержденіе. Вслѣдствіе сего комиссіею и составлено было Положеніе о крестьянахъ Динабургскаго уѣзда, въ которомъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты въ Положеніяхъ для Остзейскихъ губерній, дворянство Динабургскаго уѣзда, оставляя за собою право собственности на всю землю, отказывалось отъ владѣльческихъ правъ на крестьянъ, предоставляя впредь опредѣленіе взаимныхъ отношеній добровольнымъ условіемъ. Для по-

степеннаго перехода крестьянъ въ свободное состояніе опредѣлялось 13 лѣтъ, изъ которыхъ первые три года предназначались для устройства мірскихъ обществъ и крестьянскихъ судовъ, для составленія инвентарей о поземельныхъ повинностяхъ и раздѣленія крестьянъ на классы; а въ остальные затѣмъ годы долженъ былъ совершиться по классамъ постепенный переходъ всѣхъ крестьянъ въ свободное состояніе. Въ продолженіе сего переходнаго состоянія, крестьяне не могли оставлять своего прихода, не имѣли права приобрѣтать недвижимую собственность и обязаны были по прежнему исполнять господскія повинности. Затѣмъ содержащіяся въ самомъ Положеніи постановленія о правѣ и обязанностяхъ крестьянъ, о раздѣленіи ихъ на мірскія общества, объ учрежденіи крестьянскихъ судовъ и полицейской управы, сходствуютъ въ основаніяхъ съ содержащимися въ Положеніяхъ о крестьянахъ Остзейскихъ губерній, кромѣ измѣненій въ подробностяхъ, указываемыхъ мѣстными обстоятельствами.

Положеніе сіе было предложено на разсмотрѣніе общаго собранія дворянъ Динабургскаго уѣзда, въ которомъ только небольшая часть подтвердила сдѣланный прежде вызовъ, а остальное дворянство рѣшительно отказалось отъ какихъ либо ограниченій въ правахъ на владѣніе крестьянами. Съ такими отзывами составленное Положеніе представлено было въ 1824 году генераль-губернаторомъ княземъ Хованскимъ Государю Императору.

Затѣмъ Положеніе сіе по Высочайшему повелѣнію внесено было въ Государственный Совѣтъ, который, разсмотрѣвъ оное въ 1829 году въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи и въ общемъ собраніи, и принявъ на видъ во-первыхъ, что на дарованіе крестьянамъ свободы не только не послѣдовало между помѣщиками единогласія, но число несогласившихся составляетъ болѣе двухъ третей по числу владѣемыхъ душъ, во-вторыхъ, что образованіе особаго управленія крестьянъ въ одномъ уѣздѣ представило бы многія затрудненія, журналомъ 2 Сентября 1829 года

положилъ: оставить дѣло безъ дальнѣйшаго производства. Государь Императоръ, остановясь утвержденіемъ сего мнѣнія, Высочайшимъ рескриптомъ 7 Февраля 1830 года, на имя генералъ-губернатора князя Хованскаго даннымъ, требовалъ донесенія его—дѣйствительно ли въ Динабургскомъ уѣздѣ введеніе Положенія для Остзейскихъ крестьянъ изданнаго соотвѣтствуетъ намѣренію благомыслящихъ дворянъ того уѣзда, и если таковое желаніе ихъ подтвердится, то какимъ образомъ отвращены быть могутъ указанныя Государственнымъ Совѣтомъ затрудненія.

Вслѣдствіе чего созвано было въ Сентябрь 1830 года общее собраніе дворянъ Динабургскаго уѣзда, на которомъ одни изъ нихъ объявили, что подтверждаютъ прежнее свое намѣреніе о дарованіи крестьянамъ свободы, а другіе отозвались, что они остаются при прежнемъ противномъ тому мнѣніи, предоставляя себѣ впослѣдствіи обсудить сей предметъ, когда послѣдуютъ тѣ измѣненія въ Положеніи объ Остзейскихъ крестьянахъ, которыя, какъ объявлено имъ, предполагалось тогда сдѣлать.

Затѣмъ, какія были послѣдствія сего дѣла, не видно.

Проектъ статсъ-секретаря Муравьева (1827 года).

Для улучшенія положенія крестьянъ казенныхъ и постепеннаго перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные, Муравьевъ предлагалъ два способа:

1) Жаловать заслуженнымъ чиновникамъ земли, населенныя казенными крестьянами, въ потомственное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы они платили владѣльцу по рублю, или болѣе, или менѣе, какъ определено будетъ правительствомъ, за покровительство, которое онъ будетъ имъ оказывать, оставляя прочія подушныя и оброчныя повинности на прежнемъ основаніи; опредѣлить съ тѣмъ вмѣстѣ количество земли, которое владѣлецъ долженъ дать крестьянамъ; если же они останутся симъ надѣломъ недовольны, то предоставить имъ переселяться на другія казенныя или частныя земли. Черезъ

каждыя 6 лѣтъ владѣльцы обязаны возобновлять соглашенія съ крестьянами о мѣрѣ поземельныхъ оброчныхъ денегъ, съ утвержденія правительства, и въ случаѣ возвышенія оныхъ, одна половина поступаетъ въ казну, а другая въ пользу владѣльца.

2) Установить съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобъ лица, службою достигающія вновь дворянскаго достоинства, имѣли право владѣть деревнями съ правомъ собственности на одну землю, а не на крестьянъ, на оной поселенныхъ, которые должны быть свободны, и пользоваться землею по взаимнымъ съ владѣльцами условіямъ.

Съ установленіемъ такого новаго рода дворянъ, прежніе, какъ получившіе за заслуги землю, такъ и издавна владѣющіе крестьянами, познакомятся съ новымъ родомъ владѣнія, исподоволь приучатся къ владѣнію землями безъ крестьянъ и охотно, за малую временную выгоду, сами дадутъ своимъ крестьянамъ свободу, съ сохраненіемъ права собственности на одну землю. А новые дворяне будутъ искать средствъ приобрѣтать имѣнія старыхъ дворянъ, хотя безъ права владѣнія крестьянами; и такимъ легкимъ и неприимѣтнымъ способомъ произойдетъ освобожденіе крестьянъ изъ рабства.

Комитетъ 6-го Декабря 1826 года.

Большая часть исчисленныхъ проектовъ переданы были на соображеніе Комитета, Высочайше учрежденнаго 6-го Декабря 1826 года, которому поручено было разсмотрѣть многія весьма важныя предположенія касательно улучшенія разныхъ отраслей государственнаго устройства. Предсѣдателемъ сего комитета былъ графъ (потомъ князь) Кочубей, а правителемъ дѣлъ статсъ-секретарь (графъ) Влудовъ. Между членами былъ тайный совѣтникъ Сперанскій¹⁾, который представилъ составленную по Высочайшему повелѣнію

¹⁾ Прочіе члены были: генералъ гр. Толстой, Васильчиковъ, гр. Дибичъ, дѣйств. тайный сов. князь Голицынъ.

записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и о мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крѣпостныхъ поселянъ и дворовыхъ людей, и для достиженія не быстрыми, но вѣрными и безопасными средствами совершеннаго освобожденія ихъ отъ рабства.

Записка Сперанскаго.

Записка сія слѣдующаго содержанія. Изложивъ въ началѣ всѣ узаконенія о крѣпостныхъ людяхъ отъ времени изданія Уложенія, Сперанскій переходитъ къ сравненію прежняго крѣпостнаго порядка съ настоящимъ.

Существо прежняго крѣпостнаго права, говоритъ онъ, кратко состояло въ слѣдующемъ:

1) Крестьяне суть принадлежность вотчины и отъ нея не могутъ быть отдѣлены ни продажей, ни залогомъ; но съ одной земли на другую тѣмъ же помѣщикомъ они переселены быть могутъ.

2) Дворовые люди, т. е. старинные и полные холопы и ихъ потомство, принадлежатъ помѣщику лично въ собственности, а потому и проданы и заложены быть могутъ, каждое лице отдѣльно.

3) Дворовые люди изъ кабалныхъ принадлежатъ помѣщику по жизни его, но ни проданы, ни заложены быть не могутъ.

4) Дворовые люди, изъ крестьянъ во дворъ взятые, принадлежатъ вотчинѣ и считаются наравнѣ съ крестьянами.

Существо новаго или настоящаго крѣпостнаго права состоитъ кратко въ слѣдующемъ:

1) Крестьяне, равно какъ и земля, на коей они живутъ, принадлежатъ помѣщику. Земля составляетъ недвижимое его имущество, а крестьяне суть имущество его движимое (во всѣхъ указахъ крестьяне именно признаны движимымъ имуществомъ). И хотя сіе движимое имущество по ревизіи приписывается къ недвижимому, къ деревнѣ и къ землѣ, но какъ земля безъ крестьянъ, такъ и крестьяне безъ зем-

ли могутъ быть проданы, заложены, переселены, во дворъ взяты, и даже въ ссылку, по волѣ помѣщика, за проступки ихъ, безъ суда могутъ быть сосланы.

2) Дворовые люди, изъ какого бы состоянія первоначально они ни происходили, суть точно такое же движимое имущество помѣщика, какъ и крестьяне; никакого существеннаго различія законъ между ними не полагаетъ. Владѣлецъ, не имѣющій земли, можетъ приписать ихъ въ ревизіи къ своему дому; но какъ домъ безъ нихъ, такъ и они безъ дома проданы быть могутъ.

При сравненіи сихъ двухъ системъ нельзя не признать, что послѣдняя изъ нихъ тягостнѣе и ближе къ неволѣ, нежели первая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя же не признать, что не безъ важныхъ причинъ она введена была правительствомъ и утверждена законами. Причины сіи состояли въ слѣдующемъ.

Доколѣ подати казенныя и военная служба утверждались на землѣ, дотоле не было у насъ ни войска, ни постоянныхъ государственныхъ доходовъ. Съ ревизіею только положено и тому, и другому прочное начало. Съ ревизіею трудъ, руки и лице признаны основаніемъ какъ силы государственной, такъ и мѣрою частнаго богатства. Люди получили твердую осѣдлость, помѣщики—средства къ обширному хозяйству, правительство — вѣрный доходъ и надежные способы къ составленію, пополненію и содержанію войска.

Но при сихъ столь важныхъ выгодахъ нельзя упустить безъ вниманія и важныхъ неудобствъ, изъ самаго сего порядка происшедшихъ.

Отъ неограниченной свободы обращать крестьянъ въ дворовыхъ людей наводнились дома дворянскіе толпою праздныхъ служителей; усилились прихотливыя, а часто распутныя затѣи; расширилась безумная роскошь и раззорительное тщеславіе; явились новыя нужды, новые на крестьянахъ налоги и долги неоплатные; состояніе крестьянъ обременилось еще болѣе тѣмъ, что за всю сію праздную толпу,

къ деревнѣ приписанную, подушныя деньги и рекрутская очередь часто деревнею отправляются.

Отъ заведенія и разсѣянія ремеслъ по деревнямъ, города наши остаются пусты: ибо гдѣ взять потребителей, на кого работать мѣщанамъ, когда каждый помѣщикъ все ему нужное и даже прихотливое, хотя худо, и не стройно, и убыточно, производитъ у себя дома и даже пускаетъ на продажу? Какимъ образомъ ремесла могутъ въ городахъ усовершеншаться, безъ соревнованія ремесленниковъ; и какое можетъ быть соревнованіе ремесленниковъ, когда они разсѣяны и въ рабствѣ? Утвердительно можно сказать, что въ семь порядкѣ никогда у насъ ни городовъ, ни прочнаго городского состоянія не будетъ.

Отъ права продажи крестьянъ безъ земли, отъ права отдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, лице крестьянина содѣлалось вещью, дѣйствительнымъ имуществомъ, коимъ владѣлецъ можетъ располагать по произволу; а сей произволъ сколь часто бывалъ, да и нынѣ еще иногда бываетъ жестокъ и злоупотребителенъ—то доказываютъ дѣла и опытъ.

Нельзя утверждать, чтобъ неудобства сіи были сокрыты отъ правительства или имъ пренебрегаемы. Но связь сего порядка съ государственными доходами, съ состояніемъ помѣщиковъ и съ рекрутствомъ, особенно же связь его съ порядкомъ повиновенія, представляла опаснымъ всякое быстрое въ немъ потрясеніе.

Тѣмъ не менѣе однакоже къ исправленію его принимаемы были по временамъ разныя мѣры. Главная же изъ нихъ состояла въ томъ, что вовсе прекращена раздача деревень въ собственность.

Затѣмъ многократно помышляемо было о пресѣченіи продажи людей безъ земли; но мѣра сія по разнымъ уваженіямъ всегда была отлагаема.

Между тѣмъ однакоже время течетъ и, благотворнымъ своимъ дѣйствіемъ постепенно смягчая нравы, дѣлаетъ рабство съ одной стороны менѣе жестокимъ, а съ другой и менѣе необходимымъ. По мѣрѣ населенія возвышается цѣна

земли, умножается количество рукъ, умѣряется цѣна вольныхъ работъ, и работы принужденныя теряютъ свое преимущество. Толпы дворовыхъ людей съ ихъ потомствомъ день ото дня становятся тягостнѣе и несноснѣе. Такимъ образомъ каждый день стираются прежнія побужденія, измѣняются прежніе расчеты, разрѣшаются сомнѣнія и устраняются препятствія.

Но сему естественному движенію и наклонности почти общей правительству одно можетъ дать надлежащую *благовременность и успѣшное направленіе.

Два рода мѣръ къ сему представляются нужными: однѣ первоначальныя и основныя; другія—постепенныя, на вѣскольکو лѣтъ въ связи расположенныя.

Первоначальныя мѣры для улучшенія состоянія крѣпостныхъ крестьянъ, согласно Высочайшему предназначенію, должны состоять въ слѣдующемъ:

1) Каждый владѣлецъ имѣетъ законное право принадлежащія ему земли и съ крестьянами, на нихъ поселенными, продавать и закладывать по своему усмотрѣнію; но крестьянъ безъ земли продавать и закладывать, дарить и въ приданое давать отнынѣ впредь запрещается, и вслѣдствіе того постановляется: сохраняя во всей силѣ и дѣйствиіи купчія и закладныя крѣпости, доселѣ законно совершенныя, на будущее время совершать оныя не иначе, какъ по вновь составленнымъ формамъ.

2) Не воспрещается владѣльцамъ переселять крѣпостныхъ крестьянъ съ однихъ земель на другія, тѣмъ же владѣльцамъ принадлежащія; но продавать крестьянъ на своѣзъ отъ одного владѣльца другому отнынѣ впредь вовсе запрещается.

3) Продажу одной земли безъ крестьянъ, кои на ней водворены; продажу деревни съ малымъ количествомъ земли изъ той, которая къ ней принадлежитъ; также продажу извѣстнаго числа дворовъ изъ деревни съ количествомъ земли менѣе того, какое на нихъ всей земли причитается, и наконецъ продажу земли съ крестьянами и потомъ перепродажу одной земли безъ крестьянъ тому же или дру-

тому владѣльцу: всѣ таковыя продажи считать недѣйствительными и ничтожными, а за подлогъ, если онъ откроется, судить по законамъ.

4) Какъ займы въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, на залогъ недвижимыхъ имѣній основанные, на сихъ самыхъ имѣніяхъ утверждаются, то и формы свидѣтельствъ о благонадежности таковыхъ залоговъ, изъ установленныхъ мѣстъ выдаваемые, должны быть тому сообразны, и вслѣдствіе того

5) Оставляя во всей силѣ и дѣйствиіи займы, по прежнимъ свидѣтельствамъ въ сихъ мѣстахъ совершенные, на будущее время устанавливаются свидѣтельства по вновь составленнымъ образцамъ.

6) Какъ по симъ свидѣтельствамъ въ существѣ и твердости залога не вводится никакого измѣненія, то и всѣ условія займа и послѣдствія сихъ условій, въ образѣ взыскапія, остаются безъ всякой перемены на точномъ основаніи изданныхъ на сіе уставовъ и правилъ; но для единообразія всѣ заемщики обязаны, въ теченіи двухъ лѣтъ, переимѣнить прежнія свидѣтельства на новыя, въ чемъ мѣста, выдающія свидѣтельства, не могутъ дѣлать ни малѣйшаго никому затрудненія, развѣ бы между тѣмъ имѣніе заложное подверглось описи и законному взысканію.

Основныя мѣры, выше сего изложенныя, произведутъ слѣдующія двѣ существенныя пользы: онѣ обратятъ крѣпостное право на крестьянъ въ прежнее его законное положеніе, т. е. содѣлаютъ ихъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу; прекратятъ личную продажу ихъ въ видѣ собственности или движимаго имущества; уничтожатъ то унижительное понятіе, какое внутри и внѣ Россіи имѣютъ о рабствѣ крестьянъ. Но сіи основныя мѣры не разрѣшаютъ всѣхъ затрудненій, не установятъ еще съ твердостью крестьянскаго положенія, не прекратятъ съ одной стороны злоупотребленій худыхъ помѣщиковъ, а съ другой продержостей и неповиновенія крестьянъ.

Единственное, рѣшительное къ сему средство есть опредѣленіе всѣхъ крестьянскихъ работъ и повинностей *догворомъ*.

Но сіе важное преобразование крѣпостнаго права не можетъ совершиться иначе, какъ мѣрами, зрѣло и въ совокупности ихъ соображенными и потомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постепенно въ дѣйствіе приводимыми.

Первою изъ сихъ мѣръ должно быть устройство казенныхъ крестьянъ. Сей родъ людей бвднѣетъ и раззоряется не менѣе крестьянъ помѣщичьихъ. Работы и повинности ихъ также неопредѣленны. Съ одной десятины худой земли казенный крестьянинъ платитъ столько же оброку, несетъ столько же разнообразныхъ земскихъ и волостныхъ повинностей, какъ другой съ восьми и болѣе. Земскіе исправники суть тѣже помѣщики, съ тою токмо разностию, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но въ замѣнъ того сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству своему не прочать.

Второю за симъ мѣрою будетъ приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ тоже положеніе, какое будетъ опредѣлено для крестьянъ казенныхъ. Отношенія помѣщичьихъ крестьянъ къ владѣльцамъ земли должны быть почти тѣже, какъ и крестьянъ казенныхъ къ казнѣ. Все различіе можетъ состоять: 1) въ управѣ полиціи, 2) въ особенномъ порядкѣ, коимъ оброки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ могутъ быть замѣняемы работами на хозяйственныхъ помѣщичьихъ заведеніяхъ.

Но прежде, нежели можно будетъ приступить къ обѣимъ симъ мѣрамъ, необходимо должно пересмотрѣть и исправить устройство земскаго управленія: ибо какой законъ можетъ произвести полезное дѣйствіе при настоящемъ образѣ исполненія?

Между тѣмъ есть мѣра средняя, которую вслѣдъ за первыми основными мѣрами принять можно. Это есть лучшій распорядокъ въ увольненіи крестьянъ. Нынѣ есть о семъ

два положенія: 1) объ увольненіи личною, и 2) объ увольненіи съ землею.

Личное увольненіе крестьянъ подвержено тѣмъ же затрудненіямъ, какъ и дворовыхъ людей, т. е. помѣщикъ обязанъ платить подать до ревизіи, а крестьянинъ не можетъ быть принятъ ни въ сельское, ни въ мѣщанское свободное сословіе безъ согласія.

Увольненіе съ землею, или въ свободныя хлѣбопашцы, также имѣетъ разныя стѣсненія, какъ то: 1) нельзя увольнять по духовнымъ завѣщаніямъ; 2) нельзя увольнять цѣлыми деревнями, такъ чтобы крестьяне были лично свободны, а земля была бы имъ отдаваема въ наемъ по договорамъ; 3) нельзя крестьянъ, уволенныхъ отъ одного помѣщика, принять и поселить на земляхъ другаго съ оброкомъ по договору.

Прекращеніе всѣхъ сихъ и симъ подобныхъ стѣсненій послужило бы наилучшею мѣрою постепеннаго перехода изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе. Къ сему надлежитъ токмо пересмотрѣть и расширить существующія нынѣ положенія.

Дѣйствія Комитета 6-го Декабря.

Комитетъ, разсматривая въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ всѣ предположенія по предмету улучшенія крѣпостнаго состоянія, останавливался на слѣдующихъ главныхъ замѣчаніяхъ.

1) Что при изданіи предполагаемаго постановленія нужно, для предупрежденія живыхъ толковъ и неосновательныхъ догадокъ о будущихъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, дать чувствовать, сколь священно и неотъемлемо предъ правительствомъ и закономъ право сихъ послѣднихъ на собственность владѣемой ими земли. При томъ однакоже замѣчалъ, что упомянуть о семъ должно съ нѣкоторою осторожностію, положительно, но кратко и почти мимоходомъ, какъ о правѣ, которое не можетъ быть подвержено сомнѣнію; и что, въ тоже время и по тѣмъ же причинамъ, надлежитъ прибавить нѣсколько словъ и о крѣпо-

ствомъ правѣ помѣщиковъ на крестьянъ. Вслѣдствіе сихъ разсужденій Комитетъ положилъ къ § 1 о крестьянахъ дополнить, что всѣ закладныя и купчія крѣпости, доселѣ на законномъ основаніи совершенныя, остаются въ своей силѣ и какъ оныя, такъ и впредь совершаемыя по вновь установленнымъ формамъ акты, даютъ равное, неотъемлемое право собственности на покупаемую или инымъ образомъ приобрѣтаемую землю, и право крѣпостное на крестьянъ, поселенныхъ на сей землѣ.

2) Комитетъ совершенно одобрилъ мысль тайнаго совѣтника Сперанскаго, что однимъ изъ первыхъ и надежнѣйшихъ средствъ для улучшенія состоянія помѣщичьихъ крестьянъ было бы учрежденіе лучшаго хозяйственнаго управленія для крестьянъ казенныхъ. Такое управленіе, будучи и непосредственно полезно въ отношеніи къ поселянамъ, принадлежащимъ казнѣ, послужило бы образцомъ для частныхъ владѣльцевъ. Благоразумнѣйшіе, видя порядокъ и довольство въ казенныхъ селеніяхъ, вскорѣ послѣдуютъ примѣру правительства; другіе будутъ увлечены примѣромъ общимъ; а если и найдутся между помѣщиками нѣкоторые упорные и неразсудительные люди, то сіе малое число легко уже будетъ принудить сообразовать свои поступки съ дѣйствіями прочихъ, не прибѣгая ни къ какимъ чрезвычайнымъ и по чему-либо опаснымъ мѣрамъ. Чувствуя всю важность сей мысли, Комитетъ считалъ, что нужно бы немедленно заняться изысканіемъ способовъ для приведенія оной въ исполненіе и, не дожидаясь новаго уложенія, которое долженствуетъ между прочимъ съ точностію опредѣлить права и обязанности крестьянъ казенныхъ, нынѣ же постановить ясныя и твердыя правила, могущія служить основаніемъ попечительнаго, истинно-хозяйственнаго управленія по сей части государственныхъ имуществъ. Начертаніе плана для сего управленія Комитетъ полагалъ поручить особой Комиссіи, составивъ оную изъ опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ людей.

3) Касательно исправленія и дополненія существующихъ узаконеній объ увольненіи крѣпостныхъ безъ земли, Комитетъ призналъ нужнымъ постановить, что помѣщикъ при выдачѣ отпускной выскрываетъ съ увольняемаго и вноситъ за него въ казну всѣ подати за столько лѣтъ, сколько остается до новой ревизіи; срокъ же сей новой ревизіи примѣрно полагается всегда черезъ 15 лѣтъ послѣ предшедшей; что за симъ уже съ самаго дня совершенія отпускной всѣ подати и другія повинности за сего уволеннаго, не исключая и рекрутской, совершенно снимаются съ помѣщика и селенія; что уволенный долженъ въ теченіе года приписаться къ какому-либо состоянію, но не платитъ податей до новой ревизіи и въ первые три года послѣ причисленія къ обществу или цеху не подвергается рекрутской очереди; что мѣщанскія общества и казенныя селенія не могутъ уже имѣть ни причинъ, ни права отказывать вольноотпущеннымъ, которые пожелаютъ къ онымъ приписаться; что однакоже селенія не обязаны давать имъ земли; что всякій уволенный можетъ по своему желанію и въ казенныхъ селеніяхъ, и у помѣщиковъ, и у владѣльцевъ, не принадлежащихъ къ классу дворянъ, не только нанимать землю, но и наниматься для обработыванія оной по договору; что изъ тѣхъ, коиими будетъ избранъ сей образъ занятій, составятся особыя общества *вольнотпущенныхъ земледѣльцевъ*, подобно существующимъ уже изъ свободныхъ хлѣбопашцевъ; что они, также какъ сіи послѣдніе, будутъ имѣть въ каждой губерніи свои особенныя рекрутскіе участки, но притомъ могутъ переходить изъ мѣста въ мѣсто съ надлежащими для жительства видами; что впрочемъ сіи вольнотпущенные земледѣльцы, на основаніи общихъ узаконеній, имѣютъ полное право покупать и инымъ образомъ прибрѣтать землю въ собственность.

Сверхъ того Комитетъ 6-го Декабря входилъ относительно крѣпостныхъ людей еще въ слѣдующія сужденія.

1) По представленной Государю Императору генералъ-адъютантомъ маркизомъ Пауллуччи запискѣ объ отмѣнѣ для

Псковской губерні Высочайше утвержденнаго 3-го Марта 1822 года положенія Государственнаго Совѣта касательно ссылки помѣщичьихъ людей въ Сибирь на поселеніе по волѣ господъ ихъ, и возстановленія силы указа 10 Февраля 1763 года о ссылкѣ въ Сибирь тѣхъ только людей, кои не будутъ одобрены на повальномъ обыскѣ, — Комитетъ разсуждалъ, что безъ сомнѣнія желательно бы найти возможность принять мѣры болѣе рѣшительныя нынѣшнихъ, дабы совершенно прекратить бывающее иногда со стороны помѣщиковъ злоупотребленіе власти надъ крѣпостными ихъ людьми: злоупотребленіе, которое впрочемъ примѣтно уменьшилось и впредь уменьшаться будетъ по мѣрѣ смягченія нравовъ и болѣе образованности помѣщиковъ. Онъ желалъ бы во всѣхъ отношеніяхъ личной произволъ сихъ послѣднихъ замѣнить для крестьянъ спасительною властію закона; но существующіе въ государственномъ устройствѣ недостатки не могутъ быть исправлены перемѣнами внезапными, иногда подвергающими опасности общее спокойствіе. Благотворному правительству остается только удерживать порядокъ примѣрами праведной строгости и поставлять мало по малу законныя преграды дѣйствіямъ произвола, а сіе самое было всегда предметомъ его попеченій. Доказательствомъ тому служитъ и постановленіе 22 Іюня 1828 года: тамъ, для удержанія помѣщиковъ отъ неосновательныхъ домогательствъ объ удаленіи неугодныхъ имъ крестьянъ изъ селеній (которое однако же бывало въ иныхъ случаяхъ необходимо), наложены на нихъ условія довольно тяжкія, а жены удаленныхъ сравнены съ женами помѣщичьихъ людей, поступающихъ въ военную службу. Что же касается до распространенія на сіе обстоятельство силы указа 1763 года, относящагося собственно къ общему уголовному производству и къ слѣдствіямъ о подозрѣваемыхъ въ какомъ либо преступленіи, то Комитетъ не признавалъ удобнымъ допустить оное: ибо производство повальныхъ обысковъ о тѣхъ крѣпостныхъ людяхъ, на поведеніе коихъ помѣщики жалуются, могло бы подать поводъ ко многимъ безпоряд-

камъ и волненіямъ въ селеніяхъ владѣльческихъ, а крестьянамъ буйнымъ и строптивымъ даже и къ явному возмущенію.

2) По объявленному Комитету Высочайшему повелѣнію о составленіи проекта закона для прекращенія личной продажи людей, Комитетъ принялъ на видъ, что для большей части дворянъ здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ очевидно не только польза, но даже необходимость положить конецъ всему, что можетъ имѣть видъ унижительнаго, противоестественнаго торга людьми, а съ тѣмъ вмѣстѣ постановить правила и вообще для улучшенія участи крѣпостныхъ въ Россіи; но есть однакоже и другой, къ сожалѣнію, еще многочисленный классъ помѣщиковъ необразованныхъ, закоснѣлыхъ въ грубыхъ привычкахъ, коимъ предназначаемая Государемъ Императоромъ мѣра покажется стѣсненіемъ права собственности; а потому Комитетъ признавалъ, что для предупрежденія всякаго ропота, всякихъ живыхъ толковъ и волненія въ умахъ, нужно будетъ взять предосторожность обнародовать постановленіе о запрещеніи продавать людей безъ земли вмѣстѣ съ другими, благопріятными для другихъ сословій. Сямъ правительство докажетъ, что оно равно обращаетъ свое попечительное вниманіе на всѣ классы подданныхъ безъ исключенія.

Для начертанія упоминаемаго выше закона о прекращеніи продажи людей безъ земли, составленъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, независимо отъ Комитета 6-го Декабря, Особый Комитетъ, въ которомъ кромѣ членовъ перваго комитета повелѣно было присутствовать дѣйствительному тайному совѣтнику Тутолмину.

Поводомъ къ составленію сего комитета было происшедшее въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи разномысліе при разсмотрѣніи вопроса о продажѣ людей безъ земли, возбужденнаго по одному частному случаю. Изъ журнала соединенныхъ департаментовъ по сему предмету (27 Марта 1823 года) видно, что продажа людей порознь и безъ земли старался отворатить еще им-

ператоръ Петръ I. Бывшій тогда кабинетъ-секретарь Макаровъ 15 Апрѣля 1721 года писалъ къ оберъ-секретарю Сената слѣдующее: «Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врозь, кто какъ хочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего немалый вопль бываетъ, и Его Царское Величество указалъ оную продажу людей пресѣчь; а ежели невозможно того вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ продавали цѣлыми семьями, а не порознь; и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго Уложенія изъяснить, какъ высокопривилегированнаго сенатора благоразсудить». Впослѣдствіи, въ разныя времена, правительство употребляло разныя мѣры къ уменьшенію сего зла, но всѣ старанія къ искорененію онаго оставались тщетными, и такая продажа продолжала существовать подъ разными предлогами. Съ 1801 года вопросъ сей неоднократно соображаемъ былъ въ Государственномъ Совѣтѣ; въ 1820 году онъ возникъ вновь по поводу нѣсколькихъ частныхъ случаевъ и переданъ былъ на соображеніе комиссіи составленія законовъ, которая внесла въ Государственный Совѣтъ проектъ закона, коимъ предполагалось воспретить продажу, закладъ и укрѣпленіе крестьянъ и дворовыхъ людей иначе, какъ селеніями. Съ тѣмъ вмѣстѣ комиссія постановила правила къ отвращенію удаленія крестьянъ отъ земли и о пресѣченіи продажи дворовыхъ людей вовсе, а также въ проектѣ своемъ коснулась: 1) раздробленія имѣній, предположивъ воспретить продажу и закладъ имѣнія, если все оно или часть его заключаетъ въ себѣ менѣе 100 душъ, и 2) переселенія крестьянъ, допуская оное токмо въ случаѣ недостатка земли, и не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства.

Департаментъ законовъ, разсматривая сей проектъ, нашелъ, что Уложеніемъ и послѣдующими указами дано дворянамъ право на продажу крѣпостныхъ людей безъ всякаго ограниченія, что сей коренной законъ никакимъ послѣ-

дующимъ не отмѣненъ, и что предложенное комиссіею ограниченіе въ раздѣленіи мнѣній къ настоящему дѣлу не относится; а потому, отвергнувъ составленный комиссіею проектъ и ограничась разрѣшеніемъ только частныхъ случаевъ, подавшихъ къ оному поводъ, положилъ (журналь 20 Октября 1820 года) оставить существующіе законы въ полной силѣ, подтвердивъ только запрещеніе продавать людей на ярмаркахъ и аукціонахъ.

Въ Общемъ Собраніи по предмету сему были объявлены разныя мнѣнія, и когда оныя были представлены на Высочайшее разсмотрѣніе, то Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ, по доставленіи новыхъ по сему дѣлу мнѣній, представить оныя Его Величеству въ подлинникахъ до предложенія Государственному Совѣту.

Затѣмъ, въ концѣ 1827 года, по поводу также одного частного случая, Высочайше повелѣно было Государственному Совѣту разсмотрѣть: можно ли допускать продажу крѣпостныхъ людей за долги помѣщиковъ? Государственный Совѣтъ, признавая, что разрѣшеніе сего вопроса зависитъ отъ другаго, не получившаго еще общаго разрѣшенія: можно ли продавать людей порознь и безъ земли, приступилъ къ разрѣшенію сего вопроса въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи. При бывшихъ по сему предмету продолжительныхъ разсужденіяхъ, предсѣдательствующій князь Куракинъ предложилъ мнѣніе, котораго главныя основанія состоятъ въ слѣдующемъ:

- 1) Раздѣлить крѣпостныхъ людей на крестьянъ и дворовыхъ людей и дозволить продажу первыхъ съ землею, а продажу вторыхъ вовсе воспретить.
- 2) По новой ревизіи отдѣлить дворовыхъ людей отъ крестьянъ и воспретить послѣ ревизіи обращеніе крестьянъ въ дворовые.
- 3) Рекрутскую повинность съ дворовыхъ людей установить особо, дозволивъ помѣщикамъ ставить ихъ за крестьянъ.
- 4) Объявить помѣщикамъ, что подушная подать съ дворовыхъ людей будетъ возвышена и что она должна быть уплачиваема самими помѣщиками, а не крестьянами.
- 5) Запретить продажу крестьянъ

яны безъ земли, дозволивъ таковую только на свозъ, съ вѣдѣнія губернскаго начальства, безъ раздробленія семействъ и съ обезпеченіемъ устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ, и 6) Дозволить увольнять крестьянъ семействами на волю для поселенія на прибрѣтенныхъ самими ими земляхъ, или на земляхъ казенныхъ, другихъ помѣщиковъ, а также и купцовъ, по особымъ условіямъ, о чемъ и издать особое положеніе, руководствуясь правилами, изданными для свободныхъ хлѣбопашцевъ. Съ мнѣніемъ симъ согласились два члена *)), а дѣйствительный тайный совѣтникъ Тутолминъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ, ограничиваясь объявленною Государственному Совѣту Высочайшею волею, полагалъ въ до-
полненіе существующихъ уже узаконеній постановить:

1) Запретить продажу дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. 2) Предоставить лицамъ, имѣющимъ право владѣть фабриками и заводами, покупать крестьянъ и дворовыхъ людей по существующимъ законамъ. 3) Запретить приписку дворовыхъ людей къ домамъ. 4) Продажу крестьянъ и дворовыхъ людей съ землею оставить на прежнемъ положеніи, воспретивъ только разлучать семейства, и 5) Дозволить продажу крестьянъ и дворовыхъ людей на свозъ, съ соблюденіемъ только осторожности, чтобы покупщикъ имѣлъ землю, удобную для заселенія покупаемыми крестьянами.

Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, при разсужденіи по сему предмету, приняло на видъ: 1) что съ существующимъ порядкомъ распоряденія помѣщиковъ крѣпостными людьми находятся въ связи многія части государственнаго хозяйства и управленія; 2) что съ симъ порядкомъ согласованы самыя наши кредитныя установленія; 3) что измѣненіе сего порядка необходимо влечетъ за собою различныя перемѣны и требуетъ многихъ предварительныхъ мѣръ, признало (журналъ 22 Апрѣля 1829 года), что начертаніе предполагаемаго закона, столь важнаго въ существѣ своемъ и столь многосложнаго въ подробностяхъ, нужно

*) Гр. Строгановъ и Сперанскій.

поручить особому комитету, на учрежденіе котораго и испрашивало Высочайшаго соизволенія. Вслѣдствіе чего и былъ, какъ выше сказано, учрежденъ Особый Комитетъ для разсмотрѣнія сего предмета.

На разсмотрѣніе сего комитета былъ внесенъ проектъ отдѣльно составленнаго положенія о крестьянахъ казенныхъ и помѣщичьихъ и о дворовыхъ людяхъ, въ который вошли какъ содержащіяся по сему предмету въ запискѣ тайнаго совѣтника Сперанскаго предположенія, такъ и сдѣланныя къ онымъ Комитетомъ 6-го Декабря дополненія (о коихъ изложено выше). Содержащіяся въ семъ проектѣ постановленія, какъ сообразныя съ сдѣланными въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта предположеніями, одобрены были Комитетомъ (при чемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Тутолминъ отступилъ отъ прежняго своего мнѣнія) и Комитетъ положилъ издать сіи правила вмѣстѣ съ прочими предположенными Комитетомъ 6-го Декабря постановленіями.

Дѣйствія Комитета 6-го Декабря продолжались постоянно до 1830 года. По окончательномъ разсмотрѣніи всѣхъ бывшихъ въ виду сего комитета предположеній, составлены имъ слѣдующіе проекты: 1) Дополнительнаго закона о состояніяхъ, въ которомъ заключались положенія: а) о порядкѣ службы гражданской; б) о дворянствѣ; в) о духовенствѣ; г) о гражданствѣ съ раздѣленіемъ онаго на четыре сословія: гражданъ чиновныхъ, именитыхъ, почетныхъ и мѣщанъ, и д) о крестьянствѣ. 2) Проектъ манифеста, при которомъ должно было быть издано сіе узаконеніе. 3) Упоминаемый выше проектъ особаго положенія о дворовыхъ людяхъ, съ проектомъ дополнительнаго о семъ указа; и 4) Проектъ особаго указа объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имуществъ.

Въ проекты сихъ положеній вошли, по принадлежности, всѣ содержащіяся въ запискѣ тайнаго совѣтника Сперанскаго и постановленныя, какъ Комитетомъ 6-го Декабря, такъ и Особымъ Комитетомъ предположенія объ улучшеніи состоя-

нія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Въ проектѣ же закона о недробности населенныхъ имѣній содержались слѣдующія главныя основанія: 1) Запрещалось при продажѣ и залогѣ раздроблять села и деревни, подъ симъ именемъ внесенныя въ ревизію, если они содержали въ себѣ менѣе 200 душъ; и отдѣляемая часть не должна была быть менѣе 100 душъ, кромѣ выселковъ, къ тѣмъ же имѣніямъ принадлежащихъ, которые дозволялось дѣлить не менѣе однако 10 дворовъ, и 2) при переходѣ имѣній по наслѣдству полагалось, чтобы наслѣдство, состоящее изъ одной деревни, не подлежащей по вышеозначенному правилу раздробленію, поступало къ старшему сыну, а прочіе сонаслѣдники были удовлетворяемы изъ другаго имущества или денежныхъ капиталовъ; въ случаѣ же неимѣнія таковыхъ имуществъ старшій наслѣдникъ обязанъ выплачивать прочимъ за ихъ части или деньгами одновременно, или проценты съ причитающагося каждому капитала, при чемъ цѣнность имѣнія должна быть опредѣляема по цѣнѣ, по которой имѣніе принимается въ залогъ въ кредитныхъ установленіяхъ.

Ходъ дѣла о состояніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ семъ видѣ проекты сіи въ 1830 году внесены были въ Государственный Совѣтъ, которымъ были разсматриваемы въ нѣсколькихъ чрезвычайныхъ собраніяхъ.

При такомъ разсмотрѣніи всѣ предположенія Комитета приняты и частію исправлены по единогласному заключенію Государственнаго Совѣта, за исключеніемъ слѣдующихъ, по которымъ произошли разныя мнѣнія:

1) Относительно запрещенія продавать крестьянъ на съезъ, нѣкоторые члены замѣтили, что таковая продажа должна быть дозволена въ нѣкоторыхъ, впрочемъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ единственное средство къ уравнительности народонаселенія въ Россіи; что безъ сего въ имѣніи малоземельномъ страдать будетъ не одинъ помѣщикъ отъ неполученія дохода съ крестьянъ, но сами крестьяне, подверга-

ясь даже голоду, и что по тяжбамъ бываетъ отсуждаема земля отъ помѣщика такого, который не имѣетъ ни другаго имѣнія, ни капитала на покупку другой земли для перевода на оную крестьянъ съ отчужденной отъ него земли. По симъ затрудненіямъ 11-ть членовъ полагали составить особья правила о случаяхъ чрезвычайныхъ, въ коихъ можетъ быть предоставлена владѣльцамъ переуступка правъ своихъ на крестьянъ для переселенія, съ возможною осторожностью отъ злоупотребленій, съ удостовѣреніями несомнѣнными о необходимости къ тому и собственной пользѣ отъ того переселяемыхъ крестьянъ, и наконецъ не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Министръ же финансовъ допускалъ изъятіе таковое единственно при отсужденіи отъ помѣщика земли, когда крестьяне должны быть сведены съ оной.

А 16-ть членовъ находили, что всякое изъятіе изъ общаго правила составлять будетъ въ существѣ своемъ дозволеніе нынѣшней продажи людей безъ земли, вопреки намѣреніямъ новаго закона, что случаи отсужденія всей земли отъ владѣльца столь рѣдки, что не можетъ встрѣтиться никакого неудобства удовлетворить просителя подобнаго рода частнымъ образомъ; что малоземельный помѣщикъ можетъ продать пѣлую деревню имѣющему въ другомъ мѣстѣ избытокъ земли; сей послѣдній переселить по праву ему предоставляемому людей всѣхъ или часть; но переселить своихъ уже крестьянъ, и если бы даже, переселивши часть только, прочихъ продать обратно съ землею прежнему помѣщику, то сіе не можетъ быть воспрещено ему для пользы крестьянъ. — По таковымъ уваженіямъ, 16 членовъ оставляли содержащееся о семъ правило, полагая только исключить постановленіе о подлогѣ, дабы не подать повода къ излишнимъ притязаніямъ; съ каковымъ мнѣніемъ согласился и Государь Императоръ.

2) По проекту указа объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ имуществъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ланской, ссылаясь на то, что предположеніе подобнаго рода

не было принято въ 1820 году департаментомъ законовъ, полагалъ раздробленіе имѣній оставить въ прежнемъ положеніи, дабы не возродить между сонаслѣдниками ненависти.

Прочіе же члены, признавая ограниченіе дробности имѣній полезнымъ, полагали установить оное на слѣдующихъ главныхъ правилахъ: крайнею мѣрою раздробленія опредѣлить 10 дворовъ или 50 ревизскихъ душъ, и чтобы при удовлетвореніи прочихъ сонаслѣдниковъ, когда наслѣдство въ семь количествъ душъ достается одному, принимать за основаніе къ исчисленію цѣнности деревни не банковую цѣну душамъ, которая крайне была бы обидна для наслѣдниковъ, долженствующихъ получить часть свою по оцѣнкѣ достоинства имѣнія, сдѣланной самими сонаслѣдниками.

Исправленные на основаніи бывшихъ въ Государственномъ Совѣтѣ разсужденій проекты всѣхъ предположенныхъ Комитетомъ 6-го Декабря уставовъ и постановленій, и манифеста, при которомъ они должны быть изданы, представлены были Государю Императору, но отъ Его Величества дважды были возвращаемы въ Государственный Совѣтъ для новаго соображенія всѣхъ содержащихся въ нихъ предположеній, съ изъясненіемъ при томъ Высочайшей воли, чтобы проекты сіи были напечатаны и разсланы членамъ. Наконецъ окончательно исправленные проекты поднесены были Государю Императору въ исходѣ Іюня 1830 года.

Затѣмъ о дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла изъ переданныхъ въ Государственную Канцелярію бумагъ видно, что всѣ сіи проекты по высочайшему повелѣнію переданы были на разсмотрѣніе Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича ¹⁾. Его Императорское Высочество, изложивъ въ осо-

¹⁾ Нельзя не обратить вниманія, что и въ это время, какъ въ наши дни (въ 1861 году) Поляки, т. е. Польская шляхта, немедленно подняли знамя мятежа, какъ скоро убѣдился въ томъ, что Россія совлекаетъ съ себя поворъ рабовладѣнія. Истинная свобода, т. е. равенство передъ закономъ, всего страшнѣе тѣмъ, кто повидимому распинается за сво-

бой запискѣ (15/27 Іюня 1830 года въ Варшавѣ) свои возраженія на нѣкоторыя подробности заключающихся въ сихъ проектахъ предположеній, сдѣлалъ кромѣ того общее замѣчаніе, что какъ съ одной стороны сохраненіе древняго порядка главныхъ состояній должно дѣйствовать на твердость отдаленнаго быта государства, такъ съ другой стороны, для сохраненія же самыхъ главныхъ состояній, коренныхъ законовъ и уставовъ государственныхъ, сильнѣйшая ограда есть ихъ древность. Посему Его Императорское Высочество полагалъ, что касательно существенныхъ перемѣнъ, содержащихся въ тѣхъ проектахъ, лучше было бы отдать ихъ еще на судъ времени. При томъ, какъ въ проектахъ вводятся перемѣны вдругъ во многихъ предметахъ, то таковая сложность бываетъ часто причиною недостатка внимательнаго разсмотрѣнія каждой перемѣны, отчего по изданіи новыхъ заѣоновъ возникаютъ вопросы и сомнѣнія, требующіе разрѣшеній, которыя иногда измѣняютъ изданный законъ или ослабляютъ силу и уваженіе къ нему новыми прибавленіями и измѣненіями. При отдѣльномъ же изданіи всякаго закона порознь лучше могутъ быть замѣчены всѣ подробности и разочтены всѣ его послѣдствія, тогда какъ введеніе въ дѣйствіе одной перемѣны можетъ указать лучшія средства къ перемѣнамъ другимъ. Противу сего замѣчанія рукою Государя Императора написано: «Мысль сія была и моя; но причины, по коимъ я согласился на предположеніе вмѣстѣ издать все, столь уважительны, что я долженъ былъ уступить общему мнѣнію».

Замѣчанія сія, какъ изъ находящихся при дѣлѣ бумагъ видно, Государемъ Императоромъ переданы были 2-го Іюля 1830 года предсѣдателю Государственнаго Совѣта, которымъ были заготовлены по онымъ объясненія; но были ли они представлены Его Императорскому Высочеству, неизвѣстно, и затѣмъ другихъ свѣдѣній о дальнѣйшей участи

боду. Къ сожалѣнію, на ту пору великій князь Константинъ Павловичъ окончателно находился въ Польскихъ рукахъ. П. Б.

сего дѣла въ виду нѣтъ. Но какъ въ то время совершилась революція во Франціи, а потомъ Польскій мятежъ, то можно предполагать, что событія сіи остановили исполненіе великихъ назначеній къ замѣненію крѣпостнаго состоянія въ Россіи.

Комитетъ 1839 года.

Второй послѣ сего Секретный Комитетъ учреждень 16-го Ноября 1839 года, для пересмотра закона объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы ¹⁾.

Подробное изложеніе занятій сего комитета не составляетъ предмета настоящей записки, и потому здѣсь слѣдуетъ только указать тѣ разсужденія, въ которыя вошли члены при разсмотрѣніи началъ, на конхъ должно совершиться въ Россіи освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Графъ Киселевъ, представляя на разсмотрѣніе комитета составленный имъ проектъ объ обязанныхъ крестьянахъ, и въ объяснительной къ оному запискѣ изложивъ мѣры, принятія правительствомъ къ улучшенію крѣпостнаго состоянія и ограниченію помѣщичьей власти, находилъ, что всѣ подобныя мѣры ограниченій имѣютъ предѣлъ, за которымъ они не только перестаютъ быть полезными, но, возбуждая въ крестьянахъ тщетныя надежды на свободу, а въ помѣщикахъ опасеніе и безпокойство, производятъ взаимное неудовольствіе и потрясаютъ довѣріе къ правительству. Мѣры ограниченій хороши въ такомъ случаѣ, когда, стѣсныя произволь и злоупотребленія владѣльцевъ, онѣ приводятъ къ убѣжденію о необходимости утвердить ихъ выгоды въ отношеніи къ имѣнію на такомъ распорядкѣ, который предварительно установленъ уже правительствомъ и вполне обез-

¹⁾ Предсѣдателемъ сего комитета былъ кн. Васильчиковъ; членами: гр. Орловъ, гр. Левашовъ, кн. Меншиковъ, гр. Киселевъ, ст. секр. Блудовъ, тайн. сов. Тучковъ, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Строгановъ, ст. секр. Тавшевъ и министръ юстиціи гр. Пандицъ.

печиваетъ какъ собственное ихъ право, такъ равно и право потомства на пользованіе соразмѣрнымъ отъ имѣнія доходомъ. Далѣе, рассматривая разные способы, которыми совершилось освобожденіе отъ рабства въ иностранныхъ государствахъ, графъ Киселевъ приходитъ къ убѣжденію, что система фермерства въ Англіи, Ирландіи, нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и у насъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, оставляя безъ всякаго устройства и обезпеченія цѣлое сословіе, составляющее главную массу народонаселенія и порождая огромной классъ бездомныхъ бобылей, столь опасныхъ для общественнаго спокойствія, не можетъ быть принята въ Россіи безъ справедливаго опасенія послѣдствій, которыхъ исполнѣ невозможно и представить. Система Франціи, Швейцаріи, нѣкоторыхъ частей Германіи и Пруссіи, утвердившая за крестьянами право вотчинничества, основаннаго на началахъ демократіи и порожденная политическими переворотами, должна быть чужда всякаго примѣненія къ Россіи.

Нельзя конечно оспаривать великой государственной пользы въ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ; но таже польза государственная требуетъ величайшей осторожности въ выборѣ средствъ къ устройству сословія, которое простирается до 25 милліоновъ душъ обоого пола и которое, по самому нравственному своему состоянію, требуетъ ближайшаго надъ собою надзора и попечительства; вообще нельзя отвергать истины, что изъ полнаго рабства не можно и не должно переводить людей полуобразованныхъ вдругъ къ полной свободѣ. Между означенными двумя крайними мѣрами освобожденія крестьянъ, равно опасными, въ одномъ случаѣ отъ обращенія ихъ въ бобылей, а въ другомъ—отъ уравниенія въ правахъ поземельной собственности съ высшимъ сословіемъ, есть мѣра средняя, которая, поставляя крестьянъ на приличную степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ, обезпечиваетъ ихъ быть силою закона, не вводя ихъ въ права, принадлежащія только дворянству. Такія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ введены въ 1831 году въ Валахіи и какъ они съ одной стороны со-

вершено сообразны съ прежними отношеніями крестьянъ нашихъ къ помѣщикамъ, а съ другой стороны они, не нарушая правъ дворянства, согласны съ существомъ монархическихъ учреждений, то по сему примѣру графъ Киселевъ полагалъ возможнымъ допустить освобожденіе крестьянъ на слѣдующихъ главныхъ началахъ.

1) Помѣщики, сохраняя при себѣ право вотчинной собственности на земли, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и за тѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ въ замѣнъ того соразмѣрными повинностями или оброкомъ, положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ.

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначаемыя съ крестьянъ повинности или оброкъ значительно не покрываютъ доходовъ, получаемыхъ нынѣ съ имѣній, предоставляется помѣщикамъ, буде пожелаютъ, по добровольному согласію съ крестьянами, опредѣлить единовременное денежное вознагражденіе, дабы проценты отъ сего, въ соединеніи съ инвентарными повинностями, составили приблизительно получаемый доходъ отъ имѣнія.

3) Исполненіе повинностей, опредѣленныхъ инвентаремъ, обеспечивается круговою отвѣтственностію крестьянъ и содѣйствіемъ правительства, посредствомъ судебной власти и посредствомъ власти помѣщиковъ, которые, въ качествѣ вотчинныхъ начальниковъ въ имѣніи, пользуются правами, предоставленными закономъ сельскому управленію, какъ по части распорядительной, такъ и по разбору маловажныхъ тяжбъ и проступковъ крестьянъ.

4) На земляхъ помѣщика сохраняется соразмѣрное съ потребностію обрабатыванія земли количество крестьянъ, и они не могутъ оставить сей земли, доколѣ населеніе не превзойдетъ опредѣленной нормы, или въ противномъ случаѣ, (т. е. когда крестьяне надѣлены установленною пропорціею) они не иначе могутъ переходить въ другое состояніе, какъ съ согласія помѣщика. Лѣса, оброчныя статьи и богатства въ нѣдрахъ земли составляютъ принадлежность помѣщика.

Сверхъ того, владѣльцы земель, предоставляя крестьянамъ личную свободу, освобождаются вслѣдствіе того отъ обязанности въ пособіи на продовольствіе и въ пожарныхъ случаяхъ, которые обезпечиваются, въ видѣ взаимнаго застрахованія, на основаніи правилъ, постановленныхъ для государственныхъ крестьянъ.

5) Помѣщики могутъ земли свои, съ доходомъ отъ нихъ по инвентарному положенію, продавать или другимъ образомъ отчуждать и закладывать въ кредитныхъ учрежденіяхъ подъ обезпеченіе инвентарнаго дохода.

6) Крестьяне, приобретаая личную свободу, пользуются правами свободнаго состоянія, поколику они не противорѣчатъ настоящему положенію и, получая отъ помѣщика участки земель за опредѣленныя повинности, не могутъ быть съ оныхъ высланы. Они приобретають право на недвижимую собственность; въ случаѣ притѣсненій со стороны владѣльцевъ земли, могутъ приносить жалобы въ общія судебныя мѣста и, какъ свободные люди, могутъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ, по исполненіи обязанностей своихъ къ помѣщику, переходить въ другое состояніе или переселиться на другія свободныя земли.

7) Порядокъ исправленія государственныхъ повинностей, какъ равно обезпеченіе продовольствія и назначеніе пособій въ пожарныхъ случаяхъ, устанавлиются на общемъ основаніи съ государственными крестьянами.

Противное сему мнѣніе было объявлено генераломъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ. Онъ находилъ, что предложенными графомъ Киселевымъ мѣрами не сохранится право дворянской собственности и въ самомъ духѣ закона не будетъ той постепенности освобожденія, которая необходима для обезпеченія внутренняго государственнаго порядка, отъ перевѣса необразованной массы народа и заблужденія, которому онъ предаться можетъ, не постигнувъ цѣли правительства. Разсматривая разные способы, которыми совершилось въ другихъ государствахъ освобожденіе крестьянъ, князь Меншиковъ признавалъ справедливымъ одинъ только

тотъ способъ, который употребленъ въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ, а именно, чтобы земля оставалась собственностію помѣщика, а крестьяне имѣли право личной свободы, съ тѣмъ, чтобы, для обезпеченія осѣдлости обывателей, сроки условій, по которымъ будутъ отдаваться земли въ пользованіе крестьянъ, были долговременные. Что же касается до опасенія вредныхъ послѣдствій бродяжничества, могущихъ произойти отъ слишкомъ сильнаго въ одно время движенія народа, то для устраненія сего можно постановить разновременные сроки первыхъ условій, отъ чего и послѣдующіе сроки не будутъ никогда совпадать въ одну эпоху. Предлагаемая же графомъ Киселевымъ отдача земель общинамъ поведетъ къ отчужденію дворянскихъ недвижимыхъ имѣній и даже къ зависимости помѣщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ, и такія муниципальныя начала могутъ имѣть самыя страшныя для государства послѣдствія. Не отъ отдѣльно-обязанныхъ обывателей опасаться должно неповиновенія, но отъ общинъ, которымъ дается политическое бытіе, огражденное матеріальными силами людскаго соединенія, способнаго къ сопротивленію и слѣдовательно къ неповиновенію. Отъ неповиновенія же недалеко переходъ къ явному мятежу. Исторія лучше всего доказываетъ, что могутъ общины, въ какихъ бы ни были видахъ, предпринять, выполнить и поколебать. Для упроченія власти правительства и общественнаго спокойствія не соединять, а разобщать должно силы матеріальныя: *divide et impera*.

Посему князь Меншиковъ полагалъ, что круговая поручка общинъ можетъ быть допущена только временно, и для тѣхъ имѣній, гдѣ другое управленіе сначала окажется невозможнымъ; но что тѣмъ помѣщикамъ, кои могутъ отдавать земли въ подворное оброчное содержаніе, отнюдь не должно возбранять сію мѣру исполненія, со внесеніемъ, если окажется удобнымъ, частныхъ условій въ одинъ общій контрактъ.

Но ежели бы принято было необходимымъ условіемъ надѣленіе крестьянъ землею по полудесятинѣ на душу, то и

за симъ, для отвращенія послѣдствій общинныхъ началъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, предоставить помѣщику право подворной наръзки земли съ тѣмъ, чтобы крестьяне, не платящіе оброка, не исполняющіе повинностей и предающіеся совершенному упадку, могли быть по судебному приговору ссылаемы, а участки возвращаемы въ такихъ случаяхъ помѣщику.

Комитетъ 1840 года.

Одновременно, но независимо отъ сего комитета, открытъ былъ, въ началѣ 1840 года, Особый (*третій*) Комитетъ ¹⁾, для рассмотрѣнія составленной по Высочайшему повелѣнію главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи записки, въ которой заключались два главные предмета: а) мѣры къ уменьшенію числа дворовыхъ людей и б) рѣшительное воспрещеніе не только закладывать, но и продавать, дарить и отдавать въ приданое или по завѣщанію крестьянъ безъ земли.

Въ отношеніи перваго предмета комитетъ, принявъ мѣры имѣвшія цѣлю во 1-хъ облегчать переходъ дворовыхъ въ свободныя сословія, по выдаваемымъ отъ владѣльца отпускнымъ, и во 2-хъ прекратить новыя перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые, призналъ вмѣстѣ съ тѣмъ, нужнымъ, въ виду введенія къ тѣмъ мѣрамъ, учредить по городамъ особые цехи слугъ, для приписки къ нимъ дворовыхъ людей, какъ увольняемыхъ помѣщиками, такъ и отпускаемыхъ изъ оброка, для чего и поручить министру внутреннихъ дѣлъ, составивъ о семъ подробное соображеніе, представить оное Государственному Совѣту, вмѣстѣ съ проектами новаго образованія столичныхъ думъ и цеховъ вообще.

По второму же предмету, относительно рѣшительнаго воспрещенія продажи и всякой вообще передачи крестьянъ безъ

¹⁾ Въ комитетъ семъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, участвовали: кн. Голицынъ, гр. Нессельродъ, гр. Чернышевъ, гр. Бенендоръ, гр. Левашевъ, кн. Меньшиковъ, гр. Киселевъ, гр. Уваровъ, гр. Блудовъ, гр. Строгоновъ, гр. Панинъ и баронъ Коръ.

земли, комитетъ находилъ, что за принятыми въ разное время правительствомъ къ ограниченію такой продажи мѣрами, въ настоящее время продажа крестьянъ безъ земли остается дозволенною только на свозъ и, сверхъ того, не возбранено дарить безземельныхъ крестьянъ, равно какъ и отдавать ихъ въ приданое или по завѣщанію. При разсужденіяхъ комитета о томъ, что дозволеніе продажи крестьянъ безъ земли на свозъ составляетъ изъятіе изъ правила, прекословящее общимъ видамъ правительства, но также не можетъ быть внезапно отиѣнено, по разнымъ въ томъ неудобствамъ и особенно по вниманію къ такимъ случаямъ, гдѣ, какъ напри- мѣръ при малоземеліи въ одномъ имѣніи и многоземеліи въ другомъ, таковая продажа очевидно выгодна не только для владѣльцевъ, не только для самихъ переселяемыхъ, но и въ видахъ государственныхъ, министръ государственныхъ имуществъ предложилъ комитету новую мысль, именно, чтобы при малоземеліи помѣщичьихъ имѣній, опредѣленномъ извѣстною нормою, крестьяне, по желанію и просьбѣ владѣльцевъ, покупаемы были въ казну, чѣмъ отвратится бывающая иногда необходимость продажи крестьянъ на свозъ въ частныя руки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Киселевъ отозвался, что мысль сія необходимо требуетъ ближайшаго соображенія въ подробностяхъ и особенно по вопросамъ о казенныхъ при семъ издержкахъ, объ охраненіи обоюдныхъ пользъ продавцевъ и казны и о способахъ и удобствахъ подобной операціи, почему онъ и не рѣшался еще теперь представить о ней въ видѣ чего-нибудь окончательнаго.

Комитетъ, находя, что въ семъ предположеніи заключается единственное средство отвратить, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, вышеисчисленныя неудобства запрещенія продажи крестьянъ на свозъ, но соглашаясь вполнѣ съ гр. Киселевымъ, что тутъ нужны еще многія дальнѣйшія соображенія и исчисленія, полагалъ предоставить вопросъ сей предварительному сношенію и соглашенію его съ министромъ финансовъ; послѣ чего, въ совокупности съ онымъ, можетъ быть разсмотрѣнъ и другой вопросъ о запрещеніи вся-

кихъ другихъ способовъ передачи крестьянъ безъ земли, т. е. посредствомъ дара, завѣщанія и отдачи въ приданое.

На журналѣ комитета, содержащемъ сужденія его по обоимъ вышеозначеннымъ предметамъ, рукою предсѣдателя написано: высочайше повелѣно оставить сіе дѣло впредѣ до удобнаго времени. 26 Марта 1840.

Комитетъ 1844 года.

Четвертый Секретный Комитетъ открытъ въ Февралѣ 1844 года подѣ предсѣдательствомъ самого Государя Императора для изысканія средствъ къ уменьшенію въ Россіи числа дворовыхъ людей и къ устроенію ихъ положенія.

Комитетъ 1846 года.

Затѣмъ въ 1846 году составленъ былъ по Высочайшей волѣ *пятый* Секретный Комитетъ подѣ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, изъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ, для разсмотрѣнія представленной Государю Императору министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ записки объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи.

Сущность содержанія сей записки состоитъ въ слѣдующемъ.

Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія не только обращаетъ на себя вниманіе высшаго правительства, но сдѣлался даже предметомъ откровенной бесѣды образованныхъ сословій и проникъ, наконецъ, темными и превратными слухами, въ низшія состоянія.

Правительство не имѣетъ еще, повидимому, никакого положительнаго плана дѣйствій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что освобожденіе крестьянъ или уничтоженіе крѣпостнаго права крайне желательнo. Но прежде всего должно опредѣлить значеніе свободы нынѣшняго крѣпостнаго состоянія.

Свобода сія, конечно, должна состоять въ сравненіи правъ и обязанностей помѣщичьихъ крестьянъ съ правами и обязанностями крестьянъ государственныхъ.

Не такъ, однако же, смотритъ на это простой народъ, который казенныхъ крестьянъ не считаетъ свободными и видитъ свободу или вольность въ одномъ совершенномъ безначаліи и неповиновеніи: понятіе безмысленное и страшное. Одинъ почеркъ пера Государя Императора можетъ обратить крѣпостныхъ людей въ вольныхъ; но никакое предвидѣніе не въ состояніи предсказать послѣдствій такого внезапнаго переворота, и никакія силы не будутъ достаточны для водворенія порядка и безопасности среди всеобщаго безначалія.

Что касается до помѣщиковъ, то взглядъ образованныхъ изъ нихъ на крѣпостное право совершенно измѣнился. Они конечно опасаются послѣдствій свободы, зная необузданность народа, вышедшаго однажды изъ предѣловъ повиновенія, но вовсе уже не боятся утраты въ своемъ достоинствѣ. Къ сему привели, мало по малу, возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и тяжкая обязанность кормить крестьянъ на свой счетъ во время неурожаявъ.

Въ настоящемъ положеніи земля есть собственность помѣщика, но онъ есть и хозяинъ своего крестьянина, о коемъ онъ долженъ заботиться, какъ для собственной своей выгоды, такъ и по особымъ постановленіямъ правительства.

Изъ этого ясно слѣдуетъ, что ни безъ земли, ни даже съ землею крестьяне безусловно уволены быть не могутъ.

Предположивъ первое, спрашивается что стануть дѣлать 24 м. обоего пола душъ безземельныхъ хлѣбопашцевъ, и чѣмъ обезпечится судьба ихъ? Балтійскія губернія представляютъ современный примѣръ, какъ тягостна для крестьянъ личная свобода, если они ничѣмъ не ограждены отъ произвола помѣщиковъ.

Предположивъ второе, т. е. надѣленіе крестьянъ землею по числу душъ, слѣдовало бы продолжать надѣль, по мѣрѣ умноженія народонаселенія, до послѣдняго клочка помѣ-

щичьей земли. Но здѣсь нельзя не подумать о помѣщикахъ: оставшись безъ земли или съ небольшимъ количествомъ оной, среди крестьянъ, надѣленныхъ ихъ землею, они будутъ поставлены въ самое затруднительное положеніе и не найдутъ никакихъ способовъ пропитанія. Сословіе дворянъ вездѣ и всегда почиталось опору верховной власти; но лишенное вдругъ своего наслѣдія и достоинства, оно сдѣлается враждебною и опасною стихіею. Сверхъ того крестьянинъ, получивъ свой участокъ, удовольствовался бы имъ и не сталъ бы обрабатывать чужой земли, изъ опасенія снова подвергнуться зависимости отъ помѣщика; а слѣдствіемъ сего былъ бы многолѣтній голодъ и всѣ соединенныя съ нимъ бѣдствія.

И такъ, съ одной стороны, крестьянинъ долженъ быть, до извѣстной степени, привязанъ къ землѣ самыми узаконеніями; а съ другой, законъ долженъ предоставить помѣщику извѣстную степень полицейской власти; въ противномъ случаѣ нельзя было бы заставить крестьянина выполнять обязанности свои въ отношеніи даже къ правительству.

Если же необходимо уже ограничить значительно предполагаемую свободу крестьянъ, а дарованіе ограниченной свободы будетъ на дѣлѣ тоже самое, что ограниченіе крѣпостнаго права, то ясно, что симъ, такъ сказать, обратнымъ путемъ достигнется одна и та же цѣль, при томъ несравненно вѣрнѣе и безопаснѣе, незамѣтнымъ для крестьянъ образомъ.

Не говоря уже о томъ, что древняя, безусловная власть господина надъ рабомъ теперь давно не существуетъ, должно обратить вниманіе на тѣ постепенныя ограниченія крѣпостнаго права, которыя всѣ, въ совокупности, безспорно сдѣлали, что оно въ настоящее время не составляетъ и половины того, чѣмъ было лѣтъ за 50 предъ симъ.

Если продолжать дѣйствовать съ осмотрительностію на тѣхъ же основаніяхъ, то съ каждымъ благоразумнымъ распоряженіемъ можно подвигаться шагомъ впередъ и, наконецъ,

прийти незамѣтнымъ образомъ къ цѣли, не произнося опаснаго слова: вольность или свобода.

Но для сего, рядомъ съ такими мѣрами, должны идти необходимыя улучшенія мѣстныхъ управленій, дабы правительство имѣло въ рукахъ дѣйствительную исполнительную власть и нравственное вліяніе, которыхъ оно теперь лишено.

Первымъ, слѣдственно, шагомъ къ предположенной цѣли, должны быть: 1) Приведеніе въ возможное устройство мѣстныхъ управленій и полиціи, въ особенности земской. 2) Устройство и уравниеніе повинностей, денежныхъ и натуральныхъ. 3) Обеспеченіе народнаго продовольствія.

За тѣмъ слѣдуетъ обратиться къ главнѣйшему основанію всякаго свободнаго состоянія: къ опредѣленію правъ, обязанностей и повинностей. Достигнуть сего можно только посредствомъ инвентарей, или росписей работамъ и отношеніямъ.

Въ связи съ симъ ипотечныя книги, которыя въ настоящемъ дѣлѣ принесли бы косвенную пользу, утвердивъ кредитъ, теперь не существующій.

Когда же инвентари опредѣлятъ до нѣкоторой степени взаимныя отношенія крестьянина и владѣльца, тогда должно приступить (не въ видѣ новыхъ и важныхъ узаконеній, а въ видѣ добавочныхъ и объяснительныхъ правилъ) къ разнымъ ограниченіямъ произвола помѣщика и къ дарованію извѣстныхъ правъ крестьянину.

Сюда относятся: 1) Признаніе закономъ права крестьянъ владѣть движимою и недвижимою собственностію.

2) Приемъ въ залогъ однихъ земель и угодій, а не душъ и вообще запрещеніе писать въ актахъ души иначе, какъ въ смыслѣ поселенныхъ на такой-то землѣ.

3) Приписка въ извѣстный срокъ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, безъ изъятія, къ поселеннымъ землямъ.

4) Воспрещеніе отчуждать людей безъ земли и предоставленіе увольнять излишнихъ, для поселенія, по желанію, на земляхъ казенныхъ или владѣльческихъ.

5) Ограниченіе въ обращеніи людей съ пашни во дворъ и наконецъ совершенное запрещеніе такихъ переводовъ.

6) Подобное же, сначала ограниченіе, и потомъ запрещеніе взимать оброкъ съ людей, не пользующихся землями или угодьями отъ владѣльца.

7) Прекращеніе отдачи людей въ работу, въ услуженіе, на выучку и прочее, съ предоставленіемъ только увольнять ихъ для того по собственному желанію.

8) Разрѣшеніе приема крѣпостныхъ людей въ военную службу, если они добровольно предпочтутъ это своему состоянію.

Каждая изъ сихъ мѣръ, безусловно, требуетъ еще зрѣлаго обсужденія, точнаго опредѣленія и, можетъ быть, даже раздѣленія на нѣсколько послѣдовательныхъ распоряженій; все вышестъ должно быть соображено и постановлено, въ какомъ порядкѣ и при какихъ вспомогательныхъ мѣрахъ одно должно слѣдовать за другимъ; но за симъ, для довершенія, безгласно, дѣла остается только одно важное и существенное: разрѣшеніе свободнаго перехода крестьянъ къ другимъ помѣщикамъ и въ инныя сословія.

Впрочемъ безусловная свобода перехода никогда не можетъ быть допущена; отъ разрѣшенія же переходить крестьянамъ отъ одного господина къ другому, на извѣстныхъ условіяхъ и въ другія состоянія, когда найдется общество, которое бы ихъ приняло,—нельзя ожидать внезапности и многочисленности подобныхъ переходовъ.

Вотъ единственный путь, который, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, можно предложить съ благимъ и чистымъ намѣреніемъ.

Комитетъ, обсудивъ предположенія и объясненія министра внутреннихъ дѣлъ вполне одобрилъ основную его мысль: достигнуть освобожденія людей крѣпостнаго состоянія постепеннымъ ограниченіемъ крѣпостнаго права, незамѣтнымъ для нихъ образомъ, не возбуждая въ народѣ опасныхъ толковъ и не произнося даже слова: свобода или вольность. Комитетъ раздѣлялъ мысль сію тѣмъ болѣе, что учрежденные по

сему предмету въ разные времена комитеты, желая кроткими путями достигнуть совершеннаго освобожденія крестьянъ, вдавались въ подражаніе другимъ державамъ и всегда были останавливаемы затрудненіемъ въ пріисканіи достаточныхъ мѣръ къ обезпеченію вѣрнаго исполненія крестьянами возлагавшихся на нихъ обязанностей. Между тѣмъ слухи о намѣреніяхъ правительства распространялись въ публикѣ въ превратномъ видѣ и волновали умы, безъ всякой пользы. Такимъ образомъ правительство въ семъ важномъ дѣлѣ не приняло доселѣ никакого плана.

Обозрѣвая предлагаемыя министромъ внутреннихъ дѣлъ приготовительныя мѣры, какъ-то: устройство земской полиціи, уравниеніе денежныхъ и натуральныхъ повинностей, обезпеченіе народнаго продовольствія, Комитетъ находилъ, что улучшеніе сихъ частей государственнаго управленія необходимо, и что высшее правительство должно содѣйствовать въ томъ министру внутреннихъ дѣлъ, не жалѣя даже нѣкоторыхъ жертвованій; но трудное это дѣло потребуетъ, конечно, еще много времени, ибо въ семъ случаѣ недостаточно одного изданія полезныхъ учрежденій, но необходимо еще, чтобы они были приведены въ полное дѣйствіе и оказали достаточное вліяніе, прежде чѣмъ можно будетъ основать на нихъ какія либо другія мѣры. Посему Комитетъ считалъ, что не должно оставаться, въ ожиданіи означенныхъ учрежденій, въ совершенномъ бездѣйствіи, на неизвѣстное время.

Прежде однакоже опредѣленія средствъ, какія можетъ предпринять правительство для освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, естественно представляется вопросъ: какая степень свободы крѣпостныхъ людей отъ помѣщичьей власти возможна и полезна въ настоящемъ положеніи вещей?

Будущность Россіи въ рукахъ Всевышняго, и предвидѣніе человѣческое ограничено Его волею. Доколѣ Россія, по предвидимымъ судьбамъ, не утратитъ своего единства и могущества, доколѣ другія державы не могутъ служить ей примѣромъ. Колоссъ сей требуетъ инаго основанія и иныхъ понятій о свободѣ, не только крестьянъ, но и всѣхъ состоя-

ній. Основаніемъ Россіи было и должно быть самодержавіе; безъ него она не можетъ существовать въ настоящемъ своемъ величіи. Свобода въ ней должна состоять въ огражденіи каждаго и лично, и по имуществу, отъ притѣсненій другаго и въ повиновеніи всѣхъ законамъ, исходящимъ отъ одного высшаго источника. Всѣ дѣйствія правительства должны быть выраженіемъ этой мысли, и поволѣнія, населяющія Россію, должны возрастать въ сихъ понятіяхъ. При другихъ условіяхъ благосостояніе ея непрочно. Власть помѣщика, какъ поземельнаго владѣльца, есть орудіе и опора самодержавной власти. Онъ есть ближайшій блюститель надъ народонаселеніемъ въ 24 мил. душъ обоого пола, и на немъ лежитъ отвѣтственность предъ самодержавною властью за спокойствіе и довольствіе сей огромной части ея подданныхъ. Власть помѣщика не должна однакоже быть неограничена и крестьянинъ долженъ быть огражденъ законами отъ злоупотребленія оной. Многое уже въ сихъ видахъ сдѣлано со времени императрицы Екатерины II-ой; многое еще остается сдѣлать.

Правá личныя и по имуществу суть первыя условія гражданства. Съ опредѣленія главнѣйшихъ изъ сихъ правъ для крѣпостнаго у насъ состоянія надо начать дѣло введенія онаго въ составъ гражданскаго сословія въ государствѣ. Все прочее само собою, со временемъ и постепенно, истечетъ изъ сихъ основныхъ постановленій. Но всѣ права въ сущности бесполезны, если онѣ не охраняются возможностью жаловаться на нарушеніе, и если за симъ не слѣдуетъ непосредственно возстановленіе оныхъ.

И такъ, по мнѣнію Комитета, первыми дѣйствіями правительства въ семъ важномъ дѣлѣ должны быть.

Въ 1-хъ, точное опредѣленіе власти помѣщика надъ личною крестьянъ въ степени, необходимой для охраненія спокойствія и порядка въ предѣлахъ его владѣній.

Въ 2-хъ, огражденіе собственности крестьянина отъ произвольныхъ притязаній помѣщика.

Въ 3-хъ, дарованіе крестьянамъ права жалобы на злоупотребленіе помѣщичьей власти и установленіе порядка разсмотрѣнія дѣлъ сего рода.

Первой изъ означенныхъ выше мѣръ положено уже въ недавнемъ времени начало, при изданіи новаго уложенія о наказаніяхъ и соглашеніи съ онымъ порядка уголовного судопроизводства, при чемъ съ подробностію опредѣлены, какъ власть помѣщика въ наказаніи крѣпостныхъ своихъ людей за ихъ проступки, такъ и случаи, въ которыхъ они подлежатъ общему уголовному суду въ государствѣ. Остается еще изыскать и установить средства наблюденія за точнымъ исполненіемъ сего закона.

Вторая, т. е. законъ о собственности крестьянской, требуетъ большой осторожности и зрѣлаго обсужденія порядка обнародыванія и введенія въ дѣйствіе сего необходимаго, впрочемъ, закона.

Всѣ благомыслящіе помѣщики признають и соблюдаютъ правило, что крестьянинъ, исполнившій, какъ предъ владѣльцемъ земли, такъ и предъ казною всѣ положенныя оброки, работы, подати и вообще всѣ свои повинности, пользуется неприкосновенно пріобрѣтеннымъ имъ имуществомъ, денежнымъ и вещественнымъ, какъ собственностію, и помѣщикъ не можетъ и произвольно отнимать у него оную; но опредѣленіе сего гласно, закономъ, безъ надлежащихъ предосторожностей, можетъ породить ропотъ и прерѣканія тамъ, гдѣ ихъ теперь не существуетъ. Съ другой стороны, нельзя правительству равнодушно смотрѣть на злоупотребленія въ семъ отношеніи, хотя бы и немногихъ помѣщиковъ; ибо собственность есть главнѣйшее изъ благъ земныхъ, послѣ жизни.

Вотъ въ чемъ состоитъ затруднительность новаго закона о собственности крестьянской. Мысль объ инвентаряхъ, которые бы предварительно опредѣлили, въ чемъ должны состоять повинности крестьянъ, естественно здѣсь представляется; но инвентари во всей Россіи, при всѣхъ усиліяхъ правительства, конечно не скоро еще будутъ составлены;

въ Великороссійскихъ губерніяхъ едва ли сіе и удобоисполнимо, прежде многихъ другихъ, предварительныхъ мѣръ, по совершенной новости сего дѣла. Между тѣмъ, законъ о собственности крестьянской долженъ быть основаніемъ всѣмъ прочимъ постановленіямъ о постепенномъ ограниченіи власти помещика и даже самому инвентарному положенію; а потому Комитетъ и думалъ, что нынѣ же слѣдуетъ приступить къ распоряженіямъ о составленіи проекта означеннаго выше закона.

При недавнемъ ограниченіи власти помещиковъ въ наказаніи крестьянъ, Государственный Совѣтъ призналъ уже удобнѣйшимъ не издавать о томъ ни манифеста, ни указа, а ввести сіе постановление въ силу закона, такъ сказать, незамѣтнымъ образомъ, въ числѣ разныхъ распоряженій, относящихся къ новому уголовному уложенію, и при томъ не постановлять нынѣ никакихъ особенныхъ мѣръ наблюденія за исполненіемъ, предоставивъ это времени и обстоятельствамъ, дабы дать прежде укорениться понятію о правѣ, а потомъ усиливать постепенно способы охраненія онаго. Сему же порядку должно слѣдовать и въ изданіи закона объ ограниченіи власти помещика надъ крестьянами и ихъ собственностію. Посему Комитетъ полагалъ, при первомъ случаѣ доказаннаго посягательства помещика на крестьянскую собственность, опорочить такой поступокъ предъ цѣлымъ сословіемъ дворянства, а между тѣмъ нынѣ же предоставить II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, при составленіи гражданскаго уложенія, оградить движимое имущество крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помещиковъ.

Ко времени изданія сего уложенія, полюбовное специальное межеваніе, которое уже начато, будетъ подвигаться впередъ, сдѣлается обязательнымъ и приуготовить способы къ составленію инвентарей, долженствующихъ быть послѣднею ступенію въ сей лѣстницѣ; скрытнымъ для сего предложомъ можетъ послужить необходимость перемѣщенія податей съ душъ на землю.

Что касается до третьей мѣры, т. е. дарованія крестьянамъ права жалобы на помѣщиковъ и установленія порядка разсмотрѣнія сего рода дѣлъ, то въ настоящихъ законахъ хотя и вѣщено разнымъ лицамъ въ обязанность наблюдать за поступками помѣщиковъ съ крестьянами своими, но жалобы отъ сихъ послѣднихъ нигдѣ формально не принимаются, и имъ никакой расправы на помѣщиковъ не дается. Отсюда конечно явствуетъ необходимость дополненія въ семь отношеніи законовъ; но праву жалобы должно естественно предшествовать опредѣленіе правъ личныхъ и по имуществу, слѣдственно очередь сей мѣры еще не настала.

Далѣе сего, по убѣжденію Комитета, еще долго идти не возможно, не возбуждая опасныхъ толковъ безъ существенной пользы; ибо, прикасаясь къ мелочамъ и оставляя источникъ зла, правительство неизбѣжно будетъ раздражать обѣ стороны: одну стѣсненіемъ воли и привычекъ, а другую указаніемъ ей на то, чего она еще не имѣетъ.

Мысли сіи Комитетъ повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, и на журналѣ о семъ Комитета въ 21 день Марта 1846 года послѣдовала Собственноручная Государя Императора резолюція «исполнить». Воисполненіе чего, о разсужденіяхъ и предположеніяхъ Комитета предсѣдателемъ Государственного Совѣта сообщено министру внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющему II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для зависящаго съ ихъ стороны исполненія.

Комитетъ 1848 года.

Наконецъ *шестой* Секретный Комитетъ Высочайше учрежденъ былъ 5-го Іюня 1848 г. подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора *),

*) Членами Комитета были: гр. Орловъ, гр. Левашовъ, гр. Киселевъ, министръ финансовъ Вронченко, министръ внут. д. Перовскій, ст. секретарь Гофманъ, потомъ назначены: Его Императорское Высочество принцъ

для разсмотрѣнія разныхъ предположеній къ отвращенію послѣдствій указа 8 Ноября 1847 г. о дозволеніи помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться изъ крѣпостнаго состоянія при продажѣ ихъ съ публичныхъ торговъ, а равно и правилъ, Высочайше утвержденныхъ 14-го Августа 1847 г., которыми разрѣшено министру государственныхъ имуществъ покупать на счетъ правительства продающіяся съ публичныхъ торговъ частныя населенныя имѣнія.

Въ Комитетъ сей, по волю Его Императорскаго Величества, переданы были разныя записки частныхъ и должностныхъ лицъ, содержащія въ себѣ, кромѣ вышеозначеннаго предмета, предположенія о преобразованіи крѣпостнаго состоянія и совершенномъ уничтоженіи онаго.

Комитетъ, ограничась разсмотрѣніемъ собственно порученнаго обсужденію его предмета, единогласно положилъ отмѣнить право данное министру государственныхъ имуществъ покупать помѣщичьи имѣнія на публичныхъ торгахъ. Что же касается до указа 8 Ноября 1847 г., то отмѣна его также признана нужною; но члены не были согласны въ способъ, какимъ достигнуть сей цѣли: пять членовъ, въ томъ числѣ и Августѣйшій Предсѣдатель, находили нужнымъ отмѣну означеннаго указа произвести новымъ, яснымъ указомъ; а четыре члена предложили прекратить дѣйствіе того указа замѣною его вновь составленнымъ положеніемъ объ описи и продажѣ недвижимыхъ имѣній. Сіе послѣднее мѣніе было Высочайше утверждено 26 Апрѣля 1849 г. и исполнено.

За тѣмъ Комитетъ, окончивъ возложенное на него порученіе, испрашивалъ соизволенія Государя Императора на передачу всѣхъ вышеозначенныхъ, поступившихъ въ оный, предположеній, до цѣли учрежденія Комитета не относившихся, къ тѣмъ главнымъ управленіямъ, къ кругу дѣйствій коихъ относятся предполагаемыя преобразованія, на

Ольденбургскій, гр. Блудовъ, а вмѣсто умершаго гр. Левашова гр. Чернышевъ.

что 27-го Апрѣля 1850 г. и послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Вслѣдствіе чего препровождены къ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующія записки: 1) Сенатора генерала-адъютанта Шипова о приведеніи въ правильное положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи. 2) Неизвѣстнаго объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. 3) Смоленскаго предводителя дворянства Друцкаго-Соколинскаго о неудобствѣ настоящаго времени для принятія какихъ либо мѣръ къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. 4) Генералъ-маіора Баратынскаго о предоставленіи крѣпостнымъ людямъ права личнаго выкупа на волю за опредѣленную сумму.

Содержаніе сихъ записокъ слѣдующее.

1. Сенатора Шипова.

Для приведенія состоянія крѣпостныхъ людей въ правильное положеніе, по мнѣнію сенатора Шипова, слѣдовало бы совершить постепенно слѣдующія дѣйствія.

1) Опредѣлить недѣлимость тѣхъ дворянскихъ имѣній, которыя, безъ вреда для поселянъ, не могутъ быть раздѣляемы; въ тѣхъ же большихъ имѣніяхъ, кои безъ неудобства могутъ быть дѣлимы, опредѣлить нераздѣльные части.

2) Дать хорошее, во всемъ удовлетворительное, устройство властямъ мѣстнаго управленія.

3) Опредѣлить обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ и взаимныя ихъ отношенія.

4) Установить правила перехода поселянъ изъ имѣнія одного помѣщика къ другому и перечисленія ихъ въ другія состоянія.

Изъ составившихся въ разное время узаконеній, какъ-то: указа 1803 г. объ увольненіи крѣпостныхъ людей въ свободныя хлѣбопашцы, положенія 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, указа 1847 г. о предоставленіи крестьянамъ права, въ случаѣ продажи дворянскихъ имѣній съ публич-

наго торго, вносить за себя состоявшуюся на торгахъ сумму, и даннаго министерству государственныхъ имуществъ права покупать продающіяся съ аукціона дворянскія имѣнія, видно, что правительство предполагаетъ изъять крѣпостныхъ людей изъ всякой власти и даже вліянія помѣщиковъ. Напротивъ того, при всѣхъ измѣненіяхъ къ улучшенію быта крѣпостныхъ людей и къ приведенію ихъ въ правильное состояніе, надлежитъ, не уничтожая власти помѣщиковъ надъ крестьянами, только измѣнить сію власть такъ, чтобы, вмѣсто господъ и владѣтелей, сдѣлать ихъ попечителями крестьянъ и, сохранивъ благодѣтельное на сихъ послѣднихъ вліяніе хорошаго помѣщика, оградить ихъ отъ своевольтва и утѣсненія.

Присутствіе хорошихъ помѣщиковъ среди народа необходимо въ Россіи, для утвержденія спокойствія государства и для успѣховъ народнаго благосостоянія: ибо дворянское сословіе имѣетъ полезное дѣйствіе не только на крестьянъ помѣщичьихъ, но на поселянъ свободныхъ и даже на другія состоянія.

Посему не только слѣдуетъ, чтобы помѣщики оставались среди народа тамъ, гдѣ они уже находятся нынѣ, но желательно, чтобы хорошее дворянство было водворено, въ достаточномъ количествѣ, въ тѣхъ мѣстахъ государства, гдѣ онаго почти не существуетъ, какъ-то въ губерніяхъ: Вятской, Олонецкой, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вологодской, Казанской, Пермской и во всѣхъ Сибирскихъ. Съ сего цѣлію, полезно было бы въ сихъ мѣстахъ раздавать дворянамъ, заслуги Отечеству оказавшимъ, пустопорожнія казенныя земли, для заселенія ихъ крѣпостными людьми или обязанными крестьянами.

Вообще въ Великороссійскихъ губерніяхъ, для приведенія состоянія крѣпостныхъ людей въ правильное положеніе, слѣдовало бы принять слѣдующія мѣры.

1) Объ устройствѣ недѣлимыхъ вотчинъ.

Учрежденіе недѣлимыхъ вотчинъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій блага народнаго. Кромѣ того, оно весь-

ма важно и въ политическомъ отношеніи. Поелику помѣщики облечены значительною надъ своими поселянами полицейскою властію, то для правительства гораздо благонадежнѣе предоставить такую власть, въ каждомъ уѣздѣ, нѣсколькимъ достаточнымъ помѣщикамъ, нежели облечь оною множество мелкихъ владѣльцевъ.

Степени недѣлимости вотчинъ опредѣлить нельзя ни числомъ душъ, ни пространствомъ земли. Это зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Вникнувъ въ вышеозначенную пользу недѣлимости вотчинъ, правительство должно бы не только всемѣрно споспѣшествовать къ тому, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сами помѣщики сего пожелаютъ, хотя бы то было и въ родовыхъ имѣніяхъ, но и принять дѣятельныя средства къ исполненію сей важной государственной мѣры.

Всего удобнѣе было бы составить для сего, въ каждой губерніи, особую комиссію изъ членовъ отъ дворянства выбранныхъ, подъ руководствомъ губернскаго начальства и съ участіемъ довѣреннаго, лица отъ верховнаго правительства, указавъ такой комиссіи цѣль и направленіе ея дѣйствій и опредѣливъ на это непродолжительное время, въ которое сей трудъ долженъ быть оконченъ безъ затрудненія.

Съ сею же цѣлію, полезно было бы: помѣщикамъ, желающимъ купить сосѣднія имѣнія, для соединенія ихъ въ недѣлимые вотчины, предоставить право совершать купчія безъ взноса пошлинъ и получать увеличенныя ссуды изъ кредитныхъ установленій.

Производимую нынѣ покупку въ казну дворянскихъ имѣній, въ Великороссійскихъ губерніяхъ, надлежало бы прекратить и позднеѣе предоставить сосѣднимъ владѣльцамъ приобрѣтать оныя для приобщенія къ своимъ помѣстьямъ, съ обращеніемъ въ недѣлимые вотчины.

Приобрѣтеніе въ казну мелкихъ дворянскихъ имѣній можетъ быть полезно только въ такомъ случаѣ, когда они находятся посреди селеній казенныхъ.

II) Обь устройствѣ властей мѣстнаго управленія.

Съ измѣненіемъ взаимныхъ отношеній поселянъ съ помѣщиками, неминуемо будутъ возникать нарушенія установленныхъ правилъ и справедливыя или несправедливыя жалобы.

Посему, прежде изданія таковыхъ узаконеній, слѣдуетъ благовременно дать хорошее устройство тѣмъ правительственнымъ властямъ, на коихъ будетъ лежать обязанность наблюденія за исполненіемъ сихъ постановленій, разрѣшенія споровъ и преслѣдованія нарушителей закона. •

Для сего полезно было бы устроить организмъ мѣстнаго въ уѣздахъ нашихъ управленія на слѣдующемъ основаніи.

1) Изъ всѣхъ дворянскихъ имѣній, въ уѣздѣ находящихся, образовать волости. Одна большая вотчина, или нѣсколько вотчинъ, принадлежащихъ одному владѣльцу, должны составлять волость, головою коей долженъ быть самъ помѣщикъ или его повѣренный, съ утвержденія правительства. Всѣ прочія вотчины должны быть соединены въ волости по мѣстной удобности, съ предоставленіемъ помѣщикамъ права избранія головы въ каждой волости, съ утвержденія правительства.

2) На волостнаго голову могутъ быть возложены многія изъ тѣхъ полицейскихъ обязанностей, которыя лежатъ нынѣ на становомъ приставѣ.

3) Какъ начальнику волостной полиціи, головѣ должна быть предоставлена власть налагать исправительныя наказанія, подобно тому какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ опредѣленіе исправительныхъ наказаній предоставлено волостной полиціи, которая тамъ заключается также въ лицѣ помѣщика. Начальнику вотчины, т. е. помѣщику, хотя бы онъ и не былъ волостнымъ головою, должно быть также предоставлено, для соблюденія порядка, налагать легкія исправительныя высканія въ своей вотчинѣ.

4) Всѣ вообще волости и города, въ уѣздѣ находящіеся, должно подчинить уѣздному предводителю или начальнику непосредственно, и соединить въ его лицѣ всѣ отрасли упра-

вленія (кромя суда), которыми должно завѣдывать, подъ его предсѣдательствомъ, одно правительственное мѣсто—уѣздное правленіе. Для производства судебныхъ слѣдствій, должны состоять при уѣздномъ правленіи слѣдственные чиновники, юридически для того приготовленные.

5) Назначеніе уѣзднаго правителя и нѣкоторыхъ изъ его помощниковъ можно предоставить избранію дворянства, обще съ другими сословіями, изъ чиновниковъ получившихъ образованіе и преимущественно военныхъ.

Такое преобразование слѣдуетъ производить постепенно и сначала въ нѣкоторыхъ немногихъ только губерніяхъ, дабы на сей предметъ могло быть обращено все нужное, по важности етаго дѣла, вниманіе правительства.

III) Опредѣленіе обязанностей поселянъ къ помѣщикамъ и взаимныхъ ихъ отношеній.

Въ имѣніяхъ многихъ хорошихъ помѣщиковъ уже существуетъ и нынѣ правильное опредѣленіе обязанностей поселянъ къ землевладѣльцу, соразмѣрно количеству и качеству пахатной земли и другимъ угодьямъ и выгодамъ, имъ предоставленнымъ.

Но число хорошихъ помѣщиковъ у насъ постепенно уменьшается, и потому представляется необходимымъ опредѣлить постоянными правилами, чего отъ поселянъ помѣщикъ или управитель можетъ требовать и на какихъ основаніяхъ онъ долженъ употреблять власть, надъ ними ему предоставленную.

Въ мѣстахъ плодородныхъ можно, безъ большаго затрудненія, по цѣнности земли, справедливо опредѣлить повинности поселянъ къ землевладѣльцу; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ почва доставляетъ урожай умѣренный или скудный, должно принять въ соображеніе промыслы, тамъ находящіеся и степень выгоды, доставляемой оными поселянамъ.

Помѣщикъ обязанъ надѣлать поселянъ достаточнымъ количествомъ земли и оставить ону въ пользованіе вотчины постоянно.

По каждой недѣлимой вотчинѣ, должна быть составлена особая писцовая книга, въ которую слѣдуетъ вносить: 1) опись

пахатной землѣ, лугамъ, лѣсамъ и угодьямъ, поселянамъ въ пользованіе предоставленнымъ и 2) работы и денежная плата, коими поселяне облагаются.

Для составленія сихъ положеній должно быть учреждено, по каждой губерніи, нѣсколько частныхъ комиссій и одна ревизіонная изъ лицъ, по избранію дворянства и по довѣрію правительства назначенныхъ.

IV) Установленіе правилъ перехода поселянъ изъ имѣнія одного помѣщика къ другому и перечисленія ихъ въ другія состоянія.

Переходъ поселянъ, на землѣ помѣщиковъ живущихъ, долженъ быть дозволенъ, на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Необходимо, чтобы оставляющій какую либо вотчину крестьянинъ былъ немедленно принять въ другую вотчину или общество, и произвелъ бы сей переходъ подъ наблюденіемъ правительственной власти. Такой переходъ не долженъ быть дозволяемъ иначе, какъ по представленіи письменнаго согласія помѣщика, на принятіе переходящаго къ нему; если же онъ желаетъ вступить въ городское или сельское общество, то приговора того общества, которое согласнo принять его и за него отвѣтствовать.

2) Оставляющій вотчину поселянинъ обязанъ своему прежнему попечителю и помѣщику внести справедливое вознагражденіе. Количество такого вознагражденія должно быть опредѣлено закономъ.

3) Съ переходомъ поселянина изъ вотчины, лежавшія на немъ повинности и подати остаются на отвѣтственности общества, а потому онъ обязанъ обезпечить оныя до будущей ревизіи взносомъ подлежащей суммы. Количество такого обезпеченія должно быть также опредѣлено закономъ.

4) Независимо отъ сего, если оставляющій вотчину поселянинъ имѣетъ другія обязанности или долги помѣщику или частнымъ лицамъ, то они должны быть, предъ его переходомъ, выполнены и заплачены.

При враждебныхъ отношеніяхъ къ правительству большей части Вѣлорусскихъ дворянъ и при бѣдственномъ

тамъ состояніи народа, неблагоразумно было бы, въ приведеніи крѣпостныхъ людей въ правильное положеніе, идти тѣмъ же путемъ, какъ и въ Великороссіи, почему примѣненіе означенныхъ предположеній въ тѣхъ губерніяхъ должно быть различно.

Какъ въ Бѣлоруссіи дворянскія имѣнія еще болѣе раздроблены, нежели въ Россіи, то полезно было бы приступить тамъ немедленно не только къ устройству недѣлимыхъ вотчинъ, но и къ приобрѣтенію мелкихъ дворянскихъ имѣній. Когда же Бѣлорусскіе дворяне докажутъ свою преданность Государю усердною службою, тогда отдать составленныя изъ сихъ имѣній вотчины во владѣніе благонадежныхъ дворянъ, съ тѣмъ чтобы поселяне оставались вольными, а одна земля поступала въ собственность помѣщиковъ.

Устройство властей мѣстнаго управленія можетъ быть въ Бѣлоруссіи произведено на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ Россіи, но назначеніе волостнаго головы, уѣзднаго правителя и его помощниковъ не можетъ быть предоставлено выбору дворянъ, и они должны быть назначаемы правительствомъ изъ дворянъ, пользующихся довѣріемъ.

Вознагражденіе, полагаемое помѣщику за переходящихъ крестьянъ, должно быть ограничено, дабы доставить бѣднымъ Бѣлорусскимъ поселянамъ возможность употреблять свой трудъ тамъ, гдѣ оный можетъ привести имъ болѣе выгодъ.

Какъ въ западной Малороссіи поселилось не мало шляхетства, пришедшаго изъ Польши, и многіе Русскіе дворяне, измѣнивъ и вѣрѣ предковъ и Русскому имени, питаютъ также вредное чувство къ правительству, какъ и большая часть дворянъ Бѣлоруссіи, то въ сей части Малороссіи приведеніе въ правильное положеніе крѣпостныхъ людей должно произвестись съ тѣми же предосторожностями, какъ и въ Бѣлоруссіи.

2. Неизвѣстнаго.

Авторъ, описавъ то вредное вліяніе, которое имѣло на помѣщиковъ и крестьянъ положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ и указъ 1847 г., позволяющій крестьянамъ выкупаться при продажѣ съ публичныхъ торговъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній, и въ особенности данное Палатамъ Государственныхъ Имуществъ дозволеніе участвовать въ таковыхъ торгахъ, полагаетъ, что для предупрежденія всѣхъ пагубныхъ для безопасности государства послѣдствій отъ таковыхъ распоряженій, необходимо правительству или отмѣнить указъ 8-го Ноября со всѣми приложенными къ нему распоряженіями и тѣмъ успокоить умы или, если оно находитъ себя достаточно сильнымъ ко введенію преобразованій, даровать рѣшительно свободу крѣпостному состоянію людей, съ сохраненіемъ однакожъ неприкосновенности правъ собственности помѣщиковъ на землю.

Предлагаемая для достиженія сей цѣли авторомъ мѣры состоятъ въ слѣдующемъ.

1. Сдѣлать новую въ государствѣ ревизію съ тѣмъ, чтобы всѣ родившіеся послѣ ревизіи считались уже свободными.

2. По прошествіи 18-ти лѣтъ, сдѣлать вновь ревизію и повторять ее каждыя 7 лѣтъ.

3. По количеству душъ, которыя будутъ еще оставаться въ крѣпостномъ состояніи, исполнять помѣщику всѣ государственныя повинности, т.е. платить подушныя и ставить рекрутъ.

4. Обязать помѣщика не препятствовать всѣмъ вновь родившимся послѣ ревизіи проживать при своихъ семействахъ, исключая тѣхъ, которые, по достиженіи 18-ти лѣтняго возраста, будутъ изобличены обществомъ крестьянъ въ дурномъ поведеніи и не могутъ быть имъ терпимы.

5. Если же будутъ оставаться отъ семействъ сироты, то, до 18-ти лѣтъ, они должны быть содержимы обществомъ крестьянъ, которое также оплачиваетъ за нихъ государственныя подати и повинности.

6. Поставить въ обязанность приходскимъ священникамъ о всѣхъ вновь родившихся и умершихъ послѣ ревизіи представлять ежемѣсячные, третные или годовые списки, за скрѣпою Земскаго Суда, въ Палату Государственныхъ Имуществъ.

Представлявшій сіи предположенія находилъ, что послѣдствиемъ оныхъ будетъ то, что крѣпостное состояніе людей въ Россіи исчезнетъ само собою, безъ волненія умовъ, безъ возмущеній и безъ домогательства на чужую собственность. Правительство получить въ свое завѣдываніе людей уже взрослыхъ, по достиженіи ими 18-ти лѣтняго возраста, сильныхъ и годныхъ къ исполненію всѣхъ лежащихъ на крестьяннѣ обязанностей. Помѣщики останутся полными хозяевами своей крѣпостной собственности и будутъ всегда вѣрною опорой Престола и порядка. Быть крестьянъ улучшится. Землевладѣльцы, желая удержать крестьянъ у себя съ тѣмъ, чтобы, въ послѣдствіи, и дѣти ихъ, по заключеннымъ съ ними условіямъ, оставались при ихъ имѣніяхъ, для обработки земли, не откажутся сдѣлать всевозможныя съ своей стороны облегченія какъ для тѣхъ крестьянъ, которые будутъ еще оставаться крѣпостными, такъ и для дѣтей ихъ, уже пользующихся свободою. Цѣнность земель будетъ служить самымъ надежнымъ обезпеченіемъ для кредитныхъ установленій, гдѣ большая часть помѣщичьихъ имѣній находится въ залогѣ, и достоиніе образованнаго класса (дворянства) не перейдетъ въ руки торгашей.

3. Смоленскаго предводителя дворянства князя Друцкаго-Соколинскаго.

Князь Друцкой-Соколинскій, исчисляя причины, возбудившія современный вопросъ о преобразованіи крѣпостнаго права, объясняетъ.

1. Мысль, господствующая на Западѣ, будто крѣпостные люди въ Россіи составляютъ классъ рабовъ, не спра-

ведлива. Наше крѣпостное право основано на такихъ законоположеніяхъ, которыми крѣпостные люди ограждены и обеспечены прочно и существенно.

2. При свободномъ состояніи, умъ, сила и смѣтливость быстро проложатъ себѣ путь; но съ другой стороны лѣность и другіе пороки, освободясь отъ надзора помѣщиковъ, разовьются столь же быстро. Многие сдѣлаются богаче, но еще болѣе явится у насъ бѣдныхъ, и образуется невѣдомый доселѣ классъ пролетаріевъ, который нанесетъ гораздо болѣе вреда; нежели сколько можно ожидать пользы отъ свободнаго труда.

3. Предполагаемый переворотъ не прекратитъ злоупотребленія власти; измѣнятся только дѣйствующія лица: вѣсто дурнаго помѣщика будетъ дурной чиновникъ. Было время, когда большая часть помѣщиковъ понимали свое право по стариннымъ преданіямъ и обычаямъ, когда рабство имѣло еще значеніе въ законѣ; но развитіе и усовершенствованіе нашего законодательства и быстрое, въ то же время, распространеніе просвѣщенія, показали помѣщикамъ ихъ настоящія права, и они немедленно вступили въ опредѣленныя закономъ границы. Въ этихъ границахъ развиваются понятія вышшняго молодаго поколѣнія, и если въ настоящее время проявляются еще гдѣ противныя сему идеи, то тутъ же подавляются закономъ и караются общимъ презрѣніемъ.

4. Стремленіе къ свободѣ обнаруживается всегда и вездѣ, и нѣтъ границъ этому стремленію; напротивъ того чѣмъ права сословія отыскивающихъ свободы шире и кругъ дѣйствій просторнѣе, тѣмъ желанія неограниченнѣе и тѣмъ сильнѣшія потребуются мѣры къ удержанію этого стремленія. У насъ самодержавная власть можетъ подавить гибельную мысль всениспровергающей свободы, и дворянство, вѣрное своему долгу, будетъ, при теперешнемъ вліяніи своемъ на крестьянъ, служить надежнѣйшею опорой Престола; съ измѣненіемъ же нынѣшней системы управленія крѣ-

постными людьми, нельзя поручиться, чтобъ развитие новой системы не потребовало измѣненій и въ государственномъ управленіи.

Все, изложенное выше, по мнѣнію князя Друцкаго-Соколинскаго, свидѣтельствуетъ о преимуществѣ нынѣшней системы помѣщичьяго управленія, которое ничего не стоитъ ни правительству, ни народу, тогда какъ назначеніе, вмѣсто помѣщиковъ, чиновниковъ, кои также не безъ слабостей человѣческихъ, потребуетъ огромныхъ на содержаніе ихъ суммъ. При томъ помѣщики, понимая, что съ благосостояніемъ крестьянъ тѣсно связано ихъ собственное, стараются, чтобы крестьяне ихъ были сколь возможно въ лучшемъ положеніи, а этихъ важныхъ побудительныхъ причинъ къ попеченію о крестьянахъ не можетъ существовать ни при какомъ иномъ управленіи. Многіе крестьяне, понимая выгоды настоящаго своего положенія, добровольно отказывались отъ заключенія договоровъ съ помѣщиками, хотя сіи послѣдніе искренно желали бы воспользоваться произведеніями своей земли, безъ тяжкой обязанности пещись о своихъ крѣпостныхъ людяхъ. Но чтобы выйти изъ настоящаго положенія, необходимо устранить существующія препятствія къ обращенію крестьянъ въ обязанные, т. е. чтобы владѣльцы и крестьяне, не будучи связаны какъ теперь, нуждались бы однако другъ въ другѣ, каждый въ видахъ собственнаго интереса: помѣщики въ рабочихъ, а крестьяне въ землѣ и работѣ. Но этого результата можно достигнуть только тогда, когда крестьяне будутъ имѣть средство приобрѣсть недвижимую собственность, безъ чего, конечно, нельзя измѣнить крѣпостнаго состоянія.

Въ заключеніе авторъ объясняетъ, что, не находя въ настоящее время никакихъ способовъ къ переходу изъ теперешняго положенія въ лучшее, онъ полагалъ бы ограничиться тѣмъ, чтобы во 1-хъ измѣнить форму крѣпостныхъ актовъ, въ коихъ, вмѣсто принятыхъ нынѣ выраженій, писать, что продается, закладывается, такая-то вотчина, со-

стоящая тамъ - то, изъ такихъ - то селеній, съ такими - то угодьями, населенная крестьянами и приписаннымъ къ нимъ такимъ-то числомъ душъ мужскаго пола; во 2-хъ, дозволенную продажу людей по купчимъ на сводъ изъ одного имѣнія въ другое, замѣнить иною формою отчужденія, въ видѣ переселеній по взаимному соглашенію вотчинниковъ, особенными актами, которые должны быть учреждены на сей предметъ; и въ 3-хъ, для предупрежденія злоупотребленій помѣщичьей власти и наблюденія за добросовѣстнымъ управленіемъ вотчинами, учредить уѣздныя дворянскія управы, подъ предсѣдательствомъ предводителя и двухъ членовъ по выбору дворянства, опредѣливъ кругъ дѣйствій сихъ управъ и ихъ отвѣтственности кругомъ дѣйствій уѣзднаго предводителя дворянства, на основаніи существующихъ узаконеній.

4. Генералъ-маіора Баратынскаго.

Цѣль правительства уничтожить крѣпостное состояніе безъ нарушенія однакожъ правъ и благостоянія дворянства, по мнѣнію Баратынскаго, можетъ быть достигнута постепенно безъ всякаго потрясенія дарованіемъ крѣпостному сословію права личнаго, за опредѣленную сумму, откупа, на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Цѣна откупа должна быть установлена правительствомъ по разрядамъ губерній, и какъ въ началѣ даруемымъ правомъ воспользуются самые зажиточные крестьяне, болѣе прочихъ владѣльцамъ полезныя, то справедливо назначить сначала довольно высокую цѣну откупа, уменьшая оную постепенно до настоящей цѣны крестьянина безъ земли.

2) Тотчасъ по взносѣ опредѣленной суммы откупа, покупающійся получаетъ увольнительный видъ, какъ для себя, такъ и для членовъ своего семейства, за которыхъ внесены имъ будутъ деньги, сохраняя свое принадлежавшее ему имущество, и исключается изъ ревизскихъ сказокъ того имѣнія, въ коемъ былъ записанъ.

3) Уволенные на семь основаніи имѣютъ право поступать во всё свободныя состоянія. Впрочемъ, по мнѣнію автора, полезно было бы, въ видахъ поощренія хлѣбопашества, какъ вѣрнѣйшаго источника народнаго благосостоянія, составить изъ нихъ отдѣльное сословіе хлѣбопашцевъ, владѣющихъ землями или нанимающихъ оныя съ правомъ, впрочемъ, переходить и въ другія сословія.

4) Право откупа не должно однакоже распространяться на крестьянъ заводскихъ, ибо многіе изъ нихъ, обученные владѣльцами горному дѣлу, для заводовъ необходимы. Для сихъ крестьянъ можно назначить сроки служенія на заводахъ, дабы дать возможность владѣльцамъ готовить людей, для замѣщенія выбывающихъ.

За симъ, обращаясь къ имѣніямъ мелкопомѣстнымъ, въ которыхъ рѣдко найдутся крестьяне довольно зажиточные, чтобы воспользоваться правомъ выкупа, и имѣя въ виду, что помѣщикамъ такихъ имѣній, кои не несутъ рекрутской повинности натурою, предоставлено право отдавать крестьянъ въ рекруты, съ полученіемъ изъ казны за каждаго по 300 р. сер., генералъ-маіоръ Баратынскій, въ видахъ доставленія крестьянамъ такихъ имѣній способовъ къ выкупу, полагаетъ измѣнить означенное право, дозволивъ самимъ крестьянамъ наниматься въ рекруты, съ разрѣшенія впрочемъ своего помѣщика, и съ тѣмъ, чтобы изъ суммы найма было выкуплено напередъ и все семейство наемника.

Такимъ образомъ, не лишая помѣщиковъ ихъ выгоды, вѣрностное сословіе будетъ постепенно уничтожаться. Если же владѣльцы и потерпятъ частныя невыгоды при откупѣ людей имъ нужныхъ; то съ другой стороны они выигрываютъ тѣмъ, что, получа откупную сумму за крестьянъ, сохраняютъ въ своемъ владѣніи земли, цѣнность коихъ будетъ возрастать соразмѣрно съ числомъ откупающихся, по необходимости, которую будетъ имѣть въ нихъ новое сословіе.

(Сообщено Николаемъ Алексѣевичемъ Жилушинымъ).

ЗАПСКА О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ

Представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году.

Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія ¹⁾ и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій.

Дѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтскою образованностію ²⁾ или шалостями. Литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ наертаній; 10 лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политической, литературу (подавленную самую своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописныя пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавыя и безумныя.....

Ясно, что походамъ 13 и 14 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи, должно приписать сіе влія-

¹⁾ Было написано и зачеркнуто: истиннаго.

²⁾ Слово образованностію написано вмѣсто зачеркнутаго: любезностію: XIX вѣкъ, кн. 2-я.

ніе на духъ и нравы ³⁾ того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ. Должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ; съ другой—необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія ⁴⁾.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологізма пагубно для нашего Отечества; воспитаніе, или лучше сказать отсутствіе воспитанія, есть корень всякаго зла. «Не просвѣщенію (сказано въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 13 Іюля 1826 года) «но праздности ума, болѣе вредной чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полу-познаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а «конецъ погубель». Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстію Русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человекъ кончаетъ кругъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить, какъ можно ранѣе, въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ

³⁾ Было сначала написано: на нравы и мысли.

⁴⁾ После этого зачеркнуты слова: для сего необходимо совершенно преобразовать воспитаніе Русскаго юношества.

всякихъ положительныхъ ⁵⁾ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды, но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлю и достоинствомъ ⁶⁾ просвѣщенія. Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удерживать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ.

Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16ти-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника.

Нечего колебаться, во что бы то ни стало, подавить воспитаніе частное ⁷⁾. Надлежитъ всѣми средствами умножить не-выгоды сопряженныя съ онымъ (наприм. прибавить годы ун-

⁵⁾ Было написано: *основательными*.

⁶⁾ Было написано: *наградю*.

⁷⁾ Было прибавлено и зачеркнуто: *и потому уже закънаться преобразованіемъ общественнаго*.

терь-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ), уничтожить экзамены.

Покойный Императоръ, удостовѣрся въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ нибудь стариковъ закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ *указъ объ экзаменахъ*, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслію промышленности для профессоровъ. Онъ ⁵⁾ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною.

И такъ (съ такого-то году) молодой человекъ, *не воспитанный въ государственномъ училищѣ*, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и *не имѣетъ права требовать экзамена*. Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противудѣйствіемъ ропоту родителей, считающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ. Ибо 1) весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. «Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ Геттингенск. университетѣ, не смотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній ⁶⁾».

⁵⁾ Было зачеркнуто: *наше двойной экзаменъ*.

⁶⁾ Означенное здѣсь вносными знаками въ подлинникѣ обведено чертою съ знакомъ N. B.

Такимъ образомъ уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастрскія (sic) школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и слѣдовательно состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ Руской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, бѣльшаго присмотра за правами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Черезъ сію полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослого человѣка за вину отрока — есть дѣло ужасное, и къ несчастію слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Семинаріи, разсадникъ всего сельскаго духовенства, находятся въ совершенномъ упадкѣ; но ихъ преобразованіе, какъ дѣло высшей ¹⁰⁾ государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Въ гимназіяхъ, лицейхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить по крайней мѣрѣ 3-ми годами кругъ обыкновенный ученія, *по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.*

¹⁰⁾ Было написано: *самой высокой.*

Предметы ученія, въ первые года, не требуютъ значительной перемѣны; кажется однакоже, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему на примѣръ 6-ти лѣтнее изученіе Французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? Къ чему Латинскій или Греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою ¹¹⁾, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія ¹²⁾ въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, приучаетъ дѣтей къ мелочнымъ ¹³⁾ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Высшія политическія науки займутъ окончательные годы; преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ *Сей* и *Сисмонди*, Статистика, Исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ рассказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. — Къ чему давать младенствующимъ, умамъ направленіе одностороннее, всегда не прочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе Исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться ¹⁴⁾. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій ¹⁵⁾, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ ¹⁶⁾ постановленій Отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ. Вообще не долж-

¹¹⁾ Въмѣсто литературы было написано сочиненіями, и дагѣ къ слову общества было прибавлено литературныя.

¹²⁾ Было вмѣсто сочиненія написано: стихи.

¹³⁾ Было: суетныя.

¹⁴⁾ Было: должно стать прагматическимъ.

¹⁵⁾ Было прибавлено и зачеркнуто: *Тацитъ, великаго сатирическаго писателя, а прочее опаснаго декламатора, исполненнаго Латинскими предразсудковъ.*

¹⁶⁾ Было: древнихъ.

но, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

Исторію Рускую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія Государства Россійскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго чловѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна Рускимъ. Ея исторія, ея статистика, ея законодательство требуютъ ¹⁷⁾ особенныхъ каеедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять, въ окончателные годы, умы молодыхъ дворятъ, готовящихся служить Отечеству ¹⁸⁾ вѣрою и правдою, имѣя цѣлю искренно, усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Чувствуя недостаточность сихъ наскоро набросанныхъ замѣчаній о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе, я бы, самъ отъ себя, никогда не осмѣлился представить ¹⁹⁾ ихъ разсмотрѣнію правительства. Одно желаніе усердіемъ и искренностію оправдать Высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ Государя Императора, всеподданнѣйше прошу Его Величество дозволить мнѣ говорить предъ Нимъ мысли, касательно предметовъ болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

Михайловское
15 Ноября
1826 года.

* *

Записка эта печатается съ подлинной черновой рукописи, полученной нами отъ князя П. А. Вяземскаго, которому она была отдана самимъ авто-

¹⁷⁾ Было еще: *особеннаго курса.*

¹⁸⁾ Вмѣсто отечеству было: *государству.*

¹⁹⁾ Было: *поговорить.*

ромъ. Изложеніемъ своимъ, вѣдшими приѣмами и нѣкоторою неопредѣлительностью содержанія, напоминаетъ она разсужденія Пушкина о разныхъ другихъ предметахъ, писанныя имъ не для печати и уже по кончинѣ его появившіяся въ собраніяхъ его сочиненій. Но для вѣрной оцѣнки печатаемой нынѣ записки, необходимо перенестись въ то время, когда она писана. Комментаріемъ къ ней могутъ служить извѣстные стансы его къ императору Николаю, написанные вскорѣ послѣ этой записки, именно 22 Декабря 1826 года и самимъ Пушкинымъ напечатанные въ Январской книжкѣ Московскаго Вѣстника 1828 года (однако безъ означенія его имени).

Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но правъ укротилъ наукой и пр.

Читатели припомнятъ также стихотворный отвѣтъ Пушкина тѣмъ лицамъ, которые по этому поводу обвиняли его въ лести (отвѣтъ этотъ Пушкинымъ не былъ напечатанъ и появился только въ 1859 г. въ Геннадіевскомъ изданіи его сочиненій).

О вѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестоко въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ тайно милости творитъ.

Тогда въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милымъ разладу,
Но онъ мнѣ царственную ризу
Подаль—и съ вами снова я.

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленьи,
Его хвалою не воспую?

Впрочемъ Пушкинъ еще изъ ссылки своей, 24 Марта 1825 года, писалъ издателю *Полярной Звѣзды*, А. А. Бестужеву (утверждавшему, что одобреніе можетъ оперить только обыкновенныя даро-

ванія, что одобренія у нас нѣтъ, и слава Богу): «Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не ниже другаго. Карамзинъ, кажется, ободренъ. Жуковскій не можетъ жаловаться. Брыловъ также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго и не говорю: слава Богу!—Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды вняческаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои трагедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика. Безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженіе комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству Монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридриха. Державину покровительствовали три царя».

Какъ извѣстно, Пушкинъ по выходѣ изъ Лицея и живя въ южной Россіи, находился въ нѣкоторой связи съ Декабристами; но связь эта, въ послѣдніе два года Александровскаго царствованія, уже не имѣла въ себѣ ничего политическаго и ограничивалась литературною перепискою (см. XIX Вѣкъ кн. 1-я, въ письмахъ Рылѣва). На дѣлѣ онъ не имѣлъ никакихъ дружескихъ сочувствій ни къ Рылѣву, ни къ Бестужеву и не придавалъ особенной цѣны ихъ дарованіямъ. Какъ Вольтеръ изъ своего Фернейскаго уединенія, Пушкинъ изъ Псковской-сылки любезничалъ и заигрывалъ съ литераторами, бывшими на виду и въ чести у публики.

Безъ искательства съ своей стороны, можно сказать, безъ своего вѣдома, Пушкинъ, опасавшійся преслѣдованій за политическія свои связи (см. письма его о томъ къ Жуковскому и Плетневу въ Р. Архивѣ 1870 г., стр. 1176 и 1367) былъ необыкновенно милостиво принятъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ Москвѣ въ Кремлевскомъ дворцѣ, 8 Сентября 1826 года. Сколько извѣстно, Государь продолжительно бесѣдовалъ съ нимъ, между прочимъ о возмущеніи 14 Декабря и о намѣреніяхъ своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества и вообще народному образованію. Въ теченіи разговора приказалъ онъ Пушкину, чтобъ онъ письменно изложилъ свои мысли по этимъ предметамъ. Въ слѣдствіе этого приказанія и была составлена напечатанная выше записка. Мысли новаго Государя о коренныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ, о народномъ просвѣщеніи,

о самостоятельности въ дѣлахъ внѣшней политики, тогда же начали приводиться въ исполненіе (см. выше стр. 158), о чемъ конечно зналъ Пушкинъ.

Мы не знаемъ, подавалъ ли Пушкинъ соображенія свои «касательно предметовъ болѣе ему близкихъ и знакомыхъ» (о чемъ упоминаетъ онъ въ послѣднихъ строкахъ). Г. Анненковъ, въ Матеріалахъ для біографіи Пушкина (стр. 174), говоритъ, что въ бумагахъ поэта ему встрѣтилось нѣсколько черновыхъ безсвязныхъ отрывковъ трактата о воспитаніи, и что сохранился также отзывъ вышшаго начальства (графа Бенкендорфа), на поданную записку. «Изъявляя ему признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины, правительство постановило ему на видъ, что правило принятое имъ, будто просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное; ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества и наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному». Изъ этого надо бы заключать, что записка была подана не въ томъ видѣ, какъ здѣсь напечатана; но мы скорѣе думаемъ, что собиратель Матеріаловъ для біографіи Пушкина смѣшалъ обстоятельства и что приведенныя выраженія служили отвѣтомъ на что либо другое. Бумаги Пушкина требуютъ точнѣшаго разсмотрѣнія. П. Б.

СТАРАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

*Напечатана въ 1813 году, въ Москвѣ *)*

Англійскій министръ при Дворѣ Екатерины сказалъ на ея похоронахъ: *On enterre la Russie.*

Недвижима лежитъ, къмъ двигалась вселенна, сказалъ о ней же Петровъ въ одной своей одѣ. Въ царствованіи Екатерины такъ много было обаятельнаго, изумляющаго и величественнаго, что восторженныя выраженія о ней натурально и какъ-то сами собою приходили на умъ. Но за то эта восторженность наводила иногда поѣтовъ и на смѣшныя картины. Кажется, Шатровъ сказалъ въ своемъ стихотвореніи на смерть Екатерины:

О ты, которую никто не могъ измѣрить
Теперь измѣрена саменно рукъ монхъ.

Написать-бы картину: Шатровъ, на колѣнахъ предъ гробницею императрицы, растягиваетъ руки какъ землемеръ или сидѣлецъ въ лавкѣ бумажныхъ и шерстяныхъ товаровъ.

Главный порокъ въ «*Душенькѣ*» есть однообразіе. Нужно было оживить разсказъ игривыми намѣками и вставить два-три эпизода. Остроумные, т. е. сатирическіе или философическіе вымыслы дали бы цѣлому содержанію болѣе замысловатости и заманчивости. А теперь все наведено

*) Мы получили эту книжку изъ Саратовской губерніи, въ снискѣ съ подлинника. Она нашлась въ бумагахъ одного любителя нашей старины, который однако не былъ авторомъ. Содержаніе записной книжки показалось намъ такъ занимательно, что мы спѣшимъ подѣлиться ею съ читателями XIX Вѣка, предоставляя себѣ впоследствии доискиваться, чьему именно перу принадлежитъ она. П. Б.

одной и тойже краской. Строгая критика осудить также встрѣчающееся иногда смѣшеніе Греческой мнѳологіи съ Русскимъ народнымъ баснословіемъ, или сказкословіемъ. Особенное достоинство поэмы заключается въ легкости стихосложенія, разумѣется относительно времени, въ которое она была написана. Нигдѣ нѣтъ изящности искусства; но за то часто встрѣчается красивость и прелесть небрежности. Въ этомъ онъ нѣсколько сходится съ Хемницеромъ. Жаль также, что съ шутокъ Богдановичъ падаетъ иногда въ шутовство. Говоря безпристрастно, «Душенька» цвѣтокъ свѣжій и красивый, но безъ запаха. Впрочемъ и то сказать, что обоняніе наше стало взыскательнѣе и причудливѣе, нежели было оно у нашихъ отцовъ. Нелединскій справедливо замѣчаетъ, что извѣстный стихъ Душеньки: «И только ты одна прекраснѣе портрета», не совсѣмъ удовлетворителенъ: для полноты смысла нужно было сказать, что только она прекраснѣе *своего* портрета, а не вообще портрета.

Успѣхъ комедіи «Мизантропъ» — торжество малодушнаго и развратнаго вѣка. Мольеръ хотѣлъ угодить современникамъ и одурачилъ честнаго человѣка; но за то съ какимъ мастерствомъ, искусствомъ и живостью. Краски его не полиняли до нашего времени. Вообще ъ комедіяхъ его можно сказать, что онъ былъ въ высшей степени портретный живописецъ. Лица его вѣрны и живы, какъ въ главныхъ чертахъ, такъ и въ малѣйшихъ. О цѣлыхъ картинахъ его не всегда тоже скажешь.

Шишковъ, въ своемъ предувѣдомленіи къ Тассовымъ «Бдніямъ», говоритъ: «Впрочемъ сохранилъ ли я достоинство оныхъ и умѣлъ ли погрузить въ нихъ ту высокоумную горячку, тотъ великолѣпный бредъ, какими преисполненъ подлинникъ, о томъ не мнѣ судить, но просвѣщенному читателю». Униженіе паче гордости, господинъ переводчикъ! Будьте покойны: и горячки и бреда найдется у васъ въ

достаточномъ количествѣ. Впрочемъ извѣстно, что эти «Вдѣнія» подложны и только приписываются Тассу.

Державинъ, кажется, былъ чутокъ въ одномъ современномъ и наличномъ вдохновеніи. Поэтическая натура его не была воспримчива въ отношеніи къ минувшему. Въ стихахъ его Петру Великому нѣтъ ни одного стиха, ни одного выраженія, достойнаго героя и поэта. Нѣкоторые изъ воспѣтыхъ имъ современниковъ были счастливы; но за то Державинъ былъ несчастливъ. Похвала недостойному лицу не возвышаетъ хваленаго, а унижаетъ хвалителя. Впрочемъ не слѣдуетъ заключить изъ этого, что Державинъ только льстецомъ и былъ, хотя и сказалъ, что *рабъ лишь только можетъ льстить*. Онъ забылъ или не чувствовалъ, что рабъ можетъ молчать. «Если бы вы знали, какъ трудно написать хорошую трагедію», говорилъ трагикъ, котораго творенія не имѣли успѣха на сценѣ.—«Вѣрю», отвѣчалъ ему собесѣдникъ его; «но знаю, что очень легко не писать трагедій». Также легко не писать и похвальныхъ одъ.

Многія изъ второстепенныхъ произведеній Державина, если не по лирическому движенію, живописи и яркости выраженія, то по крайней мѣрѣ по мыслямъ и чувствамъ въ нихъ выраженнымъ, должны оставаться въ памяти читателей. Таковы, на примѣръ стихи: «Къ Храповицкому», «Къ графу Валерьяну Зубову», «Къ Скопихину», «Ко второму сосѣду», «Мужество» и нѣкоторыя другія стихотворенія. Читая ихъ, не скажешь, что Державинъ первый нашъ лирикъ, но признаешь въ немъ мыслящаго поэта и поэта-философа.

Знавшимъ лично Оленина, который былъ необыкновенно малаго роста и сухощавъ, нельзя безъ смѣха прочесть стихъ Державина къ нему:

Намъ тѣсень всѣхъ другихъ построй.

Иногда стихи его могутъ соперничествовать съ стихами Хвостова. На примѣръ изъ стихотворенія Званга:

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшь, верхомъ,
Качусь на дрожжахъ я, сосѣдей съ вереницей.

По смыслу и теченію словъ выходить, что онъ на дрожжахъ сосѣдей катался въ лодкѣ по берегу пѣшь верхомъ.

Васнописецъ Измаиловъ—подгулявшій Крыловъ.

Критикъ Болтинъ былъ пасынокъ Кроткова, который изъ шалости и отъ долговъ распустилъ слухъ о своей смерти и выѣхалъ изъ Петербурга въ гробъ, въ свою Сибирскую деревню. Молодой Болтинъ послѣдовалъ за нимъ. Попечительный о воспитаніи его, вотчимъ заставлялъ его пѣть въ хорахъ, составленныхъ изъ дворовыхъ людей и этимъ утѣшалъ себя на веселыхъ и пріятельскихъ попойкахъ. Природныя склонности боролись въ юношѣ съ силою развратнаго примѣра и побѣдили ее. Урывками отъ пьяныхъ бесѣдъ предавался онъ, наединѣ и въ тихомолку, *трезвому пьянству Музз*. Онъ перевелъ два тома Французской Энциклопедіи, которая была тогда въ большой славъ. Наконецъ обстоятельства его приняли счастливый оборотъ. Онъ возвратился въ Петербургъ и посвятилъ себя любимой своей наукѣ—Исторіи. Любопытно было бы имѣть болѣе біографическихъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

О нашемъ языкѣ можно сказать, что онъ очень богатъ и очень бѣденъ. Многихъ необходимыхъ словъ для изображенія мелкихъ оттѣнковъ мысли и чувства недостаетъ. Наши слова выходятъ сплошь, цѣликомъ и сырьемъ. Обѣдности нашихъ приемъ и говорить нечего. Сколько словъ, имѣющихъ важное и нравственное значеніе, никакъ приема себѣ не приищутъ. Напримѣръ: *жизнь, мужество, храбрость, Ангелъ, мысль, мудрость, сердце* и т. д. За словомъ *добродѣтель* тянется непременно *свидѣтель*; за словомъ *блаженство* тянется *совершенство*. За словомъ *умъ* уже непременно вѣтся рой *думъ* или несется *шумъ*. Даже и

бѣдная *любовь*, которая такъ часто ложится подъ перо поэта, съ трудомъ находить двойчатку, которая была бы ей подъ пару. Все это должно невольно вносить нѣкоторое однообразіе въ наше риемованное стихосложеніе. Да и слово *добродѣтель* сложилось неправильно; оно по настоящему ничто иное какъ слово *благодѣтель*. А слово *доблесть* у насъ какъ-то мало употребляется въ обыкновенномъ слогѣ, да и оно риемы не имѣетъ. Иностранныя слова брать замобразно у сосѣдей нехорошо; а впрочемъ Голандскіе червонцы у насъ въ ходу, и никто ими не брезгаетъ. Въ томъ-то и дѣло, что искусному писателю дозволяется, за немѣніемъ своихъ, пускать въ ходъ Голандскіе червонцы. Карамзинъ такъ и дѣлалъ. Дѣлаютъ это и Англичане.

Вольтеръ говорилъ и о Французскомъ языкѣ, что онъ тщеславный нищій, которому нужно подавать милостыню противъ воли его. А мы вздумали, что нашъ языкъ такой богачъ, что всего у него много, и что новыми пособіями только обидишь его.

Прочтите въ Россійскомъ Театрѣ комедію Крылова «Проказники», а послѣ нѣкоторыя изъ басней его. Можно ли было угадать въ первыхъ опытахъ писателя что изъ него выдетъ въ послѣдствіи времени? Это не развитіе, а совершенное перерожденіе. Въ «Проказникахъ» полное отсутствіе таланта, шутки плоскія и, съ позволенія сазать, прямо холопскія. Впрочемъ какъ комедіи Крылова ни далеки отъ совершенства, но въ Россійскомъ Театрѣ глядитъ онъ исполномъ. Комедій Фонъ-Визина нѣтъ въ этомъ старомъ собраніи нашихъ драматическихъ твореній. Вообще комедіи наши ошибочно дѣлятся на дѣйствія. Можно дѣлить ихъ на главы, потому что дѣйствія въ нихъ никакого нѣтъ. И лица въ нихъ участвующія ошибочно называются дѣйствующими лицами, когда они вовсе не дѣйствуютъ; а называть бы ихъ разговаривающими лицами, а еще ближе къ дѣлу: просто говорящими, потому что и разговора мало. Въ нашихъ комедіяхъ нѣтъ и въ поминѣ той живой огне-

стрѣльной перепалки рѣчей, которою отличаются даже второстепенныя и третьестепенныя Французскія комедіи. Правда и то, что Французскій языкъ такъ обработанъ, что много тому содѣйствуетъ. Французскія слова заряжены мыслию, или, по крайней мѣрѣ, блескомъ похожимъ на мысль. Тутъ или настоящая перепалка, или фейерверочный огонь.

Люблю ловить въ Херасковѣ хорошіе или, по крайней мѣрѣ, дѣльные стихи. Напримѣръ:

„Ты властенъ все творить,“ тебѣ вѣщаетъ лесть;
„Ты рабъ Отечества“, вѣщаютъ долгъ и честь.

Жаль только, что они сказаны спящему Іоанну, который, проснувшись, едва-ли помнилъ ихъ. Входило ли въ голову Греческимъ граціямъ, Венерѣ, Амуру, что Херасковъ переселить ихъ въ Казанскіе лѣса, чтобы играть сердцами смуглыхъ Татаръ и Татарокъ? Нашъ поэтъ не заботится въ картинахъ своихъ о мѣстныхъ краскахъ. Но не будемъ упрекать его въ этомъ слишкомъ строго, вспомни, что и Мильтона и Тасса укоряли въ подобныхъ недоразумѣніяхъ и опечаткахъ. Поэтамъ (но замѣтимъ, однимъ великимъ поэтамъ) дозволяется иногда самовосхваленіе; но надобно, чтобы благородство языка выкупало передъ судьями то, что можетъ быть смѣшнымъ въ самохвальствѣ. Гораций и Державинъ имѣли полное право воспѣть въ прекрасныхъ стихахъ свою апотеозу. Восторгъ—открытый листъ поэта; но нужно, чтобы этотъ восторгъ былъ бы звучною волною, прямо изъ свѣжаго и полноводнаго родника. Но гдѣ восторгъ у Хераскова, когда онъ въ Россіядѣ заставляетъ пустытника Вассіана, упоминая о Трубецкомъ, говорить Іоанну:

Сей родъ со временемъ съ тѣмъ родомъ соединится,
Отъ коего пѣвецъ Базанскихъ дѣлъ родится *);
Увидать свѣтъ ему судьбина повелитъ,
Гдѣ Польшу бурный Дняпръ съ Россією дѣлитъ.
Прости, коль онъ тебя достойно не прославитъ;
Любовь въ Отечеству писать его вставитъ.

*) Херасковъ былъ пасынкомъ генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. П. Б.

Съ какой стати Вассіану ходатайствовать передъ Іоанномъ за *пѣсню Казанскихъ дѣлъ*, словно рѣчь идетъ о Казанскихъ дѣлахъ Гражданской или Уголовной Палаты! Въ другомъ мѣстѣ тойже повмы не менѣе прозаически говорить онъ о себѣ:

Вложите плачь и стонъ въ сказаніе мое,
Дабы Царидѣ сей вѣщалъ я о судьбинѣ,
Какъ бѣдства, страхи, брань умѣлъ вѣщать донинѣ.

Отъ браней, хо любви я съ днрой прелетаѣ,
Недовершенный трудъ кониѣ друзьяиъ читалъ.
О, если истину друзья мои вѣщали,
Мои составлены ихъ пѣсни восхищали! и пр.

Мои составленные пѣсни! То - то и бѣда, что пѣсни въ самомъ дѣлѣ составлены, а вдохновеніе не входило въ ихъ составъ.

Едва ли не главное дѣйствіе Іоанна въ Россіадѣ заключается въ томъ, что онъ *взглянулъ на щитъ*, данный ему нѣкіимъ старцемъ, котораго онъ, впрочемъ, довольно неучтиво и вольнодумно отъ себя отправилъ, сказавъ ему:

Или быть царемъ, иное жить въ пустынѣ:
Не дѣлай намъ пріятствъ и не кажись отиинѣ.

хотя и признавалъ въ немъ мудрость свыше дарованную и говорилъ ему:

Но ты, премудростью исполненный небесной,
О старче, о дѣлахъ предбудущихъ извѣстный.

Безбожіе—серпомъ луна видна среди чела его
— общаетъ Іоанну державы на Востокѣ съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ Россіи и отъ Христіанства. Магометанская вѣра не есть безбожіе.

Не смотря на нелѣпное предложеніе, Іоаннъ начинаетъ колебаться и уже

Хотѣлъ главу склонить, но вдругъ на щитъ взглянулъ:
Померкнулъ щитъ, и царь о старцѣ вспоминнулъ.

Н Н говоритъ, что главная бѣда литературы нашей заключается въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, грамотные люди наши мало умны, а умные люди мало грамотны. У однихъ недостатокъ въ мысляхъ, у другихъ недостатокъ въ грамматикѣ. У однихъ нѣтъ огнестрѣльныхъ снарядовъ,

чтобы сильно и въ попадѣ дѣйствовать своимъ орудіемъ; у другихъ и есть снаряды, но за то у нихъ нѣтъ орудія. Литература есть выраженіе современнаго общества. Какое же тутъ выраженіе, когда многіе и многіе изъ этого общества чуждаются пера и не умѣютъ имъ владѣть? У насъ была и есть устная литература. Жаль, что ея не записывали. Часто встрѣчаешь людей, которые говорятъ очень живо и увлекательно, хотя и не совсѣмъ правильно. Нерѣдко встрѣчаешь удачныхъ раскащиковъ, бойкихъ краснобаевъ, замѣчательныхъ и меткихъ остряковъ. Но все это выдыхается и забывается, а написанныя пошлости на вѣки вѣковъ прикрѣпляются къ бумагѣ.

Исторія о князь Яковъ Теодоровичъ Долгоруковъ. 2 части. Москва. 1807—1808 и. Сочиненіе Евдокима Тыртова. Безпорядочная компиляція, начиненная натянутыми сравненіями и формулярнымъ спискомъ всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ великихъ мужей. Все историческое почти цѣликомъ извлечено изъ Голикова. Напримѣръ: тутъ напечатаны письма Петра къ Долгорукову, *полученныя* (какъ говоритъ Тыртовъ) *отъ неизвѣстной особы*. Ждешь новаго и только заранѣе сѣтуешь, что историческая достовѣрность этихъ документовъ можетъ быть поколеблена признаніемъ, что они доставлены *отъ неизвѣстной особы*. Но успокойтесь. Далѣе издатель объявляетъ, что большая часть изъ оныхъ уже издана Голиковымъ; слѣдовательно можно было бы только сослаться на книгу его; но, *зная обязанность за доставленіе, отъ* (т. е. Тыртовъ) *съ чувствительною и покорнѣйшею благодарностію исполняетъ желаніе почтенной особы*. Невольно спросишь: какъ знаетъ онъ, что ему неизвѣстная особа есть почтенная особа? Разговоръ Людовика XIV есть родъ экзамена, которому профессоръ правъ подчиняетъ студента. Говоря объ путешествіяхъ Петра, сочинитель, въ порывѣ краснорѣчія, восклицаетъ: «Какая прекрасная, патриотическая мысль готова прославить кисть нашихъ *„Рубensoвъ!“* О комъ идетъ здѣсь рѣчь? О живопис-

цѣ Рубенсъ, или о Робинсонѣ на необитаемомъ островѣ? Далѣе, изобразивъ Петра въ Сардамѣ, авторъ продолжаетъ: «Я воображаю себѣ цѣлую коллекцію такихъ картинъ и представляю при нихъ того изъ Китайцевъ».... и пр. (въ выноскѣ Конфуція). Тутъ авторъ влагаетъ въ Китайскія уста Русскую рѣчь собственноушнаго издѣлія и заключаетъ: «Такъ бы говорилъ безпристрастный Китайскій философъ, и кто бы этого не сказалъ?» Стоило-ли родиться и прослыть въ далекомъ потомствѣ философомъ, чтобы говорить то, что и каждый сказалъ бы на его мѣстѣ? У нашего автора своя риторика и своя логика. Вотъ еще выписка: «Ревностная признательность наша къ герою князю Я. Ѳ. Долгорукову не должна казаться неблагодарностью въ разсужденіи его славныхъ дѣлъ». Охотникамъ до мудреныхъ загадокъ здѣсь есть надъ чѣмъ поломать себѣ голову. Извѣстный анекдотъ о разодранномъ указѣ разсказывается здѣсь въ нѣсколькихъ вариантахъ. Сочинитель видѣлъ тетрадку, исписанную собственною рукою Долгорукова и началъ ее съ его собственноручными письмами къ роднымъ. Какъ же не печаталъ онъ этой рукописи? И гдѣ она теперь находится? Въ концѣ второй части помѣщено нѣсколько писемъ Еватеріины П къ Долгорукову-Крымскому. Въ одномъ изъ нихъ сказано о курьерѣ, присланномъ изъ арміи княземъ: «И какъ его неприятельская батарея привела въ конфузію по вашей реляціи, то ему данъ крестъ». Но это можетъ быть и опечатка вмѣсто контузій. Евдонимъ Тыртовъ еще извѣстенъ въ книжномъ мірѣ анекдотами Павла I и похвальнымъ словомъ Шереметеву. Его Исторія Долгорукаго перепечатана была вторымъ изданіемъ. Есть еще начертаніе жизни Долгорукаго, написанное Бороздинымъ.

Картина жизни и военныхъ дѣланій Россійско-императорскаго генералиссимуса князя Александра Даниловича Меншикова, фаворита Петра Великаго. 3 части. 1803 г. Есть и другое изданіе въ IV частяхъ, 1809 г. Также какъ и предъидущая книга, историческая всякая всячина, исто-

рическая описка. Нѣтъ критическаго взгляда, нѣтъ разумной и нравственной оцѣнки личности и событій. Но книга, въ отличіе отъ первой, составлена съ нѣкоторымъ порядкомъ и писана слогомъ болѣе сноснымъ. Меншиковъ — Русскій Мазаринъ: голова государственная, а духъ корыстолюбивый и жадный власти до безграничности. Какъ королева Анна Австрійская благоволила къ одному, такъ Екатерина I-я къ другому. Въ обоихъ замашка сочетать свою кровь съ царскою кровью. Петра нельзя слишкомъ укорять въ слабости къ любимцу своему, хотя онъ часто употреблялъ во зло царское довѣріе и запятналъ себя многими чертами личной корысти и незаконными поступками. Петръ не утаивалъ отъ суда преступленій любимца своего, что могъ бы онъ, при самодержавіи своемъ, легко исполнить; но послѣ онъ миловалъ его, а впрочемъ и заставлялъ часто расплачиваться и вознаграждать ущербы, отъ него понесенные казною или частными лицами. Петру I-му для его Геркулесовскихъ подвиговъ нужны были богатые подмастерья, государственные подгеркулесы. Въ этомъ отношеніи онъ дорожилъ Меншиковымъ и жертвовалъ иногда государственною нравственностью въ пользу того же государства. Къ тому же онъ зналъ, что, гдѣ нужно, дубинка его распрямить въ свое время кривизны и безнравственности предосудительныхъ дѣйствій. Меншиковъ не былъ при Петрѣ, какъ было, при другихъ Дворахъ и въ другія царствованія, любимцемъ по личной державной прихоти. Нѣтъ, Меншиковъ былъ въ полномъ смыслѣ сподвижникомъ Петра во всѣхъ его предпріятіяхъ, и держалъ онъ его въ виду предпріятій будущихъ. Законъ, осуждая Меншикова, дѣлалъ свое дѣло: Петръ, прощая его, пользовался своимъ правомъ помилованія.

Обрученныя, романъ Александра Манзони, 5 томовъ. Трудно найти романъ полнѣе этого по твердости созданія и по богатству содержанія. Основаніе романа самое простое, а именно свадьба въ XVII вѣкѣ двухъ обрученныхъ жителей

бѣдной Итальянской деревни, а свадьба все далѣе и далѣе отсрочивается силою разныхъ препятствій. И какія же это препятствія? Замѣчательнѣйшія историческія событія, которыя сталкиваются съ этою свадьбою или къ которымъ, господствующею силою обстоятельствъ, прибавляется непрерывно эта свадьба. И все это безъ всякаго насильственнаго напряженія со стороны романиста. Автора, выдумщика нигдѣ не видно: все дѣлается какъ будто само собою; такъ и кажется, что оно иначе совершаться не могло. Тутъ развивается со всѣми послѣдствіями своими живая картина безначальства, господствовавшего въ Италіи во времена самаго деспотическаго, чуждаго владычества Испанцевъ: картина утѣсеній, чинимыхъ помѣщиками, изъ коихъ многіе безнаказанно и гласно предводительствовали шайками разбойниковъ, такъ называемыхъ *брави*, всегда готовыхъ, по движенію руки, по слову патрона своего, на всякое злодѣйство; картина голода, постигнаго Миланскую область и чумы, которая вскорѣ за нимъ послѣдовала. Приключенія крестьянки Лучіи и крестьянина Лоренціо протекаютъ среди сихъ величественныхъ и ужасныхъ явленій, но вовсе не поглощаются ими. Вниманіе читателя, сильно и тревожно возбужденное глубокими впечатлѣніями отъ историческихъ событій предъ нимъ совершающихся, ни на минуту не теряетъ изъ вида обрученниковъ и не остываетъ въ участіи, которое принимаетъ въ судьбѣ этихъ двухъ смиренныхъ личностей. Казалось бы какъ не затеряться имъ въ этомъ бурномъ потокѣ? Нѣтъ, они вездѣ выплываютъ и сохраняютъ подобающее имъ мѣсто въ этомъ обширномъ повѣствованіи. Искусство автора въ согласеніи этихъ трудностей превосходно. По справедливому замѣчанію Французскаго критика, «В. Скоттъ сквозъ исторію пробивается къ роману: Манзони сквозъ романъ пробивается къ исторіи». Итальянскій романистъ не имѣетъ порыва, драматическихъ движеній Шотландскаго. Для Итальянца онъ, такъ сказать, мало имѣетъ мимики, мало игры движеній. Въ немъ ничего нѣтъ авторскаго. Онъ болѣе хладнокровный повѣствователь, но

за то повѣствованіе его плавно, свѣтло и живо. Вездѣ чувствуешь какую-то глубину и непобѣдимую силу. Драматическихъ выходовъ, которыя одною чертою изображаютъ вамъ дѣйствующее лицо, отъ него не ждите; но за то каждая черта, каждая строка дополняетъ изображеніе. Какъ коротко, какъ близко, хотя и не скоро, знакомишься съ Лучією, съ Лоренціо, съ монахомъ Христофоромъ, съ пасторомъ Аббондіа, съ Агнезою, съ Донъ-Родригомъ и его кровожадными сателлитами, съ Ненарѣченнымъ (Innominato), съ великодушнымъ и человѣколюбивымъ кардиналомъ Боромео. Всѣ эти лица врѣзываются въ память и сердце читателя. Это не мимоходное, не шапочное знакомство, а знакомство навсегда. Какъ хорошъ этотъ добрякъ, простодушный Лоренціо! Онъ вдругъ нечаянно падаетъ какъ съ неба въ возмущеніе Миланское, возбужденное голодомъ; онъ силою обстоятельствъ, такъ сказать, физическихъ, тѣснимый и увлекаемый толпою, выбивается неволью на видъ, и едва не въ предводители возмущенія, которое ему совершенно чуждо. И въ послѣдствіи правительство не даромъ признаетъ въ немъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ бунта. И простякъ Лоренціо, не думавъ, не гадавъ о томъ, принужденъ сдѣлаться политическимъ бѣглецомъ, о которомъ державы входятъ въ переговоры между собою. И все это какъ вѣрно, какъ естественно! Нигдѣ не видать слѣдовъ авторской иглы, которая часто сшиваетъ событія, какъ пестрыя лоскутья на живую нитку. Романисты обыкновенно надѣются, что читатель, обольщенный прелестью разсказа, не замѣтитъ искусственной работы. Нѣтъ, у Манзони вездѣ видна твердая и никогда даромъ не двигающаяся рука судьбы. Оно такъ, потому что должно быть такъ, а не иначе. А описаніе чумы! Читая его, воображеніе такъ поддается разсказу, что минутами хочешь бросить книгу отъ страха самому заразиться, а минутами живымъ и горячимъ участіемъ такъ сближаешься съ бѣдными жертвами, что едва ли не жалѣешь о томъ, что не можешь идти въ лазаретъ, набитый 16,000 больныхъ, чтобы помогать неутомимому

Фра Христофору и раздѣлять съ нимъ заботы его о больныхъ. Одно, кажется, нѣсколько противорѣчитъ истинѣ, а именно слишкомъ скорое обращеніе на путь благочестія страшнаго *Ненарльченнаю*, изъ котораго предъ Русскимъ читателемъ выглядываетъ иногда, хотя и не въ чертахъ столь крупно обозначенныхъ, Рязанскій помѣщикъ, страхъ сосѣдей и уѣздныхъ властей, извѣстный въ свое время самоуправствомъ и безчинствами всякаго рода *). Но за то какъ умилительно это обращеніе, и что за человекъ этотъ Боромео: образецъ христіанской добродѣтели, не идеальной, не мистической, а самой практической и вмѣстѣ съ тѣмъ самой возвышенной.

«Красный Корсаръ», романъ Американца Купера. Куперъ—романистъ пустынь, влажной и сухой. (Въ другомъ романѣ описываетъ онъ Американскую степь). Романы его и отзываются немного однообразіемъ пустыни; но за то есть что-то безпредѣльное и свѣжее. Никто, кажется, сильнѣе и вѣрнѣе его не былъ одаренъ чутьемъ пустыни и моря. Онъ тутъ дома и переноситъ читателя въ стихію свою. В. Скоттъ вводитъ васъ въ шумъ и бой страстей, человѣческихъ побужденій; Куперъ приводитъ васъ смотрѣть на тѣ же страсти, на того же человека, но внѣ очерка, обвѣденнаго вокругъ насъ общежитіемъ, городами, условіями ихъ и т. д. Съ нимъ какъ-то просторнѣе, атмосфера его свободнѣе, очищеннѣе и прозрачнѣе. Малѣйшее впечатлѣніе, которое въ соерѣ В. Скотта ускользнуло бы, здѣсь дѣйствуетъ сильнѣе и раздражительнонѣе. Чувство читателя изощряется отъ стихій, куда авторъ насъ переноситъ. Мы видимъ далѣе и глубже. Въ Куперѣ болѣе эпическаго, въ В. Скоттѣ болѣе драматическаго, хотя въ томъ и въ другомъ эти отбѣнки иногда сливаются. Кажется, степной романъ Купера лучше «Корсара», особливо же конецъ его какъ-то тянется и стынетъ. Въ характерѣ «Корсара» нѣтъ

*) Измаиловъ? П. Б.

ничего человѣчески-преступнаго, а потому и ужасъ, который имя его вселяетъ и наказаніе, которое ему готовится, мало возбуждаютъ наше нравственное сочувствіе. Это дѣло морской полиціи, и только. Но за то море—какое раздолье и какая прелесть у Купера! Такъ и купаешься въ этомъ морѣ. Корабль, всѣ морскія принадлежности, вся адмиралтейская часть изображены въ живописномъ совершенствѣ. Петръ I-й осыпалъ бы Купера золотомъ и пожаловалъ бы его въ адмиралы: онъ такъ и вербуетъ морю. Въ романахъ В. Скотта въ толпѣ людей не всегда успѣешь разглядѣть человѣка; мимо иныхъ дѣйствующихъ лицъ проходишь иногда безъ вниманія: оно все обращено на лица, особенно выдающіяся впередъ и на вышины, какъ обыкновенно водится и въ житейскомъ быту. На пустомъ и обширномъ горизонтѣ Купера всякое существо рисуется отдѣльно и цѣло, все видимое возбуждаетъ вниманіе, и слѣдишь за нимъ, пока не скроется оно совершенно изъ глазъ. Общежительный человѣкъ скажетъ: должно жить въ мірѣ В. Скотта и заглядывать въ мірѣ Купера. Нелюдимъ (не то что человѣконенавистникъ: нелюдимъ можетъ и не имѣть ненависти къ человѣчеству, а у насъ неправильно то и другое слово принимаются въ значеніи мизантропа) нелюдимъ скажетъ: должно жить (т. е. любо жить) въ мірѣ Купера, а можно для развлеченія заглядывать и въ мірѣ В. Скотта.

Записки Генриха де Ломени, графа Бриенскаго, государственнаго секретаря въ царствованіе Людовика XIV. Въ этихъ запискахъ менѣе всего и менѣе всѣхъ на виду выказывается писавшій оныя. Онъ не имѣетъ болтливаго себялюбія, свойственнаго составителямъ записокъ и автобіографій. Съ высоты почестей, успѣховъ и силы при Дворѣ и въ обществѣ, сей любимецъ счастія кончаетъ жизнь въ темницѣ св. Лазаря послѣ 10-лѣтняго заточенія; и въ запискахъ его ничто не разъясняетъ причинъ крутаго переворота въ судьбѣ его. Впрочемъ записки занимательны живостью разсказа. Но нигдѣ въ разсказѣ не обозначается

глубокости ума въ наблюденіяхъ; не видно въ немъ и государственнаго челоѣка. Много любопытнаго о Мазаринѣ: кончина кардинала, драматическая сцена, яркими и живыми красками раскрашенная. Но догадливый министр волочился за знаменитою дѣвицею Лавальеръ, не примѣчая, что имѣлъ онъ при ней соперникомъ Людовика XIV. Когда догадался, онъ пошелъ съ объясненіями къ королю, разнѣжился и расплакался, т. е. просто струсилъ. Людовикъ принялъ слезы за выраженіе сильной любви и, разумѣется, еще болѣе разнѣжился. Но авторъ утверждаетъ, что онъ расплакался только потому, что у него есть природная влажность въ глазахъ и въ мозгу (*J'ai les yeux et le cerveau fort humides*). Къ этимъ запискамъ приложено введеніе отъ издателя Барриера: опытъ о нравахъ и обычаяхъ XVII в.—любопытная смѣсь всякаго рода безобразій и безчинствъ хваленаго, но, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ славнаго вѣка. Вотъ нѣсколько извлеченій изъ этого введенія. Во время осады Турина графомъ д'Аркурромъ, городъ страдалъ отъ голода. Испанцы всячески старались, но напрасно, пробиться съвозъ Французскія линіи, чтобы подать помощь осажденнымъ. По распоряженію главнаго начальника, Испанцы стали начинять бомбы мукою и пустили ихъ въ городъ чрезъ Французскій станъ. Между прочими бомбами нашли одну съ жирными перепелками и запискою, которую Испанскій офицеръ отправилъ любовницѣ своей въ Туринъ. Вотъ замысловатый и новый способъ любовной почтовой переписки.—Графъ Вилла-Медина, въ Мадридѣ, былъ влюбленъ въ Елисавету, Французскую принцессу, за мужемъ за Филиппомъ IV. Желая видѣть ее въ своемъ домѣ, онъ устроилъ великолѣпный праздникъ, на который былъ приглашенъ и Дворъ. Вмѣстѣ съ праздникомъ устроилъ онъ и пожаръ. Во время пышнаго зрѣлища, которое поглощало общее вниманіе зрителей, домъ загорается. Въ одну минуту все объято пламенемъ, всѣ богатства, украшенія, картины и т. д. Улучивъ время, въ которую каждый бѣжалъ, угрожаемый опасностью, Медина,

слѣдѣющій за каждымъ движеніемъ королевы, схватываетъ ее изъ толпы въ свои объятія и уноситъ сквозь пламень, покупая такимъ образомъ и цѣною фортуны своей счастье прижать на минуту королеву къ своей груди.—Когда назначали маршалу д'Юксель голубую ленту, онъ говорилъ, что отказывается отъ сей блестящей почести, если она должна лишить его права ходить въ кабакъ. Дюкъ де ла Ферте, подъ начальствомъ маршала Катина, воевалъ въ Савоѣ. Войска принуждены были довольствоваться сквернымъ туземнымъ виномъ. Не смотря на то, дюкъ де ла Ферте потреблялъ его всегда черезъ мѣру. Спросили его однажды, какъ можетъ онъ пить такое вино и особенно же въ такомъ количествѣ: «Что же дѣлать», отвѣчалъ онъ, «надобно умѣть любить друзей своихъ и съ ихъ погрѣшностями». Это напоминаетъ, что однажды Американецъ Толстой писалъ изъ Тамбова: «За немѣнѣемъ хорошихъ сливокъ, пью чай съ дурнымъ ромомъ».

О многихъ прозаическихъ и стихотворныхъ панегиристахъ можно сказать, что они или лопнуть, или задушить своего героя. «Это божественно!»— «Что вы говорите? Мало того, это.....» Кто-то прервалъ начатую похвалу и разумѣется запнулся, потому что не могъ подняться выше. Наши лирики съ перваго порыва жалуютъ героя своего въ божество, а тамъ въ продолженіи должны поневолѣ мало по малу разжаловать его, и тѣмъ кончится, какъ сказано повтомъ:

La masque tombe, l'homme reste,
Et le heros s'evanouit,—

два извѣстные стиха Ж. Б. Руссо, худо переведенные и Ломоносовымъ, и Сумароковымъ въ одѣ *На Счастіе*. Ломоносовъ говоритъ: «Геройска похвала увянетъ, И смертный будетъ всѣмъ открытъ». Сумароковъ: «Все геройство увядаетъ, остается человѣкъ».

Напрасно говорить Шлегель: «Если Расинъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что онъ отличается отъ Праксона только тѣмъ,

что умѣетъ правильно писать, то жестоко былъ онъ къ себѣ несправедливъ». Шлегель забываетъ, что Расинъ Французъ и что выразилъ сужденіе свое онъ во Франціи. У Французовъ въ твореніяхъ ума слогъ первая необходимость. Въ противоположной крайности, у Нѣмцевъ, слогъ послѣднее условіе, на которое немногіе обращаютъ вниманіе. Головоломное пониманіе авторовъ не пугаетъ Нѣмецкаго читателя. А Вольтеръ сказалъ въ своемъ опытѣ о различныхъ вкусахъ народовъ: «Французы имѣютъ за себя ясность, точность, изящество (elegantie)». Баратынскій говоритъ, что для Нѣмца мало, если при чтеніи книги отзовется она у него въ головѣ, а надобно, чтобы и въ спинѣ отозвалась она, т. е. чтобы читатель съ трудомъ поработалъ надъ нею». Въ искусствахъ нельзя не цѣнить отдѣлки, а Нѣмцы все покупаютъ на вѣсъ, потому и сужденія Шлегеля о Французскомъ театрѣ отчасти невѣрны и несправедливы. Онъ также судить о немъ не какъ знатокъ, а какъ заимодавецъ подъ вещи, т. е. по внутренней ихъ цѣнности. Вообще иностранцу можно, какъ наблюдателю, говорить о словесности чужаго народа, но никогда не должно присвоивать себѣ право рѣшать о ней судейскимъ приговоромъ.

Если не признавать цѣны отдѣлки, то какъ постигнуть уваженіе древности къ Анакреону? О нашемъ и говорить нечего: оно перешло къ намъ по школьнымъ преданіямъ. Прозою переводить Анакреона невозможно, переводить его стихами также невозможно. Въ первомъ случаѣ вы сушите цвѣтокъ, который прельстилъ васъ своими красками, блескомъ и свѣжестію; въ другомъ хотите вы перенести карандашемъ на бумагу эту свѣжесть, этотъ блескъ, эти краски. А Гораций все еще живъ во Французскомъ переводѣ, какъ ни душитъ его прозаикъ Ватѣ. Дѣло въ томъ, что поѣта переживаютъ его мысли и чувства; но красота и прелесть оболочки ихъ вѣрно оцѣниваются одними современниками.

У насъ жалуются и жалуются по справедливости на невдвореніе иностранныхъ словъ въ Русскомъ языкѣ. Но что же дѣлать, когда нашъ умъ, заимствовавшій нѣкоторыя понятія и оттѣнки у чужихъ языковъ, не находитъ дома нужныхъ словъ для ихъ выраженія? Какъ, на примѣръ, выразить порусски понятія, которыя возбуждаютъ въ насъ слова naïf и sérieux, un homme naïf, un esprit sérieux? Чистосердечный, простосердечный, откровенный, все это не выражаетъ значенія перваго слова; важный, степенный не выражаютъ понятія свойственнаго другому; а потому и должны мы поневолѣ говорить *наивный*, *серьезный*. Последнее слово вошло въ общее употребленіе. Нельзя терять изъ виду, что западные языки наслѣдники древнихъ языковъ и литературы, которыя достигли высшей степени образованности и должны были усвоить себѣ всѣ краски, всѣ оттѣнки утонченнаго общечитія. Нашъ языкъ происходитъ, пожалуй, отъ благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, которые не могли оставить наслѣднику своему ни литературы, которой они не имѣли, ни преданій утонченнаго общечитія, котораго они не знали. Славянскій языкъ хорошъ для церковнаго богослуженія. Молиться на немъ можно, но нельзя писать романы, драмы, политическія, философскія разсужденія.

Нѣкоторыя выдержки изъ Сумарокова доказываютъ, что у него вырывались иногда стихи правильные и полные смысла. Лучшіе стихи его—сатирическіе. Трагедіи его перечитывать нельзя, а между тѣмъ они въ свое время нравились людямъ образованнымъ и знакомымъ съ иностранными литературами. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, воспитывавшійся въ Туринскомъ университетѣ, восхищавшійся трагедіями Расина и трагедіями товарища своего по Туринскому университету Альеери, не менѣе того остается вѣренъ Сумарокову и признаетъ въ немъ великаго трагика, хотя и соглашается, что языкъ его устарѣлъ. «Вотъ бы Пушкину (сказалъ онъ однажды) нѣсколько поправить и

подновить языкъ трагедій Сумарокова. И тогда можно бы снова представить ихъ на театрѣ».

Генераль Александръ Ламетъ (Lameth), товарищъ Ласаэта и одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ событіяхъ первой Французской революціи, рассказываетъ въ запискахъ своихъ слѣдующее. «У сестры Мирабо назначено было свиданіе между первенствующими лицами Народнаго Собранія для переговоровъ о соглашеніи и примиреніи умовъ, въ виду предстоявшихъ обстоятельствъ. Мирабо рассказалъ тутъ все, что происходило при избраніи его въ Провансъ въ число депутатовъ. Въ рассказѣ своемъ ничего не утаилъ онъ изъ мѣръ, принятыхъ имъ для достиженія успѣха; даже признался онъ, что, имѣя въ рукахъ своихъ народнаго оратора, который казался ему преданнымъ, но въ которомъ однакоже не могъ онъ быть совершенно увѣренъ, онъ приставилъ къ нему соглядатая, который не долженъ былъ отходить отъ него и заколотъ его, если какъ нибудь измѣнилъ бы онъ своимъ обязательствамъ. Мы всѣ ужаснулись подобному признанію, а Мирабо удивился нашему ужасу. «Какъ, и тотъ убилъ бы его?» спросили мы. — «Да убилъ бы, какъ убиваютъ», хладнокровно отвѣчалъ Мирабо. — «Но это было бы ужасное злодѣйство». — «О въ революціяхъ», (возразилъ онъ изрѣченіемъ, которое послѣ того сдѣлалось столь извѣстнымъ) «la petite morale tue la grande (мелкая нравственность убиваетъ большую)».

Мирабо, прозванный Мирабо-бочка, былъ человекъ очень нетрезвый. Старшій братъ дѣлалъ ему однажды упреки за эту слабость. «Помилуйте, на что вы жалуетесь?» отвѣчалъ онъ смѣясь: «изъ всѣхъ возможныхъ пороковъ, которое семейство наше присвоило себѣ, одинъ этотъ оставили вы на долю мою».

Han d'Islande, романъ Витора Гюго — родъ Мельмота, но менѣе истины и глубины въ созданіи. Въ прозѣ тѣже по-

роки, что и въ повѣи его, т. е. излишняя высокопарность, надутость и желаніе автора, во что бы ни стало, поразить читателя чѣмъ нибудь удивительнымъ и неожиданнымъ. Но иногда тѣже и красоты. Часто бредъ горячки, но иногда проявляется, что этою горячкою одержимъ поэтъ, а не дюжинный больной. Есть въ романѣ явленія сильныя, живописныя, лица твердыя и хорошо обозначенныя, напримѣръ палача, сторожа труповъ и дочери одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Есть и политическій интересъ: бунтъ рудокоповъ, ихъ военный походъ, встрѣча съ королевскимъ войскомъ; все это живо и вѣрно. Тутъ упоминается и о Русскомъ палачѣ. По поводу этого романа князь Меншиковъ называлъ извѣстнаго посылкою своею на Кавказъ для правительственныхъ преобразованій Гана: Han de Courlande.

В. Д. Пушкинъ сказалъ сегодня стихи на новый годъ, какого-то стариннаго поэта, помнится Политковскаго.

Не правъ ты, новый годъ, въ раздачѣ благости;
Ты своеправизе и счастья богини.
Инымъ ты далъ чины,
Другимъ мѣста богаты,
А мнѣ лишь новыя заплаты
На старыя мои штаны.

Кажется, эти стихи никогда не были напечатаны.

У насъ довольно много подобной ходячей литературы: хорошо бы выбрать лучшія изъ нея стихотворенія и напечатать ихъ отдѣльною книжкою. Въ ней сохранились бы и нѣкоторыя черты прежней общественной жизни. До 1812 года была большая рукопись in—folio, принадлежавшая Храповицкому, статсъ-секретарю Императрицы Екатерины. Это было собраніе всѣхъ возможныхъ стихотвореній, написанныхъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ и не вошедшихъ въ печать по тѣмъ или другимъ причинамъ. Разумѣется, главный характеръ этихъ стихотвореній былъ сатирический, отчасти политическій и отчасти далеко не цѣломудренный. Эта книга затерялась или сгорѣла въ Московскомъ пожарѣ. Тутъ между прочимъ были стихотворенія

Карина, и за подписью какого-то Панцербитора. Вымышленное это имя или настоящее, не знаю; но въ печати оно, кажется, не извѣстно.

Много еще неизвѣстнаго и темнаго остается въ литературѣ нашей.

Къ подобной ходячей литературѣ можно приписать и слѣдующее четверостишіе, которое князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, вовсе не поэтъ, отпустилъ на Козодавлева, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ:

Министръ нашъ славою бы гремѣлъ
И съ Кольбертомъ его потомство бы сравнило,
Изъ внутреннихъ когда бы дѣлъ
Наружу ничего у насъ не выходило.

* *

Примите древнія дубравы
Подъ сѣнь свою питомца Музы!
Не шумны пѣть хочю забавы,
Не сладости Цитерскихъ узъ:
Но да возарю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сядящу на холмахъ высокихъ,
И въ спящи вѣки воззову.

Въ этихъ стихахъ Дмитриева есть движеніе, звучность, живопись и величавость; но если всмотрѣться въ нихъ прозаическими глазами критики, то найдешь въ нихъ нѣкоторыя несообразности. Начать съ того, что тутъ излишне сжаты топографическія подробности. Тутъ и дубравы, и широкія поля, и холмы высокіе, и городъ. Картины поэта должны быть такъ написаны, чтобы живописецъ могъ кистью своею перенести ихъ на холстину. А въ настоящемъ случаѣ трудно было бы ему соблюсти законы перспективы. Далѣе: нельзя войти однимъ разомъ въ дубравы, можно войти въ дубраву; въ дубравѣ нельзя искать широкихъ полей и съ нихъ смотрѣть на городъ, хотя и сидитъ онъ на высокихъ холмахъ. Дубрава заслоняетъ собою всюкую даль, и видишь предъ собою одни деревья.

Положимъ, что подъ древнею дубравой (а все таки не *дубравами*) поэтъ подразумѣвалъ рощу, посвященную Музамъ: все же остается таже сбивчивость въ картинахъ. Дру-

гіе стихи изъ того же стихотворенія Дмитріева подали поводъ къ забавному недоразумѣнію. Въ первой книжкѣ «Сына Отечества» была напечатана передовая статья съ эпиграфомъ, взятымъ изъ Освобожденія Москвы.

Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная осеня ночь.

И разумѣется подъ эпиграфомъ выставлено было имя автора. Въ то время Дмитріевъ былъ министромъ юстиціи, а графъ Разумовскій министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ человекъ Европейской образованности, но мало свѣдущъ въ Русской литературѣ. Онъ принялъ это четверостишіе за новое произведеніе, написанное Дмитріевымъ *по случаю* занятія Москвы Наполеономъ. При первой встрѣчѣ съ Дмитріевымъ въ Комитетѣ Министровъ, обратился онъ къ нему съ похвалами и съ сожалѣніемъ, что новое, прекрасное стихотвореніе его такъ коротко. Дмитріевъ сначала понять не могъ, о чемъ идетъ рѣчь и по щекотливости своей оскорбился предположеніемъ, что онъ, въ своемъ министерскомъ званіи и при современныхъ важныхъ и печальныхъ событіяхъ, могъ еще заниматься стихотворствомъ.

Около того же времени Шишковъ читалъ въ Комитетѣ Министровъ статью свою, предназначенную для обнародованія извѣстія о взятіи Москвы. Дмитріевъ, съ авторскимъ своимъ тактомъ, не могъ сочувствовать порядку мыслей и вообще изложенію этой неловкой статьи, въ концѣ которой кто-то падаетъ на колѣни и молится Богу. Не желая однакоже прямо выразить свое мнѣніе, спросилъ онъ, въ какомъ видѣ будетъ напечатано это сочиненіе: въ видѣ ли журнальной статьи, или офиціальнымъ объявленіемъ отъ правительства. «У насъ нѣтъ правительства», съ запальчивостью возразилъ ему простодушный государственный секретарь.

Домоносовъ два раза въ одахъ своихъ говоритъ о *багряной рукѣ зари*. Первый разъ въ одѣ шестой —

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря.

другой разъ въ одѣ девятой:

Заря багряною рукою,
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Ломоносова заря хороша, хотя Русская заря не имѣетъ нѣжности и прелести Греческой Авроры съ розовыми пальцами. Въ одѣ десятой:

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ.

Багряное око—никуда не годится. Оно, вовсе непотетически, означаетъ воспаление въ глазу и прямо относится до глазнаго врача.

У Ломоносова въ одахъ много найдется намековъ и подробностей историческихъ, географическихъ, и политическихъ, и относящихся до науки. Въ немъ виднѣнъ болѣе академикъ, нежели поэтъ. Но и поэтъ нерѣдко прорывается въ стихахъ твердыхъ, звучныхъ и живописныхъ. Вотъ примѣръ политической или газетной поэзіи, изъ оды пятнадцатой:

Парящій слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Еще ль, смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дателемъ законовъ
Слынешь въ желаніи своемъ! и пр.

Или ода семнадцатая

Голстинія, возвеселися,
Что отъ тебя цвѣтетъ нашъ кринъ.
Ты къ морю въ празднествѣ стремися,
Цвѣтущій славою Цвѣитинъ.
Хотя не сильна ты водою,
Но родостью сравнись съ Невомъ, и пр.

Вотъ вамъ и географія, и вотъ еще она же:

Россійскаго пространство свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады ономъ спасенны,
И села ею же блаженны
Географія покажи. (Ода десятая).

Какъ хороши и понынѣ, и какъ поэтически вѣрны, слѣдующіе два стиха изъ оды 10-й:

Въ среднѣ жажущаго лѣта,
Когда томить протяжный день.

Выраженія жажущее лѣто и протяжный день такъ и переносятъ читателя въ знойный Іюльскій день.

Ломоносова, какъ вообще и всякаго поэта не нашего времени, нельзя читать съ требованіями и условіями намъ современными. Ломоносовъ писалъ торжественныя оды потому, что въ его время всѣ болѣе или менѣе писали стихи на торжественные случаи. Нельзя ставить ему въ вину нѣкоторые его приемы, какъ нельзя смѣяться надъ нимъ, что онъ ходилъ не во фракѣ, не въ панталонахъ, а во Французскомъ кафтанѣ, короткихъ штанахъ, съ напудренною головою и съ кошелькомъ на затылкѣ. Онъ всегда съ особеннымъ одушевленіемъ говоритъ о Елизаветѣ. Называя ее Елисаветъ, онъ какъ будто угадалъ выраженіе принца Делия, который сказалъ: Екатерина Великій. Нелединскій, знатокъ въ любви, убѣжденъ, что кромѣ вѣрноподданическаго чувства въ душѣ Ломоносова было еще и болѣе нѣжное и поэтическое чувство.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ твой. (Ода 2-я).

Тебя, богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты;
Что въ многихъ, раздѣлясь, блистаютъ
Единая всѣ имѣешь ты. (Ода 9-я).

Коль часто доли оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры вслѣдъ не успѣваютъ.
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рыв, ни частыхъ вѣтвей связъ:
Крутитъ главой, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордась. (Ода 10-я).

Въ послѣднемъ стихѣ есть въ самомъ дѣлѣ какое-то страстное одушевленіе.

Въ одной изъ своихъ одъ онъ говоритъ объ Елисаветѣ:

Небеснаго очами свѣта
На сродное имъ небо зреть.

Въ другой:

Щедротъ источникъ, ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердець,
На коей какъ заря пороюра,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кроткую весну,
Въ лицѣ, въ очахъ, въ устахъ и нравѣ!

Вотъ строфа, согрѣтая чувствомъ гражданства:

Священны да хранить уставы
И правду на судѣ судьи;
И время твоея державы
Да ублажать рабы твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы и пр.

(Ода девятая.)

Услышьте судии земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Это строфа изъ оды на день восшествія на престолъ Екатерины II. Здѣсь какъ будто уже слышится Державинъ.

У Ломоносова встрѣчаются странныя выраженія и понятія; напримѣръ онъ заставляетъ Вѣтхаго Денями говорить:

Я въ гнѣвъ Россамъ былъ творецъ,
Но нынѣ паки имъ отецъ.

Вообще кажется, по крайней мѣрѣ, неприличнымъ под-
сказывать Божеству, если не баснословному, свои собственныя мысли и слова. А нерѣдко поэты грѣшатъ этою неприличностью.

И Марсъ вложи свой шумный мечъ.

Прилагательное шумный вовсе не идетъ къ мечу.

И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится.

Полкъ и нѣжности также не ладятъ между собою.

Пучина преклонила волны.

Странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣло и поэтически.

О Боже крѣпкій, Вседержитель,

Предѣловъ Россскихъ расширитель.

Это также странно и смѣло, но уже вовсе не поэтически и неблагоприлично. Далѣе говорить онъ:

Какъ мыя Россію расширилъ,

а послѣ:

Возвря, коль широка Россія—

Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ.

Взывая къ Богу, поэтъ говоритъ:

По имени Петровой дщери,

Военны запечатая двери.

Здѣсь отзывается какое-то полицейское дѣйствіе.

Моей державы кротка ночь

Отвергнетъ смертной казни ночь.

Когда пучину не смущаетъ

Стремленіе насильныхъ бурь,

Въ зеркаль жидкомъ представляеть

Небесной ясности лазурь.

Не забывалъ профессоръ-поэтъ и метеорологическихъ наблюдений:

Наука легкихъ метеоровъ,

Премъны неба предвѣщай,

И бурный шумъ воздушныхъ споровъ

Черезъ вѣсны знаки предъявляй:

Чтобъ ратай могъ избрати время,

Когда землѣ повѣрить свми,

И дать когда покой браздамъ;

И чтобы, не боясь погоды,

Съ богатствомъ дальнимъ шли народы

Къ Елисаветинымъ брегамъ.

Труженикъ науки, въ спорѣ съ разными препятствіями, а можетъ быть и нѣсколько безпокойнаго нрава, Ломоносовъ не имѣлъ времени вслушиваться въ вдохновеніе, навѣваемое на него природою и впечатлѣніями внутренней жизни, болѣе спокойной и чуткой. Онъ гдѣ-то сказалъ:

О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.

Какъ-то не вѣрится, что Ломоносовъ могъ мечтать. Скорѣе находилъ онъ радости не въ мечтаніяхъ, а въ трудахъ, въ приобретеніяхъ и преуспѣяніяхъ науки и въ академическихъ побѣдахъ своихъ надъ Миллеромъ и другими Нѣмцами.

Разумѣется, что, такъ какъ оды Ломоносова писаны въ разныя царствованія, то онъ долженъ былъ иногда порицать то, что восхвалялъ прежде. Но не должно забывать, что онъ писалъ свои оды часто не подъ повѣстическимъ вдохновеніемъ, а по обязанностямъ академической службы.

Въ письмѣ своемъ о правилахъ Россійскаго стихотворства Ломоносовъ говоритъ:

«Французы, которые во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинять, намъ примѣромъ быть не могутъ; понеже, надѣясь на свою фантазію, а не на правила, толь криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеиваютъ, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они также, какъ и Нѣмцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда имъ въ ротъ кладетъ, однако нѣжные тѣ господа, на то не смотря, почти одними римами себя довольствуютъ. Пристойно весьма символомъ Французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ, подъ видомъ нѣкоторой жевщины, что сугорбившись и раскорячившись, при музыкѣ играющаго на срыпицѣ Сатира танцуетъ. Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ не токмо бодростью и героическимъ звономъ Греческому, Латинскому и Нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную, версификацію имѣть можетъ».

Хорошо, но за чѣмъ же онъ не слѣдовалъ своему опредѣленію и самъ не держался этой свойственной намъ версификаціи, а почти исключительно употреблялъ ямбическій

стихъ, и довольствовался рѣчами, иногда и довольно бѣдными.

Въ статьѣ „Жизнь Ломоносова“, которая напечатана въ Полномъ Собраніи сочиненій его, изданномъ иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ, въ 1784 г., біографъ, исчисляя всѣ его литературныя и ученныя заслуги, какъ то: перестройку академической лабораторіи по новѣйшему и лучшему расположенію, многіе эксперименты и новыя открытія, академическія сочиненія, изящныя похвальные рѣчи Великому Петру и Елисаветѣ Петровнѣ, прекрасныя и сильныя стихи, трагедіи, книги: Риторикѣ, Россійскую Грамматикѣ, Руководство къ горному строенію и заводамъ, Россійскую Исторію, простодушно заключаетъ перечень свою слѣдующими словами: «Все то не суть анекдоты, а труды повсюду извѣстные». Далѣе говоритъ онъ, что «превосходству его учености, важности и красотѣ его пера отдавалъ справедливость и покойный дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ А. П. Сумароковъ, не взирая на всегдашнюю съ нимъ вражду свою». Впрочемъ эта послѣдняя черта болѣе относится къ чести дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Сумарокова, нежели къ чести статскаго совѣтника Ломоносова. Если дѣло пошло на чины, оно такъ и быть должно: чинъ чина почитай.

Говорятъ, что когда, преслѣдуя Французовъ, вышедшихъ изъ Москвы, Кутузовъ вступилъ въ Вильну, то городская депутація Поляковъ явилась къ нему и бросилась на колѣни, прося пощады: «Встаньте, встаньте, господа!»—сказалъ имъ князь Смоленскій: «вспомните, что вы снова сдѣлались Русскими!»—Во время отступленія Французовъ, Кутузовъ часто говаривалъ: «надобно строить золотые мосты отступающему непріятелю». Многіе были противнаго мнѣнія и говорили, что лучше топить и уничтожать непріятеля, нежели вѣжливо и съ почестью провожать его. Кутузовъ, хотя и началъ свое военное поприще подъ начальствомъ Суворова, не былъ полководцемъ принадлежащимъ

къ Суворовской школѣ. Быстрота, натискъ, молодечество штыка не были въ привычкахъ его ¹⁾

Какъ ни суди о степени воинскихъ способностей его, должно признаться что, такъ или иначе, имя его навсегда нераздѣльно сопряжено съ событіемъ изгнанія непріятелей изъ Россіи и слѣдовательно ея освобожденія и спасенія.

Нельзя же согласиться съ Французами и съ нѣкоторыми изъ нашихъ недоброжелателей Кутузова, что одинъ *генералъ Морозъ* уничтожилъ Французское войско. Морозъ конечно былъ тутъ не лишній, но Кутузовъ не мало способствовалъ его замороженію.

*

Князь Долгорукій, военный и дипломатъ, участвовавшій въ войнѣ 1812 г. и извѣстный своими каламбурами, уже предсказывалъ, когда взять былъ въ плѣнъ генералъ Le Pelletier, что Французы погибнуть отъ холода, потому что лишились генеральнаго скорняка (pelletier пофранцузски скорнякъ, мѣховщикъ). Послѣ Тарутинскаго сраженія онъ же выдумалъ за Наполеона слова, будто имъ сказанныя Кутузову: *Vieux routier, ta routine m'a déroulé* ²⁾.

*

Польскій генералъ Рожнецкій рассказывалъ, что въ 1812 г. около Гжатска былъ пойманъ крестьянинъ и допрашивается о какой-то дорогѣ. «*Не знаю*» было единственнымъ отвѣтомъ его, не смотря ни на угрозы, ни на побои, ни на обѣщанныя награды. Вотъ безъимянный герой въ исторіи 1812 г. Эта твердость, это упорство сильно поразили На-

¹⁾ Известно, что Императоръ Александръ не очень благовоительно расположенъ былъ къ Кутузову: назначивъ его въ 1812 г. главнокомандующимъ, сдѣлалъ онъ уступку общественному мнѣнію. Въ войнѣ, въ самомъ сердцѣ Россіи, и войнѣ сдѣлавшейся народною, нужно было въ Русскомъ имени выставить Русское знамя. Барклай и Беннигсенъ могли предводительствовать Русскими войсками въ Германіи или въ другой землѣ; но на Русской почвѣ былъ необходимъ Русскій плоть, кровью и духомъ.

²⁾ Слова эти не ему приписываетъ кн. Кутузовъ въ письмѣ къ своей супругѣ отъ 26 Ноября 1812 г. См. Р. Старина 1872 г. стр. 656. П. Б.

полеона и окружающихъ его. Но Наполеонъ не хотѣлъ показать непріятное впечатлѣніе и разбранилъ допрашивающихъ, упрекая ихъ въ томъ, что они не умѣютъ хорошо объясниться съ крестьяниномъ порусски.

Наполеонъ говорилъ князю Понятовскому въ 1811 г.: «Наше дѣло впродъ не пойдетъ. Я радъ всѣми силами поддерживать васъ, но вы отъ меня слишкомъ далеки, а отъ Россіи слишкомъ близки. Что ни дѣлай, а тѣмъ кончится, что она васъ завоюетъ, мало того, завоюетъ всю Европу». Князь Понятовскій, возвратившись въ Польшу, пересказывалъ эти слова многимъ изъ своихъ соотечественниковъ и, между прочими, Грабовскому, который записалъ ихъ въ своей памятной книжкѣ. Плятеръ, передавая это, сказалъ, что судьба иногда какимъ-то непостижимымъ образомъ предрекаетъ опредѣленія свои нашими устами. И въ самомъ дѣлѣ, не поразительно ли нескромное и какъ будто невольное признаніе Наполеона въ такое время, когда онъ готовился на войну 1812 г. и подымалъ на дыбы Польшу силою несбыточныхъ надеждъ, и поднималъ ее, и вмѣстѣ съ нею того же самаго князя Понятовскаго.

Князь Понятовскій позднѣе другихъ своихъ соотечественниковъ поддался оболъщенію Наполеона. Въ 1806 г. выѣзжалъ онъ къ нему на встрѣчу съ Прусскимъ орденомъ на мундирѣ, что было непріятно Наполеону и другимъ полякамъ, которые тѣломъ и душою уже поработились обаянію счастливаго завоевателя.

Крестьяне графа Мостовскаго, министра внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ, говорятъ о его сельскомъ хозяйствѣ: «Мы съѣмъ траву, а покупаемъ хлѣбъ».

Свѣчина, въ проѣздъ свой чрезъ Варшаву, говорила, что ей все кажется, что она смотритъ на представленіе Лондонски (извѣстной въ то время оперы Польскаго содержанія). Все ей казалось, даже и бытіе народа, чѣмъ-то обаячивымъ, условленнымъ и театральнымъ.

Князь Сапѣга говорить, что мы живемъ въ вѣдѣ конституціи, филантропіи и скуки.

Въ разговорѣ о Польшѣ и о способахъ управлять Поляками, N N сказалъ: «Съ Поляками должно имѣть мягкость въ приѣмахъ и твердость въ исполненіи. Подавайте руку Поляку вѣжливо и ласково, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слегка прижмите ее такъ, чтобы онъ могъ догадаться о силѣ вашей. Полякамъ некогда быть благодарными: они легко или упадаютъ духомъ, или увлекаются энтузіазмомъ, хотя часто не по разуму. Главное дѣло: ихъ заговорить и охмѣлить. Такъ поступалъ съ ними и Наполеонъ. Онъ никогда не думалъ возвратить имъ политическую независимость, а только въ льстивыхъ словахъ оболъщалъ ихъ легковѣрный патриотизмъ этою независимостью, и они лѣзли за него въ огонь и тысячами погибали.

Наполеонъ въ царствованіе свое надѣлъ инымъ Французамъ, какъ они ни легкомысленны, и былъ даже въ тягость нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ людей. Полякъ же никогда не былъ разувѣренъ и разочарованъ въ отношеніи къ Наполеону. И послѣ паденія своего, оставался онъ для него кумиромъ. Одинъ Полякъ говорилъ очень серьезно, что Наполеонъ безразсудно вѣрилъ себя великодушію Англичанъ: «одни мы умѣли бы отстоять его, если бы прибѣгъ онъ къ намъ». И точно, Польша дала бы себя разрубить на куски и пролила бы до послѣдней капли кровь свою, но не измѣнила бы Наполеону.

Графъ Остерманъ сказалъ, кажется, маркизу Паулучи въ 1812-году: «Для васъ Россія рубашка: вы ее надѣли и снимете ее, когда хотите. Для меня Россія кожа моя».

У*** рассказывалъ Алексѣю Михайловичу Пушкину, какъ онъ въ 1814 году ночью взятъ былъ въ плѣнъ Французами. «Они очень невѣжливы» (говорилъ онъ) и худо обращались со мной. Я имъ объяснялъ, что я генералъ и что они

должны уважать мое званіе. Они отвѣчали мнѣ: «Знаемъ эти сказки: ну похожъ ли ты на генерала?»—Что же (перебилъ его Пушкинъ) начинало уже разсвѣтать? — Да немножко», отвѣчалъ тотъ простодушно и продолжалъ свое повѣствованіе.

Генералъ Чаплицъ, извѣстный своею храбростію, говорилъ очень протяжно, плодовито и съ большими разстановками въ рѣчи своей. Графъ Василій Апраксинъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Васеньки Апраксина, приходитъ однажды къ В. К. Константину Павловичу, при которомъ находился онъ на службѣ въ Варшавѣ, и просится въ отпускъ на 28 дней. Между тѣмъ ожидали на дняхъ пріѣзда въ Варшаву Императора Александра Великій Князь, удивленный этою просьбою, спрашиваетъ его, какая необходимая потребность заставляетъ его отлучаться изъ Варшавы въ такое время. «Генералъ Чаплицъ», отвѣчаетъ онъ, «назвался ко мнѣ завтра объѣдать, чтобы разсказать мнѣ, какъ попался онъ въ плѣнъ въ Варшавѣ во время первой Польской революціи. Посудите сами, Ваше Высочество, раньше 28 дней никакъ не отдѣлаюсь».

Разнесся слухъ, что папа умеръ. Многіе старались угадывать, кого на его мѣсто изберетъ новый конглавъ. «О чемъ тутъ и толковать?» перебилъ рѣчь тотъ же Апраксинъ: «разумѣется, назначенъ будетъ военный». Это слово, сказанное въ тогдашней Варшавѣ, строго подчиненной военной обстановкѣ, было очень мѣтко и всѣхъ разсмѣшило.

Его же спрашивали о нѣкоторомъ лицѣ, извѣстномъ по привычкѣ украшать свои разказы краснымъ словцомъ, не ѣдетъ ли онъ въ Россію на винные откупы, которые только что открылись въ Петербургѣ. «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «а ѣдетъ, чтобы снять поставку лжи на всю Россію».

Н Н сказалъ о *** , впрочемъ очень добромъ и почтенномъ человѣкѣ: «онъ говоритъ пословицами, а дѣйствуетъ виньетками.»

Кстати о виньеткахъ. Блудовъ сказалъ о новомъ собраніи басенъ Крылова, что вышли новыя басни Крылова, съ свиньею и съ виньетками.

«Свинья на барской дворъ когда-то затесалась» и пр. Строгий и нѣсколько изысканный вкусъ Блудова не допускалъ появленія Хавроньи въ поэзіи. Какой-то Французскій критикъ, въ такомъ же направленіи, осуждалъ Крылова за то, что онъ выбралъ гребень предметомъ содержанія одной изъ своихъ басенъ, вѣроятно на томъ основаніи, что есть Французская поговорка: грязенъ какъ гребень (*sale comme un reigne*).

Выходя изъ театра послѣ представленія новой Русской комедіи, чуть ли не Загоскина, въ которой табакерка играла важную роль, Блудовъ сказалъ: «въ этой комедіи болѣе табаку, нежели соли».

Ему же однажды передали, что какой-то сановникъ худо о немъ отзывался, говоря, что онъ при случаѣ готовъ продать Россію. «Скажите ему, что еслибы вся Россія исключительно была наполнена людьми на него похожими, я не только продалъ, но и даромъ отдалъ бы ее».

Козодавлевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, очень заботился о развитіи Русской промышленности и о замѣненіи иностранныхъ произведеній своими домашними.

Въ газетѣ «Сѣверная Почта», издаваемой при министерствѣ и при личномъ наблюденіи и участіи самого министра, часто и много толковали о кунжутномъ маслѣ. Когда Козодавлевъ умеръ, N N спрашивалъ: «правда ли, что его соборовали кунжутнымъ масломъ?»

Великій Князь Константинъ Павловичъ всегда отличалъ графиню Розалію Ржевусскую, по красотѣ и по уму очень достойную его вниманія. Цесаревичъ любилъ шутить надъ ея влериальностью и часто обращался къ ней съ священными текстами. Однажды на балѣ она указала Великому Князю на одну даму, называя ее красавицей.—«Вотъ что

значитъ христіанское смиреніе», отвѣчалъ онъ ей. Вы видите сучокъ въ глазу у ближняго, а въ своемъ бревна не замѣчаете».

*

Князь Юсуповъ (старикъ Николай Борисовичъ) трунилъ надъ графомъ Аркадіемъ Марковымъ по поводу старости его. Тотъ отвѣчалъ ему, что они однихъ дѣтъ. «Помилуй», продолжалъ князь», ты былъ уже на службѣ, а я находился еще въ школѣ.» — «Да чѣмъ же, я виноватъ», возразилъ Марковъ, «что родители твои такъ поздно начали тебя грамотѣ учить».

*

У Ермолова спрашивали объ одномъ генералѣ, каковъ онъ въ сраженіи. «Застѣчивъ», отвѣчалъ онъ.

*

Дидеро витійствовалъ и гремѣлъ въ кабинетѣ Императрицы Екатерины противъ льстецовъ, отсылая ихъ прямо въ адъ. Екатерина перемѣнила разговоръ. Спустя нѣсколько времени, спрашиваетъ она у него: «Что говорятъ въ Парижѣ о послѣднемъ политическомъ переворотѣ, происшедшемъ въ Россіи?» Дидеро запинается, отдѣлывается общими выраженіями, упоминаетъ о случайностяхъ государственной необходимости и т. д. Екатерина, улыбаясь, говоритъ ему: «Берегитесь, господинъ Дидеро: если не прямо въ адъ, то по крайней мѣрѣ идете вы въ чистилище».

Екатерина долго и съ жаромъ говорила о достоинствахъ Сюлли и о счастіи государя, который имѣлъ подобнаго министра. «Найдись другой Генрихъ, същется другой Сюлли», будто сказалъ Панинъ. (Но это невѣроятно, и отвѣтъ только приписанъ былъ Панину; во всякомъ случаѣ не графу Никитѣ, а графу Петру Ивановичу Панину. Вообще должно съ большою осторожностью довѣрять этимъ историческимъ изрѣченіямъ, появляющимся заднимъ числомъ).

*

Биронъ, какъ извѣстно, былъ большой охотникъ до лошадей. Графъ Остейнъ, Вѣнскій министръ при Петербург-

скомъ Дворѣ, сказали о немъ: «онъ о лошадяхъ говоритъ какъ человѣкъ, а о людяхъ какъ лошадь».

*

Суворовъ писалъ князю Потемкину въ 1790 г. «Истинная слава не можетъ быть довольно оцѣнена: она есть слѣдствіе пожертвованія самимъ собою въ пользу общаго блага».

Онъ же писалъ объ одномъ генералѣ: «онъ человѣкъ честный; воображаю, что онъ хорошо знаетъ свое ремесло и потому надѣюсь, что когда нибудь да вспомнить, что есть конница въ войскахъ его».

*

Въ одно изъ своихъ странствованій по Россіи, Пушкинъ остановился обѣдать на почтовой станціи въ какой-то деревнѣ. Во время обѣда является барышня очень приличной наружности. Она говоритъ ему, что, узнавъ случайно о провѣдѣ великаго нашего поэта, не могла удержаться отъ желанія познакомиться съ нимъ, отпускаетъ различныя привѣтствія, похвальные и восторженные.

Пушкинъ слушаетъ ихъ съ удовольствіемъ, и самъ съ нею любезничаетъ. На прощаньи барышня подаетъ ему вязанный ею кошелекъ и проситъ принять его на память о неожиданной ихъ встрѣчѣ. Послѣ обѣда Пушкинъ садится опять въ коляску; но не успѣлъ онъ еще выѣхать изъ селенія, какъ догоняетъ его кучеръ верхомъ, останавливаетъ коляску и говоритъ Пушкину, что барышня проситъ его заплатить ей десять рублей за купленный имъ у нея кошелекъ. Пушкинъ, заливаясь звонкимъ своимъ смѣхомъ, любилъ рассказывать этотъ случай авторскаго разочарованія.

*

Карамзинъ рассказывалъ, что кто-то изъ мало знакомыхъ ему людей позвалъ его къ себѣ обѣдать. Онъ явился на приглашеніе. Хозяинъ и хозяйка приняли его очень вѣжливо и почтительно и тотъ часъ же сами вышли изъ комнаты, гдѣ оставили его одного. Въ комнатѣ на столѣ лежало нѣсколько книгъ. Спусти 10 минутъ или $\frac{1}{4}$ часа, яв-

ляются хозяева, приходятъ и просятъ его въ столовую. Удивленный такимъ пріемомъ, Карамзинъ спрашиваетъ ихъ, за чѣмъ они оставили его? «Помилуйте, мы знаемъ, что вы любите заниматься и не хотѣли помѣшать вамъ въ чтеніи, нарочно приготовивъ для васъ нѣсколько книгъ».

*

Дмитріевъ рассказывалъ, что какой-то провинціалъ, когда заходилъ къ нему и заставлялъ его за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукахъ: «Что это вы пишете?» часто спрашивалъ онъ его, «нынче, кажется, не почтовый день».

*

Кто-то однажды навѣстилъ графа Ланжерона: онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ перомъ въ рукахъ и писалъ отрывисто, съ размахомъ, какъ многіе подписываютъ имя свое въ концѣ письма. Послѣ каждаго подобнаго движенія повторялъ онъ на своемъ ломаномъ Русскомъ языкѣ: «*Нѣ будетъ, нѣ будетъ!*» Чтоже оказалось? Онъ пробовалъ, какъ бы подписывалъ фельдмаршалъ графъ Ланжеронъ, если когда нибудь пожалованъ бы онъ былъ въ фельдмаршала, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что никогда фельдмаршаломъ ему не бывать. Онъ былъ очень разсѣянъ и часто отъ разсѣянности мыслилъ вслухъ въ присутствіи другихъ, что часто подавало поводъ къ разнымъ комическимъ сценамъ. К.... обѣдалъ у него въ Одессѣ во время его генераль-губернаторства. Общество было преимущественно составлено изъ иностранныхъ негоціантовъ. За обѣдомъ выхвалялъ онъ удовольствія Одесской жизни и, указывая на негоціантовъ, сказалъ, что съ такими образованными людьми можно пріятно провести время. На бѣду его, въ то время былъ онъ особенно озабоченъ просьбою о прибавкѣ ему столовыхъ денегъ. «А не дадутъ мнѣ прибавки, я этимъ господамъ» сталъ мыслить онъ вслухъ, «и этого не дамъ!» (схватилъ съ тарелки своей косточку, оставшуюся отъ котлетки.) Въ пріѣздъ Императора Александра въ Одессу, былъ приготовленъ для него домъ, занимаемый Ланжерономъ. Встрѣтивъ Государя и проводивъ его до кабинета, послѣ

разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, откланялся онъ, вышелъ изъ кабинета и по привычкѣ своей заперъ дверь на ключъ. Государь оставался нѣсколько времени въ заперти, но наконецъ застучался, и освободили его отъ заточенія. Ланжеронъ былъ умный и вообще довольно дѣятельный человекъ, но ужасно не любилъ заниматься канцелярскими бумагами. Случалось, что когда явятся къ нему чиновники съ докладами, онъ отъ нихъ прятался, выходилъ изъ дому какими нибудь задними дверьми и пропадалъ на нѣсколько часовъ. Кажется, графъ Каменскій (молодой) во время Турецкой войны, объяснялъ ему планы свои для будущихъ военныхъ дѣйствій. Какъ нарочно на столѣ лежалъ журналъ «Французскій Меркурій». Ланжеронъ машинально раскрылъ его и попалъ на шараду, въ журналѣ напечатанную. Продолжая слушать изложеніе военныхъ дѣйствій, онъ невольно занялся разгадываньемъ шарады. Вдругъ, перебивая рѣчь Каменскаго, вскрикнулъ онъ: «Что за глупость!» Можно представить себѣ удивленіе Каменскаго; но вскорѣ дѣло объяснилось, когда онъ узналъ, что восклицаніе Ланжерона относилось къ глупой шарадѣ, которую онъ разгадалъ. Въ другой разъ, чуть ли не въ засѣданіи какого-то военнаго совѣта, замѣтилъ онъ собачку подъ столомъ, вокругъ коего сидѣли присутствующіе члены. Сначала, неприятно для другихъ, сталъ онъ движеніемъ пальцевъ призывать къ себѣ эту собачку. Она подошла, онъ началъ ее ласкать и вдругъ, причмокивая, обратился къ ней съ ласковыми словами. Разумѣется, всѣ эти выходки не вредили Ланжерону, а только забавляли и смѣшили зрителей и слушателей, которые уважали въ немъ хорошаго и храбраго генерала. Въ арміи извѣстно слово, сказанное имъ во время сраженія подчиненному, который неловко исполнилъ приказаніе ему данное. «Ви пороху нѣ бойтесь, но за то ви его нѣ видумали». Однажды, во время своего начальства въ Одессѣ, былъ онъ недоволенъ Русскими купцами и собралъ ихъ къ себѣ, чтобы сдѣлать имъ выговоръ. Вотъ начало его рѣчи къ нимъ: «Какой ви негоцъантъ, ви марки-

тантъ; какой ви купецъ, ви овецъ» и движеніемъ руки своей выразилъ козлиную бороду. Однажды за обѣдомъ у Императора Александра сидѣлъ онъ между генералами Уваровымъ и Милорадовичемъ, которые очень горячо разговаривали между собою. Государь обратился къ Ланжерону съ вопросомъ, о чемъ идетъ ихъ живая рѣчь. «Извините, Государь отвѣчалъ онъ, я ихъ не понимаю: они говорятъ пофранцузски». Извѣстно, что Уваровъ и Милорадовичъ отличались своею несчастною любовью къ Французскому языку. Въ молодости своей, Ланжеронъ писалъ трагедіи, какъ и всѣ мало-мальски грамотные люди во Франціи: у Французовъ тогда была мода на трагедіи, какъ у насъ въ тоже время на торжественныя оды. Въ началѣ Французской революціи 1789 года участвовалъ онъ въ журналѣ «Les actes des Apôtres», издаваемомъ, разумѣется, въ духѣ монархическомъ и въ защиту королевской власти. Сотрудниками журнала были очень умные и острые люди, такъ что журналъ часто удачно соперничалъ съ оппозиціонными періодическими изданіями. Въ Одессѣ Ланжеронъ далъ Пушкину трагедіи свои на прочтеніе. Понимается, Пушкинъ ихъ не прочелъ и, спустя нѣсколько времени, на вопросъ Ланжерона, которая изъ трагедій болѣе ему нравится, отвѣчалъ ему на угадъ, именуя заглавіе одной изъ нихъ. Въ ней выведенъ быть республиканецъ.

Дмитріевъ, жалуясь на скучнаго и усерднаго посѣтителя своего, говорилъ, что онъ приходитъ держать его подъ карауломъ.

«За что многіе не любятъ тебя?» кто-то спрашивалъ Ѳ. И. Киселева. — «За что же всѣмъ любить меня?» отвѣчалъ онъ: «вѣдь я не золотой имперіаль».

Графъ Толстой, извѣстный подъ прозвищемъ Американца, хотя не всегда правильно, но всегда сильно и мѣтко говоритъ порусски. Онъ мастеръ играть словами, хотя во-

все не бѣгаетъ за каламбурами. Однажды заходитъ онъ къ старой своей теткѣ. «Какъ ты встати пришелъ», говоритъ она: «подпишись свидѣтелемъ на этой бумагѣ.»—«Охотно, тетушка», отвѣчаетъ онъ и пишетъ: «при сей вѣрной оказіи свидѣтельствую тетушкѣ мое нижайшее почтеніе». Гербовый листъ стоилъ нѣсколько сотъ рублей.

Какой-то родственникъ его, ума ограниченнаго и скучный, все добивался, чтобы онъ познакомилъ его съ Денисомъ Давыдовымъ. Толстой подъ разными предлогами все откладывалъ представленіе. Наконецъ, однажды, чтобы разомъ отдѣлаться отъ скуки, предлагаетъ онъ ему подвести его къ Давыдову. «Нѣтъ», отвѣчаетъ тотъ, «сегодня не ловко: я лишнее выпилъ, у меня немножко въ головѣ». — «Тѣмъ лучше»,—говоритъ Толстой:— «тутъ-то и представляться къ Давыдову», беретъ его за руку и подводитъ къ Денису, говоря: «Представляю тебѣ моего племянника, у котораго немного въ головѣ».

Князь *** долженъ былъ Толстому по векселю довольно значительную сумму. Срокъ платежа давно прошелъ, и дано было нѣсколько отсрочекъ; но денегъ князь ему не выплачивалъ. Наконецъ Толстой, выбившись изъ терпѣнія, написалъ ему: «Если вы къ такому-то числу не заплатите долгъ свой весь сполна, то не пойду я искать правосудія въ судебныхъ мѣстахъ, а отнесусь прямо къ лицу вашего сіятельства».

За дуэль или какую-то проказу былъ посаженъ онъ въ Выборгскую крѣпость. Спустя нѣсколько времени, показалось ему, что срокъ содержанія его въ крѣпости уже миновалъ, и началъ онъ рапортами и письмами бомбардировать начальство, то съ просьбою, то съ жалобою, то съ упреками. Это наконецъ надоѣло коменданту крѣпости, и онъ прислалъ ему строгое предписаніе и выговоръ съ приказаніемъ не осмѣливаться впредь докучать начальству пустыми ходатайствами. Малограмотный писарь, переписывавшій эту официальную бумагу, гдѣ-то и совершенно неумѣстно, поставилъ вопросительный знакъ. Толстой обѣими руками

такъ и схватился за этотъ неожиданный знакъ препина-
нiя и снова принялся за перо. «Перечитывая» (пишетъ
онъ коменданту) нѣсколько разъ съ должнымъ вниманiемъ
и съ покорностью предписанiе вашего превосходительства,
отыскалъ я въ немъ вопросительный знакъ, на который
вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность отвѣтствовать». И
тутъ же сталъ онъ снова излагать свои доводы, жалобы
и требованiя.

Шепелевъ (генералъ Дмитрiй Дмитрiевичъ) говоритъ
всегда нѣсколько высокопарно. Однажды сказалъ онъ Тол-
стому: «Послушайся, голубчикъ, моего совѣта: если у тебя
будетъ сынъ, учи его непремѣнно гидравликъ». — «Почему
же именно гидравликъ?» спрашиваетъ Толстой. — «А вотъ
почему. Мы, напримѣръ, гуляемъ съ тобою въ деревнѣ
твоей, подходимъ къ ручью, я беру тебя за руку и гово-
рю тебѣ: Толстой, дай мнѣ 100 т. рублей»... «Нѣтъ», съ жи-
востiю прервалъ его тотъ: «подведи меня хоть къ морю,
такъ не дамъ». — «Не въ томъ дѣло», продолжаетъ Шепелевъ,
«но я увидѣлъ, что на этой рѣчкѣ можно построить мель-
ницу или фабрику, которая должна дать до 20 и 30 т. р.
ежегоднаго дохода».

Когда появились первые 8 томовъ Исторiи Государства
Россiйскаго, онъ прочелъ ихъ однимъ духомъ, и послѣ
часто говорилъ, что только отъ чтенiя Карамзина узналъ
онъ, какое значенiе имѣетъ слово Отечество и получилъ
сознанiе, что у него Отечество есть. Впрочемъ недостатокъ
этого сознанiя не помѣшалъ ему въ 12-мъ году оставить
Калужскую деревню, въ которую сосланъ онъ былъ на
житье, и явиться на Бородинское поле: тутъ надѣлъ онъ
солдатскую шинель, ходилъ съ рядовыми на бой съ не-
приятелемъ, отличился и получилъ Георгiевскiй крестъ
4-ой степени.

*

Кн. Чарторижскiй (старикъ, въ концѣ прошлаго столѣ-
тiя) распустилъ по Варшавѣ слухъ, что прiѣхалъ знаме-
нитый гадатель, обладающiй удивительнымъ дарованiемъ

узнавать прошедшее и угадывать будущее, что остановился онъ въ Пражскомъ предмѣстїи, въ такомъ-то домѣ и въ такіе-то часы принимаетъ посѣтителей. Въ эти часы отправлялся онъ самъ въ назначенное мѣсто, переряжался и въ темной комнатѣ давалъ свои аудіенціи. Разумеется, что все общество хлынуло къ нему, и въ особенности дамы. Онъ зналъ всѣхъ жителей Варшавскихъ, болѣе или менѣе всѣ ихъ дѣйствія, желанія и помыслы, а потому и легко было ему удивлять всѣхъ своимъ чудеснымъ всевѣднїемъ. Между тѣмъ узналъ онъ и многія новыя тайны, которыя предъ нимъ обнаружались и невольно были высказаны. И жена его попалась въ эту сѣть. Можетъ быть, и она проговорилась, и всевѣдущій магъ узналъ иное, чего онъ не зналъ. Вотъ хорошій сюжетъ для повѣсти или для оперетки.

Генераль Лубинскій, Полякъ въ душѣ, но умѣренный и благоразумный либераль, говорилъ, что Полякамъ не должно забывать, что царь конституціонный въ Польшѣ, есть императоръ самодержавный въ Россіи, и что въ борьбѣ свободы съ властью должно всегда имѣть эту истину передъ глазами.

На вечерѣ у княг. Заіончекъ (жены намѣстника) рѣчь зашла о желаніяхъ каждаго, и каждый изъ присутствующихъ долженъ былъ выразить, чего просилъ бы онъ отъ судьбы, если она взялась бы исполнить желаніе. «Спасти Отечество», сказалъ П. «Что же», съ живостію перебила его княгиня Заіончекъ, «вы имѣли бы тутъ общую участь съ гусями Капитолія». Это слово очень остроумно и очень умѣстно въ официалномъ положеніи княгини. Она вообще мало разговариваетъ, но отрывисто и мѣтко отпускаетъ подобные выстрѣлы.

Канцлеръ Румянцевъ когда-то сказалъ, что Наполеонъ не лишентъ какого-то простодушія (*bonhomie*). Всѣ смѣялись надъ этимъ мнѣніемъ и приписывали его недално-

видности ума Румянцева. А можетъ быть онъ былъ и правъ. Въ частныхъ сношеніяхъ Наполеона съ приближенными и подчиненными ему людьми была нѣкоторая простота, какъ оказывается изъ многихъ разсказовъ и отзвововъ. Къ тому же, по горячности своей, онъ былъ нерѣдко не скромнень и проговаривался. Н. Н. Новосильцевъ разсказывалъ, что за столомъ у Государя, Румянцевъ, по возвращеніи своемъ изъ Парижа, сказалъ слѣдующее: «Въ одномъ изъ моихъ разговоровъ съ Наполеономъ осмѣлился я однажды замѣтить ему: «Неужели, государь, при достиженіи подобнаго величія и высоты, не подумали вы, что, сколь вы ни всемогущи, но законъ природы падетъ и на васъ. Избрали-ли вы достойнаго себя наслѣдника и преемника вашей славы?» — «Повѣрите ли, графъ», отвѣчалъ Наполеонъ, ударяя себя по лбу, что мнѣ это и въ голову не приходило! Благодарю. Вы меня надоумили». — Оставляю на произволъ каждаго рѣшить, не солгалъ ли тутъ кто нибудь изъ трехъ; а на правду что-то не похоже.

Князь Дашковъ, сынъ знаменитой матери, имѣлъ, говорить, въ обращеніи и въ приемахъ своихъ что-то барское и откровенно-вѣжливое, что впрочемъ и бываетъ истиннымъ признакомъ человека благороднаго и образованнаго. Въ доказательство этихъ качествъ князя Дашкова, В. Л. Пушкинъ приводитъ слѣдующій случай. Онъ, т. е. Пушкинъ и зять его Солнцевъ, были коротко знакомы къ княземъ и могли обѣдать у него, когда хотѣли. Однажды пріѣзжаютъ они къ нему въ часъ обѣда и застаютъ у хозяина все отборное Московское общество, всѣхъ сановниковъ и всѣхъ наличныхъ Андреевскихъ кавалеровъ. Увидя, что на этотъ разъ пріѣхали они не внопадъ, уѣзжаютъ домой. Недѣлю спустя, получаютъ они отъ князя приглашеніе на обѣдъ, пріѣзжаютъ и находятъ то самое общество, которое застали они въ тотъ день.

Въ 1809 или 1810 г. прїѣзжалъ въ Москву, Богъ знаетъ откуда, какой-то чудакъ, который выдавалъ себя за барона Жерамба, носилъ всегда черный гусарскій мундиръ и вмѣсто звѣзды на груди серебрянную мертвую голову. Онъ увѣрялъ, что этотъ мундиръ и эта голова были присвоены полку, который онъ на своемъ иждивеніи поставилъ въ Австріи во время войны. Все это казалось очень баснословно, но самъ былъ онъ очень милъ и любезенъ и хорошо принять въ лучшіе Московскіе дома. Сначала жилъ онъ очень широко, разѣвжалъ по Москвѣ въ щегольской каретѣ цугомъ, игралъ въ карты, проигрывалъ довольно значительныя суммы и т. д. Наконецъ денежные средства его, повидимому, истощились. Въ подобной крайности написалъ онъ кн. Дашковой письмо такого содержания: что онъ видѣлъ Родосскій колоссъ, Египетскія пирамиды и подобныя тому чудеса и не умирать спокойно, если не удостоится увидать княгиню Дашкову. Старушка была тронута этимъ лестнымъ привѣтомъ и пригласила его къ себѣ. Въ первое же свое посѣщеніе попросилъ онъ у княгини дать ему взаемъ 25000 рублей. Княгиня, разумѣется, ихъ не дала, и знакомство ихъ на этомъ и кончилось. Когда Русскія войска вступили въ Парижъ, многіе офицеры, знавшіе Жерамба въ Россіи, нашли его трапистомъ въ Парижѣ и подъ именемъ отца Жерамба. Онъ, кажется, нѣсколько былъ извѣстенъ и литературными произведеніями. Во время пребыванія своего въ Москвѣ, обратилъ онъ сердечное вниманіе свое на одну дѣвицу и, не смѣя ей въ томъ признаться, написалъ въ альбомѣ ея брата: Prince, je vous adorerai, si Vous étiez Votre soeur.

За полученіемъ извѣстія о кончинѣ императора Александра послѣдовало въ Варшавѣ политическое и междуцарственное затишье, впрочемъ болѣе наружное и официальное; а умы, разумѣется, были взволнованы молчаніемъ правительства и не знали, какъ объяснять это молчаніе. Депутатія отъ Государственнаго Совѣта и другихъ выс-

шихъ мѣсть рѣшилась отправиться къ генералу Курутъ. Онъ спалъ. Поляки убѣдили камердинера разбудить его, потому что прѣехали по важному и неотлагательному дѣлу. Курута принялъ ихъ въ постели. Они объяснили, что желаютъ представиться новому Императору и спрашиваютъ, когда и какъ могутъ исполнить эту обязанность. «*Cela ne cadre pas avec nos combinaisons*» (это несоотвѣтствуетъ нашимъ расчетамъ), отвѣчалъ имъ Курута, повернулся на другой бокъ и тутъ же заснулъ.

Александръ Голицинъ, извѣстный подъ именемъ Рыжаго, въ слѣдствіе какихъ-то неудовольствій по службѣ и неприятныхъ словъ, сказанныхъ ему Великимъ Княземъ, просился въ отставку. Курута назначенъ былъ отъ Цесаревича negotiatorомъ, чтобы убѣдить Голицина отказаться отъ своего намѣренія. «*Mon cher, сказалъ ему благоразумный Улиссъ, le Grand Duc est un grand prince, c'est le frère de l'Empereur. Il faut être magnanime avec les grands et savoir se survaincre*» (Мой милый, Великій Князь—великая особа, онъ братъ Императора. Надо быть великодушнымъ съ великими особами и уметь себя преодолевать).

Говоря о нѣкоторыхъ блестящихъ счастливицахъ, N N сказалъ: «Отъ нихъ такъ и несетъ ничтожествомъ».

Н. Н. Новосильцевъ, человекъ умный, хотя и въ нѣкоторомъ размѣрѣ, очень образованный, доброжелательный, способный имѣть благородныя движенія, а иногда и силу выражать ихъ на дѣлѣ. Но при этомъ есть слабости въ умѣ и характерѣ его. Ихъ должно приписывать средѣ, въ которой онъ обращался. Въ нашемъ обществѣ нѣтъ надлежащаго контроля, и общественное мнѣніе не имѣетъ довольно силы, чтобы подчинять нравственной дисциплинѣ дѣйствія и привычки своихъ членовъ. Въ Варшавѣ онъ не умѣетъ обращаться съ Поляками. Онъ любитъ, ласкаетъ, принимаетъ и угощаетъ своими роскошными обѣдами только тѣхъ Поляковъ, которые и безъ того принадлежатъ Россіи, какъ

принадлежали бы они всякой другой господствующей державѣ (есть же натуры, которыя, какъ вещи, должны непременно кому нибудь принадлежать). Политика должна дѣлать уступки, заискивать и стараться разными обольщеніями вербовать даже и недоброжелателей. Этому способа завоеванія Новосильцевъ никогда не испытывалъ. Своею невнимательностью, недоступчивостью, онъ только раздражалъ людей, считавшихся въ оппозиціи. Нѣмцевичъ, за объѣдомъ у NN, говорилъ сосѣду своему съ слезами на глазахъ: «Вотъ первый кусокъ Русскаго хлѣба, который я ѣмъ въ Варшавѣ». Но впрочемъ много было въ Новосильцевѣ сочувственнаго и привлекательнаго: большая простота и одинаковость въ обращеніи. Разговоръ его могъ быть разнообразенъ и занимателенъ; но по какой-то лѣни онъ не любитъ упражнять свой умъ, и по большей части разговоръ вертится около мелочей, событій и городскихъ сплетней. Лѣнь его до того доходитъ, что онъ даже не читаетъ газетъ и признается, что узнаётъ о важныхъ Европейскихъ событіяхъ отъ Англичанина, камердинера своего, который прілежный читатель Англійскихъ газетъ, выписываемыхъ Новосильцевымъ. Онъ до того безпеченъ, что однажды, и то нечаянно, отыскалъ въ старой забытой имъ шкатулкѣ многія важныя и драгоценныя бумаги, между прочими собственноручныя на Французскомъ языкѣ письма отъ Англійскаго принца-регента, нынѣшняго короля: одно о ГанOVERскихъ дѣлахъ, другое съ просьбою исходатайствовать ему позволеніе пріѣхать на твердую землю и принять участіе въ войнѣ противъ Наполеона. Было письмо и отъ Пита. И вмѣстѣ съ этими бумагами отыскались въ шкатулкѣ забытыя ассигнаціи на 2000 р. Въ молодости онъ писывалъ Русскіе стихи и, кажется, особенно эпистолы, которыя въ царствованіе Екатерины были въ большомъ ходу. Но и теперь художественныя привычки отчасти остались при немъ. Можно иногда застать его за переводомъ, бѣлыми стихами, которой нибудь оды Анакреона или за клавирами, ра-

зыгрывающаго сонату. Эти отдыхи и досуги въ жизни оціальнаго челоуѣка имѣють особенную прелесть.

Новосильцева можно назвать заколоченнымъ колодцемъ многихъ историческихъ достопамятностей.

Князь Голицинъ прозванъ Jean de Paris (название современной оперы), потому что онъ въ Парижѣ, во время пребыванія нашихъ войскъ, выигралъ въ одномъ игорномъ домѣ миллионъ франковъ и, спустя нѣсколько дней, проигралъ ихъ такъ, что не съ чѣмъ было ему выѣхать изъ Парижа. Онъ большой чудакъ и находится на службѣ при Великомъ Князѣ въ Варшавѣ въ должности—какъ бы сказать?—забавника. И въ самомъ дѣлѣ онъ очень забавенъ при какой-то сановитости въ постановкѣ и кудреватости въ рѣчахъ. Надобно прибавить, что онъ отъ природы былъ немного трусоватъ. Однажды ѣхалъ онъ въ коляскѣ съ Великимъ Княземъ, и скакали они во всю лошадиную прыть. Это Голицину не очень нравилось. «Осмѣлюсь замѣтить», сказалъ онъ, «и доложить Вашему Императорскому Высочеству, что если малѣйшій винтъ выскочитъ изъ коляски, то отъ Вашего Императорскаго Высочества можетъ остаться только одна надпись на гробницѣ: здѣсь лежитъ тѣло Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича». «А Михель?» спросилъ Великій Князь Михель былъ главный вагенмейстеръ при Дворѣ В. К.).—«Пріемлю смѣлость почтительнѣйше повергнуть на благоусмотрѣніе и прозорливое соображеніе Вашего Императорскаго Высочества, что если, къ общему несчастью, не станетъ В. И. Высочества, то и Михель Е. И. Высочества бояться не будетъ».

Въ другой разъ говорилъ онъ Великому Князю: «Вотъ кажется, Ваше Высочество и нѣсколько привыкли ко мнѣ, и жалуете, и удостоиваете меня своимъ милостивымъ благорасположеніемъ, но все это не надежно. Пришла бы на умъ Государю мысль сказать Вамъ: Мнѣ хотѣлось бы съѣсть Голицина. Вы только бы и спросили: а на какомъ соусѣ прикажете приготовить его?»

Однажды захотѣлось ему имѣть прибавку къ получаемому имъ содержанію, казенную квартиру и еще что-то подобное въ этомъ родѣ. Передалъ онъ свои желанія генералу Курутѣ. Тотъ имѣлъ привычку никогда и никому ни въ чемъ не отказывать. «Очень хорошо, mon cher, сказалъ онъ Голицину: въ первый разъ, что мы съ вами встрѣтимся у Великаго Князя, я при васъ же ему о томъ доложу». Такъ и случилось. Начался между Великимъ Княземъ и Курутою, какъ и обыкновенно бывало, разговоръ на Греческомъ языкѣ. Голицинъ слышитъ, что нѣсколько разъ было упоминаемо имя его. Слышитъ онъ также, что на предложенія Куруты Великій Князь не разъ отвѣчалъ: «калось». Всѣ принадлежащіе Варшавскому Двору довольно были свѣдуши въ Греческомъ языкѣ, чтобы знать, что слово калось значитъ порусски: хорошо. Голицинъ въ восхищеніи. При выходѣ изъ кабинета Великаго Князя, Голицинъ только что собирался изъявить свою глубочайшую благодарность Курутѣ, тотъ съ печальнымъ лицомъ, объявляетъ ему: «сожалѣю, mon cher, что не удалось мнѣ удовлетворить вашему желанію; но Великій Князь во всемъ вамъ отказываетъ и приказалъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы впередъ не осмѣливались обращаться къ нему съ такими пустыми просьбами». — Что же оказалось послѣ? Курута, догадывая о ходатайствѣ Голицина, прибавлялъ отъ себя по каждому предмету, что по его мнѣнію Голицинъ не имѣетъ никакого права на подобную милость; а въ концѣ заключилъ, что слѣдовало бы запретить Голицину повторять свои домогательства. На все это Великій Князь и изъявлялъ свое совершенное согласіе. Надобно видѣть и слышать, съ какимъ драматическимъ и мимическимъ искусствомъ Голицинъ передаетъ эту сцену, которою искусный комическій писатель могъ бы воспользоваться съ успѣхомъ.

На довольно многолюдномъ вечерѣ у Варшавскаго коменданта Левицкаго, Новосильцевъ имѣлъ непріятную стычку съ однимъ изъ адъютантовъ Великаго Князя. Съ горяча

далъ онъ ему почувствовать, что власть, которою онъ официально уполномоченъ, можетъ простираться и на него. Разумѣется, это было доведено до свѣдѣнія Цесаревича, который остался очень недоволенъ. Пошли переговоры, Новосильцевъ былъ не прочь и отъ поединка, но дѣло обошлось миролюбиво, хотя, можетъ быть, и болѣе неприятнымъ образомъ для Новосильцева. Въ слѣдствіе посредничества со стороны Цесаревича, Новосильцевъ долженъ былъ сказать нѣсколько извинительныхъ словъ адъютанту въ томъ же домѣ и предъ тѣмъ же обществомъ, которое было свидѣтелемъ стычки. Такъ и случилось. Съ этой поры политическое и нравственное значеніе Новосильцева въ Варшавѣ было нѣсколько потрясено, и изъ независимаго положенія перешелъ онъ въ другое, которое подчинило независимость его постороннему влиянію. Спрашивали у Васеньки Апраксина, одного изъ зрителей этой примирительной сцены, какъ обошлось все дѣло. «Очень хорошо», отвѣчалъ онъ, «Байковъ (старшій и ближайшій къ Новосильцеву чиновникъ) ввелъ его въ комнату и сказалъ ему: «Fils de S-t Louis, montez au Ciel»^{*)}). Извѣстно, что эти слова были сказаны духовникомъ несчастнаго Людовика XVI, когда онъ всходилъ на эшафотъ. Замѣчательна удачная находчивость Апраксина въ подобныхъ случаяхъ. Онъ не зналъ исторіи, ничего никогда не читалъ, вѣроятно, какъ-то мелькомъ слышалъ про это изрѣченіе и тутъ же примѣнилъ его такъ мѣтко, остроумно и забавно. Кромѣ саморощенного дарованія на острия слова, Апраксинъ имѣетъ еще и другіе таланты. Никогда не учась музыкѣ, поетъ онъ прекрасно и разыгрываетъ на клавинодахъ лучшія мѣста изъ слышанныхъ имъ оперъ. Никогда не учась рисованью, онъ мастерски владѣетъ карандашомъ и пишетъ прекрасныя каррикатуры. У генерала Спягина есть большой альбомъ, Апраксинымъ исписанный: тутъ, въ смѣшныхъ и мѣткихъ изображеніяхъ, проходитъ все Петербургское общество. Со

^{*)} Сынъ св. Людовика, взмди на Небо.

временемъ этотъ альбомъ можетъ сдѣлаться историческою достопамятною.

*

Въ дневникѣ NN записано: «Мое дѣло не дѣйствіе, а впечатлительная ошутительность; меня хорошо бы держать какъ термометръ: онъ не можетъ ни нагрѣть, ни освѣжить покоя, но ничто скорѣе и вѣрнѣе его не почувствуетъ и не укажетъ настоящую температуру. Часто замѣчалъ я за собою при событіяхъ, что поражали меня иные признаки и свойства, которые ускользали отъ вниманія другихъ».

*

Многое можетъ въ прошлой исторіи нашей объясниться тѣмъ, что Русскій, т. е. Петръ Великій силится сдѣлать изъ насъ Нѣмцевъ, а Нѣмка, т. е. Екатерина Великая хотѣла сдѣлать насъ Русскими.

*

Я желалъ бы славы себѣ, но не для себя, а съ тѣмъ, чтобы озарить ея могилу отца и колыбель моего сына.

*

О Небо! За чѣмъ при склонностяхъ мирныхъ даю ты мнѣ и порывы мятежные? Тихое забвеніе, тихое убѣжище, тѣнь двухъ-трехъ деревъ, свѣтлый бѣгъ ручья, при васъ мысль моя отдыхаетъ. Вами, кажется, могла бы ограничиться вся алчность моихъ желаній; но страсти, обольщенія свѣта, уносятъ меня далеко отъ васъ. Въ волненіи тоски безпредѣльной я вдыхаю по васъ: на нашемъ безмятежномъ лонѣ порываюсь на новыя движенія. Я въ всегдашней борьбѣ съ самимъ собою и не знаю, что окончательно одержитъ верхъ. У другихъ для этого тайнаго и глухаго волненія пробуждается вѣчно-бьющій источникъ поэзіи; но не каждому судьбою дается онъ въ удѣлъ. А, кажется, онъ одинъ можетъ утолить жажду души, равнодушной къ такъ называемымъ земнымъ благамъ, души, которая готова изсохнуть на почвѣ, гдѣ, по преданіямъ толпы, растетъ чело-вѣческое счастье и расцвѣтаютъ житейскія выгоды.

*

Магницкій зашелъ однажды къ Тургеневу (Александру) и засталъ у него барыню-просительницу, которая объяснила ему свое дѣло. Магницкій сѣлъ въ сторону и ожидалъ конца аудіенціи. Докладывая по дѣлу своему, на какое-то замѣчаніе Тургенева, барыня говоритъ: «Да помилуйте, ваше превосходительство, и въ Евангеліи сказано: на Бога надѣйся, а самъ не плошай». «Нѣтъ ужъ извините, вскочивъ со стула и подбѣжавъ къ барынѣ, съ живостью сказалъ ей Магницкій. Этого, милостивая государыня, въ Евангеліи нѣтъ». И опять возвратился на свое мѣсто.

Когда въ 1812 году Магницкій жилъ въ ссылкѣ, въ Вологдѣ, какой-то доморощенный Вологодскій поэтъ написалъ слѣдующіе стихи:

Сперанскій высоко взлетѣлъ,
Россію предать хотѣлъ:
За то сосланъ въ Сибирь
Копать имбирь.
Магницкій сидитъ,
Туда же глядитъ.

Стихи даютъ нѣкоторое понятіе объ общемъ расположеніи къ двумъ политическимъ ссыльнымъ. Слѣдующій случай еще сильнѣе можетъ служить тому признакомъ. Рассказывали, что Магницкій пошелъ въ лавку и, купивъ самоваръ, велѣлъ отнести его къ себѣ на квартиру, сказавъ свою фамилію. Услышавъ ее, купецъ выгналъ его изъ лавки и самовара не продалъ. Этотъ анекдотъ можетъ быть и выдуманъ, но онъ ходилъ по Вологдѣ и слѣдовательно имѣетъ свое значеніе.

Молодой князь Марцелинъ Любомирскій былъ очень хорошо принятъ въ лучшемъ Петербургскомъ обществѣ; но скоро своротилъ съ пути, растерялся, надѣлалъ долговъ и тайно скрылся. Во время расточительной жизни своей, онъ все указывалъ заимодавцамъ на мѣстечко *Дубно*, которое принадлежало отцу его и вскорѣ должно было поступить въ продажу и что тогда выплатить онъ всѣ свои долги. Н при этомъ сказалъ: «Займодавцы Любомирскаго могутъ

измѣнить известную пословицу и говорить: славны *Дубны* за горами».

*

Нелединскій говоритъ, что при Дворѣ *сегодня* не есть послѣдствіе вчерашняго дня, и ненадежное указаніе на завтрашній. Каждый день при Дворѣ имѣетъ свою отдѣльную судьбу. Такъ на него и должно смотрѣть. Въ 1812 году Нел. оставилъ Москву за нѣсколько минутъ до вступленія Французовъ и такъ врасплохъ, что выѣхалъ въ своей извозничьей каретѣ, какъ развѣжалъ по городу. Въ Ярославлѣ представлялся онъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. На слова Нелединскаго, который, смотрѣлъ довольно мрачно на совершающіяся событія и на послѣдствія, которыми могутъ они отозваться въ Россіи, Великая Княгиня съ живостью возразила ему: «Но однако же братъ мой любимъ народомъ».—«Конечно, отвѣчалъ Нелединскій. Государь любимъ, но любовь поддерживается довѣріемъ, а довѣріе рождается отъ успѣховъ». Послѣ выхода Французовъ изъ Москвы и водворенія въ ней нѣкотораго порядка, онъ никакъ не могъ рѣшиться оставаться въ ней на житьѣ, какъ прежде. Онъ говорилъ, что въ глазахъ его непріятель опозорилъ Москву. Онъ продалъ свой большой домъ на Мясницкой и переселился на житье и на службу въ Петербургъ. Въ одной изъ залъ его дома была во всю длину стѣна уставлена большими зеркалами. Во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, онъ говорилъ, что понимаетъ, съ какимъ удовольствіемъ квартирующие въ домѣ его Французы должны стрѣлять изъ пистолетовъ въ эту зеркальную стѣну.

*

Во дни процвѣтанія Библейскихъ обществъ, манифестовъ Шишкова и злоупотребленія часто совершенно не у мѣста текстовъ изъ Священнаго Писанія, Дмитріевъ говорилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ наши свѣтскіе писатели просятъ въ духовные, духовные стараются примѣнить языкъ свой къ свѣтскому». Къ нему ходилъ одинъ Московскій

священникъ, довольно образованный и до того свѣдущій во Французскомъ языкѣ, что когда проходилъ по церкви мимо барынь съ кадиломъ въ рукахъ, говорилъ имъ: «*Par-dieu, mesdames*». Онъ не любилъ митрополита Филарета и критиковалъ языкъ и слогъ проповѣдей его. Дмитриевъ никогда не былъ большимъ приверженцемъ Филарета, но въ этомъ случаѣ защищалъ его. «Да помилуйте, ваше высокопревосходительство», сказалъ ему однажды священникъ: «ну такимъ ли языкомъ писана ваша «Модная жена?»

Въ старой Москвѣ жила одинъ Левашовъ, очень образованный, пріятнаго обхожденія, славящійся актерскимъ искусствомъ своимъ на домашнихъ театрахъ, но по несчастью до нельзя пристрастный къ пиву. Говорятъ, что онъ передъ концемъ своимъ выпивалъ его по нѣскольکو десятковъ бутылокъ въ сутки. Дмитриевъ, который былъ съ нимъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ, рассказывалъ, что въ короткихъ ему домахъ онъ не стѣснялся, но все таки немного совѣстился частыхъ требованій любимого своего напитка; а потому и выражалъ свои требованія разнообразными способами: то повелительнымъ голосомъ приказывалъ слугѣ подать ему стаканъ пива, то просилъ въ полголоса, то мелко и какъ будто незамѣтно въ общемъ разговорѣ. Дмитриевъ примѣняетъ эти различныя интонаціи къ Василию Львовичу Пушкину, большому охотнику твердить и повторять свои стихи. «И онъ», замѣчаетъ Дмитриевъ, «то восторженно прочтетъ свое стихотвореніе, то нѣсколькими тонами понизитъ свое чтеніе, то ухватится за первый попавшійся предлогъ и прочтетъ стихи свои, какъ будто случайно».

Въ Москвѣ до 1812 г. не былъ еще извѣстенъ обычай разносить передъужиномъ въ чашкахъ бульонъ, который съ Французскаго слова называли *consommé*. На вечеръ у Василия Львовича Пушкина, который любилъ всегда хвататься нововведеніями, разносили гостямъ такой бульонъ,

по обычаю, который онъ вѣроятно вывезъ изъ Петербурга или изъ Парижа. Дмитріевъ отказался отъ него. Василій Львовичъ подбѣгаетъ къ нему, и говоритъ: «Иванъ Ивановичъ, да вѣдь это *consommé*.—«Знаю, отвѣчаетъ Дмитріевъ, съ нѣкоторою досадою, что это не ромашка, а все таки пить не хочу». Дмитріевъ, при всей простотѣ обращенія своего, былъ очень щекотливъ, особенно когда покажется ему, что подозрѣваютъ его въ незнаніи свѣтскихъ обычаевъ, хотя онъ большаго свѣта не любилъ и никогда не ѣзжалъ въ вечернія многолюдныя собранія.

*

Было какое-то торжественное празднество въ кадетскомъ корпусѣ въ присутствіи В. К. Константина Павловича и многихъ вышихъ сановниковъ. А. Л. Нарышкинъ подходитъ къ Великому Князю и говоритъ: «*J'ai aussi un cadet ici*». «Я и не зналъ», отвѣчаетъ Великій Князь, «представь мнѣ его». Нарышкинъ отыскиваетъ брата своего Дмитрія Львовича, подводитъ его къ Константину Павловичу и говоритъ: «*Voici mon cadet*». Великій Князь расхохотался, а Дмитрій Львовичъ по обыкновенію своему пуще расфыркался и встрахивалъ своею напудренною и тщательно завитою головою *).

А. Л. Нарышкинъ былъ въ ссорѣ съ канцлеромъ Румянцевымъ. Однажды замѣтили, что онъ за нимъ ухаживаетъ и любезничаетъ съ нимъ. Спросили у него объяснить тому причину. Онъ отвѣчалъ, что причина въ баснѣ Лафонтена

*Maitre-corbeau sur un arbre perché
Tenait en son bec un fromage;
Maitre-renard par l'odeur alléché
Lui tint à-peu-pré ce langage и пр.*

Дѣло въ томъ, что у Румянцева на дачѣ изготовлялись отличные сыры, которые онъ дарилъ своимъ пріятелямъ. Нарышкинъ былъ очень лакомъ и началъ выхвалять сыры его въ надеждѣ, что онъ и его одѣлитъ гостинцемъ.

*) По Французски слово *cadet* имѣетъ значеніе и младшаго брата.

Нарышкинъ говорилъ про одного скучнаго царедворца: «Онъ такъ тяжелъ, что если продавать его на вѣсъ, то на покупку его не стало бы и Шереметьевскаго имѣнія».

*

Беклешовъ говорилъ о нѣкоторыхъ молодыхъ государственныхъ преобразователяхъ, въ началѣ царствованія императора Александра I: «Они, пожалуй, и умные люди, но лунатики. Посмотрѣть на нихъ, такъ не удивишься: одинъ ходитъ по самому краю высокой крыши, другой по оконечности крутаго берега надъ бездною; но назови любаго по имени, онъ очнется, упадетъ и расшибется въ прахъ».

*

Какимъ долженъ былъ быть поучительнымъ свидѣтелемъ для императора Павла, въ часъ вѣнчанія его на царство: гость его, развѣнчанный и почти плѣнникъ его, король Станиславъ. Впрочемъ во всемъ поведеніи императора Павла въ отношеніи къ Станиславу было много рыцарства и утонченной внимательности. Эти прекрасныя и врожденныя въ немъ качества привлекали къ нему любовь и преданность многихъ достойныхъ людей, чуждыхъ ласкательства и личныя выгоды. Они искупали частыя порывы его раздражительнаго или, лучше сказать, раздраженнаго событіями нрава. Нелединскій долго по кончинѣ его говорилъ о немъ съ теплою любовію, хотя и надъ нимъ раздражались иногда молніи царскаго гнѣва. Во время государевой поѣздки въ Казань, Нелединскій, бывший при немъ статсъ-секретаремъ, сидѣлъ однажды въ коляскѣ его. Проѣзжая черезъ какіе-то обширныя лѣса, Нелединскій сказалъ Государю: «Вотъ первые представители лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ». — «Очень поэтически сказано», возразилъ съ гнѣвомъ Государь, «но совершенно неумѣстно: изволь-ка сейчасъ выйти вонъ изъ коляски». Объясняется это тѣмъ, что было сказано во время Французской революціи, а слово *представитель*, какъ и круглыя шляпы, было въ загонѣ у Императора.

Въ эту же поѣздку лекарь Виліе, находившійся при в. к. Александрѣ Павловичѣ, былъ ошибкою завезенъ ямщикомъ на ночлегъ въ избу, гдѣ уже находился императоръ Павелъ, собиравшійся лечь въ постель. Въ дорожномъ платьѣ входитъ Виліе и видитъ предъ собою Государя. Можно себѣ представить удивленіе Павла Петровича и страхъ, овладѣвшій Виліемъ. Но все это случилось въ доброй часъ. Императоръ спрашиваетъ его, какимъ образомъ онъ къ нему попалъ. Тотъ взвинуется и ссылается на ямщика, который сказалъ ему, что тутъ отведена ему квартира. Посылаютъ за ямщикомъ. На вопросъ императора ямщикъ отвѣчалъ, что Виліе сказалъ про себя, что онъ анператоръ. «Врешь дуракъ», смѣясь сказалъ ему Павелъ Петровичъ, императоръ я, а онъ операторъ». — «Извините, батюшка» сказалъ ямщикъ, кланяясь царю въ ноги: я не зналъ, что васъ двое» (Разсказано княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, который былъ адъютантомъ Александра Павловича и сопровождалъ его въ эту поѣздку).

N N говорить: «Если, сходно съ поговоркою, говорится, рука руку моетъ, то едвали не чаще приходится сказать: рука руку мараетъ».

При Павловѣ (Николаѣ Филиповичѣ) говорили объ общественныхъ дѣлахъ и о томъ, что не должно разглашать ихъ недостатки и погрѣшности. «Сору изъ избы выносить не должно», кто-то замѣтилъ. «Хороша-же будетъ изба», возразилъ Павловъ, «если никогда изъ нея сору не выносить».

Похороны Ѳ. П. Уварова (Ноябрь 1824) были блестящія и со всѣми возможными военными почестями. Императоръ Александръ присутствовалъ при нихъ, отъ самаго начала отпѣванія до окончанія погребенія. «Славно провожаетъ его одинъ благодѣтель», сказалъ Аракчеевъ Алексію Ѳеодоровичу Орлову: «каково-то встрѣтитъ его другой благодѣтель?»

Историческое и портретное слово. Кажется, съ этихъ похоронъ Аракчеевъ пригласилъ Орлова съѣсть къ нему въ карету и довести его домой. «За что меня такъ не любить?» спросилъ онъ Орлова. Положеніе было щекотливо, и отвѣтъ былъ затруднителенъ. Наконецъ Орловъ все свалилъ на военныя поселенія, учрежденіе которыхъ ему приписывается и неясно понимается общественнымъ мнѣніемъ. «А если я могу доказать,» возразилъ съ жаромъ Аракчеевъ, «что это не моя мысль, а мысль Государя: я тутъ только исполнитель». Въ томъ-то и дѣло, каково исполненіе — могъ бы отвѣчать ему Орловъ, но вѣроятно не отвѣчалъ.

*

Статфордъ *) приѣхалъ въ Россію отъ имени Англійскаго правительства для переговоровъ по Греческимъ дѣламъ. Былъ онъ и въ Москвѣ на самую Пасху. Гуляя по Подновинскому, замѣтилъ онъ, что у насъ, въ противность Англійскимъ обычаямъ, полиція вездѣ на виду. «Эго не хорошо; нѣкоторые предметы требуютъ себѣ оболочки: природа нарочно, кажется, сокрыла отъ глазъ нашихъ теченіе крови». Посѣтивъ Московскій военный госпиталь, удивился онъ великолѣпію его и всѣмъ удобствамъ, устроеннымъ для больныхъ. «Если былъ бы я Русскимъ солдатомъ, сказалъ онъ», то кажется желалъ бы всегда быть больнымъ».

Каннингъ много уважаетъ Поппо-ди-Борго и политическую прозорливость его. Онъ знавалъ его въ Константинополѣ: въ самую пору славы и могущества Наполеона, не отчаивался Поппо въ низверженіи его. Впрочемъ и Петръ Степановичъ Валуевъ, который не былъ никогда глубоко-мысленнымъ политикомъ, какъ будто носилъ во чревѣ своемъ пророческое убѣжденіе, что Наполеону не сдобровать. Вскорѣ послѣ рожденія Римскаго королька, сказалъ онъ однажды Алексію Михайловичу Пушкину: «Не могу придумать, что сдѣлаютъ съ этимъ мальчишкою». «Кажется»,

*) Знаменитый Каннингъ. П. Б.

возразилъ Пушкинъ, «пристроиться ему будетъ не трудно: онъ наследуетъ Французскій престолъ». «Какой вздоръ! Наполеонъ за жива погибнетъ, и все приведено будетъ въ прежній порядокъ».

Въ прогулкѣ по Подновинскому, говорили о великанѣ, котораго показываютъ въ балаганѣ и который, по замѣчанію врачей, долженъ умереть, когда перестанетъ расти. Въ тотъ же день за обѣдомъ съ Канингомъ разговорились о Наполеонѣ; вспомнили, что онъ не умѣлъ довольствоваться тѣмъ, что казалось Фридриху верхомъ счастья. «Ничего человѣку», говаривалъ онъ, «присниться лучшаго не можетъ, какъ быть королемъ Франціи». Канингъ замѣтилъ, что Наполеону новыя завоеванія были нужны и необходимы, чтобы удержаться на престолѣ. N N примѣнилъ къ нему замѣчаніе, сдѣланное о великанѣ: въ натурѣ Наполеона, можетъ быть, была потребность или все расти или умереть.

Канингъ сказывалъ, что читалъ письмо Байрона, въ которомъ онъ писалъ издателю и книгопродавцу своему: «Чтобы наказать Англію, я учусь Итальянскому языку и надѣюсь быть чрезъ нѣсколько лѣтъ въ состояніи писать на немъ, какъ на Англійскомъ. На Итальянскомъ языкѣ напишу лучшее свое произведеніе, и тогда Англія узнаетъ, кого она во мнѣ лишилась». Онъ думаетъ, что Байронъ не могъ бы играть значительной роли и овладѣть событіями Греціи. По словамъ его, онъ былъ человѣкъ великой души, но слабыхъ нервовъ и слишкомъ подверженъ потрясенію подъ силою вѣшнихъ впечатлѣній. Однажды спросилъ онъ его, когда явится въ свѣтъ анига пріятеля его Гобъ-Гуза, а именно путешествіе его по Греціи. «Гобъ-Гузъ», отвѣчалъ Байронъ, «одной природы съ слонихою».

О Нѣмецкихъ переводахъ съ древнихъ языковъ, гекзаметрами, говоритъ онъ, что какъ они ни вѣрны, но безжизненны. «Предпочтительно» (продолжалъ онъ) знавать поэта въ младенчествѣ его, чѣмъ знать черты его».

Слѣдующее тоже изъ разговора Каннига. Еще до напечатанія книги своей о посольствѣ въ Варшавѣ, Прадтъ изустно и часто упоминалъ о восклицаніи, которое влагалъ онъ въ уста Наполеона: «Однимъ человѣкомъ мѣнѣе, и я былъ бы властелиномъ вселенной». При первомъ свиданіи съ Велингтономъ, послѣ первыхъ и лестныхъ привѣтствій касательно военныхъ дѣйствій его въ Испаніи, Прадтъ, въ кружкѣ слушателей около нихъ собравшихся, отпустилъ Велингтону выше упомянутое изрѣченіе Наполеона. Велингтонъ съ достоинствомъ и смиреніемъ опустилъ голову; но тотъ, не давъ ему времени распрямыться, съ жаромъ продолжалъ: «И этотъ человѣкъ я». Посудите о *coup de théâtre* и о неожиданности, выразившейся въ лицѣ Велингтона и другихъ слушателей.

Вообще разговоръ Каннига степененъ, но приятенъ и разнообразенъ. Рѣчь его похожа на самое лицо его: при первомъ впечатлѣніи оно нѣсколько холодно, но ясно и во всякомъ случаѣ очень замѣчательно. Даже не лишено оно нѣкоторыхъ отбѣнковъ простодушія, если не проникать слишкомъ въ глубь. Впрочемъ, разумѣется, онъ въ Россіи не показывался на распашку. Все же должна была быть нѣкоторая дипломатическая-драпировка.

Въ Твери, за столомъ у великой княгини Екатерины Павловны и въ присутствіи Государя, разговорились о Екатеринѣ Великой Графъ ***, современникъ ея царствованія, говорилъ о ней съ жаромъ и такъ развѣжился, что прослезился. На этомъ разговоръ пресѣлся. Послѣ обѣда графъ *** съ растревоженнымъ лицомъ подходитъ къ Ра-стопчину и говоритъ ему: «Кажется мнѣ, что я за обѣдомъ не кстати заплакалъ».

Безбородко говорилъ объ одномъ своемъ чиновникѣ: «Родъ человѣческій дѣлится на онъ и она, а этотъ—оно».

По воспоминаніямъ Павловскаго времени. Доклады и представленія военныхъ лицъ происходили у Аракчеева очень рано, чуть ли не въ шестомъ или въ седьмомъ часу утра. Однажды представляется ему молодой офицеръ, пріѣхавшій изъ арміи и мертво-пьяный, такъ что едва держится на ногахъ и слова выговорить не можетъ. Аракчеевъ приказалъ арестовать его и свести на гаупвахту. Въ теченіе дня Аракчеевъ призываетъ къ себѣ адъютанта своего князя Илью Долгорукаго и говоритъ ему: «Знаешь ли, у меня не выходитъ изъ головы этотъ молодой пьяный офицеръ: какъ могъ онъ напиться такъ рано, и еще предъ тѣмъ, чтобы явиться ко мнѣ! Тутъ что нибудь да кроется. Потрудись съѣздить на гаупвахту и постарайся развѣдать что это значитъ». Молодой офицеръ, не много отрезвившись, признается Долгорукову: «меня въ полку напугали страхомъ, который графъ Аракчеевъ наводитъ, когда представляются къ нему; увѣряли, что при малѣйшей оплошности могу погубить карьеру свою на всю жизнь, и я, который никогда водки не пью, для придачи себѣ бодрости, выпилъ залпомъ нѣсколько рюмокъ водки. На воздухѣ меня разобрало, и я къ графу явился въ этомъ несчастномъ положеніи. Спасите меня, если можно!» Долгоруковъ возвратился къ Аракчееву и все ему рассказалъ. Офицера приказано было тотчасъ выпустить изъ гаупвахты и пригласить на обѣдъ къ графу, на завтрашній день. Понимается, что офицеръ явился въ назначенный часъ совершенно въ трезвомъ видѣ. За обѣдомъ Аракчеевъ обращается съ нимъ очень ласково. Послѣ обѣда, отпуская его, сказалъ ему: «Возвратись въ свой полкъ и скажи товарищамъ своимъ, что Аракчеевъ не такъ страшенъ, какъ они думаютъ». (Разсказано кн. Ильею Долгоруковымъ).

Послѣ нѣкотораго отсутствія, Великій Князь, возвратившись въ Варшаву, былъ на смотру недоволенъ своимъ любимымъ Польскимъ 4-мъ полкомъ: полкъ что-то шагаль не такъ какъ слѣдуетъ. Послѣ многихъ вспышекъ гнѣва,

Великій Князь, отъѣзжая отъ полна, приказалъ Курутъ за-
няться имъ и привести все въ надлежащій порядокъ. «Слу-
шаю-сь; ваше императорское высочество», отъѣчалъ Куру-
та и, вынимая часы изъ кармана, прибавилъ: «черезъ пол-
часа шагъ будетъ отысканъ». Къ означенному времени Це-
саревичъ возвратился; ряды шагали какъ слѣдуетъ, и Ку-
рутъ и полку была изъявлена благодарность.

Какой-то шутникъ увѣряетъ, что когда въ придворной
церкви при молитвѣ «Отче нашъ» поютъ: «но избави насъ
отъ лукаваго», то князь Меншиковъ, крестясь искоса, гля-
дитъ на Ермолова, а Ермоловъ дѣлаетъ тоже, глядя на
Меншикова.

Лукавство и хитрость очень цѣнятся царедворцами; но
впрочемъ это мелкая монета ума: при одной этой мелкой
монетѣ ничего крупнаго и цѣннаго не добудешь.

Говорятъ, что Растопчинъ писалъ въ 1814 г. къ женѣ
своей: «Наконецъ Его Императорское Величество милости-
во согласился на увольнение мое отъ генераль-губернатор-
ства въ этомъ негодномъ городѣ» (*cette coquine de ville*.)
Въ всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнiя, что *негодница Москва*
была довольна увольненiемъ Растопчина. При возвращенiи
его въ Москву, освобожденную отъ непрiятеля, и когда
мало по малу начали сѣзжаться выѣхавшіе изъ нея, об-
щественное мнѣнiе оказалось къ Растопчину враждебнымъ.
Во дни опасности всѣ въ восторженномъ настроенiи патри-
стическаго чувства были готовы на всѣ возможныя жерт-
вы. Прошла опасность, и на принесенныя жертвы и на
повесенныя убытки стали смотрѣть другими глазами. Хо-
зяева сгорѣвшихъ домовъ начали сожалѣть о нихъ и ду-
мать, что, можетъ быть, и не нужно было ихъ жечь. Они
говорили, что одна изъ причинъ, которая погубила Напо-
леона, заключается въ томъ, что онъ слишкомъ долго
зажигался въ Москвѣ. Пожаръ Москвы могъ бы испугать

его и вынудить идти по пятамъ отступающей нашей арміи, которая съ трудомъ могла бы устоять предъ его преслѣдованіемъ. Какъ бы то ни было, но разладъ между Растопчинымъ и Москвою доходилъ до высшей степени. Растопчинъ былъ озлобленъ непріязненнымъ и, по мнѣнію его, неблагодарнымъ чувствомъ Московскихъ жителей. Онъ, кажется, сохранилъ это озлобленное чувство до конца жизни своей. На праздникъ, данному въ Москвѣ въ д. Полторацкаго послѣ вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ, это не доброжелательство къ Растопчину явилось въ слѣдующемъ случаѣ. Когда пригласили собравшихся гостей идти въ залу, гдѣ должно было происходить драматическое представленіе, князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ посѣвшилъ подать руку Маргаритѣ Александровнѣ Волковой, и первый вошелъ съ ней въ залу. Вся публика пошла за нимъ. Графъ Растопчинъ остался одинъ въ опустѣвшей комнатѣ. Когда кто-то изъ распорядителей праздника пригласилъ его пойти занять приготовленное для него мѣсто, онъ отвѣчалъ: «Если князь Юрій Владиміровичъ здѣсь хозяйничаетъ, то мнѣ здѣсь и дѣлать нечего, и я сейчасъ уѣду». Наконецъ, послѣ убѣдительныхъ просьбъ и удостовѣренія, что спектакль не начнется безъ него, уступилъ онъ и вошелъ въ залу.

*

Графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, командовавшій Московскимъ ополченіемъ, носилъ мундиръ ополченца и по окончаніи войны. Растопчинъ говорилъ, что онъ воспользовался войной, чтобы не выходить изъ патріотическаго халата.

*

Еще до написанія «Дома Сумашедшихъ», Воейковъ написалъ въ прозѣ «Придворный Парнасскій Календарь». Въ немъ, между прочимъ, было сказано, что Коконкинъ состоитъ на службѣ при Мерзляковѣ воспитательнымъ знакомъ.

Кокоскинъ, переводчикъ «Мизантропа», былъ отъявлен-
ный классикъ. Въ то время, когда начали у насъ толко-
вать о романтизмѣ, онъ какъ отъ заразы остерегалъ отъ
него литературную молодежь, которая находилась при
немъ. Какъ директоръ театра, особенно возставалъ онъ про-
тивъ Шекспира и его послѣдователей. «Вѣдь вы знаете
меня», говорилъ онъ молодымъ людямъ: «я человѣкъ чест-
ный, и какая охота была бы мнѣ васъ обманывать: увѣрю
васъ, честью и совѣстью, что Шекспиръ ничего хорошаго
не написалъ и сущая дрянь». (Разсказано Павловымъ, Ни-
колаемъ Филиповичемъ.)

Князь Д. В. Голицинъ—настоящій Московскій градоначаль-
никъ. Онъ любитъ Москву и съ жаромъ всегда и вездѣ
отстаиваетъ ея права. Однажды сказалъ онъ шутя: «Вотъ
Петербургъ все хвастается предъ нами, а случись какая
нибудь потребность, онъ къ намъ же обращается. Понадо-
билось Петербургу имѣть при Дворѣ отличную пѣвицу, и
взяли изъ Москвы дѣвицу ***. Понадобился Петербургу
искусный врачъ, и вызвали изъ Москвы Маркуса. Пона-
добился вельможа, и переманили у насъ Лазарева».—Стар-
шій изъ братьевъ Лазаревыхъ, Иванъ Іоакимовичъ, былъ
длгое время кореннымъ Москвичемъ, извѣстный своимъ
простодушiемъ и хлѣбосольствомъ. Онъ любилъ задавать
на славу обѣды Андреевскимъ и Александровскимъ кавалерамъ и прочимъ предержавшимъ властямъ, пребывающимъ
въ Москвѣ и проѣзжающимъ чрезъ Москву. Къ чести его
должно прибавить, что онъ извѣстенъ въ Москвѣ и щедрою
заботливостью объ Институтѣ Восточныхъ языковъ, кото-
раго онъ состоялъ попечителемъ. Незадолго предъ тѣмъ
перехалъ онъ на житье въ Петербургъ.

Шинковъ говорилъ однажды о своемъ любимомъ предме-
тѣ, т. е. о чистотѣ Русскаго языка, который позорять
введенiями иностранныхъ словъ. Вотъ, на примѣръ, что мо-
жетъ быть лучше и ближе къ значенiю своему, какъ слово

дневальный? Нѣтъ, вздумали вмѣсто его ввести и облагородить слово дежурный, и выходитъ частенько, что дежурный бьетъ по щекамъ дневальнаго».

Адмиралъ Чичаговъ, послѣ Березинской передраги, не влюбилъ Россіи, о которой, впрочемъ, говорятъ, отзывался онъ и прежде съ высока и довольно строго. Петръ Ивановичъ Полетика, встрѣтившись съ нимъ въ Парижѣ и прослушавъ его нарѣканія всему, что у насъ дѣлается, наконецъ сказалъ ему съ своею квакерскою (а при случаѣ и язвительною) откровенностью: «Признайтесь однакоже, что есть въ Россіи одна вещь, которая также хороша, какъ и въ другихъ государствахъ». — «А что, напримѣръ?» спросилъ Чичаговъ. — «Да, хоть бы деньги, которыя вы въ видѣ пенсіи получаете изъ Россіи».

Чичаговъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій пересталъ онъ ѣздить въ Совѣтъ. Доведено было о томъ до свѣдѣнія Государя. Императоръ Александръ очень любилъ Чичагова, но однакоже замѣтилъ ему его небреженіе и просилъ быть вперёдъ точнѣе въ исполненіи обязанности своей. Вслѣдъ за этимъ Чичаговъ нѣсколько разъ присутствовалъ и опять пересталъ. Увѣдомясь о томъ, Государь съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ повторилъ ему замѣчаніе свое. «Извините, Ваше Величество, но въ послѣднемъ засѣданіи, на которомъ я былъ», отвѣчалъ Чичаговъ, «шла рѣчь объ устройствѣ Камчатки, а я полагалъ, что все уже устроено въ Россіи, и собираться Совѣту не для чего».

Въ какой-то элегіи находятся слѣдующіе два стиха, съ которыми поэтъ обращается къ своей возлюбленной:

Всѣ непріятности по службѣ
Съ тобой, мой другъ, я забывалъ.

Пушкинъ, отыскивавши эту элегію, говорилъ, что изъ всей Русской поэзіи эти два стиха самые чисто-русскіе и самые глубоко и вѣрно прочувствованные.

Денисъ Давыдовъ спрашивалъ однажды князя К***, зна-
тога и практика въ этомъ дѣлѣ, отчего вечеромъ охотнѣе
пьешь вино, нежели днемъ? — «Вечеромъ какъ-то груст-
нѣе», отвѣчалъ князь съ меланхолическимъ выраженіемъ
въ лицѣ. Давыдовъ находилъ что-то особенно поэтическое
въ этомъ отвѣтѣ.

*

Когда графъ Марковъ былъ посланникомъ въ Стокголь-
мъ, назначенъ былъ къ нему секретаремъ Д***, добрый и
порядочный человекъ, но ума недалекого. Однажды послѣ
обѣда, который Марковъ давалъ въ честь дипломатическаго
корпуса, замѣтилъ онъ, что собрался кружокъ дипломатовъ
около Д***, который съ большимъ жаромъ твердилъ: «И
вотъ такъ, и вотъ этакъ (et comme si et comme ça)», и раз-
махивалъ руками. Марковъ почувалъ бѣду. Онъ подошелъ
къ кружку и спросилъ одного изъ слушателей, о чемъ
идеть рѣчь. «Господинъ секретарь», отвѣчалъ тотъ, «изво-
литъ объяснить намъ, какъ производится сѣченіе кнута
въ Россіи».

Московскій чудакъ К***, отличавшійся высокопарною рѣ-
чью, рассказывалъ, что когда войска наши при отступленіи пе-
реходили чрезъ Москву, онъ подошелъ къ одному изъ пол-
ковыхъ командировъ и спросилъ его: «Позвольте узнать,
что знаменуетъ сіе быстрое движеніе нашихъ войскъ?» «А
то», отвѣчалъ ему тотъ, «что чрезъ полчаса Французы бу-
дутъ въ Москвѣ, и совѣтую вамъ скорѣе убираться прочь».
«Туть, признаюсь, продолжалъ К***, опустился масштабъ
моихъ тактическихъ понятій, и я не зналъ на что рѣшиться».

*

Карамзинъ искренно любитъ и уважаетъ графа Растоп-
чина, но признаетъ въ немъ нѣкоторое легкомысліе (кото-
рое такъ противорѣчитъ натурѣ Карамзина) особенно въ
критическіе дни, предшествовавшіе сдачѣ Москвы. Онъ
жилъ тогда на дачѣ у графа. Однажды разговорились они
о событіяхъ совершающихся въ Россіи и о тѣхъ, которыхъ

можно было опасаться въ близкомъ будущемъ. Оба говорили, разувѣется съ жаромъ, и Карамзинъ глубоко еочувствовалъ патриотическимъ убѣжденіямъ Растопчина. Послѣ долгаго разговора графъ ушелъ въ свой кабинетъ; не прошло и пяти минутъ, Карамзинъ слышитъ громкій хохотъ графа. Удивленный такому скорому переходу, идетъ онъ къ графу, чтобы узнать, что могло пробудить въ немъ порывъ этой веселости. Оказалось, что докторъ его Шнаубертъ что-то совралъ пофранцузски. Карамзинъ удивлялся и тому, что въ эти дни графъ могъ ежедневно ѣздить на вечеръ къ князю Хованскому, у котораго собиралось довольно пустое общество. Вслѣдствіе этого курьеры, безпрестанно прѣзжавшіе къ нему въ его загородный домъ, должны были иногда далеко за полночь ѣхать изъ-за Красныхъ воротъ отыскивать его на Пречистенкѣ, для передачи бумагъ или словесныхъ сообщеній.

Денисъ Давыдовъ увѣрялъ, что когда Растопчинъ представлялъ Карамзина Платову, атаманъ, подливая въ чашку свою значительную долю рому, сказалъ: «Очень радъ познакомиться; я всегда любилъ сочинителей, потому что они всѣ пьяницы».

Императрица Екатерина отличалась необыкновенною тонкостью и вѣжливостью въ обращеніи съ людьми. Однажды на балѣ хотѣла она дать приказаніе дежурному камеръ-пажу и сдѣлала знакъ рукою, чтобы позвать его къ себѣ. Но онъ того не замѣтилъ, а вице-канцлеръ Остерманъ вообразилъ, что этотъ знакъ къ нему обращенъ. Опираясь на свою длинную трость, поспѣшилъ онъ къ ней подойти. Императрица встала съ своихъ кресель, подвела его къ окну и нѣсколько времени съ нимъ говорила. Потомъ, возвратившись на свое мѣсто, спросила графиню Головину, довольна ли она ея вѣжливостью. «Могла ли я поступить иначе», продолжала Императрица: «я огорчила бы старика, давши ему почувствовать, что онъ ошибся; а теперь, ска-

завъ ему нѣсколько словъ, я оставила его въ заблужденіи, что я въ самомъ дѣлѣ его подзывала. Онъ доволенъ, вы довольны, а слѣдовательно довольна и я.

Въ другой разъ гофмаршалъ князь Барятинскій ошибкою вмѣсто дѣвицы графини Паниной пригласилъ на вечеръ въ эрмитажъ графиню Фитингофъ, о которой Императрица и не думала. Увидя неожиданную гостью, Императрица удивилась, но не дала этого замѣтить, а только приказала тотчасъ послать приглашеніе графинѣ Паниной; графиню же Фитингофъ велѣла внести въ списокъ лицъ, приглашаемыхъ въ большія эрмитажныя собранія, съ тѣмъ, чтобы не могла догадаться она, что на этотъ разъ была приглашена ошибкою.

Императрица очень любила старика Черткова. Онъ былъ непріятный и задорный игрокъ. Однажды, играя съ нею въ карты и проигравъ отъ нея игру, онъ такъ разсердился, что съ досады бросилъ карты на столъ. Она ни слова не сказала, и какъ вечеръ уже кончался, встала, поклонилась присутствующимъ и ушла въ свои покои. Чертковъ остолбенѣлъ и обмеръ. На другой день въ Воскресенье, былъ обыкновенный во дворцѣ воскресный обѣдъ. Въ этотъ день обѣдъ былъ въ Царскосельской колонадѣ. Гофмаршалъ князь Барятинскій вызывалъ лица, которыя были назначены Императрицею къ собственному ея столу. Несчастный Чертковъ прятался и стоялъ въ углу, ни живъ ни мертвъ. Вдругъ слышитъ онъ, что подзываютъ и его, и самъ не вѣрить ушамъ своимъ. Когда подошелъ онъ, Императрица встала, взяла Черткова за руку и прошла съ нимъ по колонадѣ, не говоря ни слова. Возвратясь къ столу, сказала она ему: «Не стыдно ли вамъ думать, что я могла быть на васъ сердита? Развѣ вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себѣ никакихъ непріятныхъ слѣдовъ?»

Во время путешествія Императрицы въ южную Россію, она ѣхала въ шестимѣстной каретѣ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и графъ Кобенцель находились съ нею без-

смѣнно. Лордъ Сентъ-Эленсъ и графъ Сегюръ приглашались въ карету поочередно. На Императрицѣ была прекрасная шуба, бархатомъ покрытая. Австрійскій посоль похвалилъ ее. «Одинъ изъ моихъ камердинеровъ занимается этою частию моего туалета», сказала Императрица: «онъ такъ глупъ, что другой должности поручить ему не могу». Графъ Сегюръ, въ минуту разсѣянія, разслушавъ только похвалы шубѣ, поспѣшилъ сказать: «*tel maître, tel valet*» (каковъ баринъ, таковъ и слуга.) Общій взрывъ смѣха встрѣтилъ эти слова. За обѣдомъ въ дорогѣ графъ Кобенцель сидѣлъ всегда возлѣ нея. Въ тотъ же день Императрица шута сказала ему, что онъ, вѣроятно, начинаетъ скучать своей постоянной сосѣдкой. На этотъ разъ нашла и на Кобенцеля минута разсѣянія, подобно разсѣянію графа Сегюра, и онъ отвѣчалъ, вздыхая: «*On ne choisit pas ses voisins*» (сосѣдей своихъ не выбираешь.) Эта вторая выходя возбудила такой же смѣхъ, какъ и первая. Наконецъ въ тотъ же день вечеромъ, Императрица привлекла общее вниманіе какимъ-то интереснымъ разговоромъ. Лорда Эленса тогда не было въ комнатѣ. Когда онъ возвратился, Императрица по просьбѣ всего общества соизволила повторить для него свой разговоръ. Лордъ Сентъ-Эленсъ, утомленный съ дороги, началъ, слушая ее, зѣвать и скоро задремалъ. «*Il ne manquait plus que cela à votre galanterie, messieurs*», сказала Императрица: *je suis parfaitement satisfaite*. (Этого только не доставало, господа, чтобы довершить любезность вашу: я вполне довольна).

Никто не могъ быть величественнѣе Императрицы во время торжественныхъ пріемовъ. Никто не могъ быть ея привѣтливѣе, любезнѣе и снисходительнѣе въ маломъ кругу приближенныхъ къ ней лицъ. Передъ тѣмъ, чтобы садиться за игру въ карты, окидывала она общество взглядомъ, желая убѣдиться, что каждый пристроенъ. Она до того простиражала вниманіе, что приказывала опускать сторы, когда замѣчала, что солнце кому нибудь непріятно свѣтитъ въ глаза. Однажды играла она на бильярдѣ

съ кѣмъ-то изъ приближенныхъ царедворцевъ. Въ это время вошелъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Императрица низко ему присѣла. Присутствующіе почли это насмѣшкою и засмѣялись принужденнымъ и угодливымъ смѣхомъ. Императрица приняла серьезный видъ и сказала: «Вотъ уже сорокъ лѣтъ, что мы друзья съ г-номъ оберъ-камеръ-геромъ, а потому намъ очень извинительно шутить между собою».

Всѣ эти подробности о Императрицѣ Екатериинѣ собраны изъ рассказовъ графини Головиной.

Князь Юсуповъ говоритъ, что Императрица любила повторять слѣдующую поговорку: «*Se n'est pas tout que d'être grand seigneur, il faut encore être poli*» (не довольно быть вельможею, нужно еще быть учтивымъ).

Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ говоритъ, что Императрица имѣла особенный даръ приспособлять къ обстоятельствамъ выраженіе лица своего. Часто послѣ вспышки гнѣва въ кабинетѣ, подходила она къ зеркалу, такъ сказать углаживала, прибирала черты свои и являлась въ приемную залу съ свѣтлымъ и царственно привѣтливымъ лицомъ. Такъ, сказываютъ, было когда она получила извѣстіе о революціонномъ движеніи и кровавомъ событіи въ Варшавѣ. Императрицѣ доложили о пріѣздѣ курьера. Она пошла въ свой кабинетъ, прочла доставленныя ей донесенія и выслушала рассказы пріѣзжаго. Можно представить себѣ, какъ все это ее взволновало. Она очень вспылала и топала ногой. Пробывъ нѣсколько времени въ кабинетѣ, возвратилась она въ комнату, гдѣ оставила свое общество, съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ подъ руку и, смѣясь, сказала: «Не осуждайте меня, что являюсь съ молодымъ человѣкомъ.» Она досидѣла весь вечеръ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и никто не могъ догадаться, что у нея было на умѣ и на душѣ.

Вотъ еще любопытные очерки изъ рассказовъ той же графини Головиной: «Въ 1790 г. мужъ мой, въ чинѣ полковника, получилъ полкъ и отправился въ армию. Вскорѣ

за тѣмъ поѣхала я къ нему. Квартира была въ Беддерахъ, Тутъ нашла я княгиню Долгорукую и г-жу Виттъ, бывшую въ послѣдствіи графинею Потоцкою. Мужъ мой, по распоряженію начальства, отправился къ осажденной Килии. Онъ командовалъ коннымъ полкомъ, но на этотъ разъ дали ему пѣхотный полкъ. Я была очень огорчена отъѣздомъ его: мнѣ было какъ-то неловко оставаться въ этомъ военномъ лагерѣ, гдѣ съ часу на часъ ожидали князя Потемкина. Я отстала отъ общества и заперлась дома, чтобы избѣжать волненій и суматохи, которыя обыкновенно бывали въ ожиданіи князя. Наконецъ онъ пріѣхалъ и прислалъ приглашеніе мнѣ къ себѣ на вечеръ. Мнѣ совѣтовали быть особенно внимательной и почтительной съ княземъ, который здѣсь едва ли не царствуетъ. «Я знакома съ нимъ», отвѣчала я, «и встрѣчалась у дяди моего (Ивана Ивановича Шувалова); не знаю, почему мнѣ быть съ нимъ иначе, какъ и прежде бывала». Князь встрѣтилъ меня съ откровенною вѣжливостью. Большая комната полна была генералами, между коими замѣтила я князя Рѣпина: онъ держался такъ почтительно, что это непріятно меня удивило. Вечеринки у князя Потемкина часто возобновлялись. Роскошь и великолѣпіе всей обстановки доходили до высшей степени. Это было Азіатское волшебство. Въ тѣ дни, когда не было бала, собирались обыкновенно въ диванной комнатѣ. Мебели обиты были тканью серебряной и розовой; такимъ же ковромъ былъ обитъ и полъ. На красивомъ столѣ стояла филигранная курильница, въ которой горѣли Аравійскія благовонія. Князь обыкновенно носилъ платье съ собольею опушкою, алмазную звѣзду и ленты Георгіевскую и Андреевскую. За столомъ служили великородные кирасиры, одѣтые въ красивые колеты. На головахъ были черныя мѣховыя шапки съ султаномъ. Перевязи ихъ были посеребренны. Они шли попарно и напоминали театральныхъ солдатовъ. Въ продолженіи ужина, прекрасно устроенный оркестръ, при пятидесяти роговыхъ инструментахъ, исполнялъ лучшія симфоніи. Но все это меня не веселило

и не занимало, и жила я одною надеждою вырваться изъ этого круга. Однажды пушечная пальба возвѣстила взятіе Кишиня. И, не помня себя отъ радости, узнавъ, что мой мужъ живъ и здоровъ, поспѣшила къ молебствію. Тутъ просила я князя приказать мужу моему возвратиться. Князь обѣщаль исполнить мою просьбу и въ самомъ дѣлѣ тотчасъ же отправилъ ордеръ прислать графа Головина, хочетъ ли онъ того или нѣтъ. Мужъ былъ только въ ста верстахъ отъ насъ и пріѣхаль верхомъ на другой день. Миѣ хотѣлось немедленно возвратиться въ Петербургъ. Но вскорѣ должны были праздновать день Св. Екатерины. Князь Потемкинъ былъ всегда такъ пріятливъ и благосклоненъ ко миѣ, что неловко было бы намъ уѣхать до праздника, и мы выѣздъ свой отстрочили. Въ день праздника повезли насъ въ линейкахъ мимо двухъ-сотъ-тысячной арміи, разставленной по обѣимъ сторонамъ дороги. Войска насъ салютовали. Подѣхали мы къ обширной подземной залѣ, богато и роскошно убранной. Въ верхней галлерей были музыканты. Звуки инструментовъ, раздававшіеся въ подземельѣ, были нѣсколько глухи, но это самое придавало имъ какую-то плѣнительную таинственность. На возвратномъ пути сопровождала насъ непрерывная пальба. Бочки съ зажженою смолою, разставленные по дорогѣ, служили намъ фонарями. Читая эти описанія, нельзя не вспомнить, что Державинъ мѣтко сказалъ про Потемкина: «Великодушный князь Тавриды».

Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій былъ при Екатеринѣ намѣстникомъ въ Казани, откуда пріѣхаль онъ съ разными проектами и бумагами для представленія ихъ на благоусмотрѣніе Императрицы. Бумаги были ей отданы, и Мещерскій ожидаль приказанія явиться къ Императрицѣ для доклада. Однажды на куртагѣ Императрица извинилась предъ нимъ, что еще не призывала его. «Помилуйте, Ваше Величество, я Вашъ, дѣла Ваши, губерніи Ваши; хоть меня и вовсе не призывайте, это совершенно отъ Васъ зави-

силь». Наконецъ день назначенъ. Мещерскій является въ Императрицѣ и предъ начатиемъ доклада кладетъ шляпу свою на столѣкъ ея, запросто подвигаетъ стулъ себѣ и садится. Государыня сначала была нѣсколько удивлена такою непринужденностью, но потомъ, разобравъ его бумаги и выслушавъ его, осталась имъ очень довольна и оцѣнила его умъ. Павелъ Петровичъ, будучи еще Великимъ Княземъ, полюбилъ его. Однажды былъ назначенъ у Великаго Князя балъ въ Павловскѣ или Гатчинѣ. Племянникъ Мещерскаго, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, встрѣтася съ нимъ, говоритъ ему, что надѣется видѣться съ нимъ въ такой-то день. «А гдѣ же?»—Да у Великаго Князя: у него балъ, и вы вѣрно приглашены.—«Нѣтъ», отвѣчаетъ Мещерскій, «но я все таки приѣду».—«Какъ же такъ? Великій Князь приглашаетъ, можетъ быть, только своихъ приближенныхъ. Все равно, я такъ люблю Великаго Князя и Великую Княгиню, что не стану ожидать приглашенія». Румянцевъ для предупрежденія бѣды счелъ за нужное доложить о томъ Великому Князю, который, много смѣявшись тому, велѣлъ пригласить Мещерскаго.

Поговорка: *старамъ стала, плотамъ стала*, ведется отъ этого Мещерскаго. Эти слова сказаны о немъ Казанскимъ Татаринномъ.—При проѣздѣ Мещерскаго чрезъ какой-то городъ Казанской губерніи, городничій, не велѣвъ растворять ворота какаго-то зданія, хотѣлъ провести его чрезъ калитку. «Это что?» говоритъ наѣстникъ: «Я то пролѣзу, но чинъ мой не пролѣзетъ». Императоръ Павелъ, собирався ѣхать въ Казань, сказалъ ему: «Смотри, Мещерскій, не проводи меня чрезъ калитку: мой чинъ еще повыше твоего». (Разсказано Петромъ Степановичемъ Молчановымъ).

А право напрасно закидали у насъ бѣднаго Тредьяковскаго такою грязью: его правила о стихосложеніи вовсе не дурны. Его мысль, что нашъ языкъ долженъ образоваться употребленіемъ, что *научатъ насъ имъ говорить благоразумные министры* и проч. очень справедлива. Онъ

чувствовалъ, что одинъ письменный языкъ есть языкъ мертвый. Здѣсь онъ какъ будто предчувствуетъ и предугадываетъ Карамзина. Но какъ Моисей, самъ онъ не успѣлъ и не умѣлъ достигнуть обѣтованной земли. Надобно когда нибудь сличить Тредьяковскаго и Хвостова въ переводѣ ихъ поэмы Буало: *L'art poétique*.

Досужныхъ дней труды, или трудовъ излишки,
О малыхъ мѣхъ, двѣ собранныя книжки,
Вы знаете, что вамъ у многихъ быть въ рукахъ.

сказалъ Тредьяковскій въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій. Чѣмъ же это не нашего времени стихи? Въ нихъ и ясность, и простота. *Наперстничество* употреблено у него въ смыслѣ *соперничество*. Жаль, что въ нашихъ словаряхъ не приводятъ примѣровъ различнаго употребленія словъ и выраженій, какими являются они въ разныхъ литературныхъ эпохахъ и у разныхъ писателей. Наши словари до нынѣ болѣе или менѣе полное собраніе словъ, а не указатели языка, какъ Французскіе словари по коимъ можно пройти почти полный курсъ исторіи Французскаго языка и Французской литературы.

Кажется, мало извѣстна эпиграмма Крылова на переведенную Хвостовымъ поэму Буало:

„Ты-ль это Буало? Скажи, что за нарядъ?
Тебя узнать нельзя, конечно ты вздурился?“
—Молчи, нарочно я въ Хвостова нарядился:
Я зду въ наснарядъ.

Говорили о погодѣнномъ портретѣ О*** (отличающагося малорослостью) писанномъ живописцемъ Варнекомъ. «Лѣнивъ же долженъ быть художникъ», сказалъ N N: «немного стоило бы труда написать его и во весь ростъ».

Гречъ гдѣ-то напечаталъ, что Булгаринъ въ мизинцѣ своемъ имѣетъ болѣе ума, нежели всѣ его противники. «Жаль, сказалъ N. N., что онъ въ такомъ случаѣ не пишетъ однимъ мизинцемъ своимъ».

Бенкендорфъ (отецъ графа Александра Христофоровича) былъ очень разсѣянъ. Прѣзжая чрезъ какой-то городъ, зашелъ онъ на почту провѣдать, нѣтъ ли писемъ на его имя. «А какъ ваша фамилія?» спрашиваетъ его почтовой чиновникъ. — «Моя фамилія?» — повторяетъ онъ нѣсколько разъ и никакъ не можетъ ее вспомнить. Наконецъ говорить, что придетъ послѣ и уходитъ. На улицѣ встрѣчается онъ съ знакомымъ. «Здравствуй, Бенкендорфъ».—«Какъ ты сказалъ? Да, да, Бенкендорфъ», и тутъ же побѣжалъ на почту.

Однажды былъ онъ у кого-то на балѣ. Балъ довольно поздно окончился, гости разѣхались. Остались другъ передъ другомъ только хозяинъ и Бенкендорфъ. Разговоръ шелъ плохо: тому и другому хотѣлось отдохнуть и спать. Хозяинъ, видя, что гость его не уѣзжаетъ, предлагаетъ, не пойти ли имъ въ кабинетъ. Бенкендорфъ, поморщившись, отвѣчаетъ: «пожалуй, пойдѣмъ». Въ кабинетъ было имъ не легче. Бенкендорфъ, по своему положенію въ обществѣ, пользовался большимъ уваженіемъ. Хозяину нельзя же было объяснить на прямикъ, что пора бы ему ѣхать домой. Прошло еще нѣсколько времени, наконецъ хозяинъ рѣшился сказать: «Можетъ быть, экипажъ вашъ еще не пріѣхалъ, не прикажете ли я велю заложить вамъ свою карету». «Какъ вашу карету?» — «Да я хотѣлъ предложить вамъ свою». — Дѣло объяснилось тѣмъ, что Бенкендорфъ вообразилъ, что онъ у себя дома и сердился на хозяина, который у него такъ долго засидѣлся.

Бенкендорфъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей при дворѣ Ихъ Высочествъ Павла Петровича и Маріи Теодоровны. Отношенія эти никогда не измѣнялись. Въ послѣдніе годы жизни своей переѣхалъ онъ на житье въ Ригу. Ежегодно въ день именинъ и въ день рожденія Императрицы Маріи Теодоровны писалъ онъ ей поздравительныя письма. Но онъ былъ чрезвычайно лѣнивъ на письма,

и, не смотря на всю преданность свою и на свои сердечныя чувства, очень тяготился этою обязанностию. Когда подходили сроки, мысль написать письмо беспокоила и смущала его. Онъ часто говаривалъ: «Нѣтъ, лучше самъ отправлюсь въ Петербургъ съ поздравленіемъ. Это будетъ легче и скорѣе».

Графъ Остерманъ, братъ вице-канцлера, тоже славился своею разсѣянностью. Однажды шелъ онъ по паркету, по которому было разостлано по срединѣ полотно. Онъ принялъ его за свой носовой платокъ, будто выпавшій и началъ совать его въ свой карманъ. Наконецъ общій хохотъ присутствующихъ далъ ему опомниться. Въ другой разъ прѣвхалъ онъ къ кому-то на большой званый обѣдъ. Передъ тѣмъ какъ взойти въ гостинную, зашелъ онъ въ особую комнату. Тамъ оставилъ онъ свою складную шляпу и вмѣсто ея взялъ деревянную крышку и, держа ее подъ руку, явился съ нею въ гостинную, гдѣ уже собралось все общество. За этимъ обѣдомъ или за другимъ, зачесалась у него нога, и онъ, принимая ногу сосѣдки своей за свою, началъ тереть ее.

Въ наше время отличается разсѣянными своими графъ Михаилъ Вьельгорскій. Противъ воли своей, но по необходимости, отправился онъ къ кому-то съ визитомъ. И когда лакей, возвратясь къ дверцамъ кареты, сказалъ ему, что принимаютъ, поспѣшно выговорилъ онъ ему: «скажи, что меня дома нѣтъ».

Въ Державину навязался сочинитель прочесть ему произведеніе свое. Старикъ, какъ и многіе другіе, часто засыпалъ при слушаніи чтенія. Такъ было и въ этотъ разъ. Жена Державина, возлѣ него сидѣвшая, поминутно толкала его. Наконецъ сонъ такъ одолѣлъ Державина, что, за-

бывъ и чтеніе и автора, сказалъ онъ ей съ досадою, когда она разбудила его: «Какъ тебѣ не стыдно: никогда не даешь мнѣ порядочно выспаться»

Толковали о несчастной привычкѣ Русскаго общества говорить пофранцузски. «Что же тутъ удивительнаго?» замѣтилъ кто-то. «Какому же артисту не будетъ пріятнѣе играть на усовершенствованномъ инструментѣ, хотя и заграничнаго привоза, чѣмъ на своемъ домашнемъ, стараго рукодѣлья?» Французскій языкъ обработанъ вѣками для устнаго и письменнаго употребленія. Богатое родовое Латинское наслѣдство еще обогатилось многими благопріобрѣтенными сокровищами, открытіями и удобствами дѣятельной умственной промышленности, доведенной и развитой до роскоши. Не даромъ Французы слывуть говорунами: имъ и даръ слова, и книги въ руки. Французы преимущественно народъ разговорчивый. Языкъ ихъ преимущественно языкъ разговорный. На другихъ языкахъ говорятъ, а не разговариваютъ. Слово *sausage* исключительно Французское слово: оно не имѣетъ равнозначительнаго выраженія на другихъ языкахъ. Шатобрианъ говоритъ гдѣ-то, что Французскіе переселенцы въ Американскихъ пустыняхъ ходятъ за 30 и 40 миль и болѣе, чтобы наговориться досыта съ своими единоземцами, поселенными въ другихъ мѣстахъ. Подобное преимущество Французскаго языка рождаетъ и владычество его. Пожалуй, оно и грустно и досадно, а пока дѣлать нечего. Тутъ кстати примѣнить довольно непонятную Русскую пословицу: нужда научить калачи ѣсть. — Французскій языкъ — калачъ образованнаго и высшаго нашего общества.

Извѣстно, что не только Бонапартъ, но и Наполеонъ на вершинѣ могущества своего, не пренебрегалъ журналистскою. И она была въ рукахъ его браненоснымъ орудіемъ, которое онъ обращалъ на противниковъ своихъ, готовясь

ихъ поработить или застрашать. Онъ и самъ нерѣдко писалъ газетныя статьи или заставлялъ писать другихъ подъ своимъ вдохновеніемъ. Въ Англии издавалась газета *Лондонскій Курьеръ*, вѣроятно на Французскія деньги. Въ № 14, въ Парижской корреспонденціи отъ 18 Февраля 1802 г., напечатана статья противъ графа Маркова, бывшаго тогда посланникомъ въ Парижѣ. Изъ этой статьи видно, что какой-то Фульо (Foilleau) разсмалъ по Европѣ скорописныя вѣсти (nouvelles à la main), неблагопріятныя первому консулу и Французскому правительству. Онъ былъ арестованъ. Въ министерствѣ полиціи производили слѣдствіе надъ нимъ. По слѣдствію оказалось, что онъ получалъ денежные пособія за эти бюллетени, и справедливо или нѣтъ, но Французское правительство подозрѣвало, что тутъ замѣшаны и Марковскія деньги. Изложивъ ходъ всего дѣла, Лондонская газета прибавляетъ, что «никто не могъ ожидать, что имя гр. Маркова будетъ упомянуто по этому дѣлу. Смѣшно было бы серьезно опровергать подобныя небылицы и смотрѣть на нихъ, какъ на государственныя дѣла. Но нужно указывать на должность посла соблюдать большую осторожность, строгое приличіе и достоинство во всѣхъ поступкахъ своихъ, чтобы не нарушить уваженія и довѣренности правительства, при коемъ онъ акредитованъ». Тутъ же рассказываетъ, что вскорѣ послѣ этого дѣла, первый консулъ, встрѣтивъ съ Марковымъ, спросилъ его: не по бюллетенямъ ли даетъ онъ Двору своему свѣдѣнія о положеніи Франціи? Марковъ, смущенный и пристыженный, не могъ отъ замѣшательства ничего сказать на выходку Бонапарта. Спустя нѣсколько секундъ, собирався онъ что-то сказать, но улыбка перваго консула показала ему, что онъ не придаетъ никакой важности этому дѣлу.

Графа Маркова обвиняютъ нѣкоторые въ недостатокъ твердаго и самобытнаго характера. Онъ очень уменъ и остеръ, но въ дипломатіи и вообще въ государственныхъ дѣлахъ этого недостаточно. Главное дѣло: способность умно вести

себя, что гораздо мудренѣе и рѣже встрѣчается, чѣмъ способность умно говорить. Маркова еще въ царствованіе Екатерины обвиняли въ неудачѣ переговоровъ съ Шведскимъ королемъ, предъ помолвкой его съ В. К. Александрой Павловной. Во время посольства его въ Парижѣ упрекали его, что онъ иногда слишкомъ мирволить Бонапарту, то досаждастъ ему вздорными и задорными выходками, въ слѣдствіе коихъ и вынужденъ онъ былъ выѣхать изъ Парижа и за что, впрочемъ, награжденъ былъ Андреевскою лентою.

Стакельбергъ, старикъ царствованія Екатерины, сказалъ о немъ: «C'est un fat d'orgueil et de méchanceté» (Онъ началъ надменности и злости).

Меттернихъ говорилъ въ Вѣнѣ, во время конгресса, что онъ былъ бы совершенно счастливъ, когда бы не долгіе обѣды Стакельберга и не широкіе шаравары лорда Стюарта. Глѣвъ Меттерниха не былъ ли въ немъ безсознательнымъ предчувствіемъ, что изъ всего, что было и дѣлалось на Вѣнскомъ конгрессѣ, едва ли не одни широкіе панталоны Стюарта удержатся, получать авторитетъ и войдутъ въ законную силу и въ общее употребленіе. (Должно знать, что тогда панталоны не были еще въ употребленіи, что не иначе старики и молодежь являлись въ общество, какъ въ короткихъ штанахъ. Общее уничтоженіе головной пудры тоже состоялось уже послѣ Вѣнскаго конгресса).

*

Кстати о пудрѣ. Андріе былъ плохой актеръ и мужъ знаменитой по дарованію актрисы и пѣвицы Филісы Андріе. Императоръ Александръ и Петербургская публика очень къ ней благоволили, а потому были снисходительны и къ мужу. Назначенъ былъ спектакль въ Эрмитажѣ. Утромъ того дня Андріе, встрѣтись съ Государемъ на Дворцовой набережной, спросилъ его, можетъ ли онъ вечеромъ явиться на сценѣ ненапудренный. «Дѣлайте, какъ хотите», от-

вѣчалъ Государь. «Oh! je sais bien, Sire, que Vous êtes bon enfant; mais que dira la maman? (о, я знаю, Государь, вы добрый малый, но что скажетъ маменька?).»

Дополненіе къ стр. 281, къ рассказу объ адмиралѣ Чичаговѣ.

Уже по отпечатаніи *Старой Записной Книжки*, получили мы отъ владѣльца ея слѣдующее дополненіе, разобранное нами на поляхъ подлинной рукописи, въ видѣ позднѣйшей приписки:

Вотъ осмысленіе, ходившее по рукамъ:

Вдругъ слышенъ шумъ у входа:
 Березинскій герой
 Кричитъ толпѣ народа:
 Раздвиньтесь предо мной!
 — Пропустите его, тутъ каждый повторяетъ.
 Держать его грѣшно бы намъ.
 Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
 Охотно пропускаетъ.

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА
О ВОЙНѢ РОССІИ ПРОТИВУ ТУРЦІИ
И ЗАПАДНЫХЪ ДЕРЖАВЪ.
(1853—1855).

«Аще что погрѣшено будетъ, Бога ради исправляйте,
«а не кляните, понеже писала рука брэнна.»

Сочиненіе Н. И. Ушакова.

Генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Ушаковъ выпущенъ изъ перваго кадетскаго корпуса офицеромъ въ артиллерію на Кавказъ и участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ и въ войны 1828—1829 годовъ въ Азіатской Турціи, при графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Эта война описана имъ въ особомъ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1836, въ двухъ томахъ. Графъ Паскевичъ взялъ его съ собою въ качествѣ адъютанта въ Польшу. Онъ служилъ съ отличіемъ въ войны Польскую 1831 г. и въ войну Венгерскую. Въ званіи правителя канцеляріи главнокомандующаго, онъ пользовался совершеннымъ довѣріемъ князя Варшавскаго, при которомъ оставался до 1853 года. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ въ должность дежурнаго генерала при князѣ Горчаковѣ, и находился въ этой должности до заключенія мира въ 1856 году. За тѣмъ, числясь по запаснымъ войскамъ, онъ проживалъ въ небольшомъ имѣніи своей жены, Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи. Здѣсь посвящалъ онъ свои досуги описанію многоаго, чему онъ былъ очевидцемъ въ продолженіи своего военного поприща. Въ 1859 г. былъ онъ избранъ отъ Лубенскаго уѣзда депутатомъ въ Комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ и усердно трудился по крестьянскому вопросу. Ему суждено было кратковременно порадоваться достославнымъ событіемъ уничтоженія крепостнаго права: 6 Апрѣля 1861 года онъ скончался отъ удара и похороненъ на погостѣ деревенской церкви (с. Новики), благолѣпіе которой составляло предметъ всегдашняго его усердія.

В. С.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едвали, со времени возстановленія Петромъ Великимъ Русскаго Царства на степень Европейской извѣстности, мы имѣли болѣе несчастные годы, какъ 1854 и 1855-й. Провидѣніе вѣроятно ниспосылало на насъ тогда тяжкія испытанія за нашу гордость, за нашу безразсудную увѣренность, что арміи наши непобѣдимы. Онѣ дѣйствительно бывали непобѣдимы въ то время, когда предводительствовали ими люди, подобные Румянцову, Суворову, Кутузову, и когда эти арміи не лишены другихъ вспомогательныхъ способовъ, безъ которыхъ, при нынѣшнихъ во всемъ усовершенствованіяхъ, самыя лучшія, самыя храбрѣйшія войска могутъ быть стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ и обратиться въ тяжелую, мало подвижную массу, противу непріятеля, хотя и равнаго числомъ, но являющагося съ несоразмѣрною быстротою на разныхъ точкахъ театра войны, на сушѣ и на морѣ.

Въ эту эпоху мы не имѣли ни искусныхъ главнокомандующихъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни винтовыхъ кораблей и достаточнаго числа большихъ пароходовъ, ни даже усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія, введеннаго уже во всѣхъ Европейскихъ войскахъ. Мы вызвали на бой непріятеля, но не были готовы ко всѣмъ превратностямъ войны; медлили начать военныя дѣйствія, и потомъ, почти годъ, продолжали ихъ съ непростительною вялостію и нерѣшительностію, такъ что важныя событія застали насъ, такъ сказать, въ расплохъ.

Уроки, полученные нами въ этой бѣдственной борьбѣ, могутъ быть поучительны для потомства; но нужно раскрыть истину и, положа руку на сердце, выставить все, не обинуясь.

Я былъ очевидцемъ и участникомъ войны 1854 и 1855 годовъ, и на мнѣ можетъ быть также отразится, отчасти, негодованіе будущихъ судей; но я не скрою ничего, что мнѣ известно, не вдаваясь въ утомительныя подробности, не нужныя для исторической критики.

ЧАСТЬ I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Много было толковъ о причинахъ послѣдней нашей войны противу Турціи, Франціи и Англіи.

Объ этомъ написано нѣсколько брошюръ и цѣлыхъ книгъ; но ни въ одной изъ нихъ не выставлена истина, которую впрочемъ и проникнуть было не легко.

Всѣ увѣрены, что несогласія возникли прямо изъ спора за Святыя Мѣста, и потомъ за притязанія Россіи добиться исключительнаго покровительства православнымъ Христіанамъ, подданнымъ Турціи. Но по моему мнѣнію это были только умышленные поводы, за которые съ радостію ухватилась Франція и въ особенности Англія; причину же войны должно отыскивать гораздо глубже.

Извѣстно, съ какою непріязнію Англійское правительство и народъ смотрятъ на обладаніе наше Кавказомъ и на постепенно распространяющееся отсюда вліяніе Россіи на Персію, державу, сосѣдную съ Остъ-Индскими владѣніями Великобританіи. Походъ генералъ-адъютанта графа Перовскаго на Хиву, учрежденіе флотиліи нашей на Аральскомъ морѣ, успѣхи въ Коканѣ и перенесеніе южной границы нашей въ Сибири на 900 верстъ впередъ, по направленію къ Индіи, еще болѣе усилили опасенія Англичанъ. У страха глаза велики.

Припомнимъ, что еще Императоръ Павелъ угрожалъ Великобританіи походомъ въ Индію, что Наполеонъ I-й искалъ союза съ нами, для исполненія всегдашней мысли своей сосре-

доточить Европейскую армию на берегахъ Ганга и Инда и, посредствомъ этого смѣлаго предпріятія, сокрушить окончательно владычество Англичанъ въ Калькутъ, Мадрасъ и Бомбеѣ.

Сен-Джемскій кабинетъ никогда не могъ забыть этихъ угрозъ, и, послѣ Туркманчайскаго мира Россіи съ Персіею, а еще болѣе послѣ временнаго занятія Персіянами Герата, въ 1832 году, не только непрерывно слѣдилъ за всѣми нашими дѣйствіями на Кавказѣ, но тайными происками старался поколебать тамъ прочную нашу осѣдность, возбуждая горцевъ къ непріязненнымъ противу насъ покушеніямъ.

Оттоманская Порта, по Адрианопольскому трактату, хотя отказалась съ 1830 года отъ всякаго вліянія на Кавказскіе народы, но подстрекаемая Англійскими агентами, и даже посланниками въ Константинополь, не переставала, изъ подъ руки, поддерживать Закубанскія племена въ ненависти къ Россіи; позволяла жить между ними своимъ подданнымъ, съ титуломъ Пашей и Сераскировъ; принимала въ Константинополь депутатовъ отъ этихъ племенъ и способствовала отправленію на восточный берегъ Чернаго моря Англійскаго пороха и оружія. Наконецъ, Великобританское правительство прямо отъ себя послало къ Закубанскимъ народамъ своихъ агентовъ, которые проживали у нихъ по году, распространяя враждебныя внушенія противу Россіи, съ обвщаніемъ всякаго рода помощи отъ Англій.

Но всѣ эти происки не могли однакоже ослабить нашего вліянія на Кавказѣ и въ Персіи; а слѣдовательно не могли и успокоить Англію; относительно прочности ея владычества въ Остъ-Индіи. Надлежало ожидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, и они представились неожиданно, послѣ перемѣны правленія во Франціи, вслѣдствіе революціи 1848 года.

Кто бы могъ тогда подумать, что Франція, всегдашняя соперница Англій, соединится съ давнимъ врагомъ своимъ, для поддержанія Магометанскаго государя противу Христіанской державы, и притомъ исключительно на пользу одной Великобританіи!

Всего замѣчательнѣе то, что Франція, упорно отыскивавшая свободы, подчинилась въ этомъ дѣлѣ единственно желаніямъ новаго своего Императора, не раздѣляя вовсе его видовъ вести войну съ Россією, въ качествѣ союзника Англіи! Замѣчательно также, что союзъ этотъ условленъ въ самомъ Лондонѣ, прежде нежели Людвигъ-Наполеонъ былъ избранъ Президентомъ Республики, и слѣдовательно прежде провозглашенія его Императоромъ.

На эти выводы мы конечно не имѣемъ достаточныхъ доказательствъ, но обстоятельства говорятъ сами за себя.

Послѣ побѣга изъ крѣпости Гама, Людвигъ-Наполеонъ жилъ постоянно въ Лондонѣ, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ для поддержанія тѣсныхъ сношеній своихъ съ Бонапартистскою партією во Франціи. Англійское правительство охотно снабжало его большими суммами, въ надеждѣ извлечь изъ того особыя для себя выгоды, а главное, рано или поздно, достигнуть союза Франціи противу Россіи. Людвигъ-Наполеонъ не только не уклонялся отъ такого направленія, но изъ собственныхъ видовъ старался всячески поддерживать Англичанъ въ этомъ убѣжденіи. Онъ помнилъ завѣщаніе своего дяди, *отмстить сначала Англии, а потомъ Россіи*, и радовался, что наступаетъ время, когда можно осуществить эти слова изгнанника на островѣ св. Елены. Начать же мщеніе съ Англіи или Россіи было все равно въ его политическихъ разчетахъ, лишь бы представился благопріятный къ тому случай; а случай этотъ представился скоро, послѣ того какъ Людвигъ-Наполеонъ сдѣлался главою Французскаго народа.

Конечно ни въ одной столицѣ Европы, какъ въ Константинополѣ, не найдется столько людей, которыхъ все существованіе основано на проискахъ и пронырствѣ. Востокъ издавна славился этимъ, еще во времена Греческой Имперіи. Обитатели предмѣстія Перы, Греки, Армяне и вообще такъ называемые Фанаріоты навсегда удержали за собою эти свойства. Изъ нихъ обыкновенно избираются драгоманы и разнаго рода агенты, служащіе при Оттоманской Портѣ и при всѣхъ

Европейскихъ миссіяхъ въ Константинополь; а тѣ, коимъ не удается втереться въ подобныя должности, ищутъ насущнаго хлѣба и денегъ интригами, къ которымъ такъ доступно не только Турецкое правительство, но и послы иностранныхъ державъ, живущіе въ Константинополь.

Торжество Бонапартистской партіи во Франціи сильно возбудило вниманіе Европы. Государи и народы увидѣли вновь необходимость ополчиться крѣпкимъ союзомъ, для сохраненія всеобщаго спокойствія. Несмотря на высокопарное и, казалось, искреннее объявленіе новаго Императора, что Имперія есть представительница мира, мало кто сомнѣвался, что честолюбецъ обстановится на достигнутомъ имъ успѣхѣ. Умы Французовъ были слишкомъ взволнованы. Надлежало успокоить разнородныя партіи или обратить, хотя временно, ихъ стремленіе къ одной цѣли, а эта цѣль всего скорѣе и легче достигается во Франціи возбужденіемъ къ военной дѣятельности и славѣ, особенно когда нація неожиданно возвратилась къ обаяніямъ первой Имперіи, къ воспоминаніямъ громкихъ побѣдъ и завоеваній послѣднихъ годовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Среди стеченія этихъ обстоятельствъ, возникъ вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ. Онъ былъ возбужденъ Константинопольскими пройдохами, которые, бдительно слѣдя за политическими событіями, не могли не предугадывать, что Людовику-Наполеону нужна война, предлогомъ которой легко могли быть старинныя религіозныя распри между Восточною и Западною церковью за первенство въ Іерусалимѣ. Назначеніе новаго Французскаго посланника при Оттоманской Портѣ развило интригу. Искуснымъ образомъ ему представили, что Западная церковь съ нѣкотораго времени утратила прежнее уваженіе, коимъ издавна и постоянно пользовалась на Востокѣ; что по вліянію послѣднихъ трактатовъ Россіи съ Турціею Восточные Христіане, вопреки всякаго права и справедливости, пріобрѣли въ Іерусалимѣ такія преимущества, какихъ никогда не имѣли; что такимъ образомъ Западная церковь не только унижена, но католическое духовенство и

единовѣрцы Франціи терпятъ оскорбленія въ Іерусалимѣ отъ Восточныхъ Христіанъ, которые, разрушивъ гробы предводителей крестоносцевъ, Годфруа Бульонскаго, Бодуина и другихъ, отторгнули у Латынѣвъ обладаніе Вилеємскою церковью и церковью гроба Богородицы; что Франція можетъ возобновить это дѣло и достигнуть возвращенія Католикамъ прежнихъ правъ, основываясь на капитуляціи, заключенной съ Оттоманскою Портою 28-го Мая 1740 года; но что для этого необходима немаловажная сумма, равняющаяся 800 т. франковъ, для привлеченія на свою сторону Турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Получивъ такое донесеніе отъ посланника своего въ Константинополь, Людовикъ-Наполеонъ немедленно разрѣшилъ ему употребить не 800 т., но даже миллионъ франковъ, лишь бы добиться совершеннаго успѣха, который впрочемъ и нетрудно было пріобрѣсти за столь значительное вознагражденіе, при извѣстномъ корыстолюбіи Турецкаго министерства. Фирманъ о возвращеніи Латынѣвамъ нѣкоторыхъ привилегій въ Іерусалимѣ былъ подписанъ 9-го Февраля 1852 года. Актомъ этимъ предоставлялось Католикамъ исключительное право входить въ главные врата Вилеємскаго храма и отправлять богослуженіе въ церкви, при гробѣ Богородицы.

Такая уступка Оттоманской Порты въ пользу Запада, безъ соглашенія съ Россією, и при томъ при самыхъ дружественныхъ съ нею сношеніяхъ, не могла не оскорбить Дворъ нашъ и породила ропотъ со стороны духовенства и всѣхъ Восточныхъ Христіанъ. Ссылка Франціи на капитуляцію 1740 года не имѣла въ сущности никакого основанія. Въ капитуляціи этой, испрошенной у Порты стараніемъ Французскаго посланника маркиза Вильнёва во время конференцій о Бѣлградскомъ мирѣ, не заключалось и не могло заключаться никакихъ особыхъ преимуществъ для Католиковъ въ Іерусалимѣ, къ ущербу Восточной церкви. Надобно припомнить только, что тогда главнымъ дѣломъ было установленіе мирнаго трактата между Россією, Турцією и Австрією. Маркизь Вильнёвъ участвовалъ въ переговорахъ, какъ посред-

никъ со стороны Франціи и уполномоченный по приглашенію воевавшихъ державъ. Пользуясь положеніемъ своимъ, онъ, дѣйствительно, за нѣкоторыя дипломатическія услуги Портъ, успѣлъ склонить сію послѣднюю распространить для Франціи разныя выгоды, признанныя для нея особою капитуляціею 1604 г., еще при султанѣ Ахметѣ I-мъ, въ торговыхъ, а отнюдь не въ религіозныхъ отношеніяхъ.

Объ этихъ обѣихъ старинныхъ капитуляціяхъ упоминается въ кратцѣ въ извѣстной книгѣ Коха: *Histoire abrégée des traités de paix*; но подробный экземпляръ оной чрезвычайно рѣдокъ и даже мало кому извѣстенъ въ самой Франціи, ибо одинъ разъ только напечатанъ въ Парижѣ въ 1770 году, въ королевской типографіи. — Какъ бы то ни было, но со всею вѣроятностію можно предполагать, что если Франція достигнула въ 1740 году нѣкоторыхъ выгодъ и въ религіозномъ отношеніи, то эти выгоды не касались всей Западной церкви, а предоставлены были собственно Франціи и не превышали тѣхъ уступокъ, которыя, по Бѣлградскому миру, Оттоманская Порта сдѣлала для Австріи, именно: а) *свободное отправленіе Католической религіи въ Турціи* и б) *дозволеніе объяснить чрезъ Австрійскаго посланника при Оттоманской Портѣ то, что будетъ признано нужнымъ, относительно святынь, посѣщаемыхъ Христіанами въ Іерусалимъ и въ другія мѣстахъ Турецкой Имперіи.*

И могла ли Россія, послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ фельдмаршаломъ Минихомъ, предъ заключеніемъ Бѣлградскаго мира, дозволить какой либо изъ Западныхъ державъ пріобрѣсть отъ Турціи, въ пользу Католиковъ, такія преимущества относительно Іерусалима, какими не пользовалась Восточная церковь? Это было бы во первыхъ и непонятно, а во вторыхъ и не свойственно той степени достоинства, на которую поставило себя отечество наше не только въ мнѣніи Оттоманской Порты, но въ мнѣніи всей Европы, со временъ Миниховскихъ войнъ*).

*) Авторъ, какъ мы думаемъ, судить здѣсь не совсемъ вѣрно. Бѣлградскій миръ заключенъ не за долго до кончины Анны Іоанновны, въ

Къ несчастію, Европа безотчетно повѣрила неосновательнымъ провозглашеніямъ Франціи и обвинила Россію въ несправедливыхъ притязаніяхъ, подозрѣвая въ нихъ наше упорное и тайное намѣреніе завладѣть Константинополемъ и ниспровергнуть навсегда власть Турокъ по сѣю сторону Константинопольскаго пролива и Чернаго моря, въ ущербъ пресловутаго Европейскаго равновѣсія, а главное въ ущербъ Западной цивилизаціи.

О проискахъ Франціи въ Константинополь и объ успѣхъ, достигнутомъ Латынскими въ приобрѣтеніи нѣкоторыхъ преимуществъ въ Іерусалимѣ, посланникъ нашъ при Оттоманской Портѣ, г. Титовъ, тотчасъ же донесъ въ С. Петербургъ и объяснилъ при томъ, что дѣло это легко можетъ быть исправлено, если правительство наше согласится предоставить Турецкому министерству сумму, нѣсколько значительнѣе той, какую пожертвовала Франція.

Императоръ Николай I-й, въ порывахъ рыцарскихъ побужденій, всегда его одушевлявшихъ, прямо отвергнулъ всякія на сей предметъ денежныя сдѣлки, но повелѣлъ посланнику нашему требовать отъ Порты удержанія за Восточную церковь тѣхъ самыхъ преимуществъ, которыя были признаны султанами и существовали ненарушимо до 1850 года. — Для поддержанія этихъ требованій, и для вразумленія Порты, какія отъ ея несогласія могутъ возникнуть важныя послѣдствія, отправленъ былъ къ Султану чрезвычайный посолъ нашъ, генералъ - адъютантъ князь Меншиковъ. При этомъ случаѣ Дворъ нашъ счелъ необходимымъ добиться отъ Турецкаго правительства фирмана, подтверждающаго статьи прежнихъ договоровъ съ Россіею, относительно свободнаго отправленія обрядовъ богослуженія Восточными Христіанами на всемъ пространствѣ Турецкой Имперіи, и о покровительствѣ, которое можетъ оказывать Россія своимъ единовѣрцамъ, подданнымъ Султана.

злую эпоху бирюзовщины, когда и въ самой Россіи страдало Православіе.

И. Б.

Князь Меншиковъ прибылъ въ Константинополь 28-го Февраля 1853 года. Прїездъ его былъ возвѣщенъ Европѣ Парижскими и Лондонскими газетами, какъ событіе особенно важное. Не забыли даже его свиты, придавая именамъ лицъ, составлявшихъ оную, чрезвычайное значеніе, какъ то: *флигель-адъютантъ князь Голицынъ, графъ Димитрій Несельроде, сынъ канцлера, вице-адмиралъ Корняковъ, Императорскій генералъ-адъютантъ и командиръ эскадры Чернаго моря, генералъ Непокойчицкій, начальникъ штаба арміи, собиравшейся на границы Бессарабіи*. При этомъ, для возбужденія сочувствія цѣлаго Запада и для устрашенія Султана, добавлено, что 5-й и 6-й Русскіе корпуса сосредоточены уже въ Бессарабской области, что авангардъ генерала Даненберга находится въ двухъ часахъ отъ Яссъ и что Севастопольская эскадра готова, по первому приказанію, вступить подъ паруса ¹⁾.

Можетъ быть, тогдашнія демонстраціи съ нашей стороны оправдывали нѣкоторымъ образомъ эти опасенія; но у насъ и въ то время, ни послѣ, не было твердой рѣшимости начать немедленно войну, а эти дѣйствія, такъ сказать ощупью, повели къ пагубнымъ послѣдствіямъ.

Нельзя не сознаться, что поведеніе посла нашего въ Константинополь было не безъ погрѣшностей. Тремя важными ошибками онъ, съ одной стороны, усилилъ нерасположеніе къ намъ Порты, а съ другой уменьшилъ рвеніе къ Россіи не только Греческаго духовенства, но и всѣхъ Грековъ, живущихъ въ Константинополь. Ошибки эти состояли въ нижеслѣдующемъ.

1) По правиламъ, неизмѣнно соблюдаемымъ при Султанскомъ Дворѣ, каждый новый посланникъ обыкновенно дѣлаетъ свой первый визитъ Великому Визирю, а второй министру иностранныхъ дѣлъ Порты. Князь Меншиковъ пренебрегъ этимъ мѣстнымъ обычаемъ, не смотря на предвареніе Турецкаго чиновника, сопровождавшаго наше посольство. По вы-

¹⁾ Histoire des causes de la guerre d'Orient, par Forcade, 1854 года.

ходъ отъ Великаго Визиря, онъ миновалъ помѣщеніе министра Фуадъ-Эфенди, какъ будто не замѣчая приготовленнаго для него приѣма. Обида была тѣмъ болѣе чувствительна, что на эту ожидавшуюся церемонію собралось множество народа, въ числѣ котораго было въ особенности много Грековъ. На другой день, князь Меншиковъ отправилъ къ Великому Визиру перваго своего драгомана съ объясненіемъ, что не слѣдуетъ принимать этотъ случай за намѣреніе нарушить обычай, существующій при Оттоманскомъ Дворѣ; но что Русское посольство не желаетъ только вести переговоры съ Фуадъ-Эфенди. Послѣ этого Фуадъ-Эфенди подалъ тотчасъ въ отставку и былъ замѣщенъ Рифатъ-Пашею.

Такое происшествіе глубоко отозвалось въ Константинополѣ. Не одинъ Великій Визирь, но и Султанъ приняли поступокъ нашего посла какъ личное для себя оскорбленіе. Народъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ явную угрозу Портѣ.

2) Князь Меншиковъ не только не посѣтилъ Константинопольскаго Греческаго патріарха, но когда сей послѣдній самъ вызвался пріѣхать къ нему, то его заставили дожидаться нѣсколько времени въ приемной.

3) Въ Константинополѣ Греческое духовенство совершаетъ богослуженіе въ Недѣлю Православія съ особеннымъ торжествомъ. Князь Меншиковъ былъ приглашенъ патріархомъ присутствовать при этомъ церковномъ обрядѣ и не только заставилъ ожидать себя, но прислалъ потомъ объявить, что, будучи озабоченъ дѣлами, не имѣетъ времени явиться къ богослуженію.

Эти два обстоятельства сдѣлали дурное впечатлѣніе на единовѣрныхъ намъ Грековъ и возбудили противу князя Меншикова неудовольствіе со стороны Греческаго духовенства, которое потомъ, при дальнѣйшихъ переговорахъ съ Портою, показало видимое нерасположеніе въ пользу нашу.

Какъ бы то ни было, споръ о Святыхъ Мѣстахъ былъ улаженъ, довольно скоро, нѣкоторыми уступками, сдѣланными отчасти съ нашей стороны и отчасти со стороны Людовика-

Наполеона и Порты ¹⁾; но требованіе о подтвержденіи правъ на покровительство Восточнымъ Христіанамъ въ Турціи возбуждало сильныя возраженія со стороны Франціи и Англіи. Посланники сихъ державъ постарались внушить Великому Визирю, что всякое на сей предметъ снисхожденіе было бы пагубно для самостоятельности Турецкой Имперіи, и что Императоръ Николай домогается такой уступки съ цѣлю госнодствовать въ Турціи, какъ въ своихъ владѣніяхъ.

Здѣсь, Англія, казавшаяся до сихъ поръ какъ бы неутраальною въ спорѣ о Святыхъ Мѣстахъ, явно вмѣшалась въ дипломатическую интригу, ловко запутала ее посредствомъ посланника своего въ Константинополь Редклифа и всячески старалась привлечь на свою сторону участіе другихъ державъ обнаруженіемъ обыкновенныхъ разговоровъ Императора Николая съ Великобританскимъ посломъ въ С. Петербургѣ, прибавляя къ тому заранее обдуманныя фразы, что Россія, единственная держава, пользующаяся свободнымъ плаваніемъ по Черному морю и пропускомъ чрезъ Дарданеллы, видимо стремится, постепеннымъ приобрѣтеніемъ вліянія надъ Оттоманскою Портою, окончательно разрушить Турецкое владычество въ Европѣ, раздѣлить Европейскую Турцію и въ этомъ дѣлѣ воспользоваться лучшею частію, включая сюда и Константинополь.

Всѣ приняли за истину такія увѣренія Англіи, поддержанной Французскими журналистами; всѣ признали въ Султанѣ страдательное лице, угнетаемое Сѣвернымъ Автократомъ, къ ущербу Европейскаго равновѣсія. Это былъ второй обманъ, выгодный для биржевыхъ спекуляцій, которыми, какъ извѣстно, занимался самъ Людовигъ - Наполеонъ въ своей столицѣ.

Нельзя не упомянуть, что въ спорѣ о покровительствѣ Восточнымъ Христіанамъ, подданнымъ Турціи, повредило

¹⁾ Подробности этого изложены въ трехъ султанскихъ фирманахъ на имя губернатора Иерусалимскаго Санджана, Гафизъ-Ахмедъ-Паши. Фирмамы эти обнаружены при султанскомъ Гатти-Гумаушѣ въ Маѣ 1853 года.— Смотри. С. Петербургскія Вѣдомости 1853 года, № 121-й.

намъ много и нерасположеніе Грековъ къ князю Меншикову. Греческій Синодъ и часть наиболѣе проевѣщенныхъ свѣтскихъ людей выказали менѣе сочувствіа, нежели привычки видѣть защитниковъ своихъ въ сѣверныхъ единовѣрцахъ. Они не только присоединились въ этомъ дѣлѣ къ оппозиціи Франціи и Англіи, но добавили еще, что покровительство, какого домогалась Россія, съ удержаніемъ при томъ порядка, существовавшего дотолѣ въ правахъ Греческаго духовенства, было бы продолженіемъ злоупотребленій, издавна вкоренившихся въ церковномъ и гражданскомъ управленіяхъ Восточныхъ Христіанъ въ Турціи; что напротивъ этотъ старый порядокъ требуетъ совершеннаго преобразованія, заключающагося въ томъ, чтобы отнять у духовенства свѣтскую власть и что эти реформы они скорѣе могутъ получить отъ Султана, нежели отъ Русскаго Императора, который будетъ издали господствовать надъ 12 миліон. Восточныхъ Христіанъ, обитающихъ въ Турціи, единственно черезъ Константинопольскаго патріарха, выбираемаго всегда изъ Грековъ, а не изъ Булгаръ, или другаго Славянскаго племени.

Между тѣмъ Дворъ нашъ сильно настаивалъ на исполненіи требованій, предъявленныхъ княземъ Меншиковымъ. Порты, не уклоняясь совершенно отъ удовлетворенія, старалась при помощи Англійскаго и Французскаго посланниковъ облечь вопросъ о покровительствѣ Восточнымъ Христіанамъ въ особую дипломатическую форму, не имѣющую вида и силы officialнаго трактата.

Князь Меншиковъ и съ своей стороны предлагалъ проэктъ такого же акта, въ смыслѣ и формѣ довольно примирительныхъ; но Великій Визирь, руководимый постоянно лордомъ Редклифомъ и г. Лакуромъ, упорно отвергалъ окончательныя соглашенія, подъ ничтожными предлогами.

13-го Мая назначена была конференція у Великаго Визиря, на которую былъ приглашенъ князь Меншиковъ; но вмѣсто конференціи посоль нашъ отправился прямо во дворецъ Султана и требовалъ аудіенціи Его Величества, не взирая на придворный трауръ, по случаю кончины Султанской матери.

Оскорбленные такимъ поступкомъ, Великій Визирь Мегметъ-Али-Паша и министръ иностранныхъ дѣлъ Порты, Ризать-Паша, подали немедленно въ отставку. На мѣсто перваго изъ нихъ назначенъ Мустафа-Паша, а на мѣсто втораго Решидъ-Паша.

Перемена эта казалась для насъ благоприятною; но какъ новое министерство съ тѣмъ же упорствомъ защищало мнимую независимость государства, въ вопросѣ о покровительствѣ Россіи Восточнымъ Христіанамъ, и при томъ Верховный Совѣтъ Порты отвергнулъ наши требованія большинствомъ 42-хъ голосовъ противу 3-хъ, то князь Меншиковъ 21-го Мая выѣхалъ изъ Константинополя, а 31-го числа того же мѣсяца правительство наше предъявило Портѣ ультиматумъ.

Съ этой минуты война съ Турціею казалась неизбѣжною. Западныя державы обвиняли Россію въ несправедливой настойчивости, продолжая почерпать свѣдѣнія изъ Парижскихъ и Лондонскихъ газетъ. Всѣ думали, что посоль нашъ прервалъ переговоры произвольно и что Дворъ нашъ не одобритъ его поступка; но такихъ примѣровъ не бывало въ нашей дипломатіи.

Конечно нельзя похвалить надменнаго поведенія князя Меншикова, не только въ отношеніи Турецкихъ высшихъ сановниковъ, но даже и Султана. Объ этомъ ходило много разсказовъ въ нашей публикѣ. Половина этихъ слуховъ не выдумана. Но отлагая въ сторону всѣ частности, должно прибавить, что Императоръ Николай I-й не требовалъ отъ Порты ничего излишняго, но, въ условіяхъ о покровительствѣ Восточнымъ Христіанамъ въ Турціи, единственно желалъ достигнуть разъясненія прежнихъ трактатовъ, въ которыхъ это покровительство опредѣлялось общими выраженіями, но не подробно.

Тайные умыслы Англіи и Франціи умѣли изъ этого незначительнаго спора возбудить сильный предлогъ къ войнѣ, продолжавшейся потомъ почти три года, съ обоюднымъ ожесточеніемъ, преимущественно между Христіанскими держава-

ми, а не противу Турціи, которая вскорѣ осталась какъ будто въ сторонѣ.

Много было причинъ думать, что Россія восторжествуетъ въ этой грозной борьбѣ противу четырехъ державъ, поддержанныхъ недоброжелательствомъ къ намъ почти всей Европы. Провидѣніе опредѣлило иначе: мы не сдѣляли того, что намъ слѣдовало сдѣлать.

Утѣшимся прорицаніемъ Кассандры, такъ прекрасно выраженнымъ въ стихахъ незабвеннаго Жуковского:

„Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
„Завтра выпадетъ другимъ“....

Современныя событія уже начинаютъ оправдывать это грустное прорицаніе.

I.

1853 годъ. При самомъ отправленіи князя Меншикова въ Константинополь, Императоръ Николай принялъ мѣры поставить часть своей арміи на военное положеніе, дабы быть въ готовности поддержать, въ случаѣ нужды, наши справедливыя требованія, не только движеніемъ войскъ къ границамъ, но диверсією въ Придунайскія Княжества и даже высадкою къ Константинополю. 4-й пѣхотный корпусъ, расположенный тогда въ Волынской и частію въ Подольской губерніи, повелѣно было поспѣшнѣе укомплектовать ближайшими безсрочно-отпускными нижними чинами. Такое же самое укомплектованіе велѣно дать и 5-му пѣхотному корпусу, занимавшему Бессарабію, Крымъ, Херсонъ и Одессу. Изъ этого корпуса одна дивизія, именно 13-я пѣхотная, употреблявшаяся постоянно на работы въ Севастополь, получила приказаніе быть готовою къ посадкѣ на суда Черноморской флотиліи. Легкимъ кавалерійскимъ дивизіямъ, 4-й и 5-й, назначено присоединиться къ своимъ корпусамъ, въ Бессарабіи. Отъ военнаго министерства и отъ интендантства дѣйствующей арміи распоряджены значительныя заготовленія провіанта и фуража, на р. Днѣстрѣ и въ южныхъ уѣздахъ Подольской

губерніи. Все это дѣлалось съ чрезвычайною посѣшностію, во время сильной распутицы, когда дороги у насъ бывають едва проходимы. Жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили эти предварительныя приготовленія, стѣсненные уже и безъ того, съ 1846 года, расположеніемъ у нихъ по квартирамъ большаго числа войскъ, сильно потерпѣли тогда отъ умножившихся военныхъ повинностей и, за долго до начала войны, испытали тягость оной.

Между тѣмъ Западъ Европы, сильно возволнованный внезапнымъ отъѣздомъ посла нашего изъ Константинополя, спѣшилъ предупредить окончательный разрывъ нашъ съ Турціею. Припомнимъ трактатъ 1841 года, по которому независимость султановъ поставлена подъ покровительство пяти державъ. Англія и Франція, скрывая настоящія свои намѣренія, предложили Австріи и Пруссіи собрать въ Вѣнѣ конгрессъ, изъ уполномоченныхъ 4-хъ державъ, для обсужденія способа къ соглашенію Россіи и Турціи; но мѣра эта признана Австрійскимъ правительствомъ преждевременною, и потому обратились къ другимъ дипломатическимъ изворотамъ. Началась дѣятельная переписка между Вѣной, Парижемъ, Лондономъ и Константинополемъ. Послѣ обмена нѣсколькихъ депешъ, условились на первый разъ составить въ Вѣнѣ, подъ редакціею Австрійскаго государственнаго министра, графа Буоля, ноту отъ великаго визиря къ графу Нессельроде, придерживаясь нѣсколько смысла послѣдней ноты князя Меншикова и нашего ультимата. Съ этою нотою, удовлетворявшею отчасти требованіямъ Россіи, долженъ былъ ѣхать въ С. Петербургъ чрезвычайный посолъ отъ султана. Но когда проектъ графа Буоля былъ сообщенъ на одобреніе Французскаго кабинета, то Людовикъ-Наполеонъ не согласился на нѣкоторыя фразы, и оттого проектъ былъ передѣланъ, сначала въ Вѣнѣ, а потомъ окончательно въ Парижѣ, гр. Валуевскимъ, и отосланъ въ С. Петербургъ и Константинополь. Гр. Нессельроде отвѣчалъ немедленно, по Высочайшему повелѣнію, что Россія, искренно желая прекращенія возникшихъ несогласій съ Турціею, охотно приметъ

предлагаемое для нея Западными державами удовлетвореніе. Но не такъ думали и дѣйствовали въ Константинополѣ. Порты, оставаясь подѣ влияніемъ прежнихъ внушеній, упорствовала на счетъ предоставленія Россіи покровительства Восточнымъ Христіанамъ, на всемъ пространствѣ султанскихъ владѣній. Напрасно лордъ Редклифъ прибѣгалъ къ хитрости, увѣряя министровъ Турецкихъ, что, въ послѣдствіи, всякое обѣщаніе Порты можно перетолковать въ ея пользу, а не въ пользу Россіи; — великій визирь не поколебался. Такъ по крайней мѣрѣ гласили Парижскіе и Лондонскіе журналы, но въ сущности едва ли это было справедливо; ибо еще 21-го Мая, т. е. почти въ одно время съ отъѣздомъ князя Меншикова изъ Константинополя, дано было Англійскому адмиралтейству повелѣніе королевы Викторіи, чтобы эскадра адмирала Дундаса, находившаяся тогда въ Мальтѣ, приблизилась къ Дарданеламъ, а Французская эскадра заняла въ то же время заливъ Безику, прежде нежели сухопутныя войска наши придвинулись къ р. Пруту.

II.

Упорство великаго визиря и верховнаго совѣта Порты перемѣнить въ пользу Россіи нѣкоторыя выраженія ноты, приготовлявшейся къ отправленію въ С. Петербургъ съ чрезвычайнымъ Турецкимъ посломъ, разстроило всѣ соображенія Вѣнской конференціи. Дипломатика совершенно овладѣла спорнымъ вопросомъ, и бесплодная переписка продолжалась между державами съ горячею дѣятельностію; а извѣстно, что подобнаго рода вмѣшательства никогда не бываютъ искренны: каждый думаетъ о собственной пользѣ и старается собственную хитрость противопоставить хитрости другаго. Дѣло отъ того не двигается впередъ, и въ результатъ бываетъ одно изъ двухъ: или рѣшеніе оружіемъ, или крайнее утомленіе дипломатовъ, которые, притупивъ свои перья и сдѣлавъ нѣсколько промаховъ, ими незамѣчаемыхъ, соглашаются наконецъ на заключеніе, между спорящими державами, такого

темнаго трактата, который, чрезъ нѣсколько лѣтъ, приводитъ къ новымъ недоумѣніямъ и новымъ придиркамъ. По крайней мѣрѣ Исторія представляетъ намъ множество подобныхъ примѣровъ. Пресловутый Парижскій конгрессъ не чуждъ такихъ же погрѣшностей. Сколько послѣ него возникло новыхъ важныхъ вопросовъ, которые и до нынѣ не совсѣмъ разрѣшены, тогда какъ вопросы эти можно и должно было разрѣшить тогда же, при добросовѣстномъ желаніи всѣхъ уполномоченныхъ.

III.

Покуда происходили всѣ разсказанныя нами дипломатическія сношенія, Императоръ Николай I-й, считая пребываніе Англійскаго флота около Дарданель и Французскаго въ Бизикѣ явнымъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, призналъ необходимымъ обезпечить требованія Россіи временнымъ занятіемъ Придунайскихъ княжествъ, не смотря даже на то, что мы еще не совершенно были приготовлены къ войнѣ ¹⁾. 22-го Іюня 4-й пѣхотный корпусъ въ полномъ его составѣ съ 2-ю бригадою 15-й пѣхотной дивизіи, 5-ю легкою кавалерійскою дивизіею и Донскими № 25, 34 и 37 полками, съ Донскою конно-артиллерійскою № 9-ю батареею, перешли Прутъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, который еще въ началѣ Мая мѣсяца былъ вызванъ изъ Варшавы въ С. Петербургъ, для полученія Высочайшихъ наставленій.

IV.

Если бы можно было предвидѣть, что несогласія наши съ Оттоманскою Портою окончатся временнымъ занятіемъ Придунайскихъ княжествъ, то выборъ князя Горчакова, для командованія отдѣльною арміею и администраціею занятаго края,

¹⁾ Высочайшій Манифестъ о занятіи Придунайскихъ княжествъ состоялся 14-го Іюня 1853 года, въ Петергобѣ; а 13-го Іюня отправлено было къ князю Горчакову Высочайшее повелѣніе занять Княжества.

могъ бы оправдать мнѣніе объ немъ Россіи; но онъ вовсе не былъ способенъ разыграть той значительной роли, которая въ послѣдствіи досталась ему, при открытіи войны, и особенно въ званіи главнокомандующаго Крымскою и Южною арміею, дѣйствовавшими на пространствѣ 1000 верствъ, и при томъ въ борьбѣ уже не съ одною Турціею, а съ Англіею и Франціею! Надобно припомнить все поприще службы сего генерала, чтобы убѣдиться, что онъ имѣлъ для сего весьма мало данныхъ.

Онъ началъ свое служеніе въ 1807 году, оберъ-офицеромъ въ гвардейской артиллеріи и участвовалъ въ отечественной войнѣ, былъ адъютантомъ графа Дибича-Забалканскаго, когда сей послѣдній носилъ званіе начальника главнаго штаба 1-й арміи; исправлялъ должность начальника штаба сначала 3-го пѣхотнаго, а потомъ 1-го пѣхотнаго корпусовъ; командовалъ всею артиллеріею, въ войну противу Польскихъ мятежниковъ и на штурмѣ Варшавы и наконецъ, съ исхода 1831 года, былъ постоянно начальникомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи при фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, а въ послѣдствіи, въ одно и то же время, членомъ совѣта управленія Царства Польскаго и военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы.

Казалось бы, что всѣ эти разнородныя и болѣе или менѣе важныя обязанности, въ соединеніи съ участіемъ въ войнахъ, въ 1828 и 1829 годахъ, противу Турокъ, въ 1831 противу Польскихъ мятежниковъ и въ 1849 при усмиреніи Венгріи и Трансильваніи, могли доставить князю Горчакову весьма хорошій опытъ и приготовить его къ блистательному исполненію званія главнокомандующаго; но, къ сожалѣнію, онъ мало воспользовался предшествовавшими уроками, а еще менѣе былъ созданъ для великихъ событій, въ среду которыхъ привела его судьба.

Князь Горчаковъ получилъ образованіе не Русское, а то которое въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій почиталось у насъ неизбѣжнымъ для дворянина, готовящагося проложить себѣ дорогу къ отличіямъ. Онъ былъ весь-

ма начитанъ и зналъ хорошо Французскій языкъ, но съ Русскимъ былъ до того мало знакомъ въ первыхъ офицерскихъ чинахъ, что когда гр. Дибичъ поручилъ ему составить свою краткую біографію или, если не ошибаюсь, военный журналъ дѣйствій войскъ князя Витгенштейна въ 1812 году, то князь Горчаковъ не могъ составить эту рукопись порусски, а принужденъ былъ составить пофранцузски. Уже гораздо позже онъ усовершенствовался въ знаніи своего природнаго языка, и за то, въ важныхъ должностяхъ, отличался мелочными претензіями ни исправленіе всякаго рода самыхъ даже ничтожныхъ бумагъ, по канцеляріямъ, что для подчиненныхъ его всегда служило предметомъ весьма смѣшныхъ разсказовъ. Еще менѣе онъ былъ знакомъ съ нашимъ церковнымъ языкомъ и однажды въ церкви, спрашивая меня «что читають», откровенно прибавилъ, что онъ совершенно не понимаетъ церковнаго чтенія.

Должно сознаться, что въ сраженіяхъ онъ всегда отличался неустранимостью и доказалъ это неоднократно и въ генеральскихъ чинахъ, на примѣръ: въ 1828 году при переправѣ чрезъ Дунай у Сатунова, гдѣ онъ командовалъ авангардомъ, въ 1829 году при осадѣ и покореніи Силистріи и въ 1831 году подъ Остроленкою и на штурмѣ Варшавы. Но для главнокомандующаго требуется не одна неустранимость, а нужны сверхъ того непреклонная воля, характеръ твердый и образъ мыслей, непоколебимый ежечасными сомнѣніями. Къ сожалѣнію, этими-то высокими достоинствами не могъ никогда похвалиться князь Горчаковъ. Онъ былъ храбръ на полѣ битвы, но чрезвычайно боялся всякой отвѣтственности, не только предъ Государемъ, но даже и предъ начальникомъ, и оттого никогда и ни въ чемъ не довѣрялъ себѣ.

Къ оправданію князя Горчакова можно сказать развѣ то, что слишкомъ 20 лѣтнее служеніе его подъ вліяніемъ желѣзнаго деспотизма и самоуправія фельдмаршала, могло уничтожить въ немъ всю энергію и всякое сознаніе своихъ достоинствъ. Утративъ однажды самостоятельность, онъ, можетъ быть, пересталъ и думать о высшемъ назначеніи, и мало по

малу вошелъ въ ролю угодливаго и подобострастнаго царедворца, дорожащаго почестями, а не истиннаго сына Отечества, гордащагося собственными заслугами.

Извѣстно, что покойный фельдмаршалъ князь Варшавскій, при неограниченномъ своемъ властолюбіи, нетерпѣвшій никакого противорѣчія, питалъ какое-то непостижимое пренебреженіе къ званію начальника штаба, и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему генеральному штабу. Онъ любилъ говорить, что начальникъ штаба не болѣе какъ секретарь главнокомандующаго и точный, безпрекословный исполнитель его приказаній. На каждомъ шагу и почти ежедневно, князь Горчаковъ, даже съ Андреевскою звѣздою, долженъ былъ выслушивать подобныя изрѣченія, произносимыя часто въ самыхъ рѣзкихъ формахъ, и не глазъ на глазъ, а въ присутствіи другихъ. Гдѣ же тутъ было набраться самостоятельности? Долговременная привычка усвоила за княземъ Горчаковымъ всѣ качества второстепенныя; а ему, какъ нарочно, выдернулась, въ послѣдствіи, роля защитника Россіи противу сильныхъ непріятелей!

Наконецъ князь Горчаковъ служилъ слишкомъ недолго во фронтѣ, и то исключительно въ гвардейской артиллеріи, а потому не понималъ вовсе ни свойствъ армейскаго солдата, ни его нуждъ и даже, къ удивленію, не зналъ твердо всѣхъ подробностей солдатскаго довольствія въ мирѣ и въ войнѣ, способовъ, которыми притекаетъ во всѣ части войскъ это періодическое довольствіе и весьма сложный механизмъ всѣхъ пружинъ армейскаго управленія, не смотря на долговременное начальствованіе штабами корпусовъ и армій. Намъ неоднократно встрѣтятся случаи представить тому явныя доказательства.

V.

Не за долго до отъѣзда князя Горчакова изъ Варшавы въ С. Петербургъ, а былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, съ тѣмъ чтобы, при первой ваканціи въ дѣйствующей

арміи, назначить меня начальникомъ пѣхотной дивизіи. По рекомендаціи фельдмаршала, князь Горчаковъ, знавшій близко мою продолжительную службу при князѣ Варшавскомъ, пригласилъ меня поступить подъ его новое начальство, обѣщая мнѣ, что я ничего не потеряю въ моей карьерѣ, до того времени весьма счастливой. Желая, съ возможною положительностію, опредѣлить мою будущность, я тогда же спросилъ князя Горчакова, какое предполагаетъ онъ дать мнѣ назначеніе въ формируемой арміи и тутъ же высказалъ, что я никогда не приму на себя никакой должности, съ которою были бы связаны денежные интересы, именно интендантскую и тому подобное. Князь Горчаковъ отозвался, что выборъ для меня обязанности будетъ зависѣть отъ Высочайшаго указація; но что, во всякомъ случаѣ, я не долженъ опасаться назначенія въ интенданты, а скорѣе всего получу мѣсто дежурнаго генерала, въ войскахъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ. Этимъ и кончился тогдашній разговоръ нашъ.

VI.

Въ чемъ состояли Высочайшія наставленія, полученныя княземъ Горчаковымъ, до насъ не касается; но извѣстно только, что главною обязанностію вмѣнено было ему, по занятіи Придунайскихъ Княжествъ, не начинать съ нашей стороны военныхъ дѣйствій, но ожидать нападеній отъ Турокъ и ограничиваться оборонительною войною, не предпринимая покуда никакого наступленія за Дунай. Положено было также войти въ тѣсныя сношенія со всеми Задунайскими Славянами и стараться подвигнуть ихъ ко всеобщему возстанію, въ пользу нашу, когда наступитъ для того время. Эта мысль вполне принадлежала князю Варшавскому, который подалъ объ этомъ Императору Николаю пространную записку, одобренную Его Величествомъ. Мысль эта была однакоже не новая, а заимствована у адмирала Чичагова, который, будучи въ 1811 году главнокомандующимъ Молдавскою арміею, предлагалъ подобный проэктъ, какъ лучшее средство

овладѣть Константинополемъ, съ бывшими подъ его начальствомъ малочисленными войсками, и заставить Порту скорѣе ратификовать мирныя условія, вынужденныя у великаго визира, знаменитою побѣдою надъ нимъ Кутузова, подъ Русукомъ.

Исполненіе этого плана дѣйствительно принесло бы намъ много пользы; но къ сожалѣнію, изъ страха къ Австрійцамъ, мы робко приняли за это дѣло и оставили его безъ послѣдствій, какъ увидимъ ниже.

VII.

Вступивъ съ войсками въ Придунайскія Княжества, 20-го Іюня, князь Горчаковъ издалъ немедленно прокламацію къ жителямъ на Валахскомъ и Французскомъ языкахъ и занялъ Яссы, а потомъ 3-го Іюля Бухарестъ, гдѣ учредилъ свою главную квартиру, какъ въ средоточіи обоихъ княжествъ²⁾. Авангардъ нашъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Анрепа изъ 5-й легкой кавалерійской дивизіи и 1-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи, съ принадлежащею къ ней артиллеріею и однимъ Донскимъ казачьимъ полкомъ, перешелъ въ Малую Валахію и расположился въ Краіовъ, выдвинувъ аванпосты свои до сел. Бойлешті, памятнаго въ военной нашей исторіи побѣдою, одержанною надъ Турками въ 1829 году генераль адъютантомъ Гейсмаромъ. Другія войска наши стали квартирами вдоль лѣваго берега Дуная, приближаясь къ нему лишь кордонною казачьею цѣпью.

²⁾ Войска перешли границу двумя колоннами: 4 и 5 кавалерійскія дивизіи, Донскіе казаки № 34 и 37-го, полки 1 бригады 10 пѣхотной дивизіи и 2-й бригады 15 пѣхотной дивизіи переправились черезъ Прутъ 20 Іюня, при Леовъ; другія войска слѣдовали чрезъ Скулянъ, огромные провіантскіе обозы и госпитальныя запасы тянулись по обоимъ направленіямъ. — Бухарестъ занятъ авангардомъ нашимъ 3-го Іюля. — Встрѣчи вездѣ были радушныя. Князь Горчаковъ прибылъ въ Яссы 25-го Іюня. Въ этотъ день тезоименитства Государя, Молдавскій господарь князь Гика далъ большой обѣдъ. Въ Бухарестѣ князь Горчаковъ остановился въ домѣ логосета Лента.

Турки не только не оказали нимаѣйшаго сопротивленія при вступленіи нашихъ войскъ въ Княжества, но даже не имѣли тамъ никакого отряда, за исключеніемъ небольшого поста, въ наскоро-устроенномъ земляномъ укрѣпленіи Калафатъ, противу Виддина, на Валахской сторонѣ Дуная. Укрѣпленіе это тогда же и очень легко могло быть взято, если бы не имѣлось въ виду Высочайшаго воспрещенія начинать съ нашей стороны военныя дѣйствія.

VIII.

Іюль, Августъ и Сентябрь мѣсяцы 1853 года войска наши провели въ Княжествахъ совершенно спокойно. Жители Молдавіи и Валахіи встрѣтили насъ, какъ добрые единовѣрцы и съ полнымъ усердіемъ предлагали всякаго рода услуги, видя, что за всѣ военныя требованія уплачиваются имъ или личныя деньги золотомъ, или правильныя квитанціи, на счетъ Россіи. Господари, съ ихъ управленіями, не находили повода считать для себя стѣсненіемъ прибытіе Русскихъ войскъ. Только въ береговыхъ частяхъ Малой Валахіи, въ окрестностяхъ Калафата, духъ жителей обнаруживалъ нерасположеніе къ намъ, подъ вліяніемъ Видинскаго паши и въ слѣдствіе внушеній Молдавскихъ и Валахскихъ демократовъ, удалившихся за границу въ 1849 году, во время тогдашняго пребыванія войскъ нашихъ въ Придунайскихъ княжествахъ, а теперь спѣшившихъ возвратиться въ ту небольшую часть края, которая еще не была нами занята.

Такое продолжительное бездѣйствіе двухъ спорящихъ сторонъ, при воспослѣдовавшемъ уже между ними явномъ разрывѣ, должно отнести преимущественно не къ дипломатическимъ конференціямъ, постоянно длившимся въ Вѣнѣ, а къ тому, что Турція, не смотря на возбужденія Англій и Франціи, вовсе не была готова къ войнѣ и не имѣла достаточныхъ силъ, для состязанія въ полѣ.—Отъ вниманія Императора Николая не укрылось, что въ предстоявшей борьбѣ, Порты, вѣроятно, разовьетъ свои дѣйствія преимущественно въ Азіи,

я не въ Европѣ. Основаніями къ такому заключенію служило слѣдующее: а) Турки скорѣе могли собрать сильныя войска въ Азіятскихъ своихъ владѣніяхъ и устремиться съ ними на Закавказскія наши границы, имѣющія слабую оборону; б) съ этой стороны, они могли надѣяться найти скорѣе сочувствіе пограничныхъ жителей, большею частію Мусульманъ, и въ особенности Закубанскихъ племенъ, между которыми постоянно проживали тайные Турецкіе агенты, съ титуломъ сераскировъ и пашей; в) усилившееся вліяніе Шамиля въ Дагестанъ, Чечнѣ и даже за Кубанью, давало имъ вѣрную надежду образовать сильное противу насъ возстаніе въ Кавказскихъ горахъ, и этимъ средствомъ разобщить дѣйствія войскъ нашихъ, такъ, чтобы никакая своевременная помощь не могла быть отправлена съ Кавказской линіи къ Турецко-Азіятскимъ нашимъ границамъ; г) главная цѣль подстрекательства Англичанъ обращена была на скорѣйшее отнятіе у насъ или уничтоженіе укрѣпленій нашихъ на Восточномъ берегу Чернаго моря, препятствовавшихъ Англійскимъ торговцамъ распространять между Черкесами свою контрабанду и ввозить къ нимъ порохъ и оружіе, и наконецъ д) сильныя опасенія, что, по примѣру 1829 года, Кавказскія войска наши могутъ проникнуть далеко въ Азіятскую Турцію, овладѣть не только Карсомъ, Баязетомъ, Арзерумомъ и Трапезонтомъ, но даже Сивазомъ, Токатомъ и Самсуномъ, и тѣмъ остановятъ, на время, всѣ выгоды Турецкой, а вмѣстѣ и Англійской, торговли съ Персіею, и завладѣютъ большими складами товаровъ въ Трапезонтѣ, Арзерумѣ и Самсунѣ.

Въ этихъ видахъ, Государь счелъ необходимымъ усилить благовременно Кавказскій корпусъ, дабы быть въ готовности встрѣтить и отразить съ успѣхомъ Турокъ, въ случаѣ появленія ихъ въ значительныхъ силахъ на Закавказскихъ границахъ нашихъ. Изъ Россіи были направлены въ Грузію 18-я пѣхотная дивизія и два драгунскихъ полка, а изъ Крыма 13-я пѣхотная дивизія, та самая, которая предназначалась прежде для высадки въ Константинополь. Самый десантъ былъ уже отмѣненъ, по случаю пребыванія близъ Дарданелъ и въ Бозидѣ

Англійской и Французской эскадръ. Отправленіе сухопутно 18-й пѣхотной дивизіи и двухъ драгунскихъ полковъ не представляло никакихъ затрудненій, кромѣ отдаленности; но перевозка моремъ въ Имеретію 13-й пѣхотной дивизіи сопряжена была не только съ большими препятствіями, но и съ опасностію, по причинѣ сильныхъ непогодъ, наступающихъ въ Черномъ морѣ, уже въ первой половинѣ Августа. Эскадра наша исполнила однако же эту перевозку съ рѣдкимъ успѣхомъ, дѣлающимъ честь какъ начальникамъ, такъ и офицерамъ Черноморскаго флота.—13-я пѣхотная дивизія прибыла именно въ то время, когда присутствіе ея сдѣлалось крайне необходимымъ для защиты Гуріи, Мингреліи, Имеретіи и Ахалцыха.

IX.

Сколько, по видимому, ни старались Европейскіе Кабинеты положить миролюбивый конецъ спору Россіи съ Оттоманскою Портою, старанія эти оказались безуспѣшными. Вся изобрѣтательность Западныхъ дипломатовъ не могла уладить дѣло; можетъ быть даже въ этомъ попрепятствовали происки въ Константинополь Франціи и Англии, въ тайнѣ желавшихъ столкновенія съ Россіею. Впрочемъ, война началась неожиданно, безъ формальнаго объявленія со стороны Султана,—непріязненнымъ дѣйствіемъ противу небольшого отряда судовъ нашихъ, шедшихъ отъ Измаила, вверхъ по Дунаю ³⁾. Въ то время свободное плаваніе по сей рѣкѣ не было еще возбранено судамъ нашимъ, наравнѣ съ судами прочихъ державъ; да притомъ мы владѣли устьемъ Дуная и лѣвымъ берегомъ до самаго Рени, т. е. до впаденія Прута въ Дунай; слѣдовательно, во всякомъ разѣ, имѣли полное право пользоваться проходомъ на этомъ пространствѣ.

Въ этомъ убѣжденіи, не подозрѣвая сопротивленія со стороны Турокъ, были отправлены отъ Измаила къ Галацу и

³⁾ Выстрѣлы по нашимъ аванпостамъ на Дунаѣ начались еще съ 3-го Октября.

Бранлову, въ началѣ Октября, два небольшихъ парохода: Прутъ и Ординарецъ, съ 8-ю канонерскими лодками, подъ командою капитанъ-лейтенанта Варпаховскаго; но лишь только 11-го числа утромъ они поровнялись съ стоящею на правомъ берегу Дуная Турецкою крѣпостью Исакчи, какъ оттуда открыли неожиданный огонь изъ 27-ми крѣпостныхъ орудій. Капитанъ-лейтенантъ Варпаховскій и нѣсколько нижнихъ чиновъ были убиты, а нѣсколько переранены. На это непріязненное дѣйствіе, сдѣланное безъ всякаго предваренія, сильно отвѣчали съ нашихъ судовъ, при помощи береговой батареи, выставленной заблаговременно съ нашей стороны, и пароходы, вмѣстѣ съ канонерскими лодками, не болѣе какъ черезъ два часа, прошли по назначенію, истребивъ гранатами большую часть города Исакчи.

X.

Недовольствуясь этимъ началомъ, Турки открыли военныя дѣйствія 16-го Октября въ Гуріи, внезапною атакою и взятіемъ у насъ поста св. Николая.—20-го числа они пробовали переправиться отъ Рущука къ Журжѣ; но отражены нашею артиллеріею, а 21-го, изъ лагеря при Туртукаѣ, перешли на лѣвый берегъ Дуная, заняли каменный карантинъ и начали укрѣпляться неподалеку сел. Ольтеницы, въ виду расположенія нашихъ постовъ.

Работы непріятеля производились съ такою поспѣшностью, что, менѣе нежели въ двое сутокъ, Турки успѣли вооружить карантинъ 6-ю орудіями, и протянули отъ него земляные ретраншаменты вправо къ Дунаю, и влево къ небольшой рѣчкѣ Аржису, впадающей въ Дунай, а во рвахъ поставили палисады. Сверхъ того правый флангъ ихъ обстрѣливался трехъ-ярусными батареями, съ высотъ праваго берега Дуная, а лѣвый съ острова, противъ устья Аржиса.

Такое усиленное покушеніе Турокъ занять новую, крѣпкую позицію въ Валахіи, вызывало и насъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Поэтому князь Горчаковъ приказалъ командиру

4-го пѣхотнаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи Даненбергу, съ 1-ю бригадою 11-й пѣхотной дивизіи и 6-ю эскадронами Ольвиопольскаго уланскаго полка, тремя сотнями Донскаго № 34 полка, батареею № 3-го и легкою № 5-го батареями 11-й артиллерійской бригады и двумя орудіями Донской № 9 батареи.⁴⁾ атаковать непріятеля и отбросить его за Дунай.

Атака была проведена 23-го Октября, полками: Селенгинскимъ и Якутскимъ пѣхотными; но къ сожалѣнію, при всей храбрости войскъ, не удалась.

Обвиненія въ этой неудачѣ, по всей справедливости, падаютъ на генерала Даненберга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на князя Горчакова, которому слѣдовало послать не одну бригаду, а цѣлую дивизію съ ея артиллеріею, такъ какъ это предпріятіе было первое, успѣхъ или неуспѣхъ котораго могъ имѣть вліяніе на цѣлую войну; слѣдовательно непростительно было дѣйствовать на авось, особенно когда другія войска стояли, такъ сказать, подъ рукою⁵⁾.

Сраженіе началось построеніемъ бригаднаго боеваго порядка, на пушечный выстрѣлъ отъ непріятельскаго укрѣпленія, и открытіемъ огня нашей артиллеріи. Офицеры и нижніе чины были въ полной боевой амуниціи; генералы, полковые и баталіонные командиры, съ ихъ адъютантами, верхомъ, такъ точно какъ бываетъ на обыкновенныхъ маневрахъ. Артиллерія наша стрѣляла не долго и, прежде нежели былъ ослабленъ непріятельскій огонь изъ укрѣпленія, полкамъ приказано идти на приступъ.—Молодецки двинулись они впередъ и, несмотря на большую потерю, скоро достигнули рва; но здѣсь, обремененные амуниціею, поражаемые на самомъ близкомъ разстояніи картечью, и при томъ лишившись многихъ начальниковъ, они остановились, не для того, чтобы отступить, но чтобы возстановить порядокъ въ разрозненныхъ рядахъ.—

⁴⁾ Войска эти стояли тогда въ лагерѣ при сел. Будешти.

⁵⁾ Именно 2-я бригада той же дивизіи съ ея артиллеріею оставалась въ лагерѣ при сел. Будешти, въ 15-ти или 20 верстахъ отъ Ольтеницкаго карантина.

Генералъ Даненбергъ, соображая значительный уренъ и предстоящія новыя трудности при самомъ приступѣ, приказалъ ударить отбой и отвелъ назадъ полки, преслѣдуемые изъ укрѣпленія усиленными выстрѣлами. Потеря наша, по официальному донесенію, была показана: убитыми оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 150, ранеными штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 19, нижнихъ чиновъ 629; но она, на самомъ дѣлѣ, простиралась до 900 человекъ *).

Это былъ первый для насъ урокъ; но мы не воспользовались. — Маневры, въ мирное время, такъ приучили насъ къ легкому овладѣнію редутами, что мы и на войнѣ сохранили тотъ же образъ дѣйствій, подкрѣпляемые славными воспоминаніями о Суворовѣ; но что усвоено одному, и при томъ гению, то не всякій съумѣетъ сдѣлать: есть въ этомъ тайна, недостижимая для обыкновенныхъ людей.

Генералу Даненбергу слѣдовало вести атаку не съ одного фронта, а занять двумя баталіонами позицію противу праваго фаса непрітельскаго укрѣпленія, отдѣленнаго отъ насъ рѣчкою Аржись, и оттуда развлекать Турокъ фальшивою атакою.

Въ день сраженія князь Горчаковъ былъ въ Букарестѣ и, только по болѣзни, не успѣлъ прибыть, во время, на мѣсто дѣйствія.

Съ нимъ случились желудочные припадки, отъ которыхъ онъ сильно и часто страдалъ, уже нѣсколько лѣтъ. 31 Октября онъ выѣхалъ въ лагерь при сел. Будешти, для ближайшихъ распоряженій; но тогда Турки уже отступили за Дунай.

Впрочемъ, ему слѣдовало предварительно дать надлежащія наставленія генералу Даненбергу, такъ какъ извѣстно было, что генералъ сей, при всей своей учености и полномъ знаніи теоріи военнаго искусства, не имѣлъ большаго опыта на войнѣ и, достигнувъ званія корпуснаго командира, не одержалъ ни одной побѣды надъ непрітелемъ. Сверхъ того мы имѣли

*) Въ описаніи сраженія я придерживался реляцій; но многое дополнилъ изъ разсказовъ очевидцевъ-участниковъ.

въ бою всего 18 орудій, изъ коихъ половина легкихъ, тогда какъ изъ самаго донесенія князя Горчакова видно, что непріятельская артиллерія была вдвое сильнѣе числомъ и калибромъ, и при томъ дѣйствовала съ возвышенной, слѣдовательно съ выгоднѣйшей позиціи.

Какъ бы то ни было, смѣлая атака Ольтеницкаго укрѣпленія, въ полной мѣрѣ напомнила Туркамъ знакомое имъ издавна мужество и неустрашимость Русскихъ войскъ. Въ близкомъ ихъ присутствіи, они не рѣшились оставаться на нашемъ берегу Дуная, хотя бы и въ укрѣпленной позиціи, обстрѣливаемой со стороны Туртукая и 31-го Октября ушли назадъ, уничтоживъ карантинъ, ретраншаментъ и мостъ на Аржисѣ.

XI.

Ольтеницкое дѣло, въ свое время, возбудило у насъ много толковъ, и было поводомъ разныхъ мнѣній, утвердившихся въ арміи и въ публикѣ, безъ надлежащаго разбора. Успѣшную оборону Турокъ всего болѣе приписывали штуцерамъ, которыми успѣли снабдить ихъ Европейцы. Нельзя отвергать этого, и конечно мы хорошо сдѣлали, что поторопились потомъ увеличить число штуцеровъ и въ нашихъ войскахъ, хотя это слѣдовало бы сдѣлать еще до открытія войны, по примѣру другихъ Европейскихъ армій.—Но, соглашаясь съ неоспоримыми выгодами оружія дальняго и вѣрнаго выстрѣла, при защитѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, гдѣ всякій, сидя за брустверомъ, можетъ спокойно заряжать свой штуцеръ и мѣтить изъ него съ совершенною безопасностію, — нельзя приписывать тѣхъ же выгодъ штуцерамъ въ полевыхъ сраженіяхъ, успѣхъ которыхъ болѣею частію зависитъ отъ искуснаго маневрированія и разчетливаго употребленія дѣйствій пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, въ совокупности. — Что значитъ 5, даже 10 т. штуцеровъ выставленныхъ непріателемъ впередъ, если я смѣло приближу къ нимъ на рсяхъ, 10 батарей, т. е. 80 орудій, и изъ cadaго изъ нихъ успѣю сдѣлать по 3 выстрѣла картечью, подвигая притомъ сзади сильную массу пѣхоты и дѣлая

одновременно обходъ кавалеріею на флангъ непріятеля. Пусть при 80-ти орудіяхъ произойдетъ страшная отъ штуцеровъ потеря въ людяхъ и лошадяхъ; положимъ даже на половину; но въ непріятельскихъ рядахъ уронъ едва ли будетъ меньше, а видъ приближающихся пѣхотныхъ массъ и фланговое движеніе кавалеріи заставитъ непременно непріятеля отозвать своихъ штуцерныхъ въ общій строй, для встрѣчи натиска. Все зависитъ отъ предводителя, который умѣетъ пользоваться обстоятельствами и ввѣренными ему средствами. Генію нельзя поставить условія: умъ его перелетаетъ за предѣлы, кажушіеся для другихъ непреоборимыми. Въ революціонныя войны, Французскіе застрѣльщики пріобрѣли особенную знаменитость: ихъ густыя цѣпи, поставленныя въ два и три ряда, останавливали съ успѣхомъ Австрійскія колонны; но явился Суворовъ въ Италію, и тѣ же самыя Французскія войска уступили намъ побѣду подъ Нови и Треби.

Итакъ, основательно слѣдуетъ разсудить, до какой степени можно слѣпо полагаться на превосходство штуцеровъ, въ полевыхъ сраженіяхъ. Иначе мы можемъ впасть въ другую крайность. Огнестрѣльное оружіе есть, по преимуществу, оружіе оборонительное: съ нимъ можно удержать за собою поле сраженія; но выигриваются побѣды смѣлымъ дѣйствіемъ артиллеріи, поддержанной дружнымъ натискомъ пѣхоты и быстрыми, отважными налетами кавалеріи.

ХІІ.

Любопытно также, что, послѣ Ольтеницкаго дѣла, возникла мысль перемѣнить въ нашихъ войскахъ покрой офицерской шинели. Начали утверждать, что мы теряемъ въ сраженіяхъ много начальниковъ и офицеровъ единственно отъ того, что существуетъ рѣзкое отличіе между офицерскою и солдатскою одеждою. Главнокомандующій присоединился къ этому мнѣнію и представилъ о томъ Государю. Вскорѣ воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе перемѣнить форму офицерскихъ шинелей и дозволить шить ихъ, на время, изъ толстаго сукна, совершенно по образцу солдатскому. Въ арміи хотѣли было

отдать приказъ объ этомъ; но я доложилъ, что подобное официальное распоряженіе будетъ у насъ началомъ военной деморализаціи. Въ самомъ дѣлѣ,—если потеря офицеровъ въ рядахъ нашихъ всегда не соразмѣрна съ числомъ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, то это должно скорѣе приписать безпримѣрной ихъ отвагѣ и неустрашимости, ибо обыкновенно офицеры наши впереди, и часто даже съ ружьями въ рукахъ; но если одинъ разъ будетъ внушено имъ самосохраненіе, то ослабнетъ, нынѣ одушевляющій ихъ, воинскій духъ, а не храбрымъ это дастъ поводъ умышленно избѣгать опасностей. Мы видѣли впрочемъ, что перемѣна шинелей не уменьшила числительной у насъ потери офицеровъ, въ сраженіяхъ. Судьба не щадила ихъ, и въ этой одеждѣ, отъ пуль и снарядовъ непріятельскихъ: храбрые погибали какъ и прежде! Вѣчная слава этимъ истиннымъ героямъ, свято исполнявшимъ свой долгъ: примѣры ихъ не пропадутъ для молодаго поколѣнія.

XIII.

Въ Сентябрь мѣсяцъ 1853 года, Императоръ Николай былъ въ Варшавѣ, для осмотра собранныхъ тамъ войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса. Въ это время фельдмаршалъ приказалъ приготовить докладъ Государю о назначеніи меня начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи, на открывшуюся вакансію. Но прежде нежели докладъ былъ сдѣланъ, я получилъ наконецъ отъ князя Горчакова собственноручное, письменное приглашеніе принять должность дежурнаго генерала въ состоящихъ подъ его начальствомъ войскахъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ. Это приглашеніе я въ тотъ же вечеръ представилъ князю Варшавскому, который немедленно испросилъ высочайшее одобреніе. Но прошелъ еще цѣлый мѣсяцъ, покуда состоялся приказъ о моемъ назначеніи, такъ что не прежде 8-го Ноября я могъ отправиться на Дунай. Государь былъ такъ милостивъ, что дозволилъ мнѣ, до отъѣзда на войну, отправиться на 10-ть дней въ Дрезденъ, для свиданія съ находившимся тамъ моимъ семействомъ. По возвращеніи въ Варшаву, добрые товарищи

и сослуживцы дали мнѣ прощальный объѣдъ, и мы разстались съ взаимными изъявленіями пріятельскихъ чувствъ.

XIV.

По весьма дурной, осенней дорогѣ, я едва добрался въ Букарестъ утромъ 30-го Ноября, промедливъ не болѣе четырехъ дней въ Малороссіи, чтобы проститься тамъ съ близкими своими родственниками. За Кіевомъ, на правомъ берегу Днѣпра, равно какъ и, за Прутомъ, по Молдавіи и Валахіи, лежалъ уже снѣгъ, и потому первое впечатлѣніе края, дотогдѣ мнѣ незнакомаго, было самое невыгодное и, можно сказать, грустное. Кто бывалъ въ Придунайскихъ княжествахъ, тотъ знаетъ, что тамошняя страна не представляетъ на плоскостяхъ ничего пріятнаго. Небольшіе города, съ каменными постройками, чрезвычайно рѣдки. По тракту отъ Яссы до Букареста, на пространствѣ 300 верствъ, замѣчательны только Бырладъ, Фокшаны и Бузео. Почти все остальное даже не деревни, а кучи первобытныхъ землянокъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ. Спустиась къ Дунаю, можно назвать Галацъ и Браиловъ, два прибрежные пункта, въ которыхъ сосредоточивалась тогда торговля Россіи и Австріи съ Придунайскими княжествами. Въ гористыхъ частяхъ Молдавіи и Валахіи есть много живописныхъ мѣстъ; но мнѣ не случилось тамъ быть.

На ночлегъ въ Яссахъ я видѣлся съ кн. Ур., который исполнялъ тамъ должность военнаго губернатора, въ присутствіи Молдавскаго господара, князя Гики. Онъ сообщилъ мнѣ многое, чѣмъ я интересовался въ арміи. Меня опечалило ничѣмъ ненарушимое бездѣйствіе нашихъ войскъ. Война уже началась и началась неприязненнымъ поступкомъ со стороны Турокъ; формальный разрывъ объявленъ высочайшимъ манифестомъ 20-го Октября, слѣдовательно у Русскаго главнокомандующаго были развязаны руки; однакоже мы медлили, въ полномъ усыпленіи. И такъ (я подумалъ) догадки о характерѣ князя Горчакова оправдываются на самомъ дѣлѣ: онъ всегда боялся ответственности за каждое предпріятіе, которое прямо падало на него. Не есть ли это достаточное доказательство

второстепенности, и при томъ въ такое время, когда отважный Нахимовъ истребилъ Турецкую эскадру подъ Синопомъ, а Бebutовъ и Андрониковъ одерживаютъ славныя побѣды на нашихъ Азіятскихъ границахъ; когда Кавказскія войска и Черноморскій флотъ, при всякой встрѣчѣ съ неприятелемъ, покрываютъ себя новою славою!

XV.

Съ такими неутѣшительными мыслями и опасеніемъ за будущее, я прибылъ 30-го Ноября въ Букарестъ, и на другой же день вступилъ въ должность дежурнаго генерала. Князь Горчаковъ принялъ меня очень благосклонно, спрашивалъ о многомъ, а главное, что думаютъ въ Варшавѣ относительно начавшейся войны и лично объ его положеніи; болѣе всего ему желательно было узнать, какъ судить обо всемъ фельдмаршалъ: замѣтно было, что на немъ еще отзывалось прежнее вліяніе князя Варшавскаго и сильно тяготѣла долговременная привычка зависимости. При томъ князь Горчаковъ, зная неограниченное довѣріе Государя къ фельдмаршалу, постоянно искалъ его расположенія и исключительно опирался на его мнѣнія.

Къ сожалѣнію, князь Варшавскій, въ это время, совершенно перемѣнилъ свой образъ мыслей на счетъ войны съ Турціею. Я уже сказалъ выше, что, въ самомъ началѣ нашихъ несогласій съ Оттоманскою Портою, онъ совѣтовалъ привлечь на нашу сторону всѣхъ Славянъ, обитающихъ въ Турецкой имперіи, а также Сербовъ и Черногорцевъ, съ тѣмъ, чтобы они изъ среды своей составили ополченія, въ пользу нашу. Эти мысли, изложенныя пространно въ запискѣ Государю, были основательны и заслуживали особеннаго вниманія: онъ, кажется, получили даже Высочайшее одобреніе. Но въ Сентябрѣ мѣсяцѣ все перемѣнилось. Фельдмаршалъ, опасаясь возбудить неудовольствіе Австріи вооруженіемъ Славянъ, отступился отъ прежней мысли и подалъ въ Варшавѣ Государю новую записку, въ которой опровергалъ самъ себя и усиленно доказывалъ, что намъ ни малѣйшимъ подозрѣніемъ не слѣдуетъ

возстановлять противу себя Австрійцевъ, дабы не привлечь ихъ на нашъ тылъ, во время борьбы за Дунаемъ. Конечно въ этихъ опасеніяхъ заключалось и нѣсколько истины: Австрійская политика всегда отличалась коварствомъ, и нельзя было полагаться на ихъ добросовѣстный нейтралитетъ, даже и послѣ великой услуги, оказанной имъ Россією, въ 1849 г. противу Венгерцевъ; но если бы мы успѣли поднять Сербію и Черногорію, то этаго уже было бы достаточно, чтобы занять большую часть Австрійскихъ войскъ, при всегдашней сомнительной покорности Венгрии и Трансильваніи. Остальные Задунайскіе Славяне сражались бы вѣсть съ нами противу Турокъ.

Я скрылъ отъ князя Горчакова эти обстоятельства, въ полной увѣренности, что они сильно подѣйствовали бы на его обыкновенную мнительность, особенно возраждавшіяся опасенія на счетъ Австріи; но доложилъ ему, по всей справедливости, что фельдмаршалъ полагаетъ необходимымъ вытѣснить Турокъ изъ южной оконечности Малой Валахіи и овладѣть Калафатомъ. На это князь Горчаковъ возразилъ, что онъ не имѣетъ достаточныхъ силъ, дабы рѣшиться на такое предпріятіе. Я представилъ ему, что мы получаемъ сильное подкрѣпленіе, въ составѣ двухъ дивизій пѣхоты и одной бригады кавалеріи 3-го пѣхотнаго корпуса, вступавшихъ тогда въ Княжества, и дозволилъ себѣ высказать собственную мою мысль, что, для дѣйствій противу Калафата, полезно было бы купить немедленно въ Австріи, подъ постороннимъ предлогомъ, два или три парохода; посадить на нихъ два или три баталіона, съ легкою артиллерією, совершенно не нужно намъ, для стрѣльбы противу Калафатскихъ укрѣпленій, и спустить эту маленькую флотилію, по Дунаю, къ Виддину, чтобы разрушить мостъ, соединявшій сей городъ съ Калафатомъ, въ то самое время, когда отрядъ нашъ подойдетъ къ этому пункту съ сухаго пути.—Князь Горчаковъ принялъ мое предположеніе за мечтательность и прекратилъ разговоръ.

XVI.

Въ главной квартирѣ, которая жила тогда довольно весело въ Букарестѣ, нашелъ я много знакомыхъ. — Начальника штаба, генераль-адъютанта Коцебу, я зналъ очень давно, съ подпоручичьяго до генеральскаго чина включительно; генераль-квартирмейстеръ Бутурлинъ былъ вмѣстѣ со мною очень долго адъютантомъ при фельдмаршалѣ; начальникъ артиллеріи генераль-лейтенантъ Сержпутовскій, старшій меня и по чину и по лѣтамъ, носилъ со мною одинъ мундиръ; генераль-интендантъ Затлеръ находился со мною въ частыхъ сношеніяхъ по службѣ, когда я управлялъ военною канцеляріею князя Варшавскаго, а онъ былъ генераль-провіантмейстеромъ дѣйствующей арміи; наконецъ походный атаманъ казачьихъ полковъ, графъ Орловъ Денисовъ, котораго я зналъ флигель-адъютантомъ. О младшихъ не упоминаю.

Характеристика поименованныхъ мною лицъ слѣдующая.

Генераль *Коцебу* совершенно способный къ званію начальника главнаго штаба, образованный, трудолюбивый, точный и при томъ соединяющій съ этими качествами храбрость, военную предусмотрительность въ достаточной степени и долговременный опытъ въ войнѣ съ Азіятскими народами; но не съ Европейцами, противу которыхъ никогда не сражался, а зналъ образъ ихъ дѣйствій только по теоріи, изъ книгъ и другихъ подобныхъ источниковъ.

Бутурлинъ, образованный, начитанный, понимающій свою обязанность, хотя и не совсѣмъ въ ней опытный, достаточно храбрый, энергическій, хотя иногда медленный въ исполненіи канцелярскихъ обязанностей.

Сержпутовскій, достойный всякаго уваженія, по своимъ лѣтамъ и долговременной службѣ, опытный, храбрый и еще сохранившій бодрость молодости.

Затлеръ, умный и знающій свое дѣло, съ высшимъ взглядомъ на интендантскую часть, расторопный въ соображеніяхъ о продовольствіи и снабженіи онымъ войскъ, на всемъ театрѣ ихъ дѣйствій, и при томъ попечительный и энергическій.

Графъ Орловъ-Денисовъ, съ большимъ состояніемъ, добрый хлѣбосоль, служившій постоянно въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку, а потомъ въ званіи флигель-адъютанта и въ свитѣ Государя, слѣдовательно уже утратившій всѣ воинскія качества и удаливость своихъ предковъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ достаточныя теоретическія свѣдѣнія, для управленія казаками на войнѣ, и даже нѣкоторый опытъ, потому что не задолго предъ тѣмъ былъ начальникомъ штаба войска Донскаго. Но главное его достоинство состояло въ совершенномъ безкорыстіи, чему прежде мало видѣли примѣровъ между атаманами казачьихъ полковъ.

При такомъ счастливомъ соединеніи и выборѣ начальниковъ штабныхъ частей, никогда не встрѣчалось въ главной квартирѣ интригъ и противодѣйствій. Это также можно назвать почти небывалымъ явленіемъ въ Русскихъ арміяхъ.

XVII.

Жизнь наша въ Бухарестѣ, какъ я уже сказалъ, была довольно веселая. Городъ имѣлъ тогда слишкомъ 150 т. жителей, Италіанскій театръ, два хорошіе публичные сада внутри и внѣ городского населенія, кромѣ загородныхъ гуляній, и наконецъ магазины и лавки, изобильно наполненные Европейскими товарами, преимущественно изъ Вѣны, а также и восточными. Всѣ классы жителей оказывали намъ особенное вниманіе, приглашали на обѣды и танцевальныя вечера и охотно знакомились съ нами. Всѣ изъ нашихъ, бывавшіе въ Княжествахъ во время войны 1828 и 1829 годовъ, находили большую перемѣну въ образованіи жителей. Городъ очень украсился постройкою многихъ каменныхъ домовъ, хотя улицы остались по прежнему узки; во внутренней жизни распространился не только Европейской вкусъ и порядокъ, но даже роскошь; высшее и среднее сословіе оставили бороды и свою прежнюю широкую одежду, по образцу Турецкой, а приняли большею частію костюмъ общій Европейскій, — что тѣснѣе сблизило ихъ въ домашнемъ быту съ своими женами, которыя гораздо ранѣе отстали отъ Азіятскаго платья. Поэтому и

прежніе успѣхи нашихъ воиновъ, между прекраснымъ по-
ломъ, сдѣлались гораздо рѣже и труднѣе. Въ обществѣ встрѣ-
чалось много весьма любезныхъ дамъ и дѣвицъ, получившихъ
воспитаніе не только въ Кишеневѣ и Одессѣ, но въ Вѣнѣ и
Парижѣ. О нѣкоторыхъ пріятно было сохранить воспоминаніе
и поздаѣе.

Князь Горчаковъ также не чуждался иногда обществен-
ныхъ развлеченій; но при томъ весь былъ погруженъ въ слу-
жебныя занятія, съ утра до вечера. Кромѣ дѣлъ по управле-
нію краемъ, онъ часто дѣлалъ смотры и ученья войскамъ и
присутствовалъ при практическихъ упражненіяхъ артиллеріи
въ стрѣльбѣ навѣсными выстрѣлами, съ батареей, нарочно для
того устроенныхъ за городомъ. Обѣдалъ онъ обыкновенно въ
4 часа; столъ приготовлялся ежедневно на 30-ть человекъ, но
приглашались преимущественно пріѣзжіе; остальные же явля-
лись безъ зову, изъ числа лицъ главной квартиры, начиная
отъ генерала до прапорщика включительно. — Сначала мнѣ
казалось, что такое радушное хлѣбосольство имѣло цѣлю
ближе познакомиться съ своими подчиненными и узнавать
мало по малу ихъ способности и степень образованія, отли-
чая въ своей памяти, для будущихъ порученій, офицеровъ
смышленныхъ, расторопныхъ и бойкихъ. Но скоро я уви-
дѣлъ, что открытый столъ не имѣлъ воображаемой мною цѣ-
ли, а потому и не приносилъ никакой пользы. Большею части
являвшихся на обѣдъ князь Горчаковъ не зналъ, а говорилъ
обыкновенно только съ старшими.

Такимъ же образомъ онъ не умѣлъ коротко познакомиться
и съ войсками. Извѣстно, что война никогда не начинается
рѣшительнымъ и немедленнымъ столкновеніемъ двухъ вою-
ющихъ сторонъ; но предусмотрительный главнокомандующій
старается прежде познакомиться съ театромъ предстоящихъ
ему военныхъ дѣйствій, испытать духъ вѣранныхъ ему
войскъ, узнать и отличить своею довѣренностію лучшихъ
частныхъ начальниковъ и офицеровъ, на которыхъ въ послѣд-
ствіи могъ бы опираться его выборъ, въ обстоятельствахъ бо-
лѣе важныхъ; наконецъ узнать степень стойкости непріятеля

и усвоенный имъ для себя способъ нападенія и обороны. Вотъ настоящее предисловіе къ тѣмъ великимъ и славнымъ операціямъ, которыя потомъ разыгрываются на войнѣ и заранѣе обезпечиваютъ будущія побѣды!

Къ сожалѣнію, этими мыслями не былъ проникнутъ князь Горчаковъ, не смотря на теоретическія свои познанія въ военной наукѣ. Мы, послѣ Ольтеницкаго сраженія, оставались Ноябрь и почти весь Декабрь мѣсяцъ, въ совершенномъ бездѣйствіи, если исключить изъ этаго обозрѣніе крѣп. Мачина, произведенное изъ Браилова, по распоряженію генералъ-адъютанта Лидерса, парходомъ Прутъ и 4-мя канонерскими лодками, для поддержанія которыхъ были перевезены на Дунайскій островъ Ындой двѣ роты Замосцьскаго егерскаго полка, рота 5-го стрѣлковаго баталіона и два легкихъ орудія. Обозрѣніе окончилось нанесеніемъ непріятелю нѣкотораго урона нашими пушечными и штуцерными выстрѣлами. У насъ также ранено 11 нижнихъ чиновъ. Турки были гораздо дѣятельнѣе насъ и всячески упорствовали переправиться на нашу сторону, въ разныхъ мѣстахъ, чтобы пріобрѣсти новые опѣрные пункты въ Княжествахъ: такъ они пробовали укрѣпиться на островѣ Маканъ, между Рущукомъ и Журжею; но бросили эти работы, послѣ удачнаго дѣйствія береговыхъ нашихъ батарей, выставленныхъ генералъ-лейтенантомъ Соймоновымъ, стоявшимъ съ отрядомъ въ Журжѣ. Другую попытку къ переправкѣ они сдѣлали 3-го Ноября, со стороны Никополя, въ числѣ 2 т. человекъ; но скорое появленіе нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Шапошникова, заставило ихъ отказаться отъ своего намѣренія.

Остановить такія покушенія можно было бы частыми попытками и съ нашей стороны переправляться на правый берегъ Дуная, хотя бы малыми партіями, какъ это дѣлалось въ прежнія войны, особенно во времена Суворова; но на это князь Горчаковъ никогда не рѣшался, ибо не довѣрялъ ни начальникамъ, ни солдатамъ, а между тѣмъ всѣ горѣли усердіемъ ознаменовывать себя какимъ либо подвигомъ. Духъ удалства

сохранялся въ арміи; слѣдовало давать ему нишу благоразумною предприимчивостію, а не бездѣйствовать, оставаясь въ оборонительномъ положеніи на Дунаѣ, что гораздо болѣе утомляло войска постоянною бдительностію и неусыпнымъ наблюденіемъ за непріятелемъ. Не только въ кавалеріи регулярной и нерегулярной, но въ пѣхотѣ, артиллеріи и въ главной квартирѣ много было расторопныхъ и смѣтливыхъ офицеровъ, которые охотно вызвались бы на всякое отважное предпріятіе. Сначала можно было бы поручать имъ небольшія партіи отъ 50 до 100 человекъ охотниковъ, для ночной переправы за Дунай и скрытнаго, внезапнаго нападенія тамъ на непріятеля; однимъ словомъ, дѣлать непрерывныя тревоги на томъ берегу. Это принесло бы еще и ту пользу, что мы получали бы довольно вѣрныя свѣдѣнія о состояніи ближайшихъ Турецкихъ крѣпостей и вообще о числительной силѣ непріятельскихъ войскъ, вблизи границы. Но мы обыкновенно заимствовали эти свѣдѣнія отъ простыхъ Задунайскихъ лазутчиковъ, или даже изъ иностранныхъ газетъ, тогда какъ всѣмъ извѣстно, сколько подобныя свѣдѣнія на войнѣ не вѣрны. Князь Горчаковъ, съ непостижимымъ упорствомъ, всегда отвергалъ мелкія предпріятія, а въ большихъ, къ сожалѣнію, не былъ настойчивъ и не выдерживалъ характера. Отъ этого безъ пользы пропадало удалство въ арміи, и мы никого не приготовили въ продолженіи всей войны. Геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, совершенные при осадѣ Силистріи, при оборонѣ острововъ на Дунаѣ противу Рущука, и наконецъ при достославной защитѣ Севостополя, не могутъ быть выставлены, какъ противорѣчіе сказаннаго мною. Это были врожденныя черты храбрости и неустрашимости Русскихъ воиновъ, а не слѣдствія уроковъ, пріобрѣтенныхъ въ первую и вторую кампаніи на Дунаѣ.

XVIII.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Букарестъ, прибылъ туда изъ С.-Петербурга генералъ-адъютантъ Будбергъ, назначенный, по высочайшей волѣ, чрезвычайнымъ комиса-

ромъ въ Придунайскія княжества. Назначеніе это послѣдовало по поводу добровольно изъявленнаго господарями: Молдавскимъ Гикюю и Валахскимъ княземъ Стирбеемъ, желанія удалиться за границу. Безъ сомнѣнія желанію этому много способствовало и нѣкоторое вмѣшательство наше въ управленіе Княжествами; но вмѣшательство это было неизбѣжно и основывалось на томъ, что господа, управляя ввѣренными имъ областями подъ Турецкимъ владычествомъ, умѣли всегда приобрѣтать неограниченную власть надъ народомъ, ко вреду сего послѣдняго, и ворочали дѣлами по своему произволу, платя за это министрамъ Порты ежегодные подарки и особая денежныя суммы. Поэтому, съ одной стороны, опека наша не могла имъ нравиться, а съ другой всѣ военныя требованія наши встрѣчали большею частію не только разными замедленіями, но иногда даже и скрытныя противодѣйствія, если исполненіе не согласовалось съ личными выгодами господарей и степенью прежней ихъ власти. Впрочемъ, кн. Стирбей и кн. Гика выѣхали въ Вѣну безъ всякихъ непріязненныхъ къ намъ отношеній, по крайней мѣрѣ наружныхъ.

Избранный Государемъ чрезвычайный комиссаръ, генералъ-адъютантъ Будбергъ былъ весьма достойный человекъ, честнаго и рыцарскаго характера, но мало знакомый съ краемъ и почти вовсе не посвященный въ подробности администраціи. Однакоже дѣла по управленію шли не дурно, благодаря уму и знаніямъ вице-президента д. с. с. Халчинскаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ консуломъ нашимъ въ Букарестъ, до 1853 года, а также способностямъ директора канцеляріи Гирса, который, равновѣрно занималъ предъ тѣмъ должность консула нашего въ Яссахъ. При генералъ-адъютантѣ Будбергѣ былъ учрежденъ Правительственный Совѣтъ; нѣкоторые изъ министровъ Княжествъ, или такъ называемыхъ логофетовъ, были вскорѣ замѣнены другими, болѣе для насъ благонадежными. Многія изъ значительнѣйшихъ лицъ и оба митрополита, Молдавскій и Валахскій, вскорѣ были награждены нашими орденами, по представленію кн. Горчакова, что вообще породило много толковъ и въ пользу и не въ пользу

нашу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ туземныхъ чиновниковъ продолжали носить виѣствъ и Русскіе и Турецкіе ордена, даже въ дни придворныхъ нашихъ табелей.

ХІХ.

Съ наступленіемъ Рождественскихъ праздниковъ 1853 года, умножились общественныя удовольствія въ Букарестѣ. Кромѣ тайновальныхъ вечеровъ, въ кругу высшаго сословія, были частыя маскарады: одинъ въ зданіи театра, а другой въ частномъ заведеніи. Со стороны нашихъ военныхъ наблюдалось всегда строгое приличіе, и потому никакихъ неприятныхъ происшествій не случилось.

Между тѣмъ, князь Горчаковъ далъ и отъ себя 6-го Декабря блистательный балъ для Букарестской публики, въ пространномъ зданіи цейхгауза Валахскихъ войскъ: приглашено было до 2 т. человекъ, а балъ и роскошный ужинъ стоили, кажется, вообще до 1500 червонецъ. Среди этихъ удовольствій намъ готовился однако же скорый походъ къ Калафату. Съ прибытіемъ войскъ 3-го пѣхотнаго корпуса въ Княжества, Государь настоятельно требовалъ овладѣть этимъ пунктомъ, который только одинъ оставался у Турокъ, въ Малой Валахіи. Но движеніе туда главной квартиры случилось ранѣе, нежели мы ожидали.

Съ самаго занятія нами Букареста, отрядъ нашъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Анрепа-Эльмпта, былъ расположенъ въ Краіовъ, главномъ пунктѣ Малой Валахіи. Передовой отрядъ этотъ былъ довольно силенъ и состоялъ: изъ пѣхотныхъ полковъ, Екатеринбургскаго и Тобольскаго, гусарскихъ Ахтырскаго и Александрійскаго, съ ихъ пѣшею и конною артиллеріею, въ числѣ 22-хъ орудій, и нѣсколькихъ сотенъ Донскихъ казаковъ.

Въ первой половинѣ Декабря, графу Анрепу предписано было подвинуться съ отрядомъ своимъ впередъ на 25 верстъ до сел. Бойлешти, памятнаго побѣдою, одержанною генераль-адъютантомъ барономъ Гейсмаромъ надъ Турками въ 1829 году, и сдѣлать оттуда обзоръ не друга, занимавшаго

своими небольшими отрядами селенія на лѣвомъ берегу Дуная, впереди Калафата. Графъ Анрепъ не ограничился этимъ, но выдвинулъ еще далѣе на 20 верстъ, въ сел. Четати, баталіонъ Тобольскаго пѣхотнаго полка, съ двумя орудіями, подъ командою полковаго командира, полковника Баумгартена. Баталіонъ этотъ 19 Декабря, въ 8 часовъ утра, былъ атакованъ Турецкою кавалеріею, въ числѣ около 2 т. человекъ, но мужественно отбилъ нападеніе.

По полученіи объ этомъ донесенія, главнокомандующій нашелъ нужнымъ тотчасъ усилить отрядъ въ Малой Валахїи и отправилъ туда 12-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллеріею, подъ командою начальника дивизіи генераль-адъютанта Липранди. Но едва Одесскій полкъ, шедшій въ головѣ этой дивизіи, успѣлъ прибыть въ Бойлешти, какъ произошло новое нападеніе со стороны Турокъ, которое едва не окончилось для насъ невыгоднымъ образомъ.

Уже съ самаго начала видно было, что положеніе полковн. Баумгартена, выдвигнутаго впередъ за 20 верстъ до сел. Четати, не могло считаться благонадежнымъ. Надлежало или усилить этотъ небольшой отрядъ, или отодвинуть его ближе къ Бойлешти. Графъ Анрепъ рѣшился на первое и отправилъ къ Баумгартену въ подкрѣпленіе еще два баталіона того же полка *) съ 6-ю пѣшими орудіями, однимъ эскадрономъ гусаръ и сотнею казаковъ, оставивъ при себѣ Екатеринбургскій пѣхотный полкъ и одинъ гусарскій съ 14-ю орудіями артиллеріи; другой гусарскій полкъ стоялъ особо, въ 10-ти верстахъ отъ Бойлешти. Прибывшій къ отряду Одесскій полкъ также былъ отправленъ на подкрѣпленіе Баумгартена, съ своею артиллеріею; но ему велѣно расположиться въ сел. Моцецеъ, не доходя 8-ми или 10-ти верстъ до Четати, подъ начальствомъ генераль-маіора Бельгарда.

И такъ, гр. Анрепъ имѣлъ свой отрядъ въ 4-хъ разныхъ пунктахъ, изъ которыхъ каждый былъ на довольно значи-

*) Остальной баталіонъ сего полка оставался въ Краювъ, для прикрытія общихъ тягостей и больныхъ отряда.

тельномъ разстояніи. Подобное раздробленіе войскъ, вблизи непріятеля, всегда влечетъ за собою невыгодныя послѣдствія; ихъ и здѣсь слѣдовало ожидать, ибо Турки уже успѣли собрать на лѣвомъ берегу Дуная, въ окрестностяхъ Калафата, до 20 т. челов., и свѣжія подкрѣпленія ежедневно прибывали къ нимъ изъ Виддина, по пловучему мосту. Но Русское мужество и на этотъ разъ не только выручило недалновидность начальника, но покрыло себя новою славою.

Турки не могли не знать о раздробленномъ расположеніи нашихъ войскъ. Жители Маловалахскихъ селеній, прибрежныхъ къ Дунаю, не были въ пользу нашу, тѣмъ болѣе, что между ними скрывались эмигранты, возвратившіеся изъ Парижа и Лондона, съ революціоннымъ направленіемъ; нѣкоторые изъ нихъ довольно чисто говорили порусски, и они то были главными руководителями Турокъ. Но обратимся къ Баумгартену.

Послѣ отраженія непріятеля 19-го Декабря и прибытія подкрѣпленія, полковникъ Баумгартенъ, зная, что позади его въ 8-ми верстахъ стоитъ цѣлый Одесскій полкъ, съ батареею, подъ командою генераль-маіора Бельгарда, начальника храбраго и благоразумнаго, считалъ себя на передовомъ посту совершенно безопаснымъ, и потому расположился въ сел. Четати и смежномъ съ нимъ Фонтанъ-Банулуй, обыкновеннымъ квартирнымъ порядкомъ, т. е. вагенбургъ и люди заняли лучшія строенія, разбросанныя на довольно большомъ протяженіи. При этомъ, какъ видно, и военныя предосторожности не всѣ были соблюдены: казачьи заставы находились отъ селенія не болѣе какъ въ верстѣ, а развѣзды едвали удалялись отъ заставъ еще на версту, по дорогѣ къ Калафату. Но Турки между тѣмъ не дремали и выбрали для нападенія самое неожиданное для насъ время.

На разсвѣтъ, въ день праздника Рождества Христова, когда въ отрядѣ Баумгартена готовились не къ оборонѣ, а къ молитвѣ и веселью, непріятель атаковалъ внезапно сел. Четати и Фонтанъ-Банулуй, съ двухъ сторонъ, въ числѣ 15 т. пѣхоты, 3 т. кавалеріи и 30 орудій. Баумгартенъ не поте-

рять головы и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ отпору; но трудно было защищать неукрѣпленную деревню и держаться съ успѣхомъ въ разбросанныхъ строеніяхъ, прикрывая въ тоже время довольно значительный полковой вагенбургъ.

Я не вхожу въ подробное описаніе сраженія, тѣмъ болѣе что и по плану и по напечатанному донесенію, дѣло это представлено не только сбивчиво, но даже отчасти непонятно, а слѣдовательно и не правдоподобно *). Довольно сказать, что самъ Баумгартенъ уже въ началѣ боя убѣдился въ невыгодности своего положенія и поспѣшилъ вывести отрядъ свой изъ деревни на лучшую позицію, на которой 19-го Декабря баталіонъ его такъ успѣшно отбилъ превосходнаго числомъ непріятеля.

Но не безъ особаго труда и большой потери въ людяхъ, стоило намъ выбраться изъ Четати и Фонтанъ - Банулуй, и при томъ вывести оттуда вагенбургъ. Отрядъ стягивался на новую позицію, по одной и по двѣ роты, а непріятель напиралъ отсюду стремительно; много офицеровъ было перебито и переранено; но, благодаря рѣдкому мужеству войскъ и благоразумному присутствію духа полковн. Баумгартена, отрядъ его не только отразилъ всѣ натиски Турокъ, но даже отбилъ у нихъ 6-ть орудій.

Столь счастливому обороту дѣла конечно способствовало скорое появленіе генераль-маіора Бельгарда. При первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, услышанныхъ въ сел. Моцецеѣ, генер. маіоръ Бельгардъ немедленно двинулся къ Четати двумя колоннами и привлекъ на себя большую часть непріятеля. Здѣсь произошелъ также жестокій бой. Одесскій полкъ сражался не хуже Тобольскаго. Полковой командиръ, генераль-маіоръ Жигмонтъ, былъ тяжело раненъ, а три баталіонные командиры убиты на повалъ. Но Турки, испытавъ также значительную потерю и опасаясь прибытія къ Четати новыхъ

*) Любопытныхъ отсылаю къ оециальному донесенію, помѣщенному тогда въ газетахъ и къ Сборнику Извѣстій, изданному по высочайшему соизволенію Пугиловымъ.

нашихъ подкрѣпленій, начали сами отступленіе, по дорогѣ къ Калафату, во 2-мъ часу пополудни.

Генераль-маіоръ Бельгардъ, приблизясь къ Четати, узналъ, что отрядъ Баумгартена уже выступилъ оттуда въ сел. Добридоръ, чтобы дать отдыхъ войскамъ, утомленнымъ продолжительнымъ боемъ. Онъ самъ двинулся въ ту же сторону, и ночью оба отряда перешли въ сел. Моцецей.

Потеря наша въ тотъ день не могла не быть значительна. У Баумгартена вышло изъ строя: убитыхъ штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 514; раненыхъ штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 21, нижнихъ чиновъ 801; у Бельгарда, кромѣ раненаго полковаго командира и убитыхъ трехъ баталіонныхъ, убиты еще 1 штабъ и 6-ть оберъ-офицеровъ и 299 нижнихъ чиновъ; ранено 8-мь оберъ-офицеровъ и 357 нижнихъ чиновъ. Къ сожалѣнію не всѣ убитые были погребены на мѣстѣ, и даже не всѣ тяжело раненные прибраны съ поля сраженія, особенно изъ отряда полковника Баумгартена. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, по отступленіи нашихъ войскъ отъ Четати, Турки успѣли ночью отрѣзать головы и снять оружіе и одежду. По реляціи было показано отбитыхъ у неприятеля 6-ть орудій; но изъ трофеевъ этихъ доставлено потомъ только двѣ пушки; остальные 4-е, по невозможности взять ихъ съ собою, сброшены въ овраги, и Турки ночью обратно воспользовались ими. Вотъ доказательство, что по причинѣ раздѣленія войскъ и дѣйствія двухъ отрядовъ не совокупно, мы не могли даже удержать за собою поле сраженія, на нѣсколько лишнихъ часовъ!

XX.

Что же дѣлалъ тогда главный начальникъ войскъ въ Малой Валахіи, графъ Анрепъ, находившійся только въ 20-ти верстахъ отъ мѣста битвы? Въ этотъ день большаго христіанскаго праздника, войска, оставшіяся въ Бойлешти, съ утра приготавливались также къ церковному параду и молебствію. Ахтырскому гусарскому полку, стоявшему въ 10-ти верстахъ позади, приказано было исполнить это на своихъ квар-

тирахъ. Около 9 часовъ утра, въ Бойлешти услышали сильныя пушечныя выстрѣлы, и не оставалось никакого сомнѣнiя, что Баумгартенъ и Бельгардъ вступили въ дѣло съ непріятелемъ. Графъ Андрей тотчасъ послалъ приказанiе Ахтырскому полку прибыть поспѣшнѣе въ Бойлешти, а между тѣмъ велѣлъ войскамъ, бывшимъ у него подъ рукою, готовиться къ выступленiю; но покуда продолжались эти сборы и прибыли гусары, прошло немало времени, такъ что едвали къ полдню графъ Андрей двинулся впередъ съ тремя баталiонами Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, 12-ю эскадронами гусаръ, двумя сотнями казаковъ и 18-ю орудiями; но, дойдя до Скрипитула и узнавъ, что непріятель уже на полномъ отступленiи, онъ возвратился въ Бойлешти.

Такой странный образъ дѣйствiй заслужилъ единогласное осужденiе. Да инаго ожидать не слѣдовало. Кромѣ важной ошибки, заключавшейся въ непростительномъ разобщенiи войскъ, графъ Андрей потерялъ рѣдкiй случай одержать надъ непріятелемъ блистательную побѣду и отбить у него если не все 30 орудiй, то по крайней мѣрѣ хотя большую часть ихъ. Необыкновенная стойкость нашихъ войскъ, въ сраженiи при Четати, и скорое прибытiе туда генераль-маiора Бельгарда, давали графу Андрею полную возможность отрѣзать Турокъ отъ Калафата, съ войсками бывшими при немъ въ Бойлешти. Надлежало только скорѣе рѣшиться идти впередъ и не на Четати, а прямо на сел. Голенцы-Комано, т. е. на путь отступленiя Турокъ, не ожидая прибытiя Ахтырскаго гусарскаго полка (въ чемъ прошло не менѣе двухъ часовъ) послать Баумгартенгу и Бельгарду приказанiе, во что бы ни стало, держаться на мѣстѣ, и въ случаѣ ретирады непріятеля идти смѣло за нимъ, не смотря на утомленiе войскъ; ибо все равно, они таки едвали въ этотъ день движенiе въ Добридоръ и потомъ въ Моцедей, что доказало совершенную бодрость ихъ; послѣ жаркаго дѣла.

Говорятъ даже, что и изъ сел. Скрипитула графъ Андрей успѣлъ бы отрѣзать хвостъ Турокъ; но не рѣшился этого сдѣлать, по полученiи извѣстiя, что Баумгартенъ и Бельгардъ

отходить въ противную сторону. Жаль, что у меня нѣтъ небольшой карты той мѣстности, о которой я упоминаю, тогда бы легче было доказать изложенное здѣсь мнѣніе; но на большой съемкѣ это довольно очевидно.

Много повредило намъ въ сраженіи при Четати и то обстоятельство, что генераль-маіоръ Бельгардъ стоялъ въ 10-ти верстахъ позади. Тутъ, кромѣ неблагоприятнаго раздѣленія войскъ, обнаруживается какое-то особое расположеніе графа Анрепа къ Баумгартену, котораго онъ, по видимому, не желалъ подчинить старшему, а предоставлялъ ему особое начальство, увлекаясь военною репутациею сего штабъ-офицера. Репутация эта была основана на отзывахъ генераль-адъютанта Панютина, во время Венгерской войны. Дѣйствительно, Баумгартенъ отличился тогда въ званіи баталіоннаго командира; но особымъ отрядомъ командовалъ въ первый разъ, при Четати, а генераль Бельгардъ, не менѣе храбрый и болѣе опытный, заслуживалъ вящаго довѣрія. Въ нашихъ войскахъ, при всей строгой дисциплинѣ и субординаціи, встрѣчаются, къ сожалѣнію, многіе примѣры подобной утонченной и мелочной угодливости, вовсе неумѣстной на войнѣ. Какъ будто бы опасаются, что способный, но щекотливаго характера офицеръ можетъ обидѣться въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчиненіемъ его старшему. Такіе примѣры представляются и далѣе, въ продолженіи войны, въ ущербъ службы и истинной пользы дѣлу. Бываетъ и напротивъ, т. е. что не рѣшаются иногда, при очевидной надобности, подчинить старшаго неспособнаго младшему способному и болѣе надежному; но тутъ по крайней мѣрѣ есть поводъ — сохранить порядокъ, твердо установленный во всѣхъ арміяхъ.

XXI.

Извѣстіе о результатахъ сраженія при Четати было принято въ Букарестѣ довольно прискорбно. Потеря одними убитыми 22-хъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 900 нижнихъ чиновъ, не говоря о многихъ тяжело раненыхъ, умершихъ вскорѣ, или сдѣлавшихся вовсе неспособными къ строю, — казалась

огромною, тѣмъ болѣе, что мы не приобрѣли никакихъ отъ того существенныхъ выгодъ, да и трофеи наши ограничивались только двумя отбитыми у непріятеля пушками, малаго калибра. Это было немного лучше Ольтеницы, но вовсе не знаменито, хотя и здѣсь геройство Русскихъ выказалось блистательнымъ образомъ.

Государь также былъ недоволенъ такою значительною убылью людей и лишилъ Анрепа своей милости, за явную его нераспорядительность. Напротивъ Бельгардъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а Баумгартенъ въ генераль-майоры; сему послѣднему дума присудила сверхъ того орденъ св. Георгія 3-й степени, который онъ и получилъ. Такая двойная и высокая награда Баумгартена была однакоже не совсемъ справедлива, и онъ обязанъ Георгіевскимъ крестомъ 3-й степени единственно благосклонному участию корпуснаго командира, генерала отъ инфантеріи Даненберга, предсѣдательствовавшаго на тотъ разъ въ кавалерской думѣ. Обстоятельство это мнѣ очень хорошо извѣстно, ибо я самъ былъ членомъ думы, вмѣстѣ съ генералами: Сергпутовскимъ, Бутурлинымъ и графомъ Орловымъ-Денисовымъ; (другихъ двухъ или трехъ членовъ не упомяну). По статуту слѣдуетъ награждать Георгіевскимъ крестомъ за отбитіе у непріятеля орудій, но не 3-ю, а 4-ю степенью; 3-я же степень ордена дается только тѣмъ, которые уже имѣютъ 4-ю степень, или за рѣдкія и важныя отличія, выходящія изъ круга обыкновенныхъ, поименованныхъ въ статутѣ. Баумгартенъ не имѣлъ еще тогда 4-й степени Георгія, но былъ представленъ къ оному за 25-ти лѣтнюю военную службу. Опираясь на это, генераль Даненбергъ признавалъ его достойнымъ высшей степени. Всѣ присутствовавшіе кавалеры согласились съ мнѣніемъ предсѣдателя; я пришелъ въ думу нѣсколько поздне и, услышавъ приговоръ, счелъ долгомъ представить, что хотя отличіе г. Баумгартена весьма важно, ибо онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ выдержалъ неравный бой съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ и даже отбилъ у него двѣ пушки; но за то потерялъ убитыми и ранеными болѣе $\frac{1}{3}$ своего

отряда, а главное самъ былъ причиною такого невыгоднаго столкновенія съ Турками; ибо, расположась внутри неукрѣпленнаго селенія, вмѣстѣ съ вагенбургомъ, не взялъ, какъ видно, всѣхъ военныхъ предосторожностей къ предупрежденію внезапной атаки, а потому и не могъ заблаговременно извѣстить генерала Бельгарда о предстоящей опасности. Принявъ все это во вниманіе, я полагалъ съ своей стороны достаточнымъ присудить г. Баумгартену за его подвигъ 4-ю степень св. Георгія. Хотя онъ уже и былъ представленъ къ ней за 25-ти лѣтнюю выслугу въ офицерскихъ чинахъ; но всѣмъ извѣстно, какъ высоко у насъ цѣнятся ордена св. Георгія, получаемые прямо за военныя отличія, безъ надписи за 25-ть лѣтъ. Нѣкоторые изъ членовъ думы готовы были пристать къ моему мнѣнію, когда генералъ Даненбергъ, съ видомъ упрека, сказалъ, что я одинъ разстроиваю приговоръ, какъ будто бы изъ какого-то недоброжелательства къ Баумгартену, хотя впрочемъ я вовсе не былъ съ нимъ знакомъ. Упрекъ этотъ отбилъ у меня охоту противорѣчить, и моя подпись присоединилась къ другимъ на мнѣніи, уже заранѣе приготовленномъ, по приказанію предсѣдателя.

XXII.

1854 годъ. Положеніе дѣлъ въ Малой-Валахїи, послѣ сраженія при Четати, побудило главнокомандующаго лично отправиться къ отряду графа Анрена, сосредоточенному уже въ полномъ составѣ своемъ при сел. Бойлешти. Всѣ надѣялись, что участь Калафата будетъ наконецъ рѣшена. Князь Горчаковъ выѣхалъ изъ Букареста 4-го Января, съ небольшою частію старшихъ лицъ главной квартиры, дозволивъ мнѣ слѣдовать за нимъ черезъ нѣсколько дней. Поэтому я имѣлъ случай, въ праздникъ Богоявленія, присутствовать въ Букарестѣ на церковномъ парадѣ нашихъ и Валахскихъ войскъ ¹⁾. Бо-

¹⁾ Валахїя содержала въ то время 4-е пѣхотныхъ полка въ двухъ баталіонномъ составѣ каждый, два или три эскадрона кавалерїи и нѣсколько пушекъ. Войска эти были обучены и обмундированы по прихвѣру Русскихъ войскъ, нашими же офицерами. Въ Букарестѣ постоянно

гослуженіе совершалъ митрополитъ Валахскій на Йорданѣ, устроенномъ на одномъ изъ городскихъ прудовъ, во всемъ согласно съ нашими православными обрядами. Валахи и Молдаване вообще усердно преданы Восточной церкви. По желанію тамошняго народа, постоянно находился при Валахскомъ митрополитѣ одинъ изъ нашихъ іеромонаховъ, командированный отъ Святѣйшаго Синода, для обученія пѣвчихъ митрополитскихъ принятому въ Россіи церковному пѣнію по нотамъ, на нашемъ церковномъ и на національномъ туземномъ языкахъ. Пѣвчіе эти въ то время были доведены до весьма хорошихъ успѣховъ, но могли исполнить на Славянскомъ языкѣ одну только объѣду. Для всей прочей церковной службы присылались обыкновенно полковые пѣвчіе, изъ главной квартиры. Бухарестъ и Яссы не богаты церквами: въ каждомъ изъ сихъ городовъ есть по одному собору и по нѣскольку Греческихъ церквей. Попеченіемъ нашего іеромонаха устроена была въ Бухарестѣ и православная церковь, куда мы преимущественно ѣздили, не въ табельные праздники, потому что въ мѣстныхъ церквахъ не было того благолѣпія, къ которому мы привыкли въ Россіи, а притомъ пѣніе Греческое, въ нось, чрезвычайно непріятно для нашего слуха. Въ Валахіи и Молдавіи есть также монастыри. Духовенство, вообще какъ и у насъ, раздѣляется на бѣлое и монашествующее. Въ Княжествахъ есть нѣсколько Католиковъ; но ни костеловъ, ни монастырей ихъ мнѣ не случилось видѣть.

XXIII.

8-го Января я выѣхалъ изъ Бухареста въ Бойлешти. Между тѣмъ на Дунаѣ, съ самаго новаго года, происходили ежедневныя перестрѣлки нашихъ передовыхъ войскъ съ Турками, покушавшимися переправиться на нашъ берегъ, проти-

но находилась два или три туземные баталіоны, для карауловъ, совместно съ нашими войсками; остальные были употреблены въ разныхъ мѣстахъ, для конвоированія транспортовъ и арестантовъ и для приготовления сухарей для нашего интендантства. Уланы туземные исполняли полицейскія обязанности.

ву Калараша, Туртукая, Журжи и Турно. Непріятель былъ отбитъ вездѣ съ урономъ; но самая важная изъ этихъ стычекъ случилась 1-го Января при Каларашѣ, въ отрядѣ генераль-маіора Богушевскаго, гдѣ Турки, успѣвшіе уже перейти на лѣвую сторону Дуная, прогнаны обратно.

Дорога въ эту пору года, отъ самаго Букареста до Краіова, представляла густую и сплошную грязь. Надобно было имѣть при экипажѣ лопатку и топоръ, чтобы очищать безпрестанно съ колесъ огромныя глыбы грязи: безъ этого приходилось бы сидѣть по четверти часа на каждой верстѣ. Обозы войскъ, транспорты провіантскіе и даже артиллерія двигались весьма медленно и съ большимъ трудомъ, не смотря на выставляемую отъ жителей помощь буйволами и волами. Я дотащился въ Краіова не прежде какъ на четвертыя сутки. Въ этомъ городѣ былъ тогда уже госпиталь, слишкомъ на 1000 человекъ, преимущественно раненыхъ при Четати. За двѣ станціи, позади, въ небольшомъ городѣ Слатинѣ, былъ учрежденъ другой, вспомогательный госпиталь на 200 человекъ. Коммисаріатскія средства наши были довольно скудны; но особое усердіе жителей и дѣятельность мѣстнаго начальства пособляли намъ изворачиваться въ нашихъ нуждахъ. При первомъ посѣщеніи раненыхъ, я нашелъ, что многіе изъ нихъ, получившіе тяжелыя раны, не могли употреблять пищу, положенную по нашему госпитальному уставу. Для такихъ я тотчасъ велѣлъ закупить, на собственный счетъ, въ городѣ, сколько было, чаю и сахару. Опытъ раздачи трудно раненымъ теплаго и вкуснаго напитка оказался чрезвычайно полезнымъ. Страждущіе, изувѣченные воины наперерывъ просили меня раздавать имъ по двѣ чайныя порціи въ сутки, т. е. по утру и ввечеру. Я доложилъ потомъ главнокомандующему о допущенномъ мною улучшеніи довольствія раненыхъ, и князь Горчаковъ приказалъ распространить такое улучшеніе на всѣ вообще госпитали, гдѣ были раненые, а въ послѣдствіи чай раздавали и трудно больнымъ, во все продолженіе войны. Для сокращенія значительнаго на сей предметъ денежнаго расхода, главнокомандующій, по мо-

ему докладу, исходатайствовалъ у Государя Императора разрѣшеніе купить, на армейскія суммы, у министерства финансовъ, до 8 т. фунтовъ чаю, законѣскованнаго на ближайшихъ нашихъ таможахъ, по Австрійской границѣ. Чай этотъ обошелся для госпиталей по 1 руб. сереб. за фунтъ. Наконецъ, по совѣщанію съ медиками, я же выпросилъ задачу раненымъ водки, вина и курительнаго табаку, кому это было необходимо, для подкрѣпленія силъ; а при томъ могу смѣло сказать, что способствовалъ и многимъ другимъ улучшеніямъ по госпитальной части, вовсе не допускаемымъ казною по уставу. Тогда всѣ отдавали полную справедливость моей заботливости, а солдаты благословляли Государя и начальство. Къ сожалѣнію, все забыто было послѣ войны. Неблагодарные и завистливые люди успѣли выставить въ Петербургѣ положеніе госпиталей въ военное время въ совершенно другомъ видѣ. Трудно было опровергать эту клевету, не имѣя при себѣ письменныхъ фактовъ, оставшихся въ архивѣ главнаго штаба арміи; а князь Горчаковъ не имѣлъ столько самостоятельности и характера, чтобы твердо защищать своихъ ближайшихъ и полезныхъ помощниковъ и выставить предъ Государемъ истину, какъ она того заслуживала. Примѣръ такого замѣчательнаго равнодушія, со стороны главнокомандующаго, едва ли можно отыскать въ военной нашей Исторіи. Упоминаю здѣсь объ этомъ кстати, заговорившись одинъ разъ о госпиталяхъ; но намъ и далѣе придется возвращаться къ тому же предмету.

XXIV.

Промедливъ нѣсколько дней въ Краіовѣ, по дѣламъ службы, я присоединился, 14-го Января, къ отряду нашему, въ Бойлешти. Здѣсь между тѣмъ готовилось съ нашей стороны довольно грозное движеніе на Калафатъ. Всѣ думали, что не обойдется безъ упорнаго боя, тѣмъ болѣе что послѣ отозванія отрядовъ Бельгарда и Баумгартена къ Бойлешти, Турки вновь заняли Четати, Гунио, Мадловиты и Пояны, т. е. селенія бли-

же къ намъ расположенныя, обнаруживая твердое намѣреніе не допускать насъ до обозрѣнія Калафатскихъ укрѣпленій.

Выступленіе наше изъ Бойлешти назначено было въ ночь съ 15-го на 16-е Января. Переходъ до непріятеля составлялъ до 25-ти верстъ. Впереди выступилъ авангардъ подъ командою генераль-маіора Бельгарда, изъ пѣхотныхъ полковъ Екатеринбургскаго и Тобольскаго, съ двумя батареями артиллеріи и Донскимъ казачьимъ Желтоножкина полкомъ; позади вся 12-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріею, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Липранди, и наконецъ, въ резервъ, 5-я легкая кавалерійская дивизія, съ начальникомъ оной, генераль-лейтенантомъ Фишбахомъ. Не доходя 4-хъ верстъ до сел. Мадловиты, отрядъ остановился для небольшого привала, у корчмы. Это было около 9-ти часовъ утра. Казаки Желтоножкина полка посланы были для открытія непріятеля. Скоро они завязали перестрѣлку съ Турками, продолжавшими занимать прежнюю позицію, по селеніямъ. Непріятель, замѣтивъ позади казаковъ, сильныя колонны нашей пѣхоты и регулярной кавалеріи, началъ немедленно ретироваться, по дорогѣ къ Калафату, задерживаемый перестрѣлкою съ казаками. Случай благопріятствовалъ намъ вполне. Быстрымъ движеніемъ, на перерѣзъ, мы могли отхватить часть Турокъ. Мнѣніе это громко выражалось вокругъ главнокомандующаго, наблюдавшаго перестрѣлку съ кургана, противу позиціи, занятой нашимъ авангардомъ; но мы, добрыхъ полчаса, оставались въ бездѣйствіи, пока наконецъ князь Горчаковъ послалъ приказаніе генераль-лейтенанту Липранди, стоявшему въ 1½ верстъ назадъ, присоединиться къ авангарду, а генераль-маіору Бельгарду идти впередъ, для поддержанія казаковъ. — Войска авангарда бодро и радостно встали въ ружье и быстро двинулись къ непріятелю. Но самая эта быстрота подала новый поводъ къ раздумью *). Главнокомандующій, опасаясь, что генераль Липранди не скоро подоспѣтъ, прика-

*) Я самъ слышалъ, какъ князь Горчаковъ неоднократно произнесъ эту фразу: „вѣдь они такъ скоро идутъ!“

заль Бельгарду остановиться, а между тѣмъ непріятель, слѣдимый только казаками, много выигралъ времени для отступления.—Простоявъ на мѣстѣ еще около получаса, князь Горчаковъ приказалъ обоимъ гусарскимъ полкамъ выдвинуться изъ резерва: Ахтырскому полку велѣно идти влѣво, на сел. Пояны, чтобы отрѣзывать съ той стороны непріятеля, а Александрійскому подкрѣплять казаковъ. Это предназначено было рѣшительную атаку, но надежды наши и на сей разъ не оправдались. Пѣхота получила приказаніе медленно идти впередъ, по Калафатской дорогѣ, не прибавляя шага и очистить отъ непріятельскихъ партій сел. Гунию и Мадловиты, остававшіяся уже позади насъ. Казаки и Александрійскіе гусары преслѣдовали между тѣмъ Турокъ и заняли сел. Голенцы-Команы, въ 4-хъ верстахъ отъ Калафата. Этимъ и кончилось наступленіе наше на непріятеля, 16-го Января. Передъ вечеромъ, главнокомандующій возвратился на ночлегъ въ сел. Мадловиты, гдѣ расположились съ нами Азовскій и Днѣпровскій пѣхотные полки; впереди, при сел. Голенцы-Команы, оставленъ авангардъ генераль-маіора Бельгарда, съ бригадою уланъ, а сзади въ сел. Гунию помѣстились Украинскій и Одесскій егерскіе полки.—Ахтырскій гусарскій полкъ, не дошедъ до сел. Пояны, былъ возвращенъ въ тотъ же день въ сел. Мадловиты, по дошедшимъ слухамъ, что въ Поянахъ находится до 2 т. непріятельской кавалеріи. Ночь прошла спокойно, а на другой день главнокомандующій, со всѣмъ отрядомъ, произвелъ довольно близкую рекогносцировку Калафатскихъ укрѣпленій; при чемъ съ обѣихъ сторонъ было произведено по нѣскольку пушечныхъ выстрѣловъ, а кавалерія наша перестрѣливалась съ Турецкими наѣздниками.

Укрѣпленія Калафатскія были расположены на высокомъ берегу Дуная, противу Виддина, съ которымъ соединялись временнымъ плувучимъ мостомъ. Укрѣпленія эти состояли изъ ломанныхъ земляныхъ валовъ, съ деревянными капонирами и блокгаузами. На валахъ стояло до 50-ти пушекъ, довольно большаго калибра. Никто изъ насъ не былъ увѣренъ въ неприступности этого пункта, наскоро укрѣпленнаго, но

для открытаго нападенія нужны были средства болѣе тѣхъ, которыя мы имѣли, именно: надлежало привести съ собою еще одну дивизию, или по крайней мѣрѣ бригаду пѣхоты, а легкую артиллерію при отрядѣ замѣнить батарейною, и сверхъ того спустить по Дунаю два или три парохода, вооруженные пушками, съ небольшимъ числомъ войскъ, для дѣйствія противу моста и въ тоже время по Калафатской горѣ, какъ я представлялъ съ самаго моего прѣзда въ Букарестъ.

Но главнокомандующій вѣроятно имѣлъ другія соображенія, или по крайней мѣрѣ не считалъ нужнымъ брать Калафатъ, предвидя, можетъ быть, что мы скоро должны будемъ очистить не только одну Малую Валахію, но и вообще Придунайскія княжества. Впрочемъ, взятіе Калафата было во всякомъ случаѣ дѣломъ для насъ весьма важнымъ: оно могло совершенно измѣнить весь планъ кампаніи на Дунаѣ, въ 1854 году, а можетъ быть дало бы и вовсе другое направленіе тогдашней войнѣ. Съ паденіемъ Калафата не могъ бы держаться Виддинъ, обстрѣливаемый нашею артиллеріею, съ высотъ лѣваго берега, и тогда мы пріобрѣли бы хорошую переправу на Дунаѣ, вошли въ ближайшую связь съ Сербіею и могли бы предпринять осаду Рушука и Силистріи съ тѣхъ сторонъ, которыя представляютъ болѣе для того выгоды. Какъ знать, можетъ быть, съ этою переменною нашихъ операций, не осуществилась бы и Крымская экспедиція, столь пагубная для насъ своими послѣдствіями. Непріятелю некогда было бы заниматься Севастополемъ, еслибъ въ Маѣ или Іюнѣ побѣдоносныя войска наши двигались прямо къ Константинополю, имѣя за собою ополченія преданныхъ намъ Болгаръ и Сербовъ. Австрія, со стороны которой мы такъ боялись диверсіи, не посмѣла бы начать съ нами явную войну; ибо не была даже въ то время готова къ открытію военныхъ дѣйствій. Но промыслъ Всевышняго для насъ несповѣдимъ; все въ мірѣ совершается по премудрымъ завѣтамъ благаго Провидѣнія, и безъ воли Его не падеть ни одинъ волосъ съ главы нашей.

XXV.

Оставивъ подъ Калафатомъ сильный отрядъ изъ 6-ти полковъ пѣхоты, 4-хъ регулярной кавалеріи и 2-хъ казачьихъ, съ 70 полковыми орудіями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди, главнокомандующій далъ сему генералу подробную инструкцію, вмѣнивъ ему въ непрѣмънную обязанность тѣсно блокировать Калафатскія укрѣпленія, но отнюдь не предпринимать ничего рѣшительнаго. За тѣмъ, во второй половинѣ Января, князь Горчаковъ возвратился въ Букарестъ, центръ своихъ военныхъ операций.

Еще на дорогѣ онъ получилъ нѣсколько Высочайшихъ повелѣній, касавшихся преимущественно скорѣйшаго окончанія моста чрезъ Дунай, строившагося тогда въ Измаилѣ. Всего любопытнѣе было при этомъ собственноручное письмо Императора Николая I-го, которое показывалъ намъ князь Горчаковъ. Письмо это начиналось слѣдующими строками: «Поздравляю тебя, любезный князь, съ новымъ годомъ. Поздравь за меня генераловъ и всѣ войска. Мнѣ кажется, что въ этомъ году тебѣ суждено совершить блистательныя дѣла, «для славы нашего оружія» и проч. — Столь необыкновенная довѣренность и высокое мнѣніе Государя могли бы воспламенить каждаго главнокомандующаго и подвигнуть его къ самымъ смѣлымъ предпріятіямъ. Мы же занялись, по прежнему, запутанными соображеніями и спокойно ожидали окончанія постройки моста на Дунаѣ, оправдывая эту остановкою собственное наше бездѣйствіе; а между тѣмъ на Западѣ собиралась гроза, со стороны Англіи и Франціи, и было очевидно, что всякая медленность свяжетъ намъ въ послѣдствіи руки и будетъ для насъ гибельна.

XXVI.

Въ самомъ началѣ моихъ записокъ я уже говорилъ о предположеніи фельдмаршала вооружить въ пользу нашу Славянскія племена за Дунаемъ. Хотя въ послѣдствіи князь Варшавскій отступился отъ этой мысли, изъ опасенія прогнѣвить

Австрію; но у Государя эта мысль вовсе не была оставлена, и въ концѣ 1853 года прибылъ къ намъ изъ С.-Петербурга генераль-лейтенантъ Саллосъ, съ Высочайшимъ порученіемъ сформировать въ Княжествахъ, подъ руководствомъ главнокомандующаго и на содержаніи нашей казны, одинъ или нѣсколько баталіоновъ волонтеровъ изъ Грековъ, Валаховъ, Молдаванъ, Булгаровъ и Сербовъ для дѣйствій противу непріятеля, совмѣстно съ нашими войсками. Охотниковъ въ первое время явилось столько, что можно было тотчасъ же начать формированіе не одного, а трехъ баталіоновъ. Нельзя сказать, чтобы это происходило отъ энтузіазма къ намъ, или ненависти къ Туркамъ; но волонтеровъ привлекало положеніе имъ отъ казны хорошее содержаніе; при томъ же много явилось охотниковъ изъ числа такъ называемыхъ маринаріевъ или матросовъ съ Греческихъ судовъ, застигнутыхъ войною на Дунаѣ, преимущественно въ Галацѣ, Браиловѣ и въ Сулинѣ. Большой недостатокъ оказывался въ офицерахъ; но разрѣшено было принимать въ баталіоны волонтеровъ всѣхъ уроженцевъ Греческихъ, Румынскихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ, служившихъ въ Россійскихъ и Греческихъ войскахъ, съ однимъ условіемъ, чтобы они принадлежали къ Восточной церкви. Изъ С.-Петербурга не было прислано никакихъ опредѣлительныхъ основаній, для руководства при сформированіи волонтерныхъ баталіоновъ и составленія для нихъ штатовъ; а потому князь Горчаковъ поручилъ мнѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Саллосомъ, составить о томъ положеніе, назначивъ для сего, по всегдашнему своему обыкновенію, самый короткій срокъ, именно: *не болѣе одного вечера*. Мы тотчасъ же принялись за дѣло, и къ утру положеніе и штатъ были готовы. Число чиновъ въ баталіонахъ волонтеровъ и раздѣленіе ихъ порѣтно примѣнялись къ нашимъ войскамъ; но принято за правило, чтобы каждый баталіонъ, или по крайней мѣрѣ каждая рота, имѣла въ своемъ составѣ людей одного племени, т. е. Грековъ, Румыновъ, Сербовъ или Болгаръ, отнюдь не смѣшивая ихъ между собою. Государь одобрилъ это положеніе и штатъ; но замѣтилъ только, что не слѣдуетъ давать названія

знаменщиковъ нижнимъ чинамъ, назначеннымъ въ каждую роту для ношенія знамени, а вмѣсто знаменъ дать простые значки. Это было первымъ ударомъ какъ для охотниковъ, такъ и для народа; ибо многіе богатые купцы и жители въ Придунайскихъ княжествахъ, на свои собственныя, значительныя пожертвованія, собирали по нѣскольку десятковъ волонтеровъ съ тѣмъ, чтобы имѣть свое особое знамя, которое обыкновенно вышивали дамы и дѣвицы, изъ ихъ семействъ. Второе разочарованіе произошло отъ регулярности, какую хотѣли придать этимъ баталіонамъ охотниковъ. Для обученія ихъ разсыпному строю и нѣкоторымъ правильнымъ движеніямъ, необходимымъ на войнѣ, по нашимъ Европейскимъ понятіямъ, назначены были въ каждый баталіонъ по нѣскольку унтер-офицеровъ, барабанщиковъ и горнистовъ, изъ нашей пѣхоты. Людямъ, не имѣющимъ собственнаго вооруженія, даны наши старинныя ружья, сумы съ перевязями, тесаки съ портупейми и пистолеты, доставленные за дорогую цѣну изъ Русскихъ арсеналовъ, даже отдаленныхъ, какъ напримѣръ Новогеоргіевскаго и Брестъ-литовскаго. Естественно, что такое вооруженіе нисколько не согласовалось ни съ нравами, ни съ привычками, ни даже съ одеждою волонтеровъ. Скоро они изрѣзали наши сумы, перевязи и портупей на свой ладъ, т. е. сдѣлали ихъ гораздо уже и меньше; тесаки побросали при первыхъ передвиженіяхъ, да и пистолеты почти вовсе не употребляли, неохотно пріучивались къ правиламъ нашего строя и маршей, и вообще войско это, по наружности своей, представляло болѣе смѣшную толпу разнохарактерныхъ костюмовъ и самаго оригинальнаго вооруженія. Должно сознаться также, что и генералъ Саллосъ, присланный изъ С.-Петербурга, для формированія національныхъ дружинъ въ Придунайскихъ княжествахъ, не внушалъ къ себѣ особаго уваженія, ни важностію своего имени, ни громкими заслугами въ Россіи. Онъ былъ Грекъ, но происхожденія незначительнаго; служилъ постоянно въ гвардіи и слѣдовательно мало былъ знакомъ съ армейскою боевою жизнію, болѣе близкою къ понятіямъ восточныхъ племенъ, каковыми тогда были, а можетъ

быть и нынѣ еще остались, Румыны, Болгары, Славяне, Сербы и даже самые Греки, обитающіе въ Княжествахъ и въ Турціи. По всѣмъ этимъ причинамъ Саллосъ не имѣлъ никакой самостоятельности и не пользовался вниманіемъ главнокомандующаго, особенно, когда въ самомъ началѣ, по интригамъ туземцевъ, возникли жалобы волонтеровъ на неполученіе положеннаго отъ казны нашей довольствія, что было несправедливо и происходило большею частію отъ непониманія нашихъ провіантскихъ и другихъ расчетовъ, составлявшихся, для отчетности, на Русскомъ языкѣ, нашими полковыми писарями.

И такъ, мысль и воля Государа не осуществились, какъ бы слѣдовало ожидать. Изъ числа болѣе 3-хъ т. охотниковъ; явившихся въ первое время, едва осталось въ послѣдствіи до 900 человекъ, да и тѣ, какъ мы увидимъ, весьма мало принесли пользы. Своевольные волонтеры не могли подчиниться нашей дисциплинѣ: они полагали, что имъ все дозволено, и не только грабили на улицахъ Браилова, Галаца и другихъ городовъ, но даже днемъ производили тамъ кровавыя драки и убійства. Разумѣется, такія преступленія наказывались смертію; но трудно было ихъ предупредить. Удивляться нельзя такому буйству и беспорядкамъ со стороны волонтеровъ, если припомнимъ, что въ самой нынѣшней Греціи съ трудомъ достигается регулярность, въ большой массѣ. Правительство обыкновенно имѣетъ тамъ на жалованіи капитановъ, которые содержать уже на свой счетъ до 50 человекъ своихъ родственниковъ, или близкихъ имъ людей, и съ ними несутъ назначенную для нихъ службу. Партію или команду болѣе 50-ти человекъ, въ числѣ которыхъ были бы и чужіе, почти никогда не удается капитанамъ удержать долго въ повиновеніи: Греки болѣе всѣхъ склонны къ интригамъ, а отъ нихъ заразились Румыны, Болгары и Турецкіе Славяне, подъ деспотичнымъ игомъ Оттоманской Порты. Намъ надлежало имѣть въ виду эти указанія, а не добиваться формированія цѣлаго ополченія изъ такихъ націй и при томъ со введеніемъ между ними нѣкотораго регулярства. Гораздо простѣе было содержать при каждомъ пѣхотномъ полку на жалованіи по одному капи-

тану съ партією изъ 50 человекъ, и тогда люди эти, по своему природному удалству, ловкой стрѣльбѣ и знанію мѣстности, могли бы принести много пользы и быть всегда подъ лучшимъ надзоромъ.

XXVII.

По возвращеніи нашемъ въ Бухарестъ, мы нашли тамъ пріѣхавшаго изъ Варшавы, генераль-адъютанта Шильдера. Онъ былъ присланъ въ армию, по Высочайшему повелѣнію, основанному на просьбѣ самаго князя Горчакова. Пріздъ его взволновалъ всю главную квартиру, ибо всѣ знали его необыкновенную предприимчивость, пылкость, геройскую храбрость, искусство въ постройкѣ полевыхъ укрѣпленій въ виду непріятеля и рѣдкую находчивость въ разныхъ случаяхъ войны, особенно по своей части; а потому и надѣялись, что наступитъ наконецъ періодъ военныхъ дѣйствій болѣе энергической, а слѣдовательно и болѣе успѣшной. Генераль Шильдеръ былъ въ одномъ чинѣ съ главнокомандующимъ и, такъ сказать, товарищъ его по прежней службѣ; но это не помѣшало имъ при первомъ же свиданіи войти въ самыя горячія объясненія. Фанатически увѣренный, что войну надлежало вести быстро и рѣшительно, Шильдеръ порицалъ наши медленные дѣйствія въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, говорилъ, что это стыдъ и вѣчное пятно для Русскаго оружія и все это лично относилъ къ князю Горчакову. Подобныя жаркія сцены повторялись и потомъ, при каждомъ свиданіи, такъ что главнокомандующій неоднократно хотѣлъ писать Государю о неприличной запальчивости своего непримиримаго антагониста; но Шильдеръ всегда отвѣчалъ, что, по званію генераль-адъютанта, онъ самъ имѣетъ право сдѣлать тоже, а между тѣмъ, для избѣжанія столкновеній, просилъ, чтобы ему дали порученіе строить на Дунаѣ батареи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы должны были безпрестанно отражать покушенія Турокъ къ переправѣ на нашъ берегъ.

XXVIII.

Дѣйствительно весь Январь и весь Февраль 1854 года передовыя войска наши заняты были почти ежедневными стычками съ непріятелемъ. Это была съ нашей стороны оборонительная война, въ которой войска наши утомлялись безъ пользы. Разумѣется, потеря Турокъ всегда оказывалась значительнѣе; но и мы теряли не мало людей, особенно подъ Журжей, противу Рущука, если принять во вниманіе, что частные начальники большею частію стараются преувеличить свои успѣхи и дарятъ насъ реляціями преимущественно высокопарными, а не правдивыми. Кажется, эта система перешла къ намъ съ Кавказа, гдѣ каждый, самый незначительный начальникъ, старается выставить свой дѣйствіи въ блестящемъ видѣ. Соберутъ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты, нѣскольکو сотенъ или эскадроновъ кавалеріи, много пушекъ и ракетныхъ станковъ, а кончается все отбитіемъ у горцевъ 200 барановъ, сожженіемъ фуража и хлѣба, раззореніемъ 10-ти ауловъ; но изъ этого составляется удивительное донесеніе, со всѣми подробностями атаки и даже съ тактическими и стратегическими выходками. Но вопросъ, какую пользу приносятъ намъ такой образъ дѣйствій? Горцы, лишенные жилищъ и всего продовольствія, озлобляются еще болѣе и мстятъ намъ такими же кровавыми вторженіями въ наши границы. Война выходитъ безконечная, а кажется можно бы придумать что нибудь благоразумнѣе или, по крайней мѣрѣ, чловѣколюбивѣе. Но большая приманка для реляцій — щедрыя награды: поставьте сколько угодно убитыхъ у непріятеля; кто ихъ сосчитаетъ, особенно когда Азіятцы, т. е. Турки и Кавказскіе горцы, употребляютъ всѣ усилія уносить съ собою тѣла падшихъ своихъ товарищей?

XXIX.

Пребываніе генерала Шильдера на Дунавъ дѣйствительно принесло пользу. Дѣятельность его была необыкновенная: онъ всюду поспѣвалъ, гдѣ являлась надобность отражать по-

кушенія непріятеля къ переправѣ, и вездѣ указывалъ усовершенствованный и скорый способъ къ постройкѣ береговыхъ батарей. Замѣчательны были придуманныя имъ новыя амбразуры. Известно, что амбразура должна представлять трапецію, широкая сторона которой обращена къ непріятелю, въ видѣ фигуры ∇ . Шильдеръ справедливо находилъ, что такія амбразуры слишкомъ открыты для непріятельскаго огня, даже издали, и худо защищаютъ артиллерійскую прислугу; а потому въ береговыхъ батареяхъ онъ приказалъ вырывать амбразуры на оборотъ, т. е. узкою стороною къ непріятелю, а широкою внутрь, и ставилъ иногда въ этомъ концѣ и траверзы¹⁾. Естественно, что это гораздо надежнѣе прикрывало артиллеристовъ, а для вѣрнаго направленія выстрѣловъ вовсе не было помѣхою. Къ сожалѣнію, мы совершенно не пользовались этимъ при оборонѣ Севастополя. Со смертію Шильдера система его была брошена. Явились новые геніальные инженеры; но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

XXX.

Въ исходѣ Февраля приближались къ концу приготовленія наши для переправы чрезъ Дунай. Для развлеченія непріятеля, предположено было переправиться въ одинъ день въ трехъ пунктахъ: въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ; а между тѣмъ, почти по всему протяженію охраняемаго нами Дуная продолжать демонстраціи, въ особенности противу Гирсова, Туртукая, Систова и Никополя, и при Каларашѣ.

Государь изволилъ настаивать, чтобы переправа за Дунай была совершена непременно въ началѣ Марта. На этомъ основаніи войска, въ первыхъ числахъ того мѣсяца, начали сосредоточиваться къ Браилу и Измаилу. Князь Горчаковъ прибылъ въ Браиловъ съ частію главной квартиры, кажется 6-го Марта. Здѣсь, осмотрѣвъ еще разъ мѣсто предназначенной переправы и сообразивъ свѣдѣнія, полученныя о непріятелѣ, онъ призналъ за лучшее отдѣлить большую часть главныхъ

¹⁾ Поперечная насмль позади амбразуръ. *И. Б.*

хѣх вѣкъ, кн. 2-я.

силъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лидерса, для переправы въ Галацъ; самъ же, съ остальными войсками, кромѣ Измаильскаго отряда, остался въ Браиловъ, и тотчасъ же приступилъ къ распоряженіямъ, для перехода за Дунай, во всѣхъ трехъ пунктахъ, 9-го Марта. Между тѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что одного моста, доставленнаго изъ Измаила, недостаточно, по широтѣ рѣки, для Браилова и Галаца. Обстоятельство это могло породить новое замедленіе; но по счастію былъ съ нами генераль-адъютантъ Шильдеръ, всегда находчивый въ подобныхъ случаяхъ. Онъ разсчиталъ, что при помощи кирлашей (галіотовъ) и лодокъ, стоявшихъ у Браилова и Галаца, и съ добавленіемъ къ нимъ нашихъ понтоновъ, можно устроить два моста, и тотчасъ же, съ обычною своею дѣятельностію, принялся работать. Выгода раздѣленія главныхъ силъ на двѣ части была въ этомъ случаѣ очевидна. Отъ Браилова ближайшая къ Дунаю Турецкая крѣпость Мачинъ; но дорога туда была перерѣзана напріятельскими укрѣпленіями, въ которыхъ, вмѣстѣ съ Мачиномъ, находилось, по словамъ лазутчиковъ, отъ 15 до 20 т. Турокъ. Укрѣпленія ихъ начинались противу самаго Браилова и, какъ говорили перебѣжчики, мѣстами были приготовлены у нихъ и мины. Правда, что такія свѣдѣнія передавали намъ большею частію Некрасовцы, извѣстные своимъ плутовствомъ и нерасположеніемъ къ Россіи: они, можетъ быть, даже нарочно отдавались намъ въ плѣнъ за деньги, получаемыя отъ Турецкихъ начальниковъ, съ тѣмъ, чтобы преувеличить трудности движенія къ Мачину, около котораго расположено много богатыхъ Некрасовскихъ селеній, составляющихъ, какъ извѣстно, всегдашній пріютъ бѣглыхъ нашихъ раскольниковъ. Непріятельскія укрѣпленія видны были намъ изъ Браилова; въ сторонѣ отъ нихъ стоялъ и небольшой лагерь Турецкихъ войскъ, изъ коего ежедневно выѣзжало по нѣскольку эскадроновъ, для содержанія наблюдательныхъ постовъ по берегу, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они опасались внезапной нашей переправы. При такой бдительности непріятеля и если бы вышеупомянутые слухи о числѣ Турокъ около Мачина на самомъ дѣлѣ под-

твердились, намъ трудно было бы, безъ чувствительной потери, переправляться большою массою за Дунай въ одномъ пунктѣ а еще труднѣе овладѣть съ этой стороны сказанною крѣпостію. Но одновременный переходъ на правый берегъ Дуная значительныхъ частей войскъ, въ Браиловъ и Галацъ, долженъ былъ развлечь вниманіе непріятеля, и при томъ генераль-адъютанту Лидерсу, послѣ переправы, открывалась дорога въ Мачинъ, чрезъ сел. Гарванъ, почти не занятая Турками, въ обходъ ихъ укрѣпленій.

Дунай на всемъ протяженіи своемъ образуетъ множество острововъ. На половинѣ дороги, отъ Туртукая къ Силистріи, онъ раздѣляется на два равные рукава и, соединяясь потомъ у Гирсова, течетъ оттуда опять двумя же широкими рукавами до Браилова. Правый изъ этихъ рукавовъ называется Мачинскимъ, а лѣвый Браиловскимъ: оба они судоходны. Браиловъ и Галацъ потому избраны были для переправы нашихъ войскъ, что между этими двумя городами рѣка соединяется въ одно русло; и хотя по широтѣ своей, составляющей отъ 400 до 500 саженой, требуетъ длиннаго моста; но за то высокій лѣвый берегъ, занятый тогда нами, вездѣ командуетъ противоположною стороною, такъ что батареи наши съ выгодною могли обстрѣливать эту сторону, на всемъ пространствѣ избранной переправы. Сверхъ того, для дополненія мостовъ, мы безъ труда могли найти въ Браиловъ и Галацъ нужные для насъ кирлаши и лодки.

Число всѣхъ войскъ, назначенныхъ къ переходу, составляло:

Въ Браиловъ, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго: 12¹/₄ баталіоновъ пѣхоты, 7 эскадроновъ кавалеріи, 5 сотенъ казаковъ, 52 орудія и одинъ понтонный паркъ.

Въ Галацъ, подъ командою генераль-адъютанта Лидерса: 24¹/₄ баталіона пѣхоты, 8 эскадроновъ кавалеріи, 6 сотенъ казаковъ и 64 орудія.

При Измаилѣ, подъ командою генераль-лейтенанта Ушакова ¹⁾: 14 баталіоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 6 сотенъ казаковъ и 44 орудія.

¹⁾ Александръ Ивановичъ Ушаковъ, *однофамилецъ* автора. П. Б.

И такъ, общая численность этихъ войскъ могла прости- раться слишкомъ за 40 т. человекъ, съ 160 орудіями. При томъ съ нами были два парохода: Ординарецъ и Прутъ, съ нѣсколькими канонерскими лодками. Независимо отъ сего, оставались въ Княжествахъ 8, 10, 11 и 12 пѣхотныя диви- зіи, двѣ дивизіи регулярной кавалеріи, съ ихъ артиллерією, и три или четыре полка казаковъ. Въ нихъ можно было считать также не менѣе 35 т. человекъ вообще, съ 128 орудіями.

Такое число войскъ, въ самомъ началѣ войны, едва ли случалось собирать намъ на Дунаѣ. Я привожу этотъ раз- счетъ собственно для того, чтобы каждый убѣдился, что медленность въ военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, зимою 1853 и весною 1854 года, происходила не отъ недостатка войскъ, а единственно отъ нашей нерѣшительности. Мы имѣли въ Кня- жествахъ и въ южной части Бессарабіи, для дѣйствія въ по- лѣ, армію почти изъ 80 т. человекъ и до 300 орудій; тогда какъ Турки держались постоянно въ крѣпостяхъ и нигдѣ не могли выставить противу насъ и 10 т. человекъ, для откры- таго боя.

XXXI.

Я уже сказалъ выше, что переправа за Дунай, во всѣхъ трехъ пунктахъ, назначена была 9-го Марта; но сильный вѣ- теръ препятствовавшій спуску мостовъ, заставилъ отложить предпріятіе на 11-е число. Между тѣмъ, дабы развлечь еще болѣе вниманіе непріятеля, приказано было, въ Браиловскомъ отрядѣ, производить 10-го числа, послѣ полудня, усиленный огонь съ батареей нашихъ, устроенныхъ на островъ Бындой. Островъ этотъ лежитъ при самомъ соединеніи обоихъ рукавовъ Дуная и занимаетъ большое пространство, поросшее лѣсомъ и кустарникомъ. Перекрестная канонада, съ Бындойскихъ ба- тарей, была, усиленна огнемъ одной канонерской лодки, постав- ленной прямо за мысомъ, образуемымъ слияніемъ Браиловска- го и Мачинскаго рукавовъ. Совокупное дѣйствіе всей этой артиллеріи много повредило ближайшія Турецкія укрѣпленія и заставило непріятеля держаться далѣе отъ мѣста, избран- наго нами для переправы.

XXXII.

Въ ночь съ 9 на 10 число прибылъ къ князю Горчакову курьеръ изъ Варшавы. Изъ бумагъ, имъ доставленныхъ, мы узнали, что фельдмаршалъ, князь Варшавскій, назначенъ Высочайшимъ приказомъ главнокомандующимъ западною и южною, или нашею, арміями. Объ этомъ извѣщалъ и самъ фельдмаршалъ въ частномъ письмѣ, составленномъ на скоро, и совѣтывалъ не переправляться за Дунай, если переправа не была еще исполнена. Совѣтъ этотъ видимо встревожилъ князя Горчакова; но какъ письмо читано было при начальникѣ штаба, генералъ-квартирмейстерѣ и при мнѣ, то мы единогласно представили князю, что было бы чрезвычайно странно, послѣ всѣхъ приготовленій, отложить предпріятіе, хорошо обдуманное, исполненія котораго такъ нетерпѣливо ожидаетъ вся Россія, и при томъ отложить безъ Высочайшаго на то повелѣнія. Слова наши имѣли успѣхъ: рѣшено было перейти на правый берегъ Дуная въ назначенный день, а потомъ ожидать новыхъ инструкцій отъ фельдмаршала.

XXXIII.

Переправа 11-го Марта произведена первоначально у Галаца, отрядомъ генералъ-адъютанта Лидерса. Войска наши заняли здѣсь непріятельскій берегъ на разсвѣтѣ, переправаясь на судахъ. Навести въ тотъ день мостъ было невозможно, по причинѣ сильнаго вѣтра. Турки не оказали при этомъ никакого сопротивленія и, какъ видно, вовсе не предполагали никакой опасности съ этой стороны; ибо имѣли на противоположномъ берегу, въ сел. Азаклы, не болѣе 50 человекъ конныхъ, которые успѣли ранить у насъ только одного казака и тотчасъ же бѣжали.

Въ Браиловъ переправа началась не прежде 4-хъ часовъ по полудни, въ слѣдъ за полученіемъ извѣстія о благополучномъ переходѣ генералъ-адъютанта Лидерса. До того же времени производилась утромъ канонада, съ канонерской лодки и съ батарей на островѣ Бындовъ, усиленныхъ пристройкою

еще четырехъ амбразуръ. Турецкія укрѣпленія почти не отвѣчали на эту стрѣльбу, сберегая огонь до минуты болѣе важной.

Овлажденіе переправою было поручено начальнику штаба, генералу-адъютанту Коцебу, съ 3-мя баталіонами Замосцкаго егерскаго полка, двумя ротами 3-го сапернаго баталіона, 4-мя орудіями и 50-ю казаками. Войска эти, послѣ полудня, начали садиться на нанятые для сего кирлаши, чапы и малыя лодки, а въ 4-е часа десантъ этотъ тронулся отъ пристани съ пѣснями и криками: ура! Передовыя лодки достигли противоположной стороны, не болѣе какъ чрезъ 20-ть минутъ. Турки вовсе не стрѣляли по нимъ. Генераль-адъютантъ Коцебу, вышедъ на берегъ, вмѣстѣ съ генераль-квартирмейстеромъ Бутурлинымъ, тотчасъ выслалъ впередъ застрѣльщицю цѣпь, изъ первыхъ высадившихся людей, подъ командою генераль-майора Веселитскаго, и подъ ихъ прикрытіемъ скоро устроилъ ротныя колонны и занялъ такое пространство впереди, чтобы можно было выстроить тетъ-де-понъ ¹⁾). При этомъ движеніи произошла небольшая перестрѣлка, между непріателемъ и нѣсколькими Греческими волонтерами, которые, съ генераль-майоромъ Бутурлинымъ, взошли чрезъ амбразуры на ближайшую къ намъ батарею, брошенную Турками.

Главнокомандующій во все это время оставался съ своею свитою на высотахъ лѣваго берега, наблюдая за успѣхами десанта. Вблизи отъ него, на выгоднѣйшихъ точкахъ, разставлена была наша полевая артиллерія, готовая открыть сильный огонь по непріателю, если бы сей послѣдній началъ дѣйствовать противу десанта. Я находился постоянно при князѣ Горчаковѣ, для исполненія его приказній, на случай перевозки убитыхъ и раненыхъ, изъ десантнаго отряда, и скорѣйшаго поданія имъ всякаго рода пособій. По счастью, при самой высадкѣ, у насъ не было никакой потери, да и потомъ она оказалась маловажною.

Въ одно время съ отплытіемъ десанта, приказано было приступить къ наводкѣ моста. Непріатель, по видимому, ожи-

¹⁾ Укрѣпленіе на берегу у моста, возводимое для обезпеченія переправы. II. Б.

давший только появленія мостовыхъ судовъ нашихъ, тотчасъ обратилъ въ ту сторону огонь одного изъ своихъ укрѣпленій; но совокупнымъ дѣйствіемъ нашихъ батарей и канонерскихъ лодокъ, скоро принужденъ былъ замолчать. Противный вѣтеръ и сильное теченіе рѣки чрезвычайно затрудняли успѣшную установку моста. Пароходъ Прутъ былъ употребленъ для буксированія мостовыхъ судовъ, а канонерскія лодки для удержанія на мѣстѣ якорей. Въ 6 часовъ были переправлены въ помощь десанту два баталіона Люблинскаго егерскаго полка, и въ то же время начата постройка предмостнаго укрѣпленія, на правомъ берегу Дуная. Непрiятель стрѣлялъ по этимъ работамъ до поздней ночи ядрами и кар гечью, а потомъ, пользуясь темнотою, подходилъ и ближе для ружейной перестрѣлки. Впрочемъ, потеря наша во весь этотъ день и въ ночь не превышала 6-ти убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ; но къ общему соболѣзнованію мы лишились храбраго генераль-маіора Дубенскаго, помощника Шильдера. Ему оторвало правую ногу ниже колѣна, почти при самомъ заложеніи тетъ-де-пона. Онъ не выдержалъ трудной ампутаціи и, не смотря на всѣ пособія весьма искусныхъ хирурговъ, скоро умеръ.

XXXIV.

Въ тотъ же самый день, т. е. 11-го Марта, переправился около Измаила отрядъ генераль-лейтенанта Ушакова. Высадка произведена въ Сулинскомъ рукавѣ, ниже острова Четала, при помощи флотиліи изъ 15 канонерскихъ лодокъ. Около полудня передовыя войска наши заняли непріятельскій берегъ, не смотря на сильный огонь изъ Турецкихъ окоповъ, находившихся вблизи переправы. Окопы эти, передъ вечеромъ, взяты были штурмомъ храбрыми полками 7-й пѣхотной дивизіи: Могилевскимъ и Смоленскимъ, при чемъ достались намъ въ добычу 9-ть мѣдныхъ орудій и захвачены въ плѣнъ: начальствовавшій окопами Али-Казимъ-Бекъ, 3 офицера и 90 нижнихъ чиновъ; изъ остальнаго гарнизона, состоявшаго всего изъ 1000 челов., спаслись немногіе; прочіе же пали на мѣстѣ. Но и наша потеря, въ этомъ блистательномъ и, можно

сказать, геройскомъ дѣлѣ, была не маловажна. Убито съ нашей стороны 5-ть оберъ-офицеровъ и 196 нижнихъ чиновъ; ранено 4-е штабъ-офицера, 15-ть оберъ-офицеровъ и 491 чел. нижнихъ чиновъ. Въ числѣ раненыхъ находился священникъ одного изъ полковъ, штурмовавшихъ окопы: онъ съ крестомъ въ рукахъ шелъ на приступъ, впереди колонъ и, за это геройное мужество, награжденъ потомъ орденомъ св. Георгія

XXXV.

Достопамятною останется навсегда въ исторіи переправа наша за Дунай, въ Мартѣ 1854 года. Мы въ одинъ день овладѣли непріятельскимъ берегомъ, въ трехъ пунктахъ, и можно сказать съ самымъ незначительнымъ урономъ. Последствіемъ этой удачи было то, что Турки на другой же день, безъ боя, бросили не только всѣ свои береговыя ретраншаменты, но и крѣпости: Тульчу, Исакчи и Мачинъ, предъ которыми въ прежнія времена мы теряли столько людей. Кто не убѣдится изъ этаго, что кампанія 1854 года, начавшаяся такъ блистательно, могла окончиться въ Іюнь мѣсяцѣ за Балканами; ибо тогда Французы и Англичане еще не успѣли бы собраться около Константинополя, а Турки, какъ по всему видно, не имѣли въ полѣ войскъ. Армія наша была значительна и еще не истощена войною и болѣзнями. Нельзя было сомнѣваться въ ея мужествѣ, послѣ блистательнаго подвига отряда генералъ-лейтенанта Ушакова. Опасаться за продовольствіе также было бы неосновательно, при такомъ энергическомъ и смѣливомъ интендантѣ, каковъ былъ Затлеръ, тѣмъ болѣе, что мы имѣли въ своихъ рукахъ три надежныя переправы по мостамъ чрезъ Дунай; слѣдовательно, подвозка провіанта и зерноваго фуража, изъ Княжествъ и изъ Россіи, могла быть вполне обезпечена. Но посмотримъ, какъ мы воспользовались нашими годами.

XXXVI.

12-го Марта войсками ген.-лейт. Ушакова заняты крѣпости Исакча и Тульча; въ первой изъ нихъ найдено много пороху и снарядовъ, что доказывало успѣшное бѣгство оттуда Турокъ.

Въ тотъ же день генераль-адъютантъ Лидерсъ выдвинулъ свой авангардъ отъ Галаца къ сел. Горвану; но не могъ идти далѣе со всѣмъ своимъ отрядомъ, по причинѣ медленной наводки моста, уносимаго сильнымъ вѣтромъ.

Со стороны Браилова 12-го числа ровно ничего не предпринято, по той же причинѣ, т. е. отъ невозможности навести скоро мостъ, при сильномъ противномъ вѣтрѣ. Между тѣмъ высаженные войска занимались окончаніемъ тетъ-де-пона, для чего на разсвѣтъ были переправлены на судахъ еще два баталіона Люблинскаго егерскаго полка. И такъ, утромъ 12-го числа, мы имѣли уже на той сторонѣ, впереди Браилова, 7-мь баталіоновъ пѣхоты, до 10-ти орудій и сотню казаковъ. Съ большею половиною этихъ войскъ можно было въ тотъ же день двинуться къ Мачинѣ, отстоявшему отъ насъ не болѣе 15-ти верстъ, приказавъ авангарду генераль-адъютанта Лидерса идти туда же отъ Гарвана. Этимъ рѣшительнымъ движеніемъ мы заставили бы Турокъ побросать на дорогѣ свою артиллерию, вывозимую ими съ крайнею поспѣшностію изъ ретраншаментовъ и изъ самага Мачина.— Но конечно такая рѣшимость и быстрота съ нашей стороны *противорѣчили бы теоретическимъ книжнымъ правиламъ войны*, требующимъ всегда осторожности и сложныхъ соображеній. Такъ ли бы поступилъ Суворовъ и даже Багратіонъ и Милорадовичъ??

XXXVII.

Вечеромъ 12-го числа прибылъ опять къ князю Горчакову курьеръ изъ Варшавы. На этотъ разъ фельдмаршалъ уже положительно предписывалъ не переходить за Дунай, а если переправа совершена, то не двигаться далѣе Мачина, и съ тѣмъ вмѣстѣ выводить войска изъ Малой Валахія и приступить, безъ замедленія, къ транспортировкѣ раненыхъ и больныхъ, а также всѣхъ излишнихъ тяжестей, изъ Княжествъ въ Бессарабію и въ губерніи: Подольскую, Кіевскую и Херсонскую. Такое повелѣніе, безъ ясныхъ указаній побудительныхъ къ тому поводовъ, не могло не изумить cadaго. Общее

предположеніе клонилось къ одному изъ двухъ мнѣній: или война близка къ концу, или Австрія готова объявить Россіи совершенный разрывъ и присоединиться къ Франціи и Англии, на защиту самостоятельности Оттоманской Порты. Князь Горчаковъ конечно могъ лучше знать причину необъяснимыхъ для насъ распоряженій фельдмаршала, ибо получилъ отъ него въ то же время партикулярное письмо. Но было однако же замѣтно, что мы всего болѣе опасаемся Австріи, которая уже начала въ то время развивать свою коварную политику, въ благодарность за великую услугу, оказанную ей при усмиреніи Венгріи и Трансильваніи, въ 1849 году.

Впрочемъ рѣшительный шагъ, для продолженія войны, былъ уже сдѣланъ: мы были за Дунаемъ, и оставалось окончить то, что разрѣшалъ и фельдмаршалъ, т. е. занять Мачинь, тѣмъ болѣе, что къ этому не представлялось никакихъ препятствій, ниже опасности, ибо мосты въ Браиловъ и Галацъ были уже наведены, а наши пикеты, съ острова Бындоя, подтвердили, что непріятель оставляетъ Мачинь и тянется по дорогѣ къ Гирсову.

XXXVIII.

И такъ 13-го числа утромъ кн. Горчаковъ лично двинулся въ Мачинь, взявъ съ собою 4 баталіона пѣхоты, двѣ роты стрѣлковъ, взводъ саперъ, три эскадрона уланъ и 8-мь орудій. Онъ полагалъ самымъ приличнымъ отправить изъ Мачина курьера къ Государю Императору, съ подробнымъ донесеніемъ о благополучной переправѣ за Дунай, во всѣхъ трехъ пунктахъ; и это обстоятельство, какъ мы всѣ замѣтили, одушевляло его съ самаго утра какою-то особою поэтическою восторженностію. Между прочимъ дано приказаніе, чтобы обѣдъ былъ приготовленъ на одномъ изъ пароходовъ, которому велѣно подняться отъ Браилова, вверхъ по Мачинскому рукаву, до самаго Мачина. Увидимъ, что все это значило.

День былъ прекрасный. Мы нашли на дорогѣ много укрѣпленій, брошенныхъ Турками. Нѣкоторые изъ этихъ окоповъ,

разбитые нашими выстрѣлами, были довольно обширны, представляли хорошую профиль и фланговую оборону и имѣли внутри, на скоро выстроенные изъ камыша и соломы, бараки и землянки, для гарнизона; другіе, нѣсколько отдаленные отъ первыхъ, и потому не тронутые нашею артиллеріею, были весьма отчетливо сдѣланы изъ земляныхъ насыпей, туровъ и фашинь, съ прорѣзанными амбразурами; всѣ вообще хорошо заграждали дорогу и могли перекрестно обстрѣливать оную; но минъ и подкоповъ, о коихъ рассказывали лазутчики, нигдѣ не оказалось.

Въ полдень мы подступили къ Мачину: непріятеля тамъ уже не было. Духовенство, съ крестами и св. водою, а старшины города, съ хлѣбомъ и солью, вышли на встрѣчу главнокомандующему и старались, сколь могли, выразить свою всегдашнюю преданность къ Русскимъ. На вопросъ, не осталось ли въ городѣ какого либо казеннаго имущества, послѣ отступленія Турокъ, они отвѣчали утвердительно, что непріятель успѣлъ увезти все, и указывали на хлѣбные магазины и лодки Турецкихъ купцевъ.

XXXIX.

Мы нашли Мачинъ совсѣмъ не такимъ грознымъ, какимъ описывали его въ прежнія войны. Укрѣпленія были полуразрушены; но по оставшимся мѣстами высокимъ насыпямъ и глубокимъ рвамъ, которые могли наполняться водою изъ Дуная, очевидно было, что крѣпость эта, а особливо ея цитадель, представляла нѣкогда весьма надежную оборону, для гарнизона изъ 10 или 15 т. человекъ. Въ городѣ былъ найденъ одинъ негодный фальконетъ.

Нынѣшніе Мачинскіе жители большею частію Христіане, Болгары, Славяне и Греки. Они радушно приглашали насъ въ свои, довольно опрятные, дома и предлагали разнаго рода угощенія. Радость объ отступленіи Турокъ была всеобщая; но прежде всего жители просили дать имъ скорѣе колоколь для церкви, дабы торжественнымъ звономъ огласить свое освобожденіе отъ магометанскаго ига, на что тогда они имѣли

право рассчитывать, послѣ столькихъ несбывшихся надеждъ, въ прежнія войны ¹⁾).

Для меня и для товарища моего, генераль-квартирмейстера Бутурлина, былъ указанъ квартирнеромъ нашимъ довольно хорошій Болгарскій домъ; мы тотчасъ принялись за свой походный завтракъ; но не прошло и 10-ти минутъ, какъ вошедшій ординарецъ потребовалъ товарища моего къ князю Горчакову. Черезъ часъ онъ возвратился, въ какомъ-то особенно веселомъ расположеніи духа. Причина этому тотчасъ же объяснилась. Бутурлинъ показалъ мнѣ письмо князя Горчакова, на Французскомъ языкѣ, къ военному министру, съ приложеніемъ солдатской пѣсни, имъ самимъ сочиненной. Пѣсня эта, въ послѣдствіи напечатанная, гласила слѣдующее.

Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ.
Православный Русскій воинъ,
Не считая, бьетъ враговъ.
Что Французы, Англичане?
Что Турецкій глухой строй?
Выходите, бусурмане,
Вызываетъ васъ на бой!
Европейцы Православныхъ!
Богъ накажетъ васъ чрезъ насъ.
Покровители поганыхъ!
Вѣчный стыдъ и срамъ на васъ.

¹⁾ Известно, что Турки до 1856 года никогда не позволяли Христіанамъ имѣть колокола и ставить кресты на церквахъ, во всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Князь Горчаковъ приказалъ на другой же день доставить въ Мачинъ колоколъ изъ Браилова, а усердіемъ генералъ-маіора Веселитскаго, заказанъ былъ въ Браиловѣ же крестъ для Мачинской церкви, который вскорѣ и водруженъ жителями на куполъ, съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи нашихъ генераловъ и особаго парада отъ войскъ. Въ послѣдствіи сдѣлано было у насъ много пожертвованій, особенно въ Одессѣ и Москвѣ, для церквей Болгарскихъ. Пожертвованій эти, кромѣ денегъ, состояли изъ большихъ крестовъ на куполы, колоколовъ и священныхъ книгъ. Для приѣма этихъ пожертвованій составился въ Одессѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, Болгарскій комитетъ; но все усердіе ни къ чему не повело, когда, въ Августѣ 1854 года, мы оставили Княжество.

За Царя и за Россію
Мы готовы умирать;
За Царя и за Россію
Будемъ васъ на штыкъ сажать.

Чувства мужества намъ сродны,
Не страшна намъ смерть въ бояхъ.
Богу храбрѣе угодны;
Имъ награда въ небесахъ.

Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, чтобы главнокомандующій, среди важнѣйшихъ своихъ занятій, и при томъ готовясь отправить Государю донесеніе о блистательномъ подвигѣ ввѣренныхъ ему войскъ, о подвигѣ, котораго ожидали Царь и вся Россія,—могъ въ такую минуту заниматься поэзіею...

Мы много посмѣялись надъ этою странностію; но дали себѣ слово молчать покуда объ ней, ибо князь Горчаковъ самъ дѣлалъ изъ этого секретъ.

XI.

Разумѣется, при такомъ поэтическомъ настроеніи, не было и рѣчи объ отправленіи курьера изъ Мачина. Черезъ полчаса мы сѣли на пароходъ и передъ вечеромъ возвратились въ Бранловъ, гдѣ уже всю ночь работали для курьера. Въ Мачинѣ остался съ войсками генералъ-маіоръ Веселитскій, а на другой день долженъ былъ придти туда авангардъ генералъ-адъютанта Лидерса.

Князь Горчаковъ сдѣлалъ самое правдивое и основательное донесеніе Государю о переправѣ нашей за Дунай и не забылъ, со всею справедливостію, свидѣтельствовать объ отличіи многихъ подчиненныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дружески просилъ военнаго министра повергнуть на всемілостивѣйшее благоуваженіе Его Величества сочиненную имъ пѣсню, и исходатайствовать разрѣшеніе пѣть ее въ войскахъ. Это была новая неловкость: до сихъ поръ такого рода сочиненія не подвергались Высочайшей цензурѣ и не шли обыкновенно далѣе цензуры полковаго командира, а много-много начальника дивизіи. Не рѣдко сами солдаты составляютъ пѣсни и поютъ ихъ во всеуслышаніе. Въ нихъ никогда не проявляется либеральныхъ и политическихъ намековъ, въ родѣ Беранже; да слава Богу, мы еще и не дожили до подобной эпохи.

XLI.

Государь былъ чрезвычайно доволенъ переправою войскъ нашихъ за Дунай и тотчасъ же щедро наградилъ всѣхъ поименованныхъ въ реляціи, а князю Горчакову прислалъ Собственный портретъ, украшенный алмазами, при весьма милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ между прочимъ замѣчательно слѣдующее выраженіе: «*Видя въ семъ подвижъ залогъ будущаго успѣховъ противу враговъ Святой Вѣры и Отечества*». Слѣдовательно Государь питалъ твердыя надежды, что побѣдоносная армія Его сдѣлаетъ что нибудь болѣе, нежели потомъ она сдѣлала.

Съ этимъ рескриптомъ прибылъ изъ С.-Петербурга флигель-адъютантъ Его Величества, для раздачи денежныхъ пособій раненымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, какъ было послѣ сраженія при Четати. Другой флигель-адъютантъ былъ отправленъ особо съ такимъ же порученіемъ прямо въ Измаилъ, въ отрядъ генераль-лейтенанта Ушакова, гдѣ число раненыхъ было гораздо болѣе.

XLII.

Пѣсня была также принята весьма благосклонно. Государь приказалъ управляющему придворною капеллою, генераль-маіору Львову, положить ее на ноты, напечатать съ текстомъ и послать нѣсколько экземпляровъ въ армію; остальные экземпляры г-нъ Львовъ отдалъ въ продажу, въ пользу убитыхъ и раненыхъ. Но этимъ не кончилось. Князь Горчаковъ объявилъ обо всемъ въ приказѣ по войскамъ и разослалъ пѣсню въ полки, официально. Тутъ случился новый анекдотъ: начальникъ главнаго штаба, при поднесеніи приказа къ подпису, доложилъ, что и я, еще прежде, дорѣгою, въ коляскѣ, на пути изъ Варшавы въ Букарестъ, написалъ солдатскую пѣсню и что ее давно поютъ въ Азовскомъ пѣхотномъ полку, куда она перешла чрезъ одного моего родственника, ротнаго командира. Князь Горчаковъ пожелалъ видѣть мою пѣсню и, не найдя въ ней ничего либеральнаго, просилъ меня позволить

танту Лидерсу двинуться къ Гирсову со всеми войсками, бывшими уже на правомъ берегу Дуная, кромѣ отряда генерал-лейтенанта Ушакова, которому велѣно тогда же занять Бабадагъ, равномерно оставленный Турками.

И такъ, почти въ одну недѣлю, князь Горчаковъ достигнулъ того, на что въ прежнія войны требовались мѣсяцы. Если бы такая же рѣшимость и быстрота продолжали одушевлять насъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ началѣ Апрѣля, а можетъ быть и ранѣе, пала бы и Силистрія,—этотъ важный оплотъ Оттоманской Порты, на Дунаѣ. Почти ежедневныя показанія лазутчиковъ и плѣнныхъ согласовались въ томъ, что крѣпостныя работы въ Силистріи тогда еще не были окончены; возведеніе отдѣльнаго укрѣпленія, Абдуль-Меджидъ, по справедливости почитаемаго ключемъ всей Силистрійской обороны, едва начато; гарнизонъ былъ незначительный, а отступавшій непріятель удалялся во внутрь края, къ Варнѣ и Шумлѣ. Изъ Гирсова генералъ-адъютантъ Лидерсъ могъ бы въ 10-ть или 12-ть дней приблизиться къ Силистріи и, заставъ ее въ распlochъ, принудить Турокъ бросить неоконченную крѣпость, безъ боя, при помощи демонстраціи съ Валахской стороны отъ Калараша *). Уже 22-го Марта казаки Валуева полка сбили непріятельскій пикетъ при Россеватѣ; слѣдовательно

*) Счастливая переправа наша за Дунай чрезвычайно встревожила Турокъ. Въ Константинополѣ господствовали тогда два мнѣнія, между сановниками Порты: одни полагали, что Турецкій главнокомандующій Омеръ-Паша успѣетъ удержаться нѣсколько мѣсяцевъ въ горныхъ проходахъ черезъ Балканы; другіе думали напротивъ, что Русскія войска, будучи многочисленнѣе, тотчасъ отбросятъ Омеръ-Пашу, запрутъ его въ Шумлѣ и откроютъ себѣ путь черезъ Балканы, чтобы быстро двинуться къ Адрианополю и оттуда немедленно подступить къ столицѣ Султана, прежде, нежели союзники Турціи успѣютъ сосредоточить туда свои силы. Этому послѣднему мнѣнію болѣе доверяли. Самъ Омеръ-Паша укрѣпился тогда въ Шумлѣ, не сдѣлавъ еще никакого плана для войны, а тѣмъ болѣе для наступательной. Онъ надѣялся, что мѣсяць, проведенный нами въ Добруджѣ, будетъ для него выгоднѣе выиграннаго сраженія; ибо войска наши уменьшатся и безъ того отъ болѣзней, и не хотѣлъ ничего предпринимать, безъ союзниковъ: *Expédition de Crimée, par le Baron de Bazeincourt, 1856.*

были на половинѣ дороги отъ Гирсова къ Силистріи *); но генераль-адъютанта Лидерса какъ будто держали на помочахъ: отрядъ его получалъ почти ежедневно переменныя диспозиціи, такъ что, сдѣлавъ одинъ или два перехода впередъ, принужденъ былъ, безъ надобности, останавливаться на дневки, а иногда отступать или двигаться въ сторону. Очевидно, что это происходило отъ нерѣшительности князя Горчакова; но въ это время онъ уже не зависѣлъ отъ себя, ожидая скорого прибытія фельдмаршала въ Княжество. Государь былъ доволенъ движеніями нашими за Дунаемъ, видя, что армія его не остается въ бездѣйствіи, послѣ переправы на правый берегъ. Для этого только князь Горчаковъ, по видимому, и рѣшился занять Гирсовъ и оттуда угрожать Силистріи; но въ то же время онъ опасался отвѣтственности предъ княземъ Варшавскимъ, и безъ него избѣгалъ рисковать какимъ нибудь смѣлымъ предпріятіемъ. Между тѣмъ на лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ генераль-лейтенанта Ушакова, казачьи партіи изъ Бабадага проникали даже до Кюстенджи, гдѣ отъ нихъ бѣжалъ Французско-Англійскій пикетъ, выставленный съ парашодовъ, стоявшихъ тамъ на рейдѣ.

XLIV.

Не долго мы ожидали прибытія новаго главнокомандующаго, генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго: онъ пріѣхалъ къ арміи 3-го Апрѣля; но не прямо въ Букарестъ, а остановился прежде въ Фокшанахъ, куда князь Горчаковъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, для представленія всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній. Здѣсь вполнѣ раскрылись соображенія фельдмаршала на счетъ будущаго нашихъ дѣйствій. Князь Варшавскій тотчасъ подтвердилъ прежде уже отданныя на бумагѣ приказанія: а) объ укрѣпленіи Фокшанъ, для сосредоточенія тамъ всѣхъ вагенбурговъ арміи, б) о постройкѣ шанцевъ на р. Серетѣ, в) о приведеніи въ лучшую

*) Французскіе оенцеры, посланные въ Шумлу, доносили маршалу С. Арно, что казачьи партіи наши были тогда только въ 20 верстахъ отъ Силистріи. *L'expédition de Crimée, par le Baron de Bisan-court.*

оборону Измаила, г) о немедленномъ очищеніи отъ нашихъ войскъ Малой Валахіи и упраздненіи тамъ госпиталей и д) о постепенной вывозкѣ больныхъ и раненныхъ изъ всей Валахіи въ Россію. Къ этому скоро добавлены приказанія: обратиться въ муку сельскіе запасы хлѣба въ Бессарабской области; собрать экстренно отъ жителей Подольской губерніи 150 т. четвер. муки съ пропорціею крупъ и 100 т. четвер. овса; вывезти изъ Одессы весь частный хлѣбъ, и наконецъ учредить въ тылу Одессы запасные магазины, въ сел. Шараво и Жеребково, въ которыя свезти изъ Новороссійскаго, Кіевскаго и Подольскаго округовъ военныхъ поселеній 50 т. четвер. муки и овса ¹⁾).

Всѣ эти распоряженія не могли не показывать, что фельдмаршалъ полагаетъ имѣть базисъ своихъ военныхъ дѣйствій, если не въ Бессарабіи, то по крайней мѣрѣ не далѣе р. Серета, и во всякомъ случаѣ вести войну оборонительную, но не наступательную. О предположеніяхъ на Силистрію сначала не было, кажется, и рѣчи, хотя въ то время на лѣвомъ берегу Дуная, противу сей крѣпости* и на островахъ, было уже устроено нѣсколько нашихъ батарей, стрѣлявшихъ довольно удачно по Силистріи, а казаки, отряда генераль-адъютанта Лидерса, проникали за Черноводы: Силистріійскій гарнизонъ, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ, состоялъ не болѣе какъ изъ 20 т. человекъ, въ числѣ которыхъ пѣхоты было всего 10 т. и 1 т. артиллеристовъ; остальные 9 т. дополнялись регулярною и нерегулярною конницею, которая, какъ извѣстно, не только не усиливаетъ защиту крѣпости, но еще болѣе ее обременяетъ ²⁾).

XLV.

Изъ Фокшанъ фельдмаршалъ отправился на пароходѣ по Дунаю въ Измаилъ, откуда, по осмотрѣ крѣпости и назначеніи нѣкоторыхъ новыхъ работъ для усиленія крѣпостной обо-

¹⁾ Взято изъ нѣкогда у меня рукописи генераль-интенданта генераль-маіора Затлера.

²⁾ Изъ напечатаннаго Сборника новостей о войнѣ, годъ 1855, отдѣлъ II.

роны, прибылъ прямо въ Бухарестъ, на второй день праздника Пасхи и остановился въ домѣ отсутствующаго господара, князя Стирбея, гдѣ его встрѣчилъ почетный караулъ, со знаменемъ, всѣ чины главной квартиры арміи, чиновники управленій княжества Валахіи и нѣкоторые почетнѣйшіе бояре, вмѣстѣ съ Валахскимъ митрополитомъ. Фельдмаршалъ обошелся со всѣми ласково, а мнѣ и генераль-квартирмейстеру Бутурлину, какъ бывшимъ его адъютантамъ, оказалъ особенное вниманіе и тутъ же объявилъ, чтобы мы ежедневно являлись къ нему на обѣдъ, что, при нашихъ обязанностяхъ и служебныхъ занятіяхъ, было довольно трудно.

Въ свѣтъ князя прибыли многія знакомыя мнѣ лица: генераль-квартирмейстеръ дѣйств. арміи, генераль-адъютантъ Фроловъ, генераль-интендантъ сенаторъ Погодинъ, тайный совѣтникъ Очкинъ, молодой домашній секретарь князя, камеръ-юнкеръ Панютииъ и докторъ Россетъ. Съ первыхъ словъ можно было замѣтить, что всѣ они скорбѣли о Варшавѣ и желали скорѣе туда возвратиться. Въ сужденіяхъ ихъ конечно отражались нѣкоторымъ образомъ и собственныя мысли фельдмаршала. Видны были опасенія на счетъ Австріи, изъ чего будто бы проистекала необходимость поспѣшнѣе очистить Княжества, не помышляя нисколько о побѣдахъ на правомъ берегу Дуная. Я и Бутурлинъ довольно рѣзко возражали на этотъ предметъ, и дали себѣ слово, при первомъ удобномъ случаѣ, высказать всю истину новому главнокомандующему. Впрочемъ слишкомъ 70-тилѣтній фельдмаршалъ уже замѣтно носилъ на себѣ отпечатокъ старости: въ немъ почти угасла прежняя энергія, а физическія силы еще болѣе ослабѣвали. Эта перемена, въ особенности, произошла въ немъ со второй половины 1853 года, т. е. за два съ половиною года до кончины. Я слышалъ, но не выдаю за достовѣрное, что самое назначеніе фельдмаршала главнокомандующимъ двумя арміями произошло неожиданно для него, а поводомъ къ тому было нижеслѣдующее обстоятельство. Въ исходѣ 1853, или въ самомъ началѣ 1854 года, князь Орловъ былъ отправленъ изъ С. Петербурга въ Вѣну, для присутствованія на тамошнихъ

политическихъ конференціяхъ. При отправленіи Орлова, Императоръ Николай, будучи уже недоволенъ нашими медленными дѣйствіями на Дунаѣ, поручилъ ему, въ частномъ разговорѣ съ фельдмаршаломъ, узнать, не пожелаетъ ли онъ принять на себя веденіе начатой войны, такъ какъ въ Бозѣ почившій Государь вполне довѣрялъ военнымъ дарованіямъ князя Варшавскаго, незамѣчая, что время измѣнило многое, что люди, достигшіе въ жизни своей высшей ступени славы, неохотно подвергаютъ ее новымъ испытаніямъ. Князь Орловъ, при свиданіи съ фельдмаршаломъ въ Варшавѣ, исполнилъ волю Государя. Разговоръ не могъ не коснуться тогдашней нашей медленности въ переправѣ за Дунай и, весьма естественно, перешелъ къ вопросу, какъ бы поступилъ фельдмаршалъ, если бы на него возложено было веденіе войны, и наконецъ охотно ли онъ приметъ на себя эту новую и важную услугу Отечеству? Трудно было не понять, что любопытство Орлова происходило не отъ собственнаго его лица; а потому князю Варшавскому не оставалось ничего болѣе, какъ выразить полную готовность служить Престолу вездѣ, куда бы ни призвала его Высочайшая воля Монарха. Вскорѣ дѣйствительно послѣдовало сказанное назначеніе, хотя, какъ говорятъ, фельдмаршалъ вовсе не ожидалъ того, полагая, что политическія обстоятельства должны разъясниться, и миръ опять будетъ восстановленъ. Но повторяю, что не выдаю этаго за истину, хотя нѣтъ здѣсь ничего неправдоподобнаго.

XLVI.

По прибытіи въ Букарестъ, фельдмаршалъ, не смотря на сдѣланныя имъ въ Фокшанахъ распоряженія относительно оборонительной войны, тотчасъ же занялся и приготовленіями въ осадѣ Силистріи, въ слѣдствіе писемъ Государя. Тогда не было еще никакого повода находить это предпріятіе неудобноисполнимымъ: батареи наши, со стороны Калараша, уже обстрѣливали Силистрію; сильный отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса, хотя весьма медленно *), но приближался къ сей

*) Медленность происходила въ слѣдствіе приказаній, получавшихся изъ Букареста.

крѣпости, по правому берегу Дуная; Французскія войска только что начинали прибывать въ Константинополь; Австрійцы едва собирали и формировали свою армію, для расквартированія ея на границахъ Трансильваніи, не изъявляя еще положительнаго намѣренія вступить съ нами въ борьбу, въ союзъ съ Франціей и Англійей. Между тѣмъ Турки, вѣрные своей системѣ, продолжали, отъ времени до времени, усиленно переправляться на нашъ берегъ, дабы скрыть дѣйствительную свою слабость. Такое покушеніе было сдѣлано ими 16-го Апрѣля, противъ Турно, въ числѣ 800 человекъ, но къ счастью въ это время прибылъ уже туда изъ Калафатскаго отряда Тобольскій пѣхотный полкъ, подъ командою генераль-маіора Баумгартена, и непріятель былъ отраженъ, съ большимъ урономъ.

XLVII.

По прежнимъ опытамъ, осада Силистріи требовала большихъ приготовленій; но и средства наши, въ послѣднюю войну, могли считаться вполне удовлетворительными. Въ самомъ началѣ, для подступа къ крѣпости, назначены были: 8-я, 9-я и 15-я пѣхотныя дивизіи, въ цѣломъ ихъ составѣ; по два полка 11-й и 14-й пѣхотныхъ дивизій, три стрѣлковыя баталіона, вся 3-я легкая кавалерійская и бригада 4-й легкой кавалерійской дивизіи и 5-ть полковъ казачьихъ, что составляло вообще 67-мь баталіоновъ пѣхоты, 36-ть эскадроновъ, 30-ть сотень казаковъ и при нихъ 112-ть полевыхъ орудій, кромѣ тяжелой осадной артиллеріи; два парохода и нѣсколько канонерскихъ лодокъ, вооруженныхъ каронадами и пушками; три запасныхъ артиллерійскихъ парка съ боевыми зарядами и патронами; осадный паркъ, и парки инженерный и понтонный, четыре подвижныя госпиталя и госпиталь въ Каларашѣ и въ окрестности на лѣвомъ берегу Дуная, на 2400 человекъ. Провіантское, порціонное и фуражное довольствіе также были обезпечены съ избыткомъ. Въ 40 верстахъ отъ Калараша, въ м. Слободзеѣ, учрежденъ былъ магазинъ изъ 30 т. четвертей сухарей. Для безпрерывнаго пополненія его и безостановочнаго подвоза продовольствія къ Силистріи приказано перепечь въ

сухари 150 т. четвертой муки въ Фокшанахъ, Бузео и Букарестъ, посредствомъ особыхъ хлѣбопекарныхъ командъ. Сообщение Калараша съ правымъ берегомъ Дуная, на которомъ расположена Силистрія, было устроено по мостамъ частию понтоннымъ, частию на купленныхъ и наемныхъ судахъ и лодкахъ. Дунай при Каларашѣ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ; самый широкій рукавъ имѣлъ слишкомъ 400 сажень.

Изъ всего этаго видно, что распоряженія, для начатія осады Силистріи, были сдѣланы съ совершенною предусмотрительностію, а сила осаднаго корпуса превышала численность тѣхъ войскъ, которыя бывали употреблены противу сей крѣпости въ предшествовавшія войны. Поэтому никто не сомнѣвался въ успѣхѣ, особенно подъ начальствомъ такого вождя, который прославился громкими побѣдами противу Турокъ, а также блистательными штурмами Карса, Ахалциха и Варшавы.

Къ сожалѣнію, фельдмаршалъ, сосредоточивая столь грозныя средства противу Силистріи, совершенно иначе думалъ на счетъ осады сей крѣпости и, какъ я сказалъ уже выше, полагалъ вовсе не безопаснымъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ переносить войну за Дунай, гдѣ мы могли встрѣтиться съ Французами, тогда какъ съ тылу Австрійскія войска займутъ Княжества и отрѣжутъ намъ отступление въ Бессарабію.

Эту мысль фельдмаршалъ постоянно представлялъ Государю, съ самаго назначенія своего главнокомандующимъ двухъ армій; но царскій отвѣтъ всегда былъ таковъ, что опасенія стараго вождя *), въ настоящемъ случаѣ, преувеличены и что не нужно только тратить времени въ напрасныхъ колебаніяхъ.

*) Въ Божѣ почитающій Императоръ Николай I-й всегда называлъ князя Варшавскаго, въ разговорахъ и въ письмахъ, отцомъ-командиромъ; сохраняя въ памяти то время, когда, будучи еще Великимъ Княземъ, Его Величество командовалъ бригадою, въ гвардейской дивизіи, состоявшей подъ начальствомъ князя Варшавскаго.

Не скрывалъ фельдмаршалъ своей нерѣшимости и отъ близкихъ ему людей, хотя конечно не высказывалъ при этомъ всего, что думалъ. Я и Бутурлинъ, помня наше намѣреніе обнаружить собственный образъ мыслей о войнѣ, всячески старались найти къ тому удобный случай. Однажды (это было еще въ Букарестѣ, въ половинѣ Апрѣля), послѣ обѣда, когда всѣ гости пошли въ садъ, а фельдмаршалъ курилъ сигару на балконѣ, погруженный видимо въ тяжелыя размышленія, мы приблизились къ нему для разговора. Рѣчь скоро перешла къ событіямъ войны, и престарѣлый вождь, грустно смотря на возвышавшіяся вдали горы, составляющія границу между Трансильваніею и Княжествами, объявилъ намъ о полученномъ въ тотъ день извѣстїи, что Австрійцы успѣли уже сосредоточить противу насъ 200-т. армію и отлагаютъ свое вступленіе въ Молдавію только до начатія нами осады Силистріи. Свѣдѣнія эти получены чрезъ нашихъ лазутчиковъ, и однако онѣ не были правдоподобны, и даже иностранныя газеты, обыкновенно опережающія самую дѣйствительность, ничего не упоминали о томъ. Мы, съ Бутурлинымъ, рѣшились возражать, доказывая, что 200-т. армія не можетъ быть собрана въ такое короткое время, и при томъ сосредоточена на границѣ; что въ Австрійскихъ и во всѣхъ Европейскихъ войскахъ, равно какъ и у насъ, никогда въ мирное время не содержится полного комплекта людей въ полкахъ и артиллерїи, а еще болѣе этотъ комплектъ, для уменьшенія издержекъ, распространяется на обозъ, лошадей и проч. матеріальные способы; что распоряженія, для сформированія всего этаго, и отпуску вдругъ потребныхъ на то весьма значительныхъ суммъ, обыкновенно затрудняетъ всякое государство и наконецъ, что Австрійскому правительству весьма выгодно распускать слухи о совершенной своей готовности къ войнѣ, *во первыхъ*, чтобы удовлетворить ожиданіямъ и домогательствамъ Франціи и Англіи, и *во вторыхъ*, чтобы парализовать или по крайней мѣрѣ замедлить, елико возможно, успѣхи наши за Дунаемъ. Но ничто не помогло. Фельдмаршалъ отвѣчалъ намъ, что мы еще молоды и неопытны, не имѣемъ надлежащаго поня-

тія о случайностяхъ войны и горячимся, забывая всю отвѣтственность, какая лежитъ на главнокомандующемъ. Къ сожалѣнію, опытный, искусный и свѣдущій полководецъ, въ послѣдніе годы жизни слишкомъ увлекался системою шпионства и вѣрилъ часто недостойнымъ и ничтожнымъ людямъ, которые играли роль политическихъ агентовъ. Точно такой же агентъ состоялъ при фельдмаршалѣ и въ Букарестѣ: онъ вывезенъ изъ Варшавы и, не смотря на то, что принадлежалъ простому состоянію, умѣлъ быть вкрадчивъ и пользовался полною довѣренностію главнокомандующаго. Конечно, одинъ только князь Горчаковъ, по своему сану, званію генераль-адъютанта и должности начальника главнаго штаба *) , могъ бы съ успѣхомъ говорить истину, тѣмъ болѣе, что зналъ вполне наши средства и прямия отношенія Австріи къ Россіи; но мы уже видѣли, что онъ находился подъ такимъ вліяніемъ фельдмаршала, что ему вѣроятно не приходило и на мысль въ чемъ либо противорѣчить. Черта можетъ быть весьма похвальная, но въ то же время вредная для Отечества!

XLVIII.

Въ концѣ Апрѣля, подъ ближайшимъ наблюденіемъ генераль-адъютанта Шильдера, увеличено число батарей нашихъ противу Силистріи, на островахъ Дуная, со стороны Калараша, и производилась по крѣпости почти ежедневная пальба. Одинъ только рукавъ, не главный, но довольно широкій, отдѣлялъ насъ отъ праваго берега. На немъ предположено было навести мостъ на понтонахъ и козлахъ, когда приблизится отрядъ генераль-адъютанта Лидерса.

29-го Апрѣля главная квартира наша выступила, изъ Букареста, къ Силистріи. На другой день выѣхалъ туда и фельдмаршалъ. Между тѣмъ, на лѣвомъ берегу Дуная, впереди Калараша, уже собрались нѣкоторыя части войскъ, предназначенныя къ осадѣ Силистріи, и вмѣстѣ съ ними и различныя

*) При назначеніи князя Варшавскаго главнокомандующимъ двухъ армій, князю Горчакову Высочайшее повелѣніе быть начальникомъ главнаго штаба тѣхъ же армій.

парки. Я прибылъ туда двумя днями поздне, оставаясь въ Букарестъ по обязанностямъ службы, а главное для устройства безостановочнаго отправления въ Бузео, Фокшаны, Бирладъ, Текучь и далѣе въ Бессарабію раненыхъ и больныхъ, прибывавшихъ изъ упраздненныхъ въ Малой Валахіи госпиталей, а также и изъ самаго Букареста. Сверхъ того необходимо было распорядиться отправленіемъ въ Фокшаны и Текучь всѣхъ излишнихъ тяжестей отъ войскъ, какъ то: заручнаго *) оружія и амуниціи отъ убитыхъ и умершихъ, полшубковъ, розданныхъ на зиму въ полки и артиллерію, что все вообще, по приказанію фельдмаршала, было первоначально свезено въ Букарестъ. Изъ всѣхъ этихъ отправокъ, сопряженныхъ съ требованіемъ отъ края весьма значительнаго числа обывательскихъ подводъ, нельзя было не убѣдиться, что насъ озабочивала болѣе оборонительная, а не наступательная война, не смотря на грозныя приготовления къ осадѣ Силистріи.

XLIX.

Въ день моего отъѣзда въ Каларашъ, въ главную квартиру арміи, я зашелъ обѣдать въ лучшую Букарестскую ресторацію, и совершенно неожиданно встрѣтился тамъ съ флигель-адъютантомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, затемъ фельдмаршала, только что прибывшимъ изъ С.-Петербурга. Онъ объявилъ мнѣ, что пріѣхалъ курьеромъ, съ письмомъ отъ Государя, и просилъ дать ему средство поскорѣе отправиться въ главную квартиру. Отъ него я узналъ, что Императоръ не доволенъ сомнѣніями на счетъ успѣха войны, выставляемыми княземъ Варшавскимъ въ каждомъ письмѣ; что такое моральное убѣжденіе Его Величество относитъ единственно къ разстройству здоровья фельдмаршала, и въ слѣдствіе того дозволяетъ ему, буде нужно, отъѣхать на время въ Гомель, для отдыха. Князь Лобановъ отправился въ Каларашъ тотчасъ послѣ обѣда, а на другой день утромъ, являсь къ своему тестю, представилъ царское пись-

*) Т. е. запаснаго, которое не на рукахъ. П. Б.

мо и передалъ на словахъ все, что выше разсказано мною. Послѣ я слышалъ, что старый вожь былъ очень огорченъ мнѣніемъ Государя и, по всегдашней своей вспыльчивости, разразился гнѣвомъ на зятя. По крайней мѣрѣ князь Лобановъ вскорѣ заболѣлъ горячкою, отправился въ Букарестъ и уже не возвращался къ осадѣ Силистріи.

L.

4-го Мая отрядъ генераль-адъютанта Лидерса долженъ былъ наконецъ приблизиться съ праваго берега къ Силистріи, пройдя въ полтора мѣсяца немного верстъ; но это произошло потому, что его, какъ, кажется, и не желали подвигать быстро, рассчитывая, что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, дѣйствія за Дунаемъ будутъ вовсе отменены. Фельдмаршалъ, лично съ своею свитою, выѣхалъ на встрѣчу подходящаго отряда, къ тому мѣсту, гдѣ уже съ утра наводили мостъ, чрезъ послѣдній рукавъ Дуная. — Тутъ же выстроена была и часть войскъ, прибывшихъ прежде къ Каларашу. Непріятельскія партіи, изъ крѣпости, встрѣтили приближавшійся отрядъ нашъ, но тотчасъ же бѣжали. Генераль-адъютантъ Лидерсъ немедленно занялъ пространство подъ лагерь осаднаго корпуса, а авангардъ его подвинулся далѣе, для первоначальнаго обозрѣнія Силистріи. Намъ, даже съ низкаго лѣваго берега, довольно хорошо была видна крѣпость, съ передовыми ея редутами, а въ особенности отдѣльное укрѣпленіе Абдуль-Меджидъ, на высокомъ холму. Непріятель производилъ довольно сильную канонаду; но чтобы развлечь его вниманіе, переправлены были на лодкахъ, съ лѣваго берега, къ отряду генераль-адъютанта Лидерса два баталіона пѣхоты, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Хрулева. Спустя полчаса послѣ того, прибылъ къ главнокомандующему ординарецъ Хрулева доложить, что два ближайшіе къ намъ неприятелискіе редуты, извѣстные тогда подъ именемъ Змѣинаго и Песчаного, кажется, оставлены Турками, и просилъ позволенія занять ихъ. Окружавшіе фельдмаршала, а въ томъ числѣ и я, громко разсуждали, что было бы выгодно воспользоваться этимъ случаемъ;

но фельдмаршалъ, обратясь къ намъ, строго возразилъ, что такіе необдуманнныя порывы вовсе неумѣстны тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни, можетъ быть, нѣсколькихъ сотенъ храбрыхъ; что непріятель можетъ быть умышленно не показывается изъ за окоповъ, надѣясь заманить насъ на штурмъ, и наконецъ, что мы потому такъ легко судимъ, что на насъ не лежитъ никакая отвѣтственность. Слова опытнаго вождя были въ полной мѣрѣ справедливы; но, признаюсь, мнѣ и теперь еще кажется, что было бы возможно въ тотъ день, пользуясь одушевленіемъ войскъ и неожиданностію удара, овладѣть не только Змѣйнымъ и Песчанымъ укрѣпленіями, но даже и Арабскимъ, которое въ послѣдствіи стоило намъ столькожъ жертвъ. Внезапность и паническій страхъ часто всего лучше дѣйствуютъ на Турокъ. Но это одни только мои догадки, а на дѣлѣ можетъ быть вышло бы совершенно иначе, какъ и случилось потомъ, 16-го Мая.

Еще мостъ на послѣднемъ рукавѣ Дуная не былъ оконченъ, какъ фельдмаршалъ счелъ необходимымъ переправиться, хотя на лодкѣ, къ отряду генераль-адъютанта Лидерса, чтобы осмотрѣть занятое имъ подъ лагерь пространство и назначить, откуда должно начать наши траншеи. Онъ оставался на томъ берегу два часа и уже вечеромъ возвратился, по навѣденному мосту, въ Каларашъ. Я встрѣтилъ въ это время генераль-адъютанта Шильдера и полюбопытствовалъ спросить, что рѣшено на ту ночь. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „будемъ закладывать траншеи, но далеко отъ крѣпости и не такъ какъ я думалъ; впрочемъ сдѣлаю это не въ счетъ абонимента.“ Дѣйствительно, Шильдеръ, съ самаго начала, полагалъ вести осадныя работы, по низменности, берегомъ Дуная, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться оставшимися на этомъ пространствѣ старинными шанцами. Но ему велѣно подняться вверхъ, чрезъ глубокіе овраги, и заложить первую параллель слишкомъ въ 1000 саженьхъ отъ Арабскаго укрѣпленія, отдѣленнаго отъ насъ довольно широкою ложбиною. Такое распоряженіе совершенно противорѣчило всегдашнему образу мыслей фельдмаршала; ибо во всѣ прежнія войны онъ обыкновенно не одоб-

рялъ, при осадѣ крѣпостей, закладку первой паралели на дальномъ разстояніи; а тутъ случилось еще и то, что нашу тяжелую осадную артиллерію нужно было перевозить на судахъ, съ лѣваго берега Дуная, и потомъ на правомъ берегу тащить ее въ гору, къ осаднымъ батареямъ, чрезъ виноградники и овраги, съ большимъ трудомъ, чѣмъ дѣлалось обыкновенно по ночамъ, дабы скрыть отъ непріятеля перевозку. Но я уже сказала, что фельдмаршалъ, противу своего убѣжденія, не охотно предпринялъ осаду Силистріи; слѣдовательно едвали и думалъ углубляться въ планъ атаки, а продолжалъ постоянно писать Государю о необходимости ограничиться оборонительною войною, въ Княжествахъ, не выходя изъ за линіи Серета. Люди, близко служившіе при фельдмаршалѣ, привыкли въ немъ видѣть необыкновенный военный инстинктъ, соображенія пронизательныя, поражающія иногда своею неожиданностію, и между тѣмъ подкрѣпленныя опытомъ и глубокимъ чтеніемъ Исторіи. Но тогда все въ немъ измѣнилось. Изъ Русскихъ прославившихся полководцевъ, одному только Суворову суждено было сохранить до конца жизни всю прежнюю энергію на войнѣ, и оттого-то онъ стоитъ наряду съ величайшими вождями всѣхъ вѣковъ и народовъ.

II.

Я не стану описывать подробностей осады Силистріи: этимъ занимается официальная, современная Исторія. Мое дѣло вывести наружу истину, безъ всякаго пристрастія къ кому бы то ни было; а истина, окруженная подробностями, съ добавкою приличныхъ вымысловъ, хотя бы и въ систематическомъ порядкѣ, исчезаетъ въ разсказѣ. Трудовъ, частныхъ подвиговъ, общей и личной неустрашимости было дѣйствительно много. Государь оцѣнилъ это, и всѣ были награждены достаточно.

Какъ мы начали осаду, такъ и продолжали, пренебрегая всѣмъ тѣмъ, чѣмъ на войнѣ пренебрегать не должно. На примѣръ, осажденная крѣпость не была обложена со всѣхъ сторонъ, въ теченіе почти мѣсяца, и отъ того Турки успѣвали

подвозить туда продовольствіе, порохъ, снаряды и даже вводили неоднократно подкрѣпленія, по дорогѣ изъ Шумлы. Говорятъ, что непріятелю всегда нужно оставлять золотой мостъ, для отступленія; но это правило хорошо въ день приступа, а не во время осады, когда непріятель упорствуетъ въ защитѣ, имѣя много надеждъ впереди. По всему было видно, что надъ нами господствовали опасенія на счетъ скорого прибытія Французской арміи и вступленія Австрійцевъ въ Княжества. Для защиты отъ Французовъ строились со всѣхъ сторонъ лагеря полевые укрѣпленія, вооружаемыя осадною артиллеріею, которая совершенно была здѣсь не нужна, а ее, съ большимъ трудомъ, перетаскивали съ осадныхъ батарей, и потомъ опять возвращали на прежнія мѣста, какъ будто бы опасность уже миновалась.

III.

Къ половинѣ Мая окончена была вторая параллель; но все еще не противу крѣпости, а только противу наружныхъ укрѣпленій. Главная атака продолжалась, по прежнему, на Арабскій редутъ. Шильдеръ дѣйствовалъ геройски: его инженерный лагерь былъ далеко впереди всѣхъ другихъ лагерей и ближайшій къ траншеямъ. Примѣръ едва ли не единственный! Онъ обыкновенно выѣзжалъ на работы въ маленькомъ, открытомъ кабриолетѣ, запряженномъ бѣлыми лошадьми, въ бѣлой рубашкѣ, или верхомъ на бѣлой лошади, ни мало не думая, что для непріятеля это была лучшая цѣль. Его можно было упрекнуть только въ неаккуратности, — по канцелярской части. Обыкновенно онъ доставлялъ очень поздно, въ главный штабъ, записки о предположеніяхъ на наступающую ночь и о нарядѣ для того рабочихъ, что чрезвычайно затрудняло своевременную высылку людей отъ войскъ. Не рѣдко приходилось посылать къ нему двухъ и трехъ адъютантовъ; часто, не дождавшись отвѣта, князь Горчаковъ или генералъ Коцебу сами отправлялись въ палатку Шильдера, для полученія сказанныхъ свѣдѣній. Даже фельдмаршалъ, ставившій выше всего въ подчиненныхъ неустрашимость, удостоивалъ Шильдера личнымъ выслушиваніемъ отъ него довольно длинныхъ фантазій. На-

добно сознаться, что покойный Шильдеръ во всемъ увлекался мечтами, но къ сожалѣнію не былъ настоящимъ практическимъ человѣкомъ *); однако же фантазіи его, и прежде и теперь осуждаемыя, особенно людьми одного съ нимъ ремесла, заслуживали не рѣдко вниманія. Жаль только, что, по природной своей вспыльчивости, онъ высказывалъ и защищалъ свои мысли слишкомъ горячо, выходя изъ себя, и предъ младшими, точно также какъ и предъ старшими. Однажды князь Горчаковъ, не дождавшись, по обыкновенію, предположеній и наряда на слѣдующую ночь, самъ постыгилъ его и послѣ жаркаго спора, выходя изъ палатки и садясь на лошадь, сказалъ довольно громко: „это сатана“. Шильдеръ, услышавъ это, выскочилъ изъ палатки въ лагерь, въ одной рубахѣ, съ развѣвающимися отъ вѣтра сѣдыми волосами, и кричалъ въ догонку; „да, я сатана, настоящій сатана!“ Къ счастью такія выходы никогда не имѣли дурныхъ послѣдствій, ибо Шильдеръ, въ спокойныя минуты, былъ человѣкъ самый добрый и покорный подчиненный, а высокое его благородство заставляло старшихъ быть къ нему чрезвычайно снисходительными.

LIII.

Въ ночь съ 16-го на 17-е Мая произошла при осадѣ Силистріи совершенно неожиданная схватка съ непріателемъ, окончившаяся не въ пользу нашу и до сихъ поръ не объяснимая. Но подобныя случаи неизбежны на войнѣ и иногда сопровождаются блестящимъ успѣхомъ, а чаще губятъ слишкомъ предприимчивыхъ смѣльчаковъ, дѣйствующихъ по собственному произволу. Я уже сказалъ, что главная атака наша была ведена противу Арабскаго укрѣпленія и что къ половинѣ Мая была заложена тамъ и вторая паралель. Ближе всѣхъ къ этой

*) Шильдеръ былъ большой защитникъ движущихся столовъ, вѣрилъ отъ души ихъ предсказаніямъ и до того увлекся этимъ, что, передъ самою войною, перешелъ изъ Лютеранской религіи въ Православіе. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что война должна окончиться въ нашу пользу и что о томъ объявилъ ему голосъ Императора Александра Благословеннаго, изъ замогильной жизни.

паралели стояла лагеремъ 8-я пѣхотная дивизія, а потому начальнику оной, генераль-лейтенанту Сельвану, человеку распорядительному и осторожному, поручено было завѣдывать, съ той стороны, всѣми траншейными работами. Помощникомъ у него состоялъ генераль-маіоръ Веселитскій, равномѣрно основательный и лично неустрашимый. На ночь обыкновенно наряжались по очереди въ траншеи флигель-адъютанты Государя, состоявшіе при осадномъ корпусѣ, и адъютанты и ординарцы фельдмаршала и кн. Горчакова, которые, на другой день утромъ, должны были рапортовать о происходившемъ въ ночь, такъ какъ Турки имѣютъ привычку, съ наступленіемъ глубокой темноты, дѣлать вылазки изъ своихъ контршапшей и съ крикомъ алла! и ружейною стрѣльбою подходить къ траншеямъ осаждающихъ. Эти наряды молодыхъ флигель-адъютантовъ, адъютантовъ и ординарцевъ имѣли цѣлю доставить имъ случаи отличиться въ ночныхъ перестрѣлкахъ и приобрести опыты, для будущей ихъ службы.

Я также, по лежавшимъ на мнѣ обязанностямъ, долженъ былъ часто навѣщать траншеи, но не ночью, а обыкновенно послѣ обѣда, или передъ солдатскимъ ужиномъ, дабы удостовѣриться лично, на счетъ продовольствія рабочихъ. Солдатамъ отпускались тогда ежедневно винныя и мясныя порціи, слѣдовательно пища могла быть достаточная; но необходимо было наблюдать со стороны, чтобы отъ безпорядка, или отъ небреженія, не вкрались недостатки, а потомъ и ропотъ на главнѣе начальство. По этому поводу я пріѣзжалъ во вторую паралель и 16-го Мая, передъ вечеромъ видѣлся тамъ съ генералами Сельваномъ и Веселитскимъ, присутствовалъ при отправленіи рабочихъ въ передовыя траншеи, спрашивалъ: не предполагается-ли чего особаго въ ту ночь и, получивъ отвѣтъ, что кажется все пройдетъ спокойно, отправился къ себѣ въ лагерь, въ 9¹/₂ часовъ.

Заснулъ я въ полночь. Рѣдкіе пушечные выстрѣлы продолжались съ обѣихъ сторонъ, но это случалось каждую ночь; ружейной перестрѣлки не было слышно. На разсвѣтъ, прибывшій отъ князя Горчакова казакъ съ запискою разбу-

дилъ меня. Записка на лоскуткѣ бумаги, писанная карандашемъ, была слѣдующаго содержанія: «ночью было дѣло, у насъ много убитыхъ и раненыхъ, генерала Сельвана нельзя отыскать. Присылайте скорѣе сколько возможно фуръ, для перевозки раненыхъ въ госпиталь».

Я едва опомнился отъ удивленія, но тотчасъ же послалъ за генераль-штабъ-докторомъ и приказалъ ему со всеми, бывшими подъ рукою, операторами ѣхать за мной, а повозкамъ подвижныхъ госпиталей слѣдовать немедленно на перевязочный пунктъ, не далеко позади лагеря генерала Шильдера. Черезъ полчаса мы были тамъ. Я нашелъ въ перевязочныхъ палаткахъ и около ихъ до 400 раненыхъ, доставленныхъ отъ Арабскаго укрѣпленія и между ними человекъ 10-ть офицеровъ. Поднять всѣхъ ихъ скоро на повозки не было никакой возможности; но по счастью, перевязочный пунктъ былъ на самомъ берегу Дуная, и тутъ же случились три казенные кирлаши, только что прибывшіе, съ острововъ и изъ Калараша, съ разными инженерными матеріалами и снарядами. Эти кирлаши немедленно были нагружены ранеными и ихъ амунициею; остальные подняты на повозкахъ подвижныхъ госпиталей и полковыхъ.

Все, что я могъ узнать на перевязочномъ пунктѣ, заключалось въ томъ, что ночью траншейная войска, не извѣстно по чьему приказанію, штурмовали Арабское укрѣпленіе, овладѣли имъ съ одной стороны, но были отбиты потомъ, съ большимъ урономъ, и оставили подъ редутомъ болѣе 200 убитыхъ, въ числѣ которыхъ находился и генералъ Сельванъ.

Я поспѣшилъ въ палатку кн. Горчакова съ донесеніемъ, что раненые отправлены въ госпитали, и тутъ уже услышалъ всѣ подробности несчастнаго штурма, котораго наканунѣ никто не могъ предвидѣть.

Дѣло произошло такимъ образомъ. Уже два или три дни какъ огонь съ Арабскаго укрѣпленія сдѣлался гораздо слабѣе, а непріятель вовсе оттуда не показывался. По этому, въ ночь въ 16-го на 17-е Мая, приказано было полковнику

гвардейской конной артиллеріи, Костандъ, съ баталіономъ Замосцькаго егерскаго полка, эскадрономъ уланъ и двумя орудіями, подойти къ неприятелю и стараться, фальшивою атакою, привлечь на себя огонь. Генералу Сельвану дано знать о томъ, для свѣдѣнія. Расчитывая, что Турки, занявшись фальшивою атакою полковника Костанды, оставятъ на эту ночь въ покоѣ наши траншеи, Сельванъ счелъ даже возможнымъ, для облегченія войскъ, уменьшить ночной резервъ и направилъ въ лагерь бригаднаго командира генераль-маіора Попова, съ половиною его бригады.

Около полуночи отрядъ полковника Костанды приблизился къ Арабскому укрѣпленію, съ лѣваго фланга 2-й паралели. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, ружейная пальба и крикъ баталіона не вызвали однакоже огня, со стороны Турокъ. Въ неприятельскомъ окопѣ сохранялась мертвая тишина; это дало поводъ думать, что гарнизонъ вовсе удалился оттуда. Молодые люди, изъ главной квартиры, находившіеся въ траншеяхъ, тотчасъ обратились къ генералу Сельвану, съ предложеніемъ занять брошенное неприятельское укрѣпленіе. Онъ долго колебался, но его уговорили пригласить по крайней мѣрѣ полковника Костанду, чтобы удостовѣриться, что предложеніе вовсе не опасно, и обѣщаетъ совершенный успѣхъ. Костанда немедленно явился и подтвердилъ, что неприятель вовсе не показывался изъ укрѣпленія и, по видимому, съ наступленіемъ ночи, не считая возможнымъ продолжать защиту, отступилъ далѣе, въ свои контръ-апроши. Сельванъ дѣйствительно былъ человекъ осторожный, умѣлъ сохранять дисциплину между своими подчиненными; но, по несчастію, былъ весьма угодливъ въ отношеніи всѣхъ лицъ главной квартиры, особенно если эти лица принадлежали къ знатнымъ фамиліямъ. Предложеніе молодежи увлекло его, а мысль выставить себя въ глазахъ ихъ трусомъ окончателно заставила согласиться на произвольное предпріятіе.—Приказавъ траншейнымъ войскамъ строиться къ атакъ, а отряду полковника Костанды подкрѣплять штурмъ, Сельванъ однакоже далъ знать о томъ генераль-маіору Попову, съ тѣмъ, чтобы

онъ тотчасъ же привелъ назадъ баталіоны, отпущенные въ лагерь. Въ это время явился генераль-маіоръ Веселитскій, не участвовавшій въ совѣщаніи. Но какъ приступъ былъ уже рѣшенъ и не представлялось возможности остановить его, не подвергая сомнѣнію личной своей храбрости, то ему оставалось только присоединиться къ прочимъ.

Штурмъ Арабскаго укрѣпленія начался, кажется, за часъ до разсвѣта. Смѣло и съ полною увѣренностію, войска наши приблизились къ окопу, безъ выстрѣла перескочили ровъ, и многіе передѣзли чрезъ амбразуры; но лишь только они успѣли въ торопяхъ заклепать нѣсколько орудій, какъ Турки бросились на нихъ изъ ямъ, въ которыхъ скрывались и днемъ и ночью отъ нашего огня. Началась рукопашная схватка, въ темнотѣ. При такой неожиданности и потерѣ въ первую минуту многихъ офицеровъ, нельзя было устроить никакого порядка въ малочисленной толпѣ храбрецовъ, которые успѣли ворваться въ укрѣпленіе; новыя колонны наши подходили, съ тою-же увѣренностію, но непріятель уже встрѣчалъ ихъ ружейнымъ огнемъ. Въ это время послышался въ атакованномъ редутѣ сигналъ къ отступленію. Храбрѣйшіе бросились уносить раненыхъ товарищей; колонны повертели назадъ, а непріятель, пользуясь этимъ, усилилъ свой огонь и съ дерзостію преслѣдовалъ отступавшихъ. Слишкомъ 200 тѣлъ остались около окопа. Въ числѣ раненыхъ находились генераль-лейтенантъ Сельванъ, генераль-маіоръ Поповъ, полковникъ Костандъ, два баталіонные командира, нѣсколько офицеровъ и флигель-адъютантъ, молодой князь Орловъ, сынъ шефа жандармовъ и нынѣшняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Тѣло Сельвана брошено на полѣ битвы, потому что его не могли вынести два унтеръ-офицера, состоявшіе ассистентами при своемъ начальникѣ и также тяжело раненые. Въ то же утро заключено на нѣсколько часовъ перемиріе, для погребенія убитыхъ. Турки охотно на это согласились, ибо многіе и изъ нихъ пали за окопомъ, а наши ловкіе стрѣлки, засѣвшіе въ ближайшихъ траншеяхъ, не позволяли никому показываться изъ укрѣпленія. Сверхъ того непріятель опасался, что по

чрезвычайному тогда зною разложеніе труповъ, лежавшихъ на солнцѣ, у самага редута, заразить воздухъ и заставить гарнизонъ бросить оборону.

Тѣло Сельвана съ трудомъ отыскано. Сколько могу припомнить, онъ, кажется, былъ обезглавленъ; по крайней мѣрѣ узнали его трупъ только по остаткамъ тонкой рубашки и бѣлизнѣ кожи. Похороненъ онъ однакоже съ приличною воинскою почестью, въ Каларашѣ, на церковномъ кладбищѣ.

Ночное происшествіе, столь гибельное для насъ, требовало изслѣдованія. Слѣдователемъ назначенъ генераль-лейтенантъ Гротенгельмъ, но кого спрашивать?? Главный начальникъ убить, старшіе по немъ, командовавшіе частями, были тяжело ранены, а нѣкоторые также пали. Розысканіе кончилось ничѣмъ, и виновники предоставлены суду Божию. — Я старался частнымъ образомъ выпытать истину у участниковъ ночнаго предпріятія, но до сихъ поръ не могъ узнать ничего опредѣлительнаго; объ одномъ все говорили согласно, что Арабское укрѣпленіе могло быть взято нами въ ту же ночь, еслибъ не подали сигнала къ отступленію. Но кто его подалъ? Всего ближе думать, что Турки умышленно это сдѣлали, ибо подобныя хитрости, съ ихъ стороны, бывали не рѣдко и въ прежнихъ войнахъ.

LIV.

Несчастіе, какъ говорятъ, никогда не приходитъ одно: въ тотъ же самый день, т. е. 16-го Мая, случилась печальная катастрофа и въ отрядѣ генераль-лейтенанта Липранди. Отрядъ этотъ отступилъ тогда изъ Краіова къ Слатину, на обратномъ пути въ Букарестъ. Турки слѣдовали за нимъ на правомъ флангѣ, придерживаясь Дуная. Офицеръ генеральнаго штаба, посланный съ сотней казаковъ на рекогносцировку, донесъ, что за рѣкою Ольтицею по направленію на Бранковени и Каракулъ ¹⁾ находится Турецкій отрядъ изъ 4 т. конницы; но подойти къ нему ближе онъ не рѣшился, встрѣтивъ на дорогѣ

¹⁾ Каракулъ, отъ имени Римскаго Императора Карагалы, съ небольшимъ въ 20-ти верстахъ отъ Слатина.

болотистую рѣчку Тезлуй. Дабы удостовѣриться точнѣе въ силѣ непріятеля и, буде возможно, атаковать и разбить его, генераль-лейтенантъ Липранди назначилъ новую рекогносцировку изъ 6-ти эскадроновъ Александрійскаго гусарскаго полка, съ 4-мя конными орудіями и сотнею казаковъ. Начальнику 5-й легкой кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенанту Фишбаху, приказано было поручить этотъ незначительный отрядъ полковому командиру, или старшему по немъ опытному штабъ-офицеру; но полковой командиръ, гр. Алопеусъ, былъ въ то время боленъ, и отрядъ порученъ недавно прибывшему въ армию, изъ Петербурга, полковнику Карамзину. Узнавъ объ этомъ, генераль Липранди замѣтилъ, что считаетъ не совсѣмъ благонадежнымъ ввѣрить экспедицію Карамзину, хотя вполне достойному человѣку, однакоже неопытному еще на войнѣ и не совершенно ознакомившемуся съ полкомъ. Но ближайшее начальство донесло, что штабъ-офицеръ этотъ, старшій послѣ полковаго командира, имѣетъ хорошую репутацію, и нѣтъ причины не полагаться на него, не оскорбляя прямо его чести.

И такъ, отрядъ выступилъ утромъ, по направленію къ непріятелю и, перейдя въ бродъ Ольту и Ольтицу, достигнулъ благополучно болотистой рѣчки, или правильнѣе ручья, Тезлуй, гдѣ, согласно даннаго приказанія, слѣдовало бы ему остановиться и отправить далѣе казачью партію, для открытія непріятеля. Но увлекаемый храбростію и руководимый болѣе самонадьянностію, нежели благоразуміемъ, Карамзинъ рѣшился оставить за собою болотистый ручей и смѣло двинулся, со всѣмъ отрядомъ, впередъ, на рысяхъ, надѣясь застать Турокъ въ расплохъ и не дать имъ опомниться. Вышло совершенно противное. Непріятель былъ остороженъ и ждалъ приближенія нашихъ войскъ. Не смотря на это, Карамзинъ, подойдя на близкое разстояніе, командовалъ къ атакѣ, хотя позади его, въ рядахъ гусаръ, уже слышались неодобрительные голоса. Атака, какъ и слѣдовало ожидать, была отбита, ибо Турки были въ пятеро многочисленнѣе, и въ то же время густыми толпами обогнули

оба фланга нашего небольшого отряда. Началось отступление, поддерживаемое картечными выстрѣлами нашихъ 4-хъ орудій; но оно продолжалось въ порядкѣ только до тѣхъ поръ, пока гусары не были притѣснены тыломъ къ болотистому ручью. Надлежало думать прежде всего о спасеніи артиллеріи; но большая часть людей и лошадей, при орудіяхъ, были уже перебиты, и всѣ усилія переташить пушки чрезъ болото остались тщетными: онѣ попали въ руки непріятеля, вмѣстѣ съ двумя зарядными ящиками. Карамзинъ и два обер-офицера были убиты, 16-ть офицеровъ ранены, а нижнихъ чиновъ вышло изъ строя 104 человека, т. е. почти пятая часть отряда. Остальнымъ, подъ начальствомъ старшаго подполковника Дика, удалось перебраться чрезъ болото и возвратиться къ Слатину, не смотря на жаркое преслѣдованіе.

Утромъ на другой день, генералъ-лейтенантъ Липранди лично двинулся къ Каракулу, надѣясь застать Турокъ еще на мѣстѣ, или перерѣзать имъ дорогу; но они, въ ту же ночь, успѣли отступить на Краіово, довольные своими трофеями.

Извѣстіе объ этомъ несчастномъ происшествіи доставлено къ намъ въ главную квартиру, кажется, 18-го Мая. Въ тотъ день, рано утромъ, выйдя изъ палатки, я замѣтилъ гусарскаго офицера, не принадлежавшаго войскамъ, осаждавшимъ Силистрію. На вопросъ мой, не имѣетъ ли онъ какого дѣла, офицеръ отвѣчалъ съ таинственнымъ видомъ, что присланъ въ главную квартиру съ донесеніемъ о неудачной сшибкѣ съ непріятелемъ; но при томъ ему поручено приготовить, чрезъ кого либо, главнокомандующаго къ выслушанію официальнаго рапорта. Разумѣется я не взялся за это, а приказалъ ему тотчасъ же явиться къ князю Горчакову и доложить, безъ всякихъ околичностей, все, съ чѣмъ онъ присланъ.—Фельдмаршалъ былъ очень недоволенъ безразсудною отвагою Карамзина и ея пагубными слѣдствіями; и въ то же время сдѣлалъ на бумагѣ строгое замѣчаніе генералу Липранди, хотя сей послѣдній, какъ я упомянулъ выше, желалъ предупредить опасный случай; но на вой-

нѣ собственное убѣжденіе начальника большею частію вѣрнѣе всѣхъ другихъ мнѣній. Вотъ два разительные примѣра.

Говорятъ, что Карамзинъ не былъ убитъ на мѣстѣ сраженія; но тяжело раненый, попался въ плѣнъ и потомъ обезглавленъ, по приказанію начальника Турецкаго отряда, за весьма смѣлый съ нимъ разговоръ.

Супруга Карамзина, извѣстная въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ своею красотою, любезными качествами и богатствомъ, старалась выручить тѣло мужа, для приличнаго погребенія въ Россіи; но во время войны, а особенно по выходѣ нашемъ изъ Княжествъ, трудно было удовлетворить справедливому жаланію огорченной супруги. Вмѣстѣ съ тѣломъ Карамзина осталось тогда же въ рукахъ непріятеля тѣло молодого юнкера князя Голицына. Мать этого прекраснаго юноши, княгиня, обращалась также письменно къ князю Горчакову, съ подобною же просьбою; но и ей посланъ отвѣтъ, что до окончанія войны не представляется никакой возможности отыскать и вывезти въ Россію тѣло ея сына. Былъ ли успѣхъ потомъ, не знаю.

LV.

Осада Силистріи продолжала подвигаться впередъ, хотя безъ большаго успѣха, но энергически, сколько то зависѣло отъ Шильдера и неутомимой бодрости войскъ. Къ несчастію, фельдмаршалъ, по прежнему, былъ озабоченъ опасеніями на счетъ скорого появленія Французовъ и Австрійцевъ, на театръ войны. Отъ этаго, всѣ распоряженія подъ Силистріей носили на себѣ отпечатокъ какой-то непостижимой нерѣшимости: осадную артиллерію то ставили на батареи противу крѣпости, то отвозили, для вооруженія нашихъ лагерныхъ укрѣпленій, а чрезъ нѣсколько дней опять возвращали на прежнее мѣсто, занятое, между тѣмъ полевыми орудіями гораздо меньшаго калибра, которыя вовсе не могли состязаться съ крѣпостною артиллеріею и разумѣется теряли только напрасно свои выстрѣлы, или должны были молчать, чтобы не обратить на себя слишкомъ несоразмѣрнаго непріятеля.—Я

приведу здѣсь одно лишь доказательство, до какой степени у насъ сближали въ воображеніи скорое прибытіе Французовъ. 21-го Мая мы обѣдали въ палаткѣ главнокомандующаго, на правомъ берегу Дуная. Обѣдающихъ было всего 15-ть челов. Разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому; но вдругъ фельдмаршалъ, послѣ нѣкотораго молчанія, спросилъ: которое сего дня число? и когда ему отвѣчали 21-е, то, обращаясь къ князю Горчакову, онъ продолжалъ: «да, мало намъ остается времени, 25-го Французкія войска подойдутъ къ Силистріи». Между тѣмъ, по самымъ позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, было извѣстно, что въ то время Французы успѣли отправить изъ Варны къ Шумлѣ только одинъ баталіонъ саперъ, для разработки дороги! *)

LVI.

Не смотря на усилія инженеровъ нашихъ, осадныя работы подъ Силистріей, въ концѣ Мая, все-еще не обѣщали скорого успѣха и ограничивались атакою на Арабское укрѣпленіе, а частію на ближайшіе къ нему редуты: Змѣиный и Песчаный. Въ самой крѣпости дѣйствительно произведено было много разрушеній, но преимущественно съ батареей нашихъ, устроенныхъ на острову, называемомъ Малый Голой, которыя дѣйствовали болѣе при наступленіи темноты, производя въ городѣ частые пожары. Въ одну изъ таковыхъ бомбардировокъ убитъ Силистрійскій комендантъ, Мусса-Паша; на мѣсто его немедленно присланъ Гуссейнъ-Паша, а съ нимъ вошло въ крѣпость и довольно значительное подкрѣпленіе.

Непріятель почти ежедневно дѣлалъ ночныя вылазки, изъ своихъ контръ-апрошей, и упорно защищалъ тѣ мѣста, гдѣ мины наши производили огромные взрывы, для закладки новыхъ траншей. Любопытно было видѣть, какія гигантскія сооруженія приходилось дѣлать для того, чтобъ выиграть вне-

*) Но изъ книги Базанкура видно, что это извѣстіе перемѣшали съ другимъ, именно: въ головѣ 2-й Французской дивизіи, выступившей изъ Галиполи въ Константинополь для посадки на суда, былъ отправленъ 19/22 Мая баталіонъ егерей, а не саперъ, для разработки дорогъ до Радосто.

реди нѣсколько саженой. Но всѣ эти труды и опасности оставались безплодными потому, что даже въ концѣ Мая крѣпость не была еще обложена со всѣхъ сторонъ, и слѣдовательно непріятель свободно получалъ всякаго рода поддержку *). Какъ ни были безпечны Турки, но гарнизонъ имѣлъ продовольствіе; затрудненіе встрѣчалось только въ перемолѣ хлѣба, ибо мельницы на Дунаѣ почти всѣ были уничтожены нашею артиллеріею. Правда отъ осадныхъ войскъ посылались по временамъ отряды, для открытія непріятеля, преимущественно по дорогѣ на Шумлу; но это не могло остановить доставленія въ крѣпость всякаго рода запасовъ, и даже присылки войскъ. Преданные намъ, окрестные жители, Болгары, старались во всѣхъ случаяхъ доказать Русскимъ, какъ своимъ единовѣрцамъ, безпредѣльное усердіе: они каждый день привозили къ осаждающимъ войскамъ сѣно, траву, зерновой фуражъ, хлѣбъ, барановъ, домашнюю птицу, молоко и яйца и продавали все это по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Многимъ изъ нихъ, по собственной ихъ просьбѣ, выдавался порохъ, патроны, пули и оружіе,—но какое? кремневая ружья, тяжелые пистолеты и кавалерійскія сабли, изъ запаса, который, какъ я сказалъ прежде, былъ доставленъ изъ Россіи, для снабженія волонтеровъ. Съ этимъ вооруженіемъ, при помощи посылаемыхъ къ нимъ охотниковъ Грековъ, Сербовъ, Молдаванъ и Валаховъ, они не только успѣвали защищать свои деревни отъ Турецкихъ партій, но по лѣсамъ ловили непріятельскихъ мародеровъ и бѣглыхъ изъ Россіи раскольниковъ, служившихъ казаками въ Турціи. Они же сообщали намъ и довольно вѣрныя свѣдѣнія о непріятель. Эти услуги Болгаръ были сопряжены иногда съ большою для нихъ опасностію; но они такъ вѣрили въ скорое освобожденіе отъ Турецкаго ига, что безрасчетливо предавались влеченію къ Россіи и, по несчастію и въ этотъ разъ, надежды ихъ также не оправдались, не смотря на пресловутую

*) Французскіе офицеры, посланные въ Силистрію, всегда успѣвали проникнуть туда даже въ концѣ осады и лично доставляли своему главнокомандующему извѣстія о положеніи сей крѣпости; по ихъ словамъ, нашъ осадный корпусъ простирался отъ 60 до 72 т.

эмансипацію христіанъ въ Турціи, столь прославляемую западными журналистами. Мудрено, чтобы Мусульмане, заклятые враги христіанства, добровольно отказались отъ исключительнаго своего деспотства, въ Европейской Турціи. Всѣ ихъ филантропическія мѣры ограничиваются султанскими фирманами, вліяніе которыхъ очень рѣдко распространяется далѣе Константинополя *).

LVII.

28-го Мая фельдмаршалъ предпріялъ лично большое обозрѣніе Силистріи, съ южной стороны, гдѣ еще не было рекогносцировокъ. Для этого рано утромъ, выступили изъ лагѣря нашего къ сел. Калопетри 31 баталіонъ пѣхоты, 32 эскадрона, 8-мь сотенъ казаковъ и 100 орудій. Остановивъ эти войска впереди селенія, за горною покатостію, князь Варшавскій, съ свитою своею и коннымъ конвоемъ, выѣхалъ на высоты, откуда весьма ясно обозначилось предъ нами укрѣпленіе Абдуль-Меджидъ, съ развѣвавшимся на немъ Султанскимъ флагомъ, почти вся южная сторона крѣпости и впереди ея довольно большой лагерь Турецкой кавалеріи, толпы которой тотчасъ же начали обходить нашъ лѣвый флангъ. По нимъ открытъ огонь изъ батарей, поставленныхъ впереди сел. Калопетри. Турки отвѣчали намъ такою же пальбою съ Абдуль-Меджида и съ крѣпостныхъ стѣнъ; но ядра и гранаты ихъ или не долетали, или ложились гораздо далѣе. Когда толпы непріятели увеличались на нашемъ лѣвомъ флангѣ, такъ что можно было полагать въ нихъ отъ 4-хъ до 5 т. челов., фельдмаршалъ приказалъ генераль-лейтенанту Хрулеву атаковать ихъ, съ бригадою уланъ, казаками и конною артиллеріею. Турки не дождались рѣшительной встрѣчи и поспѣшно повертели къ крѣпости. Уланы едва успѣли изрубить нѣсколько десятковъ непріяельскихъ кавалеристовъ и захвати-

*) Въ журналахъ не рѣдко встречаемъ выраженіе: „Турція—законная повелительница завоеванныхъ въ Европѣ провинцій.“ Эти господа забыли, что подобными приговорами они обрекаютъ милліоны Христіанъ на всегдашнее рабство Магометанамъ.

ли одно знамя. Потеря наша, въ этой схваткѣ, состояла изъ одного убитаго и трехъ раненыхъ оберъ-офицеровъ, а изъ нижнихъ чиновъ убито 12-ть и ранено 18-ть.

Окончивъ обзорѣніе съ высотъ, фельдмаршалъ повернулъ обратно къ сел. Калопетри; но Турки, видя огромную свиту и конвой, его окружавшій, провожали насъ частыми выстрѣлами съ Абдуль-Меджида. Въ ту минуту, когда главнокомандующій проѣзжалъ вдоль батарей нашихъ, одно непріятельское ядро упало у самыхъ ногъ его лошади. Бывшіе тутъ близко думали, что фельдмаршалъ раненъ, ибо лошадь подъ нимъ сдѣлала сильный прыжокъ; но въ первую минуту ни раны, ни даже боли отъ контузіи не оказалось и все ограничилось тѣмъ, что онъ, достигнувъ изгородьевъ сел. Калопетри, слѣзъ съ лошади, чтобы продолжать оттуда обзорѣніе Абдуль-Меджида, въ зрительную трубу.

Вскорѣ былъ поданъ на травѣ походный завтракъ. Большая часть свиты приняла въ немъ участіе. Фельдмаршалъ былъ веселъ и разговаривалъ со всѣми. При этомъ я первый предложилъ осмотрѣть на правомъ боку мѣсто, гдѣ можно было предполагать контузію отъ непріятельскаго ядра. Фельдмаршалъ сначала на это не согласился; но когда князь Горчаковъ, генералъ Коцебу и другіе посовѣтовали тоже, то осмотръ медика тотчасъ былъ сдѣланъ, и всѣ удостовѣрились, что дѣйствительно знака на тѣлѣ никакого не замѣтно. Впрочемъ, присутствующіе, кто имѣлъ на это право, тутъ же упростили фельдмаршала сѣсть въ коляску и возвратиться въ Каларашъ, дабы скорѣе взять отдыхъ, тѣмъ болѣе, что вечеръ уже сближался и рекогноцировка кончилась. Немедленно, послѣ отъезда главнокомандующаго, князь Горчаковъ приказалъ войскамъ отходить въ свои лагери, что они исполнили, безъ всякаго препятствія со стороны непріятеля.

LVIII.

На другой день утромъ я получилъ отъ молодаго Панютина записку, чтобы прислать къ фельдмаршалу лучшихъ хирурговъ, перевязочныхъ припасовъ и другихъ медицинскихъ

средствъ, ибо вчерашняя контузія не осталась безъ дурныхъ послѣдствій; при чемъ онъ добавилъ, что всѣ пріѣзжаютъ осведомляться о здоровьи главнокомандующаго, и что и мнѣ не мѣшало бы тотчасъ это сдѣлать. Я удивился такой неожиданной перемятѣ и поспѣшилъ въ Каларашъ. Вошедъ въ комнату фельдмаршала, я нашелъ его въ постелѣ, съ лицомъ страдающимъ. На вопросъ мой о здоровьи, онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ сильную боль отъ контузіи, и что вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему возвратилась старинная Молдавская лихорадка, которая еще болѣе его беспокоитъ. Въ слѣдующіе два дня личныя осведомленія мои продолжались, съ точностію. На третій день, когда я вошелъ въ комнату, передъ спальнею больнаго, встрѣтили меня радостныя лица его свиты; отъ этихъ приближенныхъ я узналъ, что фельдмаршалъ рѣшился отъѣхать, на нѣсколько времени, въ Яссы, такъ какъ Каларашъ дѣйствительно не представлялъ никакихъ удобствъ къ лѣченію. Въ самомъ дѣлѣ, отъѣздъ не замедлился, и князь Г'орчаковъ остался непосредственнымъ начальникомъ осады, которая впрочемъ продолжалась по той же системѣ, съ одною только перемятною, что начали чаще посылать войска, для отрѣзанія сообщеній крѣпости, а наконецъ поставили даже два отряда, одинъ подъ командою генераль-лейтенанта Павлова, съ восточной, а другой, подъ командою генераль-маіора князя Бебутова, съ южной стороны Силистріи, такъ что гарнизонъ съ тѣхъ поръ лишился всякой помощи.

Но, предпринимая болѣе рѣшительныя дѣйствія противу осажденной крѣпости, мы въ то же время не покидали мысли, что осада должна окончиться отступленіемъ нашимъ. По крайней мѣрѣ заблаговременно приготовлялся у насъ въ тылу, верстахъ въ 10-ти отъ лагеря, новый мостъ на Дунаѣ, гдѣ рѣка эта, раздѣляясь только на два рукава, образуетъ пространный островъ, называемый Тильхія, и гдѣ переправа при отступленіи представляла гораздо болѣе удобствъ, нежели прямо противъ лагеря осаднаго корпуса. Мѣсто это было выбрано еще самимъ фельдмаршаломъ, и тамъ тогдаже приступили къ постройкѣ мостовъ и возведенію тетъ-де-пона, съ осо-

бымъ редутомъ, на высотахъ праваго берега Дуная. Разумѣется, всѣмъ этимъ приготовленіямъ старались дать другое значеніе; но въ главной квартирѣ трудно было скрыть настоящую цѣль.

LIX.

Провидѣніе вѣроятно не хотѣло допустить, чтобы пылкій и храбрый Шильдеръ былъ свидѣтелемъ своихъ бесплодныхъ трудовъ. Смерть падила его среди многихъ опасностей; но передъ вечеромъ 1-го Іюня, при осмотрѣ траншей, непріятельская граната осколкомъ раздробила ему ту самую ногу, въ которой слишкомъ 25-тъ лѣтъ онъ носилъ уже пулю, послѣ предшествовавшей Турецкой войны. Новое поврежденіе кости было столь значительно, что тотчасъ же признано необходимымъ отнять правую ногу. Операцию эту Шильдеръ перенесъ геройски, а на другой день онъ отправленъ на пароходъ въ Каларашъ, гдѣ прожилъ нѣсколько дней и погребенъ недалеко отъ Сельвана. Во время болѣзни, онъ настоятельно просилъ, чтобы его положили въ той комнатѣ, откуда видна была осажденная крѣпость, и безпрестанно повторялъ, что если только немного оправится, то Силистрія не уцѣлветъ. Но въ этихъ словахъ былъ уже замѣтенъ бредъ воспалительной горячки, которую въ его лѣта было трудно перенести *), хотя ампутація, въ самомъ началѣ, не внушала большихъ опасеній. Миръ праху его и честь его имени!

LX.

Должность начальника инженеровъ, по смерти Шильдера, перешла къ старшему по немъ, генералъ-лейтенанту Бухмейру, человѣку также достойному, менѣе можетъ быть находчивому и изобрѣтательному; но за то болѣе практическому въ инженерномъ искусствѣ и точному исполнителю приказаній начальства, — качество необходимое въ военной службѣ, даже и при самыхъ большихъ дарованіяхъ.

*) Кажется, Шильдеру было подъ 70 лѣтъ.

Тѣнь Шильдера могла успокоиться: преемнику его не удалось также быть свидѣтелемъ паденія Силистріи, хотя участь ея едва ли висѣла не на волоскѣ.

LXI.

Въ первой половинѣ Іюня, осадныя работы наши подведены были къ наружнымъ, отдѣльнымъ окопамъ столь близко, что князь Горчаковъ призналъ возможнымъ взять формальнымъ приступомъ укрѣпленія: Арабское и Песчаное. Для этого, 8-го числа утромъ, сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія и назначены отъ войскъ штурмовыя колонны *); самый же приступъ рѣшено произвести на разсвѣтъ 9-го числа. Князь Горчаковъ лично объявилъ, кому слѣдовало, всѣ необходимыя передъ штурмомъ наставленія, и добавилъ, что самъ съ 9-ти часовъ вечера проведетъ ночь въ траншеяхъ, куда частныя начальники могутъ присылать адъютантовъ, для разрѣшенія всякаго рода новыхъ вопросовъ. Движеніе на штурмъ должно было начаться по сигналу ракеты, но не прежде, какъ всѣ наши батареи откроютъ огонь.

Обязанный заблаговременно приготовить помѣщенія въ госпиталѣ для раненыхъ, я испросилъ у главнокомандующаго дозволенія отъѣхать въ Каларашъ, съ тѣмъ, чтобы присоеди- ниться къ его свитѣ, не позже какъ за два часа до приступа. Распоряженія по этой части задержали меня въ Каларашъ до самаго вечера: надлежало отправить при себѣ въ Браиловъ и Галацъ два транспорта съ больными, водою по Дунаю и сухо- путно. Возвратился я въ свою палатку въ 9½ часовъ вечера и занялся окончаніемъ накопившихся въ тотъ день бумагъ, по моей части. Въ половинѣ 11-го часа мнѣ доложили, что прибылъ курьеръ изъ Яссы: это былъ адъютантъ князя Варшавскаго, гвардіи ротмистръ Протасовъ. Онъ тотчасъ же объ- яснилъ, что прибылъ экстренно, съ приказаніемъ немедленно снять осаду и перейти со всѣми силами на лѣвый берегъ Ду-

*) Въ одну изъ передовыхъ колоннъ князь Горчаковъ назначилъ полкъ, носившій его имя.

ная. Столь важная отмѣна, не за долго до приготовленнаго штурма, требовала отправить курьера какъ можно поспѣшнѣ къ главнокомандующему, въ траншеи, съ приличнымъ казачьимъ конвоемъ, такъ какъ отъ моей палатки, съ острова Большой Голой, надлежало проѣхать туда еще около 4-хъ верстъ, въ темную дождливую ночь, поднявшись съ начала на высокія крутизны праваго берега Дуная.

Протасовъ явился къ главнокомандующему около полуночи, а приказаніе объ отмѣнѣ приступа нѣкоторымъ войскамъ успѣли получить только за четверть часа до ракеты.

Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя было не видѣть особаго промысла свыше о сохраненіи можетъ быть не одной тысячи храбрыхъ, тѣмъ болѣе, что потеря ихъ была бы совершенно напрасная. Окопы могли быть взяты; но осаду, во всякомъ случаѣ, слѣдовало прекратить, ибо приказаніе было основано на высочайшей волѣ.

Но вотъ, что любопытно! Вмѣстѣ съ оѣциальною бумагою о снятіи осады, князь Горчаковъ получилъ отъ фельдмаршала и частное письмо, которое начиналось слѣдующими строками: «Желаніе наше, любезный князь, исполнилось: Государь приказалъ прекратить осаду Силистріи и отвести войска на лѣвый берегъ Дуная». Если изъ этихъ словъ нельзя вывести никакого особаго заключенія, то по крайней мѣрѣ, видно, что Государю продолжали представлять объ опасности, которой подвергается осадный корпусъ, ибо и въ донесеніяхъ съ 28-го Мая *) было уже помѣщено свѣдѣніе, что непріятель успѣлъ сосредоточить въ Шумлѣ около 100 т. войскъ, а гарнизонъ Силистріійскій показанъ въ 20 т., хотя все это не согласовалось съ истиною.

LXII.

Съ 9-го Іюня начались распоряженія къ снятію осады Силистріи; но, дабы вдругъ не обнаружить этого предъ непріятелемъ, цѣлый день производились въ траншеяхъ фальшивыя ра-

*) См. Сборникъ извѣстій, относящихся до войны, отдѣлъ II. Дунайская армія.

боты, а ночью осадная артиллерія, замѣненная вездѣ полевыми орудіями, свезена на лѣвый берегъ Дуная, посредствомъ канонерскихъ лодокъ и наемныхъ судовъ. 10-го числа съ канонерскихъ лодокъ и изъ оставшихся въ траншеяхъ полевыхъ орудій весь день стрѣляли по крѣпости; ночью же все, безъ изъятія, было тихо выведено и вывезено изъ траншей, подъ ближайшимъ распоряженіемъ генераль-маіора Веселитскаго; оставлены только сильные резервы въ первой паралели, на случай внезапной вылазки Турокъ.

11-го числа, на разсвѣтъ, непріятель, не видя отъ насъ пальбы, выслалъ изъ своихъ окоповъ партіи, для осторожнаго обозрѣнія. Отступленіе тогда только было открыто, и толпы Турокъ бросились съ любопытствомъ и удивленіемъ осматривать осадныя работы. Говорятъ, что бывшіе между ними Европейцы сняли даже на планъ эти сооруженія, для одной изъ журнальныхъ иллюстрацій. Кто-то изъ нашихъ остряковъ, очевидцевъ, рассказывалъ тогда, что Турки, увидѣвъ брошенныя нами огромныя насыпи и глубокіе рвы, подняли громкій, единодушный хохотъ. Въ самомъ дѣлѣ, все, что было вскопано и вырыто, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, представляло цѣлый лабиринтъ гигантскихъ трудовъ. Но за то, надобно сказать правду, эти сооруженія сберегли намъ много крови. Вся потеря наша при осадѣ состояла убитыми изъ 77 нижнихъ чиновъ; ранено и контужено 3 генерала, до 30-ти штабъ и оберъ-офицеровъ и 336 нижнихъ чиновъ, не включая въ это число уронъ, понесенный нами въ ночь съ 16-го на 17-е число, при несчастномъ штурмѣ Арабскаго укрѣпленія. Убыль людей у непріятели была несравненно значительнѣе. Въ крѣпости сожжена нашими бомбами одна казарма и взорванъ пороховой погребъ.

LXIII.

12-го Іюня употреблено на разведеніе ненужныхъ намъ мостовъ, служившихъ для сообщенія осаднаго корпуса съ Каларашемъ и съ батареями на островахъ, а также на отправленіе обозовъ и части войскъ къ переправѣ, избранной въ тылу, у острова Тильхія, куда 13-го числа утромъ князь Гор-

чаковъ выступилъ съ остальными частями, подъ прикрытіемъ арріергарда, порученнаго генераль-лейтенанту Хрулеву и состоявшаго изъ одной бригады 15 пѣхотной дивизіи, бригады уланъ и казаковъ. Начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ Коцебу, генераль-квартирмейстеръ Бутурлинъ и я остались на короткое время при арріергардѣ, чтобы видѣть, не будетъ ли преслѣдованія. Здѣсь мы имѣли случай убѣдиться въ замѣчательной неловкости храбраго генерала Хрулева, распорядиться въ полѣ войсками. Онъ, во первыхъ, не зналъ даже, въ какомъ направленіи мы отступаемъ, хотя объ этомъ отдано было, наканунѣ, словесное приказаніе, и дѣлалъ всѣ движенія для прикрытія моста, который уже начинали разводить, обращая такимъ образомъ правый флангъ свой къ крѣпости, и во вторыхъ строилъ кавалерію развернутымъ фронтомъ, ставя конную артиллерію на флангахъ, подъ прикрытіемъ одного взвода. Каждый военный легко пойметъ, какъ эти ошибки могли быть намъ вредны, если бы непріятель сдѣлалъ быструю кавалерійскую вылазку изъ Силистріи; но къ счастью этого не случилось, а между тѣмъ генераль-адъютантъ Коцебу личнымъ указаніемъ исправилъ беспорядокъ и далъ точныя наставленія, какъ слѣдуетъ поступать арріергарду, прикрывающему отступление. — Вообще, кстати здѣсь замѣтить, что генераль-лейтенантъ Хрулевъ, при своей неоспоримой отважности, не имѣлъ хорошихъ теоретическихъ свѣдѣній въ военномъ ремеслѣ. Но его можно оправдывать тѣмъ, что въ короткое время, т. е. не болѣе какъ въ 4 года, онъ, изъ полковничьяго чина и званія командира конной артиллерійской бригады, произведенъ въ генераль-лейтенанты. Это былъ по преимуществу партизанъ, а не начальникъ большаго отряда.

LXIV.

Неожиданное отступление наше чрезвычайно встревожило окрестныхъ жителей, Болгаръ, изъявлявшихъ столько усердія Русскимъ: они справедливо опасались мщенія со стороны Силистрійскаго гарнизона, и потому нѣсколько ближайшихъ

деревень обратились съ просьбою къ главнокомандующему дозволить имъ переправиться вмѣстѣ съ нами. По данному разрѣшенію прибыли къ мосту, на подводахъ, не одна 1000 семействъ, со всѣмъ, что они имѣли. Горестно было видѣть стариковъ, старухъ и молодыхъ женщинъ, съ малолѣтними и грудными дѣтьми, бросающихъ свою родину, чтобы отдаться неизвѣстной будущности; но страхъ, внушаемый имъ озлобленными Турками, заставлялъ ихъ забывать все. Нѣсколько часовъ предоставлено было перехода этихъ семействъ чрезъ мостъ, съ ихъ стадами. Въ три ряда тянулись подводы; не смотря на то, стремленіе было такъ велико, что генераль-полицеймейстеръ, покойный генераль-маіоръ Бевадъ, человекъ энергическій, но притомъ добрый и сострадательный, едва могъ удерживать порядокъ, со всею военною полиціею и нѣсколькими присланными ему въ помощь адъютантами и ординарцами.

Предъ вечеромъ главнокомандующій счелъ необходимымъ воспретить дальнѣйшую переправу Болгаръ, опасаясь, что ночью можетъ произойти большое замѣшательство, въ случаѣ внезапнаго нападенія со стороны Турокъ. Надобно было тогда видѣть отчаяніе семействъ, неуспѣвшихъ переправиться. Генераль Коцебу, Бутурлинъ, я и еще нѣсколько лицъ главной квартиры попробовали представить князю Горчакову положеніе бѣдныхъ жителей, отдававшихся намъ съ полною довѣренностію; но онъ остался непреклоннымъ и приказалъ продолжать переправу однихъ войскъ. Мнѣ удалось только выпросить дозволеніе перевезти, что можно, на наемныхъ судахъ, приготовленныхъ для раненыхъ, которыхъ, по счастію, въ тотъ день не случилось. Этимъ способомъ было спасено еще до 100 семействъ. Что постигло остальныхъ, не знаю.

Главнокомандующій оставался все время на правомъ берегу, покуда не переправился послѣдній баталіонъ. Послѣ полуночи были представлены ему трое плѣнныхъ, захваченныхъ въ небольшой арріергардной перестрѣлкѣ. При словесномъ допросѣ, они показали, что гарнизонъ Силистріи не превышалъ во все время 15 т. человекъ, что крѣпость значительно

пострадала отъ осады, что провіантъ хотя не былъ еще вовсе израсходованъ, но, по причинѣ уничтоженія водяныхъ мельницъ, отпускался большею частию зерномъ, а не мукою, отъ чего число больныхъ ежедневно увеличивалось, и наконецъ, что въ такомъ положеніи, Силистрія, чрезъ два или три дни, была бы принуждена сдаться на капитуляцію. Наружность плѣнныхъ не позволяла сомнѣваться въ истинѣ. Не трудно было отгадать, что они получали самую скудную пищу: особенно одинъ, весьма высокаго роста, былъ съ такимъ подобраннымъ животомъ, что отъ слабости едва держался, и всѣ трое, съ жадностію, почти глотали предлагаемые имъ черные, солдатскіе, сухари.

На разсвѣтъ 15-го числа, князь Горчаковъ, со всемъ штабомъ и войсками, былъ уже на лѣвомъ берегу Дуная, на дорогѣ ведущей въ Каларашъ, а разводка моста почти окончена. Мы всѣ были чрезвычайно голодны; но радушный походный атаманъ, графъ Орловъ-Денисовъ, предложилъ намъ поздній ужинъ, въ приготовленныхъ для того палаткахъ. Еще бивачная трапеза не кончилась, какъ на той сторонѣ рѣки показался небольшой непріятельскій отрядъ, съ пушками, которыя тотчасъ бросили къ намъ нѣсколько ядеръ. Изъ тетъ-де-пона нашего и съ канонерскихъ лодокъ отвѣчали усиленною пальбою, заставившею непріятели отойти далѣе. Выстрѣлы эти заключили осаду Силистріи, не причинивъ намъ никакого вреда.

LXV.

Послѣ перехода на лѣвый берегъ Дуная, войска, осаждавшія Силистрію, были распределены слѣдующимъ образомъ: 8-я пѣхотная дивизія расположилась въ м. Слободзеѣ; 9-я пѣхотная и три полка 11-й пѣхотной дивизіи, съ 3-ею легкою кавалерійскою дивизіею и бригадою уланъ 4-й кавалерійской дивизіи, направлены въ сел. Мая-Катаржлуй, ближе къ Австрійской границѣ; одинъ полкъ 11-й пѣхотной дивизіи и одинъ гусарскій составили отдѣльный отрядъ около Ольтеницы, противу Туртукая, подъ командою генераль-маіора князя Бобутова, и наконецъ генераль-адъютантъ Лидерсъ, съ 6-ю

полками 5-го пѣхотнаго корпуса, оставленъ впереди Калараша, для наблюденія за Силистріей. - Главная квартира оставалась въ Каларашѣ три дня, а потомъ перешла также въ Мая-Катаржилу *). Главнокомандующій, щедро надѣливъ Болгарскихъ переселенцевъ, продовольствіемъ и деньгами, отправилъ ихъ въ Бессарабію, и поручилъ заботы и попеченія надъ ними въ пути флигель-адъютанту, полковнику графу Адлербергу и дѣйствительному статскому совѣтнику Озерову; небольшая часть выходцевъ пожелали устроиться въ Княжествахъ, у своихъ родственниковъ; всѣхъ прочихъ предписано было распредѣлить по деревнямъ и мѣстечкамъ Бессарабіи, съ выдачею имъ пособія хлѣбомъ и скотомъ. Въ послѣдствіи, многіе изъ Болгаръ возвратились опять на правый берегъ Дуная, узнавъ отъ своихъ соотечественниковъ, что Турки, вѣроятно по вліянію своихъ Европейскихъ союзниковъ, не будутъ ихъ преслѣдовать.

LXVI.

Между тѣмъ, пока продолжалась осада Силистріи, Императоръ, по представленію фельдмаршала, призналъ нужнымъ усилить войска наши въ Княжествахъ еще двумя дивизіями пѣхоты и тремя бригадами кавалеріи, съ ихъ артиллеріею. Въ концѣ Апрѣля начала входить 6-я пѣхотная дивизія, за нею 1-я драгунская дивизія, уланская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи и наконецъ, 23-го Мая, 16-я пѣхотная дивизія. Всѣ они расположились въ Молдавіи, противу Австрійской границы. Генераль-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ былъ вызванъ изъ Одессы, для командованія всѣми войсками, между р. р. Серетомъ и Прутомъ.

Коснувшись здѣсь имени графа Сакена, я долженъ сказать, что пропускаю бомбардированіе союзнымъ флотомъ Одессы, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, собственно потому, что оно составляетъ особый эпизодъ войны, имѣвшій мало связи съ другими на-

*) Въ это время генераль-фельдмаршалъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, отъѣхалъ изъ Яссы въ Гомель, а потомъ возвратился окончательно въ Варшаву.

шими дѣйствіями. Притомъ хотя Сакенъ и состоялъ тогда въ командѣ фельдмаршала, но въ то же время облеченъ былъ властію и отдѣльнаго начальника, въ случаѣ непредвидимыхъ обстоятельствъ. Наконецъ о бомбардированіи Одессы такъ много у насъ написано, что было бы излишне вдаваться въ повторенія, а прибавить совершенно нечего.

LXVII.

И такъ, въ исходѣ Мая 1854 года, мы имѣли въ Княжествахъ 8^{1/2}, дивизій пѣхоты, 4-е дивизіи кавалеріи, 6-ть полковъ казачьихъ, 3 баталіона стрѣлковыхъ и 3 баталіона саперъ, что все вмѣстѣ, по тогдашнему сильному составу полковъ, съ добавкою туземныхъ волонтеровъ, могло представлять армію въ 120 т. штыковъ и сабель, съ 336-ю полевыми орудіями, не считая 7-й пѣхотной дивизіи и бригады кавалеріи, которыя еще держались за Дунаемъ и дѣйствовали тогда отдѣльно, въ Бабадагской области. Если прибавимъ къ этому Дунайскую флотилію и гарнизоны въ Измаилъ, Киліи и Бендерахъ, то нельзя не остановиться на той мысли, что средства наши были довольно велики, для окончанія осады Силистріи и вмѣстѣ для встрѣчи въ Княжествахъ Австрійцевъ, если бы они дѣйствительно объявили намъ войну. Императоръ Николай, требуя усиленныхъ дѣйствій и ожидая побѣдъ, ни въ чемъ не отказывалъ съ своей стороны. Кирасирскій корпусъ приказано было собрать къ сторонѣ Хотина; гренадеры и гвардія шли къ Варшавѣ. Такія приготовленія, на западной нашей границѣ, могли удерживать Австрію, до послѣдней крайности, отъ рѣшительнаго вступленія въ союзъ съ нашими непріятелями. При томъ же, какъ ни была коварна, въ то время, политика Вѣнскаго Кабинета, но, безъ преувеличенія, нельзя было допустить мысли, что Австрійцы объявятъ намъ войну тогда, когда на пограничной чертѣ ихъ будетъ готова сильная армія, для внезапнаго вторженія въ Княжества и въ Бессарабію. Такъ поступаютъ только Азіатскіе народы и дикари; но въ Европѣ, подобный образъ дѣйствій заслужилъ бы громкое, всеобщее осужденіе и былъ бы внесенъ въ Исторію, какъ примѣръ необыкновеннаго вѣроломства.

Но я увлекся собственнымъ мнѣніемъ, для оправданія котораго считаю не излишнимъ привести здѣсь нѣсколько выписокъ изъ книги: *L'expédition de Crimée*, составленной въ 1856 году барономъ Базанкуромъ. Книга эта должна считаться официальнымъ документомъ, ибо написана по порученію Французскаго министра народнаго просвѣщенія и посвящена Императору Наполеону III. Вотъ чтò найдутъ въ ней читатели.

Когда рѣшено было, что Англія и Франція вступятъ въ союзъ съ Оттоманскою Портою, для поддержанія независимости сей послѣдней державы противу притязаній Россіи, городъ Галлиполи, на берегу Дарданельскаго пролива, былъ выбранъ пунктомъ сосредоточенія вспомогательныхъ Англо-Французскихъ силъ.

Маршалъ С. Арно и лордъ Рагланъ лично явились въ Галлиполи не прежде 25-го Апрѣля (7-го Мая), но войскъ тамъ собралось тогда еще очень мало *).

7/10 Мая оба главнокомандующіе прибыли въ Варну, куда заблаговременно былъ приглашенъ и Турецкій главнокомандующій, Омеръ-паша. Гарнизонъ Варны не превышалъ въ то время 6 т. человекъ.

По собственному сознанію Омеръ-паши, вся Турецкая армія, за исключеніемъ гарнизона Варны, состояла тогда всего изъ 98 т. человекъ. Изъ нихъ 18 т. находилось въ Силистріи, 45 т. въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Шумлою, 20 т. въ Виддинѣ и Калафатѣ; остальные 15 т. были разбросаны по разнымъ мѣстамъ.

Позицію свою, подъ Шумлою, Омеръ-паша считалъ крѣпкою и надѣялся удержаться въ ней до прибытія союзниковъ; но и тогда уже, т. е. 7/10 Мая, не скрывалъ, что Силистрія

*) Въ известной брошюрѣ, переведенной съ Французскаго подъ заглавіемъ: „Крымская экспедиція, рассказъ очевидца, Французскаго генерала“, упомянуто, что число войскъ назначенныхъ Императоромъ для Восточной войны простиралось до 40 т. человекъ, собранныхъ изъ всѣхъ мѣстъ Франціи и Алжира, и что вся эта армія, въ концѣ Апрѣля, высажена въ Галлиполи; но книга Базанкура, основанная на официальныхъ документахъ, явно опровергаетъ это показаніе.

можетъ быть взята чрезъ 15-ть дней и что за тѣмъ мы тотчасъ явимся подъ Шумлю, гдѣ, безъ помощи Англо-Французовъ, онъ ожидалъ для себя гибели.

На первый разъ союзные главнокомандующіе обѣщали, для спасенія Омеръ-паши, сосредоточить немедленно 60 т. своихъ войскъ, съ 200 орудій, и расположить изъ нихъ: одну Французскую дивизію около самой Варны, а другую Англійскую въ Девно, гдѣ еще существовали наши старинныя укрѣпленія, возведенныя въ 1828 году. Но очевидно, что въ этомъ обѣщаніи было болѣе хвастовства, нежели истины: ибо двѣ дивизіи, Французская и Англійская, могли составлять развъ 30 т. челов., а отнюдь не 60 т. С. Арно самъ говорилъ, что этимъ слухомъ они надѣялись отнять у Австрійцевъ всякій поводъ къ отговоркамъ, что союзники еще далеко отъ Дуная, и вмѣстѣ заставить Русскихъ истощать свои средства поспѣшною осадю Силистріи.

Въ ту же ночь, т. е. съ 7-го на 8-е Мая, оба союзные главнокомандующіе, вмѣстѣ съ Омеръ-пашею, отправились лично въ Шумлу, чрезъ Праводы. По дорогѣ отъ Праводъ до Шумлы, они нашли, что край былъ оставленъ жителями, Болгарами, спасавшимися отъ грабежей и насилія баши-бузукровъ. Изъ этого видно, что союзники, на маршѣ къ Шумлѣ, встрѣтили бы и недостатокъ въ продовольствіи и недостатокъ въ подводахъ, а слѣдовательно мы опять выиграли бы много времени.

Въ Шумлѣ дѣйствительно оказалось 45 т. Турецкихъ войскъ; но самъ С. Арно говоритъ, что нашелъ войска эти дурно вооруженными, дурно одѣтыми и еще хуже обутыми. Лучшая часть, по его мнѣнію, была артиллерійская, а самая дурная, госпитальная: недостатокъ въ хирургахъ и медикаментахъ, совершенное пренебреженіе въ присмотрѣ за ранеными и больными, какъ будто бы они уже умерли. Люди въ госпиталяхъ лежали кучами, выражая свои страданія и воплемъ и искаженнымъ видомъ.

Въ тотъ же вечеръ Омеръ-паша и сераскиръ Изманлъ-паша вошли въ палатку С. Арно, съ разстроенными лицами, и передали маршалу только - что полученныя извѣстія изъ

Силистрію, отъ $\frac{6}{20}$ Мая. Въ этихъ извѣстіяхъ заключалось, что 70 т. Русскихъ сильно стѣсняють крѣпость, что бомбардировка продолжается непрерывно, день и ночь, что часть бруствера, со стороны Дуная, уже разрушена, что обложеніе крѣпости полное и грозное и что наконецъ скорое паденіе Силистріи неизбѣжно. Особенно сераскиръ представлялъ все въ черномъ цвѣтѣ: онъ уже видѣлъ Силистрію уничтоженною, Шумлу взятою и, прежде двухъ мѣсяцевъ, Русскихъ подъ стѣнами Константинополя. Омеръ-паша былъ спокойнѣе и увѣрялъ, что удержать Русскихъ по крайней мѣрѣ 6-ть мѣсяцевъ.

Въ этомъ положеніи, союзные главнокомандующіе рѣшили на первый разъ, чтобы Омеръ-паша выдвинулъ немедленно, за два перехода передъ Шумлу, 30 т. и 120 орудій, а чрезъ 20-ть дней присоединилъ бы туда всевозможныя силы изъ Виддина и Софіи, что все вообще, по ихъ расчету, могло составить армию въ 70 т. человекъ, при 180 орудіяхъ *). Лордъ Рагланъ обѣщаль приготовить въ полѣ 20 т., а С. Арно 35 т., если, какъ онъ надѣялся, прибудеть скоро 4-я дивизія, Форс, задержанная въ Греціи. Союзники рассчитывали, что все это вмѣстѣ, составитъ отъ 120 до 125 т. человекъ, и 310 орудій, противу которыхъ, они полагали, что намъ нельзя будетъ выставить болѣе 150 т. и 400 орудій **).

$\frac{10}{22}$ Мая Французскій главнокомандующій возвратился изъ Шумлы въ Варну и тутъ нашелъ адмирала Гамелена, только что прибывшаго изъ крейсерства къ Севастополю. Адмиралъ

*) Но расчетъ этотъ былъ очевидно преувеличенъ, если припомнимъ, что въ Виддинѣ и Балагатѣ было всего 20 т., а въ Софійи не могло быть болѣе 15 т., какъ показано выше. Положимъ, что изъ Виддина и Балагата, взяли бы все, ибо Малая Валахія была уже очищена тогда нами до Слатина; но и затѣмъ не откуда было составить передъ Шумлою 70 т. войскъ.

**) Число Русскихъ войскъ предположено здѣсь довольно правдоподобно; но непріятель забывалъ, что 25 или 30 т. лишннихъ, съ 90 лишними орудіями, могли дать намъ большой перевѣсъ въ полѣ, еслибъ, къ тому времени, мы успѣли овладѣть Силистрією, чего по истинѣ и слѣдовало ожидать.

предоставлялъ въ распоряженіе маршала С. Арно весь свой флотъ, для перевозки въ Варну обѣщанныхъ войскъ, которыя предполагалось поднять въ два раза, именно: 24 т. Французовъ *) и 20 т. Англичанъ; но высадку въ Варнѣ вообще адмиралъ считалъ довольно трудною.

1¹/₂ Мая С. Арно возвратился изъ Варны чрезъ Константинополь въ Галлиполи, а предъ тѣмъ писалъ къ военному министру, что надѣется къ $\frac{8}{10}$ Іюня высадить 1 и 3 Французскія дивизіи въ Варнѣ и тогда же переведетъ туда свою главную квартиру. Но скоро маршалъ разочаровался. Онъ нашелъ, что въ Галлиполи прибыли только 25-ть баталіоновъ, съ неполнымъ обозомъ, 25 или 30 орудій съ запряжкой и около 500 лошадей, принадлежавшихъ разнымъ частямъ войскъ. Все остальное, люди, артиллерія, обозы и прочее были большею частію на парусныхъ судахъ, задерживаемые въ морѣ противными вѣтрами. Въ такомъ же неустроенномъ положеніи находилась и Англійская вспомогательная армія: некомплектъ въ ней былъ еще значительнѣе, а морскихъ перевозочныхъ способовъ въ половину менѣе Французскихъ.

Только 19-го Мая (1-го Іюня) бригада Канробера, въ числѣ 6 т. человекъ, отправлена моремъ изъ Галлиполи въ Варну, и столько же войскъ послали туда и Англичане, изъ Скутари; но главныя силы Французской арміи, по словамъ Базанкура, могли собраться въ Варну не прежде какъ въ первыхъ числахъ Іюля **), а двинуться оттуда впередъ развѣ въ первой половинѣ того мѣсяца, не смотря на всю дѣятельность главнокомандующаго, который въ то же время писалъ военному министру: «Я удовлетворю правиламъ войны, которыя указываютъ, что возможно сдѣлать съ 50 т. арміею, удаленною слишкомъ за 2000 верстъ отъ Франціи и не могущею легко освѣжить своихъ способовъ».

*) Въместо 35 т., о которыхъ было говорено въ Шумлѣ.

***) 3-я Французская дивизія посажена на суда въ Константинополь для переезда въ Варну, только 1¹/₂ Іюня; 2-я дивизія шла чрезъ Балканы; а о 4-й, находившейся въ Греціи, еще и слуху не было.

Между тѣмъ Омеръ-паша все еще стоялъ спокойно въ Шумлъ, не дѣлалъ движенія впередъ и не притянулъ къ себѣ войскъ изъ Виддина и Софій, какъ было условлено съ союзными главнокомандующими. Безпрестанно опасаясь за паденіе Силистріи, онъ потомъ хотѣлъ предпринять диверсію въ пользу осажденной крѣпости, чтобы ввести туда подкрѣпленіе и доставить продовольствіе, но не рѣшился сдѣлать и этого, безъ пособія союзниковъ, а приглашалъ генерала Канробера выслать прежде изъ Варны Французскую дивизію въ Базарджикъ. Онъ не сомнѣвался, что Силистрія едва держится. Но, къ счастію для Турокъ, въ это самое время случился неожиданный для нихъ переворотъ: мы внезапно сняли осаду и отступили на лѣвый берегъ Дуная, тогда какъ Французскій маршалъ писалъ въ Парижъ $\frac{1}{2}$ 8 Іюня, что только чрезъ 12 дней, т. е. 28 Іюня (10 Іюля) онъ можетъ двинуться изъ Варны съ 70 т. союзныхъ войскъ. Что касается до Австрійцевъ, то въ концѣ Іюня С. Арно получилъ изъ Константинополя извѣщеніе, что хотя Австрійцы готовы вступить въ Малую Валахію, но намѣрены занять тамъ только тѣ мѣста, которыя оставлены нами и единственно на тотъ случай, чтобы мы опять туда не возвратились *).

Изъ этихъ выписокъ не ясно ли видно, что главнокомандующіе наши имѣли не только достаточно войскъ и матеріальныхъ способовъ, но даже и довольно времени, чтобы до половины Іюля овладѣть не одною Силистріею, но и Рущукомъ, а при томъ разбить отдѣльно Омеръ-пашу, въ Шумлъ, гдѣ по всей вѣроятности, при его осторожномъ характерѣ, онъ не сталъ бы и держаться. Наконецъ, еслибы мы не захотѣли послѣ того помѣриться въ полѣ съ Европейскими войсками, то еще успѣли бы, до сближенія ихъ съ нами, отступить за Дунай, срывъ Силистрію, Рущукъ и Шумлу!

Французскій главнокомандующій писалъ, что ретирада наша произошла въ слѣдствіе его грозныхъ приготовленій и что если бы мы не ушли, то онъ непременно разбилъ бы

*) Трактатъ о союзѣ между Австріею и Турціею, заключенъ 8 Іюня въ Константинополѣ, но ратификованъ въ Вѣнѣ позднѣе.

насъ *). Но часть отряда генераль-лейтенанта Ушакова оставалась въ Бабадагской области до 20 Октября (1-го Ноября) и не была вытѣснена оттуда, ни Турками, ни союзниками.

Нельзя оправдываться и тѣмъ, что намъ трудно было имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи и готовности Англо-французскихъ войскъ. Напротивъ, маршалъ С. Арно писалъ, что лазутчики наши, Греки и фанатики-Турки, многочисленны, и едва ли не подъ каждымъ камнемъ; а преданные намъ Болгары еще болѣе усердствовали въ этомъ дѣлѣ. Но возвратимся къ дальнѣйшему разсказу, по порядку.

LXVIII.

Снятіе осады Силистріи не могло не ободрить Турокъ, тѣмъ болѣе, что они вѣроятно знали и о намѣреніи нашемъ очистить совершенно Княжества, или по крайней мѣрѣ вести тамъ лишь оборонительную войну. Но чтобы не оставаться въ долгу у союзниковъ и показать имъ, что отступленіе наше было вынужденное, непріятель рѣшился усилить свои дѣйствія, со стороны Рущука, стѣсненнаго отчасти расположеніемъ отряда генераль-лейтенанта Соймонова, въ Журжѣ и на Дунайскомъ островѣ Радоманѣ. Здѣсь, почти слишкомъ 9-ть мѣсяцевъ, два пѣхотные полка наши Томскій и Колыванскій и полкъ гусаръ, Павлоградскій, удерживали неоднократныя покушенія Турокъ утвердиться на ближайшихъ островахъ, и всегда отражали ихъ съ успѣхомъ; но лишь только князь Горчаковъ, съ главными силами, возвратился на лѣвый берегъ Дуная, непріятель началъ изъ Шумлы стягивать войска свои къ Рущуку, такъ что 21-го Іюня тамъ собралось уже отъ 30 до 40 т. По полученнымъ о семъ извѣстіямъ, отрядъ генераль-лейтенанта Соймонова былъ тотчасъ усиленъ Тобольскимъ пѣ-

*) Здѣсь видно явное хвастовство. По засвидѣтельствованію самихъ Французовъ, въ Варѣ находилось тогда не болѣе 40 т. челов., между которыми уже начала развиваться холера, а при томъ отырыся недостатокъ и въ продовольствіи, такъ что интенданство непріятельской арміи принуждено было торопливо доставлять сухари изъ Орана, Алжира и Тулона: „Ермиска экспедиція, разсказъ очевидца, Французскаго генерала.“

хотнымъ и Бугскимъ уланскимъ полками, прибывшими въ то время къ Букаресту, изъ Малой Валахіи.

Рано утромъ, 23 го числа, Турки, подъ прикрытіемъ сильнаго огня изъ Рущука и береговыхъ батарей, посадивъ войска на пароходъ и суда, заранѣе приготовленные въ р. Ломъ, впадающей въ Дунай, начали переправляться на островъ Моканъ. Нѣсколько разъ артиллерія наша обращала ихъ назадъ; но имъ удалось однакоже къ вечеру высадиться въ большомъ числѣ, съ 4-мя орудіями, и приступить къ постройкѣ батарей на Моканѣ.

Подъ покровительствомъ этихъ новыхъ батарей, непріятель, предводимый Гассанъ-Гаки-пашею, утромъ 25-го Іюня, успѣлъ занять и островъ Радоманъ, съ двухъ оконечностей; но его мужественно встрѣтили здѣсь храбрые баталіоны Томскаго, Кольванскаго и Тобольскаго полковъ. Завязался жестокій бой, продолжавшійся до самой ночи; но Турки были вчетверо сильнѣе числомъ, и потому надлежало оставить островъ. Ночью отрядъ нашъ отступилъ въ совершенномъ порядкѣ и сталъ внѣ Журжи, на высотахъ у сел. Фратешти. Говорятъ, что непріятель потерялъ въ этотъ день болѣе 5 т. человекъ. Нельзя въ томъ сомнѣваться, принявъ во вниманіе съ одной стороны трудность переправы на судахъ, а съ другою упорную оборону нашихъ войскъ, въ теченіе цѣлаго дня. Къ сожалѣнію и у насъ потеря была немаловажна: убито 342 челов., ранены генераль-лейтенантъ Хрулевъ, 17-ть оберъ-офицеровъ и 470 нижнихъ чиновъ.

LXIX.

Извѣстіе о сраженіи 25-го Іюня подъ Журжею было получено въ главной квартирѣ 27-го числа, отъ командира 4-го пѣхотнаго корпуса, генераль отъ инфантеріи Даненберга. Главнокомандующій былъ недоволенъ, что, въ такое важное время, генераль Даненбергъ удержалъ въ Букарестѣ, для караула, всѣ 4-е баталіона Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, тогда какъ, для этого, достаточно было оставить одинъ баталіонъ, а прочіе три послать на помощь Соймонову, гдѣ

они могли, хотя нѣсколько, уравновѣсить наши силы съ силами непріятельскими. Неудовольствіе было совершенно справедливое.

Въ тотъ же день отправлены изъ Мая-Катаржилуй, къ Журжѣ, 11-я пѣхотная дивизія и сводная дивизія кавалеріи; за ними выступила туда же 9-я пѣхотная дивизія, а потомъ и вся главная квартира перешла въ Бухарестъ. 8-й пѣхотной дивизіи, изъ Слободзен и 1-ой драгунской, вступившей уже въ Валахію, также предписано слѣдовать въ ту сторону; но пѣхотная дивизія дошла только до Урзичены, и потомъ, по необъяснимой причинѣ, обращена съ дороги въ Молдавію, вѣроятно въ слѣдствіе опасеній отъ Австрійцевъ, тогда какъ въ это время всѣ входы пограничныя, чрезъ глубокія дефилеи, были уже испорчены нами, посредствомъ пороховыхъ взрывовъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

LXX.

Когда главнокомандующій объявилъ о своемъ намѣреніи лично принять начальство надъ войсками, собиравшимися къ Журжѣ, я не могъ удержаться, чтобы, при личномъ въ тотъ день докладѣ бумагъ, не выразить князю Горчакову особую радость, сказавъ, что его сіятельству представляется теперь весьма рѣдкій случай, которому позавидовали-бы многіе, именно: одержать блистательную побѣду надъ Турками, и потомъ, въ качествѣ побѣдителя, обратиться къ другому, — можетъ быть еще мнимому непріятелю, — Австрійцамъ, съ вопросомъ, по какому поводу они собираютъ армію на границахъ Княжествъ? Мое убѣжденіе основывалось на томъ, что Турки перешли на лѣвый берегъ Дуная только съ 40 т. и 50 орудіями, тогда какъ намъ можно было выставить противу нихъ гораздо болѣе войскъ; что въ 1811 году Кутузовъ искусно воспользовался такимъ-же неблагоразуміемъ Турокъ и заставилъ великаго визиря подписать предварительныя условія славнаго для насъ Бухарестскаго мира. Князь Горчаковъ, по обыкновенію, назвалъ это мечтательностію и продолжалъ выслушивать бумаги. Не помню, былъ-ли на этотъ

разъ еще кто въ комнатѣ; но твердо ручаюсь, что мною ничего не прибавлено.

LXXI.

По прибытіи изъ Мая-Катаржилуй въ Букарестъ, главная квартира оставалась тамъ не болѣе двухъ или трехъ дней. Въ одинъ изъ этихъ дней, главнокомандующій собралъ комитетъ: изъ начальника главнаго штаба генераль-адъютанта Коцебу, начальника артиллеріи генераль-лейтенанта Сержпутовскаго, начальника инженеровъ генераль-лейтенанта Бухмейера, генераль-квартирмейстера Бутурлина, генераль-интенданта Затлера и меня. Онъ объявилъ намъ, что получено Высочайшее повелѣніе очистить Княжества; что въ слѣдствіе того мы должны скоро оставить Букарестъ и что онъ требуетъ, дабы всѣ больные, провіантъ и артиллерійскія и инженерныя тяжести, въ случаѣ окончательнаго приказанія, были вывезены изъ города въ однѣ сутки. Каждый изъ насъ долженъ былъ сказать свое мнѣніе. Когда дошла очередь до меня, я объявилъ прямо, что въ Букарестѣ находится до 3 т. больныхъ и раненыхъ, которыхъ не представляется никакой возможности поднять и вывезти въ однѣ сутки; что такой способъ отправленія не обойдется безъ нѣсколькихъ жертвъ въ людяхъ, и что наконецъ поспѣшное отступленіе наше, не требуемое никакими обстоятельствами, будетъ имѣть, въ глазахъ туземцевъ, видъ формальнаго бѣгства. Генераль-интендантъ поддержалъ мое мнѣніе, ссылаясь также на совершенную невозможность вывезти изъ города значительное количество провіанта, приготовленнаго, по прежнимъ распоряженіямъ, для пересушки въ сухари. Прочіе члены комитета не противорѣчили главнокомандующему. — Князь Горчаковъ видимо былъ недоволенъ возраженіями моими и Затлера; но, убѣждаясь отчасти тѣми доводами, которые мы представили, рѣшилъ, чтобы отправленіе больныхъ и провіанта начать немедленно, исподоволь, по мѣрѣ вытребованія обывательскихъ подводъ отъ гражданскаго управленія Валахін.

LXXII.

По прибытіи къ отряду въ Фратешти, главнокомандующій удостовѣрился, что непріятель не только оставался на лѣвомъ берегу Дуная, но приступилъ къ укрѣпленію своей позиціи окопами. Въ первое время князь Горчаковъ одушевленъ былъ мыслию атаковать Турокъ, и утромъ 3-го Іюля была уже объявлена войскамъ диспозиція, для нападенія; но послѣ обѣда, въ тотъ же день, произошла отмѣна, и все ограничилось приказаніемъ приготовиться къ большой рекогносцировкѣ, подъ прикрытіемъ одной бригады уланъ, съ конноартиллерійскою батареею.

Рекогносцировка эта дѣйствительно была произведена утромъ 4-го числа. Непріятель подпустилъ насъ довольно близко, такъ что мы видѣли рабочихъ, спокойно стоявшихъ на насыпяхъ возводимыхъ окоповъ. Князь Горчаковъ, генералы Коцебу и Бутурлинь, съ своими дежурными адъютантами и самымъ малымъ конвоемъ, подѣвзжали на весьма короткое разстояніе и подвергались опасности, когда непріятель открылъ пушечный огонь и выслалъ съ своего лѣваго фланга часть кавалеріи, которая не осмѣлилась однакоже податься впередъ, завидѣвъ нашихъ уланъ. Въ перестрѣлкѣ этой контужены: генералы Бутурлинь, походный атаманъ графъ Орловъ-Денисовъ, два офицера и одинъ изъ нижнихъ чиновъ; но ни убитыхъ, ни раненыхъ съ нашей стороны не было, и къ вечеру главнокомандующій возвратился въ Фратешти.

LXXIII.

Послѣ 4-го Іюля мы простояли въ Фратешти еще 11-ть дней, въ совершенномъ бездѣйствіи. Собранная тамъ войска наши состояли: изъ 9-й и 10-й пѣхотныхъ дивизій, трехъ полковъ 11-й пѣхотной дивизіи, 4-хъ полковъ драгунъ, 5-ти полковъ уланъ, одного гусарскаго и двухъ или трехъ казачьихъ, съ 120 орудіями. Очевидно, что съ этими войсками можно было заставить непріятеля раскататься въ дерзкой переправѣ на лѣвый берегъ Дуная; но, для вѣрнѣйшаго успѣ-

ха, не слѣдовало возвращать 8-й пѣхотной дивизіи въ Молдавію и взять два полка пѣхоты и два кавалеріи изъ отряда генералъ-лейтенанта Липранди, стоявшаго отъ насъ не далѣе 70-ти верстъ, противу Австрійской границы, гдѣ достаточно было оставить, на нѣсколько дней, одну бригаду 12-й пѣхотной дивизіи, такъ какъ я уже сказалъ, что дороги въ Княжества изъ Трансильваніи были нами испорчены, и Австрійцы, въ случаѣ даже неожиданнаго разрыва съ Россіей, не могли внезапно вторгнуться въ Большую Валахію, а Малая Валахія была нами очищена. Совокупность всѣхъ вышензчисленныхъ войскъ могла простираться до 42 т. штыковъ, включая сюда стрѣлковыя и саперныя баталіоны, находившіеся также при отрядѣ въ Фратешти, 8 т. сабель и до 168 орудій. Никто изъ военныхъ не усомнится, что съ столь большими средствами можно было бы разбить 40 т. Турокъ, при которыхъ находилось всего 50 орудій, и притомъ, позади, для отступления, длинный мостъ, чрезъ Дунай, что также считается весьма важною оплошностію. Къ сожалѣнію, въ послѣднюю войну, мы вездѣ сомнѣвались въ нашихъ силахъ, а если и предпринимали что нибудь рѣшительное, то, какъ будто бы нарочно, не употребляли всѣхъ тѣхъ способовъ, которые могли быть собраны на этотъ случай.

LXXIV.

Рѣшено было отступить изъ Фратешти къ Бухаресту 15-го Іюля. Любопытенъ приказъ, отданный тогда войскамъ. Въ немъ сказано, что послѣ тщетныхъ ожиданій, въ теченіи двухъ недѣль, вызвать Турокъ изъ укрѣпленій въ открытый бой, они не осмѣлились выйти къ намъ; а потому главнокомандующій призналъ за лучшее перейти съ арміею въ Молдавію, гдѣ, сосредоточивъ всѣ войска, приготовиться къ сильному удару на непріятеля, съ которой бы стороны онъ намъ ни угрожалъ. При этомъ былъ выставленъ въ приказѣ примѣръ 1812 года, когда Русская армія отступила до Тарутина, и потомъ, не смотря даже на потерю Москвы, съ такимъ блестящимъ успѣхомъ обратилась на Наполеона. Но солда-

ты не понимаютъ утонченныхъ приказовъ, офицеры, занятые службою, рѣдко ихъ читаютъ, а едва-ли кто изъ генераловъ и частныхъ начальниковъ не видѣлъ ясно, что очищеніе Валахїи дѣлается совсѣмъ не съ тою цѣлю, и что мы не будемъ держаться и на Серетъ, гдѣ, какъ извѣстно, приготовлялся укрѣпленный лагерь. Что касается до того, что Турки не вышли въ открытый бой на лѣвомъ берегу Дуная, то въ этомъ указанїи нельзя не признать отсутствїя всякой логики. Могъ ли непрїятель осмѣлиться дать сраженіе въ полѣ противу равнаго, а можетъ быть, и превосходнѣйшаго въ числѣ, Русскаго войска? Да и какой былъ поводъ Туркамъ отважиться на такое дерзкое предпрїятіе? Они достигли своей цѣли: перешли Дунай и успѣли даже укрѣпиться на лѣвомъ берегу. Спрашивается, не они-ли должны были ожидать нападенїя съ нашей стороны? Вотъ какъ иногда можно толковать событія въ свою пользу, а офїціальная исторїя, нерѣдко, заноситъ такія разсужденїя на свои страницы, въ ущербъ истинѣ!

Чего же опасался князь Горчаковъ подъ Журжею? Мы были, или покрайней мѣрѣ могли быть, сильнѣе Турокъ. Непрїятельскими войсками не командовалъ даже самъ Омеръ-паша, а одинъ изъ подчиненныхъ ему, Гассанъ-Гаки-паша, человекъ неизвѣстный своими военными качествами. Наконецъ, даже и личность Омеръ-паши не усвоила за нимъ никакого превосходства противу каждаго изъ нашихъ начальниковъ дивизїй. Кто этотъ Турецкій генералисимусъ? *) Бѣглый Кроатъ, служившій нижнимъ чиномъ въ одномъ изъ Австрїйскихъ полковъ и не получившій въ молодости никакого образованїя. Отступничество отъ христіанства доставило ему успѣхи въ Турціи; его принялъ подъ свое покровительство старшій сераскиръ Хозревъ-паша и зачислилъ адъютантомъ при себѣ. Первою школою для Омеръ-паши была служба, подъ распоряженїемъ Польскаго генерала Хршанов-

*) Такъ величали его союзники; но неизвѣстно, на какомъ основанїи. Генералисимусъ долженъ командовать соединенными арміями не одного государства, а Французскія и Англїйскія войска никогда не были подчинены Омеръ-пашѣ.

скаго, когда сему послѣднему султанъ поручилъ управление всеми военными дѣлами въ Константинополѣ и организацію Турецкой арміи, по образцу Европейскому. Послѣ того Омеръ-паша былъ употребленъ при топографическихъ работахъ въ Болгаріи и въ Придунайскихъ провинціяхъ. Что касается собственно до военныхъ отличій, то біографы его выставляютъ только успѣшное усмиреніе мятежей въ Сиріи и Босніи и экспедицію въ 1852 году противу Черногорцевъ. Но мы знаемъ очень хорошо, что тутъ не требовалось особенныхъ способностей. Вотъ заключеніе, сдѣланное объ немъ маршаломъ С. Арно, послѣ нѣсколькихъ свиданій: «Какъ генераль, онъ имѣетъ хорошія и здравыя сужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него всегда проэкты невозможныя, а политическія сужденія невѣроятныя; онъ твердъ и основателенъ, но требуетъ руководства.» Базанкуръ прибавляетъ, что многіе слишкомъ превозносили Омеръ-пашу; другіе-же не признавали въ немъ никакихъ военныхъ дарованій. Мы скажемъ съ своей стороны, что мнѣніе партизановъ Омеръ-паша могло всего болѣе основываться на его холодной и почти мрачной фizioноміи, мужественномъ выраженіи лица, сѣдой бородѣ и успѣшномъ введеніи въ Турецкихъ войскахъ Европейской организаціи и дисциплины.

При этихъ ограниченныхъ данныхъ, могъ ли Омеръ-паша имѣть какое либо первенство противу нашихъ генераловъ, а тѣмъ болѣе противу князя Горчакова, весьма образованнаго, начитаннаго и пріобрѣтшаго долговременною службою всякаго рода теоретическія и практическія свѣдѣнія, для примѣненія ихъ къ войнѣ? Не говорю уже о фельдмаршалѣ, который за 25-тъ лѣтъ назадъ одерживалъ громкія побѣды надъ Персіянами и Турками, въ сраженіяхъ, гдѣ непріятель всегда въ трое и въ четверо превосходилъ его числительною силою, покорялъ въ нѣсколько дней Азіятскія крѣпости и наконецъ прославился и въ Европѣ знаменитымъ, двухдневнымъ штурмомъ Варшавы, противу тѣхъ самыхъ Польскихъ генераловъ, которые были потомъ учителями Турокъ. Но князь Варшавскій по крайней мѣрѣ уже имѣлъ неопровержимую

славу полководца, и понятно, что на закатѣ жизни, опасался утратить ее въ какомъ нибудь неудачномъ предпріятіи, а князю Горчакову представлялось также блистательное поприще впереди, и нѣтъ сомнѣнія, что оно, такъ сказать, было почти въ его рукахъ. Но пусть читатели дополняютъ это собственнымъ заключеніемъ *).

LXXV.

Ночь наканунѣ выхода нашего изъ Фратешти главнокомандующій провелъ въ передовомъ отрядѣ генераль-лейтенанта Соймонова, все еще ожидая, что непріятель вздумаетъ атаковать насъ, какъ только объяснится предпринимаемое нами отступленіе. Рано утромъ 15-го Іюля, войска наши снялись съ дотолѣ занимаемыхъ нами позицій. Отрядъ генераль-лейтенанта Соймонова, изъ 10-й пѣхотной дивизіи и части кавалеріи, составилъ главный арріергардъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Анрепа-Эльмита. Аванпосты непріятельскіе продолжали стоять спокойно, наблюдая за нами издали, на разстояніи не менѣе двухъ верстъ. Турки, безъ сомнѣнія, радовались этому неожиданному обороту дѣлъ, и съ ихъ стороны не замѣтно было ни малѣйшаго намѣренія преслѣдовать насъ. Только въ нѣкоторыхъ кружкахъ главной

*) Добавимъ здѣсь оцѣнку союзныхъ генераловъ, которыхъ князь противу себя князь Варшавскій и князь Горчаковъ. Въ брошюрѣ: *Deuxième mémoire sur l'expédition en Crimée*, сдѣланъ между прочимъ упрекъ. Императору Наполеону III, что для восточной войны онъ выбралъ генераловъ возвысившихся среди народныхъ смуть, но вообще второстепенныхъ, безъ географическихъ, топографическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, безъ опыта въ стратегіи и незнакомыхъ съ большою войною, такихъ однимъ словомъ, которые расчитывали на храбрость солдатъ, а не на собственные преимущества. Тотъ же авторъ, въ первой своей брошюрѣ, говоритъ о С. Арно, Бауроберъ и Рагланъ слѣдующее: „С. Арно совсѣмъ не радѣлъ о войскахъ и допустилъ всевозможные безпорядки, по командованію; Бауроберъ, въ административномъ отношеніи, еще ниже С. Арно; онъ не былъ созданъ для главнаго предводительства и неспособенъ командовать арміею. Сужденіе о лордѣ Рагланѣ ограничено сожалѣніемъ, что храбрые, отличные генералы Англійскихъ войскъ не находились подъ начальствомъ полководца болѣе способнаго, болѣе дѣятельнаго и менѣе удрученнаго дѣлами“.

квартиры, вѣхавшихъ верхами, въ интервалахъ и по бокамъ вагенбурга, слышны были иногда негромкія восклицанія: «Посмотрите, Турки показались съ праваго или лѣваго фланга!» Но это были одни веселыя походныя шутки, а на самомъ дѣлѣ мы никого не видѣли.

LXVI.

Расстояніе отъ Фратешти до Бухареста составляетъ около 60 верстъ; но положено было, съ главными силами, не вступать въ этотъ городъ, изъ котораго уже вывозили всѣ тяжести, а остановиться верстахъ въ 20-ти, не доходя Бухареста въ сел. Желавы, не вдалекѣ отъ соединенія дорогъ, ведущихъ изъ Туртукая и отъ переправы на Аржисъ; переходъ же до Желавы раздѣлить на два дни и уничтожить позади всѣ мосты, по которымъ непріятель могъ слѣдовать за нами.

LXXVII.

Покуда войска и обозы стягивались къ Желавѣ, а изъ Бухареста вывозились госпитали, провіантъ и прочіе тяжести, главнокомандующій лично отправился въ резиденцію Валахій, сказать послѣднее слово тамошнимъ туземнымъ властямъ и управленіямъ, которые нарочно были для того собраны въ квартирѣ чрезвычайнаго нашего комиссара, генералъ-адъютанта барона Будберга. Князь Горчаковъ произнесъ на Французскомъ языкѣ краткую рѣчь, въ которой, объяснивъ боярамъ, чиновникамъ и духовенству единовѣрческія отношенія Валахскаго народа къ Россіи и тѣ благодаренія, какія съ давняго времени Государи наши не переставали оказывать Придунайскимъ княжествамъ, выразилъ надежду, что край, оставляемый нами, по особымъ политическимъ обстоятельствамъ, сохранитъ на всегда преданность и любовь къ сильной своей покровительницѣ. Всѣ отвѣчали утвердительно и, можетъ быть, большею частію, искренно.

Здѣсь кстати упомянуть, что передъ выходомъ нашимъ изъ Валахій, предположено было увлечь съ нами и тамошнія туземныя войска. Начальнику этихъ войскъ, Валахскому ге-

нералу Хереско, предписано представить записку о средствахъ, какія потребуются для обоза. Но намѣреніе это не осуществилось, въ слѣдствіе встрѣтившихся весьма справедливыхъ замѣчаній, именно: что столь многолюдный городъ, какъ Букарестъ, въ которомъ считалось тогда до 150 т. жителей, требуетъ постояннаго присутствія національной военной силы, для охраненія порядка и безопасности главныхъ управленій страны, къ чему недостаточно было бы одной лишь мѣстной полиціи; что съ удаленіемъ Русской арміи непременно возвратятся въ край, изъ за границы, всѣ прежніе эмигранты, проникнутые анархическимъ духомъ и, не будучи удерживаемы никакимъ страхомъ, постараются, какъ можно скорѣе, произвести политическій переворотъ, который навсегда разорветъ всѣ давнія связи Валахіи съ единовѣрною Россією; что войска не пожелаютъ добровольно оставить свою родину, промѣнявъ вѣрное положеніе на неопредѣленную будущность, и наконецъ, что если мы опасаемся, что Турки, присоединивъ къ себѣ эти войска, заставятъ ихъ дѣйствовать противу насъ, то 6 или 8 т. человекъ, не пріобученныхъ къ войнѣ, не сдѣлаютъ большаго перевѣса, на сторонѣ непріятеля *).

LXXVIII.

21-го Іюля главная квартира, со всѣми войсками, отступившими отъ Фратешти, перешла изъ Желавы въ Маре-Домняско, минуя Букарестъ. Въ этомъ городѣ остался, на одни сутки, комендантъ нашъ, полковникъ Дельво, съ небольшимъ кавалерійскимъ арріергардомъ, для забранія всѣхъ остальныхъ, въ особенности молодыхъ офицеровъ и юнкеровъ, которые всегда умѣютъ найти различные предлоги ускользнуть отъ своихъ частей, чтобы лишній день, или даже нѣсколько часовъ, посвятить окончательному прощанію съ большимъ городомъ, побывать въ театрѣ, пообѣдать въ рестораціи, на по-

* На другой день послѣ этого, полномочный комиссаръ нашъ генералъ-адъютантъ баронъ Будбергъ выѣхалъ со всѣми своими управленіемъ изъ Букареста въ Яссы.

слѣдніа деньги, и взглянуть, хотя мелькомъ, на публичныа гулянья. Чтѣ касается до госпиталей, провіанта и прочихъ тяжестей, то все это было уже вывезено за сутки, до выступленія арріергарда. Изъ 3 т. больныхъ, находившихся въ Букарестъ, князь Горчаковъ рѣшился оставить тамъ только 38-мъ человекъ нижнихъ чиновъ, преимущественно тяжело раненныхъ, помѣстивъ ихъ въ городское филантропическое отдѣленіе и ввѣривъ попеченіе объ нихъ туземнымъ властямъ. Изъ этихъ 38 человекъ почти половина возвратилась потомъ въ Кишеневъ, а остальные, съ безнадежными болѣзнями, умерли. Омеръ-паша, по занятіи Букареста, предлагалъ, въ послѣдствіи, этимъ выздоровѣвшимъ вступить въ службу Оттоманской Порты; но всѣ они на отрѣзъ отказались.

LXXIX.

Князь Горчаковъ пробылъ въ Маре-Домняско только двое сутокъ, чтобы дожидаться присоединенія арріергарда, изъ Букареста, а 24-го числа перешелъ съ главною квартирою въ Бузео, небольшой, но довольно хорошій городокъ Валахіи, гдѣ мы нашли въ госпиталяхъ болѣе 2 т. раненныхъ и больныхъ, поступившихъ болѣею частію съ транспортовъ, тнущихся изъ Букареста. Отправленіе ихъ въ Фокшаны и далѣе задержало главнокомандующаго въ Бузео двое сутокъ; между тѣмъ передовыа колонны наши продолжали слѣдованіе. Арріергардъ по прежнему состоялъ изъ 10-й пѣхотной дивизіи и бригады кавалеріи, подъ начальствомъ генераль-адъютанта графа Анрепа, и всегда останавливался на позиціяхъ, въ одномъ или двухъ переходахъ отъ прочихъ войскъ. Турки и не думали идти за ними, въ большихъ силахъ; но посылали только незначительныа партіи слѣдить издали за нашимъ отступленіемъ. Слышно было, что на другой день, послѣ выступленія нашего изъ Маре-Домняско, Омеръ-паша прислалъ въ Букарестъ чиновника своего съ приказаніемъ приготовить ему парадную встрѣчу при вѣздѣ въ городъ.

LXXX.

27-го Іюля главная квартира прибыла въ Фокшаны и здѣсь осталась уже до 16-го Августа. Въ самыхъ Фокшанахъ, т. е.

посреди города, небольшой ручей составляет границу между Валахією и Молдавією, такъ что одна половина города называется Фокшаны Валахскіе, а другая Фокшаны Молдавскіе. Сюда заблаговременно отправлены были, по приказанію, фельдмаршала, излишнія тяжести войскъ и свезено много провіанта, для перепеченія въ сухари. Слѣдовательно надлежало дать довольно много времени, чтобы совершенно очистить городъ, тѣмъ болѣе, что у насъ, тамъ и въ пригородномъ сел. Одобешти, было до 2 т. больныхъ въ госпиталяхъ, да доставлено на транспортахъ, изъ Букареста и Бузео, съ отступавшими войсками, болѣе 3 т., для дальнѣйшей отправки которыхъ требовалось вообще до 1500 обывательскихъ подводъ; а ихъ нельзя было, въ тогдашнее рабочее время, получать свыше 500, а иногда только по 200, въ день, собственно для поднятія госпиталей, при всемъ усердіи мѣстнаго начальства обоихъ Княжествъ. Сверхъ того интендантство, въ пособіе казеннымъ подвижнымъ магазинамъ, также требовало ежедневно до 1,000 подводъ. Впрочемъ не было намъ и надобности торопиться изъ Фокшанъ. Городъ этотъ, еще по распоряженію фельдмаршала, былъ защищенъ нѣсколькими редутами; въ 8-ми или 10-ти верстахъ оттуда, по дорогѣ въ Яссы, мы могли, въ случаѣ надобности, занять хорошую позицію на р. Сереть, прикрытую полевыми укрѣпленіями, оставляя сильный аррьергардъ въ Фокшанахъ. Турки не рѣшались, да и не могли, насъ преслѣдовать, по неимѣнію у нихъ достаточныхъ силъ; Австрійцы не вступали еще въ Княжества, а намъ оставалось держаться только въ одной Молдавіи съ прекрасною армією, которая заключала въ себѣ болѣе нежели 100 т. челов., подъ ружьемъ и слишкомъ 300 орудій. Невольно рождался вопросъ, чтѣ сдѣлалъ бы въ такомъ положеніи безсмертный Суворовъ? Вопросъ этотъ совершенно былъ тогда къ стати, потому, что мы стояли именно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, въ 1789-мъ и 1790 году, знаменитый полководецъ нашъ, съ 7 т. Русскихъ и 18 т. Австрійцевъ, одержалъ двѣ блистательныя побѣды и дѣ Турками, при Фокшанахъ и Рымникъ. Духъ героя казалось бы долженъ былъ одушевлять насъ; но увѣ! ничего по-

добнаго не случилось. Грустно было, на пути изъ Бузео къ Фокшанамъ, проходить чрезъ Рымникскія поля, гдѣ все напоминало намъ о давней славѣ нашего оружія. Въ замѣну этаго, во время двухнедѣльнаго пребыванія въ Фокшанахъ, мы дѣлали смотры войскамъ и восхищались ихъ прекраснымъ устройствомъ, бодростію и чистотою церемоніальныхъ маршей. Штыки Русскіе не сверкали въ бою съ непріателемъ, и только 5-го Августа произошла, подъ командою полковника Бонтана, перестрѣлка казаковъ главнаго арріергарда съ непріятельскою кавалеріею, при г. Бузео, и успѣхъ былъ на нашей сторонѣ.

LXXXI.

Здѣсь должно оговорить одно обстоятельство. Указывая въ предыдущемъ параграфѣ, что главнокомандующій, во время пребыванія въ Фокшанахъ, въ началѣ Августа, имѣлъ для защиты уже одной Молдавіи слишкомъ 100 т. войскъ и 300 орудій, я не объяснилъ, что уменьшеніе арміи, противу расчета, помѣщеннаго въ параграфѣ LXVII-мъ, произошло по случаю выступленія 10-го Іюля, въ Крымъ, 16-й пѣхотной дивизіи.—Въ концѣ Іюля въ Петербургъ начали серьезно беспокоиться за Крымскій полуостровъ. Намѣренія на этотъ счетъ непріятеля не могли быть тайною, а не вѣрить въ возможность высадки было бы величайшею ошибкою съ нашей стороны. Но дабы убѣдиться въ точности, до какой степени опасенія наши справедливы, военный министръ, по Высочайшему повелѣнію, отнесся къ генералъ-адъютанту князю Меншикову, съ главнѣйшими на сей предметъ вопросами, съ тѣмъ, чтобы отвѣтъ свой онъ поспѣшнѣе препроводилъ къ князю Горчакову, для изложенія мнѣнія и съ его стороны.

Князь Меншиковъ въ пространной своей запискѣ, которую удалось мнѣ читать, объяснилъ, что вообще высадка въ Крымъ представитъ Англо-Французамъ много затрудненій; но что она возможна, преимущественно въ трехъ пунктахъ: въ Евпаторіи, Феодосіи и въ самомъ Севастополѣ. Что первые два пункта едва ли будутъ избраны непріателемъ, потому что

оттуда, и въ особенности изъ Теодосіи, потребуется сдѣлать нѣсколько переходовъ сухопутною дорогою, до Севастополя, — первостепенной цѣли непріятельскихъ усилій; но кромѣ многихъ невыгодъ союзникамъ чрезвычайно трудно будетъ найти и перевозочные способы, для поднятія съ собою продовольствія и парковъ. Что на высадку, въ самомъ Севастополь, противники наши едва ли рѣшатся, какъ потому, что входъ въ главную Сѣверную Бухту сильно защищенъ береговыми батареями, въ нѣсколько ярусовъ, такъ и по причинѣ тѣсноты Камышевой и Балаклавской Бухтъ, для большаго числа судовъ, особенно трехъ-дечныхъ. Что впрочемъ, если бы непріятель предпринялъ высадиться инаиначе какъ около Севастополя, то успѣхъ его можетъ угрожать намъ самыми гибельными послѣдствіями; ибо съ сухаго пути городъ этотъ имѣетъ весьма ненадежную оборону, а съ Южной стороны почти никакой. Мнѣ неизвѣстно, какое мнѣніе присоединено къ тому княземъ Горчаковымъ; но кажется, что еще прежде полученія отвѣта его въ Петербургъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе отправить въ Крымъ, изъ Молдавіи, одну пѣхотную дивизію, съ ея артиллеріею. При этомъ было однакоже письмо отъ Государя, въ которомъ предоставлялось князю Горчакову исполнить повелѣніе, въ такомъ только случаѣ, если онъ найдетъ возможнымъ сдѣлать это, не ослабляя своихъ силъ. Столь рѣдкая монаршая снисходительность дала поводъ къ нѣсколькимъ колебаніямъ; но, наконецъ, по настоятельнымъ почти представленіямъ генераль-адъютанта Коцебу, рѣшено было отправить, къ Перекопу, форсированными маршами, 16-ю пѣхотную дивизію, такъ какъ 17-я дивизія, того же корпуса, уже находилась въ Крыму. Выступленіе послѣдовало 10-го Іюля, а прибытіе на мѣсто 17-го Августа. Императоръ Николай благодарилъ потомъ главнокомандующаго за оказанную по сему дѣлу поспѣшность. Но, говоря по сущей справедливости, благодарность эта была не совсѣмъ заслуженная *).

*) Надобно вспомнить, что въ это самое время намъ уже нельзя было опасаться союзниковъ, со стороны Дуная. Въ Варшѣ свирѣпствовало холера и тифусъ. Чтобы поднять энергію во Французскихъ вой-

одномъ изъ слѣдующихъ параграфовъ мы представимъ доказательства, что князь Горчаковъ, по отступленіи изъ Фратешти, могъ отправить къ князю Меншикову не одну, а три пѣхотныхъ дивизіи, которыя успѣли бы во время на Альму и въ сраженіи 8-го Сентября конечно удержали бы перевѣсъ на нашей сторонѣ. Какая огромная произошла бы разница! Осада Севастополя навѣрное не состоялась бы. Но, не желая предупредить событій, я возвращаюсь къ принятому мною порядку въ разсказѣ.

LXXXII.

Остановка войскъ нашихъ въ Фокшанахъ, слишкомъ на двѣ недѣли, была впрочемъ неизбежна. Дѣлая обратное движеніе, на пространствѣ 400 верстъ съ 100 т. арміею, обремененною большими запасами продовольствія, нѣсколькими тысячами больныхъ, кѣторыхъ не желали оставить въ чужомъ краю, можетъ быть на жертву неприятелю, и множествомъ разныхъ военныхъ тяжестей (артиллерійскихъ, инженерныхъ, комиссаріатскихъ и полковыхъ) надлежало сдѣлать особыя распоряженія и употребить чрезвычайныя заботы, для поднятія и успѣшной перевозки всего, чтѣ съ нами было. Если бы постепенное отправленіе больныхъ въ Кишиневъ, Измаилъ, Бендеры и Тирасполь не началось еще съ Мая мѣсяца, то по необходимости мы должны были бы остаться въ Княжествахъ до Октября; но и при этомъ даже, огромные транспорты всякаго рода тянулись ежедневно впереди войскъ, по большому тракту на Яссы и Скуляны; не смотря на то, что генералъ-адъютантъ Лидерсъ, съ 6-го полками своего корпуса, шелъ, отъ самой Силистріи въ Бессарабію по другой дорогѣ, чрезъ Браиловъ, Галацъ и Рени, забравъ также съ собою больныхъ изъ Браиловскаго и Галацкаго госпиталей, а сверхъ того большая часть провіантскихъ запасовъ направлена была пря-

скахъ, маршалъ С. Арно отправилъ въ Добруджу экспедицію, подъ начальствомъ генералъ Эспинаса, который, пройдя верстъ 100 отъ Варны, возвратился назадъ, въ слѣдствіе потери 8 т. человекъ, отъ болѣзней. *Разсказъ очевидца, Французскаго генерала.*

мо на переправу чрезъ Прутъ, при Водолуй-Исакии. Самое главное затрудненіе состояло въ перевозкѣ раненыхъ и больныхъ: въ числѣ первыхъ находилось много съ тяжелыми ранами и даже ампутированные; въ числѣ послѣднихъ едва-ли небольшая половина съ жестокими изнурительными лихорадками, дизентеріею, а нѣкоторые и съ тифусомъ. Новая ежедневная прибыль больныхъ, изъ рядовъ войскъ, также была значительна. Надобно припомнить, что отступленіе происходило въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, когда въ Придунайскихъ княжествахъ бываетъ чрезвычайный зной и изобиліе еще не совсѣмъ доспѣлыхъ арбузовъ, дынь, винограду и другихъ фруктовъ, а въ текучей, здоровой и свѣжей водѣ крайній недостатокъ. Необходимъ былъ, во время переходовъ, строжайшій присмотръ за нижними чинами. Для этаго, кромѣ ближайшаго начальства, употреблена была вся военная полиція, и, не смотря на то, всегда успѣвали отдѣляться въ виноградники и бакчи толпы людей, особенно отъ обозовъ, шедшихъ, обыкновенно, въ нѣс сколько рядовъ, на большомъ пространствѣ. Попеченіе главнокомандующаго о сохраненіи людей было примѣрное. Не говоря уже о томъ, что войска всегда получали хорошую пищу съ мясомъ, ежедневно водочныя порціи и солону для подстилки на бивакахъ, въ каждую изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, слѣдовавшихъ при главной квартирѣ и въ арріергардѣ, были даны по одному подвижному госпиталю для помощи заболѣвающимъ и усталымъ на переходахъ *), и сверхъ того разрѣшено, для облегченія нижнихъ чиновъ отъ ранцевъ и носимаго ими на себѣ 4-хъ дневнаго провіанта, брать, за прогоны, по нѣскольку обывательскихъ подводъ. Къ сожалѣнію, не во всѣхъ ближайшихъ начальникахъ видна была одинаковая заботливость о ввѣренныхъ имъ частяхъ. Отъ этаго подвижные госпитали каждый день были наполнены больными, которыхъ безпрестанно приходилось сдавать въ транспорты, къ крайнему обремененію сихъ послѣднихъ. Весьма

*) По штату полагается подвижный госпиталь изъ 80 повозокъ; на цѣлый корпусъ изъ 5 дивизій, а не для одной дивизіи, что составляетъ большую разницу въ походѣ.

понятно, что полковые командиры, получая отъ казны на содержаніе больныхъ опредѣленную штатную сумму на годъ *), стараются какъ можно меньше имѣть ихъ въ полковомъ лазаретѣ. Для полковыхъ медиковъ это также выгодно, во первыхъ потому, что, сбывая больныхъ въ госпитали, они не отвѣчаютъ предъ своимъ начальствомъ за большую смертность въ полкахъ, а во вторыхъ, чѣмъ меньше людей въ полковомъ лазаретѣ остается на собственномъ ихъ лѣченіи, тѣмъ разумеется меньше имъ и дѣла. Этаго рода небреженія были строго преслѣдуемы; но, въ большой арміи и притомъ въ походѣ, трудно за всѣмъ усмотрѣть изъ главнаго штаба, безъ дѣятельнаго участія бригадныхъ, дивизионныхъ и даже корпусныхъ командировъ, которые, къ сожалѣнію, обращаютъ преимущественно свое вниманіе на фронтовую часть.

Транспортировка раненныхъ и больныхъ отъ самаго Краюва до Прута и далѣе въ Россію, производилась сначала обыкновеннымъ порядкомъ, большею частію на обывательскихъ подводахъ, отъ одного госпиталя до другаго, такимъ образомъ, что прибывшіе съ транспортомъ трудные тотчасъ сдавались въ попутные госпитали, а въ замѣну ихъ поступали въ транспорты болѣе надежныя къ перевозкѣ. Но когда армія двинулась обратно, и надобно было вывести изъ Княжествъ всѣхъ раненныхъ и больныхъ **), съ ихъ оружіемъ и амунициею, а также съ госпитальнымъ казеннымъ имуществомъ, что вообще составляло огромную тяжесть, то затрудненія при этомъ увеличились до крайности: ибо кромѣ недостатка подводъ нельзя было найти и столькихъ помѣщеній, по дорогѣ къ границѣ нашей, среди малолюдныхъ Молдаванскихъ селеній, состоящихъ большею частію изъ тѣсныхъ и худо устроенныхъ землянокъ. Предвидя это, главнокомандующій заблаговременно приказалъ употребить всѣ мѣры къ устройству возможныхъ этапныхъ помѣщеній на пространствѣ между Фокшанами и Яссами, преимущественно въ Текучъ, Бырладъ

*) За сверхштатныхъ больныхъ и постороннихъ, казна особо отпускаетъ деньги, за cadaго человека.

**) Кромѣ 38-ми почти безнадежныхъ, оставленныхъ въ Букарестѣ.

и Васлуй, а въ Яссахъ отвести подъ госпитали сколь можно болѣе домовъ. По счастью, въ Текучь нашлись большіе плетневые сараи, устроенные для помѣщенія провіанта и разныхъ военныхъ складовъ, вывезенныхъ изъ Букареста еще въ Мав; а въ Бырадъ, весьма порядочномъ городкѣ, отысканы и удобныя строенія для этой надобности. Самое отправленіе транспортовъ съ больными и ранеными распоряджено такъ, чтобы изъ Фокшанъ отправлялось въ день отъ 500 до 1000 человекъ, съ вещами одного или двухъ временныхъ госпиталей, которые раскрывались въ Текучь, Бырадъ и Васлуй, для дневокъ раненымъ и больнымъ; а дабы еще болѣе устранить стѣснительность въ дорогѣ до Скулянъ, часть транспортовъ отправлена по другому направленію къ нашей границѣ, на Деово, гдѣ, какъ и въ Скулянахъ, приготовлены были лагерныя госпитали, въ госпитальныхъ наметахъ и большихъ палаткахъ. Такія же лагерныя помѣщенія устроивались въ Текучь и Васлуй. Но все это, составляя важное пособіе при транспортировкѣ значительнаго числа раненыхъ и больныхъ, далеко не могло удовлетворять всей потребности.

LXXXIII.

16-го Августа главная квартира перешла въ Бырадъ, а арріергардъ нашъ прибылъ въ Фокшаны. Въ Бырадъ главнокомандующій остался 18-го и 19-го числа; 20-го главная квартира достигла въ Васлуй, а 21-го въ Яссы, гдѣ князь Горчаковъ пробылъ до 31-го Августа, чтобы лично при себѣ отправить всѣ войска къ Скулянамъ, на переправу чрезъ Прутъ, по постоянному тамъ мосту.

При выступленіи изъ Молдавіи предполагалось также взять въ Россію тамошнія войска; но когда объявили имъ объ этомъ, то не только явился между ними ропоть, но нѣкоторые офицеры рѣшительно отказались отъ повиновенія и увлекли за собою многихъ нижнихъ чиновъ. Еще въ Бырадъ кн. Горчаковъ получилъ донесеніе о томъ отъ графа Остенъ-Сакена, и въ первую минуту полагалъ не отступать отъ нашего намѣренія, т. е. силою заставить національныя войска, изъ Мол-

давіи, слѣдовать въ Россію, а непослушныхъ офицеровъ, возбудившихъ неповиновеніе въ своихъ подчиненныхъ, предать немедленно военному суду и наказать на мѣстѣ, по приговору полевого уголовного уложенія. Рѣшеніе это было принято въ присутствіи трехъ или четырехъ почетнѣйшихъ бояръ Княжествъ, провожавшихъ насъ изъ Букареста и выѣхавшихъ на встрѣчу изъ Яссъ; они молчали, но начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Коцебу, братъ его директоръ дипломатич. канцеляріи и генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ, представили съ своей стороны, что едва ли строгія мѣры были бы въ тогданнее время законны; ибо мы уже оставляли Придунайскія княжества, и поступокъ нашъ еще болѣе вооружилъ бы противу насъ Западную Европу, а въ Молдавіи и въ Валахіи оставилъ бы самое вредное для насъ впечатлѣніе. При томъ же половина или даже двѣ трети взятыхъ силою войскъ постараются изыскивать всевозможные случаи къ побѣгамъ, на родину, и вообще будутъ дурными солдатами и въ полѣ, и въ гарнизонѣ. Послѣ долгихъ и горячихъ преній, возобновлявшихся нѣсколько разъ, рѣшено было положить окончательное объ этомъ заключеніе, по прибытіи главной квартиры въ Яссы, а между тѣмъ немедленно арестовать офицеровъ, болѣе прочихъ виновныхъ, т. е. возбудившихъ первое неповиновеніе. Въ послѣдствіи, по зрѣломъ разсужденіи, дѣло это кончилось тѣмъ, что три или четыре главнѣйшіе начинщика отсланы въ Бобруйскъ, для содержанія подъ арестомъ во все продолженіе войны. Что касается до нижнихъ чиновъ, то каждому изъ нихъ отдано на выборъ: идти ли съ нами въ Россію, или оставаться на родинѣ. Охотниковъ поступить въ нашу службу оказалось около 300; но разумѣется изъ нихъ приняты только тѣ, которыхъ поведеніе одобрялось. У большей части прочихъ войскъ, равно какъ и у Валахскихъ, не квартировавшихъ ни въ Букарестѣ, ни въ Яссахъ, отобрано оружіе и, вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ орудій туземной артиллеріи, отвезено за нами въ Бессарабію.

LXXXIV.

Кажется, что въ то время, когда мы оканчивали всѣ эти дѣла въ Яссахъ и дожидались прибытія послѣднихъ транспортовъ и арріергарда, было получено Высочайшее повелѣніе отправить въ Россію для расположенія на зимнихъ квартирахъ, въ губерніяхъ: Подольской, Волынской и Кіевской, слѣдующія части войскъ, возвращавшихся изъ Княжествъ: 6. 8. 9. 10 и 11-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею, 3 и 4 стрѣлковыя баталіоны, 3 и 4 саперныя баталіоны и часть кавалеріи; въ Бессарабіи оставлены только войска 5-го пѣхотнаго корпуса и 12-я пѣхотная дивизія, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Горчакова, которому мѣстопробываніемъ назначенъ г. Кишиневъ. 7-ю пѣхотную дивизію велѣно возвратитъ также изъ за Дуная, въ южную Бессарабію, оставивъ въ Бабадагской области казаковъ, съ однимъ полкомъ регулярной кавалеріи; а для постояннаго сообщенія съ ними сохранить мостъ на судахъ, устроенный нами при Исакчи.

Отправленіе большей части войскъ въ Россію, на зимнія квартиры, Государь считалъ необходимымъ, во первыхъ, чтобы пополнить ряды ихъ, ослабленные болѣзнями и урономъ противу непріятели; а во вторыхъ дать имъ возможность, въ теченіи зимы, обмундироваться и получить отъ казны все, что слѣдовало.

Почти всѣ полагали, что такое Высочайшее распоряженіе предвѣщаетъ скорый миръ, хотя и были уже достовѣрныя свѣденія, что Англо-Французы положительно приготавлиются къ высадкѣ въ Крымъ. Къ несчастію, высадка эта не замедлила осуществиться на самомъ дѣлѣ, даже въ то время, когда вышепоименованныя войска уже выступили эшелонами въ Россію. Но это составляетъ предметъ второй части моихъ записокъ, — войну на Крымскомъ полуостровѣ, и потому добавлю здѣсь, въ видъ заключенія, лишь нѣсколько краткихъ общихъ замѣчаній о войнѣ на Дунаѣ.

1). Война эта ведена была съ такимъ числомъ войскъ и съ такими средствами, какихъ не представляетъ ни одна изъ предшествовавшихъ нашихъ кампаній противу Турокъ.

2). Если бы мы дѣйствовали съ надлежащею энергіею и не были постоянно подъ вліяніемъ опасеній, со стороны Австрійцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ Маѣ мѣсяцѣ Русцукъ, Силистрія и Шумла могли быть взяты нами, и побѣдоносная Русская армія предупредила бы въ Константинополѣ Англо-Французовъ, опираясь на помощь Задунайскихъ Славянъ, ненавидящихъ Турецкое иго.

3). Въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I-й не щадилъ ничего для успѣха войны, ибо дѣло шло о чести Россіи, за которую Европа давно привыкла признавать первенство оружія. Но мы видѣли, что никакія ободрительныя внушенія, никакіе вспомогательные способы, присылаемые на театръ войны, не могли подвигнуть главнокомандующихъ нашихъ къ предпріимчивости и возбудить въ нихъ самоувѣренность, что первѣсь могъ остаться на нашей сторонѣ.

4). Эта, такъ сказать, постоянная апатія къ наступательной войнѣ не только парализировала всѣ наши дѣйствія на Дунаѣ, но дала время непріятелю подготовитъ дерзкую высадку на Крымскій полуостровъ.

5). Высадка эта могла окончиться гибелью, или покрайней мѣрѣ пораженіемъ Англо-Французовъ въ Крыму, если бы, вмѣстѣ съ 16-ю пѣхотною дивизіею, были отправлены туда въ Іюль мѣсяцѣ еще двѣ пѣхотныя дивизіи и хотя одна бригада кавалеріи, какъ я упомянулъ о томъ въ параграфѣ LXXX. Оспоривать возможность отправленія такого числа войскъ, въ сказанное время, вѣроятно никто не приметъ на себя, *во первыхъ* потому, что тогда мы оставляли Княжества, и Турки вовсе насъ не преслѣдовали, и *во вторыхъ* тотчасъ по переходѣ на лѣвый берегъ Прута направлены за Днѣстръ цѣлыхъ 5-ть дивизій, присутствіе которыхъ Государь считалъ ненужнымъ въ Бессарабіи. Слѣдовательно, послать въ Крымъ лишнихъ двѣ дивизіи, пятью или шестью недѣлями ранѣе, при обратномъ движеніи въ свои границы, изъ Княжествъ, ничто намъ не

препятствовало: ибо у главнокомандующаго осталось бы подъ рукою еще 6½ дивизій пѣхоты, съ множествомъ конницы, для самаго успѣшнаго и, можно сказать, грознаго отступленія за Прутъ, тѣмъ болѣе, что и Австрійцы не показывали ни малѣйшаго намѣренія вытѣснить насъ изъ Княжествъ оружіемъ, а начали, по условію съ Турками, вводить туда войска свои, когда удостовѣрились положительно, что Русскихъ вовсе нѣтъ ни въ Валахіи, ни въ Молдавіи.

6). Ни въ одну изъ нашихъ войнъ противу Турокъ, мы не имѣли менѣе затрудненій на счетъ продовольствія войскъ и госпиталей. Войска во все время на Дунаѣ и за Дунаемъ, въ теченіи года, получали постоянно хорошую пищу и не только нигдѣ не встрѣчали никакой остановки въ продовольствіи; но, по снятіи осады Силистріи, интендантство имѣло въ остаткѣ 100 т. четвертей разныхъ продовольственныхъ припасовъ, изъ числа заготовленныхъ въ Каларашѣ и Слободзеѣ, собственно для осаднаго корпуса, а потомъ, по совершенномъ очищеніи нами Княжествъ, вывезло оттуда въ Бессарабію болѣе 200 т. четвертей провіанта *).

Во все время пребыванія нашего въ Княжествахъ и за Дунаемъ, въ 1853 и 1854 годахъ, мы были такъ счастливы, что никакая эпидемическая или заразительная болѣзнь не свирѣпствовала въ войскахъ нашихъ, какъ обыкновенно случалось это большею частію въ предшествовавшихъ войнахъ, и особенно въ 1828-мъ и 1829 годахъ. Госпитали наши никогда не были переполнены больными и ранеными, покуда мы не двинулись назадъ, и постоянно содержались въ лучшемъ порядкѣ, не смотря на недостатокъ въ краю удобныхъ госпитальныхъ помѣщеній. Но когда потребовалось вывезти все изъ Валахіи и Молдавіи, то разумѣется, что одно изъ самыхъ большихъ затрудненій представила перевозка больныхъ и раненыхъ, со всѣми госпитальными тяжестими, на пространствѣ 600 верстъ до нашей границы. Однако же и при этомъ обстоятельствѣ, необыкновенномъ въ лѣтописяхъ войнъ, требовав-

*) Рукопись генералъ-интенданта.

шемъ особыхъ усилій, мы успѣли, безъ большихъ жертвъ, перевезти въ госпитали Бессарабіи и Подольской губерніи до 12 т. человѣкъ, для поднятія которыхъ, равно какъ и подъ свозъ провіанта, не помѣщавшагося на казенныхъ подвижныхъ магазинахъ, требовалось ежедневно отъ 1,000 до 1,500 обывательскихъ подводъ отъ Княжествъ. Свиты Его Величества генераль-маіоръ Анненковъ, осматривавшій въ самое то время, по порученію Государя, госпитальную часть арміи, донесъ, что онъ нашелъ по всѣмъ предметамъ совершенный порядокъ, и Императоръ Николай I-й благодарилъ за это главнокомандующаго.

И наконецъ 7). Не встрѣчали мы также стѣсненія и въ денежныхъ средствахъ: за всѣ предметы продовольствія, приобрѣтаемые интендантствомъ и войсками въ Княжествахъ, уплачивалось, по Высочайшему повелѣнію, всегда наличнымъ Золотомъ, по установленному въ краю курсу, и только за намѣ госпитальныхъ помѣщеній и немногія другія статьи выдавались временныя квитанціи, по коимъ равномерно выплата нисколько не замедлялась.

Все это доказываетъ, что въ нашихъ неуспѣхахъ нѣтъ никакого повода ссылаться на постороннія препятствія, ибо они вовсе не существовали.

Съ такими фактами, которые приведены здѣсь, мы смѣло можемъ ожидать возраженій, отъ кого бы то ни было, и твердо увѣрены, что никто не будетъ въ состояніи упрекнуть насъ въ искаженіи истины, или въ желаніи обвинять кого либо, безъ надлежащаго основанія.

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА О ВОЙНѢ РОССІИ ПРОТИВУ ТУРЦІИ И ЗАПАДНЫХЪ ДЕРЖАВЪ.

Сочиненіе Н. И. Ушакова.

Часть II.

Отъ высадки непріятеля въ Крымъ до перемирія, заключеннаго въ Февралѣ мѣсяцѣ 1856 года.

I.

Кому неизвѣстно древнее, но весьма мудрое, изрѣченіе: „никогда не откладывай до завтра, что можешь сдѣлать сегодня.“ Кн. Горчакову пришлось горькимъ опытомъ повѣрить всю справедливость этого изрѣченія. Онъ имѣлъ столько случаевъ приобрести на Дунаѣ блестящую славу и оказать Отечеству важную услугу, пораженіемъ Турокъ и взятіемъ Силистріи, прежде нежели союзники Оттоманской Порты могли прибыть на помощь Омеръ-Пашѣ; но, какъ мы видѣли, не воспользовался своими средствами и попалъ потомъ въ положеніе гораздо труднѣйшее и худшее: на него обрушилось тяжкое бремя отстаивать Севастополь и Крымъ противу соединенныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Англій, Франціи, Турціи и Піемонта.

II.

Что бы ни говорили военные писатели о чрезвычайномъ облегченіи, въ настоящее время, высадокъ, послѣ изумитель-

ныхъ успѣховъ пароходства и изобрѣтенія винтовыхъ кораблей; но высадка Англо-Французовъ, въ Евпаторіи, всегда останется примѣромъ ихъ необыкновенной отваги и предприимчивости; эта смѣлость, или лучше сказать дерзость, могла окончиться совершенною гибелью союзниковъ, если бы двѣтри сильныя бури, столь обыкновенныя позднею осенью и зимою у береговъ Чернаго моря, разбросали непріятельскій флотъ и уничтожили хотя бы половину ихъ кораблей и даже транспортовъ. Но являлись для нихъ и другія опасности, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

III.

Экспедиція въ Крымъ не была однакоже дѣломъ случая, а плодомъ соображеній Французскаго императора и политики Вѣнскаго кабинета. Въ 1854 и въ первой половинѣ 1855 года, во Франціи многіе смотрѣли на Крымскую экспедицію, какъ на предпріятіе совершенно безразсудное. Тѣ, которые держались этаго мнѣнія, находили, что война на Дунаѣ могла бы быть выгоднѣе для союзниковъ; но они сильно ошибались, какъ доказано въ предыдущемъ нашемъ разсказѣ: перевѣсъ тогда могъ остаться на нашей сторонѣ, если бы мы, съ самаго начала, не тратили время въ раздумь и были рѣшительнѣе. Притомъ Вѣнскій кабинетъ употреблялъ всю тонкость своей политики, чтобы не допустить Англо-Французовъ перенести дѣйствія свои въ Придунайскія княжества. Въ Вѣнѣ очень опасались, чтобы сближеніе къ границамъ Венгріи и Трансильваніи союзныхъ, а вмѣстѣ и Турецкихъ, войскъ, въ которыхъ было тогда много выходцевъ Польскихъ, Венгерскихъ и Италіянскихъ, не занесло туда революціонной пропаганды и не возобновило въ послѣдствіи тѣхъ самыхъ происшествій, которыя въ 1848 и 1849 годахъ такъ сильно угрожали существованію Австрійскаго престола. Сверхъ того, Вѣнскій дворъ, вступая неохотно въ союзъ противу Россіи, имѣлъ въ виду и другіе два расчета, для занятія Придунайскихъ княжествъ собственными войсками: во *первыхъ* удобство и выгоды продовольствовать и содержать значительную армію,

довольно долгое время, не въ своемъ, а въ сосѣдственномъ и притомъ хлѣбородномъ краю, и *во сторуль* занятіемъ Молдавіи и Валахіи составлять какъ бы арріергардъ союзниковъ, которые, по всей вѣроятности, устремили бы тотчасъ дѣйствія свои на нижній Дунай, противу Измаила, гдѣ имъ ближе было имѣть содѣйствіе многочисленнаго своего флота, и въ тоже самое время бомбардировать Одессу. Въ такомъ положеніи дѣла, Австрія сохраняла для себя, на будущее время, справедливую отговорку, что она не проливала Русской крови.

Наполеонъ III, при всей своей дальновидности и хитромъ умѣ, не разгадалъ двухъмысленной политики Вѣнскаго кабинета и, желая съ одной стороны, во что бы то ни стало, завлечь Австрію въ вооруженный союзъ, а съ другой, разстроенный въ своихъ предположеніяхъ неожиданнымъ снятіемъ осады Силистріи и отступленіемъ нашимъ на лѣвый берегъ Дуная, холерою сильно развившеюся въ Галлиполи и Варнѣ, и наконецъ неудачною экспедиціею генерала Эспипаса въ Добруджу, обратился къ другому плану кампаніи—къ высадкѣ въ Крымъ.—Мысль эта родилась еще въ концѣ Апрѣля или въ началѣ Мая 1854 года. Рассказываютъ, что Наполеонъ III лично и прилежно обдумывалъ ее въ Тюльери и Біаррицѣ, погруженный въ разсмотрѣніе карты Крыма, съ циркулемъ въ рукахъ. Онъ даже собственноручно переписалъ проектъ экспедиціи и отправилъ его въ Константинополь и въ Лондонъ. Въ Лондонѣ, негоціанты Сити и акціонеры Остъ-Индской компаніи приходили въ восторгъ, что Русскій флотъ, въ Черномъ морѣ, будетъ истребленъ. •

Къ предварительному обозрѣнію Крымскихъ береговъ было приступлено еще въ Маѣ мѣсяцѣ. Начальникъ Французской эскадры, вице-адмиралъ Гамеленъ, лично отправленъ былъ къ Севастополю, на пароходѣ Роландъ. Мы видѣли, что, возвратясь оттуда, онъ 11 Мая имѣлъ въ Варнѣ свиданіе съ маршаломъ С. Арно, который тогда уже зналъ о намѣреніи своего государя и съ любопытствомъ слушалъ рассказъ адмирала о крейсертвѣ. Первые свѣдѣнія показали однакоже,

сколько затрудненій должна была встрѣтить эта смѣлая экспедиція. Неизвѣстно, на какомъ основаніи союзники считали у насъ въ Крыму отъ 70-ти до 80 т., къ которымъ, будто бы, ожидали скорого присоединенія еще 20 тысячъ человѣкъ. По слухамъ, собраннымъ адмираломъ Гамеленомъ, всѣ порты Крымскіе были укрѣплены; на всѣхъ возвышеніяхъ поставлены сигнальные маяки и конные караулы, дабы тотчасъ давать знать въ Севастополь и Симферополь, лишь только покажется въ морѣ непріятельское судно. Ожидали отъ Русскихъ отчаянной обороны и опустошенія края, чтобы союзники не нашли никакихъ способовъ вести тамъ войну.

Такія свѣдѣнія не могли не возбудить сомнѣній въ успѣхъ задуманнаго плана. Маршалъ С. Арно, не смотря на все свое увлеченіе и любимую мечту быть предводителемъ столь отважной экспедиціи, полагалъ однакоже, что, для высадки въ Крымъ и для дѣйствій противу Севастополя, потребуются всѣ соединенныя, сухопутныя и морскія, средства Франціи и Англій.

IV.

Какъ бы то ни было, но въ Іюль получено положительное повелѣніе готовиться къ высадкѣ въ Крымъ, а потомъ другое— ускорить экспедицію. Но прежде полученія сего послѣдняго, произведено было новое морское обозрѣніе Крымскихъ береговъ, въ которомъ участвовали съ Французской стороны генералъ Канроберъ съ нѣсколькими инженерными и морскими офицерами, а съ Англійской генералъ Броунъ и контръ-адмиралъ Лейонсъ. Свѣдѣнія, доставленныя ими, были гораздо благопріятнѣе: они показали возможность высадки, преимущественно около Евпаторіи.

Послѣ этаго маршалъ С. Арно собралъ въ Варнѣ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ обсудить проектъ экспедиціи, составленный Французскимъ императоромъ; но предложеніе это было излишнее, ибо императоръ изъявлялъ непремѣнную волю, чтобы высадка была исполнена. Впрочемъ, лордъ Рагланъ первый указалъ совѣту на недостаточность тогдашнихъ свѣдѣній о Крымѣ и на неудовлетворительность

картъ, имѣвшихся у союзниковъ, а адмиралъ Гамеленъ называлъ предпріятіе рискованнымъ. Къ этимъ мнѣніямъ присоединились принцъ Наполеонъ, генералъ Боске, герцогъ Кембриджскій и адмиралы: Дундасъ, Лейонсъ и Чарнеръ. Маршалъ С. Арно писалъ въ Парижъ: «Многіе колеблются, «или по крайней мѣрѣ противятся экспедеціи». Но все было напрасно, когда пришлось разсуждать, что для союзниковъ нѣтъ другаго исхода, что холера и лихорадки уничтожаютъ экспедиціонную армію, что бездѣйствіе вредно и что наконецъ нужно дорожить временемъ.

V.

¹⁹/₃₁ Августа должна была начаться посадка на суда союзныхъ войскъ въ Варнѣ, но сильный вѣтеръ воспрепятствовалъ тому. На другой день, т. е. 1-го Сентября, были посажены три Французскія дивизіи и соединены въ Бальчикскомъ заливѣ. Турецкая эскадра, съ войсками, также туда прибыла. Недоставало Англичанъ, которые были задержаны противными вѣтрами, въ Варнѣ, до 27 Августа (8-го Сентября), когда Французскій и Турецкій флоты стояли уже на якорѣ у Змѣиныхъ Острововъ.

Здѣсь снова начались пренія о мѣстѣ высадки. Французы полагали самымъ удобнымъ выйти на берегъ между р. р. Качею и Альмою, гдѣ впрочемъ замѣченъ большой нашъ лагерь. Лордъ Рагланъ настаивалъ, что гораздо надежнѣе высадиться у стараго Генузскаго форта, между Евпаторією и Севастополемъ, въ разстояніи отъ перваго пункта къ Югу около 25-ти верстъ, и отъ втораго къ Сѣверу около 50-ти верстъ. Для рѣшенія спора назначено было новое обозрѣніе береговъ, въ слѣдствіе котораго преимущество отдано мнѣнію Раглана.

¹/₃-го Сентября соединенныя эскадры союзниковъ стали на якорѣ противу мѣста, избраннаго для десанта. Для занятія Евпаторіи посланъ былъ особый отрядъ; но находившаяся тамъ команда нашихъ слабосильныхъ, въ числѣ 200 человекъ, подъ начальствомъ маіора Броницкаго, заранѣе имѣла приказаніе отступить къ Севастополю.

$\frac{2}{14}$ и $\frac{1}{15}$ Сентября произведена была высадка 28 т. Французовъ, 26 т. Англичанъ и 8 т. Турокъ. Совершенный успѣхъ союзниковъ долженъ былъ и для нихъ казаться невѣроятнымъ: десантъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія. Весьма естественно сдѣлать при этомъ вопросъ: отъ чего же? Конечно, князь Меншиковъ, со всѣми своими силами, не могъ воспрепятствовать высадкѣ, производившейся съ столь огромными средствами; но слѣдовало испытать другое, отнюдь не рискуя большою потерей.

Извѣстно, что, не смотря на произведенныя предварительныя обозрѣнія, непріятель все таки вышелъ на берегъ въ неудобномъ мѣстѣ, для принятія боя, на песчаной мѣстности, стѣсненной между моремъ и двумя солеными озерами, имѣющей въ ширину около 4-хъ верстъ *). На этомъ-то узкомъ пространствѣ нужно было союзникамъ помѣстить 62 тысячи войскъ, съ артиллеріею, обозами и прочими тягостями. Высадка производилась до вечера. Французы и Турки имѣли палатки; у Англичанъ ихъ не было, и потому они провели ночь подъ сильнымъ дождемъ, въ слякоти, не имѣя дровъ, для обогрѣванія. Каждый изъ военныхъ людей знаетъ, что подобнаго рода расположеніе на ночлегъ, даже въ

*) Въ донесеніи князя Меншикова сказано, что непріятель высадился между Евпаторіею и д. Каптугаемъ. Французы и Англичане писали, что высадка произведена у Старога Укрѣпленія. Названія деревни Каптугай нѣтъ на картахъ нашихъ; ссылаюсь на лучшія изъ нихъ, именно: топографическую, изданную при военно-топографическомъ депо, со съемокомъ, произведенныхъ въ 1842 году генеральнаго штаба полковникомъ Ветевымъ и подполковника Обергомъ, а также карту Чернаго моря капитанъ-лейтенанта Мангаарн, описывавшаго это море съ 1828 по 1836 годъ. Эта послѣдняя карта подарена мнѣ адмираломъ Палевымъ, во время войны, и ею руководствовались въ Черноморскомъ елотѣ. Такъ называемое Старое или Древнее Укрѣпленіе, постройку котораго приписываютъ Генуэзцамъ, находится южнѣ Евпаторіи почти на 28 верстъ, недалеко отъ Русской деревни Кюйтеугахъ, означенной на картѣ полковника Бетева и подполковника Оберга. Можетъ быть, деревня Кюйтеугахъ есть та же самая, которая названа въ донесеніи кн. Меншикова Каптугай. Она находится почти на половинѣ разстоянія между Евпаторіею и устьемъ Альмы, гдѣ 8-го Сентября произошло сраженіе.

дали отъ непріятеля, не можетъ не сопровождаться нѣкоторымъ безпорядкомъ, среди самыхъ благоустроенныхъ войскъ. Безпорядокъ этотъ, въ темную, дождливую ночь, послѣ высадки, былъ безъ сомнѣнія значительное обыкновеннаго. Если бы въ это время одинъ казачій полкъ и 200 или 300 охотниковъ гусарь, съ конною полубатареею, скрытно подошли къ непріятельскому лагерю, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и бросились на ближайшія Англо-французскія войска, въ тѣсномъ и неудобномъ ихъ расположеніи, тревога произошла бы страшная. Непріятель могъ принять это за формальную атаку; началась бы стрѣльба по своимъ и, прежде нежели объяснилась суматоха, небольшой отрядъ нашъ успѣлъ бы отойти, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ. На другую ночь можно было повторить безнаказанно такое же нападеніе.

Предположимъ, что этимъ не было бы нанесено много вреда непріятелю; но не обошлось бы для него и безъ нѣкотораго разстройства, а разстройство это могло замедлить на два или на три дни движеніе союзниковъ вперед и, главное, внушить имъ въ самомъ началѣ, что они имѣютъ противу себя войска предпріимчивыя, которыя не уступятъ и малѣйшей возможности вредить имъ на каждомъ шагу. Такъ поступали иногда наши партизаны, въ Отечественную войну, и успѣхъ всегда вѣнчалъ ихъ отвагу.

Къ сожалѣнію, мы пренебрегаемъ теперь стратагеми, столь употребительныя въ древности, у Грековъ и Римлянъ, нашихъ во всемъ учителей. Новѣйшее военное искусство обратилось исключительно къ превыспреннимъ взглядамъ и требуетъ прежде всего отъ генерала искусныхъ маневровъ и сраженій, по правиламъ тактики. Нельзя не согласиться, что такія знанія необходимы каждому военачальнику; но на войнѣ не должно пренебрегать и малыми случаями, если они могутъ повредить непріятелю и обѣщать успѣхъ. Этимъ высокоцѣнимъ, какъ мы увидимъ, былъ зараженъ и князь Меншиковъ: онъ предпочелъ принять правильную битву, съ числомъ войскъ почти въ половину меньшимъ, нежели имѣли Англо-Французы и при томъ такихъ войскъ, изъ которыхъ большая

часть не бывала еще въ огнѣ. Такая необдуманность могла повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія; но къ счастью для насъ, союзники были нерѣшительны и не преслѣдовали князя Меншикова, тотчасъ послѣ сраженія при Альмѣ.

VI.

Официальное извѣстіе о высадкѣ получено было въ нашей главной квартирѣ въ Скулянахъ, ночью, съ 4-го на 5-е Сентября. Я узналъ объ этомъ отъ начальника главнаго штаба, генераль-адъютанта Коцебу, будучи у него съ докладомъ, на другой день утромъ; онъ добавилъ, что немедленно издается повелѣніе генераль-лейтенанту Липранди, только что прибывшему на квартиры въ Бессарабію, выступить съ своею дивизіею 10-го Сентября къ Перекопу, форсированными маршами. Мое мнѣніе было—отдать для этой дивизіи всѣ свободныя провіантскіе транспорты, числомъ отъ 1500 до 2000 подводъ, дабы люди, безъ всякой усталости, могли дѣлать переходы до 50 верстъ въ сутки; но все ограничилось тѣмъ, что написали Новороссійскому генераль-губернатору генераль-адъютанту Анненкову и прямо губернаторамъ Херсонскому и Екатеринославскому, чтобы они распорядились выставкою сколь возможно большаго числа обывательскихъ подводъ и всѣми пособіями, для скорѣйшаго преслѣдованія дивизіи въ Крымъ.

Въ томъ положеніи, въ какомъ находился тогда Крымскій полуостровъ, помощь изъ одной дивизіи, хотя довольно сильной числомъ штыковъ *), конечно не могла значительно усилить тамошнія наши средства, тѣмъ болѣе, что дивизіи этой надлежало пройти до Перекопа слишкомъ 600 верстъ; но въ крайности, и при томъ на первый разъ, было уже и это большою поддержкою для князя Меншикова. Что касается до другихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Дунаѣ, то я уже сказалъ, что, по выходѣ нашемъ изъ Княжествъ, дивизіи: 6, 8, 9, 10 и 11, съ частію кавалеріи, были направлены отъ Скулянъ въ

*) Въ дивизіи этой состояло тогда до 15 т. унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. *Рапортъ строевой отъ 16-го Октября 1854 года.*

Россію, на зимовыя квартиры. Изъ нихъ нѣкоторые эшелоны дошли уже въ то время до Днѣстра, почему князь Горчаковъ и не рѣшился возвращать ихъ, но испрашивалъ повелѣнія изъ С. Петербурга и приостановилъ войска на походѣ. Формальность эта едва ли была извинительна, въ тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ. Государь приказалъ тотчасъ возвратиться всѣмъ въ Бессарабію и даже предоставилъ князю Горчакову отправить поспѣвшиѣ въ Крымъ еще одну или двѣ дивизіи; но между тѣмъ потеряно было много времени: ибо, повторяю, мы могли и должны были послать такое подкрѣпленіе къ князю Меншикову еще въ половинѣ Іюля. Разница была бы великая! *)

VII.

5-го Сентября главная квартира наша перешла изъ Скулянъ въ Кишиневъ, а чрезъ нѣсколько дней получено офиціальное извѣстіе о сраженіи подъ Альмою, которое окончилось въ пользу союзниковъ, ибо мы отступили, оставя на мѣстѣ много раненыхъ. Русскіе дрались мужественно, но не слѣдовало вступай въ бой съ непріятелемъ гораздо сильнѣйшимъ. Со стороны трудно рѣшить, чтѣ заставило князя Меншикова искать столь неравной встрѣчи въ полѣ? Въ военномъ дѣлѣ, битва есть такой исходъ, къ которому обращаются преимущественно въ двухъ случаяхъ: *во первыхъ*, если есть довольно вѣрная надежда на успѣхъ, обещающая важныя выгоды побѣды, и *во вторыхъ*, если столкновеніе неизбежно и вынуждается крайностію обстоятельствъ. Ничего подобнаго здѣсь не находимъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было рассчитывать, что 35 т. Русскихъ удержатъ напоръ 62 т., одинаково благоустроенныхъ и при томъ лучше вооруженныхъ войскъ. Позиція князя Меншикова, на Альмѣ, отнюдь не могла внушать ему столь странной мысли; ибо лѣвый флангъ нашъ находился подъ выстрѣлами непріятельскихъ кораблей, и вовсе

*) Въ сраженіи при Альмѣ прибавилось бы тогда у насъ отъ 23 до 25 т. человекъ, слѣдовательно перевѣсъ союзниковъ ограничился бы 4 т. и даже 2-мя человекъ, и успѣхъ ихъ сдѣлался бы чрезвычайно сомнительнымъ.

не былъ обезпеченъ отъ обхода, а крайности принять тутъ бой нельзя оправдать никакими соображеніями. Напротивъ, слѣдовало даже ожидать, что непріятель, показывая съ одною половиною своихъ войскъ ложное наступленіе на Альму, сдѣлаетъ въ тоже время съ другою половиною высадку въ устьѣ Качи, и поставитъ насъ такимъ образомъ между двухъ огней. Тогда князь Меншиковъ былъ бы совершенно отрѣзанъ отъ Севастополя, и полное торжество союзниковъ случилось бы гораздо ранѣе.

Я не вхожу въ подробное описаніе Альмскаго сраженія, ибо въ немъ не участвовалъ, а офиціальное донесеніе было напечатано въ свое время; слѣдовательно каждому извѣстенъ ходъ дѣла. Но нельзя не прибавить нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній, именно.

Князь Меншиковъ принялъ битву съ войсками, хотя доказавшими потомъ неоспоримое мужество, но половина изъ нихъ была ему мало знакома: 16-я пѣхотная дивизія прибыла въ Перекопъ только за полмѣсяца до высадки Англо-Французовъ, а два баталіона Московскаго пѣхотнаго полка присоединились изъ Феодосійскаго отряда, едва на канунѣ. Эти два баталіона были въ весьма слабомъ составѣ, ибо отъ послѣдняго усиленнаго и большаго перехода пришли на позицію изнуренные, оставивъ на пути много отсталыхъ *).

Въ боевомъ порядкѣ на Альмѣ видимъ смѣшанное расположеніе пѣхотныхъ полковъ: почти каждый изъ бригадныхъ командировъ начальствовалъ половиною не своихъ войскъ, отъ чего не могло быть и единства въ дѣйствіяхъ.

*) *Статья генерал-майора Вунша въ № 3-мъ Военнаго Сборника 1858 года.* На Альмѣ были собраны для сраженія полки: Волынскій и Минскій, Владимірскій, Суздальскій, Углицкій, Казанскій, Московскій, Бородинскій и Тарутинскій, баталіоны: 6-й стрѣлковый, сводный морской Брестскій Вѣлостокскій, Литовскій и Виленскій резервные, полки гусарскіе: Ингермаландскій и Кіевскій, два полка казаковъ и принадлежавшая къ нимъ войскамъ артиллерія.

Не всѣ баталіоны, собранные на Альмѣ, принимали одинаковое участіе въ бою: нѣкоторые изъ нихъ почти не тронуты были изъ резерва ¹⁾).

Мы имѣли конницу вдвое сильнѣйшую непріятельской, но какъ видно нисколько не воспользовались этимъ важнымъ преимуществомъ. 7-го Сентября, т. е. наканунѣ Альмскаго сраженія, Англійская кавалерія, въ числѣ 10-ти эскадроновъ и нѣсколькихъ орудій, потѣснила наши аванпосты; но что же сдѣлали выдвинутые противу непріятеля 16-ть эскадроновъ гусарь и 9-ть сотенъ казаковъ съ 8-ю конными орудіями, поддержанные сверхъ того цѣлою бригадою пѣхоты? Они завязали канонаду и перестрѣлку, окончившуюся взятіемъ въ плѣнъ одного Французскаго штабъ-офицера и самымъ незначительнымъ урономъ Англичанъ, тогда какъ слѣдовало съ нашей стороны стремительно атаковать дерзкаго непріятеля и принять его въ сабли.

Въ день сраженія при Альмѣ превосходство кавалеріи нашей также не принесло никакой пользы. Гусарская бригада, съ конною батареею, и большая часть казаковъ были построены позади нашего праваго фланга, въ одну линію, далеко вѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Гораздо полезнѣе было бы употребить ихъ на оконечности праваго нашего фланга, т. е. правѣ Суздальскаго пѣхотнаго полка, если не для дѣйствительной атаки, то по крайней мѣрѣ для фальшивой демонстраціи, противу Англійскихъ колоннъ, когда сіи послѣднія двинулись на высоты лѣваго берега Альмы, въ минуту жаркой схватки и были отброшены назадъ съ большимъ урономъ, или направить ее въ обходъ Англійской кавалеріи, составлявшей самый задній резервъ.

Всѣ эти ошибки стоили намъ слишкомъ 5 т. человекъ, выбывшихъ изъ строя, которые конечно принесли бы потомъ гораздо болѣе пользы, при дальнѣйшей оборонѣ Севастополя ²⁾).

¹⁾ Статья генераль-маіора Вунша въ № 3-мъ Военнаго Сборника 1858 г.

²⁾ Наша потеря, въ донесеніи о сраженіи, показана: убитыми 45-ть штабъ и оберъ-офицеровъ и 1762 нижнихъ чиновъ; ранеными: 4 гене-

Забавно, что въ одной изъ двухъ брошюръ, появившихся у насъ въ 1856 году, авторъ первой ²⁾ старается оправдать князя Меншикова, разными неосновательными разсужденіями. Между прочимъ, онъ сравниваетъ положеніе фельдмаршала князя Кутузова, при Бородинѣ, съ положеніемъ князя Меншикова при Альмѣ, и выводитъ, что тотъ и другой были вынуждены обстоятельствами принять неравную битву; потому, что первый изъ нихъ не могъ отдать даромъ Москвы, а второму нельзя было уступить даромъ Севастополя. Но какая несоразмѣрная разница между этими двумя случаями!

Князь Смоленскій долженъ былъ отважиться на неравный бой, потому что Государь того требовалъ, а Русскія войска, утомленная продолжительнымъ отступленіемъ, единодушно желали наконецъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Неравенство въ силахъ при Альмѣ было гораздо значительнѣе, нежели при Бородинѣ. Армію Наполеона, въ Бородинскомъ сраженіи, мы считали въ 185 т. человѣкъ и 1000 орудій ³⁾, а Французскіе бюлетени показывали ее отъ 130 до 140 т. человѣкъ, и съ небольшимъ 600 орудій. Наша армія, какъ извѣстно, состояла тогда изъ 120 т. человѣкъ и 640 орудій. Для чести Русскаго оружія, возьмемъ самыя большія изъ этихъ цифръ, т. е. 185 т. и 1000 орудій и, не смотря на это,—неравенство въ силахъ при Альмѣ, между нами и союзниками, оказывается гораздо несоразмѣрнѣе, ибо 35 т. дрались слишкомъ противу 60 т., вспомошествоваемыхъ съ моря огнемъ сильной непріятельской артиллеріи.

рала, 96 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2315-тъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ многіе умерли потомъ отъ ранъ, и контуженными 405 человѣкъ, всего 4627; но потомъ цифра эта увеличилась, и дошла до 5362 человѣкъ, ибо пропущено было безъ вѣсти пропавшихъ 735 человѣкъ.

²⁾ Описаніе экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ, 1854 — 1855 годовъ. Другая брошюрка называется Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи, состав. генеральн. штаба капитаномъ Анничковымъ.

³⁾ Такое число войскъ у Французовъ считалъ графъ Толъ, по оенціальнымъ документамъ, отбитымъ у непріятеля, во время его бѣгства изъ Россіи.

Бородинская позиція не примыкала къ морю, и слѣдовательно ни одинъ изъ ея фланговъ не подвергался ужасному дѣйствию нѣсколькихъ сотъ орудій. Притомъ же, позиція эта хорошо отвѣчала числу нашихъ войскъ и была прикрыта съ фронта нѣсколькими полевыми укрѣпленіями; тогда какъ на Альмѣ, войска наши занимали слишкомъ растянутую линію, не обѣщавшую почти никакой надежды отбить непріятеля, тѣмъ болѣе, что линія эта прикрыта была съ фронта только двумя эполементами, нѣсколькими ровиками для стрѣлковъ и небольшими засѣками; оконечность же лѣваго фланга, самая слабѣйшая въ нашей позиціи, оставалась подъ защитою одного баталіона, выставленнаго на мысъ Лукулъ.

Мнѣ скажутъ, что князь Смоленскій, подъ Бородинымъ, могъ быть обойденъ съ праваго фланга, припертъ въ уголь, образуемый рѣками Колочею и Москвою и отрѣзанъ отъ Москвы и южныхъ губерній; но *во первыхъ* это былъ довольно трудный маневръ для непріятеля, а *во вторыхъ* не слишкомъ опасный для насъ, ибо рѣчки Колоча и Москва вездѣ проходимы въ бродъ, и Наполеонъ, обращаясь къ главной своей цѣли,—къ скорѣйшему занятію столицы,—этимъ самымъ открылъ бы князю Кутузову сообщеніе съ южными губерніями. Напротивъ, князь Меншиковъ, при Альмѣ, могъ быть обойденъ съ обоихъ фланговъ, и каждый изъ этихъ обходовъ угрожалъ потерю Севастополя. При успѣхѣ союзниковъ съ праваго фланга, войска наши были бы приперты къ морю, подъ огонь съ флота; при обходѣ съ лѣваго фланга, мы сами открыли бы непріятелю свободный путь къ Севастополю, будучи принуждены, послѣ разбитія, пробираться къ этому городу отдаленною дорогою, и притомъ въ совершенномъ разстройствѣ.

Наконецъ, Бородинское сраженіе вынуждалось тѣмъ обстоятельствомъ, что нужно было дать время вывезти изъ Москвы огромные казенные и частные обозы и выбраться оттуда жителямъ. Для этого, опытный фельдмаршалъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, продолжалъ медленное отступление, наканунѣ бытвы старался задержать Наполеона, при

Шевардинъ, и даже у самой Москвы оставилъ Милорадовича, съ арріергардомъ изъ 4-хъ т. человекъ, для послѣдней защиты, при Драгомиловской заставѣ; ибо графъ Раstopчинъ писалъ, что не всѣ жители и обозы успѣли еще выбраться изъ столицы.

Въ чемъ же авторъ брошюры можетъ находить сравненіе между необходимостію дать сраженіе подъ Бородинымъ и неизбѣжностію боя при Альмѣ, съ непріятелемъ вдвое сильнѣйшимъ? Никто не требовалъ и ничто не вымогало принять такую несоразмѣрную битву. Напротивъ, князю Меншикову представлялся тогда болѣе надежный и гораздо выгоднѣйшій способъ обезпечить Севастополь отъ скорого нападенія союзниковъ. Слѣдовало сосредоточить наши войска отнюдь не у сел. Бурлюка, а въ 25 или 30 верстахъ выше по р. Альмѣ, при Азекѣ или Колумбетъ-Али, и вовсе не испытывать неравнаго боя, а беречь свои силы, для лучшаго случая. Занятіемъ позиціи, о которой мы говоримъ, князь Меншиковъ сталъ бы на флангъ движенія Англо-Французовъ, и вмѣстѣ прикрылъ бы Симферополь,—пунктъ чрезвычайно важный въ то время, потому что тамъ находилось все гражданское управленіе Крыма и запасы продовольствія для войскъ. Пусть союзники двигались бы безъ препятствія по той самой дорогѣ, по которой они направились отъ мѣста высадки, т. е. берегомъ моря прямо чрезъ Альму, Качу и Бельбекъ,—князь Меншиковъ шелъ бы всегда у нихъ на флангъ, не подвергаясь ни малѣйшей опасности и, кромѣ того, могъ бы употребить кавалерію свою для постояннаго нападенія въ тылу на обозы непріятельскіе. Самый отважный главнокомандующій не осмѣлился бы въ такомъ положеніи атаковать открытою силою не только Севастополь, но даже Сѣверное укрѣпленіе, зная, что противу него могутъ дѣйствовать 35 т. человекъ свѣжихъ Русскихъ войскъ, съ флангу или съ тыла.

Если бы наконецъ Англо-французская армія, достигнувъ сѣверной стороны Севастополя, нашлась въ необходимости обратиться на князя Меншикова, чтобы разбить его въ полѣ, слѣдовало все таки избѣгать, до самой крайности, нерав-

ной битвы, а стараться завлечь союзниковъ подалѣе отъ ихъ флота, составлявшаго главную опору Англо-Французовъ.

Еще опаснѣе было бы непріятелю переходить на южную сторону Севастополя, т. е. туда, гдѣ въ послѣдствіи установилась формальная осада. Князь Меншиковъ въ такомъ случаѣ могъ съ успѣхомъ воспользоваться своими свѣжими 35 т. войскъ, чтобы сильно разстроить союзниковъ при трудномъ переходѣ ихъ черезъ Мекензіеву гору и Черную рѣчку.

Во всякомъ разѣ, Русскій главнокомандующій, при такомъ образѣ дѣйствій, выигралъ бы болѣе времени, для соединенія съ подкрѣпленіями, и не потерялъ бы даромъ слишкомъ 5 т. человекъ, какъ это случилось на Альмѣ.

Очень жаль, что подобныя дѣла проходятъ у насъ безотчетно, не оставляя никакихъ уроковъ для будущности. Безспорно, что отъ главнокомандующаго нельзя требовать неукоризненныхъ соображеній: ошибаются и гении, каковъ былъ Наполеонъ I; но, при неудачѣ предпріятія, полезно публикѣ знать, какія основанія предшествовали рѣшимости принять, на примѣръ, столь неравный бой. Честь и слава тому генералу, который очиститъ себя отъ всякаго нареканія; но правительство и общественное мнѣніе не должны смотрѣть равнодушно на безразсудную отвагу, стоющую такъ часто на войнѣ тяжелой и безвозвратной потери крови, а иногда пагубную и другими, весьма важными, послѣдствіями.

VIII.

Изложивъ собственное мое мнѣніе о сраженіи подъ Альмою, я нахожу неизлишнимъ подкрѣпить это сужденіе фактами, заимствованными мною изъ печатныхъ споровъ самихъ участниковъ Альминской битвы.

Какъ всегда бываетъ, еще во время войны, возникли частныя обвиненія, что не всѣ начальники одинаково исполнили свой долгъ. По заключеніи мира, съ 1856 года, изустныя толки обратились въ газетную и журнальную полемику. Прежде всего появилась въ Русскомъ Империѣ статья бывшаго начальника 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенан-

та Кирьякова, командовавшего лѣвымъ флангомъ нашимъ, въ сраженіи подъ Альмою. Онъ, въ оправданіе свое, старался доказать, что отступленіе наше началось съ центра и праваго фланга позиціи, занятой нами для битвы. Ему возражалъ, въ той же газетѣ, генераль отъ инфантеріи князь Горчаковъ, начальствовавшій центромъ и правымъ флангомъ на Альмѣ, приводя доводы, что вѣрнѣе ему князю Горчакову войска твердо стояли на мѣстѣ, доколѣ Французы не обошли нашъ лѣвый флангъ и не стали угрожать слѣва центру. Споры эти, хотя изрѣдка, продолжаются и до сихъ поръ, между разными лицами, и клонятся къ обвиненію генерал-лейт-та Кирьякова. Но самый замѣчательный разборъ о томъ напечатанъ въ № 3-мъ Военнаго Сборника 1858 года, подъ заглавіемъ: „*Нѣсколько словъ противъ новыхъ подробностей о сраженіи при Альмѣ, изложенныхъ генераломъ Кирьяковымъ*“. Статья эта написана генераль-майоромъ Вуншемъ, состоявшимъ во время войны при князѣ Меншиковѣ. Вотъ что между прочимъ находимъ въ ней.

1-е. Главнымъ основаніемъ распоряженій предъ Альминскимъ сраженіемъ служило (будто бы) то, что непріятель, *какъ узнали потомъ*, высадился въ Крымъ въ 70 т., а не въ 30 т., какъ *нѣкоторые ожидали*; слѣдовательно, говоритъ г. Вуншь, нужно было отложить убѣжденіе въ возможности разбить союзниковъ нашими наличными силами; а должно было, въ видахъ сбереженія собственныхъ войскъ, для будущихъ дѣйствій, обратить полное вниманіе на то, какъ бы нанести непріятелю въ Альминскомъ сраженіи, по возможности, чувствительный уронъ и, уступивъ съ боя позицію на Альмѣ, отойти въ такомъ положеніи, чтобы непріятель, опасаясь встрѣтить въ насъ еще сильное сопротивленіе, не осмѣлился дѣйствовать рѣшительно и тѣмъ далъ бы намъ время оправиться.

По моему разумѣнію, эти объясненія не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей логики; но онъ, тѣмъ болѣе, подтверждаютъ сказанное мною, что сраженіе на Альмѣ дано было безъ всякаго соображенія. Какъ могъ князь Меншиковъ не знать, или по крайней мѣрѣ не догадываться, что союзники отнюдь

не рѣшится сдѣлать столь отдаленный десантъ и идти послѣ того сухимъ путемъ для овладѣнія Севастополемъ, только съ 30 тыс. человекъ? Въ этомъ простительно было обманываться подчиненнымъ князя Меншикова, а не ему самому. И что такое значать слова г. Вунша: „какъ узнали потомъ“, „или какъ нѣкоторые ожидали.“ Если нужно было отложить убѣжденіе въ возможности разбить союзниковъ нашими наличными силами, то прежде всего слѣдовало не вступать въ бой съ столь неравными силами. Неужели же можно было надѣяться, что уронъ непріятеля будетъ гораздо значительнѣе, нежели собственная наша потеря, и что такимъ сопротивленіемъ мы внушимъ непріятелю какія либо опасенія?

2-е. Далѣе г. Вуншъ говоритъ, что всѣ послѣдующія распоряженія (объ Альминскомъ сраженіи, т. е. когда узнали, что у союзниковъ не 30 т., а 70 т. войскъ) должны были соображаться съ дѣйствіями непріятеля, который, будучи гораздо сильнѣе насъ, имѣлъ ту выгоду, что могъ располагать своими движеніями, тогда какъ мы, по растянутости боевой линіи, не имѣли возможности предупредить его на всѣхъ пунктахъ.

Но здѣсь опять слѣдуетъ спросить г-на защитника, какая же настояла крайность дать сраженіе на Альмѣ, при столькихъ невыгодахъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что самъ же г-нъ Вуншъ говоритъ, что непріятель могъ перемѣнить направление и, вмѣсто слѣдованія по берегу моря, идти на Симферополь, гдѣ онъ лишилъ бы насъ запасовъ нашихъ, и безъ того уже скудныхъ, и отрѣзалъ бы намъ Перекопскую дорогу, т. е. главнѣйшее сообщеніе Крыма съ Россіей?

И наконецъ 3-е. За нѣсколько дней до битвы, князь Меншиковъ лично осмотрѣлъ мѣстность на Альмѣ, при сел. Бурлюкъ, и назначилъ позиціи войскамъ, при чемъ шла рѣчь, что необходимо было бы упереться лѣвымъ флангомъ въ море, но что это призвано неудобно-исполнительнымъ, изъ опасенія подвергнуть наши войска убійственному огню непріятельской артиллеріи съ флота; а потому главнокомандующій

ограничился приказаніемъ поставить у подъема съ моря, въ видѣ наблюдательнаго поста, одинъ только баталіонъ Минскаго пѣхотнаго полка, которому представлялась возможность, не выказываясь, встрѣтить непріятеля батальнымъ огнемъ, въ то время, когда передовыя части союзниковъ начнутъ всходить на крутыя высоты. За этимъ баталіономъ поставлены были (въ нѣкоторомъ отдаленіи) въ резервъ, остальные баталіоны Минскаго полка и Московскій пѣхотный полкъ, двѣ пѣшія и одна конная батареи и одинъ гусарскій полкъ, а также вторая бригада 17-й пѣхотной дивизіи и 4-е резервные баталіоны 13-й пѣхотной дивизіи. Вся оборона лѣваго фланга возложена на генералъ-лейтенанта Кирьякова.

Здѣсь нельзя не удивиться, что князь Меншиковъ, при личномъ обозрѣніи мѣстности, избранной для сраженія, самъ сознавая лѣвый флангъ нашей позиціи не совсемъ надежнымъ отъ непріятельскаго обхода, полагалъ достаточнымъ одного баталіона, чтобы остановить, на время, столь важное движеніе союзниковъ и вовсе не позаботился прикрыть этотъ пунктъ какимъ нибудь ретраншаментомъ. Отъ высадки Англо-Французовъ до сраженія 8-го Сентября прошло 6-ть дней, а въ этотъ промежутокъ можно было успѣть укрѣпить не только одинъ флангъ, но и всю Альминскую позицію, что на самомъ дѣлѣ было крайне необходимо и удвоило бы наши средства въ бою. Если мнѣ возразятъ, что непріятель, узнавъ о нашихъ укрѣпленіяхъ, не пошелъ бы атаковать ихъ, а обратился бы прямо на Симферополь; то я отвѣчаю, что союзники едва ли рѣшились бы отдѣлится отъ своего флота, на разстояніи слишкомъ 40 верстъ, имѣя въ тылу князя Меншикова съ 35 т. свѣжихъ войскъ.

И такъ, по моему мнѣнію, вся эта газетная и журнальная полемика не привела ни къ какимъ удовлетворительнымъ выводамъ; но между тѣмъ въ публикѣ остается сомнѣніе: во первыхъ, что генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ не только не употребилъ всѣхъ данныхъ ему средствъ для отраженія непріятельскаго обхода на нашемъ лѣвомъ флангѣ, но даже, выдвинувъ сначала резервъ свой впередъ, для поддержанія баталі-

она Минскаго пѣхотнаго полка, скоро отступилъ съ симъ резервомъ изъ подъ выстрѣловъ непріятельскихъ, безъ настоящей въ томъ надобности; и во вторыхъ, что гусары наши, получивъ приказаніе отъ князя Меншикова остановить непріятельскую батарею, взобравшюся на крутыя высоты, не исполнили этаго съ тою энергіею, которая въ ту минуту требовалась.

Повторяю, очень жаль, что, не смотря на нынѣшнюю прославляемую гласность, подобныя важныя событія проходятъ у насъ безотчетно, не оставляя никакихъ уроковъ, хотя бы и для молодыхъ офицеровъ, образующихся въ Военной Академіи. Зачѣмъ, изъ пристрастія къ одному лицу, пятнать имена другихъ? Я началъ знать генераль-лейтенанта Кирьякова въ 1831 году, въ чинѣ полковника, во время войны противу Польскихъ мятежниковъ, по служенію его въ одномъ изъ карабинерныхъ полковъ гренадерскаго корпуса; онъ командовалъ частью охотниковъ на двухдневномъ штурмѣ Варшавы и заслужилъ тогда орденъ Св. Георгія, за храбрость. Не спорю, что не всегда люди бываютъ одинаковы, въ теченіи всего поприща своей службы и особенно при повышеніи въ чинахъ. Слишкомъ 20 лѣтъ жизни измѣняютъ въ человѣкѣ многое; но нельзя никого обвинять безъ достаточныхъ доказательствъ, а истинное обвиненіе не должно оставаться безъ преслѣдованія.

IX.

Отступление князя Меншикова, послѣ сраженія подъ Альмою, можно назвать весьма счастливымъ.

Непріятель не преслѣдовалъ его, не смотря на свою поверхность. Растроенныя войска наши отступали въ возможномъ порядкѣ; но не соединенно, а частями, и собрались уже за рѣчку Качею, верстахъ въ 15-ти отъ поля сраженія. Французамъ удалось захватить только заблудившійся фургонъ князя Меншикова, при которомъ находились его писарь и два конные жандарма. Объ этомъ ничтожномъ трофеѣ, за недостаткомъ лучшихъ, западныя газеты писали въ то время очень много, переименовавъ фургонъ въ карету, а писаря въ секретаря.

ря, у котораго будто бы нашлись важныя и весьма любопытныя бумаги.

Бездѣйствіе союзниковъ облегчило еще болѣе положеніе князя Меншикова. Непрiятель два дни простоялъ на полѣ сраженія. Объяснить такую нерѣшительность довольно трудно: одни приписываютъ ее большой потерѣ въ людяхъ, которую понесли Англичане и Французы; но потеря ихъ показана была офиціально только въ 650 убитыми и 2650 ранеными, при 161 штабъ и оберъ-офицерахъ, вообще выбывшихъ изъ строя, а по частнымъ свѣдѣніямъ не болѣе 5 т. человекъ *).

Базанкуръ говоритъ, что хотя Французская армія и была готова преслѣдовать князя Меншикова на другой же день послѣ сраженія; но Англичане рѣшительно отъ того отказались, по недостатку способовъ для уборки раненыхъ на корабли, къ отправленію ихъ въ Константинополь. Французскій историкъ очевидно старался и здѣсь увеличить славу С. Арно и своихъ соотечественниковъ, на счетъ Англичанъ, ибо и вся книга его написана въ томъ же духѣ; но наши плѣнные, въ послѣдствіи, имѣли случай узнать и противныя мнѣнія людей, вполне заслуживающихъ довѣрія. Изъ этихъ мнѣній оказывается: *во первыхъ*, что если бы вечеромъ 8-го Сентября нашъ лѣвый флангъ успѣлъ удержаться на мѣстѣ, то едва ли сраженіе возобновилось бы на другой день; и *во вторыхъ*, что С. Арно, вопреки настояніямъ принца Наполеона, герцога Кембриджскаго и другихъ, опасался преслѣдовать князя Меншикова на Бакчисарай, полагая, что онъ отступаетъ не въ слѣдствіе проиграннаго сраженія, а съ цѣлью отвлечь союзниковъ подалѣе отъ моря, что совершенно измѣнило бы планъ кампаніи, утвержденный обоими союзными правительствами.

*) Базанкуръ въ своей книгѣ: „L'expédition de Crimée“ опредѣляетъ потерю союзниковъ слѣдующими цифрами: у Французовъ убитыми 3 оенцера и 363 нижнихъ чиновъ; ранеными 54 оенцера и 1033 нижнихъ чиновъ. У Англичанъ убитыми 26 оенцеровъ и 327 нижнихъ чиновъ; ранеными 73 оенцера и 1539 нижнихъ чиновъ и безъ вѣсти пропало 2 барабанщика и 16 солдатъ; всего вышло изъ строя 3026 человекъ.

X.

Посмотримъ, что въ это время происходило въ Симферополь, гдѣ оставались для защиты только одна рота Таврическаго гарнизоннаго баталіона ¹⁾, команда рекрутъ и команда слабосильныхъ, отступившая изъ Евпаторіи, всего вообще до 1600 человекъ, изъ коихъ не всѣ даже были вооружены

Извѣстіе объ отступленіи князя Меншикова къ Севастополю, послѣ неудачнаго сраженія, и о томъ, что сильный непріятель остался только въ 15-ти верстахъ отъ города, привело въ страхъ Симферопольскихъ жителей: всѣ спѣшили удалиться внутрь края, по разнымъ направленіямъ. Губернаторъ генераль-маіоръ Пестель, считая Симферополь отрваннымъ отъ всякой помощи, выѣхалъ утромъ 10-го числа въ Мелитополь ²⁾, передавъ начальство въ городъ командиру Таврическаго гарнизоннаго баталіона, подполковнику Сухареву. Народъ, собравшійся толпою на площади, провожалъ Пестеля бранью; но за этимъ легко могли послѣдовать своеволие и грабежъ. Къ счастью, подполковникъ Сухаревъ тотчасъ принялъ предварительныя мѣры: приказалъ всѣмъ карауламъ зарядить ружья, выставилъ за городомъ посты, а народу, собравшемуся на площади, объявилъ, что всякое самоуправство, грабежъ и насиліе будутъ судимы военнымъ судомъ и наказаны смертію, не разбирая націй. Послѣ такого объявленія, всѣ, собравшіеся на площади, спокойно разошлись по домамъ.

Черезъ нѣсколько часовъ прибылъ въ Симферополь курьеръ отъ князя Меншикова, гвардіи поручикъ Мезенцовъ ³⁾ съ извѣщеніемъ Пестелю, что городъ не можетъ ничего опасаться отъ непріятели и что жителямъ и присутственнымъ мѣстамъ не слѣдуетъ удалиться оттуда. Извѣщеніе это Сухаревъ не-

¹⁾ Изъ остальныхъ трехъ ротъ сего баталіона одна находилась въ Феодосіи и двѣ въ Керчи, въ отрядѣ генераль-адъютанта Хомутова.

²⁾ Онъ забралъ подъ свои экипажи почти всѣхъ почтовыхъ лошадей, исключая трехъ троекъ.

³⁾ Адъютантъ главнокомандующаго южною арміею, возвращавшійся съ депешами въ Кишиневъ.

медленно отправилъ къ Пестелю, и сей послѣдній возвратился къ вечеру съ дороги.

XI.

Въ самомъ дѣлѣ, союзники не обратили тогда вниманія на Симферополь, который имъ легко было занять, даже небольшимъ отрядомъ, во время трехъ-дневной стоянки на Альмѣ. Приписать ли это невѣднiю ихъ, куда именно отступилъ князь Меншиковъ, или нежеланiю удалиться отъ главной цѣли экспедиции,—овладѣнiя Севастополемъ, чего они мечтали достигнуть въ самое короткое время? Послѣднее вѣроятнѣе. Но во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться, что непрiятель потерялъ послѣ сраженiя три дни въ бездѣйствiи и только 11/2 сентября рѣшился продолжать движенiе по берегу моря, когда князь Меншиковъ уже успѣлъ воспользоваться счастливымъ для него замедленiемъ.—9-го сентября онъ перешелъ чрезъ Инкерманскiй мостъ и былъ на южной сторонѣ Севастополя, слабо защищенной полевыми укрѣпленiями. Въ городѣ находилось тогда всего 6-ть сухопутныхъ баталiоновъ, рабочей морской экипажъ № 17 и 18, четвертой ластовой экипажъ, портовые роты, арсенальные и лабораторныя роты, корпусъ штурмановъ, инженерная команда морскаго вѣдомства и морскiя арестантскiя роты, а въ Сѣверной бухтѣ нѣсколько флотскихъ экипажей *) на судахъ. Защита Севастополя была поручена вице-адмиралу Корнилову. — Князь Меншиковъ немедленно усилилъ Севастопольскiй гарнизонъ 4-я баталiонами резервной бригады 13-й пѣхотной дивизiи, которые понесли на Альмѣ большую потерю; но вмѣсто ихъ присоединилъ оттуда къ своимъ дѣйствующимъ войскамъ три линейныхъ Черноморскихъ баталiона, 4-е сотни Донскаго № 67-го полка и Донскую легкую № 2-го батарею; приказалъ инженеръ-подполковнику Тотлебену, присланному княземъ Герчаковымъ еще изъ Букареста, немедленно увеличить число укрѣпленiй на южной сторонѣ, а Корнилову стараться употребить, для городской обороны, флотскiе экипажи.

*) Экипажи эти были съ № 29 по 46-й. Составъ каждого изъ нихъ равнялся пѣхотному баталiону.

Извѣстно какою отвагою одушевленъ былъ въ послѣднюю войну нашъ Черноморскій флотъ. На совѣтъ, собранномъ у вице-адмирала Корнилова, послѣ возвращенія князя Меншикова съ Альминскаго сраженія, большинство моряковъ подали мнѣнiе идти въ море и съ полнымъ самоотверженiемъ напасть на непріятельскую армаду, или прорваться къ самымъ стѣнамъ Константинополя, нанести тамъ ужасъ и отвлечь союзниковъ отъ Крыма. Объ этомъ рассказывали мнѣ морскіе офицеры, съ видимымъ сожалѣнiемъ, что ихъ рѣшимость не была одобрена главнокомандовавшимъ. Конечно, благородный порывъ заслуживалъ всякой похвалы, но воспользоваться имъ было бы безрасудно: отважность творить иногда невозможныя чудеса, и многочисленность не разъ уступала горсти храбрыхъ; но въ тогдашнее время малѣйшая неудача не только стоила бы намъ потери всего флота, но открыла бы непріятелю возможность прорваться почти безпрепятственно въ Сѣверную бухту и овладѣть Севастополемъ въ самомъ началѣ войны, безъ тѣхъ важныхъ жертвованій, которыя союзники сдѣлали потомъ при упорной, геройской защитѣ гарнизона, въ продолженіи 11-ти мѣсяцевъ.

Поэтому должно благодарить князя Меншикова, что онъ не увлекся пылкостью своихъ подчиненныхъ, а предпочелъ употребить средства Черноморскаго флота для упорной и славной обороны города. Вице-адмиралу Корнилову предписано было преградить входъ въ Сѣверную бухту потопленiемъ въ бухтѣ 5-ти линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ *). Моряки наши огорчены были такимъ неожиданнымъ распоряженiемъ, но послѣдствiя показали всю предусмотрительность этой мѣры, ибо экипажи, съ потопленныхъ судовъ, пополнили большой недостатокъ артиллерійской прислуги, а пушки поставлены на городскихъ батареяхъ и значительно усилили тамъ огонь нашъ во время непріятельской осады.

*) Потоплены корабли: Трехъ Святителей, Уриль, Селавангъ, Варна и Силестрiя и фрегаты: Флора и Сивополь, по старшинству службъ въ Черноморскомъ флотѣ.

Съ другой стороны, безъ загражденія бухты, флотъ нашъ подвергался величайшей опасности быть истребленнымъ на самомъ мѣстѣ своей стоянки. Союзники уже готовились къ этому, и даже $\frac{1}{2}$ числа адмиралъ Гамеленъ отправилъ пароходъ Роландъ, для рекогносцировки входа въ Сѣверную бухту. Корабли наши были въ это время уже потоплены. Англичане и Французы изумились такой необычайной рѣшимости и не знали какъ истолковать ее: отчаяннымъ ли положеніемъ нашимъ, или высокою предусмотрительностію. Рассказывали, что Англійскій адмиралъ Дундасъ писалъ къ своему морскому министру: „Сообщаю вамъ одно изъ тѣхъ несчастій, которыя рѣдко встрѣчаются въ исторіи морскихъ войнъ. Русскіе сами топятъ свои прекрасные карабли, чтобы заградить намъ доступъ къ ихъ флоту.“

XII.

$\frac{1}{2}$ Сентября князь Меншиковъ предпринялъ движеніе съ южной стороны Севастополя къ Бахчисараю чрезъ Мекензіеву гору, съ войсками, дѣйствовавшими подъ личнымъ его начальствомъ, отправивъ впередъ авангардъ, изъ егерской бригады 17-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова. Въ этотъ же самый день союзники, ночевавшіе наканунѣ при р. Бельбекъ, двинулись также чрезъ Мекензіеву гору, для обхода Севастополя, въ направленіи къ Камышевой бухтѣ и Балаклавѣ, куда потянулась большая часть непріятельскаго флота, со всѣми приготвленіями, для выгрузки тамъ осадныхъ способовъ. Объ этомъ перекрестномъ движеніи писали очень много и удивлялись напрасно искусному стратегическому маневру князя Меншикова, не обративъ вниманія, что маневръ его былъ дѣломъ случайности. Конечно, князь Меншиковъ не могъ оставаться на южной сторонѣ Севастополя, ибо въ такомъ положеніи непріятель могъ совершенно отрѣзать его отъ Перекопа и принудить къ самому поспѣшному и невыгодному отступленію чрезъ Байдарскую долину или, что еще хуже, принять второе сраженіе съ слишкомъ неравными силами, подъ стѣнами слабо

укрѣпленнаго города. Но князю Меншикову непозволительно было рассчитывать на то, что союзники, оставивъ его въ покоѣ ограничатся сначала дѣйствіями противу Сѣвернаго укрѣпленія и нашего флота, стоявшаго въ Сѣверной бухтѣ. И такъ, ничто не обнаруживаетъ здѣсь особой предусмотрительности нашего главнокомандующаго, а тѣмъ менѣе порядка, при переходѣ его съ южной стороны Севастополя къ Бакчисараю. Авангардъ генерала Кирьякова не попалъ на ту дорогу, по которой долженъ былъ слѣдовать, очутился позади всѣхъ войскъ и сверхъ того наткнулся неожиданно на Англичанъ и потерялъ часть обоза. Могло быть тоже самое и съ княземъ Меншиковымъ; тогда, принужденный неожиданно принять сраженіе, въ невыгодной позиціи, противу сильнѣйшаго нѣпріятеля, онъ могъ быть оттѣсненъ къ Севастополю, или долженъ былъ отчаянно пробиваться къ Бакчисараю, съ значительною въ томъ и другомъ случаѣ потерей. Не должно однакоже пройти въ молчаніи, что обходное движеніе союзниковъ, на южную сторону Севастополя, могло быть пагубно и для нихъ, если бы князь Меншиковъ предвидѣлъ это. Французы не скрываютъ, что такое фланговое движеніе, чрезъ лѣсистыя горныя дефилеи, требовало съ ихъ стороны большой осторожности и порядка. Въ этомъ направленіи можно было слѣдовать только одною дорогою, по которой необходимо было пустить артиллерію, кавалерію и тяжелый обозъ на волахъ и буйволахъ; пѣхота шла по бокамъ, безъ проводниковъ, и должна была прокладывать себѣ путь по компасу; даже и легкой артиллеріи случалось сходить на эту же тропинку. Естественно, что подобный маршъ двухъ армій представлялъ важныя неудобства: колонны или непрерывно разрывались, или сталкивались въ дефилеяхъ, на мѣстности, гдѣ никакъ нельзя было устроиться, для принятія боя.—Князь Меншиковъ могъ бы воспользоваться всѣми этими затрудненіями и конечно болѣе выигралъ бы, нежели въ сраженіи подъ Альмою, гдѣ вовсе не представлялось надежды даже на малый успѣхъ. Очевидно, что князь Меншиковъ совсѣмъ не зналъ о движеніи союзниковъ, шедшихъ почти ему на встрѣчу. Авангардъ его былъ

до того безпечень, что попалъ на дорогу вовсе ему не указанную и неожиданно очутился лицомъ къ лицу, противу непріятеля сильнѣйшаго. Такого промаха не должно бы случиться, еслибъ служба генеральнаго штаба, при войскахъ князя Меншикова, была сколько нибудь устроена; но онъ не имѣлъ тогда ни начальника штаба, ни оберъ-квартирмейстера, ни даже порядочной карты окрестностей Севастополя, хотя не лишенъ былъ средствъ позаботиться объ этомъ, въ теченіи продолжительнаго времени, предшествовавшаго высадкѣ въ Крымъ Англо-Французовъ. Невниманіе къ такому важному предмету тѣмъ удивительнѣе, что у союзниковъ каждый офицеръ и даже унтеръ-офицеры были снабжены небольшою топографическою картою Севастопольскихъ окрестностей. Недостатокъ по этой части былъ равномѣрно причиною и неудачи Инкерманскаго сраженія, о чемъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣствѣ.

XIII.

Избѣжавъ благополучно встрѣчи съ непріателемъ на Инкерманской дорогѣ, князь Меншиковъ $\frac{1}{4}$ Сентября, оставивъ авангардъ свой при дер. Отаркіой подъ начальствомъ генераль-маіора Жабокритскаго, достигнулъ съ главными силами Бахчисарая, и остановился лагеремъ, въ 4-хъ верстахъ впереди сего города, въ ожиданіи, что предпримуть союзники. Непріатель съ своей стороны, озадаченный уничтоженіемъ возможности проякнуть въ Бухту, принужденъ былъ измѣнить планъ атаки на Севастополь. Понятно, что, безъ пособія флота, дѣйствія противу Сѣвернаго укрѣпленія не обѣщали ему успѣха. Занявшись этимъ дѣломъ, онъ могъ подвергаться опасности быть атакованнымъ съ тыла княземъ Меншиковымъ. Разказывали даже, что Татары Крымскіе, не доброжелательствовавшіе тогда намъ, увѣрили Французовъ и Англичанъ, что Бельбекскія высоты, на которыя должно подниматься, для подхода къ Сѣверному укрѣпленію, были минированы и что за это ложное показаніе, происходившее отъ простаго невѣдѣнія, повѣшены Французами два ихъ шпіона. Какъ бы то ни было, но союзники, спустясь въ долину Бельбека, около

дачи Алексіано и, замѣтивъ на высотахъ сѣверной стороны, за рѣчкою, части войскъ нашихъ, не рѣшились взбираться прямо на горы, а потянулись $\frac{1}{2}$ Сентября чрезъ Мекензиевъ хуторъ и Черную рѣчку къ Балаклавѣ, гдѣ еще оставались съ небольшимъ 100 человекъ Балаклавскаго Греческаго баталіона и столько-же отставныхъ нижнихъ чиновъ и военныхъ кантонистовъ, принадлежавшихъ сему баталіону и помѣщавшихся въ окрестныхъ деревняхъ.

XIV.

Въ Балаклавѣ узнали о сближеніи непріятеля только вечеромъ $\frac{1}{2}$ Сентября, когда Англійскія войска расположились на ночлегъ въ Чоргунѣ. Баталіонный командиръ, полковникъ Манто, немедленно донесъ о томъ въ Севастополь, но получилъ приказаніе наблюдать за движеніемъ союзниковъ, хотя вовсе не слѣдовало бы оставлять столь ничтожную команду въ такомъ пунктѣ, котораго нельзя было защищать, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Утромъ $\frac{1}{4}$ числа вся Англійская армія подошла къ Балаклавѣ, и въ то же время замѣчено приближеніе непріятельскаго флота. Полковникъ Манто, успѣвъ на скоро отправить на другую сторону бухты семейства, баталіонные значки и казну, самъ, съ горстію людей и бывшими въ городѣ 4-я мортирками, счелъ долгомъ обороняться до послѣдней крайности; но оборона эта, хотя и продолжалась нѣсколько часовъ, окончилась тѣмъ, чего слѣдовало ожидать: малочисленная команда наша, поражаемая съ сухаго пути и съ моря сильною непріятельскою артиллеріею, принуждена была сдаться, вмѣстѣ съ 4-мя своими мортирками; въ плѣнъ достались Англичанамъ: полковникъ Манто, 6-ть офицеровъ и слишкомъ 70-ть нижнихъ чиновъ. Но спрашивается, къ чему было проливать здѣсь кровь и увеличивать трофеи союзниковъ? *)

По видимому, князь Меншиковъ, послѣ Альмскаго сраженія, былъ столько озабоченъ своимъ затруднительнымъ поло-

*) Изъ донесенія мнѣ полковника Манто, послѣ возвращенія его изъ плѣна, № 3-й

женіемъ, что забылъ совершенно о Балаклавѣ, даже и тогда, когда временно перешелъ на южную сторону Севастополя; иначе достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы послать полковнику Манто приказаніе очистить Балаклаву заблаговременно и отступить въ безопасное мѣсто, покуда сообщенія не были еще отрѣзаны.

XV.

Нахожу не излишнимъ отвлечь здѣсь вниманіе читателей разсказомъ объ одномъ обстоятельстве, которое, въ тогдашнее время, конечно могло возбудить справедливое неудовольствіе въ цѣлой Россіи противу князя Меншикова. Говорили, что онъ не допустилъ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, преосв. Иннокентія, проѣхать изъ Бакчисарая въ Севастополь, съ чудотворною Касперовскою иконою, для ободренія гарнизона; но слухи объ этомъ въ публикѣ передавались невѣрно.

Вотъ что я лично узналъ потомъ, во время войны, отъ настоятеля Успенскаго Бакчисарайскаго монастыря, отца Николая.

Не задолго до высадки Англо-Французовъ, преосвященный Иннокентій намѣренъ былъ посѣтить Крымъ, для осмотра вѣрнопоймѣнной ему паствы; но дѣла духовныя задержали его въ Одессѣ. 10-го Сентября онъ получилъ извѣщеніе о бывшемъ сраженіи на Альмѣ и о послѣдствіяхъ онаго. Немедленно за симъ преосвященный выѣхалъ прямо на театръ войны и 14-го Сентября, въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, прибылъ въ Бакчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ домѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ потребовалъ къ себѣ изъ монастыря отца Николая, съ намѣреніемъ послать его въ нашъ лагерь осведомиться, чрезъ адъютантовъ князя Меншикова, какимъ образомъ можно увидѣться съ княземъ и проѣхать въ Севастополь. Къ сожалѣнію отецъ Николай, отправившись изъ монастыря верхомъ на Татарской лошади, дорогою ушибся, такъ что не могъ принять на себя порученія. Тогда преосвященный возложилъ это дѣло на своего нисьмоводителя и

бывшаго при немъ діакона. Они пробрались на р. Качу, въ лагерь князя Меншикова, но не могли скоро найти адъютантовъ, а вмѣсто того неожиданно встрѣтились съ самимъ княземъ, который рано утромъ прохаживался около своей палатки, вѣроятно озабоченный собственнымъ труднымъ положеніемъ. При видѣ въ лагерѣ людей, не принадлежавшихъ къ войскамъ, князь тотчасъ обратился къ нимъ съ вопросомъ. Письмоводитель и діаконъ смѣшались, при неожиданной встрѣчѣ и отвѣчали, что присланы отъ преосвященнаго Иннокентія, который, прибывъ въ Бакчисарай, съ взятою имъ изъ Херсона чудотворною Касперовскою иконою, желаетъ видѣться съ княземъ, дабы условиться, какимъ способомъ можно ему проѣхать въ Севастополь и доставить туда чудотворную икону. Князь Меншиковъ прямо отозвался, что по его мнѣнію нужно было бы выбрать для того другое время и что преосвященному гораздо лучше ѣхать обратно, при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Покойный Иннокентій сдѣлалъ строгій выговоръ посланнымъ, за неловкое исполненіе ими порученія, и немедленно возвратился въ Симферополь; а на другой день отправился для осмотра церквей, въ Феодосію и Керчи.

Узнавъ объ отъѣздѣ архипастыря, князь Меншиковъ хотѣлъ тотчасъ поправить недоразумѣніе, но было уже поздно; онъ въ тотъ же день прислалъ къ отцу Николаю своего адъютанта освѣдомиться, куда можно писать къ преосвященному и потомъ дѣйствительно отправилъ къ нему въ Одессу извинительное письмо, содержаніе котораго осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

XVI.

По взятіи Балаклавы, начальство надъ Французскою арміею принялъ, не постаршинству, а по предварительному распоряженію императора Наполеона, генераль Канроберъ, смѣнившій маршала Сентъ-Арно, отказавшагося отъ предводительства на одрѣ смерти и скончавшагося, чрезъ день, въ морѣ, на пути во Францію, на пароходѣ Бертолетъ. Лордъ Ра-

главъ остался въ тѣхъ же отношеніяхъ къ новому главнокомандующему, какъ былъ и къ его предшественнику.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о маршалѣ Сентъ-Арно и генералѣ Канроберѣ. Оба они не имѣли за собою громкой военной репутаціи въ Европѣ, не служили въ школахъ Наполеона 1-го и приобрѣли извѣстность во Франціи отличіями, оказанными въ Алжирскихъ войнахъ, а выдвинулись на первый планъ только съ возшествіемъ на престолъ нынѣшняго Французскаго Императора. С. Арно имѣлъ отроду слишкомъ 54 года, началъ служить съ 1816 года, но скоро вышелъ въ отставку и вступилъ вторично подпоручикомъ лишь въ 1831 году. Спустя пять лѣтъ, онъ былъ назначенъ въ Алжиръ, гдѣ оставался постоянно въ продолженіи 15 лѣтъ и достигъ тамъ званія генералъ-лейтенанта, всегдашею храбростію и участіемъ во всѣхъ экспедиціяхъ, а въ 1851 году получилъ должность военнаго министра и произведенъ въ маршалы. Конечно такое быстрое возвышеніе, котораго примѣры у насъ чрезвычайно рѣдки, должно было имѣть свои основанія; но маршалъ С. Арно не ознаменовалъ себя никакими великими подвигами и не могъ приобрести въ Алжирской войнѣ тѣхъ важныхъ опытовъ, которые поставили бы его на степень генерала, способнаго предводительствовать арміею. По свидѣтельству самихъ Французовъ, онъ допустилъ большіе беспорядки въ управленіи военнымъ министерствомъ, а въ званіи главнокомандующаго оказался корыстолюбивымъ и незаботливымъ о положеніи своихъ подчиненныхъ. Молодость его прошла бурно, и онъ вторично вступилъ въ военную службу, единственно по неимѣнію другихъ способовъ къ жизни. Впрочемъ, ему приписываютъ необыкновенный военный инстинктъ, находчивость во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ и пылкую рѣшимость въ опасныхъ случаяхъ, что вполнѣ достаточно и въ зрѣлыхъ лѣтахъ для совершенія великихъ подвиговъ. Онъ никогда не сомнѣвался въ самомъ себѣ, а въ подчиненныхъ своихъ ставилъ выше всего энергію сердца и твердую волю.

Каироберъ былъ моложе С. Арно 9-го годами и совсѣмъ другаго характера. Онъ вступилъ въ службу подпоручикомъ въ 1828 году, изъ военной Сенсирской школы, а въ 1835 году назначенъ въ Алжирскія войска, гдѣ чрезъ 15-ть лѣтъ достигнулъ званія генераль-маіора постоянными отличіями въ экспедиціяхъ и особеннымъ счастіемъ, которое на полѣ битвы вездѣ его сопровождало. Возвратись во Францію, вскорѣ послѣ революціи 1848 года, онъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ императора Наполеона и произведенъ въ генераль-лейтенанты. Когда рѣшено было отправить Французскую армію на Востокъ, противу Россіи, Каироберъ былъ изъ первыхъ генераловъ, высадившихся съ войсками въ Галиполи. Его блистательная храбрость, благородный характеръ и умѣнье обращаться съ каждымъ до такой степени пріобрѣли ему любовь войскъ, что прежде нежели онъ былъ наименованъ главнокомандующимъ, имя его было на языкѣ каждаго. При всемъ томъ онъ не оказалъ въ начальствованіи надъ арміею той пылкой энергіи, какою отличался С. Арно и которая была необходима для окончанія столь дерзкаго предпріятія, каковымъ, по всей справедливости, должно назвать экспедицію въ Крымъ. Каироберъ былъ болѣе остороженъ, болѣе дорожилъ кровью своихъ подчиненныхъ и не увлекался мечтательными успѣхами.

XVII.

Перейдя на южную сторону Севастополя, союзники условились вести осаду сего города общими силами: Англичане на правомъ флангѣ, начиная отъ Сапунъ-горы до Южной бухты; Французы отъ Южной бухты до моря. Въ слѣдствіе этого соглашенія, непріятель занялъ слѣдующія позиціи: всѣ Англійскія войска, за исключеніемъ гвардейской бригады герцога Кембриджскаго и Шотландской Колинъ-Кемпбеля, лицомъ къ Малахову кургану и бастиону № 3-го; двѣ Французскія дивизіи, 3-я и 4-я, подъ начальствомъ генерала Форе, противу 4, 5 и 6 бастионовъ, опираясь лѣвымъ флангомъ въ Стрѣлецкую и Камышевую бухты. Въ этомъ расположеніи осадныя дѣйствія Англичанъ и Французовъ раздѣляли Юж-

ная бухта и находящаяся въ ея вершинѣ балка Саравдинаки. Позади двухъ главныхъ частей, назначенныхъ преимущественно для веденія осады, помѣстился обсервационный и вмѣстѣ резервный корпусъ генерала Боске, изъ 1-й и 2-й Французскихъ дивизій, двухъ Англійскихъ бригадъ и 12-ти Турецкихъ баталіоновъ. Но все они не стояли однакоже совокупно, а занимали разныя позиціи: обѣ Французскія дивизіи фронтомъ къ Сапунъ-горѣ, гвардейская Англійская и Шотландская бригады въ вершинѣ Килимъ-балки, а большая часть Турецкихъ баталіоновъ, составлявшихъ оконечность резервовъ, на дорогѣ изъ Симферополя въ Балаклаву. Самая Балаклава была занята нѣсколькими Турецкими баталіонами и нѣсколькими флотскими экипажами. Англійская кавалерія расположилась между селеніями Кадыкой и Караны, впереди Балаклавы, прикрывая парки союзной арміи *).

XVIII.

Взглянувъ на карту, можно удостовѣриться, что непріятель, при самомъ приближеніи къ Севастополю, долженъ былъ занять обширное пространство: въ длину почти на 12-ть верстъ, а въ глубину и того болѣе, для наблюденія дорогъ, ведущихъ въ тылъ его позиціи, съ праваго берега рѣчки Черной. Это растянутое расположеніе вынудило союзниковъ сколь можно поспѣшнѣе прикрыть свой правый флангъ и тылъ полевыми укрѣпленіями, поставленными въ разныхъ мѣстахъ, впрочемъ безъ всякой системы. За то, переходомъ на Южную сторону, непріятель пріобрѣлъ важную выгоду, получивъ въ неотъемлемое свое распоряженіе 4-е бухты: Стрѣлцкую, Песочную, Камышевую и Казацкую, и сверхъ того Балаклаву. Съ этимъ только условіемъ, вовсе у насъ непредвидѣннымъ, можно было предпринять осаду съ Южной стороны. Военная исторія рѣдко представляла такія удобства къ совокупному дѣйствию сухопутныхъ и морскихъ силъ, противу осажденнаго города. Армія непріятельская безпрерывно получала, посредствомъ

*) Французской кавалеріи около Севастополя тогда не было.

флота, скоро и легко, не только продовольствіе и всякаго рода военные запасы, но подкрѣпленія въ войскахъ и тяжелую артиллерію, которыя прибывали изъ Франціи и Англіи чрезъ 10 дней, при нынѣшнемъ усовершенствованіи мореходныхъ судовъ. Трудно объяснить, а еще болѣе оправдать, такую непредусмотрительность съ нашей стороны. Почему же было бы не укрѣпить Севастополь заблаговременно, крайней мѣрѣ такъ, какъ укрѣпили его потомъ, во время самой осады, и разумѣется на скоро, слѣдовательно какъ тогда успѣли и какъ было возможно въ такое горячее время, въ присутствіи сильнаго непріятеля, подъ страшнымъ громомъ артиллеріи съ моря и съ суши? Но если Севастополь удержался 11-ть мѣсяцевъ въ подобномъ положеніи, въ какомъ засталъ его непріятель: то что бы значили всѣ усилія союзниковъ передъ сильно укрѣпленнымъ со всѣхъ сторонъ городомъ? Самъ князь Меншиковъ пребылъ на мѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ и, какъ я сказалъ уже въ первой части записокъ, признавалъ высадку непріятеля, прямо въ Севастополь, возможною, но мѣрѣ для укрѣпленія города, до самаго конца, не принялъ. Видно еще разъ должна была подтвердиться пословица, что «если Богъ захочетъ кого наказать, то отнимаетъ прежде всего у него разумъ». Россіи предопредѣлено было тяжкое испытаніе, и всѣ наши мудрствованія оказались ничтожными предъ такимъ высшимъ предопредѣленіемъ.

XIX.

Я не берусь описывать подробно осаду и оборону Севастополя, въ продолженіи первыхъ 6-ти мѣсяцевъ, ибо не былъ тогда личнымъ участникомъ, а пріѣхалъ уже съ княземъ Горчаковымъ, по назначеніи его главнокомандующимъ Крымскою арміею, т. е. въ исходѣ Марта 1855 года; но могу представить только въ краткихъ очеркахъ нѣкоторыя главнѣйшія обстоятельства той эпохи, почерпнутыя мною изъ официальныхъ свѣдѣній и рассказовъ на мѣстѣ, а также и изъ Французскихъ источниковъ.

XX.

Много говорили о томъ, что союзники, по высадкѣ въ Крымъ, легко находили тамъ шпіоновъ изъ числа измѣнившихъ намъ жителей, и что механикъ-Англичанинъ, строившій Севастопольскіе доки, былъ въ постоянной перепискѣ съ своими соотечественниками, въ Лондонѣ, и сообщалъ имъ всѣ свѣдѣнія о силѣ Севастополя. Допуская справедливость этихъ слуховъ, нельзя не удивляться, что непріятель не имѣлъ надлежащаго понятія о ничтожности укрѣпленій на Южной сторонѣ города и не рѣшился штурмовать ихъ тотчасъ, по обложеніи, чего у насъ опасались не безъ основанія, тѣмъ болѣе, что и гарнизонъ былъ въ то время очень малочисленъ. Я думаю, что эту нерѣшительность скорѣе можно приписать осторожному характеру обоихъ непріятельскихъ главнокомандующихъ, Канробера и лорда Раглана, и что можетъ быть С. Арно, по страсти своей къ необыкновеннымъ предпріятіямъ, поступилъ бы иначе. Но всего справедливѣе думать, что союзники не обратились тотчасъ къ штурму изъ опасенія быть атакованными съ тылу княземъ Меншиковымъ, о которомъ они не имѣли вѣрныхъ свѣдѣній, по отступленіи его къ Бакчисараю. Вотъ новое доказательство, что Альмское сраженіе вовсе не было для насъ нужно и что безъ него непріятель былъ бы поставленъ въ совершенное недоумѣніе, что дѣлать послѣ высадки, имѣя постоянно у себя на флангѣ 35 т. нашихъ войскъ, ожидающихъ первой возможности напасть на него съ выгодною!

XXI.

Упомянувъ въ предыдущемъ параграфѣ объ измѣнѣ Крымскихъ Татаръ, я считаю нужнымъ объяснить здѣсь, что едва ли мы сами не были въ томъ виноваты.

При открытіи войны между Россією и Турцією за Святыя Мѣста и за отказъ предоставить Русскому государю покровительство Восточнымъ христіанамъ, подданнымъ Оттоманской Порты, начали распространяться разные толки о томъ, останутся ли намъ вѣрными Крымскіе Татары, или если не явно,

то тайно, не будутъ ли они, по единовѣрью съ Турками, благопріятствовать имъ, ко вреду Россіи? Эти частные толки были поводомъ, что Таврической муфтій, вѣроятно по разрѣшенію князя Меншикова, обратился въ Январѣ мѣсяцѣ 1854 года съ весьма разумнымъ воззваніемъ къ Мусульманскимъ, обитателямъ Крыма и, напомнивъ имъ 70-ти лѣтнюю вѣрность ихъ нашимъ государямъ и тѣмъ благодѣяніямъ, которыми они постоянно пользовались отъ Россіи, изъяснилъ народу причины возгорѣвшейся съ Портою войны и старался внушить ему святость присяги, угрожая легкомысленнымъ дурными послѣдствіями. Воззваніе это было читано тогда во всѣхъ мечетяхъ. Въ отвѣтъ на него Крымскіе беи и мурзы представили начальнику Таврической губерніи, за своимъ общимъ подписаніемъ, засвидѣтельствованіе въ преданности Россійскому Престолу и просили представить Государю Императору новую клятву въ непоколебимой вѣрности всѣхъ Крымскихъ Татаръ, съ тѣмъ, что всякій нарушитель сей клятвы будетъ преслѣдованъ ими и отданъ въ руки правительства, какъ измѣнникъ.

Хотя ручательства этаго, по видимому, было достаточно, чтобы не тревожиться за будущее спокойствіе края; но, на всякій случай, благоразуміе требовало принять въ то же время нѣкоторыя косвенныя мѣры для устраненія и послѣднихъ опасеній. Всего лучше былъ для этаго примѣръ 1812 года, когда изъ Крыма взято было въ большую дѣйствующую армію два полка конной милиціи, прослужившіе всю тогдашнюю войну, съ рѣдкимъ усердіемъ и отличіемъ. Ихъ, разумвется, слѣдовало заблаговременно отправить на службу, на западныя границы. Такое удаленіе изъ домовъ своихъ молодыхъ, преимущественно легкомысленныхъ, людей не могло произвести ни малѣйшаго ропота въ народѣ, но оставило бы въ рукахъ нашихъ лучшихъ заложниковъ за спокойствіе Крыма.

Непредвидѣніе это усугубило потомъ затрудненія въ Крыму и было причиною многихъ несправедливостей и странныхъ изъ Петербурга приказаній, которыя, къ счастью, скоро были отмѣнены.

Высадка непріятеля въ Евпаторіи застала тамошнихъ и окрестныхъ деревень жителей на своихъ мѣстахъ. Чтò оставалось имъ дѣлать, если не было предварительнаго о томъ распоряженія? Удивительно ли, что они послѣ того усердствовали не только Туркамъ, но и Англо-Французамъ? Край, занятый непріятелемъ въ военное время, не имѣетъ возможности не исполнять требованій, подкрѣпляемыхъ оружіемъ. Справедливо ли въ такомъ случаѣ называть измѣною самое согласіе быть непріятельскимъ шпиономъ, если въ рукахъ сильнаго остаются жена, дѣти и все имущество? Не стану отвергать, что было и неопровержимые примѣры вѣроломства; но какъ трудно отличать въ подобныхъ обстоятельствахъ истину отъ клеветы! Мнѣ самому приходилось участвовать въ этихъ разбирательствахъ. Личные враги большею частію доносили на тѣхъ, кому они желали повредить. Общая молва распространила слухи о злоумышленностяхъ, а слѣдствіемъ этаго было множество арестовъ. Всѣ обвиненные были отсылаемы въ Екатеринославъ или Хереонъ, съ предписаніемъ судить ихъ при тамошнихъ ордонансъ-гаузахъ. Наконецъ даже повелѣно было всѣхъ Татаръ, числомъ до 300 т. душъ, за весьма малымъ исключеніемъ, выселить изъ Крыма въ отдаленныя губерніи, съ ихъ семействами.

Но можно себѣ представить, что не легко было привести въ исполненіе столь крутую мѣру, во время продолжавшихся въ краю военныхъ дѣйствій. Каждый пойметъ, что удаленіе изъ домовъ своихъ такого значительнаго числа жителей лишило бы армію всѣхъ военныхъ пособій, какъ на примѣръ: подводъ для всякаго рода перевозокъ, рабочихъ для содержанія въ необходимой исправности дорогъ и колодцевъ, рубки дровъ для войскъ и зарыванія въ землю упалаго скота и лошадей, погибавшихъ тогда во множествѣ въ нашихъ транспортахъ и порціонныхъ гуртахъ. Настоятельная объ этомъ переписка съ Петербургомъ продолжалась даже и въ 1855 году, при князѣ Горчаковѣ; но наконецъ мысль о переселеніи, не знаю кѣмъ предложенная, была совершенно отмѣнена. Тѣ же Татары, которые были сосланы въ Екатеринославъ и Хер-

сонъ, для производства надъ ними суда за измѣну, оставались тамъ до окончанія войны. Военнослужбы объ нихъ дѣла едва ли когда нибудь были начаты, ибо я очень хорошо помню, что въ Іюль или Августъ мѣсяцъ, командиръ Екатеринославскаго гарнизоннаго баталіона спрашивалъ у меня разрѣшенія: какъ слѣдуетъ поступить съ Татарами, содержащимися подъ арестомъ при вѣренномъ ему баталіонѣ, число коихъ простиралось до 2 т. человекъ, при чемъ онъ присовокупялъ, что почти обо всѣхъ этихъ арестантахъ, за всѣми его требованіями отъ Таврическаго гражданскаго начальства, не получено достаточныхъ обвинительныхъ актовъ, а имѣются одни только указанія доносителей.

XXII.

И такъ, союзники, въ самомъ началѣ, сочли невозможнымъ и чрезвычайно опаснымъ предпринять быстрый штурмъ Севастополя съ Южной стороны, хотя почти тогда неукрѣпленной; но положили обратиться сначала къ сильной бомбардировкѣ города, а потомъ къ медленной и вѣрной осадѣ, прежде же всего прикрыть свой правый флангъ и тылъ полевыми укрѣпленіями.

Тотчасъ по занятіи Балаклавы и Камышевой бухты, союзники занялись выгрузкою съ флота тяжелой артиллеріи, снарядовъ и всѣхъ осадныхъ матеріаловъ. Въ этомъ и въ прочихъ приготовленіяхъ прошло почти двѣ недѣли, такъ что первыя траншеи открыты неприятелемъ только 27 Сентября (9 Октября). Повидимому, они медлили, въ ожиданіи прибытія 5-й и 6-й Французскихъ дивизій и части ихъ кавалеріи, отправленныхъ въ Крымъ послѣ Альмскаго сраженія. Замедленіе это послужило къ большой для насъ пользѣ, ибо въ двѣ недѣли успѣли усилить оборону съ Южной стороны Севастополя и поставить тамъ тяжелую морскую артиллерію, съ прислугою изъ матросовъ, взятыхъ съ затопленныхъ судовъ. Инженеръ-подполковникъ Тотлебенъ неутомимо распоряжался оборонительными сооруженіями, безъ всякаго посторонняго на него вліянія. Объ этомъ инженерѣ, составившемъ блестя-

щую карьеру при защитѣ Севастополя и заслужившемъ Европейскую извѣстность, писали очень много и у насъ и за границею, въ первое время послѣ окончанія войны; да и теперь еще иностранныя газеты считаютъ обязанностію каждый разъ заявлять, когда онъ пріѣдетъ въ какой нибудь городъ. Его произвели даже въ генія; но справедливость требуетъ сказать, что похвалы эти слишкомъ преувеличены. Вполнѣ признавая за Тотлебеномъ неустрашимость, самоотверженіе, рѣдкое усердіе на войнѣ и знаніе своего дѣла, я и многіе другіе, конечно, не признаютъ въ немъ геніальности. Севастополь держался 11-ть мѣсяцевъ не вслѣдствіе особаго его искусства, а собственно стойкостью нашихъ войскъ и большими средствами, въ немъ находившимися, что доказывается самыми трофеями, доставшимися потомъ въ руки непріятеля. Я зналъ лично Тотлебена и видѣлъ его въ обѣ кампаніи, на Дунаѣ и въ Крыму. Онъ пріобрѣлъ очень многое отъ покойнаго генералъ-адъютанта Шильдера, при осадѣ Силистріи, гдѣ получилъ и первые практическіе уроки, какъ военный полевой инженеръ. Шильдеръ былъ герой вообще, поэтъ, а иногда необыкновенный импровизаторъ въ инженерномъ дѣлѣ; но далеко не геній; лучший его ученикъ Тотлебенъ, не смотря на весьма важныя заслуги въ Севастополѣ, также не имѣетъ геніальности....

XXIII.

Занятіе союзниками позиціи на южной сторонѣ Севастополя и отступленіе князя Меншикова къ Бакчисараю поставили Севастопольскій гарнизонъ, на нѣсколько дней, въ самое опасное положеніе. Это былъ для непріятеля лучшей случай съ надеждою и успѣхомъ покуситься на приступъ, потому что вспомогательныя войска наши были далеко. Спрашивается, могъ ли князь Меншиковъ послѣть на помощь гарнизону изъ Бакчисарая? По прямой и обходной дорогѣ требовалось для этаго около двухъ дней, съ переправою въ первомъ случаѣ чрезъ Сѣверную бухту, или съ переходомъ во второмъ чрезъ Мекензіеву гору, а штурмъ—дѣло нѣсколькихъ часовъ. Кажется, ни мы, ни непріятель не поняли этаго, и къ счастью,

такая оплошность съ нашей стороны осталась безъ дурныхъ для насъ послѣдствій. Рѣшимость непріятеля могли остановить только необыкновенная дѣятельность и присутствіе духа, выказанныя въ это опасное время защитниками Севастополя: они съ самаго начала выходили на вылазки днемъ и ночью небольшими партіями, для рекогносцировокъ, и не позволяли непріятелю приближаться къ городу. Князь Меншиковъ и съ своей стороны посылалъ отряды для обозрѣнія къ Байдарской долинѣ и къ Чоргуну; но только 19-го Сентября перешелъ окончательно, съ вспомогательными войсками, на Сѣверную сторону и возстановилъ постоянное сообщеніе съ городомъ.

Причиною этаго замедленія былъ, кажется, совершенный, недостатокъ продовольствія и крайнее затрудненіе подвезти его прямо къ Севастополю, особенно въ первое время. Объ этомъ и о скорѣйшей присылкѣ войскъ онъ писалъ въ Кишиневъ, къ князю Горчакову, съ каждымъ курьеромъ. Но возможна ли скорая помощь за 1000 верстъ? Впрочемъ, надобно отдать полную справедливость князю Горчакову, что, въ это горячее время, онъ показалъ истинный патріотизмъ и дѣлался съ княземъ Меншиковымъ всею чѣмъ было возможно: большіе транспорты съ провіантомъ двинуты изъ Бессарабіи и Херсонской губерніи въ Крымъ; посланы туда же госпитальные и медицинскіе сособы и кромѣ 12-й пѣхотной дивизіи, а потомъ и остальныхъ двухъ дивизій 4-го пѣхотнаго корпуса, отправлено двѣ дивизіи легкой кавалеріи, для обложенія Евпаторіи, занятой сильнымъ Турецкимъ отрядомъ.

XXIV.

Покуда прибывали все эти подкрѣпленія, направленные форсированными маршами на Перекопъ, гарнизонъ Севастопольскій, одушевленный истиннымъ геройствомъ, неутомимо трудился надъ возведеніемъ укрѣпленій, на Южной сторонѣ города. Независимо отъ солдатъ и матросовъ, все изъ жителей, кто могъ копать землю или приносить ее изъ другихъ мѣстъ, взялись за дѣло добровольно, съ своими собственными подводами. Нѣсколько землекоповъ, каменщиковъ, плот-

никовъ и другихъ мастеровъ, пришедшихъ лѣтомъ въ Севастополь, на обыкновенныя работы, не только приняли въ томъ усердное участіе, но вызывались стать на батареи, въ ряды войскъ, и грудью отстаивать городъ. Къ нимъ присоединились разные торговцы и всѣ арестанты, осужденные закономъ на продолжительныя крѣпостныя работы въ Севастополь. Дѣти матросовъ, даже до 10-лѣтняго возраста, шли съ отцами на батареи. Жены нижнихъ чиновъ оказали также примѣрную неустрашимость. Россія, и въ позднѣйшія времена, не должна забыть этаго всеобщаго единодушія. Многіе, и очень многіе, пали жертвами столь великодушнаго усердія; они, кровію своею, вѣроятно искупили гнѣвъ Божій на Севастополь, а гнѣвъ былъ справедливъ, если припомнить все, что намъ рассказывали о безнравственности тамошнихъ жителей до войны.

XXV.

Первая помощь, которую вытребовалъ князь Меншиковъ, состояла изъ двухъ или трехъ резервныхъ баталіоновъ сформированныхъ тогда въ Херсонѣ; но эта помощь, заключавшая въ себѣ съ небольшимъ 1000 человекъ безъ ружей, послужила лишь для малаго пополненія убиты, послѣ сраженія подъ Альмою. Въ концѣ Сентября начали подходить болѣе значительныя подкрѣпленія. Шедшая впереди ихъ уланская дивизія генералъ-лейтенанта барона Корфа обращена была тотчасъ къ Евпаторіи и обложила эту крѣпость 30-го Сентября. Въ первыхъ числахъ Октября прибылъ генералъ-лейтенантъ Липранди съ 12-пѣхотною дивизіею, которая изъ Бессарабіи все время слѣдовала съ помощію подводъ, такъ что только половина людей шла по очереди пѣшкомъ. Въ дивизіи этой было тогда до 16 т. штыковъ и при нихъ 4 батареи. Въ высочайшемъ письмѣ, полученномъ предъ тѣмъ княземъ Меншиковымъ, Государь чрезвычайно лестно выразился о генералѣ Липранди, и писалъ, что ему можно поручить отдѣльный отрядъ и положиться смѣло на него, какъ на опытнаго генерала. Князь Меншиковъ тотчасъ воспользовался этимъ высочайшимъ указаніемъ и поручилъ Липранди осмотрѣть непри-

ательскую позицію, съ тѣмъ чтобы составить планъ сильной атаки.

Основываясь на растянутомъ и раздробленномъ расположеніи союзниковъ, предполагалось, съ прибытіемъ остальныхъ двухъ дивизій 4-го пѣхотнаго корпуса, произвести наступленіе общими силами отъ Чоргуна, взять редуты впереди сел. Кадыкіой, а потомъ обратиться въ тылъ союзниковъ, на Салунъ-гору, которая не была еще тогда укрѣплена. Для этого надлежало употребить 65-ть баталіоновъ пѣхоты, 52 эскадрона кавалеріи, 14-ть сотенъ козаковъ и 200 полевыхъ орудій. Эту значительную массу войскъ можно было собрать не прежде 22-го Октября, не ослабляя Севастопольскаго гарнизона. Планъ атаки былъ хорошо обдуманъ и обещалъ вѣрный успѣхъ; надобно было только терпѣливо дожидаться прибытія двухъ дивизій 4-го пѣхотнаго корпуса и не портить дѣло торопливостію, которая, въ послѣднюю войну, не одинъ разъ была причиною нашихъ неудачъ.

XXVI.

• Къ 5 (17) Октября союзники, не смотря на огонь нашъ и вылазки изъ города, успѣли приготовить первую паралель, въ разстояніи 500—600 сажень отъ города, и вооружили ее 126 орудіями, преимущественно противу бастіоновъ № 3 и 4-го. Тогда, между непріятельскими главнокомандующими и адмиралами, условлено произвести 5-го числа сильную бомбардировку по осажденному городу, съ сухаго пути и съ моря, въ одно время, почти изъ 1000 орудій, по сигналу трехъ выстрѣловъ. Въ 6-ть часовъ утра 5 (17) Октября началась эта бомбардировка; но, по особенному для насъ счастью, она не имѣла той страшной совокупности, какую предполагалъ непріятель: Французы первые открыли огонь, вскорѣ за ними Англичане; но флотъ союзниковъ, которому слѣдовало подойти ближе къ городу, опоздалъ, по причинѣ случившагося тогда безвѣтрія. Непріятельскія батареи, стрѣлявшія по 4-му и 3-му бастіону произвели въ нихъ, а равно на Малаховомъ курганѣ и въ самомъ городѣ, большія поврежденія. Но съ на-

ней стороны отвѣчали энергически и съ такимъ успѣхомъ, что на первой паралели союзниковъ, съ короткое время, было взорвано три пороховыхъ погребка, и Французская артиллерія въ 10 часовъ утра должна была замолкнуть. Англичане, меньше потерпѣвшіе, продолжали пальбу до вечера, хотя уже не такъ сильную. Только послѣ полудня непріятельскій флотъ занялъ свою позицію, въ двѣ линіи, и открылъ убійственный огонь почти изъ 30-ти кораблей, противу Карантиннаго форта или батареи № 10-го, Александровской батареи и Константиновскаго форта. Съ нашихъ приморскихъ фортъ и батарей отвѣчали на эту ужасную бомбардировку такимъ же адскимъ огнемъ, который не позволилъ союзному флоту держаться на якорѣ болѣе двухъ часовъ. Много кораблей ихъ, и особенно Французскій адмиральскій, до того были повреждены, что въ 3 часа пополудни атакующія линіи начали отступать, а въ сумерки прекратился вовсе огонь отъ непріятеля.

Защитники Севастополя покрыли себя въ этотъ день неуvidaемою славой; опасность была слишкомъ велика и едва ли не угрожала окончательнымъ паденіемъ города, если бы непріятельская бомбардировка исполнилась, какъ задумали союзники, т. е. отъ начала дня до конца, совокупно съ суши и моря. У нихъ, на этотъ случай, было все приготовлено для штурма; а у насъ находилось въ то время въ городѣ не болѣе 25-ти баталіоновъ, къ которымъ, послѣ уже 5-го Октября, князь Меншиковъ присоединилъ еще 8-мъ баталіоновъ; но, несмотря и на то, главный резервъ все таки состоялъ тогда изъ пяти баталіоновъ; прочая пѣхота, введенная въ городъ, распределена была частями по батареямъ, а флотскіе экипажи, почти безъ исключенія, составляли прислугу при орудіяхъ. Самъ князь Меншиковъ, съ другими вспомогательными войсками, оставался на Сѣверной сторонѣ, за бухтою.

Уронъ непріятеля, при первой столь грозной бомбардировкѣ, считали до 1500 человекъ; наша потеря въ людяхъ была одною третью менѣе; но за то мы лишились, въ лицѣ адмирала Корнилова, храбраго, дѣятельнаго и всѣми любимаго начальника. Онъ палъ на Малаховомъ курганѣ, отъ выстрѣла

съ Англійской батареи: ядро раздробило ему лѣвую ногу въ такомъ именно мѣстѣ, гдѣ всякая операція не могла иначе быть какъ смертельная. Жизнь его, вмѣстѣ съ жизнію незабвеннаго Нахимова, нужна была для спасенія Севастополя отъ той безславной катастрофы, которая случилась потомъ 26-го и 27-го Августа 1855 года.

XXVII.

Если бомбардировка 5-го Октября не доставила союзникамъ никакихъ существенныхъ выгодъ, то по крайней мѣрѣ она открыла Французамъ собственныя ихъ ошибки, въ расположеніи первой ихъ паралели и убѣдила, что взятіе Севастополя требуетъ продолжительной, формальной осады. Въ ночь съ 5-го на 6 Октября непріятель поспѣшилъ употребить всѣ усилія для исправленія своихъ батарей и увеличилъ число оныхъ въ первой паралели, направивъ большую часть орудій на 4-й бастионъ. 7-го Октября произведена имъ новая бомбардировка, съ сухаго пути; флотъ непріятельскій не принялъ въ этомъ участія, что доказывало значительныя поврежденія, причиненныя ему огнемъ нашихъ приморскихъ батарей. Въ этотъ день потерпѣлъ у насъ преимущественно 4-й бастионъ, противу котораго Французы начали вести и подступы. Въ городѣ нѣсколько разъ загорались строенія; но, необыкновеннымъ усердіемъ и дѣятельностію войскъ и жителей, пожары эти скоро были прекращаемы. — 8 и 9-го Октября сильныя дѣйствія союзниковъ съ сухаго пути продолжались, и подъ огнемъ ихъ Французы успѣли заложить 2-ю паралель. Успѣхъ это одинаково не предвѣщалъ большой опасности. Непріятель былъ слишкомъ въ 200 саженьяхъ отъ города и не начиналъ еще подземныхъ работъ. Сильное дѣйствіе его флота, послѣ первой неудачной бомбардировки, почти не угрожало намъ съ моря; а между тѣмъ положеніе осажденных нѣсколько улучшилось, противу первыхъ дней осады. На Южной сторонѣ постоянно воздвигались укрѣпленія, и въ замѣну разрушенныхъ являлись новыя, на разныхъ пунктахъ, вооружаемыя тяжелыми орудіями съ нашихъ кораблей. Гарнизонъ въ полномъ

смыслъ бодрствовалъ, часто беспокоилъ непріятеля смѣлыми вылазками по ночамъ, прорываясь въ самыя траншеи и заклепывая тамъ осадныя орудія. Французы и Англичане были изумлены такою отвагою и стойкостію, писали въ Парижъ и Лондонъ о встрѣченномъ ими неожиданнымъ сопротивленіи со стороны защитниковъ Севастополя, и конечно въ такомъ положеніи дѣлъ не скоро рѣшились бы на штурмъ.

XXVIII.

Но князь Меншиковъ рассуждалъ иначе. Его сильно тревожилъ ежедневный уронъ въ людяхъ и разрушенія, причиненныя батареямъ нашимъ непріятельскими выстрѣлами, а также замѣчавшійся недостатокъ въ порохѣ, не позволявшій намъ вести непрерывную пальбу противу осаждающихъ. Конечно, отвѣтственность его была велика предъ Государемъ и Отечествомъ, за потерю города и флота, и онъ не выдержалъ характера, не дождался прибытія остальныхъ двухъ дивизій 4-го пѣхотнаго корпуса, чтобы съ большею увѣренностію исполнить хорошо обдуманной, общій планъ атаки.

XXIX.

Вечеромъ 10-го Октября, пріѣхалъ къ генералу Липранди въ сел. Бельбекъ полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба Поповъ, съ порученіемъ отъ князя Меншикова. Порученіе состояло въ томъ, что, по причинѣ жестокаго бомбардированія города и недостатка у насъ пороху, князь Меншиковъ находитъ совершенно необходимымъ отбросить непріятеля далѣе, и потому предлагаетъ генералу Липранди сдѣлать сильную вылазку изъ Севастополя.

Что разумѣлось здѣсь подъ словомъ сильная вылазка? Вылазки дѣлаются большею частію ночью; а если днемъ, то внезапно и въ такомъ случаѣ на недалное разстояніе отъ осажденной крѣпости или города, для разрушенія ближайшихъ непріятельскихъ работъ. Ночная вылазка большимъ числомъ войскъ едва ли можетъ быть исполнена скрытно, а тутъ надобно было переправить цѣлую дивизію пѣхоты съ артиллерією, чрезъ широкую Сѣверную бухту. Естественно, что не-

пріятель, предуздомленный переметчиками, которыхъ и у насъ было довольно, принялъ бы заблаговременно всѣ мѣры осторожности, и изъ вылазки произошла бы цѣлая битва въ полѣ, на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ непріятель былъ сильнѣе насъ, и всѣ выгоды оказались бы на сторонѣ союзниковъ.

Предвидя это, генералъ Липранди на другой день лично пѣхалъ къ главнокомандующему и словесно представилъ князю Меншикову всю опасность и невѣрный успѣхъ такой попытки. Князь согласился съ его мнѣніемъ, но предложилъ *сдѣлать что нибудь, для отвлеченія непріятели отъ Севастополя*, и сдѣлать это безотлагательно, не ожидая прибытія 10 и 11-й пѣхотныхъ дивизій.

Такъ хорошо начертанный планъ единовременной атаки, общими силами, на Сапунъ-гору, подвергался измѣненію, и мы увидимъ, сколь велика была въ этомъ ошибка.

Побуждаемый настояніемъ князя Меншикова, Липранди взялся напасть на непріятельскіе редуты, впереди сел. Кадыкюй. Нападеніе это исполнено 13 (25) Октября съ блистательнымъ успѣхомъ, со стороны Чоргуна, съ тѣмъ чтобы по взятіи редутовъ прорваться къ Бадаклавъ, въ тылъ союзниковъ. Попытка эта была произведена съ 24-мя баталіонами, съ 24-мя эскадронами регулярной кавалеріи, 13-ю сотнями казаковъ и 52-мя орудіями, въ четырехъ колоннахъ. Въ короткое время 4 непріятельскіе редута, защищаемые Турками, съ находившимися въ нихъ 11-ю пушками, были взяты, равно какъ и Турецкій лагерь, расположенный за редутомъ № 1-ый. Встревоженный непріятель поспѣшилъ наскоро собрать свои войска и выставить ихъ противу насъ. Завязалось жаркое сраженіе, преимущественно между кавалеріею обѣихъ сторонъ. Атаки союзниковъ и наши были блистательны. Англійская конница потерпѣла въ этотъ день большой уронъ, попавъ подъ перекрестный огонь нашей артиллеріи и стрѣлковъ.

Предъ вечеромъ бой прекратился. Союзники возвратились въ свой лагерь, а генералъ Липранди удержалъ за собою сел. Комары и три изъ взятыхъ имъ редутовъ, съ 9 пушками; 4-й

редуть ернть, по затрудненію защищать его; пушки же въ немъ заклепаны, и ласеты изрублены въ куски.

Потеря наша въ этомъ сраженіи состояла убитыми: изъ 6-ти штабъ и оберъ-офицеровъ и 232 нижнихъ чиновъ; ранены: генералъ (командиръ-гусарскаго Его Высочества князя Николая Максимиліановича полка Халецкій), 19-ть штабъ и оберъ-офицеровъ и 292 нижнихъ чиновъ, преимущественно въ кавалеріи. Конница союзниковъ потерпѣла несравненно значительнѣе, и у Англичанъ вышло изъ строя не менѣе 300 кавалеристовъ, т. е. слишкомъ одна треть изъ бывшихъ въ бою, сверхъ двухъ оберъ-офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ во Французскомъ полку Африканскихъ конныхъ егерей. Убыль въ нѣхотѣ союзниковъ, включая сюда и Турокъ, считалась также до 300 человекъ.

Итакъ, предпріятіе генерала Липранди увѣнчалось успѣхомъ; его распоряженія въ этотъ день вполне заслуживаютъ похвалы. Непритель дѣйствительно былъ отвлеченъ отъ Севастополя, и сверхъ того мы заняли довольно сильную позицію на лѣвомъ берегу рѣчки Черной, на флангъ союзниковъ. Объ одномъ должно сожалѣть, что кавалерія наша, въ числѣ 22-хъ эскадроновъ, не дѣйствовала въ сраженіи одною массой, а производила атаки по частямъ. Иначе ея совокупныя удары, особенно въ началѣ сраженія, могли бы нанести гораздо больше вреда непрителю. Государь наградилъ генерала Липранди, по представленію князя Меншикова, золотую шпагою, съ надписью за храбрость, украшенною алмазами, въ 1200 руб. серебромъ. Въ Петербургѣ и въ нашихъ арміяхъ, Крымской и Южной, радовались первой счастливой побѣдѣ надъ союзниками и приносили въ церквахъ благодареніе Всевышнему. Въ Кишиневѣ, гдѣ жили тогда дочери Липранди, друзья, товарищи и почитатели сего генерала дали имъ великолѣпный ужинъ съ танцами, при чемъ провозглашено множество тостовъ въ честь побѣдителя. Но справедливость требуетъ замѣтить, что монаршая награда не соответствовала подвигу. У насъ награждаютъ этимъ отличіемъ за обыкновенныя военныя дѣла, такъ-сказать, по очереди. Всѣ думали,

что къ шпагѣ слѣдовало присоединить надпись: «за поражение Англичанъ, Французовъ и Турокъ при Кадыкію». При томъ, въ самой реляціи князя Меншикова было пропущено о жестокомъ уронѣ Англійской кавалеріи. Вотъ какъ у насъ ослабляютъ рвеніе отличныхъ военныхъ людей и дѣлаютъ ихъ потомъ равнодушными къ славѣ! Но надобно припомнить, что и съ знаменитымъ Суворовымъ поступали такимъ же образомъ. Наполеонъ I держался другаго правила, и маршалы его были осыпаны наградами, преимущественно существенными. Прошло то время, когда ордена считались высокою наградою; но тогда ихъ было немного. Петръ Великій установилъ только одинъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго; Екатерина II прибавила орденъ Св. Георгія и Св. Владиміра, и это, казалось, было бы достаточнымъ. Странно посмотрѣть теперь на грудь воина, украшеннаго звѣздами, крестами и медалями, въ числѣ 15-ти и даже 20-ти штукъ. Иностранцы смѣются надъ этимъ. Въ какой-то Русской повѣсти это названо убійственнымъ количествомъ. Възкъ очарованій минулъ: ордена не спасутъ отъ голодной смерти, какъ каски и латы не защищаютъ теперь отъ непріятельскаго ядра. Нынче всѣ желаютъ получить за заслуги обезпеченіе, для себя и для своего семейства. Наше жалованье и наши пенсіоны еще такъ малы, что изъ нихъ не приготовишь безбѣднаго содержанія подъ старость; много ли такихъ, которые получаютъ особая милости отъ правительства, не въ примѣръ другимъ? Конечно армія наша велика, и обезпеченіе каждаго потребовало бы огромныхъ издержекъ. Но не многочисленное, а хорошо устроенное войско, въ которомъ участь каждаго охранена въ будущемъ, а заслуги вознаграждаются справедливо, не наружными почестями, служащими приманкою развѣ для одной молодежи, — составляютъ надежный и истинный оплотъ государства.

XXX.

Чтобы воспользоваться еще болѣе тревогою, произведенною между осаждающими, неожиданнымъ нападеніемъ ^{18/25} Октября, почти въ тылъ ихъ позицій, князь Меншиковъ приказалъ

14/28 числа сдѣлать сильную вылазку изъ Севастополя, на окончность праваго фланга Англійскихъ войскъ. На вылазку эту назначенъ Бутырскій пѣхотный полкъ съ 4-мя орудіями подъ начальствомъ командира полка полковника Федорова, а за нимъ въ резервъ Бородинскій егерскій полкъ также съ 4-мя орудіями и Черноморскій казачій пѣшій баталіонъ № 8-й. Войска наши съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ атаковали Англичанъ, но союзники издали замѣтили наступленіе и заранѣе успѣли приготовиться къ бою. Полковникъ Федоровъ, принужденный вступить въ дѣло съ непріятелемъ превосходившимъ его силы, и притомъ на мѣстности, гдѣ нельзя было развернуться, держался не болѣе двухъ часовъ. Самъ онъ раненъ, и войска его отброшены съ потерей 300 челов. Вотъ новое доказательство, что вылазки изъ Севастополя, какъ и вездѣ, могли удаваться только въ ночное время, малыми партіями охотниковъ и внезапно.

XXXI.

Блестящее дѣло генерала Липранди, не смотря на то, что этимъ самымъ совершенно былъ измѣненъ задуманный прежде планъ общей и сильной атаки на Сапунъ-гору, подавало надежду, что съ прибытіемъ главнаго резерва 4-го пѣхотнаго корпуса, мы будемъ имѣть еще болѣе большой, а можетъ быть и окончательный, перевѣсъ надъ осаждающими; но вышло противное. Непритель, послѣ нападенія нашего 13-го числа, понялъ, что ему угрожала опасность, не только съ праваго фланга его позиціи, но и въ тылъ, до самой Балаклавы, и немедленно взялъ свои мѣры. Пользуясь 10-ти дневнымъ промежуткомъ до Инкерманскаго сраженія, онъ успѣлъ наскоро построить на Сапунъ-горѣ нѣсколько редутовъ и прикрылъ новыми укрѣпленіями дорогу на Балаклаву.

16-го Октября прибылъ въ Севастополь командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса генераль отъ инфантеріи Даненбергъ. Въ слѣдъ за нимъ начали подходить 10 и 11 пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллерією, 4-й стрѣлковый и 4-й саперный баталіоны. Всѣ они первоначально направлены были въ Чоргунъ, къ по-

зиціи, занятой нами 13-го Октября. Это заставляло думать, что прежній планъ атаки не измѣняется; но 22-го числа 10-я пѣхотная дивизія получила приказаніе идти прямо въ Севастополь, а на другой день отдана по Крымской арміи диспозиція на 24-е Октября, которая показала, что дѣйствія войскъ нашихъ не будутъ совокупны и что ударъ на непріятеля готовится съ другой стороны.

Разсказывали, будто бы по приѣздѣ генерала отъ инфантеріи Даненберга, князь Меншиковъ предложилъ ему составить новый планъ атаки изъ Севастополя и отъ Инкерманской плотины, основываясь на томъ, что генералу Даненбергу, по прежнему продолжительному пребыванію въ Севастополь, лучше извѣстна тамошняя мѣстность. Не могу ручаться, до какой степени это справедливо; но у меня есть копіи съ подлинныхъ документовъ, которыя доказываютъ:

1-е) что диспозиція на 24-е Октября, для наступленія на Англійскую позицію, отдана была самимъ княземъ Меншиковымъ. По этой диспозиціи назначено 3-мъ полкамъ 10-й пѣхотной дивизіи и 3-мъ полкамъ 16-й пѣхотной дивизіи, съ 22 батареями и 16-ю легкими орудіями, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Соймонова, начать наступленіе отъ Севастополя; но предварительно выдвинуться для того изъ укрѣпленій. Генераль-лейтенанту Павлову съ 11-ю пѣхотною дивизіею, бригадою егерей 17-й пѣхотной дивизіи и 60-ю орудіями, въ 6-ть часовъ утра, возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генераль-лейтенанта Соймонова. Войскамъ, находившимся на лѣвомъ берегу р. Черной, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи князя Горчакова, содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ входовъ на Сапунъ-гору, при чемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ выдвигенію на гору, при первой возможности.

Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывать своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ, и въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захва-

тить оныя. Всѣ соотвѣтственныя измѣненія главнокомандующій предоставилъ самимъ частнымъ начальникамъ, съ тѣмъ, чтобы они прислали диспозиціи свои въ теченіи ночи на 24-е число. Самъ князь Меншиковъ назначилъ себѣ мѣсто въ началѣ дѣла у Инкерманскаго моста. Генераль Даненбергъ долженъ былъ принять начальство надъ обоими отрядами, Сеймонова и Павлова, по соединеніи оныхъ, и до того времени распоряжаться переправою, чрезъ Инкерманскій мостъ.

2-е) Неизвѣстно, по какому случаю, диспозиція эта не была отправлена сначала къ генералу Даненбергу, какъ къ старшему и притомъ корпусному командиру тѣхъ войскъ, коимъ предназначалось главное участіе въ бою; но изъ донесенія его къ князю Меншикову отъ 23-го Октября за N 1522, видно, что ему *сообщилъ* это письменное распоряженіе генераль-лейтенантъ Павловъ и что онъ счелъ необходимымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя необходимыя измѣненія.

Обстоятельство это подтверждаетъ распространившіеся и довольно достовѣрныя слухи, что новый планъ атаки составленъ дѣйствительно генераломъ отъ инфантеріи Даненбергомъ; но что князь Меншиковъ, найдя его слишкомъ сложнымъ и сбивчивымъ для исполненія, сократилъ нѣкоторыя подробности и для выигранія времени отправилъ свою диспозицію прямо къ отдѣльнымъ начальникамъ, генераламъ Сеймонову и Павлову.

3) Измѣненія вѣроятно были значительны, потому что генераль отъ инфантеріи Даненбергъ начинаетъ сказанный рапортъ свой такимъ образомъ: «Спѣшу донести вашей свѣтлости, что я нашелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ диспозиціи», и потомъ излагаетъ сущность оныхъ, именно:

а) Обѣимъ наступательнымъ колоннамъ назначено начать движеніе часомъ ранѣе противу диспозиціи, т. е. не въ 6-ть, а въ 5-ть часовъ утра.

б) Егерскимъ полкамъ колонны генераль-лейтенанта Павлова, Охотскому, Бородинскому и Тарутинскому, съ 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 8-ю батарейными орудіями, пос-

пѣшинѣ переправиться чрезъ Инкерманскій мостъ, какъ только онъ будетъ готовъ, и подняться на гору двумя дорогами.

и в) Если бы эти 12-ть баталіоновъ встрѣтили непріятеля въ превосходныхъ силахъ (чего однакоже по мнѣнію генерала Даненберга не предвидѣлось), то они должны были спуститься къ бухтѣ (Сѣверной), подъ прикрытіемъ огня съ парходовъ Херсонесъ и Владиміръ.

Легко было предвидѣть, что атака, предназначенная такимъ образомъ въ одно время, съ двухъ разныхъ пунктовъ, удаленныхъ одинъ отъ другаго болѣе нежели на 3 версты и когда войска колонны Павлова должны были ожидать еще постройки моста и потомъ, по пересѣченной мѣстности, подыматься на крутую гору,—не могла имѣть совокупности, а слѣдовательно и успѣха. Но тутъ присоединились и другія обстоятельства, въ самомъ началѣ разстроившія весь расчетъ сильнаго, одновременнаго наступленія. Съ одной стороны, для моста не было приготовлено достаточно туровъ и фашинь, а потому постройка его продолжалась долѣе нежели предполагалось. Съ другой, генераль Соймоновъ принужденъ былъ начать атаку ранѣе, обезпокоиваемый сильно огнемъ осадныхъ батарей, противу крѣпости. Но самое важное, что колонна его вмѣсто предписаннаго ей дѣйствія, по лѣвой сторонѣ Килимъ-балки, перешла эту балку и повела атаку на мѣстности, гдѣ предназначалось дѣйствовать колоннѣ генерала Павлова, оставивъ такимъ образомъ на правомъ флангѣ своемъ главныя силы Англичанъ. Отъ чего же произошла такая гибельная ошибка? Отъ нераспорядительности главнаго штаба князя Меншикова, въ чемъ конечно нельзя также извинить и его самага. Къ генералу Соймонову не только не было командировано офицера генеральнаго штаба, для подробнаго объясненія диспозиціи; но и присланный проводникъ, изъ Балаклавцевъ, не имѣлъ надлежащаго понятія о мѣстности.

При чтеніи диспозиціи князя Меншикова тотчасъ встрѣтилось недоразумѣніе, какъ понимать слова: «генераль-лейтенанту Соймонову начать наступленіе отъ Килимъ-балки»;

но по правой, или по лѣвой сторонѣ оной,—не объяснено. Въ приказаніи, отданномъ генераломъ отъ инфантеріи Даненбергомъ, направленіе это также указано не довольно опредѣлительно словами: «производить наступательное движеніе, упираясь лѣвымъ флангомъ о лѣвый берегъ оврага Килимъ-балки». Здѣсь также представился вопросъ, какой именно лѣвый берегъ оврага? Конечно такой начальникъ, каковъ былъ Соймоновъ, не затруднился бы подобнымъ недоразумѣніемъ: берега овраговъ и балокъ, равно какъ и рѣчекъ, опредѣляются обыкновенно сходя отъ ихъ вершины къ устью, или на оборотъ. Но Соймоновъ уже примыкалъ лѣвымъ флангомъ своимъ къ лѣвой сторонѣ Килимъ-балки, и не могъ допустить мысли, чтобы при дѣйствіи двухъ атакующихъ колоннъ для одной цѣли, рѣшено было оставить между ними глубокой и длинный оврагъ, совершенно разобщавшій ихъ атаку, на все время. Каждому, на его мѣстѣ, извинительно было подумать, что колоннѣ Павлова назначено подкрѣплять дѣйствія отряда изъ Севастополя, и это заключеніе тѣмъ болѣе могло казаться основательнымъ, что войска лѣвой колонны должны были ожидать еще возстановленія Инкерманскаго моста и потомъ подняться на крутую гору; слѣдовательно во всякомъ случаѣ придти позднѣе на мѣсто боя.

Соймоновъ палъ жертвою чужихъ ошибокъ, и потому не будемъ судить его слишкомъ строго, тѣмъ болѣе, что онъ былъ изъ числа замѣчательныхъ нашихъ генераловъ того времени; но почему не сказать правды о живыхъ, въ урокъ потомству? Въ военныхъ предпріятіяхъ, какъ бы они ни были хорошо задуманы, всего важнѣе точность и ясность приказаній, не на одной бумагѣ. При направленіи атакъ необходимо отражать къ каждой колоннѣ офицера генеральнаго штаба, хорошо знающаго мѣстность и получившаго на словахъ дополнительные наставленія, какъ слѣдуетъ понимать прямой смыслъ диспозиціи. Пренебреженіе этого простаго правила бываетъ обыкновенно причиною неуспѣха и даже гибельныхъ неудачъ. Военная исторія нынѣшняго столѣтія представляетъ многіе тому примѣры, но мы припомнимъ толь-

ко Аустерлицъ и Ватерлоо. Ошибаются тѣ, которые ограничиваютъ службу офицеровъ генеральнаго штаба размѣщеніемъ войскъ по квартирамъ, въ лагерь и на бивуакахъ, умѣньемъ выстраивать ихъ въ боевыхъ порядкахъ на указанной мѣстности и съемкою. На войнѣ обязанность ихъ гораздо важнѣе и требуетъ, кромѣ смѣтливости и расторопности, непоколебимаго мужества. Хорошій колонновожатый почти тоже, что хорошій кормчій на корабль. Къ сожалѣнію, у насъ мало обращаютъ на это вниманія. Не я одинъ убѣдился въ томъ, въ послѣднюю войну большая часть офицеровъ генеральнаго штаба были неопытны, и трудно даже повѣрить, что многіе изъ нихъ не умѣли вести аванпостныхъ журналовъ, а тѣмъ менѣе быть полезными при отдѣльныхъ отрядахъ; а между тѣмъ офицеры эти получили образованіе въ Академіи и слушали курсы высшей тактики, стратегіи и военной исторіи. У насъ какъ-то не удаются эти спеціальности: ихъ обратили въ средство къ достиженію скорѣйшаго повышенія въ чинахъ, за поверхностныя свѣдѣнія. За то какое же высокомеріе въ этихъ скороспѣлыхъ геніяхъ! Они судятъ Суворова и другихъ лучшихъ нашихъ полководцевъ, съ полною увѣренностію въ своемъ совершенствѣ.

XXXII.

Но я увлекся постороннимъ сужденіемъ и спѣшу возвратиться къ оставленному мною разсказу объ Инкерманской катастрофѣ. Сраженіе это началось 24-го Октября въ 5-ть часовъ утра, наступленіемъ съ нашей стороны на Англійскій лагерь. Колонна генерала Соймонсва, какъ я уже сказалъ, перешла ошибочно Климъ-балку и двинулась вверхъ по правому берегу оной, въ стройномъ боевомъ порядкѣ. Войска были одушевлены мужествомъ и горѣли нетерпѣніемъ наказывать врага, дерзнувшаго стать на Русскую землю.

Всю ночь шелъ мелкій дождь, а наступавшее утро было туманное; отъ Севастополя слышался колокольный звонъ, призывавшій къ молитвѣ за успѣхъ нашего оружія; но союзники сочли это за обычный Воскресный благовѣсть. При та-

кой обстановкѣ они вовсе не ожидали атаки со стороны нашей, опасаясь преимущественно, чтобы, послѣ дѣла генерала Липранди, не была повторена попытка на Балаклаву. Прозабшіе отъ холода и сырости Англичане спокойно спали въ своихъ палаткахъ. Въ самомъ близкомъ разстояніи едва было возможно различать предметы. Часовые непріятельскіе слышали, на самомъ разсвѣтѣ, какой-то отдаленный шумъ и дали знать о томъ карауламъ; но всѣ полагали, что шумъ происходилъ вѣроятно отъ движенія нашихъ обозовъ въ Севастополь, что случалось уже не разъ. Генераль Кондрингтонъ былъ лично на аванпостахъ и удостовѣрился, что опасности не предвидится. Но въ это время колонна Соймонова уже поднялась на крутой берегъ Килимъ-балки, и быстро подвигалась къ Англійской позиціи, благопріятствуемая туманомъ и сѣрыми шивелями нашихъ солдатъ. Аванпосты въ одну минуту были сбиты, и непріятель тогда только встрепенулся отъ безпечности, когда началась перестрѣлка. Покуда Англичане успѣли построиться, полки нашей 10-й пѣхотной дивизіи Томскій, Колыванскій и Екатеринбургскій, имѣвшіе въ резервѣ 4 полка сводной 16 и 17-й пѣхотныхъ дивизій, на штыкахъ ворвались въ лагерь 2-й Англійской дивизіи и овладѣли прикрывавшими его укрѣпленіями, гдѣ заклепали 6 орудій. Этотъ первый успѣхъ обѣщаль намъ рѣшительную побѣду; но никто не замѣтилъ, въ самомъ началѣ, что атака наша скоро была взята во флангъ большею частію Англійскихъ войскъ, стоявшихъ на другой сторонѣ балки, въ ея вершинѣ, гдѣ переходъ чрезъ оврагъ не представлялъ никакого затрудненія. Это одно дало Англичанамъ возможность упорно держаться, до прибытія ихъ союзниковъ.

Почти въ тоже время другая часть нашихъ войскъ, полки Бородинскій и Тарутинскій, появились со стороны Инкермана, на правомъ флангѣ непріятеля. Бой завязался еще сильнѣе: Англичане, взятые въ расплохъ, готовы были отступить въ большомъ безпорядкѣ, какъ въ эту критическую для нихъ минуту показались Французы. Генераль Боске, лично предводительствуя 2½ баталіонами Зуавовъ и Африканскихъ еге-

рей, явился бѣглымъ шагомъ на полъ сраженія; за нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, поспѣшала остальная часть 2-й Французской дивизіи и бригада 3-й дивизіи, принца Наполеона. Съ той минуты успѣхъ нашъ началъ колебаться, тѣмъ болѣе, что Соймоновъ былъ смертельно раненъ; старшій по немъ въ 10-й пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ Вильбоа и командиръ 10-й артиллерійской бригады полковникъ Загоскинъ также ранены, а въ полкахъ Екаторинбургскомъ, Томскомъ и Колыванскомъ выбыли изъ строя убитыми или ранеными, почти все баталіонные командиры и значительная часть офицеровъ. Полки Бородинскій и Тарутинскій потеряли также множество людей и принуждены были отступить по ущелью, ведущему къ Ингерманской плотинѣ. Левый флангъ нашъ былъ въ большой опасности, но кровавой драмѣ еще не наступилъ конецъ!

Корпусный командиръ, генералъ Даненбергъ, принялъ немедленно ближайшее начальство надъ сражающимися; три остальные полка колонны генер. лейтенанта Павлова: Охотскій, Якутскій и Селенгинскій, быстро взбирались на гору, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и тотчасъ направлены въ самую жаркую схватку. Три батареи наши, лишившіяся большей части своей прислуги и лошадей, немедленно замѣнены другими. Шедшій впереди Охотскій полкъ, безъ малѣйшаго отдыха и перестрѣлки, ворвался на штыкахъ въ ближайшій редутъ и захватилъ 9-ть орудій; но поверхность эта была кратковременна: Англійская гвардія защищала укрѣпленіе и выказала здѣсь особенную стойкость. Охотскій полкъ потерялъ множество солдатъ и офицеровъ, и самъ полковой командиръ, полковникъ Бибииковъ, былъ тяжело раненъ. Якутскій и Селенгинскій полки съ такимъ же мужествомъ произвели нѣсколько атакъ; но ихъ отличная храбрость не могла уже поправить дѣло, когда подошли остальные Французскія подкрѣпленія. Численность непріятеля далеко превзошла число нашихъ войскъ, изъ коихъ половина дралась слишкомъ 4-е часа. Надлежало думать объ успѣшномъ отступленіи. Оно было крайнѣ затруднительно, но произведено съ возможнымъ порядкомъ, благодаря обычному хладнокровію

генерала Даненберга и непоколебимой твердости наших войскъ. Отступление это удивило союзниковъ, и всѣ современныя газеты ихъ отдали въ томъ должную справедливость Русскимъ. Прежде выведены изъ дѣла полки Екатеринбургскій, Томскій и Кольванскій, подъ прикрытіемъ находившей въ резервѣ сводной дивизіи 6 пѣхот. корпуса. За ними начали отходить полки Охотскій, Якутскій и Селенгинскій. Непріятель съ ожесточеніемъ напиралъ на нихъ, и опасность становилась тѣмъ сильнѣе, что оба фланга наши почти были обойдены, и что союзники успѣли привести на поле битвы часть своей кавалеріи, которой мы вовсе не имѣли подъ рукою. Отступавшіе полки, поражаемые съ трехъ сторонъ мѣткимъ штуцернымъ огнемъ, на самомъ близкомъ разстояніи, нѣсколько разъ остаивались для рукопашной схватки, дабы дать артиллеріи безпрепятственно спускаться съ крутыхъ высотъ къ Инкерманской плотинѣ и чрезъ Килимъ-балку. Если мы не бросили на мѣстѣ ни одного орудія, то этимъ не мало обязаны всегдашней распорядительности начальника артиллеріи 6-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-майора Кишинскаго, которому ни на минуту не измѣняло присутствіе духа, не смотря на полученную имъ довольно сильную контузію. На тѣсномъ пространствѣ отступления не оставалось ни одной сажени земли, куда не прилетали бы неприяТЕЛЬскія пули и ядра. Подъ генераломъ Даненбергомъ убиты двѣ лошади, а офицеры, развозившіе приказанія или посылаемые съ донесеніями, большею частію перебиты или ранены. Геройство было общее отъ солдата до генерала. Меншиковъ остававшійся, вмѣстѣ съ Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, на возвышенности лѣваго берега Большой или Сѣверной бухты, вида, что войска наши отступаютъ, готовъ былъ послать къ нимъ послѣднее подкрѣпленіе; но генералъ Даненбергъ отвѣчалъ, что дѣло проиграно и что всякая помощь бесполезно увеличила бы нашу потерю въ людяхъ.

Окончательную ретираду вынесли на своихъ плечахъ полки Владимірскій и Суздальскій, находившіеся почти все ут-

ро, въ резервъ. Особенно первый изъ нихъ мужественно выдержалъ неоднократный напоръ превосходнаго непріятеля.

Лишь только колонны союзниковъ показалиcя на послѣднихъ высотахъ, предъ спускомъ въ Инкерманскую долину, ихъ встрѣтилъ сильный огонь съ пароходовъ Владиміра и Херсонеса, поставленныхъ въ вершинѣ Сѣверной бухты.

Это былъ заключительный актъ кровавой для обѣихъ сторонъ, а для насъ несчастной битвы. Войска наши частью отошли въ городъ, а частію спустились къ Инкерманскому мосту. Непріятель съ торжествомъ возвратился на свои позиціи. Поле сраженія осталось завалено трупами побѣдителей и побѣжденныхъ.

XXXIII.

Что же произошло въ это время на другихъ пунктахъ принятой нами атаки? Предназначенная вылазка изъ Севастополя исполнена только въ 10-ть часовъ утра, т. е. въ то время, когда участь сраженія на Инкерманъ почти была рѣшена, не въ пользу нашу. Благопріятствуемый туманомъ, генералъ-майоръ Тимофеевъ, съ Минскимъ пѣхотнымъ полкомъ и 4-мя орудіями, вышелъ скрытно изъ 6-го бастиона и бросился на двѣ ближайшія Французскія траншеи, вытѣснилъ оттуда прикрытіе и заклепалъ 15-орудій; но успѣхъ былъ мгновенный. Французы скоро оправались. Двѣ дивизіи въ свою очередь атаковали нашу вылазку и принудили ее къ отступленію. Изъ города также выслано подкрѣпленіе изъ двухъ баталіоновъ и 6-ти орудій. Тимофеевъ отступалъ медленно и успѣлъ подвести непріятеля подъ картечный перекрестный огонь ближайшей крѣпостной артиллеріи, при чемъ Французы потеряли 300 человекъ убитыми и въ числѣ ихъ бригаднаго генерала Дурмеля. Успѣхъ этотъ былъ, можно сказать, лучшій въ продолженіи цѣлаго дня, тѣмъ болѣе, что вылазка генерала Тимофеева удержала Французовъ въ ихъ траншеяхъ и не позволила имъ послать на Инкерманъ новой помощи.

Совсѣмъ иное оказалось на лѣвомъ нашемъ флангѣ, въ отрядѣ генерала отъ инфантеріи князя Горчакова, которому назначено было дѣлать демонстраціи со стороны Чоргу-

на, гдѣ отъ сильной нашей кавалеріи ожидали многого. Непопнота и неопредѣлительность диспозиціи, кажется, и здѣсь попрепятствовала совокупному и своевременному исполненію общаго плана атаки. Всѣ дѣйствія отряда генерала отъ инфантеріи князя Горчакова ограничили въ этотъ день демонстраціею на Сапунъ-гору, изъ 6-ти баталіоновъ 12-й пѣхотной дивизіи и нѣсколькихъ орудій, и демонстраціею двухъ баталіоновъ по направленію къ Балаклавѣ; но на Сапунъ-горѣ войска наши встрѣтили непріятельскія укрѣпленія, вооруженныя 25-ю орудіями большаго калибра, расположенными въ три яруса, и по малочисленности своей не могли рѣшительно атаковать эту крѣпкую позицію; а упорный бой на Инкерманѣ скоро объяснилъ союзникамъ, что въ направленіи къ Балаклавѣ опасности не предвидилось. Единственная польза отъ движенія нашего на Сапунъ-гору была та, что непріятель, услышавъ сильную пальбу съ этой стороны, принужденъ былъ осторожно напирать своимъ правымъ флангомъ на отступавшія съ Инкермана войска наши. Кавалерія же отряда князя Горчакова вовсе не дѣйствовала въ этотъ день.

XXXIV.

Я описалъ Инкерманское сраженіе не какъ очевидецъ, а потому не ручаюсь за вѣрность картины; но изложеніе, заимствовано изъ подлинныхъ ненапечатанныхъ документовъ и изъ личныхъ мнѣ разсказовъ людей, заслуживающихъ полной довѣренности *). Повторяю, что кромѣ ошибки Соймонова, на котораго упало все обвиненіе, неудача наша произошла отъ неопредѣлительности диспозиціи и небрежной передачи оной частнымъ начальникамъ, отъ разновременнаго начала дѣйствій на каждомъ пунктѣ предпринятой атаки, и наконецъ отъ несовершенства нашего огнестрѣльнаго оружія, въ сравненіи съ оружіемъ союзниковъ. За все это мы заплатили слишкомъ дорого, тѣмъ болѣе, что не воспользовались такимъ урокомъ и въ остальной періодъ Крымской войны.

*) Генералъ-лейтенанты Липранди и Павловъ и генералъ-маіоръ Бѣшинскій.

Уронъ нашъ 24-го Октября 1854 года состоялъ: убитыми 6-тъ штабъ-офицеровъ, 37 оберъ-офицеровъ и 2926 нижнихъ чиновъ; ранеными и контужеными 4 генерала, 34 штабъ-офицера, 171 оберъ-офицеровъ и 5860 нижнихъ чиновъ. Безъ вѣсти пропало 2 штабъ-офицера, 5-тъ оберъ-офицеровъ и 1598 нижнихъ чиновъ, т. е. всего 42 штабъ-офицера, 213 оберъ-офицеровъ и 10,384 нижнихъ чиновъ. Убыль огромная, какой мы не помнимъ со времени Отечественной войны!

Потерю союзниковъ должно бы полагать почти равную нашей; но они, безъ сомнѣнія, скрыли истину отъ строгой публики и показываютъ убитыми и ранеными всего 4510 человекъ, кромѣ 300 человекъ, падшихъ съ генераломъ Лурмелемъ отъ картечнаго огня, подъ стѣнами самаго Севастополя. Зато Англичане не могли умолчать о потерѣ своихъ начальниковъ. Въ современныхъ газетахъ были у нихъ поименованы убитыми: генераль-лейтенантъ Каткартъ и бригадные генералы Гольди и Странгвейсъ. Французскій главнокомандующій, генералъ Канроберъ, раненъ въ руку.

XXXV.

Въ тогдашнемъ военномъ кругу, были разные толки объ Инкерманскомъ сраженіи, и между прочимъ осуждали генерала Липранди, почему онъ не усилилъ демонстраціи на Сапунъ-гору и не ввелъ въ дѣло кавалерію Чоргунскаго отряда, въ то время, когда битва склонялась на нашу сторону? Но тѣ, которые такъ думали или думаютъ до сихъ поръ, не приняли во вниманіе, что начальство надъ Чоргунскимъ отрядомъ съ 23-го Октября перешло къ генералу отъ инфантеріи князю Горчакову и что, по диспозиціи на 24-е число, назначено не кому другому какъ сему генералу содѣйствовать общему наступленію, отвлекая силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ входовъ на Сапунъ-гору. Но у князя Горчакова оставались въ тотъ день только 12-я пѣхотная дивизія и кавалерія, состоявшая изъ трехъ полковъ драгунъ, двухъ полковъ гусаръ и трехъ эскадроновъ уланъ. Изъ нихъ 12-я пѣхотная дивизія, начальникомъ которой былъ ге-

нераль-лейтенантъ Липранди, занимала позицію почти на 6-ть верстъ, а именно: 2 баталіона въ сел. Комары, 7 баталіоновъ на редутахъ, взятыхъ 13-го числа отъ Турковъ, и одинъ баталіонъ на Федухиной горѣ. И такъ, оставалось подъ рукою, для атаки на Сапунъ-гору, не болѣе 6-ти баталіоновъ, съ которыми, какъ мы видѣли, ничего рѣшительнаго нельзя было предпринять, въ особенности потому, что въ диспозиціи даже ничего не было сказано, въ какомъ именно мѣстѣ слѣдовало войти въ связь съ главною атакою, направленною на Англійскій лагерь.

Дѣйствительно, движеніе кавалеріи нашей на Сапунъ-гору могло бы сильно встревожить союзниковъ; но для этаго надлежало сначала сбить ихъ батареи, устроенныя на этой горѣ въ три яруса, въ чемъ, по затруднительной мѣстности, конница не въ состояніи была принять дѣятельнаго участія, а 6-ть баталіоновъ пѣхоты оказывались для того слишкомъ недостаточными.

Наконецъ, еслибы сильная атака на Сапунъ-гору входила въ расчетъ общаго плана сраженія 24-го Октября, то главнокомандующій имѣлъ бы полное право быть недовольнымъ нерѣшительными дѣйствіями съ этой стороны. Но извѣстно, напротивъ, что на другой день сраженія, князь Горчаковъ получилъ отъ него собственноручное письмо, въ которомъ, послѣ выраженного неудовольствія на неудачу генерала Дененберга, предложено было князю Горчакову, не рѣшится ли онъ принять на себя другую атаку съ Сапунъ-горы, съ войсками Чоргунскаго отряда и тѣми, которые уже сражались 24-го числа?

Показавъ это письмо генералу Липранди, князь Горчаковъ объяснилъ, что отказывается отъ такого порученія, съ половиною разстроенныхъ войскъ, въ которыхъ перебиты почти всѣ начальники и множество офицеровъ. Затѣмъ онъ предложилъ Липранди, какъ старшему по немъ, принять на себя задуманное новое нападеніе; но, по тѣмъ же самымъ уважительнымъ причинамъ, Липранди также отказался, тѣмъ болѣе, что явившіеся поутру на Чоргунскую позицію наши подвѣд-

чики, бѣжавшіе отъ непріятеля, показали, что союзники, опасаясь возобновленія атаки, успѣли въ ночь съ 24-го на 25-е Октября заложить во многихъ мѣстахъ мины на Сапунъ-горь, а дороги порекопали. Слѣдовательно предпріятіе само собою дѣлалось невозможнымъ, или по крайней мѣрѣ не обѣщало вѣрнаго успѣха, даже съ большимъ пожертвованіемъ.

Все это я заимствую изъ записки, полученной мною, по особенной довѣренности, отъ генерала Липранди, въ исходѣ Марта 1855 года, т. е. тотчасъ по прибытіи моемъ къ Севастополю.

XXXVI.

Я уже сказалъ, что обѣ воевавшія стороны понесли сильный и едва ли не одинаковый уронъ въ Инкерманскомъ сраженіи; но союзники считали выигрышъ за собой и на другой же день помышляли штурмовать Севастополь. Ихъ очень озабочивало скорое приближеніе зимы и сопряженные съ тѣмъ всѣ неудобства окончанія дерзкой экспедиціи.

25-го Октября (6-го Ноября) былъ собранъ въ союзномъ лагерѣ военный совѣтъ, на которомъ предложенъ вопросъ: должно ли предпринять немедленно приступъ, или продолжать правильную, но медленную осаду? Приступъ отвергнуть всѣми голосами, какъ дѣло отчаянное, которое, въ случаѣ неудачи, могло повлечь за собою конечную гибель союзниковъ. Оба главнокомандующіе, Канроберъ и лордъ Рагланъ, были противъ. Рѣшеніе остановилось на томъ, чтобы продолжать осаду, какъ она начата, до прибытія ожидавшихся подкрѣпленій. По принятіи этого рѣшенія, непріятель прежде всего приступилъ къ лучшему обезпеченію своей позиціи отъ новыхъ сильныхъ вылазокъ со стороны осажденныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ заботиться о предохранительныхъ мѣрахъ для зимовки. Это дало намъ возможность оправиться послѣ Инкерманскаго сраженія и съ честію продлить оборону Севастополя еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Взаимныя дѣйствія ограничились тогда обоюдною канонадою, возведеніемъ новыхъ батарей и штуцернымъ огнемъ изъ ложементовъ; но эта борьба была не менѣе трудная и стоила также ежедневной крови. Подъ при-

крытіемъ сильной цѣпи искусныхъ Французскихъ стрѣлковъ, союзники подвигали свои траншеи, и надобны были частыя ночныя вылазки гарнизона, чтобы замедлять эти успѣхи. Наши стрѣлки отличались не меньшею отвагою и искусствомъ и удивляли непріятеля; но къ несчастію, у насъ во всю войну былъ недостатокъ въ усовершенствованномъ огнестрѣльномъ оружіи, что давало противникамъ важное преимущество въ дневныхъ перестрѣлкахъ, гдѣ приходилось, какъ на открытой дуэли, стоять лицомъ къ лицу, за невысокими ложементами, на скоро вскопанными. Такъ прошли Ноябрь, Декабрь и Январь мѣсяцы; но мы подробнѣе разсмотримъ, какъ вообще дѣйствовалъ въ это время князь Меншиковъ.

XXXVII.

Все, что сказано нами до сихъ поръ объ немъ, какъ о главнокомандующемъ, не оправдываетъ того выгоднаго мнѣнія и той громкой репутаціи, которыя издавна составились о князѣ Меншиковѣ въ Россіи. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1812—1814 годовъ, но еще въ оберъ-офицерскихъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ, а потому война эта была для него неполною школою. Въ послѣдствіи, въ 1828 году, начальствуя флотомъ, онъ отличился покореніемъ Анапы и былъ назначенъ открыть осаду Варны; но, въ самомъ началѣ дѣйствій противу этой крѣпости, получилъ опасную рану и передалъ командованіе графу Воронцову. До моего разказа не касается продолжительное управленіе его морскимъ министерствомъ. Не мнѣ судить, какую пользу принесъ онъ флоту. Знаю только, что старые и заслуженные моряки, а также лучшіе флотскіе командиры, не могли простить ему, что, служа въ сухопутныхъ войскахъ до генеральскаго чина, онъ сдѣлался потомъ ихъ начальникомъ, не участвовавъ прежде ни въ одной морской баталіи. Я живо помню, какъ удивилъ цѣлую Россію этотъ почти безпримѣрный у насъ переходъ. Невольно припоминали тутъ извѣстную басню Крылова «Котъ и Щука», написанную на адмирала Чичагова, и дѣлали къ ней соответственное примѣненіе. Но въ дѣлахъ дипломатическихъ ему

была рѣшительная неудача. Два важныя посольства его, въ Тегеранъ въ 1826 году и въ Константинополь въ 1853, окончились тѣмъ, чего, казалось, правительство наше вовсе не желало, именно войною. Впрочемъ, всѣ данныя, для назначенія князя Меншикова главнокомандующимъ въ Крыму, были на его сторонѣ: никто не могъ отказать ему въ блестящемъ умѣ, тонкой проницательности и обширныхъ свѣдѣнiяхъ, по всѣмъ частямъ; никто не имѣлъ права оспаривать его мужества и сомнѣваться въ вѣрномъ взглядѣ на современныя политическія обстоятельства, и за всѣмъ тѣмъ ожиданія Отчества и довѣріе Государя не вполне оправдались! Что же было причиною разочарованія, сначала очевидцевъ и участниковъ войны, а потомъ едва ли и не всей Россіи? Я думаю, одно личное высокоуміе князя Меншикова. Въ непостижимой гордости своей, онъ полагалъ, что не на немъ лежать всѣ заботы объ арміи и о предохраненіи ввѣреннаго ему края отъ непріятельскаго вторженія; что правительство должно было угадывать, въ чемъ онъ нуждался, для успешныхъ дѣйствій, и само указать и доставить всѣ эти способы на театрѣ ожидавшейся грозной борьбы, которую нельзя было не сознавать слишкомъ близкою. Отъ этаго личнаго высокоумія главнокомандующаго, высадка союзниковъ въ Крымъ застала насъ, такъ сказать, въ расплохъ. Мы не имѣли на полуостровѣ ни запасовъ продовольствія, ни госпиталей, для помѣщенія большаго числа больныхъ и раненыхъ, а самое главное достаточнаго числа войскъ, для встрѣчи непріятеля. Слѣдовало позаботиться обо всемъ этомъ безъ малѣйшаго отлагательства, и нѣтъ сомнѣнiя, что если бы князь Меншиковъ тотчасъ писалъ настоятельно въ Петербургъ, правительство успѣшило бы удовлетворить его справедливыя требованія, въ такую важную минуту, тѣмъ болѣе, что послѣ снятія осады Силистріи уже рѣшено было вывести войска изъ Княжествъ и отправить 5-ть пѣхотныхъ дивизій за Днѣстръ, на зимовыя квартіры. Своевременный подвозъ для Крыма продовольственныхъ запасовъ, изъ сосѣднихъ хлѣбородныхъ губерній Херсонской и Екатеринославской, отиудъ не могъ

бы затруднить военное министерство. Еще легче было устроить заранее госпитальные способы и распределить ихъ въ послѣдствіи тамъ, гдѣ указали бы военныя надобности. Обвиненія въ этой непростительной безпечности всею тяжестью упадаютъ покуда на князя Меншикова, тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ его, оставшихся при арміи, не нашлось соотвѣтственныхъ оправданій.

XXXVIII.

Не стану повторять, что сказано мною при описаніи Альскаго сраженія, относительно недостаточности войскъ. Надобно было имѣть много самонадѣянности, чтобы считать возможнымъ защитить Крымъ отъ высадки непріятеля и удержать потомъ Севастополь, съ тѣмъ числомъ войскъ, какимъ располагалъ князь Меншиковъ, и когда ничего не было приготовлено къ продолжительной борьбѣ съ союзниками.

Конечно, по существующимъ военнымъ правиламъ, ни одинъ военачальникъ не можетъ и не смѣетъ отказаться отъ обороны ввѣреннаго ему края, подъ предлогомъ малочисленности данныхъ ему силъ. Леониду съ 300 человекъ приказано было защищать Термопильское ущелье противу огромнаго ополченія Ксеркса. Такіе примѣры на войнѣ неизбѣжны; но они обыкновенно встрѣчаются только при внезапныхъ, крайнихъ случаяхъ, когда скорая помощь невозможна. Ожиданія же сильной высадки въ Крымъ и большой опасности для Севастополя давно должны были тревожить князя Меншикова, въ качествѣ главнокомандующаго и адмирала. Отъ этого каждому невольно представляется вопросъ: обратилъ ли князь Меншиковъ глубокое вниманіе на положеніе, въ которое былъ поставленъ уже въ Іюнь мѣсяцъ 1854 года? Писалъ ли онъ настоятельно въ Петербургъ, что для приготовлявшейся катастрофы средства его совершенно недостаточны? Современные документы этаго не показываютъ, а если они существуютъ, то слѣдовало бы просить обнародовать ихъ, для очищенія себя передъ судомъ потомства, особенно въ нынѣшнее время, когда мы такъ сильно хлопочемъ о гласности, даже изъ самыхъ пустыхъ поводовъ.

Малочисленность нашихъ силъ въ Крыму, въ эпоху высадки союзниковъ, не могла еще помѣшать князю Меншикову выйти со славою изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Слѣдовало только въ началѣ избѣгать рѣшительныхъ встрѣчъ съ непріателемъ, до прибытія всего 4-го пѣхотнаго корпуса; а это, какъ мы видѣли, не представляло большаго опасенія за участь Севастополя, особенно если бы оборона сего города была своевременно усилена укрѣпленіями съ Южной т. е. сухопутной стороны, а войска снабжены продовольствіемъ, госпитальными средствами, порохомъ и снарядами съ расчетомъ и для тѣхъ частей арміи, которыя могли быть двинуты на полуостровъ, въ подкрѣпленіе.

Но и по этому весьма важному предмету, князь Меншиковъ не выказалъ надлежащей заботливости, требуемой отъ главнаго начальника, а предоставилъ, по видимому, все непосредственному попеченію военнаго министерства, которое, впрочемъ, безъ мѣстныхъ указаній, и не могло знать съ опредѣлительностію, гдѣ именно и въ какихъ количествахъ нужны были разнаго рода подготовленія?

Такимъ образомъ по винѣ ли князя Меншикова, или по непредвидѣнію въ Петербургѣ, высадка непріятельская застада насъ въ томъ положеніи, что 16-я и 17-я пѣхотныя дивизіи, а также кавалерія, вступившія въ Крымъ, начали уже до Альмскаго сраженія ѣсть провіантъ, заготовленный для малаго числа войскъ, располагавшихся на полуостровѣ, въ потребность по 1-е Іюля 1855 года; но и этого провіанта въ мукѣ не могло достать на долгое время, а сухарей вовсе тамъ не было. Продолжительное же довольствіе провіантомъ, мясомъ, водкою и дровами оставалось нисколько не обеспеченнымъ. Правда, увеличеніе войскъ въ Крыму заставило военное министерство подрядить немедленно, въ Ростовѣ на Дону, большую пропорцію хлѣба; но первая половина этаго провіанта, по контракту, должна была поступить въ магазины съ Іюня по Декабрь 1855 года, да и то не въ Севастополь, или въ Симферополь и даже не въ Перекопъ, а въ Геническъ, Ениколь, Арабатъ и Керчь. При такомъ рас-

пораженіи, войска, прибывавшія въ Крымъ на подкрѣпленіе изъ южной арміи, могли рѣшительно пропасть съ голоду, если бы вмѣстѣ съ ними не были отправлены три полубригады подвижнаго магазина, нагруженныя сухарями и крупю, вывезенными изъ Княжествъ, и если бы, въ то же время, дворянство Херсонской губерніи и государственные крестьяне Таврической губерніи не пожертвовали въ пользу войскъ до 40 т. четвертей сухарей, а инспекторъ резервной кавалеріи, графъ Никитинъ, не уступилъ бы изъ запасовъ военныхъ поселеній 30 т. четвертей муки и 20 т. четвертей сухарей, обязавшись довести ихъ только до Берислава. Этимъ не ограничились вспоможенія, сдѣланныя тогда для продовольствія войскъ въ Крыму. Жители Таганрога, Ростова и Мариуполя пожертвовали отъ себя слишкомъ 16 т. четвертей сухарей. Частныя же лица въ Крыму приносили въ даръ, что могли, для продовольствія людей и лошадей, и между прочимъ доставили 1028 штукъ воловъ, коровъ и овецъ, а также до 1200 четвертей зерноваго фуража и 3200 пудовъ сѣна, въ самое короткое время. Но все это слѣдовало направлять къ Севастополю, Бакчисараю, Евпаторіи и Симферополю, гдѣ была сосредоточена главная масса нашихъ войскъ, и при томъ свозить съ большою поспѣшностію, среди осенней распутицы, въ началѣ войны! Перевозочныхъ же средствъ при Крымской арміи другихъ не имѣлось, кромѣ трехъ полубригадъ подвижнаго магазина, посланныхъ, какъ выше сказано, изъ южной арміи съ сухарями. Въ такомъ трудномъ положеніи, дворянство Херсонской и Екатеринославской губерній сдѣлало новую услугу: оно сформировало на свой счетъ двѣ полубригады, для усиленія подвижнаго магазина на полуостровѣ, каждую полубригаду изъ 1000 подводъ.

И не смотря на всѣ эти вспоможенія, довольствіе войскъ провіантомъ производилось съ такимъ затрудненіемъ, въ Октябрѣ и Ноябрьѣ мѣсяцахъ, что не рѣдко приходилось обращаться къ 10-ти дневному запасу сухарей, который, по существующему положенію, расходуется только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

XXXIX.

Недостатокъ въ фуражъ былъ еще ощутительнѣе на пространствѣ между Севастополемъ, Симферополемъ и Евпаторією, т. е. тамъ, гдѣ сосредоточивалась главная часть нашихъ силъ въ Крыму, при которой состояло 40 т. лошадей. На этомъ пространствѣ, многіе жители изъ Татаръ, избѣгая воинскихъ требованій и при томъ увлеченные измѣною, бросили свои деревни и обратились къ непріятелю, въ Евпаторію. Всѣ хлѣбныя запасы и сѣно, остававшіеся въ этихъ деревняхъ, не были взяты въ казенный присмотръ; и потому, въ короткое время, они истреблены безотчетными фуражировками войскъ. Скоро пришлось покупать и подвозить сѣно за 150 верстъ, по цѣнамъ слишкомъ дорогимъ и въ распутицу. Военное министерство, не озабоченное перепискою князя Меншикова, которую слѣдовало вести настоятельно и непрерывно, не высылало необходимыхъ денежныхъ суммъ на фуражное довольствіе войскъ, что заставляло командировъ частей, вопреки строгому запрещенію по закону, расходовать, на покупку овса, сѣна и соломы, другія казенныя суммы и разумѣется по цѣнамъ очень неумѣреннымъ, съ справедливымъ оправданіемъ, что нельзя же оставить артиллерійскихъ, кавалерійскихъ, обозныхъ и казачьихъ лошадей безъ корму, въ виду непріятеля, при ежедневной готовности къ движенію и бою. По несчастію, быстрая и многочисленная высадка союзниковъ и крайняя необходимость спасти сколь можно скорѣе Севастополь и цѣлый край не позволили въ самомъ разгарѣ войны посылать на полуостровъ подкрѣпленія, съ надлежащею разборчивостію. Отправляли тогда ближайшія войска, т. е. тѣ, которыя скорѣе могли придти на помощь. Отъ того, въ самомъ началѣ, введены были въ Крымъ 6-ть лишнихъ полковъ кавалеріи, за недостаткомъ пѣхоты, которая конечно принесла бы болѣе пользы подъ Севастополемъ и Евпаторією; кавалерія же, при недостаткѣ способовъ прокармливать ее, усугубляла только тѣ великія затрудненія, которыя и безъ того встрѣтились на театрѣ военныхъ дѣйствій, отъ непредусмотрительности князя Меншикова, а можетъ быть отчасти

и военного министерства. Но у насъ, къ несчастію, все такъ дѣлалось то по одному, то по другому вѣдомству, въ продолженіе всей войны, какъ мы увидимъ и въ послѣдующемъ разсказѣ. Это опять доказываетъ, что не было никакого плана къ защитѣ Крыма. Но кто же прежде всѣхъ долженъ былъ позаботиться о томъ? Отвѣтъ не труденъ: безъ сомнѣнія, главнокомандующій.

XI.

Не лучшую заботливость оказалъ князь Меншиковъ относительно устройства госпитальной части, для ввѣренныхъ ему войскъ. Не смотря на ожидавшуюся сильную высадку непріятеля, не было, до Сентября мѣсяца 1854 года, принято мѣръ для увеличенія госпитальныхъ средствъ въ краю, гдѣ предстояли упорныя военныя дѣйствія, продолжительность которыхъ можно было предвидѣть заранее. При вторженіи Англо-Французовъ на полуостровъ, состояли тамъ госпитали только въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Севастополь, кажется, на 2 т. человекъ, въ Симферополь на 600, или едва ли не на 300 человекъ, и два еще меньшіе госпиталя въ Керчи, Феодосіи и, кажется, въ Карасу-Базарѣ. Отъ этаго, послѣ Альмскаго сраженія, т. е. послѣ первой битвы съ непріятелемъ, уже обнаружился крайній недостатокъ въ способахъ къ призрѣнію раненыхъ; на вѣрное изъ нихъ погибла бы половина, если бы Нѣмецкіе Таврическіе колонисты, отличавшіеся вообще во время войны необыкновеннымъ усердіемъ и услугами, не взяли на свое попеченіе около 2 т. человекъ, не столь трудно раненыхъ нижнихъ чиновъ, и не перевезли ихъ въ колоніи на своихъ подводахъ, принявъ уходъ за ними и самое пользованіе на свое попеченіе. Началась, какъ водится въ такихъ случаяхъ, самая поспѣшная переписка объ учрежденіи новыхъ добавочныхъ госпиталей въ Крыму, и о высылкѣ какъ можно скорѣе медиковъ, аптекарей, фельдшеровъ, госпитальныхъ служителей, бѣлья, одежды и прочаго. Но не легко было удовлетворить такому требованію, при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ и дурныхъ дорогахъ, осенью. На первой разъ князь Меншиковъ учредилъ какіе возможно было госпитали въ Бак-

чисараѣ и Перекопѣ, средствами присланными съ крайнею поспѣшностію, по распоряженію князя Горчакова, изъ южной арміи и изъ Херсона; но больные и раненые въ тамошнихъ госпиталяхъ имѣли во всемъ недостатокъ и въ особенности чрезвычайно тѣсно были размѣщены.

XLI.

Если кто усумнится въ столь малой попечительности главнокомандующаго о такихъ важныхъ предметахъ, то мы укажемъ на всѣмъ извѣстныя два обстоятельства, подтверждающія еще болѣе сказанное нами о князѣ Меншиковѣ. Не только до высадки, но когда начались даже военныя дѣйствія въ Крыму, именно до Октября мѣсяца, онъ не учредилъ при себѣ никакого, хотя бы временнаго, штаба. Думалъ ли онъ удовлетворить однимъ своимъ лицомъ всѣмъ надобностямъ по управленію арміею (чего впрочемъ не возможно и предполагать) или ожидалъ, что въ Петербургѣ сами догадаются назначить ему главныхъ и необходимыхъ помощниковъ, въ лицѣ начальника главнаго штаба, дежурнаго генерала, генераль-квартирмейстера и генераль-интенданта? Но у насъ такая догадливость, безъ представленія главнокомандующаго, была бы почти безпримѣрна: утонченность отношеній въ Россіи къ высшимъ сановникамъ, въ такихъ случаяхъ, доведена до крайней вѣжливости. Обыкновенно даютъ то, чего просятъ и рѣдко навязываютъ что нибудь, безъ предварительно изъясненнаго желанія. Министерства съ своей стороны весьма охотно держатся правила, чтобы не принимать на свои смѣты излишнихъ расходовъ, хотя бы и въ ущербъ общей государственной пользѣ. Каждый спѣшитъ умыть руки и утѣшается пословицею: своя рубаха ближе къ тѣлу.

Но штабы не только во всѣхъ арміяхъ, но и въ отрядахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ разнородныхъ частей войскъ, необходимы; въ нихъ сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія о числительной силѣ ихъ частей, о случающейся ежедневной прибыли и убыли людей, лошадей и обоза, о состояніи больныхъ въ госпиталяхъ и при войскахъ, о 10-ти дневномъ и запа-

сномъ провіантъ, о количествѣ снарядовъ и патроновъ и вообще обо всемъ, что главный начальникъ непременно долженъ имѣть ежедневно подъ рукою. Изъ этихъ штабовъ исходятъ все общія и частныя приказанія и распоряженія. Лично на главнокомандующаго и начальника отдѣльнаго корпуса, или отряда, падаютъ одни важнѣйшія соображенія о сохраненіи вѣранныхъ ему войскъ и объ успѣшномъ исполненіи даннаго ему порученія. Доказывать это было бы излишне. Назовите эти штабы какъ угодно, но нельзя обойтись безъ довѣренныхъ и надежныхъ помощниковъ, которые облегчали бы труды главнокомандующаго, особенно въ военное время. Иначе произойдутъ безчисленныя во всемъ затрудненія, какъ это случилось, въ самомъ началѣ, въ Крымской арміи.

XLII.

Еще болѣе достойно удивленія, что князь Меншиковъ, готовясь оборонять Крымъ, не имѣлъ у себя подробной топографической карты всего полуострова, тогда какъ у союзниковъ едва ли не каждый унтеръ-офицеръ былъ снабженъ довольно подробною и вѣрною картою ближайшихъ окрестностей Севастополя. Уже гораздо позже Альмскаго сраженія, назначенный временно исправлять должность генераль-квартирмейстера, полковникъ Герсевановъ доложилъ князю Меншикову о столь важномъ недостаткѣ; но князь Меншиковъ отозвался, что вѣроятно военный министръ знаетъ о томъ и предоставилъ полковнику Герсеванову донести отъ себя въ Петербургъ генераль-квартирмейстеру главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Отвѣтъ послѣдовалъ на имя самаго князя Меншикова, съ объясненіемъ, что подобныя карты, составляя государственный секретъ, могутъ быть выдаваемы изъ топографическаго депо не иначе, какъ по требованію самаго главнокомандующаго. Это только заставило князя Меншикова написать прямо къ военному министру и, разумѣется, карта была немедленно выслана. Любопытный этотъ фактъ находился въ бумагахъ Крымской арміи, вѣроятно переданныхъ теперь въ архивъ, для сохраненія потомству. Справед-

ливость моихъ словъ могутъ превѣрить охотники до подобныхъ историческихъ рѣдкостей.

XLIII.

Вотъ въ какомъ положеніи мы готовились встрѣтить грозную высадку Англо-Французовъ. Не мудрено, если послѣ Альмской битвы родились справедливыя опасенія, что Севастополь и запертый флотъ нашъ не устоятъ долго противу усилій непріятельскихъ. Войска было мало, продовольствіе затруднительно, въ особенности для кавалеріи и артиллеріи, госпитали не устроены, въ порохъ недостатокъ: однимъ словомъ все, что упущено прежде, надлежало стаять на театръ войны съ поспѣшностію и въ самое короткое время, при неудобствахъ сообщеній и дальнихъ разстояніяхъ, въ осеннюю распутицу!

XLIV.

Въ Петербургѣ не долго оставались въ невѣдѣніи о томъ; но, какъ всегда случается, ограничились сначала живою перепискою военнаго министерства съ главнокомандующимъ Крымскою арміею. Наконецъ, только въ Октябрѣ мѣсяцѣ, придумали мѣру, но она не совсѣмъ соотвѣтствовала существу дѣла и породила новыя замѣшательства. Главнокомандующему южною арміею, князю Горчакову, поручено во всемъ содѣйствовать князю Меншикову, а главное устроить скорѣе продовольствіе войскъ въ Крыму, за 700 верстъ, изъ Кишинева. Правда, для этого ему подчинялись не только 8-мь губерній и въ томъ числѣ Херсонская, Екатеринославская и Таврическая, но даже и Симферопольская провіантская комиссія, которая находилась отъ князя Меншикова только въ 40 верстахъ. При этомъ на генераль-интенданта южной арміи, генераль-маіора Затлера, возлагалось удовлетворять всѣ потребности Крымской арміи, слѣдя за ходомъ военныхъ дѣйствій въ томъ краю. Очевидно, что такое распоряженіе парализировало обихъ главнокомандующихъ, ибо одному изъ нихъ не давало полной возможности исполнить то, чего желали въ Петербургѣ, а другаго стѣсняло въ тѣхъ частяхъ

случаяхъ, когда нужды являются внезапно, а спешиваться объ нихъ значило бы терять дорогое время, иногда уже невознаградимое на войнѣ.

Въротно оба главнокомандующіе признали всѣ неудобства такого распоряженія; ибо въ слѣдъ затѣмъ, Симферопольская провіантская комиссія изъята изъ зависимости князя Горчакова и подчинена князю Меншикову, съ возложеніемъ на нее продовольствія войскъ въ Крыму. Это было немного лучше, но не устранило тѣхъ затрудненій, которыя неизбежно сопряжены съ заготовленіями провіанта и фуража, посредствомъ комиссій, въ военное время. Связанныя въ своихъ дѣйствіяхъ узаконенными формами, комиссіи не могутъ исполнять приказаній главнокомандующаго съ такою быстротою, какая требуется на войнѣ, и не въ состояніи замѣнить генераль-интенданта, лице облеченное довѣренностію, нѣкоторою властію и почти постоянно пребывающее въ главной квартирѣ, тогда какъ Симферопольская комиссія, по ея устройству, должна была оставаться въ Симферополь и переписываться съ княземъ Меншиковымъ, который находился при войскахъ, около Севастополя.

XLV.

Князь Горчаковъ, получивъ въ Кишиневѣ Высочайшее повелѣніе содѣйствовать всѣми мѣрами продовольствію войскъ въ Крыму и сдѣлавъ еще прежде, что было можно, отнесся немедленно къ князю Меншикову съ вопросомъ: какая затѣмъ нужна отъ него помощь? Отвѣтъ последовалъ только въ Декабрѣ и состоялъ въ томъ, чтобы заготовить для Крымской арміи къ 1-му Марта, т. е. менѣе нежели въ три мѣсяца, 60 т. четвертей муки и 40 т. четв. сухарей, съ пропорціею крупъ, въ Каховку и Перекопъ, и увеличить въ Крыму перевозочныя средства, для подвозки къ дѣйствующимъ войскамъ продовольственныхъ припасовъ. Но всякій пойметъ, что если князь Меншиковъ или военное министерство не озаботились о томъ въ теченіи предшествовавшаго полугодія, когда ничто не мѣшало такой огромной операціи, то не легко было ис-

полнить ее въ срокъ, на половину кратчайшій, и притомъ въ самомъ разгаръ войны, когда Таврическая и ближайшія къ ней губерніи были и безъ того уже обременены множествомъ воинскихъ требованій, особенно непрерывною поставкою обывательскихъ подводъ, для слѣдовавшихъ къ Севастополю войскъ и для перевозокъ всякаго рода, производившихся тогда съ большою поспѣшностію. Какъ бы то ни было, если князь Горчаковъ не совсѣмъ успѣлъ удовлетворить настоятельныя нужды Крымской арміи, по продовольствію, то по крайней мѣрѣ распоряженіями своими во многомъ облегчилъ позднія заботы князя Меншикова по этой части; но прежде принятія окончательныхъ мѣръ къ затотовленію столь большаго количества провіанта, счелъ нужнымъ командировать предварительно на полуостровъ генераль-интенданта, генераль-маіора Затлера, для полученія на мѣстѣ вѣрныхъ свѣдѣній, въ чемъ именно наиболее нуждаются тамъ войска, какія у главнокомандующаго имѣются готовыя средства и существуетъ ли по управленію продовольствіемъ тотъ самый порядокъ, который былъ принять сначала войны, въ южной арміи?

XLVI.

Изъ собственныхъ записокъ генераль-маіора Затлера о повѣздкѣ его въ Крымъ, въ Декабръ мѣсяцъ 1854 года, видно, что вообще онъ нашелъ тогда этотъ край, театръ главнѣйшихъ въ то время нашихъ военныхъ дѣйствій, въ слѣдующемъ положеніи:

1) Частныхъ запасовъ муки и крупъ въ Крыму вовсе не было; надлежало дѣлать заготовленія провіанта, какъ въ мирное время, въ отдаленіи, за 600 и 700 верстъ.

2) Рогатаго скота на всемъ полуостровѣ, для мясныхъ порцій, считалось, за исключеніемъ упряжныхъ воловъ, едвали до 100 т. штукъ, а ежемѣсячная пропорція для войскъ составляла слишкомъ 5 т. воловъ.

3) Спиртъ, для водочныхъ порцій, откупщикъ долженъ былъ подвозить изъ другихъ губерній.

4) Сѣна и зерноваго фуража было чрезвычайно мало по числу слишкомъ 43 т. лошадей и почти 10 т. транспортныхъ воловъ, такъ что нѣкоторыя части войскъ подвозили его уже за 100 верстѣ, въ распутицу, покупая на счетъ казны по весьма дорогимъ цѣнамъ, равно какъ и овесъ.

5) Подвозка провіанта не только въ Севастополь, но въ Бакчисарай и Симферополь была крайне затруднительна, такъ что потребность для войскъ покрывалась по днямъ, и войска не разъ должны были прибѣгать къ своему 10-ти дневному сухарному запасу, пополненіе котораго не менѣе было трудно, при недостаткѣ дровъ.

6) Почты, особенно по главному тракту отъ Севастополя до Дивира, были въ самомъ большемъ разстройствѣ; на нѣкоторыхъ станціяхъ почтн вовсе не имѣлось ямщиковъ, повозокъ чрезвычайно мало, а лошади изнурены до крайности; чиновники, ѣхавшіе по подорожнымъ, даже съ казенными суммами, задерживались на каждой станціи по нѣскольку дней, а курьеры и фельдъегери по нѣскольку часовъ. Прибавлю къ этому, что тяжелыя почты, обыкновенно слѣдующія на нѣсколькихъ тройкахъ, отправлялись на волахъ. Огромные тюки, съ частными пожертвованіями, посланные для войскъ изъ Россіи, какъ то: съ корпіей, бинтами, компрессами, бѣльемъ и разными съѣстными припасами, въ сухомъ видѣ, по нѣскольку мѣсяцевъ задерживались въ Симферополѣ, отъ невозможности отправить ихъ въ Севастополь т. е. за 35-ть верстѣ. Почтамтъ не находилъ способа хранить ихъ въ своихъ помѣщеніяхъ, а складывалъ въ нарочно указанныхъ для сего погребахъ.

Обо всемъ этомъ генераль-маіоръ Затлеръ представилъ князю Меншикову подробную записку, съ объясненіемъ, какія слѣдуетъ принять мѣры, дабы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, обѣщавшаго въ послѣдствіи еще больше разстройства, и тогда же донесъ объ этомъ и князю Горчакову.

XLVII.

Но если наша армія должна была бороться со всеми этими недостатками, въ собственномъ краю, то конечно войска со-

юзниковъ еще болѣе терпѣли нужды, находясь позднею осенью и зимою въ налаткахъ и въ траншеяхъ. Частые, проливные дожди превратили мѣстность, около Севастополя въ сплошную грязь; случались дни, что не было колеснаго сообщенія изъ Балаклавы и Камышевой бухты съ лагеремъ, и потому подвозка провiанга, изъ магазиновъ на пристаняхъ, и выгрузка и доставка артиллерiи, снарядовъ и пороху производились съ крайнимъ затрудненiемъ. Солдаты непрiятельскiе, вовсе не ожидавшiе такого замедленiя экспедицiи, не имѣли надежной одежды и обуви, для предохраненiя себя отъ стужи и мокроты; еще болѣе страдали у нихъ раненые и больные, по неустройству госпиталей. Во Французской военной администрацiи было вообще болѣе порядка, и отъ того ихъ армiя не столько терпѣла; но Англичане испытывали крайнюю нужду, почти во всѣхъ предметахъ, о чемъ Лондонскiе журналы и газеты вопiяли всенародно. Правда, удобства сообщенiй моремъ довольно скоро вывели союзниковъ изъ этого плачевнаго положенiя. Въ Декабръ мѣсяцъ уже подвезли къ нимъ, на корабляхъ и параходахъ, не только подкрѣпленiя въ войскахъ, снаряды, порохъ, одежду и обувь, полушубки, но и часть барачковъ, приготовленныхъ во Францiи и Англии, а въ послѣдствiи они даже успѣли устроить желѣзную дорогу, на пространствѣ 12-ти верстъ, для сообщенiя главной квартиры ихъ съ Балаклагою. Но какъ бы то ни было, настойчивая осада Севастополя, въ теченiи поздней осени и зимы, заслуживаетъ справедливаго удивленiя, тѣмъ болѣе, что союзники должны были сохранять постоянную бдительность противу такого отважнаго противника, каковы были Севастопольскiе защитники, и часто проводили ночи подъ ружьемъ.

XLVIII.

Изъ всего сказаннаго видно, что если бы мы были болѣе готовы встрѣтить непрiятельскую высадку и вести тамъ непремѣнно упорную войну, то положенiе Англо-Французовъ подъ Севастополемъ представило бы много случаевъ вытѣснить ихъ изъ занятыхъ ими позицiй и заставить убраться на свои кораб-

ли. Но недостатки, которые мы сами терпѣли, замедляли рѣшительность съ нашей стороны, и дали непріятелю время постепенно оправиться.—Однимъ изъ существенныхъ предметовъ, въ которомъ нуждались въ Севастополь, былъ порохъ. Его иногда оставалось не болѣе какъ 3 или на 4-е дня, для всѣхъ городскихъ батарей, и то съ большимъ ограниченіемъ выстрѣловъ. Къ счастью, совершенно неожиданно, открыли въ морскомъ вѣдомствѣ какой-то запасъ, болѣе 20 т. пудовъ, пороху и сверхъ того большое число чугунныхъ орудій, отлитыхъ въ Швеціи, для первоначальнаго вооруженія каменныхъ приморскихъ фортовъ. Конечно, 20 т. пудъ пороху составляло еще незначительную помощь, судя по тому, что ежедневный расходъ, для пальбы и для минныхъ работъ, требовалъ отъ 2 до 4 т. пудовъ; но и это считалось уже болшею поддержкою въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ послѣдствіи, при князѣ Горчаковѣ, порохъ привозили въ Севастополь не только изъ Кіева, но изъ Казани, Бреста-Литовскаго и даже изъ Динабурга! Казалось было бы проще и удобнѣе учредить нато время пороховой заводъ въ Бериславѣ, на Днѣпрѣ: тогда доставка составляла бы всего съ небольшимъ 200 верстъ; но затрудненія происходили отъ недостатка грохотовъ, которые нужно было бы выписать изъ Пруссіи. Впрочемъ, въ этомъ нисколько не виноватъ князь Меншиковъ, а военное министерство и еще ближе артиллерійскій департаментъ. Война требуетъ благовременныхъ приготовленій и рѣшимости, сокращающей издержки болѣе чѣмъ на половину, а безъ этого конецъ всегда бываетъ плохой.

XLIX.

Послѣ Инкерманскаго сраженія, предпринятаго съ такою поспѣшностію, мы имѣли много случаевъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ непріятеля; но много было и причинъ оставаться въ бездѣйствіи. Потеря слишкомъ 10 т. человекъ, выбывшихъ изъ строя, въ одинъ день, и недостатки во всемъ, заставили князя Меншикова быть осмотрительнѣе, даже не въ мѣру. Для пополненія нашего урона повелѣ-

но было, кромѣ посланныхъ укомплектованій изъ резервовъ, двинуть въ половинѣ Декабря къ Севастополю 3-й пѣхотный корпусъ, генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена, изъ Бессарабіи, за исключеніемъ 3-й легкой кавалерійской дивизіи; но на первый разъ послана только одна 8-я пѣхотная дивизія, потому что 7 и 9-й дивизіямъ было предназначено въ то время переформированіе, которое едва окончилось въ Апрель 1855 года. 8-я пѣхотная дивизія прибыла въ Крымъ уже зимою и расположилась временно около Симферополя, гдѣ легче было ее продовольствовать и обратить оттуда, по усмотрѣнію, на помощь Севастополю или къ Евпаторіи. Если бы не было такого затрудненія въ доставкѣ провіанта въ Севастополь, то можно было тотчасъ придвинуть туда эту свѣжую дивизію, дабы испытать въ теченіи зимы новую сильную вылазку на непріятеля, для уничтоженія его траншей, гдѣ, отъ стужи и большаго снѣга, союзники принуждены были очень часто оставлять только слабые караулы, отодвигая главные резервы свои ближе къ Балаклавѣ и Камышевой бухтѣ. Такимъ образомъ, несвоевременное и не совсѣмъ обдуманное сраженіе на Инкерманѣ лишило насъ хотя бы и поздняго, но гораздо вѣрнѣйшаго успѣха надъ непріятелемъ.

L.

Къ числу бѣдствій, которыя потерпѣли Англо-Французы подъ Севастополемъ, во время зимовки, должно приписать необыкновенную сильную бурю, случившуюся на Черномъ морѣ 2-го Ноября 1854 года. У непріятеля выброшено въ тотъ день на берегъ много судовъ и, между прочимъ, около Севастополя 14-ть большею частію съ свѣстными припасами и амунициею. По свидѣтельству очевидцевъ, мы могли бы воспользоваться этимъ грузомъ, отрядивъ на берегъ полевую артиллерию, для обстрѣливанія выброшенныхъ судовъ; но непріятель не предоставилъ намъ никакой добычи, и мы едва успѣли захватить нѣсколькихъ невоенныхъ матросовъ. Я не стану отыскивать здѣсь недостатка распоряженій со стороны главнокомандующаго; но указываю только на этотъ случай, о которомъ были тогда разные толки въ арміи.

LI.

Неудачный исходъ Инкерманскаго сраженія обрушился на генерала отъ инфантеріи Даненберга, которому и прежде много повредили Ольтеницкое дѣло и отступленіе наше съ острововъ, противу Рущука. Если въ этихъ дѣлахъ можно было отчасти упрекнуть сего генерала въ ошибкахъ, о которыхъ сказано выше, то въ Инкерманской неудачѣ онъ могъ быть обвиняемъ косвенно, развѣ за то, что не позаботился ясно передать генераль-лейтенанту Соймонову точный смыслъ диспозиціи главнокомандующаго и тѣхъ поясненій, которыя имъ самимъ сдѣланы. Главная вина все таки лежала на князѣ Меншиковѣ. Даненбергъ показалъ себя героемъ въ этомъ дѣлѣ, и отступленіе его, съ расстроенными войсками, достойно всякой похвалы. Не смотря на то, надобно было кѣмъ нибудь пожертвовать, и эту жертвою сдѣлался Даненбергъ. Онъ былъ отозванъ въ Петербургъ, для засѣданія въ Военномъ Совѣтѣ, а на его мѣсто назначенъ командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса генераль-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ.

LII.

Я началъ знать барона Остенъ-Сакена съ 1828 года, по служенію моему въ штабѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, когда онъ былъ начальникомъ сего штаба, во время Турецкой войны, въ Азіи, подъ предводительствомъ графа Эриванскаго. Мнѣ самому было тогда не болѣе 25-ти лѣтъ; съ тѣхъ поръ я постоянно пользовался благосклонностію сего генерала и считалъ бы недобросовѣстнымъ сказать объ немъ какую бы то ни было неправду. Это былъ человѣкъ благородный, образованный, чрезвычайно точный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, строгій исполнитель служебныхъ обязанностей и богобоязливый. Многіе находили, что его набожность похожа болѣе на ханженство; но это не справедливо, хотя встрѣчались частые поводы къ такому заключенію. Можно привести многіе случаи изъ его жизни, которые доказываютъ, что Сакенъ былъ вполне честный человѣкъ и не могъ притворяться истиннымъ христіаниномъ, не смотря на замѣчавшіяся въ немъ

разныя странности, въ наружныхъ пріемахъ и въ самыхъ разговорахъ съ подчиненными и посторонними. Объ этихъ странностяхъ даже сохранилось между военными нѣскольکو анекдотовъ, довольно забавныхъ, но не вредящихъ его репутаціи. Что касается до военныхъ его способностей, то хотя они не ознаменовались никакими важными заслугами, но всегда давали ему мѣсто въ ряду лучшихъ нашихъ генераловъ. Въ 1812, 1813 и 1814 году онъ служилъ еще оберъ-офицеромъ и, кажется, былъ адъютантомъ при графѣ Милорадовичѣ; потомъ командовалъ кирасирскимъ полкомъ, а въ генераль-майорскомъ и генераль-лейтенантскомъ чинахъ участвовалъ въ войнахъ противу Персіянъ, Турокъ и Польскихъ мятежниковъ; въ послѣдствіи же командовалъ кавалерійскими и пѣхотными корпусами и наконецъ въ Апрѣлѣ 1854 года обратилъ на себя особенное вниманіе Государя и всей Россіи, отраженіемъ отъ Одессы Англо-Французскаго флота. Въ мирное время его труды, по строевому и хозяйственному образованію войскъ, всегда были успѣшны, хотя здѣсь и не обходилось безъ педантства, иногда излишняго и тагостнаго для подчиненныхъ, въ мелочахъ.

LIII.

По прибытіи генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена, въ концѣ Ноября, къ Севастополю, князь Меншиковъ поручилъ ему тотчасъ главное начальство надъ всею обороною осажденнаго города, въ качествѣ военного губернатора. Выборъ этотъ — одно изъ лучшихъ распоряженій, со времени высадки непріятеля въ Крымъ. Никто лучше не могъ учредить порядка въ Севастопольскомъ гарнизонѣ, составленномъ изъ войскъ разныхъ вѣдомствъ: полеваго, гарнизоннаго и морскаго, множества военныхъ арестантовъ и всякаго рода охотниковъ; никто скорѣе не устроилъ бы полицейскаго порядка въ осажденномъ городѣ, гдѣ оставалась еще большая часть жителей и производилась ежедневная торговля, подъ убійственнымъ дѣйствіемъ непріятельскихъ бомбардировокъ. Надлежало позаботиться, чтобы безстрашные защитники на-

ши терпѣли какъ можно менѣе недостатковъ въ продовольствѣи, чтобы улицы не были загромождены разрушившимися отъ бомбъ строеніями; а главное, чтобы чрезвычайно трудная гарнизонная служба, на залахъ и батареяхъ, днемъ и ночью, отправлялась бдительно и съ полною исправностію, въ виду предприимчиваго непріятеля. Примѣръ Одессы приучилъ уже генерала Сакена къ иѣрамъ, необходимымъ въ такихъ обстоятельствахъ, а его всегдашняя попечительность не упускала ничего изъ виду, особенно въ первое, горячее время.

LIV.

До принятія генералъ адъютантомъ барономъ Остенъ-Сакеномъ начальства надъ всею обороною Севастополя, ночныя вылазки Севастопольскаго гарнизона, для разрушенія непріятельскихъ траншей и заклепанія тамъ орудій, происходили всего пять разъ, и кажется болѣе на удачу, нежели съ расчетомъ. Новый начальникъ привелъ ихъ въ нѣкоторый систематическій порядокъ и основалъ на нихъ замедленіе дѣйствій Англо-Французовъ. Вылазки сдѣлались чаще и исполнялись правильнѣе. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что вообще вылазки Севастопольскаго гарнизона почти никогда не были поддерживаемы сильными резервами, и хотя тревожили и утомляли непріятеля, но не приводили его въ разстройство: они болѣею частію выказывали только неоспоримое молодечество нашихъ охотниковъ и доставили нѣкоторымъ офицерамъ случаи отличиться, безъ большой опасности, потому что всегда трудно повѣрять результатъ такихъ ночныхъ нападений и сосчитать, съ правдоподобіемъ, сколько именно заклепано орудій и какова была потеря у непріятеля въ людяхъ. Впрочемъ, многіе изъ начальствовавшихъ вылазками заслужили справедливую славу и были совершенно достойны тѣхъ отличій, которыми они награждены за свою отвагу и геройство. Но на войнѣ не рѣдко случается, что въ наградахъ храбрѣйшіе иногда бываютъ послѣдними, а говоруны и пскательные первыми. Моряки наши, постоянно занятые на батареяхъ, ни когда не отказывались выходить на вылазки, какъ офицеры,

такъ и матросы, и часто бывали самыми неустрашимыми охотниками.

LV.

Здѣсь кстати замѣтить, что князь Меншиковъ имѣлъ особое пристрастіе къ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ, чинамъ морскаго вѣдомства, и часто оскорблялъ сухопутныя войска и ихъ начальниковъ несправедливыми сужденіями вслухъ; это не могло быть тайною и передавалось отъ однихъ къ другимъ. Еще не будучи въ Крыму, я слышалъ, что когда князю Меншикову представляли, что въ томъ или другомъ случаѣ можно употребить сухопутныя войска, онъ не рѣдко отвѣчалъ: «Не нужно мнѣ сухопутныхъ; у меня есть свои морски»; но между тѣмъ, при самой оборонѣ города, никакъ нельзя было обойтись безъ дѣятельной помощи сухопутныхъ войскъ; и пѣтъ сомнѣнія, что ихъ соревнованіе и любовь къ Отечеству были одинаковы. Это же самое предубѣжденіе было причиною, что князь Меншиковъ сначала не хотѣлъ ничего поручать Тотлебену, прибывшему изъ южной арміи, съ рекомендаціею князя Горчакова, и только по прошествіи нѣкотораго времени, удостовѣрясь въ его опытности, усердіи и знаніи дѣла, возложилъ на него усиленіе обороны Южной стороны Севастополя. Отчасти блистательный успѣхъ отважнаго Синопскаго сраженія и постоянное геройство, которымъ одушевлены были всѣ чины Черноморскаго флота, отчасти же неудача на Альмѣ и потомъ на Инкерманѣ, могли породить такое пристрастіе; но оно вполне было несправедливо: ибо на Альмѣ, и въ особенности на Инкерманѣ, сухопутныя наши войска дрались отлично. Можно имѣть пристрастіе къ той или другой части войскъ, но обнаруживать это вслухъ есть важная ошибка въ начальникѣ, порождающая ропотъ и вредное соперничество подчиненныхъ.

LVI.

Съ наступленіемъ болѣе теплаго времени, возобновилась дѣятельность въ Крымской арміи; но на этотъ разъ первая попытка была также неудачна.

Въ началѣ Февраля, кн. Меншиковъ назначилъ произвести усиленную рекогносцировку укрѣпленнаго города Евпаторіи, занятаго союзниками и даже попытаться, нельзя ли ихъ оттуда вытѣснить. Попытка эта возложена была на генераль-лейтенанта Хрулева, о которомъ я высказалъ уже мое мнѣніе, въ первой части записокъ. Онъ былъ присланъ изъ южной арміи, съ особою рекомендаціею князя Горчакова, какъ чловѣкъ способный на самыя отважныя порученія. Не знаю, былъ ли прежде Хрулевъ лично извѣстенъ князю Меншикову, или онъ зналъ его только по слухамъ, какъ партизана, во время Венгерской войны, и потомъ по участію въ экспедиціи противу Хивинцевъ....

Блокада Евпаторіи продолжалась тогда слишкомъ четыре мѣсяца, ограничиваясь одними перестрѣлками между аванпостами блокирующихъ войскъ и гарнизона. Блокадою командовалъ въ то время генераль-лейтенантъ Врангель (въ послѣдствіи командиръ 3-го армейскаго корпуса). Подъ его начальствомъ состоялъ весь драгунскій корпусъ, резервная уланская дивизія, съ ихъ артиллеріею, и полкъ-казаковъ. Казалось, всего правильнѣе было бы поручить ему же и усиленную рекогносцировку Евпаторіи: продолжительное пребываніе на одномъ мѣстѣ конечно должно было ознакомить генерала Врангеля не только со всеми подробностями Евпаторійскихъ окрестностей, но даже и съ самимъ положеніемъ запертаго города; тогда какъ генералу Хрулеву, едва прибывшему въ блокадный отрядъ, все это было ново, и притомъ онъ былъ моложе по службѣ генерала Врангеля.

Я думаю, что обычная самонадѣянность генерала Хрулева на словахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отличія его на Дунаѣ, гдѣ подъ Журжей онъ даже былъ раненъ въ руку, внушили князю Меншикову особенную къ нему довѣренность.

Разсказывали также, что князь Меншиковъ предварительно предлагалъ генералу Врангелю, не приметъ ли онъ на себя усиленную рекогносцировку города, съ войсками, которыя будутъ для сего назначены, и что въ такомъ случаѣ Хрулевъ останется при немъ въ качествѣ начальника отряднаго штаба;

но генералъ Врангель, видя изъ бумаги, что предполагается произвести не одну только усиленную рекогносцировку, но и самый штурмъ, благоразумно отклонилъ отъ себя предприятие, не обѣщавшее никакого успѣха.

LVII.

И такъ, покушеніе противу Евпаторіи пало на генерала Хрулева. Въ команду его поступили изъ блокаднаго отряда бригада резервной уланской дивизіи и одинъ полкъ драгунъ. Къ нимъ добавлены вся 8-я пѣхотная дивизія подъ начальствомъ генералъ-майора князя Урусова Азовскій пѣхотный полкъ, два резервные баталіона Подольскаго егерскаго полка, баталіонъ Греческихъ волонтеровъ и 92 орудія, изъ коихъ 20 батарейныхъ.

4-го Февраля весь отрядъ сей расположился на ночлегъ въ 4-хъ верстахъ отъ Евпаторіи. Въ ночь на 5-е число заложены были эполемента, для артиллеріи и штуцерныхъ, въ 250 саженахъ отъ укрѣпленнаго города.

Съ разсвѣтомъ открылась съ нашей стороны кононада, на которую непріятель тотчасъ отвѣчалъ изъ большихъ крѣпостныхъ орудій, а потомъ и съ параходовъ, стоявшихъ на Евпаторійскомъ рейдѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ баталіонъ Греческихъ волонтеровъ, Азовскій пѣхотный полкъ и сѣвшеннй драгунскій полкъ посланы для занятія паружнаго городского кладбища. Они мгновенно овладѣли находившимся тамъ укрѣпленіемъ, но были встрѣчены сильнымъ перекрестнымъ огнемъ и принуждены укрыться на кладбищѣ. Между тѣмъ двумъ баталіонамъ Азовскаго полка велѣно идти прямо на штурмъ города, по совершенно открытой мѣстности.

Баталіоны эти, предшествуемые штуцерною командою, съ лѣстницами, добѣжавъ до рва, нашли его наполненнымъ водою и притомъ весьма глубокимъ и широкимъ, а за рвомъ высокую каменную стѣну. Лѣстницы оказались короткими. Это странное начало атаки стоило намъ нѣсколькихъ офицеровъ и до 200 человекъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя;

кавалерія непріятельская, съ пушками, скоро выѣхала ¹⁾ изъ города и старалась отрѣзать атаковавшія войска; но они отступали въ порядкѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ приказано отходить и всѣмъ прочимъ частямъ, составлявшимъ отрядъ. Общее отступление производилось съ такою поспѣшностію, что солдаты выбрасывали изъ котловъ приготовленный для нихъ обѣдъ. По словамъ очевидцевъ, оно нисколько не походило на правильную ретираду, а скорѣе на бѣгство: не всѣ раненые были подобраны. Непріятель провожалъ отрядъ нашъ пушечными выстрѣлами, на дальнее разстояніе, по тремъ дорогамъ: черезъ мостъ на озеръ Лазикъ, черезъ Топъ-Мамай и по дорогѣ къ Перекопу ²⁾.

LVIII.

Такъ окончилась эта знаменитая рекогносцировка Евпаторіи, при которой у насъ вышло изъ строя вообще до 900 человекъ, безъ всякой пользы. Въ сущности это не была даже рекогносцировка, потому что генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, еще на кануи, отдалъ диспозицію прямо для канонады и штурма, раздѣливъ для того войска на три колонны. По видимому, онъ вовсе не звалъ, что въ Евпаторіи 40 т. гарнизона, подъ начальствомъ Омеръ-паши и что тамъ не 30 орудій, какъ полагали, а 100, не считая вооруженныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ ³⁾. Кромѣ того 200 матросовъ съ Французскихъ кораблей было высажено въ крѣпость. Увѣренность, что непріятель покинетъ городъ почти безъ бою, была столь велика, что въ диспозиціи озаботились назначить даже, отъ какихъ полковъ и батарей должны быть посланы команды,

¹⁾ По извѣстію отъ Омеръ-Паши на вылазку вышли изъ Евпаторіи 1 Турецкій батальонъ и 300 человекъ кавалеріи.

²⁾ Это показывалъ Омеръ-паша; но свидѣнія, сообщенныя имъ союзникамъ, вообще не вѣрны; напрямъ, онъ говоритъ, что у Хрулева было 36 батальоновъ пѣхоты, 6 полковъ кавалеріи, 400 казаковъ и 80 орудій: это еормальная ложь.

³⁾ Изъ исторіи Базанкура видно, что на рейдѣ Евпаторійской находились тогда четыре Французскіе корабли: Кирсао, Фуриосъ, Валерузъ и Виперъ, и пароходъ Велосъ.

для спасенія образцовъ и утвари изъ находившейся въ Евпаторіи православной церкви.

Въ современныхъ газетахъ помѣщены подробности объ этой неудачной экспедиціи, и уронъ нашъ показанъ только въ числѣ 500 человекъ¹⁾; но Государь зналъ истину и остался весьма недоволенъ, что къ потерямъ, понесеннымъ нами на Альмѣ и на Инкерманѣ, прибавилась новая жертва 900 человекъ, не оправдываемая никакою необходимостію²⁾. Говорили, что донесеніе о томъ ускорило ходъ болѣзни Монарха и на смертномъ одрѣ было для него послѣднимъ тяжкимъ воспоминаніемъ о неудавшейся войнѣ.

LIX.

Почти въ одно время съ экспедиціею на Евпаторію, дѣйствія наши и въ самомъ Севастополѣ, въ началѣ Февраля, обнаружали болѣе предпримчивости; но здѣсь это заслуживало полного одобренія и сопровождалось новыми опытами блистательнаго мужества нашихъ войскъ.

Постепенное сближеніе непріятельскихъ траншей и открытіе подземныхъ работъ, со стороны осаждающихъ, побудили князя Меншикова употребить контръ-апрошную систему, чтобы замедлить подступы союзниковъ, въ особенности съ лѣваго нашего фланга.

Для этого назначено было, 9 и 16 Февраля, построить впереди города два отдѣльные редута: одинъ на отлогости Сапунъ-горы, образующей правый берегъ Килимъ-балки, т. е. почти на той мѣстности, гдѣ въ день Инкерманскаго сраженія колонна генерала Соймонова перешла сей оврагъ; а другой редутъ надъ Гіоргіевскою балкою. Постройка обѣихъ этихъ контръ-апрошей, передъ глазами непріятеля, требовала боль-

¹⁾ Изъ донесенія князя Меншикова отъ 31. Января 1855 года.

²⁾ По донесенію Омеръ-паши мѣстное начальство въ Евпаторіи похоронило однихъ убитыхъ 453 человекъ, въ плѣнъ взято 7 человекъ. Непріятель показывалъ свою потерю 80 убитыхъ и 277 раненыхъ. Кроме того убито 13 жителей и 11 жителей ранено; изъ матросовъ Французскихъ убито 4 и ранено 9 человекъ.

шой осторожности. Работы наши производились ночью. Непрiятель всячески старался тому препятствовать; но всѣ его усилія сокрушились предъ стойкостію храбрыхъ полковъ Селегинскаго и Волынскаго, предводимыхъ неустрашимыми ихъ начальниками, полковникомъ Сабашинскимъ и генералъ-маіоромъ Хрущевымъ. Оба наружные редуты назвали по имени полковъ, которые ихъ строили, т. е. Селегинскимъ и Волынскимъ. Они брали во флангъ часть непріятельскихъ траншей и наносили большой вредъ, покуда союзники не выстроили противу нихъ демонтиръ-батарей.

Къ сожалѣнію эти редуты, поставленные на каменной и песчаной мѣстности, были отчасти возведены изъ мѣшковъ, наполненныхъ рыхлою землею, и вообще не имѣли соответственныхъ профилей. Во всякомъ случаѣ это выступленіе изъ черты городскихъ укрѣпленій, на встрѣчу осаждающей арміи, должно по справедливости назваться весьма смѣлымъ шагомъ впередъ и доказывало, что новый періодъ обороны Севастополя будетъ еще упорнѣе и кровопролитнѣе, и что съ Русскими войсками можно на все отважиться.

LX.

Но это была послѣдняя пѣснь князя Меншикова, въ званіи главнокомандующаго Крымскою арміею; другому досталось продолжать и окончить со славой защиту Севастополя, или пасть подъ его развалинами.

Еще предъ кончиною блаженной памяти Императора Николая I, князь Меншиковъ писалъ въ Петербургъ, что здоровье его сильно разстроилось въ послѣднее время, отъ тяжкихъ заботъ и трудовъ, и просилъ увольненія. Ковчина Государя замедлила рѣшеніе; но между тѣмъ болѣзненное состояніе князя Меншикова до того усилилось, что 18 Февраля онъ принужденъ былъ сдать начальство надъ войсками генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену, а 20 Февраля, т. е. на другой день по восшествіи на престолъ новаго Императора, состоялся Высочайшій приказъ, по которому князь Меншиковъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго сухопутными и мор-

скими силами въ Крыму и другихъ занимаемыхъ имъ должностей, съ оставленіемъ генераль-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта; на его же мѣсто назначенъ въ Крымъ генераль-адъютантъ князь Горчаковъ, передавшій командованіе южною арміею генераль-адъютанту Лидерсу.

Въ главной квартирѣ, въ Кишиневѣ, гдѣ я тогда находился, частные слухи объ этихъ перемѣнахъ опередили официальные извѣстія, и потому передавались подъ величайшимъ секретомъ. Никто не зналъ о таковой болѣзни Государя, а тѣмъ менѣе могли ожидать, что послѣдуетъ такая скорая кончина того, которому все предвѣщало долготѣіе. Областной начальникъ Бессарабіи прежде всѣхъ получилъ въ Кишиневѣ указъ Сената. Послѣ того пришло къ мѣстному епископу распоряженіе Святѣйшаго Синода о приведеніи къ присягѣ жителей области на вѣрно-подданничество преемнику, и наконецъ уже прибылъ генераль-адъютантъ, посланный къ главнокомандующему. Присяга вообще исполнена единодушно, какъ арміею, такъ и народомъ; но при этомъ было любопытно наблюдать впечатлѣнія на лицахъ тѣхъ людей, на которыхъ, хотя бы и въ будущемъ, преимущественно лежала отвѣтственность за неудачный ходъ войны. Видно было, что у нихъ отлегло на сердцахъ, при невольномъ воспоминаніи, что грозный судія уже не существуетъ и что новый преемникъ, какъ случается всегда, будетъ великодушнѣе и не станетъ судить съ такою строгостію прошедшія, гибельныя для насъ, ошибки.

LXI.

Получивъ новое назначеніе, князь Горчаковъ пробылъ только два дня въ Кишиневѣ и выѣхалъ въ Севастополь, кажется 28 Февраля, съ начальникомъ главнаго штаба генераль-адъютантомъ Коцебу, давъ приказаніе начальнику артиллеріи, начальнику инженеровъ, генераль-квартирмейстеру, генераль-интенданту, походному атаману и мнѣ, слѣдовать за нимъ, съ нѣсколькими необходимыми чинами главной квартиры южной арміи, такъ какъ у генерала Лидерса долженъ былъ образоваться другой штабъ, изъ лицъ, собственно ему извѣстныхъ.

Я остался тогда въ Кишиневѣ, по дѣламъ службы, до 15 Марта и, будучи до того времени очень мало знакомъ съ новымъ начальникомъ, могъ узнать его гораздо ближе. Меня душевно порадовало, что я нашелъ въ генераль-адъютантѣ Лидерсъ человека истинно способнаго командовать арміею, именно такого, о которомъ въ тогдашнее время мечтали всѣ военные. При всегдѣшнемъ присутствіи духа и распорядительности на полѣ битвы, онъ ни въ чемъ не былъ суетливъ, не измѣнялъ по нѣскольку разъ въ день свои приказанія, спокойно и съ благоразумною довѣренностію выслушивалъ словесныя донесенія и письменные доклады, не заставляя никогда дожидать пріема; не приступалъ съ поспѣшностію ни къ какому рѣшенію, даже въ важныхъ случаяхъ, а мелочи предоставлялъ оканчивать самимъ начальникамъ частей главнаго штаба; чрезвычайно вѣжливъ, доступенъ и безъ капризовъ, часто столь тяжелыхъ для подчиненныхъ. Самое выгодное впечатлѣніе на другихъ онъ производилъ передъ войсками. Его наружность хотя не атлетическая, но ободряющая каждаго и пріятная, голосъ твердый, рѣчь солдатская, понятная, безъ прикрасъ и вычурности, заботливость о войскахъ теплая. Все это привлекало къ нему общее уваженіе, любовь и довѣріе подчиненныхъ, и при томъ въ такой степени, какъ мы давно не помнимъ на Руси, именно со времени А. П. Ермолова.

Къ сожалѣнію, генераль Лидерсъ страдалъ иногда каменною болѣзнію, и припадки эти въ послѣднее время, при назначеніи его главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами въ Крыму, начинали болѣе и болѣе его беспокоить.

И такой достойный человекъ, единственная, можно сказать, въ то время надежда войскъ, былъ по заключеніи мира оклеветанъ злословіемъ, къ истинному стыду Россіи, гдѣ впрочемъ, не въ первый разъ подобная участь постигаетъ людей съ прямыми заслугами, гдѣ любятъ внимать тайнымъ доносамъ и торопятся дѣлать заключенія, не отыскавъ источника, откуда произошла интрига.

Всѣмъ извѣстна вопіющая немилость, которой подвергся генераль-адъютантъ Лидерсъ. Говорили, будто бы онъ навлекъ

на себя нареканіе произвольными распоряженіями, по продовольствію арміи, клонившимися къ обогащенію своихъ фаворитокъ. Но главнокомандующій стоитъ выше такихъ осужденій, и правительство, къ собственной чести, не должно поддерживать въ публикѣ подобное злословіе. Наша гласность, изъ за которой такъ теперь ратуютъ газеты и журналы, не дошла еще до той самостоятельности, какъ въ Англии, гдѣ каждый, не опасаясь чьего бы то ни было вліянія, можетъ публично опровергнуть злонамѣренность и обнаружить всѣ многосложные пути, которыми, съ скрытною поддержкою, дѣйствуютъ у насъ клеветники, для достиженія указанной имъ цѣли. Безъ знающихъ и благородныхъ адвокатовъ, это долго еще будетъ существовать въ Россіи. Мы не вполне еще облагородились и, нечего скрывать, находимъ удовольствіе слышать про своихъ братій болѣе злаго, нежели добраго, и вѣримъ всякимъ нелѣпостямъ. Не такъ поступаютъ цивилизація и истинная любовь къ Отечеству. У насъ есть временные, похвальные порывы, но твердости и постоянства ни въ чемъ.

LXII.

Не смотря на свою поспѣшность, князь Горчаковъ прибылъ въ Севастополь не прежде 8 Марта, т. е. проѣхалъ въ 8 дней разстояніе въ 700 верстъ. Дорога отъ дождей превратилась тогда въ сплошную слякоть, а почты, особенно по Крыму, были въ совершенномъ разстройствѣ. Большой князь Меншиковъ въ это время возвращался въ Николаевъ, гдѣ предполагалъ отдохнуть нѣсколько дней и потомъ отправиться въ Петербургъ. Оба главнокомандующіе встрѣтились на станціи, не довзая г. Алешекъ, и провели нѣсколько часовъ въ разговорахъ.

LXIII.

Любопытно замѣтить, что почти въ тоже самое время происходила въ союзныхъ войскахъ важная перемена. Съ началомъ 1855 года, послѣ постепеннаго прибытія подкрѣпленій изъ Франціи, Наполеонъ III нашелъ необходимымъ реформировать Французскую армію, не такъ какъ было прежде на

дивизіи, а на два корпуса. Генераль Канроберъ представилъ объ этомъ проэктъ; но еще дополученія его депеши, дѣло это было уже рѣшено въ Парижѣ. Первымъ корпусомъ назначенъ былъ командовать генераль Пелисье, а вторымъ генераль Боске. За первымъ корпусомъ оставлена по прежнему атака на лѣвомъ флангѣ союзниковъ; за вторымъ корпусомъ работы и атака противу Малахова кургана, или Корниловскаго бастиона. Каждый изъ корпусовъ составилъ изъ прежнихъ 4-хъ дивизій. Гвардія и 9-я дивизія Брюне составили резервъ и находились въ распоряженіи главной квартиры. Приказъ объ этомъ объявленъ подъ Севастополемъ 28 Января, а Пелисье прибылъ въ началѣ Февраля изъ Алжира, откуда тогда былъ вытребованъ. Французы считали въ то время въ Крыму 83 т. своихъ войскъ; у насъ они полагали 60 т. что близко подходило къ нашимъ строевымъ рапортамъ; но войска эти не были сосредоточены собственно для обороны осажденнаго города, а стояли въ разныхъ мѣстахъ, какъ то: подъ Евпаторіей, почти 15 т. кавалеріи, и часть пѣхоты въ Симферополѣ, Карасу-Базарѣ и прочихъ пунктахъ.

LXIV.

Тотчасъ по прибытіи на Сѣверную сторону Севастополя, гдѣ помѣщалась главная квартира Крымской арміи, новый главнокомандующій отдалъ по сухопутнымъ и морскимъ силамъ приказъ, въ которомъ между прочимъ замѣчательно слѣдующее обращеніе къ войскамъ.

«Принимая начальство надъ вами, я въ полномъ упованіи, что вскорѣ, съ помощію Божіею, конечный успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія и что мы оправдаемъ ожиданія нашего Государя и Россіи».

Такія обнадеживанія, высказанныя не въ первый разъ, были уже знакомы полкамъ и артиллеріи, возвратившимся изъ Придунайскихъ княжествъ; но болѣе опытные люди видѣли здѣсь одно велерѣчіе и сомнѣвались, чтобы наконецъ наступило наше истинное торжество. Къ несчастію, они не обманулись!

LXV.

Надобно однакоже сознаться, что въ первое время князь Горчаковъ оказалъ особенную дѣятельность въ защитѣ Севастополя и вообще по командованію ввѣренными ему сухопутными и морскими силами въ Крыму. Этотъ періодъ осады отличался необыкновеннымъ упорствомъ непріятеля и стоилъ еще болѣе крови. Мы выдвинулись изъ крѣпости и сами атаковали работы союзниковъ контръ-апрошными укрѣпленіями и контръ-минами. Борьба была ежедневная, на поверхности земли и подъ землею, на самомъ близкомъ разстояніи.

LXVI.

Кромѣ Селевгинскаго и Волинскаго редутовъ, выставленныхъ за Килимъ-балкою и Георгіевскою балкою, заложено генераль-адъютантомъ барономъ Остенъ-Сакеномъ, въ Февралѣ же мѣсяцѣ, въ ночь съ 26 на 27 число, третіе контръ-апрошное укрѣпленіе на отдаленномъ, довольно высокомъ холмѣ, извѣстномъ въ исторіи осады Севастополя подъ именемъ Зеленаго Кургана (Mamelon Vert), почти въ 300 сажняхъ впереди Корниловскаго бастіона: оно отстояло отъ передовыхъ непріятельскихъ работъ только на 180 сажень и названо Камчатскимъ редутомъ, по имени полка, который его строилъ. Непріятель сильно препятствовалъ возведенію сего редута, и даже въ самомъ началѣ атаквала постройку 5-тью баталіонами, которые были отбиты съ большимъ для нихъ урономъ; но не могъ остановить работъ нашихъ: они впрочемъ не были еще совершенно окончены, къ прибытію новаго главнокомандующаго.

Князь Горчаковъ на другой же день осмотрѣлъ всѣ наши оборонительныя сооруженія и контръ-апроши, въ особенности вновь возведенный Камчатскій редуть *), откуда лучше всего можно было рекогносцировать непріятельскія траншеи

*) Наканунѣ прибытія князя Горчакова въ Севастополь, т. е. 7 Марта, убитъ, при возведеніи Камчатскаго редута, контръ-адмиралъ Истоминъ, начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи. Смерть его была большою потерей для гарнизона.

и расположенные позади их лагери союзниковъ. Подходъ въ этотъ редутъ днемъ былъ чрезвычайно опасенъ, отъ пушечнаго и штуцернаго огня, такъ что приходилось пробираться туда съ большою осторожностію, скрытымъ путемъ.

Контръ-апронныя наши укрѣпленія повлекли за собою необходимость устранивать на ихъ флангахъ ложементы для штуцерныхъ, дабы не допускать непріятельскихъ стрѣлковъ приближаться безнаказанно къ этимъ передовымъ редутамъ и подходить туда летучею сапою. Отъ этого перестрѣлка между осаждающими и осажденными, днемъ и ночью, не умолкала.

LXVII.

Рекогносцировка, произведенная новымъ главнокомандующимъ, съ Камчатскаго редута, подала ему мысль направить съ этой стороны сильную ночную вылазку, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

Вылазка эта произведена въ ночь съ 10 на 11-е Марта. Въ ней участвовали 11 баталіоновъ Камчатскаго, Углицкаго, Дивпровскаго и Волинскаго полковъ, 44-й флотскій экипажъ и команда 35-го экипажа. Въ помощь имъ направлены двѣ другія вылазки: одна изъ нихъ поручена капитану 2-го ранга Будищеву съ охотниками 38-го и 41-го экипажей и Греческими волонтерами, подкрѣпленнымъ пѣхотнымъ баталіономъ; другая изъ 475 охотниковъ 30-го и 41-го экипажей, подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева, съ подкрѣпленіемъ пяти пѣхотныхъ баталіоновъ. Такой сильной вылазки еще не было, послѣ Инкерманскаго сраженія.

Въ 10 часовъ вечера колонна генерала Хрулева атаковала ближайшіе непріятельскіе подступы къ Камчатскому люнету; три баталіона Зуавовъ встрѣтили ихъ самымъ убійственнымъ огнемъ, почти въ упоръ; но это не остановило стремительности нападенія; случившійся впереди флотскій іеромонахъ Іоанникій Савинъ съ крестомъ въ рукахъ и съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя», увлекъ за собою нападающихъ они быстро ворвались въ паралель и подступили къ главному редуту осаждающихъ, называемому Викторія. Надлежало

воспользоваться и поддержать нападеніе; на войнѣ не всегда встрѣчаются такія удачи. Но къ сожалѣнію мы и въ этотъ разъ дѣлали попытку какъ бы ощупью. Союзники выслали тотчасъ сильныя резервы, и дѣло уравнилось. Нашимъ приказано отступать; но не легко было это исполнить. Солдаты, наученныя опытомъ, что при отступленіи уронъ бываетъ значительнѣе, не трогались изъ траншей. Тщетно сигнальные рожки отзывали колонны; никто не думалъ, чтобы атака кончилась. Нужно было прибѣгнуть къ увѣщаніямъ. Нашли необходимымъ поручить іеромонаху Савину уговаривать сражающихся; между ними слышны были голоса, что стыдно отступать; вѣроятно это были матросы, помнившіе слова незабвеннаго Корнилова: «Если горнисть затрубить отступленіе, не вѣрь ему! Если я прикажу отступать, коли меня штыками!» Участвовавшіе въ вылазкѣ рассказывали, что много прошло времени въ этихъ убѣжденіяхъ; наконецъ дисциплина взяла верхъ: колонны мало-по-малу отошли, потерявъ при атакахъ и отступленіи 29 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1370 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, кромѣ урона въ самомъ городѣ, куда непріятель бросилъ въ эту ночь до двухъ тысячъ бомбъ, не причинившихъ впрочемъ большаго вреда.

И такъ, первая попытка князя Горчакова, въ крѣпости, окончилась неудачно. Войска отличались необыкновеннымъ мужествомъ; можетъ быть, являлся одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ неожиданно побѣда вѣнчается отважностью; къ этому надобно всегда быть готовымъ, т. е. имѣть подъ рукою сильныя резервы; но такимъ предвидѣніемъ мы не отличались въ послѣднюю войну: кровь храбрыхъ пролита безъ всякой пользы, и довѣріе къ новому главнокомандующему въ самомъ началѣ поколебалось. Въ современной телеграфической депешѣ сказано однакоже, что дѣло кончилось въ нашу пользу; но значительная потеря въ людяхъ и наше отступленіе свидѣтельствовали противное. Французы показали свою потерю убитыми 12 офицеровъ, ранеными 12 офицеровъ и 4 пропавшихъ безъ вѣсти, вышло изъ строю нижнихъ чиновъ 501 и пропало безъ вѣсти 83 человека.

LXVIII.

Послѣ описанной мною вылазки, непріятель въ теченіи нѣсколькихъ дней сильно обстрѣливалъ передовыя наши укрѣпленія, Селенгинскій, Волинскій и Камчатскій: новое доказательство, что вылазка не причинила большаго вреда его работамъ.

Въ это самое время, именно 23 Марта, я прибылъ на Сѣверную сторону Севастополя. Мнѣ и начальнику артиллеріи, генералу Сергпутовскому, назначено было то самое помѣщеніе, которое занималъ князь Меншиковъ, въ званіи главнокомандующаго: это былъ маленькій одноэтажный домикъ изъ 4-хъ весьма тѣсныхъ комнатъ, съ людскою и кухнею и очень небольшимъ дворикомъ, огороженнымъ низкимъ каменнымъ заборомъ, на самомъ берегу Сѣверной бухты, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стояли два парохода, постоянно находившіеся въ распоряженіи главнаго штаба.

Князь Горчаковъ, съ прочими чинами главной квартиры, прибывшими изъ Кишинева, расположились первоначально въ балкахъ, на Сѣверной же сторонѣ, гдѣ были разбросаны большею частію бѣдныя строенія, принадлежавшія матросамъ и флотскимъ мастеровымъ. Въ одномъ, лучшемъ изъ нихъ, гдѣ прежде помѣщались Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, не надолго посѣтившіе Севастополь, временно помѣстились князь Горчаковъ и начальникъ главнаго штаба генералъ Коцебу, а потомъ они переѣхали въ укрѣпленіе № 4-го, также на берегъ самой бухты, чтобы быть поближе къ центру осажденнаго города. Главное дежурство и управленіе генераль-квартирмейстера имѣло свои занятія въ двухъ-этажномъ каменномъ строеніи, совершенно открытомъ для непріятельскихъ выстрѣловъ, впереди госпитальныхъ барачковъ, куда также не рѣдко залетали бомбы и ядра, убивая больныхъ и раненыхъ на самыхъ койкахъ. Но въ тогдашнемъ нашемъ положеніи, нельзя было и найти ничего лучшаго; ибо самый городъ былъ наполненъ войсками, госпиталями, лазаретами и всякаго рода складами, которыхъ еще не успѣли оттуда вывести, и притомъ отчасти уже значительно разру-

шенныхъ; пѣхотные резервы, т. е. цѣлые полки и артиллерійскія батареи, стояли на площадяхъ день и ночь бивуаками.

Наше помѣщеніе на Сѣверной сторонѣ было разбросано по крайней мѣрѣ на пространство 3 верстѣ, по изрытой мѣстности, среди двухъ обширныхъ кладбищъ сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ, на которыхъ едва успѣвали вырывать могилы. Каждый день приготовлялось по сотнѣ большихъ ямъ, въ которыхъ погребали нижнихъ чиновъ по 60 человекъ вмѣстѣ, посыпая сверхъ этихъ могилъ, для предосторожности отъ заразы, негашеною известію и даже хлоромъ.

Надъ всѣмъ этимъ возвышалось извѣстное Сѣверное укрѣпленіе, расположенное на вершинѣ лѣваго берега Сѣверной бухты: оно представляло видъ неправильнаго многоугольника, съ наружными оборонительными постройками, порядочнымъ валомъ и рвомъ; его можно было назвать передовымъ Севастопольскимъ фортомъ, но со стороны Симферополя, а не съ той съ которой производилась осада и притомъ за Сѣверною бухтою, въ разстояніи отъ ея берега болѣе двухъ верстѣ: это былъ такъ сказать, отдѣльный этапный пунктъ, куда прибывали команды и транспорты, слѣдовавшіе изъ Россіи, и гдѣ собирались всѣ плѣнные, для дальнѣйшаго отправленія ихъ во внутрь Имперіи.

LXIX.

Севастополь не только съ его ближайшими окрестностями, но до самаго Симферополя, на разстояніи слѣшкомъ 40 верстѣ, представлялъ совершенную картину войны. Край былъ уже опустошенъ частію непріателемъ, послѣ Альмскаго сраженія, а потомъ и нашими войсками; прекрасные фруктовые сады на Качѣ и Бельбекѣ почти не существовали. По дорогамъ, усыпаннымъ трупами рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ, безпрестанно двигались взадъ и впередъ воинскія команды, транспорты казенные и вольнонаемные на колесахъ и на вьюкахъ, съ провіантомъ и военными принадлежностями; тянулись длинныя обозы раненыхъ и больныхъ, скакали безпрестанно курьеры, отъ частаго проѣзда коихъ почты были уже въ самомъ

жалкомъ положеніи. Почтовое и гражданское начальство смотрѣли на это почти равнодушно.

Полевой почтамтъ, находившійся въ Симферополѣ, былъ буквально заваленъ множествомъ корреспонденцій, казенныхъ и частныхъ, и кучею тюковъ, въ которыхъ заключались посылки, отправленныя изъ Россіи, съ разными пожертвованіями и преимущественно съ корпіею, бинтами, ветошью, бѣльемъ и съѣстными припасами, а сверхъ того и казенными госпитальными вещами. Надлежало принять особыя мѣры, для восстановленія какого либо порядка въ этомъ хаосѣ, тѣмъ болѣе, что не было даже на лицо и губернскаго почтмейстера, который, нося званіе камеръ-юнкера и пользуясь поэтому особымъ вниманіемъ своего ближайшаго начальства, не только не занимался своимъ дѣломъ, какъ бы слѣдовало въ такое нужное время, но рѣдко находился на своемъ мѣстѣ, озабочиваясь управленіемъ какого-то частнаго имѣнія, своего или посторонняго.

Огромное накопленіе въ короткое время больныхъ и раненыхъ при арміи увеличивало еще болѣе затрудненія военной администраціи. Въ Симферополѣ уже находилось тогда до 7 т. больныхъ. Госпиталь въ Бакчисараѣ можно было скорѣе называть складомъ мертвыхъ тѣлъ; въ баракахъ на Сѣверной сторонѣ недоставало для нихъ помѣщеній, отъ большой ежедневной прибыли; въ самомъ Севастополѣ всѣ лучшія казенныя и частныя строенія были заняты госпиталями; въ прекрасномъ домѣ Благороднаго Собранія устроены были главный перевязочный пунктъ, преимущественно для ампутаціи: по 200 рукъ и ногъ приходилось отнимать ежедневно, исключая другихъ операций и перевязки тяжелыхъ увѣчій. При такой тѣснотѣ госпитальныхъ помѣщеній необходимо было бы устроить, еще въ началѣ Марта 1855, лагерные госпитали въ большихъ палаткахъ и даже употребить для этой цѣли цѣлыя лагеря не только полковъ, но и дивизій; но ничего подобнаго не было сдѣлано до пріѣзда князя Горчакова и до прибытія потомъ нѣкоторыхъ средствъ, по его же распоряженію, изъ Кишинева. Въ госпитальныхъ вещахъ, бѣльѣ, посудѣ, служителяхъ, ме-

дикахъ и фельдшерахъ встрѣчался крайній недостатокъ. Госпитальныхъ служителей военное министерство назначало изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ и даже изъ Архангельска, а потому до ихъ прибытія, большая часть музыкантовъ, изъ полковъ, находившихся въ Севастопольскомъ гарнизонѣ, обращены были въ госпитальную прислугу. Правда, были уже въ Симферополь и частію въ Севастополь, сестры милосердія и попечительныя вдовы, для ухода за ранеными и больными, присланныя изъ Россіи *); но это новое учрежденіе, въ маломъ размѣрѣ, хотя и приносило свою пользу, но какъ задуманное съ чрезвычайною поспѣшностію, при всемъ высокомъ направленіи благотворительнаго правительства, не получило надлежащаго устройства въ самомъ началѣ, и потому стѣсняло даже распоряженія ближайшаго военнаго начальства и породило множество ябедъ, со стороны этихъ почтенныхъ особъ, которыя были собраны на скоро....

*) Сестры Крестовоздвиженской общины, въ числѣ 60, прибыли первоначально въ Симферополь 30 Ноября, т. е. слишкомъ черезъ два мѣсяца послѣ начатія союзниками осады Севастополя, когда уже было весьма много раненыхъ. Во время пребыванія нашего въ Придунайскихъ княжествахъ ихъ вовсе не было при госпиталяхъ. Онѣ большею частію были набраны изъ бѣднаго чиновнаго дворянства, а прочія изъ сословія почетныхъ гражданъ, купеческаго и мѣщанскаго. Не смотря на недостаточныя ихъ средства, они всѣ почти отказались отъ постояннаго имъ пособія.

На этомъ оканчиваются Записки Н. И. Ушакова.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТО.
ВО.
МО.
ОС.
И.

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВО

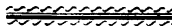
ВТОРОЙ КНИГЪ

«ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.»

ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА,

ИЗДАВАЕМАГО

П. И. БАРТЕНЕВЫМЪ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И В., У ПРЯСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШЕЛОВОЙ.

1878.

Дозволено цензурой. Москва, 12 Августа 1872 года.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОВСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГЪ «ДЕВЯТНАДЦАТАГО
ВЪКА.»

Абдуль-Меджидъ, укрѣпл. 080.
090. 0105. 0106.

Августъ, пр. Ольден., ген.-лейт.
118. 119.

Аверинъ, прав. канц. Беклешо-
ва 48.

Австрійцы, 103. 104. 139. 025.
коварство ихъ 037.; 085. 087.
093. 0102. 0116. 0118. 0121.
0124. 0127. 0134. 0143. 0144.

Австрія, 62. 99. 102. 261. 09.
010. повед. ея въ вост. войнѣ
018. 035. 036. 058. 060. 074.,
опасен. на ея счетъ 083. 088.
0116. 0121. 0148.

Адлербергъ, гр.. полк. 0115.
Адрианополь, гор. (миръ) 06.
080.

Азаклы, сел. 069.

Азекъ, сел. 0159.

Азія, 94. 97. 026. 0223.

Александра Павловна вел. кн.,
помолвка съ Шв. корол. 295.

Александровская батарея подъ
Севаст. 0187.

Александръ I, импер. 4; его
отзывы о Циціан. 5. письмо къ
С. П. Румянцеву 6; 9. 12.
поѣздка его въ Финлянд. 15. бе-

ЛІХЪ ВЪКЪ, КН. 2-я

реть акціи 19. благоволен. къ
В. Зубову 20—22. 29. (36.
37.) 39. 41. 43. 49. 50. его
воспитатели 53. 54. 57. 65.
66. 67. 71. безпокойства его
72. 75; 80. 91. 92. 95. 97. 99.
сраж. съ Напол. при Ауст. 103.
огорчен. 104.—106. 108. 110.
112; 115. свид. съ Растоп. 116.
129. 135. кончина и впечатл. отъ
ней 141—144. проекты освоб.
кр. 145—155; упомин. въ зап.
Пушк. 212. его отнош. къ Ку-
тузову 247; 250. случай съ гр.
Ланжерономъ 254—255; 256.
260. 261. 269. 272. присутств.
на похор. Ф. П. Уварова 273.
276. 278. люб. Чичагова 281.
295—296. 084. 094. 0157. (восп.
на престолъ) 0231.

Александръ Николаевичъ, Це-
саревичъ, Предсѣдатель комите-
товъ о крестьянахъ 185. 194. 195.

Алексіано, дача 0172.
лешки, гор. 0234.

Алжиръ, 0117. 0122. 0175.
А 0235.

Али-Каземъ-Бекъ, нач. турец.
окоповъ въ вост. войнѣ 071.

016

- Алонвилль, гуверн. у гр. Ө. В. Растоп. 32. 58—59. 61. его качества 63. 65. 74. 77. его исторія съ грае. Миннихъ 81. 83. 85. 90. свадьба 93. 97. его подд. Россіи 98. 90. 102. отъездъ въ Петерб. 103.
- Aлонville m-lle, дочь гуверн. гр. Ө. В. Раст. 59. 77.
- Акопеусъ, грае, полк. ком. въ вост. войнѣ 0100.
- Альбедиль, адъют. Алекс. Павл. 78.
- Альма, рѣка, 0137. 0150. 0151. сраженіе 0152—0164. 0167. 0170. 0173. 0185. 0226. 0230.
- Альфieri, итал. поэтъ 236.
- Америка, 79.
- Амьень и, Ам. миръ. 42. 62.
- Анапа, крѣп. 0207.
- Англичане, ихъ политика 12. 21. 37. 42. 52. 67. 87. 108. 128. ихъ языкъ 223; 249. 027. 072. высадка ихъ въ Крымъ 0142—0143. 0147—0176. 0177—182. дѣйств. подъ Севаст. 0186—0188. ихъ отъ. о Русск. 0189—0192. стычки и потери 0193—0219. ихъ невзгоды 0220—0242.
- Англія, 9. 12. 15. 26. ея затрудн. 42. покорен. Индіи 49; 88. союзъ съ ней 51. 52. 62. 77. 83. 92. 94. 97. 102. 104. 179. 275. 293. отнош. ко Рос. передъ восточ. войной 03—07. 014—016. 018. 021. 026. 028. 059. 074. объявл. войну Росс. 079. 083. 087. 0117. 0146. 0149. 0178. 0220, 0234.
- Андреевское, с., им. Воронцовыхъ 41. 94.
- Андіе, актеръ, 295—296.
- Андіе Филисъ, актр. 295.
- Андрониковъ, ген., дѣйств. его въ Мал. Аз. 036.
- Аничковъ кал., его книга 0157.
- Анна Австрійская, 228.
- Анна Ивановна, импер. 010.
- Анненковъ, его біогр. Пушк. 218.
- Анненковъ, ген.-м., уч. въ вост. войнѣ, 0145 (ген.-губ. 0153)
- Анрепъ-Эльмитъ, гр. генер. русск. войс. въ вост. войн. 025. 044; его дѣйств. 045. 048. ошибки 049—050, неудов. Никол. 051. 052. 0130. 0133.
- Арабское, укр. 091. 093. 094. 096—099. 0103. 0109. 0111.
- Аполонскій, помѣщ. избобрѣт. регротитum mobile 56.
- Апраксинъ Вас. гр., фельдм. 6. 96. его острофы 250. 266.
- Арабатъ сел. 0210.
- Аракчеевъ А. А., отъ. о немъ Растоп. 15. 33. 101. 108. 109. отнош. къ Растоп. 116. 144. его проектъ кр. реф. 146—149. 150. замѣчаніе о Ө. П. Уваровъ 273. разговоръ съ А. Ө. Орловымъ 274. 277.
- Аральское, море 05.
- Арбатъ, ул. 119.
- Арбеиъ, (письма Раст.) 4.
- Аржисъ, р. 029. 031. 032. 0131
- Арзерумъ, крп. 027.
- Аріосто поэтъ, 217.
- d'Аркуръ, гр. 233.
- Арсеньевъ Вас. Дм., ген.-м., моск. губ. предвод. въ 1812 г. 115.
- Архангельскій гор. 0242.
- Архарова Екатер. Александр., (зап. Растопч.) 2.
- Архаровъ, (москов. полицейм.) балъ у него 45.
- Астафьевъ, помѣщ. сосѣдъ гр. Ө. В. Растопчина. 69.
- Aubert-Schalmé магазинщица 78—79.
- Аустерлицъ, 105. 106. 110. 0198.
- Ахалцыхъ, крѣп. 028. 086.

Акметъ I, султанъ 010.

**

Бабадагъ, укрѣпл. 080.

Баба-ханъ, шахъ персидскій 2.

Баварскій курф. 105. 108.

Багратионъ, кн. (Петръ) I. Повзд-ка его въ Финл. 15. (24) кн., его ссора съ Каверинимъ 81. 073.

Баденскій курф. 59. 105.

Вазанкуръ, бар., авторъ книги о кр. эксп. 080. 081. 0103. вып. изъ его книги 0117—0122, отз. объ Омерь-Пашъ 0129; 0165. 0229.

Базарджикъ, укр. 0121.

Байдаръ, долина 0169. 0184.

Байковъ, чиновн. 266.

Байронъ, отз. о немъ Каннига 275.

Баку, крѣп. 2. 105. 108—110.

Бакчисарай, сел. 0165. 0169—0171. 0173. 0174. 0179. 0183. 0211. 0213—0214. 0217. 0241.

Балаклава, укр. 0169. 0172—0174. 0177. 0182. 0190. 0193. 0199. 0203. 0220. 0222.

Балашовъ, министръ полиц. 116.

Ballio, гувер. у графа Ф. В. Рас-топ. 32.

Балканы, 072. 080: 0120.

Балтійское море 133.

Баратынскій, ген.-м. его за-пис. о кр. реф. 196. 207. 208. 217. 235.

Барклай де-Толли 117. 118. 247.

Барьеръ, издатель 233—234.

Барыковъ, полковн. его мошен-ничества по полку 54.

Барятинскій, кн., гоом. 284.

Бальчикъ, заливъ 0150.

Батте, перевод. Гарациа 235.

Баумгартенъ, полков., участ. въ вост. войнѣ 045. дѣло при Четати 046. 048 — 050. получ.

Georgia 051. 052. 055. 085.

Бахметевъ, москвичъ, игра у не-го 81—82.

Баязетъ, крѣп. 027.

Бебутовъ, кн., дѣств. его въ Мал. Азій 036. 0107. 0114.

Беваль, ген.-полиц. въ вост. вой-нѣ 0113.

Безбородко, (канцл.) 36. 276.

Безикъ, заливъ 019. 020. 027.

Беклешовъ, назначеніе его въ Москву 41. 45. 47. приемъ 48. 54. характеръ 59; 64—65. 81. 82. 90. 95. 97. 108. 113. 272.

Бельгардъ, ген.-м. участв. въ вост. войнѣ 045. дѣло при Че-тати 046—048. 049. 050. 051. 052. 055; 056. 057.

Бельбекъ, сел. 0159. 0169. 0171. 0189. 0240.

Бендеры, крѣп. 287. 0116. 0137.

Бенкендорфъ, (Ал. Хр.) гр., чл. ком. 1840 года 183. чл. ком. 1846 г. 185. отзв. о Пушк. 218.

Бенкендорфъ Хр., гр., его раз-свѣянн. 291. 292.

Беннигсенъ, подчинен. Кутузова 99. 117. 118. 247.

Бергъ, его проэк. освоб. кр. 146.

Березина, р. 129.

Бериславль гор. 0211. 0221.

Берлинъ, гор. 32. 53. 58. 62. 73. 76. 80. 87. 89. 96. 111. 133—135.

Бессарabia, 012. 017. 068. 073. 082. 086. 089. 0115. 0116. 0137. 0138. 0141—0145. 0153. 0154. 0184. 0185. 0222.

Бестужевъ А. А., его переп. съ Пушк. 216—217.

Бетевъ, полк., его карта 0151.

Бибиковъ полк., уч. въ кр. вой-нѣ 0200.

Биронъ, отз. о немъ Остейна 252—253.

Бирюлевъ, лейт., уч. въ кр. вой-нѣ 0237.

- Битюгъ, р. 23. 52. 55. 60. 73.
 74. 82. 97.
 Біарлицъ, гор. 0148.
 Блудовъ, гр., стат. секр. прав.
 дѣлъ въ комм. 6-го Дек. 26-года
 158. чл. комм. 39 года по кр. дѣл.
 178 чл. комм. 40 года 183. чл.
 комм. 48 года 195. отз. о басн.
 Крмлова 251.
 Блюхеръ, фельдм., его портреты
 134. 137.
 Бобруйскъ, 0141.
 Богдановичъ, его Душенька 219—
 220.
 Богумевскій, ген.-м. участв. въ
 вост. войнѣ 054.
 Болунъ, рмц., его гробъ, 09.
 Болгарія, 0129.
 Болгары, ихъ предани. Росс. 058.
 волонтеры 060—062. 075. 0104.
 ихъ страхи по снятіи осады
 Силистр. 0112—0113. отправл.
 въ Бессар. 0115. бѣгство отъ Ту-
 рокъ 0118. 0122.
 Болтинъ, критикъ, его судьба
 222.
 Болтонъ механикъ 77.
 Бомбей, гор. 06.
 Бонпри, франц. генер. 130.
 Бонтанъ, полк., участв. въ вост.
 войнѣ 0135.
 Боппе, при кончинѣ Павла, г-жа
 112.
 Бордо, гор. 133.
 Beauregard, парикм. 47.
 Боровскъ, гор. 30.
 Бородино, дер. 120. 0157—0159.
 Бороздинъ, полк., его дуэль 15.
 его успѣхи 74. биограф. Я. Ѳ.
 Долгорукаго 227.
 Боске, ген. участв. въ вост. вой-
 нѣ 0150. 0177. ннкерм. сраж.
 0199—0200. 0235.
 Боснія, мѣсто 0129.
 Бойшестн, сел. 025. 044. 045.
 048. 049. 052—056.
 Браиловъ, крѣп. 029. 035. 041.
 060. 062. 065—067. 069. 073.
 074. 076. 077. 079. 0109. 0137.
 Бранковени, сел. 099.
 Брестъ-Литовскъ гор. 0221.
 Бринкъ, Ам. Ѳед. штаб.-кап. 22
 (43) 57.
 Бронницкій, майоръ 0150.
 Броунъ, англ. ген., уч. въ крым.
 войнѣ 0149.
 Брюне, фр. ген., уч. въ кр. вой-
 нѣ 0235.
 Брюссель, гор. 111.
 Брюсъ гр., его дача 77.
 Буало, фр. писат. 290.
 Будбергъ, ген.-адмир. 4.; чрезв.
 комис. въ Придун. кн. въ вост.
 войнѣ 042—043. 0131. 0132.
 Бударштин, сел. 030. 031.
 Будищевъ, капит. уч. въ кр. вой-
 нѣ 0237.
 Бузео, гор. 035. 086. 089. 0133.
 0135.
 Букарестъ, гор. 025. 031. 035.
 036. 038. жизнь въ демъ 039.
 040; 042—044. 050. 053. 054.
 058. 059. 063. 078. 079. 081.
 083. 084. 086—090. 099. 0123—
 0125. 0127. отступл. Русск.
 0131—0134; 0139—0141. 0167.
 Буксгевденъ, ген., начал. въ
 войн. 1805 года. 99. 102. пораже-
 ніе при Аустерл. 103.
 Булгаковъ, А. Я. 141.
 Булгаринъ Ѳ. В., насм. надъ нимъ
 290.
 Бунина Ек. Ав., въ замуж. Про-
 тасова 56.
 Буоль, гр., австр. госуд. министръ,
 его нота 018.
 Бурлюкъ сел. 0159. 0162.
 Бутурлинъ, русск. мин.: въ Римѣ
 18.
 Бутурлинъ, Серг. Петр., ген.-
 кварт. въ вост. войну, его характе-
 ристика 038. 051. перепр. чер. Ду-

- най 070. 076. 083. разговоръ съ Пасков. 087. 088; 0112. 0113. 0125. 0126. 0141.
- Бухмейеръ, ген.-л., начал. инженер. въ вост. войну 0108. 0125.
- Бындой, о-въ на Дунаѣ 041. 068. 069. 074.
- Бырладъ, сел. 035. 089. 0139. 0140.
- Бѣлградъ, (миръ) 09. 010.
- Бѣлевъ, гор. 56.
- * * *
- Валахи, ихъ преданность Россіи и церкви, 052; волонтеры 060; 0104.
- Валевскій гр., нота, 018.
- Валуевъ П. С., 20; его болѣзнь, 22. (45) (106) (112). 274—275.
- Вальтеръ Скоттъ, его романы, 229, 231, 232.
- Вандамъ, фр. генералъ, его плѣнь, 136—137.
- Варна, кр. 080, 0103, 0117 — 0122. холера 0136; 0137. 0148—0150. 0207.
- Варнекъ, живоп. 290.
- Варпаховскій, капит. лейт. участв. въ вост. войнѣ, 029.
- Варшава, гор., 142, 177, 248, 250, 258. 261—264. 266. 276, 277, мятежъ 286, 020—023, 034, 036, 063, 069, 073, 078, 083, 084, 086, 088, 0115, 0116, 0129. 0164.
- Васильевъ, Ал. Ив., мин., фин., его оппоз., въ Сенатъ 4, 26, 72, 81, 95, 97, 112.
- Васильчикова, Вѣра П., княг., родств. гр. Ѳ. В. Раstopч., отъ его о ней, 54, 60, 61, 76, 81, 83, 94, 99.
- Васильчиковъ, Илар. Вас. своякъ гр. Ѳ. В. Раstopчина, 20, 31, дѣла его полка, 54, 60, 61, 76, 99; членъ ком. 6 дек. 1826 года 158; предсѣд. ком. 1839 г. 178; предсѣд. ком. 1840 г. 183, 185.
- Васлуй, сел., 0140.
- Ватерлоо (сраж.) 0198.
- Веллингтонъ, герц. 276.
- Венгрія, мятежъ, 021, 037, 074; 0147.
- Верещагинъ, его насильств. смерть, 77.
- Vergennes, франц. мин., 51.
- Веселитскій, ген.-лейт., участв. въ вост. войнѣ, 070; заказ. колоколь, 076, 077; 095, 098, 0111.
- Виддинъ, крѣп., 026, 037, 046, 057, 058, 0117, 0119, 0121.
- Викторія, корол. англ., 019.
- Вилла-Медина, гр., анекд. о немъ, 233—234.
- Вильсъ, придв. хирургъ, 141, 142, 143, 273.
- Вильбоа ген.-м., уч. въ кр. войнѣ 0200.
- Вильнёвъ, марк., фр. посл. въ Конст., 09—010.
- Виццегероде, ген.-адъют., поѣздка его въ Финл., 15, 87, 108.
- Виртембергскій герц., ген.-анш. русск. службы, 118—119, бѣлорусск. военный губ., 155.
- Виртембергскій курф., 105. 108.
- Витвортъ, Англ. посл., отзывъ о немъ, 42.
- Витгенштейнъ, нач. корп. въ войнѣ 1812 г. 117; журналъ его дѣйствій, 022.
- Виттъ, графиня (рожд. граф. Потockая), 287.
- Водолуй-Исаакчи, сел. 0138.
- Воейковъ, писат., 279.
- Волкова, Маргар. Алекс., 36, 279.
- Волконскій, кн., Дм., генер.-интенд., 74. 80. 82.
- Волконскій, кн. Петръ Мих.,

- адъют. Ал. I, 15, (67), 142, 144, 273.
- Волконскій, кн. (закн), 24; служилъ при Цициковѣ въ Грузіи, 27, 32, 64, 70, 71, 72, 93, 96.
- Вологда и Вологодская губ., 197, 268.
- Волынская губ. 017, 0142.
- Вольмаръ, гор., его видъ, 126.
- Вольтеръ, его отв. объ Англіи, 15; 217; его замѣч. о фр. языкѣ, 223; 235.
- Воронежъ, гор., 11, 12, 23, 54, 79, 97.
- Вороново, низвіе гр. Растопч., 26, 28, 36, 39, 40, 41, 47, 52, 53, 55, 58, 62, 94, 111; памятникъ Циц. 113.
- Воронцовъ, гр. Ал. Ром., госуд. канцлеръ, 22, (24), 31, (37), (38), (41), 51, 67; его болѣзнь, 78, 85, 87, 88, 102; смерть, 104.
- Воронцовъ, кн. Мих. Сем., фельдмарш., въ Грузіи, 2, (6); 36; 39, 43, 65, 67, 75, 85, 86, 88; его болѣзнь, 91, 93, 94. (0207).
- Врангель, ген., уч. въ кр. войнѣ 0227, 0228.
- Вроченко, мин. фин. при Николаѣ Павл., чл. ком. 1848 г. 194.
- Всесвятское, село. 96.
- Вуншъ, ген.-м., его статья 0155. 0156. 0161—0162.
- Вьельгорскій Мих., гр., его разсѣян. 292.
- Выборгъ, крѣп. 257.
- Вяземскій, кн. Андр. Ив., тесть Н. М. Карамзина, 31.
- Вяземскій, кн. Петръ Андр. (последс. къ зап. Пушк.), 215.
- Вязмитиновъ С. К., 80.
- Вятская губ., 197.
- Гагарина, Пр. Юрьевна, кн. 26—27.
- Гагаринъ, кн. Пв. Пв. его дуэль, 95. 98. 143.
- Гагаринъ, кн. Серг. Серг., 95. (126).
- Галацъ, гор., 028, 035, 060, 062, 065, 067, 069, 073, 074, 0109, 0137.
- Галиполи, гавань, 0103, 0117, 0120, 0448, 0176.
- Гальяни, г-жа, рожд. Свѣчина, 141.
- Гамеленъ, фр. адмир., 0119, 0120, осм. берега 0148, 0149: 0150, 0169.
- Гамъ, крѣп., 07.
- Гангъ, р., 06.
- Ганжа, крѣп., 5. 33, 35, 37, 70.
- Ганза, 12.
- Ганноверъ, курф., 12, 66, 67, 106.
- Гарванъ, сел., 067, 073.
- Гарнеренъ, воздухоплав. въ Москвѣ, 14, 26.
- Гассанъ-Гаки-паша, предв. тур. войскъ въ вост. войну, 0123, 0128.
- Гатчина гор. 289.
- Гафизъ-Ахмедъ-паша, іерус. губерн., 014.
- Гедеонова, Татьяна, рожд. Талызина, жена тульск. губ., 57.
- Гедеоновъ, тульскій губ., 57.
- Гейсмаръ, ген.-адъют., его побѣда надъ Турк., 025, 044.
- Геническъ, гор. 0210.
- Генрихъ IV, кор. фр., 252.
- Генуя, гор., 71.
- Генуэзскій фортъ 0150, 0151.
- Георгиевская балка 0230, 0236.
- Георгиевская крѣп., 39, 93.
- Георгиевскій монаст. въ Крыму, 144.
- Георгиевскъ, гор., 8, 51, 60, 65, 90.
- Георгій, груз. царь, 11.
- Герать, провинц., 06.

- Германія, 105, 106, 126, 132, 133, 179, 209, 247.
- Герсевановъ волк., уч. въ кр. войскъ 0215.
- Гжатскъ, гор., 98, 101, 247.
- Гибралтаръ, крѣп. 35.
- Гика, кн., молд. господарь, 025, 035; удал. изъ княж., 043.
- Гирсовъ, сел., 065, 967, 074, 079, 080, 081.
- Гирсъ, директ. канц. русск. конс. въ Яссахъ, 043.
- Глазенапъ, 64; награж. 70.
- Гнейзена у, ген., его портр., 134.
- Гнядичъ, 217.
- Гобъ-Гузъ, англ. писат. 275.
- Голенцы-Комано, сел., 049, 057.
- Голяковъ, историкъ Петра I, 226.
- Голицына, кн., родств. О. В. Рас-топч., отзывъ его о ней, 54, 89, 98, 101.
- Г. (олицыня?), кн., 141, 143.
- Голицыня, Алекс. (рыжій) 262, (264, 265)
- Голицыня, кн. Александръ Ник., его дѣят. въ Сенатѣ, 23—24; 183.
- Голицыня, кн., (Бор. Вл.) его ухажиив. за доч. гр. Орлова, 34.
- Голицыня, кн., его приступъ къ Хотину, 70.
- Голицыня кн. Д. В. моск. ген.-губ. 280.
- Голицыня, кн., флиг. - адъют. въ свитѣ посла Меншикова, 012.
- Голицыня, кн., юнкеръ, уч. въ вост. войскъ 0102.
- Голкаръ, султ. нид., 94.
- Голландія, 12, 14.
- Головина, граф., 36, (283—284), ея разск. о Ек. Вел. 285—288.
- Головинъ гр. Н. Н. 4—5, 13, 15, 41, 47, 52, 59, —61, 73, 74, 83, 84, 89—90, 97, 99, 101, 104, 107. (команд. полка 287, 288).
- Головкинъ, гр. Юрій Алек-сандр., 89.
- Голме (мал. и больш.), острова, 0103, 0110.
- Гольди, англ. ген., уб. подъ Се-васт. 0204.
- Гомель, гор. 089. 0115.
- Горичъ, его находка, 24.
- Горцы, 39, 75, 06, 027, 064.
- Горчаковъ, кн. Мих. Дм., на-мѣстн. въ Польшѣ, 02; нач. русск. войскъ въ вост. войну, его свойства, 020 — 024., его дѣй-ствія, 025, 029, 030., перв. не-уд. 031—032; донос. о необх. перем. формы, 033—034; его без-дѣйств., 035 — 036; его жизнь въ Букарестѣ, 040; 041, 043; балъ, 044; 045, 052; заб. о гос-пит. 054—55; 056—058; пись-мо Николая, 059; формирровка батальон. волонт. 060; споры съ Шильдеромъ, 063; прибытіе въ Бранловъ, 065—066; назначеніе другаго главноком., 069, 073; движеніе къ Мачину, 074; сочи-н. солд. пѣсни, 076; донесеніе о переправѣ, 077; награда отъ Ни-колая, 078, 079; отст. Турокъ, 080; снова перѣш., 081; нач. штаба, 088, 093, 096, 0101,—0103, 0106; снова нач. безъ Пас-кев. 0107; назнач. приступъ 0109; отиѣна, 0110; 0111—0112; за-прещаетъ перевозку Болгаръ 0113, 0114, 0115; снятіе осады Силистріи, 0122., недов. ходомъ войны, 0123; личн. началн., 0124; комит. отступл., 0125; стычки съ Турк., 0126, 0127—0128; 0129, 0130; его рѣчь пред. отступл. Русскихъ, 0131; 0133, 0135—0137., его заботл. о вой-скѣ 0138; 0140, 0142, 0146, 0154, 0161, 0167, назнач. въ Крымъ 0178; 0181, 0184, 0214, 0216—0219, 0221, 0226, 0227, приб. въ Крымъ 0232, встрѣча

- съ Меньш. 0234, обраш. къ войск. 0235; 0236, вылазки 0237—0238; 0239, 0241.
- Горчаковъ кн. П. Д. ген. отъ инж., уч. въ Кр. войнѣ 0194, 0202—0205.
- Горюшкинъ, помѣщ., случай съ нимъ, 54—55.
- Готерндъ Бульонскій, рыц., его гробъ, 09.
- Гошманъ, ст.-секр., чл. ком. 1848 года 194.
- Грабовскій, Полякъ 248.
- Греки, 106, 07, 012, 013, 015; волонтеры, 060—62, 070, 075, 0104, 0122.
- Греція, 62, 275, 062, 0119, 0120.
- Гродно, гор., 36.
- Гротенгельмъ, ген.-лейт., уч. въ вост. войнѣ, 099.
- Грушецкій, стихи на его смерть, 79.
- Гудовичъ, гр., 68.
- Гуляковъ, ген.-майоръ. 33, 36, 74.
- Гунио, сел., 055, 057.
- Гурія, 028, 029.
- Гурьевъ, гр. Дм. Ал., товар. министр и министръ финансовъ 4.
- Гуссейнъ-паша, коменд. Силистрии, 0103.
- Густавъ IV, кор. Шв., 15, (79) (87, 92)
- Гюго Викторъ, романистъ, 237—238.
- * *
- Даву, марш. 130.
- Давыдовъ Д. В. партиз. 257, 262, 283.
- Давыдовы, князья Кахетинскіе 1.
- Дагестанъ, 027.
- Данненбергъ, ген., участв. въ вост. войнѣ 012. 030. 031. 051. 052, 0123, приб. въ Севастополь 0193. его плачь 0194 — 0195, 0196—0197, 0200, 0201, 0205, 0223.
- Дарданеллы, прол. 014, 019, 020, 027, 0117.
- Дашкова Ек. Ром., книг., ее отъѣзды о гр. Ф. В. Растропчинѣ 37, 49, ее бюсты 123; 261.
- Дашковъ, Пав. Мих. кн., предвод. двора. 37, 95, 260.
- Девно, укр. 0118.
- Деламаршъ, граф., небоч. дочь кор. Прусс. Фридриха Вильг. 135.
- Делинъ, пр., его отъѣзды о Екат. Вел. 242.
- Дельво, полк., уч. въ вост. войнѣ 0132.
- Демидовъ, П. Г. его нежертв. 17.
- Державина жена поэта 292—293.
- Державинъ Г. Р. (его дѣйствія въ Сенатѣ) 4, 7, предан. его В. Зубову 11, его обраш. съ просит. 16; 23, 29, стихи на него 35; 217, сужд. о немъ 221, 222, 224, 243, 288, анекд. о немъ 292—293.
- Дерптъ, гор. 124, 125.
- Дибичъ-Забалканскій, гр. ф. его письма о послѣд. дн. имп. Алек. I, 142, (чл. комм. 6 Дек. 158) 021, 022. его властолюб. 023, 024.
- Дидро, фр. ученый 37, разгов. съ Ек. II-й 252.
- Дикъ, подполк., участв. въ вост. войнѣ 0101.
- Динабургъ, гор. (проектъ дворянства этого уѣзда объ осв. кр.) 155—157, 0221.
- Дмитріевъ, Н. Н. 217, его стихи 239—240; 254, 256, разгов. съ свящ. 269—270; 271.
- Добриндоръ, сел. 048. 049.
- Добруджа, сел. 080, 0137, 0148.
- Долгорукая книг. 287.

- Долгорукий Илья, кн., адъют. Аракч. 277.
 Долгорукий Петръ, кн. ген.-адм., его дуэль и рана 15; 20, орденъ 102, его остроги 247.
 Долгоруковъ кн. Юр. Вл. 279.
 Долгоруковъ-Крымскій, 227.
 Долгоруковъ Я. Ф., его біографіи 226—227.
 Долгорукой, зять А. И. Васильева, его отправл. въ Вѣну 72; 80.
 Доктуровъ, ген. 118.
 Дрезденъ, гор. 32, 53, 73, 74, 76, 83, 84, 89, 135, карт. галлерей 136, 034.
 Друцкой-Соколинскій, кн., См. предв. дворян., его записка о кр. реф. 196, 204—207.
 Дубенскій, ген.-м., участв. въ вост. войнѣ. смерт. рана 071.
 Дубно, мѣст. 268—269.
 Дундасъ (I. Melville) 94. адм. авгл. вѣск. 019, 0150, 0169.
 Дцминканъ, аулъ 84.
 * * *
 Евпаторія, гор., 0135, 0147, 0149—0151, 0166, 0181, 0184, 0185, 0241. 0212, 0222, 0226, 0228—0230, 0235.
 Египетъ, 12, 62, 87, 89.
 Екатерина I, 228.
 Екатерина II, имп., 2, 43, 50, 83, 114, 191; ея вѣкъ, 217, 218; письма къ Долгор.-Крымскому, 227; 238., отъ принца де Лия 242; 243, разговоръ съ Дидро, 252; 263, 267, 276, анекд. о ней 283—284, путеш. 285; 286, 288—289, 295, 0192.
 Екатерина Павловна вел. княг. разгов. съ Нелед. 269, объѣдъ у нея 276.
 Екатеринославъ и Екатер. губ. 0181, 0208, 0211, 0216.
 Влени св. о-въ, 07.
 Елизавета англ., 217.
 Елизавета, жена Филиппа IV, 233—234.
 Елизавета Алексѣевна, импер. 131, 141—144.
 Елизавета, импер. 123; стихи о ней Ломоносова. 242—243, 246.
 Бигіенскій герц. его казнѣ, 49, 51, 59, 62.
 Ениколь гор. 0210.
 Еривань, взятіе ея, 64, 69, 71, 94, 98.
 Ермоловъ, А. П., 113, 252, отп. къ кн. Менш. 278; 0233.
 Еропкинъ, смерть его, 85.
 Ефремовъ, гор., 52, 96.
 * * *
 Жабокритскій, ген.-м., уч. въ кр. войнѣ 0171.
 Желавы, сел. 0131, 0132.
 Желтухинъ, адъют., 108.
 Жерамба, бар., авантюр. 261.
 Жеребково, сел., 082.
 Жигмонтъ, ген.-майоръ, уч. въ дѣлѣ при Четати, 047.
 Жуковскій, Вас. Андр., поэтъ, 217, 017.
 Жуліанъ, 84.
 Журжа, сел., 029, 041, 054, 064, 0122—0124, 0128, 0227.
 * * *
 Завадовскій, П. В., гр. мн. нар. просв. при Алекс. I, 17—18, 25, 43, 95, 97, 112.
 Загоскинъ, М. Н., писатель, 251.
 Загоскинъ полк., уч. въ кр. войнѣ 0200.
 Заіончекъ, княг., ея вечера 259.
 Закавказье, 1, 3, 38.
 Затлеръ, ген.-интенд. русскихъ войскъ въ вост. войну, его характер. 038, 072, 082, 0125, 0144, 0216, его записки 0217—0218.

- Зиновьева, Варв. Мих., ея бо-
 лѣзнь, 12,—1913.
 Зиновьевъ, Вас. Ник., другъ кн.
 Циціан. 13, 19; женитьба 31,
 40, 46, 69.
 Зивиное, укр., 090. 091. 0103.
 Зивиные о-ва 0150.
 Зотовъ, гр., 20.
 Зубова, гр., ссора изъ за нея, 15.
 Зубовъ, Вал., гр. 2, 11; мл. къ
 нему Ал. I, 20, 27., смерть его,
 53—54.
 Зубовъ, Ник., гр. 20, 80.
 Зубовъ, Плат., кн. 20; смерть
 брата, 53.
 Зуровъ, подполк., участв. въ вост.
 войнѣ, 079.
- **
- Игревъ, Вас. Ник., 12.
 Измайловъ, баснописецъ, замѣч.
 о немъ, 222.
 Измайловъ, раз. помѣщикъ-са-
 моуправецъ, 231.
 Измаилъ, крѣп., 35, 028, 059,
 065, 066, 071, 078, 082, 0116,
 0137, 0148.
 Измаилъ-паша, тур. сераскиръ,
 0118; его отчаяніе, 0119.
 Имеретія, 8, 22, 43, 64, 028.
 Индія (англ.), 05, 06.
 Индостанъ, 49, планы завоев.
 его, 62, 94, 96.
 Индъ, р., 06.
 Инкерманъ, (сраж.) 0199, 0202,
 0203, 0222, 0226, 0230.
 Иннокентій, арх., столкн. съ кн.
 Меншик. 0173—0174.
 Ирландія, 179.
 Исакия, крѣп., 029, 072, 0142.
 Исленьевъ, сосѣдъ, гр. Ф. В.
 Растопч. по деревнѣ, 28.
 Испанія и Испанцы, 229, 233,
 276.
 Истоминонъ, контръ-адм., его смерть
 0236.
- Италія, 12, 62, 67, 87, 92, 108,
 132, 179, 229. 033.
- **
- Іерусалимъ, гор., 08, 011.
 Іоанникій Савинъ, іером. (уч.
 въ вылазкѣ) 0237—0238.
 Іоническіе о-ва, 97, 108.
 Іоркъ, ген., его портр., 134.
- **
- Каверинъ, его ссора въ кн. Кир.
 Баграт., 81.
 Кавказская ливія, 2.
 Кавказъ, 17, 238, 02, 05, 06.,
 027, 064.
 Кадькійой, сел. 0177, 0186, 0190,
 0192.
 Казанская губ., 197.
 Казань гор. 272, 288, 0221.
 Казацкая бухта, 0177.
 Кайсаровъ, переводч. при Юнгъ
 100.
 Каларашъ, укр., 054, 065, 080,
 084—086. 088—091, 096. 099,
 0106—0109, 0111, 0114, 0115,
 0144.
 Калафатъ, укр., 026. 037. 044—
 046. 048. 049, 052, 055—059,
 0117, 0119.
 Калопетри, сел., 0105, 0106.
 Калуга, гор., 56, 78, 96.
 Калькутта, гор. 06.
 Каменскій, гр., фельдм., 79.
 Каменскій, гр. Н. М. разгов.
 съ гр. Ланжер., 255.
 Кампенгаузенъ, 40.
 Камчатка 281.
 Камышева бухта 0169, 0176,
 0177, 0182, 0220.
 Канингъ Стафд., диплом. 274,
 275, его рассказы 276.
 Канроберъ, марш., въ вост.
 войнѣ, 0120, 0121, его качества,
 1030; осм. берега 0149, 0174,
 0175—0176, нервшит. его въ

- кр. войскъ 0179, рана 0204; 0206
0235.
- Каракуль, сел. 099, 0101.
- Карамзина, Авр. Карл., жена
Андрея Карамз, стар. выручить,
тѣло мужа. 0102.
- Карамзинъ, Андрей полк., его
неудача и гибель 0100—0102.
- Карамзинъ, Ник. Мих., истор.,
его вторая женитьба, 31, упом.
въ зап. Пушк., 215, 217, 223.,
случай съ нимъ, 253—254, 258;
отнош. къ гр. Ф. В. Ростопч. 282—
283, 290.
- Карантинный фортъ въ Севаст.
0187.
- Караны, сел. 0177.
- Карасу-базаръ, сел. 0213, 0235.
- Каринъ, стихотв., 239.
- Карлъ XII, кор. шв., 79.
- Карсъ, крѣп., 027, 086.
- Каръ, ген., 96.
- Катинъ, марш., 234.
- Каткартъ англ., ген., убитъ подъ
Севаст., 0204
- Кафтыревы, братья, просьбы о
нихъ къ Циціанову, 61.
- Каховка сел., 0217.
- Кача, р. 0150, 0155, 0159, 0164,
0174, 0240.
- Кембридскій герц., уч. въ кр.
войскъ. 0150, 0165, 0176.
- Кенигсбергъ, гор., его характ.,
128—130.
- Керчь, гор., 0166, 0174, 0210,
0213.
- Кизляръ, гор., 64.
- Килимъ, -билга 0177, 0196, —
0199, 0201, 0230, 0236.
- Килия, крѣп., 287, 288, 0116.
- Кирьяковъ ген., лейт. уч., въ кр.,
войскъ (его статья) 0160—0161.
0163, 0164, 0169, 0170.
- Кишинскій, ген. м. уч. въ кр.
войскъ 0200. 0203.
- Киселевъ, ген., его проигр., 29.
- Киселевъ, гр. Пав. Дм. чл. Ком.
1839 г. по крестьянск. дѣл., 178,
179, 180, 181. чл. Ком., 1840
г., 183, 184, чл. Ком., 1848, г.,
194.
- Киселевъ, Ф. И., его острога,
256.
- Китай, 89.
- Кишеневъ, гор., 040, 0133, 0137,
0142, 0154, 0166, 0184, 0191,
0216, 0217, 0232, 0233, 0239,
0241.
- Кіевская губ., и Кіевъ 035,
073, 0142, 0221.
- Клари, принцъ, влад. Теллица,
139.
- Клейстъ, ген., его портр., 134,
137.
- Клюфель, его записка на импер.,
сеймъ, 49.
- Кноррингъ, ген.-лейт., правит.,
Закавказ. при Ал. 1-мъ 3, 10, 20,
33—34, 64., отъимъ о немъ въ
Грузіи, 67, 110.
- Князевъ, отст. бригад., тульск.,
помѣщ., отъ. о немъ Ф. В. Ростопч.
57.
- Кобенцель, министръ 87, 99, его
разсѣяніи. 284—285.
- Ковалинскій, д. с. с., управл.
гражд. частью Кавк. края при Ал.
1-мъ 3, 11, 12, 20, отъ. о немъ
въ Грузіи, 67.
- Кодрингтонъ ген., уч. въ оса-
дѣ Севаст. 0199.
- Козельскъ, гор., 78.
- Козловскій, кн., при Циціан. въ
Грузіи, 65.
- Козодавлевъ, мин. внутр. дѣл.,
20, 251.
- Кованъ, 05.
- Кожошкннъ, переводч. Мизантропа
279, 280.
- Колннъ-Кемпбелъ, англ. ген., уч.
въ кр. войскъ 0176.

- Кологривовъ, Андрей, ин-спект., 27, 54.
 Колоча р. 0158.
 Колумбетъ-Али сел. 0159.
 Колхидя, 43.
 Колмчевъ, Ст. А. л., посл. въ Шв., 18, отпр. въ Англию, 53.
 Кольбертъ, фр. мин., 239.
 Комаровскій, гр., ген.-адъют., 18, 20, (81).
 Комары, сел. 1090, 0205.
 Константиновскій фортъ 0187.
 Константиноградъ, 16.
 Константинъ Павловичъ, вел. кн., 122, нерасполож. къ нему Намцевъ 129; присяга ему 142, 144, мнѣніе его о крестьянск. реф. 176—177, 250—252, 262 264—266, 271 277, 278, 286.
 Конфуцій, кит. филос. 227.
 Копытковскій, 90.
 Корниловъ, вице-адм. ген.-адъют. наход. въ свит. Менш. 012, 0167, 0168, смерть его 0187—0188, 0238.
 Корсаковъ, 6; его ссора съ Беклеш., 54, 72, 96.
 Корсаковъ, Александръ Як., 79.
 Корфъ, гр. М. А., чл. ком. 1840 г. 183.
 Корфъ баронъ (уч. съ кр. войск., 0185)
 Костанда, полк. артил., уч. въ вост. войск., 097, 098.
 Кострома, гор., 44.
 Косцюшко, польскій вождь, при арміи Бонапарта, 104.
 Кохъ, писат., 040.
 Кочубей, Викт. Павл. кн., мин. внутр. дѣл. при Ал. I, 7; его статист. таблицы, 16, 29, 37—38, 39—41, письмо его 43., недок. имъ, 51, 57, 66, его проекты, 72, 92, 95, 100, предс. Ком. 6 дек. 1826 г. 158.
 Коцебу, ген.-адъют. рус. войскъ въ вост. войск., его характ., 038 переправа черезъ Дунай, 070, 093, 0106, 0112, 0113, 0125, 0126, 0136, 0141, кр. война 0153, 0232, 0239.
 Краіово, сел., 025, 044, 045, 054, 099, 0101, 0139.
 Крафтъ, дом. врачъ гр. Ф. В. Растопч. 10, 22, 30, его болѣзнь 38; смерть его 39; его семья 40, 46, 51, 53, 58.
 Кротковъ, помѣщ., 222.
 Крыловъ, И. И. 217, 222, его комедіи. 223 отз. Блудова и фр. критика о его басняхъ 251, его эпиграмма 290; 0207.
 Кубань, р., 027.
 Кульмъ, сел., 137.
 Кунавино, сел., 27.
 Куперъ, романистъ, 231—232.
 Куракинъ, зн., Ал. Бор. 12, поѣздка за границу 32, 137.
 Куракинъ, кн., А-й Бор. пред. Госуд. Совѣта, 23. 24. 66. 68. его мнѣніе, 171—172, 177; чл. ком. 1846 г. 185, 194.
 Курляндія, 126, 155.
 Курута, генер. 262, 265, 278.
 Кутузовъ-Смоленскій, кн. М. Иллар., фельдм., 77, 99, 101, 102; пораж. при Аустерл., 103, 105; жел. отставки, 108; разгов. съ Растопч., 117—118, 119; его портреты, 134; преслѣд. Фр., 246; отзономъ 247; 03, 025, 0124. сравн. съ Меншик. 0157—0159.
 Кюнтеугакъ (Каптугай) дер. 0151.
 Кюстенджик. сел. 081.
 Лабзинъ, въ адм. колл. 78.
 Лавальеръ, г-жа 233.
 Лазаревъ, ген., убитъ на Кавк. 11, 14, 18, 27.

- Лазаревъ Ив. Іоак., его объѣды 280.
- Лазикъ, озеро 0229.
- Лакуръ, фр. посл. въ Конст. 015.
- Ламетъ Ал., ген., его записки 237.
- Ланжеронъ, гр., его разсѣяность 254—256.
- Ланской, д. т. с., его кнѣгіе о кр. реф. 175, 176.
- Лафайеттъ, ген. 237.
- Лафонтенъ, басноп. 271.
- Левашевъ, Москвичъ 270.
- Левашовъ, гр., Вас. Вас. чл. ком. 1839 по кр. дѣл. 178, чл. ком. 1840 года 183, чл. ком. 1848 г. 194.
- Левницкій, варш. коменд. 265.
- Лептъ, логофетъ, въ его домѣ въ Бухар. жилъ кн. Горчаковъ, 025.
- Лейонсъ, контръ-адм., уч. въ кр. войнѣ 0149, 0150.
- Ленотръ, архитект. 122.
- Леово, сел. 025, 0140.
- Ливенъ, гр., ген.-адъют., сопров. Александра I въ Финл. 15, 24, 26, 80, 110.
- Ливны, гор. 19, 23.
- Лидерсъ, гр. Александръ Никол., ген.-адъют., уч. въ вост. в. 19, 041, 066, 067., перепр. на Дунай 069, 073, 077, 079—080, 081, 082., подъ Силистр. 084—085, 088, 090, 091, 0114, 0115, 0137, прин. команду 0232, его характ. 0233, 0234.
- Липецкъ, гор., его воды 54, 94.
- Лираиди П. П., ген.-адъют., нач. див. въ вост. в. 045, 056, 059, 099; его неуд. 0100, 0101, 0127, 0131, 0153, прибыт. въ Крымъ 0185, 0189, его дѣйствія 0190, награда 0191, 0193, 0199, ннкерн. сраж. 0203—0206.
- Литвинова, дочь кн. Репнина и Н. Н. Нелединской, ея исторія, 66.
- Литвиновъ, ст. сов., назнач. секрет. къ Цип. 66.
- Литляндія и Литляндцы, ихъ письма имп. Ал-дру I, 10, 124, 126, 155.
- Лихачовъ (коннозав.) 17.
- Лобановъ - Ростовскій, ин., флиг.-адъют., зять Паск. Эрив. 089, болѣзнь его, 090, (286?)
- Лома, р. 0123.
- Ломе ни, гр. де—, его записки 232 233.
- Ломоносовъ, Мих. Вас., поэтъ 1., его стихи, 234, 240, 245, его біопр. 246.
- Лонгинова, Марья Александр., жена секр. имп. Елиз. Алексѣевны, 143.
- Лонгиновъ, Николай Мих., секр. имп. Елиз. Ал. 143.
- Лопухина, книг. 55.
- Лопухинъ, Ардалионъ, 34.
- Лопухинъ, губ. кал., его исторія 11—12, 24, 78.
- Лопухинъ, кн. 37, 41. (55, 72) 78, 88.
- Лубенскій, уездъ (Полт. губ.) 02.
- Лубинскій, ген. (Полякъ) 259.
- Луве, мнн. фин. Луд. XIV, 75.
- Лудовикъ XIV, кор. фр. 75. 122, 132, 219, 226, 232. 233.
- Лудовикъ XVI, кор. фр. 266.
- Лукулъ, мысъ 0158.
- Лурмель, фр. ген., уч. въ осадѣ Севаст. 0202, 0204.
- Лутовинновъ, Ив. Ив., тульск. помѣщ. скрага, 57.
- Львовъ, 16.
- Львовъ, Алар. Лавр., калужск. губ. 56.
- Львовъ, Алексѣй Фед., ген.-майоръ, управл. прив. канцелям 078.

Любомирскій Марці., графъ, его исторія 268—269.

* * *

Магдебургъ, гор. 111.

Магницкій, анекд. о немъ 268.

Мадвейсъ, г-жа, ея ненависть къ Франц. 129.

Мадвейсъ, кенигсб. директоръ почтъ 129.

Мадловиты, сел. 055—057.

Мадрасъ, гор. 06.

Мадридъ, гор. 233.

Мазарини, кард., сравн. его съ Меншик. 228, 233.

Маканъ, о-въ на Дунаѣ 041, 0123.

Макаровъ, каб.-секр. при Петрѣ Вел. 170.

Малаховъ, курганъ 0176, 0186, 0187, 0235.

Малиновскій А. Ѡ., его проектъ кр. реф. 150—151.

Малороссія, 68, 036.

Мальта, о-въ 67, 97, 019.

Мальцовъ, его машины 19.

Мамоновъ, Алекс. Матв. гр., его смерть 31.

Манганари, кап.-лейт., его карта 0151.

Манзони А, итал. писат. 228 — 231.

Манто, полк., уч. въ кр. войнѣ 0172, 0173.

Мантуа, гор. 70.

Маре-Домняско, сел. 0132, 0133.

Мариенвердеръ, гор. 133.

Мариуполь гор. 0211.

Марія, цар. Грузин., ея арестъ и ссылка 11, 18.

Марія Павловна, велик. кн., ея сговоръ 34.

Марія Федоровна, вдовств. имп., 92, получ. извѣстіе о см. Алек. I-го 144, 291, 296.

Марковъ Арк. Ив., гр., рус. посоль въ Парижѣ 31, 32, 47,

его гордость 51, 92, 102, разговоръ съ Н. Б. Юсуповымъ 252, посл. въ Стокгольмъ 282, обвин. въ подкупъ 294.

Марковъ, Ир. Ив. гр. 86. отзывъ Ѡ. В. Растопчина 279.

Маркусъ, д-ръ 280.

Масловъ Ник. Ив., его смерть 31.

Массена, марш. 106, 108.

Мачинъ, крѣп. 041, 066, 067; 072 — 074, занятіе 075 — 077, 079.

Мая-Катаржилуй, сел. 0114, 0115, 0124, 0125.

Мезенцовъ, гв. пор., адъют. Менш. 0166.

Мекензіева гора, 0160, 0169, 0183.

Мекка, гор. 8, 86, 89, 91 — 95, 97—101, 107, 113.

Melville, лордъ 94.

Мелитополь, гор. 0166.

Мемель, гор., его характер. 127, 133.

Меншиковъ, А. Д., кн., генер.-адм., чл. ком. по кр. дѣл. въ 39-году 178, 181—183, чл. ком. 40-го г. 183, его биограф. 227, сравнен. съ Мазарини 228, его остроумъ 238, посоль въ Турц.; 278; 011, его ошибки 012 — 013, 015, уѣзж. изъ Конст. 016; 017—019, его записка 0135—0136, 0137, осада Севаст. 0150, бездѣйств. 0152—0156; 0158—0160—0164; 0165—0172; случай съ Ишюк. 0173.—0174, 0178—0180, отступл. 0183; 0184, 0185, письмо Николая Павл. 0185, 0187, 0189 — 0193, диспозиціи 0194—0196, 0207, 0208, ошибки 0209, 0210, 0212 — 0219, 0221, 0223, 0224, 0226, 0227, 0230, болѣзнь и увольненіе 0231—0232, 0234, 0239.

- Мейшиковъ, кн., отнош. къ Ер-
 молову 278.
 Мерзляковъ проф. 279.
 Мехмедъ-Али-Паша, велик. виз.
 012, 013, 015, 016.
 Меттернихъ, австр. мин. 295.
 Мехмедъ-Али, бей египет. 12.
 Мещерскій, П. Л. Ст. кн., слу-
 чай съ Екат. Вел. 288—289,
 анекд. о немъ 289.
 Миланъ, гор. 87.
 Миллеръ, професс. акад. 245.
 Millot, аббатъ, его снош. съ гр.
 О. В. Раст. 13.
 Милорадовичъ, гр., ген. 119,
 Петерб. ген.-губ. 143, 144, ост-
 рота надъ нимъ гр. Данжерона
 256, 073, (0159), 0224.
 Мильтоновъ, 224.
 Милютинъ, Ник. Ал., сообщ.
 имъ записка 145—208.
 Мингредія, 028.
 Минелли г-жа, учит. музыки 84,
 89.
 Минихъ, Ант., гр. 81, 83, 85.
 Минихъ, Ек. Ант., граф., 34,
 ея страсть къ д'Алонвилю 81,
 83, 85, 90, свадьба 93, 95, 97—
 98.
 Мирабо, гр. (бочка) 237.
 Митава, гор. 126.
 Митьковъ, домовлак. 77.
 Михайлъ, Николаевичъ, в. к.,
 наход. при осадъ Севаст. 0201,
 0239.
 Михайловское, с. 215.
 Михель, придв. вагенм. 264.
 Михельсонъ, ген. 99.
 Моздокъ, гор. 24, 74.
 Молдаване, ихъ предан. Россіи
 и церкви 052, волонтеры 060.
 Моллеръ, ген.-лейт., уч. въ кр.
 войнъ 0194, 0195.
 Молчановъ, П. Ст., его расска-
 зы 289.
 Мольтеръ, 55, 57, 217, замѣч. о
 Мизантр. 220.
 Мордвиновъ, адмир., его проэкты
 кр. реф. 151—152.
 Москва, г. 1—3, 6—12, 14, 17,
 18, 20, 21, 24, 27—29, 32, 34,
 36—38, 40, 41, 45—48, 50,
 53, 54, 56, 59, ея слетни 64,
 66, 69, 70, 74, 75, 77, 78, 80,
 скандалы 81, 82—85, 116—118,
 вступленіе въ нее Франц. 120,
 122, 226, 141, присяга Конст.
 143, 144; 217, 219, 240, 246,
 261, 269, 270, 274, 278—280,
 282, помертв. Болгарамъ 076.
 0157—0159.
 Москва р. 0158.
 Московской, гр., мин. вн. дѣлъ
 въ Польшу 248.
 Моцедей, сел. 045, 047—049.
 Муравьевъ, ст.-секр. его проекты
 осв. кр. 157—158.
 Муромцевъ Ник. Сем., отзыв
 о немъ 47, 74.
 Мусса-Паша, коменд. Силистр.,
 уб. въ вост. войну 0103.
 Мустафа-Паша, вел. виз. 016,
 018, 019.
 Мюрать, пр. 108, (117).
 Мятлевъ Ив. Пет., зять гр. Сал-
 тыкова 24, (47,) 75, 78.
 * *
 Наполеонъ принцъ, уч. въ кр.
 войнъ 0150, 0165, 0200.
 Наполеонъ I, 15, 42 его титу-
 лы 45; разводъ 46, 49, 51; за-
 говоры 53, 59; разр. съ Росс.
 61, 62, 65, 67, 79, 83, его за-
 воев. 87, 92, 96, переговоров. съ
 Росс. 97, 102; бѣтъ Русск. 103
 —105, хотеть поладить съ Росс.
 106, 108, 117, 118, 120, 129;
 его отступл. изъ Росс. 131, 137.
 139, 240, 247, отнош. къ Польшу
 248, 249, 259, 260, 263,

- 274—276, 278, 293—295, 05—06, 0127, 0157, 0158, 0160, 0175, 0192.
- Наполеонъ III, презид. фр. респ. 07, импер. 08, отнош. къ Росс. передъ вост. войн. 09, 013—014, 018, 0117, 0130, 0147, его планы 0148, 0149; 0174—0176, реформа арміи 0234—0235.
- Нарва, гор. 123.
- Нарышкина Нат. Фед., урожд. Растопчина 114.
- Нарышкинъ, дача его 54.
- Нарышкинъ А. Л., его острога 271, 272.
- Нарышкинъ Д. А. 271.
- Нассау, принцъ 67.
- Нахимовъ, адм., истребл. Турец. вѣскары 036, 0188.
- Неаполь, гор. 47.
- Небольсина Авд. Сем., 29—31, ея горе 37, 47, 49, 71, 75, 90, 97.
- Небольсинъ, Вас. Алекс., его болѣзнь, 29—30, 75.
- Небольсинъ Ник. Сем. 49.
- Некрасовцы, ихъ нераспол. къ Россіи 066.
- Нелединская-Мелецкая Наст. Ник. (смерть ея) 5, 66.
- Нелединскій-Мелецкій Ю. А., поэтъ, 5, 92; отзывъ о Душенькѣ 220, 242, (ст.-сокр. Павла I, 269, 272)
- Нелидова, 83.
- Неллендорфъ, гора 136, 137.
- Нельсонъ, англ. адм. 103.
- Непокойчицкій, ген., наход. въ свѣтъ Меншикова 012.
- Нессельроде, гр., канцлеръ 018.
- Нессельроде Дм., гр., смѣхъ канцл., нах. въ свѣтъ Меншикова 012.
- Никитинъ гр., писемт. резерв. навал. 0211.
- Николаевъ, гор. 0234.
- Николай I, импер. 142, (вел. кн.) 143, 144, проектъ освоб. кр. 156—208, 171, 175—177, 183, предсѣд. въ ком. 40-го г. 185, 194, зап. Пушкина, 209—215, стансы Пушк. 216, разгов. съ Пушк. 217, 218, восточн. война 011, 014, 016, 017, 020, запис. Дибича, 024, военн. мѣры 026—027, смотръ въ Варш. 034, записки Пасковича 036—037, 044, недоволен. Аврепомъ 051, письмо къ кн. Горч. 059, батальоны волонтер. 060—061, 065, награды 078, 081, поруч. кн. Орлову 084, отнош. къ Паскев. 086, недоволенъ Паскевичемъ 089; 092, 0110, прис. войска въ Турцію 0115, 0116, письмо къ кн. Горч. 0136, отзывъ войскъ изъ княж. въ Россію 0142, 0143, 0145, 0154, письмо къ Менш. 0185; 0189, награда. Дипранди 0191, 0224, неудовольств. 0230, 0231, 0232.
- Николай Максимиліановичъ кн. 0191.
- Николая св., постъ 029.
- Николай, Николаевичъ, в. к., нах. при осадѣ Севаст. 0201, 0239.
- Николай, монахъ-настоят. 0173—0174.
- Николевъ, стихоть., 44.
- Nikolle аббатъ, рекоменда. гр. Ф. В. Раст-у гувернера 32.
- Никополь, гор. 041, 065.
- Новая, с. (Луб. у Полт. губ.) 02.
- Нилъ, р. 12.
- Нови, 033.
- Новосильцевъ, Дм. Ал., ссоры его съ женой, 41; 74, 81, 83—84, 90, 94, (99,) (100).
- Новосильцевъ, Н. Н., прил. Ал. I, сопровод. Ал. I въ Финл. 15, 88, 96—97, 260, отн. къ

- Поляк. 262 — 264, споръ 265—266.
- Нѣманъ р. 127.
- Нѣмцевичъ, польск. патр. 263.
- * * *
- Обергъ, подполк., его карта 0151.
- Обрѣзковъ, моск. полицейм. 141.
- Одобешти, сел. 0134.
- Озеровъ, д. с. с. 0115.
- Огенинъ (Алекс. Ник.), ст. о немъ Державина 221, (его портретъ 290)
- Олонеккая губ. 197.
- Ольденбургскій, Петръ Георг. пр., чл. комм. 1848 года 194—195.
- Ольга р. 0100.
- Ольтеицы сел. 029, 032, 051, 0114.
- Ольница р. 099, 0100.
- Омеръ-паша, тур. главнок. въ вост. войнѣ 080, 0117 — 0119, 0121, его исторія и качества 0128—0129, заветъ русск. ранен. въ тур. службу 0133; 0146, крым. война 0229, 0230.
- Оранъ 0122.
- Орлова (Анна Алекс.) граф. 20.
- Орловская губ. 56.
- Орловъ (Алекс. Гр. Чесменскій) гр., ухаживающъ за его дочерью 34, 68, 90.
- Орловъ Алекс. Фед. гр. (послѣ князь), чл. комм. 39 года 178, чл. комм. 48 года 194, замѣчаніе Аракчеева 273, разговоръ съ нимъ 274; 083—084.
- Орловъ Гр. Ник. (дв. братъ гр. Орловыхъ) 9, (63) 90.
- Орловъ Ник. Алекс., кн., раненъ въ вост. войну 098.
- Орловъ-Денисовъ, гр., каз. атам. во время вост. войны 038, его характ. 039, 051, 0114, его востугія 0126.
- Остейнъ гр., австр. мин. въ Пб. отъѣздъ о Биронѣ 252—253.
- Остенъ-Сакенъ гр., Д. Е., ген. ад., вызв. изъ Одессы въ Турц. 0115 0116, его донес. Горчакову 0140 посл. въ Крымъ 0222, его характ. 0223—0224, мѣры 0225—0231, 0236.
- Остерманъ гр. вице-канцл., разгов. съ Марк. Паулуччи 249; 283.
- Остерманъ гр., братъ вице и., его разсѣяніи. 292.
- Остерманн графм (братья) 6, 26, 28.
- Острогоскскъ, гор. 31, 54, 94.
- Остроленка, крѣп. 022.
- Отаркіой, дер. 0171.
- Очаковъ кр. . 35, 95.
- Очкинъ т. с., въ свѣтъ Паскевича 083.
- * * *
- Павелъ I. имп. 2, 3, 7, 15, неясн. къ нему 25; 38, 112, 114, 118, анекд. о немъ 227, 272, 273, (вел. кн.) 289, 291, его мысли объ Индіи 05.
- Павловскъ гор. 289.
- Павловъ Ник. Фил., 273, разск. о Кокошкинѣ 280.
- Павловъ, ген. лейт, уч. въ вост. войнѣ 0107, кр., война 0194—0197, 0200, 0203.
- Палермо гор. 102.
- Панина граф. участв. въ эрмитажн. собран. 284.
- Панинъ гр. Никита Петров. 84, 90.
- Панинъ гр. В. Н. мин. юст. чл. комм. 1839 года 178, чл. комм. 1840 года 183.
- Панины гр. Н. и П. Иван. принс. имъ изреченіе 252.
- Панфиловъ адм., 0151.
- Панютинъ ген.-ад., уч. въ Венг. камп. 050.

- Панютинъ, кам. юнк., домашн. секр. кн. Паскевича 083, 0106.
 Парротъ, дерптск. проф. 125.
 Пасванъ-Огду 15. 106.
 Паскевичъ-Эриванскій гр. (кн. Варшавскій) нач. русск. войскъ на Кавказъ 02. въ Польшѣ 034. его перъшит. 036—037; 038. 059—060. назнач. главнок. въ Турц. 069. 073. прїездъ въ Фокшаны 081. распорж. 082. свята 083. разгов. съ кн. Орлов. 084. мнѣніе объ осадѣ Сил. 086—087. шпионы его 088, письмо Николая 089. огорченіе 090; 091—093. 095. 0101.—0103. обзор. Сил. 0105. контузія 0106. уяз. въ Яссы 0107. 0109. письмо къ кн. Горч.—0110. отправл. въ Варшаву 0115; 0129—0130. 0223.
 Патерсонъ, управит. гр. Ф. В. Ра-стопч. 26. 29. 34. 68.
 Паулуччи марк., его записка имп. Николаю 167—168; 249.
 Пекинъ гор. 89.
 Пелисье, фр. ген., уч. въ кр. войнѣ 0235.
 Пера, предмѣстье 07.
 Перекопъ, сел. 0136. 0153. 0155. 0169. 0184. 0210. 0214. 0217. 0229.
 Пермская губ. 197.
 Перовскій гр., Л. А. 120. мин. вн. дѣлъ при Никол. Павл., его зап. о кр. реф. 185—189. 190. чл. комм. 48 года 194. 196.
 Перовскій гр. В. А. (походъ въ Хиву) 05.
 Персія и Персіане 15. 47. 62. 98. 05. 06. 027. 029. 0224.
 Песочная бухта 0177.
 Пестель, ген.-м., симфер. губери., его выѣздъ 0166. 0167.
 Песчаное укр. 090. 091. 0103. 0109.
 Петергофъ, гор. 122. 020.
 Петровъ, писат. его ода на смерть Еках. Вел. 219.
 Петръ I, мин. 9. 16. 31. 50. 78. 99. 124. 169—170. упом. въ зап. Пушкина 210. 221. письма къ Я. Ф. Долгор. 226; 227. отнош. къ Меншик. 228; 232. 246. 267. 02. 0192.
 Пилау, гор. 133.
 Питтъ В., англ. мин. 42. 49. 53. 94. 100. 106. 263.
 Піемонтъ, 0146.
 Платовъ ген., его портреты 134. представленіе Карамзина 283.
 Плетневъ П. А. его письма 217.
 Плятеръ гр. 248.
 Погодинъ сенат., ген.-инт. въ сви-тъ Паскевича 083.
 Подновинское. 274. 275.
 Подольская губ. 017. 073. 082. 0142. 0145.
 Полетика П. И., разгов. съ Чи-чаг. 281.
 Политковскій, стихотв. 238.
 Полторацкій Дм. Марк., его машины 19. 27—29. домъ въ Мос-квѣ 279.
 Польша и Поляки 2. 78. 104. 106. 176. 202. 246. 248. 249. 259. 262. 263. 02. 021. 0224.
 Померанія 87.
 Понятовскій кн., отнош. къ На-пол. I-му 248.
 Поповъ И. В., книгопрод. 120.
 Поповъ ген.-м., бриг. команд., уч. въ вост. войнѣ 097. 098.
 Поповъ, полк., участь въ крым. войнѣ, 0189.
 Портнягинъ, служ. при Цар. въ Грузіи 70.
 Португалія 12.
 Потемкинъ кн. (свѣтлѣйшій) 2. 9. 253. его вечера 287—288.
 Потемкинъ Пав. Серг., кн., правит. Кавк. при Ек. Вел. 10.
 Потоцкая граф. (Виттъ) 287.

Потоцкій гр. Иванъ, поѣздка его въ Китай 89.

Потоцкій Северинъ гр. его оппозиція Севату 4.

Поццо ди Борго, дилл. 274.

Поляны сел. 055, 057.

Праводы сел. 0118.

Прадонъ, франц. драм. пьесат. 234—235.

Прадтъ (диплом.) 276.

Пречистенка ул. 283.

Провансъ, 237.

Протасова А. Ст., тетка граф. Е. П. Растопч. 9, 10, 12, 57, 89, 91.

Протасова Ек. Ае. рожд. Бунина 56.

Протасовъ Алекс., одинъ изъ гуверн. Ал. Павл. 53.

Протасовъ Андр. Ив. дядя граф. Растопч. 56.

Протасовъ Вас. Ив., дядя граф. Растопчиной 22, 56, 57.

Протасовъ, гв. ротм, адъют. кн. Паскевича 0109, 0110.

Пруссаки, ихъ свойства 87, 131, 139.

Пруссія 62, 98, 105, 106, 108, 111, 127, 132, 135, 179, повед. ея во время вост. войны 018; 0221.

Прѣсныя 17.

Псковская губ. 168.

(Пугачевъ Ем., его портреты 65)

Пулава сел. 101.

Путиловъ, издани. имъ Сборн. Извѣстій 047.

Пушкинъ Ал. Мих. разгов. съ ген. У... 249—250. разгов. съ П. С. Валуевымъ 274—275.

Пушкинъ Ал. Серг. 2. его записка о восп. 209—215, послѣств. къ ней 215—218, 236, случай съ нимъ 253, отз. о трагед. Ланжерона 256, 281.

Пушкинъ Вас. Льв. 238, 260, отз. И. И. Дмитр. 270, 271.

* * *

Рагланъ лордъ, англ. главнок. въ вост. войнѣ 0117, 0118, планы войны 0119, его качества 0130. 0149, 0150, 0175, нервшит. 0179, совѣтъ 0206.

Радоманъ, о-въ на Дунаѣ 0122. 0123.

Радости, сел. 0103.

Разумовскій Андр. Кир., гр. 32, (92?) (102?)

Разумовскій Л. К., гр. возмущ. его крест. 68.

Разумовскій гр., А-й К. анекд. съ Дмитривымъ 240.

Расинъ, замѣч. о немъ Шлегеля 234—235, 236.

Растопчина Ек. Петр. граф., ея болѣзнь въ Москвѣ 10; 22. 24—25, 32, 38, 44, 46, ея карта Россіи 47; 51, 52, 54—56, 58, 59, ея занятія 63, 68, 73—74, 76, 77, 81, 84, 89, 91, 97. 98. 100—102, 104, 107, портретъ ея 109; 110—112.

Растопчина Нат. Фед. (въ зам. Нарышкина) 7, 14, 26, 28, 32, 38, 42, 46, 63, 73, 77, 78, 114.

Растопчина Соф. Фед. дочь гр. Ф. В. Р-а 14, 26, 28, 32, 47, 51, 63, 73—74, 77, 78.

Растопчинъ А. Ф., сынъ гр. Ф. В. Р-а 1, 111, 114.

Растопчинъ С. Ф., сынъ гр. Ф. В. Р-а 7, 13, 14, его успѣхи 18, 21, 26, 28, 31, 36, 44, 46, 47, 53, 55, болѣзнь его 58; 59, 61, 63, 73, 77, 107, 120.

Растопчинъ Ф. В. гр., 1, х-ръ его 2, 3, письма къ Циц.: учрежд. вольт. хлѣб. 4, мнѣн. о вольт. крест. 6, 7, нездоровье 10, 11,

017*

- отз. объ англ. полит. 12; 13; хозяйство, 14 отз. о министр. 16 лошади 28, карт. игра въ Москвѣ 29; 30 христова секта 34, отз. о книг. Дашк. 37; 44, 50, 51, 53, смерть В. Зубова 53—54; 55, опис. узда 56—57; 61, 62, 64, 65, чума въ Грузіи 66, отз. о Державинѣ 68, сем. дѣла 73—74, придвори. вѣсти; 80 палатка 87, 101—102, Аустерлицъ 105—106, состояніе Россіи 110, записка Θ. В. о 1812 годѣ 115—120; путешествіе 121—140; конч. имп. Ал. Павл. и присяга Коист. Павловичу 141—144; 276, отзывы о немъ 278, 279 отнош. къ Н. М. Карамз. 282, 283.
- Редклифъ, лордъ, англ. пос. въ Коист. 014, 015, 019.
- Рени, сел. 028, 0137.
- Рено, франц., камерд. станціонн. смотр. 126.
- Репнинъ (Н. В.) кн. 2 (66)
- Решидъ-паша, тур. мин. индѣль 016.
- Ржевская Розалія, граф. разгов. съ в. к. Коист. Павлов. 251—252.
- Рига, гор. 124, 126, 291.
- Римскій-Корсяковъ, его ссоры съ Салтыков. 12, 17, 20; 47.
- Римъ, гор. 87.
- Рифатъ-паша, тур. мин. индѣль 013, 016.
- Рихтеръ, берлин. докторъ 58.
- Ришелье, герц. 80, 82, 85, 86.
- Рожерсонъ, д-ръ 52.
- Рожецкій, польск. ген. 247.
- Россевагъ, сел. 080.
- Россетъ, д-ръ 083.
- Ростовъ (на Дону) гор. 0210, 0211.
- Рошеоръ, крѣп. 93.
- Рубенсъ, худож. 226, 227.
- Ругенталь, дер. 30.
- Румелия, 62.
- Румицевъ Никол. Петр., канцл. 92. 259—260. отнош. къ А. Л. Нарышк. 271; 289.
- Румянцевъ-Задунайскій П. А. фельдм. 2 (17) (70) 03.
- Румицевъ Серг. Петр., гр., его проектъ о вольн. хлѣб. 4; его побужденія 6, 9, (29) (80) 92.
- Руссо Ж. Б., его стихи 234.
- Рушукъ крѣп. 025, 029, 041, 042, 058, 064, 0121—0123, 0143, 0223.
- Рылѣевъ Коид. Фед., его письма 217.
- Рымникъ, сел. 0134.
- * * *
- Сабашинскій полк., уч. въ кр. войскъ 0231.
- Савойя, 234.
- Сакенъ, Карлъ, одинъ изъ гуверн. Ал. I, 53.
- Саксонія и Саксонцы, 135.
- Саллосъ, ген.-лейт., формир. батальонъ волонт. 060—062.
- Салтыковъ, кн. Александръ Никол., его стихи на Козодавлева, 239.
- Салтыковъ, Ив. Петр., гр., его ссоры съ Корсак. 12, 16. (моск. главно-ком.) 17; выговоры, 24. 27. 37. 45. 47; отставка, 48. 68. 112—113.
- Салтыковъ, кн. Николай Ив., одинъ изъ воспитателей Ал. I, 53. 112.
- Самсуиъ, гор. 027.
- Сапунъ-гора, 0176, 0177, 0186, 0190, 0193, 0194, 0203—0206, 0230.
- Санѣга, кн., его остроум. 249.
- Сарадиннаки, балка 0177.

- Саратовская губ. 219.
 Сардамъ, гор. 227.
 Сардинскій король, 62.
 Сатуново, сел. 022.
 Свѣчина, г-жа, ея замѣч. о Польшѣ, 248.
 Свѣчинъ, дир. арт. корп., отз. о немъ Ѳ. В. Растопч. 72, 81, 102.
 Сегюръ гр. посолъ 285.
 Сегюръ, гр., внукъ гр. Растопч. 120,
 Сей, политико-экономъ, 214.
 Село Красное, 22.
 Сельванъ, ген.-лейт., уч. въ вост. в. 095; его смерть, 096, 097, 098; похороны, 099, 0108.
 Семеновскій полкъ, его исторія, 149.
 Сентъ-Арно, фр. марш., главноком. въ вост. в. 081, 0117, 0118; планы войны 0119, 0120; 0121, 0122., отз. объ Омеръ-пашѣ, 0129; 0130, 0137, 0148, его дѣйствія 0149, 0150; 0165, 0174, его характер. 0175, 0176, 0182.
 Сентъ-Эленсъ, лордъ сопровож. Ек. II въ ея путешест. 285.
 Сень-Сяръ, марш. 117.
 Сербія, 058.
 Сербы, 036; пред. Россіи 058; волонтеры 060, 062, 0104.
 Сергіевская пустынь 54.
 Серетъ, р. 081, 082, 092, 0115, 0128, 0134.
 Сержпутовскій, ген.-лейт., нач. русск. арт. въ вост. в., его характер. 038, 051, 0125, приб. въ Крымъ 0239.
 Сибирь 154, 168, 05.
 Сивазъ, гор. 027.
 Сиверсъ, Джюлид., его просьба къ Ал. I 10.
 Силезія 105.
 Силистрія, крѣп. 70, 022, 042, 058, 067, 079—082, 084—090, 092, 094, 0101—0105, 0107, 0110—0119, 0121, 0122, 0137, 0143, 0144, 0146, 0148, 0183, 0208.
 Симферополь, гор. 0149, 0159, 0162, 0163, 0166, 0167, 0174, 0177, 0210—0213, 0217, 0219, 0222, 0235, 0140—0242.
 Синоупъ, сел. 036.
 Сипягинъ, ген., его альбомъ 266.
 Сирія, мятежъ 0129.
 Сисмонди, пол.-экон. 214.
 Систовъ, сел. 065.
 Скрепетулъ, сел. 049.
 Скуляны, сел. 025, 0140, 0153, 0154.
 Скутари, предм. 0120.
 Славяне, ихъ отнош. къ Австріи 036, 037; 062, 075; ихъ наван. къ Турк. 0143.
 Слатинъ, гор. 054, 099, 0101) 0119.
 Слободзей, мѣстн. 065, 0114, 0124, 0144.
 Смирна, гор. 8.
 Смирновъ, свящ. 52.
 Смитъ, 75.
 Смоленская губ. и Смоленскъ 72, 96.
 Соимоновъ, ген.-адъют., уч. въ вост. в. 041, 0122, 0123, 0130, (ген.-лейт.) крым. война 0194, ошибки и раны 0195-0201, 0203, 0223, 0230.
 Сокольники 77.
 Соломонъ Имеретинскій царь 50.
 Солнцевъ, 260.
 Софія, гор. 0119, 0121.
 Спа, гор. 54.
 Сперанскій, гр. Мих. Мих., чл. ком. 6 дек. 1826 г. 158; его записка 159—165, 166, 172, 173. стихи на него 268.

- Стакельбергъ гр., отз. о Марковѣ 295.
 Сталь m-me 137.
 Станиславъ, кор. пол., пребыв. въ Россіи 272.
 Стенбокъ, гр. его проектъ улучш. быта кр. 145—146.
 Стирбей, валахскій кн. удал. за границу 043, 083.
 Стокгольмъ, 282.
 Странгвейсъ, англ. ген. уб. подъ Севаст. 0204.
 Страховъ, тайный сов. 72.
 Страховъ, помѣщ., его исторія, 95.
 Строгоновъ гр. П. А. 4. (100) (106).
 Строгоновъ, гр. Александръ Григ. чл. госу. сов. 172. упр. мнн. внутр. дѣлъ и чл. ком. 1839 по кр. дѣл. 178; чл. ком. 1840 г. 183.
 Стрѣлецкая бухта 0176. 0177.
 Стрѣльна, 121.
 Стюартъ лордъ, англ. диплом. 295.
 Суворовъ, кн. Александръ Вас. фельдм. 20. 43. 70. 89. 246; его письма 253; 03. 031. 033. 041. 073. 092; воспом. о его по-бѣдахъ 0134. 0192. 0198.
 Сулинъ, сел. 060.
 Сумароковъ, Александръ Петр. его стихи 234. 236. 237. 246.
 Сухаревъ, подполк. 0166—0167.
 Сушковъ, сенат. 72.
 Съверная бухта, и укрѣпл. 0159. 0167. 0176. 0183. 0189. 0196. 0201. 0202.
 Сюли, фр. мнн. 252.
 * * *
 Таврида, 9.
 Таврическая губ. 0180, 0211, 0216, 0217.
 Таганрогъ, гор. 141—143, 0211.
 Талызина Тат., въ замуж. Гедеонова 57.
 Тамара 18.
 Тамбовъ, гор. 234.
 Танъевъ, ст.-секр., чл. комм. 39 г. по кр. дѣл. 178.
 Тарасовъ, мел., присут. при конч. Ал. I-го, 143.
 Тарутино, сел. 0127.
 Татары, 98.
 Татары Крымскіе, 0171, ихъ измѣна 0179—0182, 0212.
 Татищевъ Ник. Ал., его отставка 15.
 Тверь, гор. 117, 276.
 Тегеранъ гор. 0208.
 Тезлуй, р. 0100.
 Текучъ, сел. 089, 0139, 0140.
 Теплицъ, гор. 136—139.
 Терекъ, р. 2.
 Тильманъ, саксон. генер. 130.
 Тильхія, о-въ на Дунаѣ, 0107, 0111.
 Тимофеевъ ген.-м., его вылазка изъ Севаст. 0202.
 Тирасполь, гор. 0137.
 Тираль, 105.
 Титовъ, рус. посл. въ Турц. 011.
 Тифлисъ, гор. 2, 3, 10, 11, 28, 37, 51, 64, 71, 90, 93.
 Тотлебенъ, ннж.-полк., участв. въ крым. войнѣ 0167, 0182, отз. о немъ Ушакова 0183; 0226.
 Токать, гор. 027.
 Толстой, гр., его преб. въ Ганнов. 104, 142, (член. ком. 6-го Дек. 26 г. 158).
 Толстой, (Американецъ) 234, отз. о немъ 256; анекдоты 257, 258.
 Толь гр. квартирм. русск. арм. въ 1812 г. 117, (0157)
 Тончи живод. 74.
 Топъ-Манай, сел. 0229.

- Торсуковъ, (письма Раст.) 4, 74.
Тосна, сел. 123.
Трансильванія, 021, 037, 074, 085, 087, 0127, 0147.
Трапезонтъ, 027.
Треби, 033.
Тредьяковскій, его стихи 289, 290.
Трошинскій, его оппоз. въ Сенатъ 4, (97) (112).
Трубецкой, князь, ген.-прок. 224.
Тугутъ, мин. 99.
Тула, г. 27, 57.
Тулонъ, 0122.
Тульская губ. 56.
Тудьча, крѣп. 072.
Тургеневъ А. И., посѣщеніе Магницк. 268.
Тургеневъ Н. И. отз. о немъ Пушки. 212.
Туринъ, гор. 233.
Туркманчай, сел. (миръ) 06.
Турно, сел. 054, 056, 085.
Турньеръ, 141.
Туртукай, кр. 029, 032, 054, 065, 067, 0114, 0131.
Тутолминъ, д. т. с., чл. особ. комис. по кр. вопр. 169, его мнѣніе 172, 173.
Тучковъ, ген. 98.
Тучковъ, т. сов. чл. комм. по кр. дѣл. въ 39 году 178.
Тыртовъ, Е., біографъ Я. Ѳ. Долгор. 226, 227.

Убри, руск. пос. въ Парижъ 61.
Уваровъ гр., чл. комм. 40 года 183.
Уваровъ Ѳ. П. ген.-лейт. 16—18, 26, 256, его похороны 273.
Угличъ, гор. 78.
Ур.... кн., испр. должн. Яскаго. воен. губ. 035.
Урусовъ кн., уч. въ Крым. войнѣ 0228.
- Урзичены, сел. 0124.
Ушаковъ Ал. Ив., ген.-лейт., участв. въ вост. войнѣ 067, 071, 072, 078, 080, 081, 0122.
Ушаковъ Ник. Ив., ген.-адм., свид. о немъ 02; его сочин.: производство 023—024, мнѣнія о войнѣ 032—033, назнач. деж. ген. 034, свид. съ кн. Ур., 035, разг. съ Горчак. 036—037, осужд. его 042, заботы о ранен. 054,—055 бат. волонт. 060—061, 070, вст. въ Мачинъ 075—076, его пѣсни 078—079, разговоръ съ Паскев. 083, 087—088, встрѣча съ Лобановымъ 089; рана фельд. 0106—0107, навѣщ. траншеи 095, заст. за Болгаръ 0113, участв. въ ком. отступл. 0125, мнѣнія объ отступл. 0127—0130, опасенія за Крымъ 0135, трудности похода 0137—0138, 0139, 0142, замѣч. о вост. войнѣ 0143—0145, мнѣнія объ осадѣ Севаст. и безд. Менш. 0152, Альбиск. сраж. 0153—0164, движ. къ Бакчис. 0169—0137, 0178, 0179, 0181, отз. о Меншик. 0208, безпорядки въ Севаст. 0210—0223, характ. гр. Сакена 0223—0224, пріѣздъ въ Севаст. 0239, положеніе города 0240—0242.

Ферте дела, герц., анекд. о немъ 234.
Филаретъ, митр., его пропов. 270.
Фили дер. 117, 120.
Филиппъ IV, исп. кор. 233.
Финляндія 15, 47.
Фитингофъ граф., участв., въ эрмитажн. собран. 284.
Фишбахъ фонъ, ген.-лейт., участв. въ вост. войнѣ 056, 0100.
Фишеръ д-ръ 130.

- Фокшаны сел. 035, 081, 082, 084, 086, 089, 0133—0135, 0137, 0139, 0140.
- Фонтанъ-Банулудъ сел. 046, 047.
- Фонъ-Визинъ, его комедія 223.
- Fogcade, его книга о вост. войнѣ 012.
- Форе, франц. дивиз. нач. 0119, 0176.
- Франкфуртъ на М. 32, 41, 48.
- Францъ, имп. австр. 102, 106, 137.
- Фратешти сел. 0123, 0126, 0127, 0130—0132, 0137.
- Фрезъ, моск. докт. 30—31.
- Фридрихъ Великій, слово его подъ Лейтен. 35; 37, 127, 134, покров. Вольтеру 217; 275.
- Фридрихъ Вильгельмъ I-й, кор. пр. 127.
- Фридрихъ Вильгельмъ III кор. пр. 12, 62, 65, 79, 80, 87, 102, 104, 105, 108, 135.
- Фроловъ ген.-ад., ген.-квартирм. въ свитѣ Паскевича 083.
- Фуадъ-Эфенди, тур. мин. ин. дѣлъ 013.
- Фульо, подкупл. агентъ 294.
- * * *
- Халецкій, ген. убитъ въ крымск. войну 0191.
- Халчяскій, д. с. с., русск. конс. въ Букар. 043.
- Ханьковъ Дмитр. Викт., Тульс. помѣщ. игрокъ 56—57.
- Харахоринъ Пет. Фед., фельдъ-ег. 21, 23, 65, 66.
- Хвостовъ, гр., замѣч. о его стихахъ 221, 290.
- Хемницеръ, басноп., замѣч. о немъ 220.
- Херасковъ, его сочиненія 224—225.
- Хереско, начальн. валахск. войскъ въ вост. войну 0131—0132.
- Херсонъ, и Херсонск. губ. 017, 073, 0174, 0181, 0182, 0184, 0185, 0208, 0211, 0214, 0216.
- Хива, гор. 05.
- Хитровъ, бѣлевскій городничій 56.
- Хованскій, кн., ген.-губер. (бѣлорус.) 156, 157, (его вечера 283)
- Хозревъ-паша, тур. сераскпръ, покров. Омеръ-паша 0128.
- Хомутовъ, ген.-ад., уч. въ кр. войнѣ 0166.
- Хотинъ, крѣп. 70, 0116.
- Храповицкій, ст.-секр. импер. Екат. II. 238.
- Хрулевъ, ген.-лейт., участь въ вост. войнѣ 090, 0105, 0112, его рана 0123, уч. въ кр. войнѣ 0227—0229, вылазка 0237.
- Хрущовъ, родствен. гр. Минихъ 81.
- Хрущовъ, ген.-м., уч. въ кр. войнѣ 0231.
- Хршановскій, польск. ген. тур. войскъ 0128—0129.
- * * *
- Царьградъ, 9, 28.
- Цейлонъ, о-въ 93.
- Циціанова Ел. Мих., кн. 1, (106)
- Циціановъ Дм. Евс. кн. 18, его рассказы 24, 26, 30, 36, 64, 81, 90.
- (Циціановъ) Дм. Егор. 64, 79, 90, 98, 102, 105.
- Циціановъ Дм. П., отецъ Пав. Дм. 1.
- Циціановъ, Ег. Дм. (его книга) 1. (36) 96.
- Циціановъ Ив. Дм., кн. 97, 106.
- Циціановъ Мих. Дм. кн. 8, 71, 82, 106.
- Циціановъ Пав. Дм., кн., свидѣнія о немъ 1-3, письма Ф. В.

Раст-а: награда 5; 11 зависть придворныхъ 21, трудности военной службы 25; 33 взятіе Гаяжи 35, успѣхи въ Имеретин 50, безпокояства 59 — 60, 61; московск. слухи 64, чума въ Грузіи 66, неудачи подъ Ериванью 70, болѣзнь 84, успѣхи 96, пожалованіе аренды 111.

Цхинваль, аулъ 82.

Цюрихъ, гор. 6.

* *
*

Чаплицъ, ген. замѣч. о немъ 250.

Чарнеръ, англ. адм., уч. въ кр. войнѣ 0150.

Чарторижскій Ад., министръ индѣль при Алекс. I, 37, 41, 51—52, 78, 80, 86—87, полож. его при дворѣ 91—92, 102, усиленіе 106, получ. табатерку 108, 112.

Чарторижскій Ад. (старикъ) 258—259.

Черкасскъ, г. 27.

Черная, рѣка 0160, 0172, 0177, 0191, 0194.

Черноводы, сел. 082.

Черногорцы, 036, 037, ихъ возстаніе 0129.

Черное море, 117, 06, 011, 012, 014, 027, 028, 0147, 0148, его карта 0151; 0222.

Чернышевъ, Ал. Ив. ген.-ад., его портр. 134, 142, чл. ком. 40-го г. 183, чл. ком. 48-го г. 195.

Чернышевъ гр., устройв. Лип. воды 54.

Чертковъ, Евграфъ, его вспльчив. 284.

Чесменскій, его машина 19.

Четаль, о-въ 071.

Четати, сел. 045, 046, дѣло при немъ 047—050, 052, 054, 055, 078.

Чечня, 027.

Чжчаговъ, адм., отз. о немъ Ѳ. В. Растопч. 51, 78, 80, отъмы о Россіи 281, стихи 296, команд. Молд. арміи 024, 025, 0207.

Чячеринъ, 16.

Чоглокова Вѣра Ник. 83.

Чоргунъ, сел. 0172, 0184, 0186, 0190, 0193, 0202—0203.

* *
*

Шамиль, предв. Горцевъ 027.

Шапошниковъ, подполк., участв. въ вост. войнѣ 041.

Шараево, сел. 082.

Шатобрианъ 293.

Шатовъ, его стихи 219.

Швабія, 105.

Шведскія дѣла, 9.

Шведы, 67.

Швейцарія, 41, 48, 72, 89, 179.

Швеція, ея отнош. къ Россіи 12, 18, 124, 0221.

Шевардино сел. 0159.

Шекспиръ 217, 280.

Шепелевъ (Дм. Дм) 4, 258.

Шереметевъ Алекс. Влад., его смерть, 24.

Шереметевъ Бор. Петр., похв. слово ему 227.

Шереметевъ, гр., его музыка 89.

Шильдеръ, ген.-ад. участв. въ вост. войнѣ, его характ. 063, 064, амбразуры 065, 066, 070, его работы 088, 091, энергія 093, 094, 095, 0102, смерть его 0108, 0109, 0183.

Шиповъ Серг. Павл., сенат., ген.-ад., его зап. о крестьян. реформѣ 196—202.

Шипковъ, его переводы 220—221, чтеніе маниф. въ 1812 г. 115, столкн. съ Дмитр. 240, 269, 280.

Шлегель, герм. критикъ 234, 235.

Шнаубертъ, д-ръ 283.

Шрейдеръ, инел., учитель С. Ө.
Растопчина 102, 103.

Штофрегенъ, врачъ имп. Елиз.
и Алекс. I-го 143, 144.

Шуваговъ Ив. Ив. 99, сопро-
вожд. Екат. II въ ея путеш.
284—285, 286, 287.

Шумла, кр. 080, 081, 093, 0103,
0104, 0110, 0117—0122, 0143.

* *

Щербатовъ, кн., подносятъ ему
шаръ 45.

* *

Эльба, о-въ 127.

Эльбингъ, гор. 130.

Эминъ, финлянд. губер. 47.

Энделиусъ, д-ръ. 40.

Эспинасъ, ген., начал. франц.
экспедиц. въ Добруджу 0137; 0148.

Эссенъ, посл. въ Голл. 96.

Эстляндія, ея мѣстность 124;
155.

Этрурская, королева 46.

* *

Южная бухта и укрѣпл. 0176—
0177.

Д'Юксель, марш. анекд. о немъ
234.

Юнгъ Арт., сынъ известн. писа-
тели, его занятія въ Росс. 100.

Юсуповъ, кн. 27. 141.

Юсуповъ Ник. Бор. кн., отз. о
Сумароковъ 236; 252. 286.

Юсуфъ-Ага, 28.

* *

Ямбургъ, гор. 123.

Ярославль гор. 269.

Яссы, гор. 012, 025, 035, 043,
053. 0107, 0109, 0115, 0132,
0134, 0137, 0139—0172.

* *

Теодосія, гор. 0135, 0136, 0166,
0174.

Федоровъ полк., уч. въ кр. войскъ
0193.

Фелюхина гора, 0205.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано</i>	<i>читать:</i>
9	св. 21	а	я
16	сн. 7	вогъ.	погъ.
20	св. 15	о	и
22	сн. 6	Бринкиѣ,	Бринкеѣ,
44	— 9	хорота	хороша
36	— 2 и 3	Головина, сестра кн. Голицына	Головина сестра, кн. Голицына.
46	св. 10	смѣтно	смѣшно
78	— 3	упс	упе
98	— 3	преклонить	приклонить
113	св. 4	ѣды	ѣды
114	— 5	воцаренія	воцареніи
117	— 7	въ	съ
124	— 3	заплесневою	заплеснѣвелою
—	— 15	Геркулосовъ	Геркулесовъ
125	— 13	одна—	одно—
136	— 11	оконечность	оконченность
141	сн. 14	Бальзамированіемъ	Бальзамированіиѣмъ
183	сн. 20	отдавать	отдавати
186	— 7	губерніи	губернии
187	св. 7	опору	опорою
195	— 7	государственныхъ	государственныхъ
199	сн. 2	предводителю	правителю
202	— 2	неблагоразумно	неблагоразумно
—	сн. 5	враждебное	враждебно
203	св. 12	Ноября	Ноября
—	сн. 6	будеть	будутъ
205	— 6	сильнѣшій	сильнѣйшій
214	— 19	младенствующимъ,	младенчествующимъ
217	св. 11 и 12	напря-	напря-
223	сн. 11	Крылова женіе	Бняжнина женіи
224	— 2 и 3	вторепенныя	вторепенныя

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано</i>	<i>читать:</i>
233	св. 4	но догадливый	недогадливый
—	сн. 1 и 2	ко- торую	ко- торое
234	св. 11	да	да
237	сн. 4 и 5	кото- рое	кото- рые
245	— 9	скрыпцѣ	скрыпцѣ
254	сн. 4	тарекли	тарелки
259	св. 17	умѣренный	умѣренный
260.	сн. 9	къ	съ
264	— 13	Князь Михель	Князь. (Михель
—	— 8	Е.	В.
271	сн. 6	à-reu-pré	à-reu-près
289	св. 17	приближенныхъ. Все	приближенныхъ. — „Все
290	— 13	Наперстничество	Наперстничество
018	— 10	возволнованный	взволнованный
022	— 11	ни	на
029	св. 18	внезапною	внезапною
0142	сн. 9	Севостополя	Севостополя
044	св. 17	червонецъ	червонецъ
047	— 5	командиры	командира
049	— 10 и 11	Ба- умгартенгу	Ба- умгартену
055	св. 6	оботелся	обошелся
—	— 11	не допускаемымъ	недопускаемымъ
056	сн. 18	казаковъ,	казаковъ
066	св. 18 и 19	напріятель- скими	непріятель- скими
068	— 6	усилна	усилена
069	св. 3 и 4	Горчако- кову	Горчако- ву
—	— 12	генералъ	генералъ
070	— 1	Переправа	Переправа
071	— 19	заложенія	заложеніи
079	сн. 8	сложуть	сложить
084	— 7	въ	къ
088	— 14	Силитрин	Силитрин
—	— 2	Высочайшее	Высочайше
089	св. 6 и 7	гос- пителей	гос- питалей
0105	— 7	распространяется	распространяется
0106	сн. 8	рекогносцировка	рекогносцировка
0108	— 6 и 7	Бухмей- ру	Бухмей- еру

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано</i>	<i>читать:</i>
0114	св. 13	солдатскіе,	солдатскіе
—	— 16	рогъ	рогъ,
0120	— 7	возратился	возвратился
0121	— 6	предринять	предпринять
0122	— 19 и 20	ге-	ге-
		гераль	нераль
0126	— 13	рекогносировка	рекогносцировка
0130	— 3	нѣбудь	нибудь
0133	св. 12	бригады	бригады
0148	св. 13	умъ	умъ
—	— 19	Эспипаса	Эспинаса
0150	св. 11	Генузскаго	Генуэскаго
0151	— 12	подполковника	подполковникомъ
0152	— 17	предпримчивыя	предпримчивыя
0158	— 1	битвы	битвы
0175	св. 15	всегдашею	всегдашнею
0195	— 8	Сеймонова	Соймонова
0198	— 18	поверхостныя	поверхностныя
0206	— 5	перекопали	перекопали
—	св. 7	заботься	заботиться

Томъ V. Письма Императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ.—Проектъ кн. М. Н. Волконскаго о учшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ.—Бумаги князя Н. В. Репнина.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе Императрицы Екатерины II.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ Императору Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено Е. И. В. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе Императрицы Екатерины II.—Бумаги кн. Н. В. Репнина.—Записка князя А. А. Черторижскаго, 26 Іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400-тъ преимущественно собственноручныхъ бумагъ Императрицы съ 1744 по 1764 г. включительно).

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи о сочиненія проекта Новаго Уложенія. Часть II.

Къ каждому тому приложенъ Азбучный указатель собственныхъ именъ.

Цѣна первымъ двумъ томамъ по два рубля, а послѣднимъ шести по три рубля. Иногородные прилагаютъ за пересылку каждаго тома за три фунта по разстояніямъ (цѣны означены въ календаряхъ)

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЪКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

издаваемый П. Бартевымъ.

(издателемъ Русскаго Архива).

Въ первой книгѣ этого сборника помѣщены между прочимъ:

1. Біографія Е. А. Годовина, соч. Ю. В. Толстаго.
2. Записки Н. В. Басаргина.
3. Записки о духовномъ союзѣ Татариновой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника *Боровиковскаго*.
5. Записка князя *Грабе-Горскаго*.
6. Новые автобиографическія показанія *Мамычукаго*.
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, *Д. П. Софцова*.
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рылѣва, статьи и воспоминанія о немъ
10. Письма Рылѣва къ Пушкину и Пушкина къ Нащокину.
11. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной.
12. Обзорніе жизни и царствованія императора Александра Павловича *Н. В. Путяты*.

Цѣна первой книги „XIX Вѣка“—три рубля пересылка за 3 фунта по разстояніямъ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГѢ ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ

ТРИ РУБЛЯ.

Иногородные обращаются въ Москву (Мясницкая № 7) къ издателю П. И. Бартецеву и прилагаютъ на пересылку за три фунта, смотря по разстояніямъ.

Книги XVIII Вѣка съ азбучными указателями, для справокъ.

1-я (516 стр.) цѣна 2 р. 50 к.

2-я (592 стр.) » 3 » — »

3-я (500 стр.) » 3 » — »

4-я (536 стр.) » 3 » — »

Пересылка по три фунта за каждую книгу.

Можно получать XVIII и XIX Вѣка вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1872 годъ, не платя ничего за пересылку, по цѣнѣ:

Русскій Архивъ съ первыми четырьмя книгами XVIII Вѣка—16 рублей.

Русскій Архивъ съ первою книгою XIX Вѣка 10 руб.; съ первою и второю, 12 рублей.

